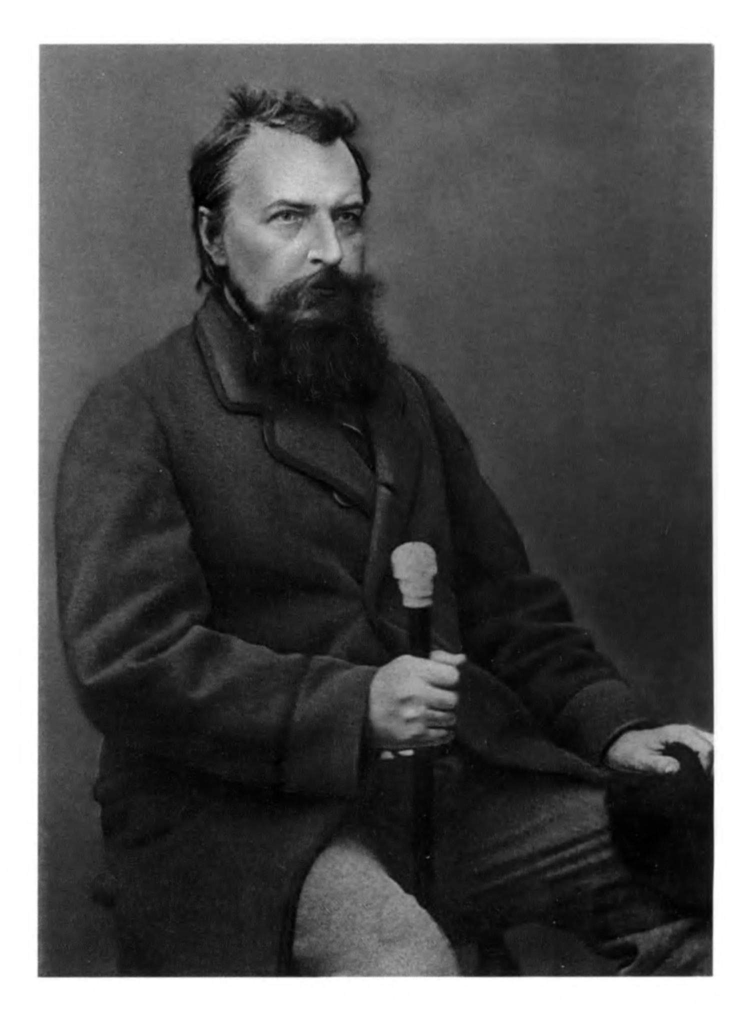
АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

ПИСЬМА

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

ПИСЬМА

Ап. ГРИГОРЬЕВ.
Фото начала 1860-х годов.
Петербург

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

ПИСЬМА

Издание подготовили
Р. ВИТТАКЕР, Б. Ф. ЕГОРОВ

МОСКВА
«НАУКА»
1999

УДК 820/89
ББК 84
Г 82

Ответственный редактор
И.Г. ПТУШКИНА

ТП-98-II-№ 296а
ISBN 5-02-011678-5

1842

1. С.М. СОЛОВЬЕВУ

20 декабря 1842. Москва

Москва. 1842 г. Дек. 20.

Но в день печали, в тишине
Произнеси его, тоскуя,
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я[1].

Друг мой, брат мой! мой милый, мой добрый Сергей!

Благодарю тебя, тысячу раз благодарю тебя за твои письма… Помнишь ли, ты говорил мне, что ты скоро выйдешь из моей памяти… Ты говорил это в желчную, эгоистическую минуту, не веря сам себе. Как будто ты сам не знаешь своей силы над твоим творением. Да! я – твое творение, с гордостию скажу я, что я твое творение, что вся лучшая половина моего бытия создана *твоим* влиянием да, может быть, еще влиянием женщины[2], которое ты же предвозвестил мне. И меня не оставило твое магнетическое воздействие, ты так же со мною, как со мною и с тобою Христос; знаешь ли ты, что я считаю обязанностию давать тебе отчет в моей жизни, что твоего голоса боюсь я, как голоса Божьего суда, каждая мерзость становится мне еще тяжелее, когда я подумаю, что *тебя* оскорбит она… Прости мне эти глупости, брат мой, но это так, перед Богом так, и в загробной жизни это для тебя будет ясно… Видишь ли – я все тот же, все тот же, то же радует, то же волнует и мучит меня… А ты далеко, далеко… Но слава Богу! ты здоров, ты даже весел; о, ради Бога, не умирай там, ради Бога, будь здоров и весел. Будь все таков же – но к чему это желание? Бог и Его святые Ангелы охранят твою светлую природу… Да! то, что ты пишешь мне о парижском католицизме, меня подрало морозом по коже: я не знаю Равиньяна, даже по слуху не знаю – но я не встречал ничего выше учения Ботена, и никто не производил на меня такого глубокого и примирительного действия. Надобно тебе сказать, что я с жадностию бросился на всех мистиков, каких только нашел у нас в библиотеке, и особенно на Бёма; результатом этого было убеждение, что мистицизм так же почти далек от Истины Христа, как и Пантеизм, что поклонение внутреннему миру *человека* оставляет в душе ту же пустоту, как и поклонение миру внешнему. Тогда *явился* мне *Bautin* с его выводом от *данного*, с идеалом вселенской церкви, с идеею смирения и любви. Я читал его на дороге к Св. Сергию[3], больной, расстроенный многим и многим. И ему, и снова восставшим положениям твоего мышления обязан я такими святыми минутами страдания и верования, которых очень немного в моей темной жизни… И это был, кажется, послед-

ний религиозный процесс для меня. Для меня стало так ясно твое положение, что христианство можно т⟨олько⟩ проповедовать, а не доказывать. Вот и теперь, занимаясь Баадером, я удивляюсь добросовестной близорукости Степана Петровича, дающего ему имя "*христианского мыслителя*". Как только человек вздумает употребить земные сравнения для доказательства христианства – оно лишается своего божественного света. Так у всех. Мистики с их любимыми *светом* и *тенью*. Под ними они *хотели бы* разуметь совсем нечеловеческие понятия, но, между тем, даже против воли своей увлекаются, и *благо, свет* человеческий закрывают от них Христа. И выходит старая погудка на новый лад, тот же тибетский мистицизм и квиетизм. Отсюда, мне кажется, происходит и то, что все эти господа *знание* считают высшею потенциею – и скорей (как Baader) готовы смотреть на христианство как на момент, нежели признать его плебейский характер, его *вседоступность*.

Но будет! И так уже ты хохочешь от души, я думаю, над моими постоянными и нескончаемыми штуками. Вечно один и тот же.

Все *мои*, слава Богу, здоровы. Мы говорим о тебе так часто, что тебе, должно быть, нередко икается. Начинаю обо всех по порядку: 1.) *Фет*. Пишет, ленится, похабничает, переводит несносную "*Герман и Доротея*"[4], которая только немцам может доставить наслаждение, издает свои стихотворения и проч. в этом же роде. Кланяется тебе. 2.) *Леонтьев* коптит над частицами: больше сказать о нем нечего. 3.) *М.П. Погодин*. Сказывал мне, что видел тебя в Notre Dame (Notre Dame!.. Друг мой – кланяйся от меня ее башням и за *меня* поклонись ее Поэту[5]). Определил меня в Общество[6]: он все болен, бедный. Да! скажу тебе вот что: его преемником граф[7] назначает, говорят, *Калачева*[8] (?!? –). 4.) *М.Ф. и М.М. Сухотины* просили меня кланяться тебе. С ними у меня была вот какая* история. Я познакомился с ними у Толстых[9], которые, мимоходом сказать, во мне души не слышат, как говорится. Потом М.Ф. просил меня заниматься с его сыном юриспруденцией (на языке старика это значило – зубрить с ним лекции). Я отрекся от сего, он просил опять, и так продолжалось до** трех раз. Наконец, я формально объявил, что если он хочет, то я буду читать с ним (т.е. со студентом-то) *Философию права* и *Историю философии вообще*. Таким образом, я сделался полным твоим наследником. Вот и читаем мы с ним *Гегеля* и *Kixner'а* и смеемся вместе над принципом: Was ist wirklich, ist vernunftlich*** [10] – и в этом-то только и все мое значение. Гегель ругался сам всенаинепристойнейше – отчего же и над ним не ругаться. 4.)[11] *Студитский*; пишет архиглупейшие повести. Кланяется тебе. 5.) Еще просила меня поклониться тебе одна особа, от которой ты даже не ждешь поклона, потому что ты видался с ней только у меня. 5.) *Смирнов*. Странная история вышла у меня с Смирновым. Потерявши все грешное терпение с его неистовствами, я наконец прямо написал к нему, что он де не ребенок, что пора де ему оставить печоринствовать. Разумеется, поток фраз облил меня от головы до ног, и до сих пор еще я вовлечен в неуместную и скандальную проповедь в пустыне. Но может быть!.. По крайней мере, высказавши ему истину один раз, я не оставлю этого так, хотя бы он публично смеялся над моим пиетизмом (что уже он и делает). 6.) Теперь у нас в Москве – немецкая опера. Я испол-

* *При переходе на другую страницу в автографе повторно*: у меня

** *Далее вычеркнуто*: троякого

*** Что действительно, то разумно (*нем.*).

няю наши предначертания, и хотя один, без тебя, но хожу только в галерею и не иначе, как в галерею. Видел ли ты "*Роберта*" в Париже – и каков Лаблаш в роли Сатаны? Мне кажется, выше *Ферзинга* нельзя себе ничего представить...[12]

Мне грустно без тебя, брат мой, – одинок, решительно одинок стою я с моими воззрениями на жизнь, с моими мечтами и верованиями, с моими вечными страданиями, закрытый от всех, решительно от всех... Я нашел даже особенное наслаждение в том, чтобы как можно более казаться не тем, что я в самом деле. Но так много прошедшего лежит за моею печальною дорогой, так много вечеров с тобою, так много лунных ночей под обаянием женского взгляда, так много любви и участия, так много жаркой веры в иную, светлую жизнь, где "*я познаю все яко познан бых*"[13]. Прощай, прощай – помни обо мне, помяни иногда меня в твоей молитве*, пиши ко мне. До свидания, старший брат мой! Будь здоров и весел

твой навсегда.

И прочее.

На обороте:

В Париж.

A Monsieur Solovieff.

A Paris. Fauxbourg Saint-Germain, rue St. Dominique.

No 54, chéz M-r le Comte de Strogonoff.

1843

2. В СОВЕТ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

18 августа 1843. Москва

Авг. 18

В Совет Императорского Московского университета

Служащего при Университетской библиотеке

кандидата юридического факультете

Аполлона Александрова сына Григорьева

Прошение.

Известившись об открытии вакансии секретаря в Совете Императорского Московского университета и желая занять эту должность, беру смелость утруждать Совет Университета прошением об определении меня к оной.

К сему прошению кандидат Аполлон Александров сын Григорьев руку приложил.

" " *Августа.*
1843-го года.

---

* *Далее вычеркнуто*: жалей по мне

3. ПОПЕЧИТЕЛЮ МОСКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА графу С.Г. СТРОГАНОВУ

6 сентября 1843. Москва

Черновое

Сентября 6. 1843.

Г⟨осподину⟩ попечителю
Московского учебного округа

Ваше сиятельство предложением [на имя г. Ректора] от 15 августа за № 2025 уведомили Ректора о назначении секретаря Университетского совета Назимова правителем канцелярии [Вашего сиятельства] Вашей и о предоставлении Совету избрать на его место другого чиновника. [на основании 97 и 98 статей Устава]

Об определении в должность секретаря Университетского совета подали прошения следующие лица:

1) Служащий в Университетской библиотеке кандидат Аполлон Григорьев.
2) Надворный советник Петр Малицкий.
3) Коллежский асессор Николай Пельт.
4) Губернский секретарь Алексей Головачев.

[По выслушании означенного предложения Вашего сиятельства и прошений г.] Ректор и члены Совета, руководствуясь 97 и 98 ст. Университетского устава, имели совещание об избрании в секретари Совета одного из показанных чиновников, желающих занять сию должность; но как гг. профессоры не согласились в своих мнениях, то г. Ректор предложил приступить к таковому избранию посредством баллотирования, по которому оказалось: из числа 30 присутствовавших членов, избирательных балов: у г. Григорьева – 21, у г. Малицкого – 18, у г. Пельта – 15-ть, у г. Головачева – 14.

О чем Унив⟨ерситетский⟩ совет [Университета] имеет честь донести Вашему Сиятельству и просить об утверждении[1] [на основании] секретарем Совета согласно большинству голосов кандидата Григорьева.

4. М.П. ПОГОДИНУ

Октябрь 1843. Москва

Милостивый государь
бесконечно уважаемый мною
Михайло Петрович!

Честь имею доставить Вам на два следующих номера "Москвитянина" – стихотворения Трисмегистова[1]. Только ради Господа Бога велите их переписать – ибо Баршев знает *его* руку по стихотворениям другого, уголовного содержания – а он, кажется, цензор…

Глубоко преданный Вам
А. Трисмегистов.

А все мне сомнительно, чтобы цензура пропустила: "Комету" и "Молитву"[2].

P.S. Еще одно: при свидании Вашем с Крыловым не говорите ему ничего о его

книге: он, как человек в высшей степени положительный и любящий говорить о том, что уже сделано, пожалуй, еще осердится на меня за то, что я выболтал его предположение – хотя, право, такая нескромность очень понятна в человеке, любящем душою науку вообще и юриспруденцию в особенности.

Кстати или некстати, как Вам угодно – вчера, приехавши от Вас, под влиянием еще разговора с Вами я был долго счастлив. Много веры в назначение поселяете Вы в меня – да воздаст Вам за это Бог. Долго я не мог спать от мысли о будущих четырех архи-неистовейших статьях моих для первой книги "Москвитянина" на 1844 год, а именно: 1) рецензии о книге Крылова, 2) рецензии стихотворений моего Фета – 3) статьи о настоящем состоянии философии на Западе – и 4) о немецком театре в Москве[3]. Великолепный план составился у меня для рецензии книги Крылова[4]: как-то выполнится?.. Статья о Фете в отрывках написана почти вся. Ранке пойдет своим чередом... Да – это все надолго, очень надолго сделает меня деятельным и счастливым. Еще раз благодарю Вас за теперешнее, лихорадочное состояние моей души, ибо́ лихорадка – счастие для *апологиста раздора*.

P.S. Письмо мое вчерашнее не было Вам доставлено, потому что в типографии еще не приготовили счета. Впрочем, все к лучшему: на словах мне удалось вчера точно так же объясниться с Вами.

1843–1844

5. М.П. ПОГОДИНУ

Ноябрь 1843 – февраль 1844. Москва

Милостивейший государь
Михайло Петрович!

Думая не застать Вас нынче дома – спешу, по крайней мере, донести Вам, что я действую теперь решительно на основании Вашего – *вперед* – и даже à tête perdue*:" через две или три недели я, кажется, держу экзамен[1], ибо граф[2] сказал мне, что *он* советует мне прежде кончить мои дела; а обещавшись не отступать ни шагу – я решился отвечать ему фактом. Между прочим, честь имею доставить Вам мое детище, которое я посвящаю Вам[3], как единому представителю старшего поколения, сочувствующему стремлениям поколения нового: пока – первый акт, хотя написано уже три: если Вы найдете его стоющим сколько-нибудь внимания, то – он тотчас же будет переписан для "Москвитянина", ибо теперь я нашел себе писца, который не изменит тайне. Статья о Фете готова и отдана переписываться; статья о будущем "семейственном праве" пишется[4], хотя теперь я должен перервать на месяц всякую литературную работу и готовиться *набело*.

С глубочайшим почтением
к Вам
Григорьев.

* очертя голову (*фр.*).

Если отчет из типографии к Вам еще не прислан, то уж этому виноват не я, ибо я посылал *два* и притом *письменных* требования.

На обороте:

Его Высокородию
Милостивому государю
Михайлу Петровичу
Погодину.

6. М.П. ПОГОДИНУ

Ноябрь 1843 – февраль 1844. Москва

Честь имею доставить Вам второй акт моей драмы или, другими словами, сделать на Вас нападение, чему виною, впрочем, Ваша снисходительность... Хотелось бы мне знать, пропустит ли цензура ее завязку на масонстве? Впрочем, масонство здесь чистый факт, субстрат высших нравственных убеждений, которые *сами* судят Ставунина, заставляя его сказать:

В монахи
Я не гожусь – мне будет так же душно
В монастыре...[1]

Не браните, ради Бога, за его личность – не на каждом ли шагу она встречается, более или менее, конечно... Это сознание о необходимости смерти, как единственной *разумной* развязки, тяготеет над многими, над иными как момент переходный, над другими как нечто постоянно вопиющее... и мне кажется, что это – момент высший в отношении к моменту апатии и Божественной иронии гегелистов, как самосуд, автономия выше рабства; рабство – тоже самосуд, но только исподтишка, при случае; рабство носит само в себе ложь на себя – самосуд сознает ложь себе признанием неумолимого Божественного Правосудия... Ему не достает только Слова Сознания...

Эти две лжи – рабство и самосуд – отражаются, как мне кажется, во всей истории философии вне Христа: 1) рабство, пантеизм – в лице известных представителей – 2) самосуд – в гностиках, в Бёме, даже в Лютере. Те и другие – лгут, одни отвергая Бога, другие – отвергая мир...

С такого момента глубокого аскетизма, аскетизма Сатаны, с *знания* без любви начинается процесс в душе моего героя. Слово Любви, Слово Ответа – для него в одном прошедшем; без него – он мертв. “Бывалый трепет”[2] чувствует он при встрече с этим прошедшим, но это трепет смерти, трепет мертвой лягушки от прикосновения гальванической нити... Отвратительное, но возможное явление...

Пока довольно: остальное философское развитие мысли позвольте пересказывать постепенно.

Глубоко преданный Вам
А. Трисмегистов.

Проклятый авторский эгоизм, неотгонимый даже мистицизмом, ждет Вашего суда, как ворон крови.

1844

7. РЕКТОРУ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А.А. АЛЬФОНСКОМУ

25 февраля 1844. Москва

Его Превосходительству
Господину Ректору Императорского Московского университета
От секретаря Совета Аполлона Григорьева
Прошение.

Имея надобность по домашним обстоятельствам отправиться в Санкт-Петербург, осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство не оставить Вашим распоряжением о снабжении меня надлежащим видом на 14 дней на проезд в Санкт-Петербург и обратно.

Секретарь Совета Аполлон Григорьев.

1844 года.
Февр. 25.

8. РАСПИСКА В ПОЛУЧЕНИИ ПРОЕЗДНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА

26 февраля 1844. Москва

Свидетельство, выданное мне с разрешения начальства, от ректора Московского университета на проезд мне в С.-Петербург сроком на четырнадцать дней с двадцать седьмого сего февраля за № 182-м получил.

Секретарь Совета Григорьев. 1844 года февр. 26.

9. РЕКТОРУ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А.А. АЛЬФОНСКОМУ

2 марта 1844. Санкт-Петербург

Его Превосходительству
Господину Ректору Императорского Московского университета
От секретаря Совета Аполлона Григорьева
Прошение.

Не находя возможности окончить дела мои в Санкт-Петербурге в продолжение 14 дневного отпуска, вторично осмеливаюсь беспокоить Ваше превосходительство и прошу исходатайствовать мне продолжение оного еще на 14 дней.

Секретарь Совета Григорьев.

1844.
Марта 2.

Как подачу просьбы моей, так и получение продолжения моего отпуска, вверяю г. студенту философского факультета 1-го отделения IV курса Афанасию Фёт.

10. В ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

21 марта 1844. Санкт-Петербург

В Правление Московского Императорского университета
От секретаря Совета Аполлона Григорьева.

Покорнейше прошу Правление Университета не оставить распоряжением о выдаче следующего мне за февраль и март месяцы жалованья, под росписку г-ну студенту философского факультета 1-го отделения IV курса Афанасию Афанасьевичу Фёт.

Секретарь СоветаАполлон Григорьев.

1844 года.
Марта 21.
СПБург.

1845

11. С.М. СОЛОВЬЕВУ

27 января 1845. Санкт-Петербург

СПб. Янв. 27. Друг мой! Верю, что мы до сих пор еще с тобою братья по духу: если я не пишу к тебе, то потому только, что страшно ленив писать письма вообще. Что тебе сказать? Служу, т.е. покоряюсь необходимому злу, и, признаюсь, даже без надежды встать на этом поприще довольно высоко, чтобы делать что-нибудь. Скверно, крайне скверно! О том ли мы мечтали с тобою? Ты, впрочем, осуществил почти свои намерения, я бесновался, делал глупости – и только! Мне не жаль ни снов нашей молодости, ни прежних спокойных верований, – но жаль одного только, что полный теперь одной ненависти, я не могу вполне ее высказать. Пишу, разумеется, но, видно, мне и в деятельности писателя не найти успокоения. Все, что я напишу – становится мне очень скоро гадким, неполным, и только. Рад бы знать, что делаешь ты? Твой Григорьев.

12. КСЕНОФОНТУ ТИМОФЕЕВИЧУ

Вторая половина 1844 – сентябрь 1845. Санкт-Петербург

Почтеннейший и благороднейший
Ксенофонт Тимофеевич!

Благодарю Вас за Ваше благородное участие, за труд, который Вы так безвозмездно на себя принимаете – и право, больше не найдусь, что сказать Вам. Что я Вас уважаю – как единственного человека, в котором опытность не охладила святого чувства – это Вы давно знаете. Изустно просил я Вас и прошу еще письменно, чтобы Вы, мой добрый адвокат, поселили надежду в моего отца. Право, оба они, т.е. и отец мой и мать моя, – стоили бы лучшей участи и лучше-

го сына. Скажите – что я вполне сознаю себя виноватым, что я думаю почти только о них.

О моей страсти или о моем пункте помешательства, прошу Вас – ни слова, но если бы, паче чаяния, старик сам заговорил об этом – то скажите, что теперь сознание долга во мне выше всякой страсти. В случае подобного разговора скажите впрочем, что об этой женщине отзывался я всегда с бесконечным уважением, что по моим де р⟨асс⟩казам* она не подавала мне даже и малейшего повод⟨а⟩* к каким бы то ни было надеждам[1]...

Еще – ни слова о моей *драме*[2], которую я пишу, потому что это еще в будущем.

Прощайте... Дай Бог Вам всего, всего лучшего!

Ваш
Григорьев.

№. Дневник мой[3] остается у вас – и навсегда, как памятник моей полной доверенности к Вам. Еще раз желаю Вам всего лучшего, т.е. всего, чего можно пожелать отцу семейства.

Au revoir!**

13. М.П. ПОГОДИНУ

9 октября 1845. Санкт-Петербург

Добрый, благороднейший Михайло Петрович!

Благодарю Вас за память обо мне, благодарю Вас за участие. Но я должен оправдаться перед Вами в разного рода слухах.

Я оставил службу[1], потому что я не могу служить, потому что служба убивает, потому что, наконец, я чувствую в себе силы делать на свете что-нибудь лучшее, чем вести настольные реестры, ибо *оные* суть α и ω службы и, *может быть*, очень полезны сами по себе, но только для этого полезного дела со временем изобретутся машины. Кто чувствует в себе присутствие жизненной силы, кто сознает в себе Бога, т.е. человека, тому *стыдно* губить полдня на машинную деятельность, особенно если он не пылает *возвышенною* страстию к разным степеням Владимиров, Анн и Станиславов. Предоставляю это другим *верным слугам отечества.*

Я не пишу к моим родным, потому что мне нечего писать к ним покаместь. Придет время, когда я буду жить для них и только для них, ибо право, я люблю их.

Возвратиться с горькими слезами я не могу, ибо мне плакать не о чем: слышать же подобные слова от Вас страшно грустно, ибо я верил в то, что Вы верите в фанатизм истины и свободы.

В Петербурге я не развратничаю, а добываю свой хлеб трудом, часто горьким и почти всегда неблагодарным, но клянусь Богом – не жалуюсь. Имею честь положительно изложить Вам, что я делаю и делал, кроме писания стихов, которых сборник буду иметь честь скоро представить Вам в печати[2]; – кроме романа, которого половина напечатана уже в “Репертуаре”[3], кроме, наконец, бездны повестей и разных книжонок, переведенных мною без имени для поддержания моего бренного существования, – я перевожу: 1) песни Беранже, которые к январю, надеюсь, выйдут книжкою[4], – 2) я перевел: “L’École de Vie⟨i⟩llards” Делавиня, в стихах[5]; “Louis XI”

---

* *Край письма оборван.*

** До свидания (*фр.*).

его же, в стихах[6]; "Richelieu" Lemercier, в стихах, "La journée d'Alcibiade" Lemercier – в прозе, "Минну фон Барнгельм" Лессинга в прозе[7] – 3) написал драму, которая выйдет вместе с стихотворениями[8]. Доказательства ясные, кажется, что я работаю.

Родные мои звали меня в Москву – но скажите, ради ⟨Бога⟩, чтó я буду там делать? Служить я не могу, – *филистерствовать* тоже, ибо Вы сами слишком хорошо знаете, как пошл, глуп и цинически подл юридический факультет. Когда оставите университет Вы, Давыдов, отчасти Шевырев, тогда, за исключением доброго, хотя ограниченного, Грановского и свежего еще, благородного, хотя исполненного предрассудков и византийской религии, Соловьева, останется стадо скотов, богохульствующих на науку. Вы помните, какою безотрадною тоской терзался я от бесплодности их учений, полных цинического рабства, прикрытого лохмотьями западной науки. Что же мне там делать, мне – фанатику, который не может равнодушно слышать мерзостей, который обрек себя бороться, страдать до смерти?

О чем же мне плакать и раскаиваться? О том, что я гордо и смело пошел искать истины и свободы, что не отделял мышления от жизни, слова от дела, что поднимаю по силам знамя борьбы, Божественный крест Иисуса?

О! возьмите назад Ваши слова! Вы должны благословить меня, ибо Вы сами – человек дела, а не слова. Пусть другие бросят в меня камень, пусть другие назовут меня безумцем – Вы меня поймете.

Еще раз, даже с точки зрения положительной, зачем я возвращусь в Москву? Здесь я как-нибудь перебиваюсь, там у меня не будет средств жизни, ибо я не пойду кланяться. Есть смирение благородное, смирение перед человеком-Богом – и Вы знаете, смирен ли я; но смирение и позорное унижение перед жрецами Ваала и рабами Велиара есть срам и грех. Я готов смириться перед Вами, как перед наставником и отцом – но не требуйте от меня уважения к тому, что я ненавижу и презираю.

Я любил – это правда, – но давно уже отказался от всякой мысли о личном счастии, давно уже смотрю я на себя как на часть целого человечества и на страдания свои, как на страдания эпохи. И поэтому-то я имею святое право быть гордым.

Есть две дороги – дорога общая, избитая, и дорога креста; я выбрал последнюю. Благословите же меня, а не проклинайте. Вспомните, что изо всего молодого поколения, может быть, один я понимаю и люблю Вас, понимаю и люблю столько же, сколько презираю и ненавижу филистерию.

Моя любимая мысль теперь – уехать в Сибирь учителем гимназии, о чем я хлопочу, и что, во 1-х, развяжет меня с долгами, ибо в Сибирь выдается годовое жалованье, во 2-х, даст мне на три года покою, необходимого для написания всего, мною задуманного.

Прошу Вас удостоить меня письмом, хотя столько же лаконическим, как предшествующее[9]. Я живу теперь у редактора "Репертуара" Межевича, одного из слишком немногих благородных людей, каких я знаю, и потому адрес мой: «Близь Большого театра, в доме Гюбена, в редакции "Полицейской газеты", в квартире редактора»[10].

Ваш всегда
глубоко Вас уважающий
А. Григорьев.

1845.
Окт. 9.
С.П. Бург.

14. М.П. ПОГОДИНУ

29 октября 1845. Санкт-Петербург

Добрейший и благороднейший Михайло Петрович!

Тяжело мне оправдываться в таких вещах, о которых я не хотел бы и слегка говорить с Вами. Добрый друг мой Василий Степанович берет на себя оправдать меня[1] и, надеюсь, Вы ему поверите.

За что именно сделали меня предметом разного роду рассказов – не знаю. Скажу Вам снова одно: если я и заблуждался, то заблуждался благородно, ища истины и свободы; минуты, когда я забывал собственное достоинство, были слишком редки и они прошли давно. Одно мое заблуждение была слишком сильная вера в душу человека[2] – но раскаиваться в этом святом заблуждении было бы богохульством.

Благодарю Вас за Ваше письмо – за то, что Вы еще поддерживаете во мне веру в людей. Ежели слухи сообщены Вам Калайдовичем, то от души прощаю ему. Я любил и люблю его, но уважать не могу: он сделался чиновником в душе, т.е. рабом от головы до пяток.

Вам странен выбор моих переводов? Делавиня я переводил для сцены, а перевести Беранже[3] считаю за *notion méritoire** – ибо это – поэт истины, поэт будущего... Погодите немного, может быть, примусь и за древних[4].

Очень приятно было бы работать что-нибудь на “Москвитянин”, ибо времени – достаточно, хотя в январе я сбираюсь держать магистерский экзамен[5]. Зачем? – спросите вы – просто из самолюбия и уж, конечно, менее всего из ревности к юриспруденции, которую всю, как Вы знаете, считаю я страшною *ложью на Духа Святого*, т.е. клеветою на человека и человечность.

К своим я теперь пишу, но в Москву соберусь не ранее будущего лета. В Сибирь не поеду, ибо – незачем: есть возможность жить и действовать – и здесь... Благодаря дружбе ко мне благородного Межевича, я теперь спокоен, даже весел, сколько можно быть веселым, видя на каждом шагу рабство и гнусности.

Признаюсь, какое-то злобное удовольствие чувствую я, думая иногда, как не любят меня филистеры; недавно я узнал, что едущих в Петербург кандидатов Крылов предупреждает насчет знакомства со мною. Mensonge et illusion!** На Ваших глазах я, бывало, божился и клялся этим человеком... точнее впрочем, не им... но “пусть минувшее будет минувшим”, скажу я словами поэта. Впереди еще так много – если не счастия, то по крайней мере деятельности и убеждения пройти по жизни благородным и свободным.

О себе имею честь донести Вам, что я – физически здоров, как нельзя более, и только иногда болен морально припадками хандры.

Вполне и глубоко Вам преданный
Аполлон Григорьев.

1845.
Окт. 29.

---

* дело чести (*фр.*).
** Ложь и заблуждение (*фр.*).

P.S. Если жив благородный А.И. Хмельницкий – прошу Вас, когда его увидите, передать низкий и пренизкий поклон человека, который понимает теперь его озлобленность; Соловьеву скажите, что я его по-прежнему люблю, и если отвечал ему резко, то потому только, что между им и мною встали разные предрассудки. Грановскому я писал отсюда два раза еще в прошлом году[6], но ответа не получал, неужели он возгордился пошлою филистерскою гордостью?.. Неужели и слишком немногие люди духа, люди стремления, люди желания должны быть разрознены вследствие разных мелких претензий? NB, что эти претензии называются на техническом языке филистерии *убеждениями*, и вследствие оных убеждений я, например, исповедуя *Фурье*, должен не терпеть гегелистов, и т.д. Не знаю – хорошо ли это, но я понимаю одну только ненависть – к подлости и к филистерии, т.е. к раздвоению мышления и жизни.

Не прошу Вас отвечать мне, но прошу у Вас позволения писать к Вам или, лучше сказать, беру это позволение приступом, *via facti**.

1846

15. С.М. СОЛОВЬЕВУ

Февраль 1846. Санкт-Петербург

Отрывок из письма

Родные мои зовут меня в Москву, да мне и самому надоело страшно жить без всяких привязанностей. Я бы с радостью поселился в Москве, если бы там были какие-нибудь средства прожить, то есть средства литературные и притом чернорабочие. Может ли "Москвитянин" обеспечить мне у себя шесть печатных листов в месяц библиографий, переводов, извлечений и смеси – ценою по десяти рублей за лист, оригинальный ли, или переводный – все равно? За скорость моих работ поручится, пожалуй, издатель "Репертуара"[1]; за православный и словенский дух моих рецензий ручательством могут служить имеющие быть напечатаны в мартовском нумере "Финского вестника" статьи: 1) о проповедях Филарета, 2) о романе Вельтмана "Емеля"[2] и 3) Сперанского *о законах*[3]; за мою набивку руки ручается двухлетнее участие в "Репертуаре". – Просьба моя к тебе – предложить эти условия Михаилу Петровичу от моего имени. Хорошо, если б это дело устроилось! Уведомь меня, как скоро переговоришь с Погодиным, чтоб я сам мог приехать для личных переговоров.

16. А.И. ГРИГОРЬЕВУ

23 июля 1846. Санкт-Петербург

Дражайший Папинька!

Свидание с добрым *Ксенофонтом Тимофеичем*, который привез мне вести о Вас и от Вас, убедило меня в той крайне грустной истине, что Вы не хотите понять меня, не хотите потому, что не решаетесь выслушать меня серьезно, что слишком легко смотрите на многое, что я уже несколько раз Вам высказывал. Простите ме-

* самовольно (*лат.*).

ня... но это так! Ксенофонт Тимофеич – как и Вы же – вовсе не способен к наставительной роли, но между тем из немногих его слов я мог заключить, что Вы меня любите по-прежнему – и между тем обвиняете.

Не оправдывать себя я хочу – ибо, право, я сам сознаю вполне, что виноват перед Вами, – но ради Бога выслушайте же меня серьезнее:

1. Связь моя с Милановским[1] действительно слишком много повредила мне в материальном отношении, но вовсе уже не была же так чудовищна, как благовестит об этом Москва на основании слов Калайдовича и тому подобных господ. Лучшее доказательство – что *многие* и слишком даже *многие* порядочные люди состоят со мною в отношениях вполне дружественных. Москва, как это мне известно из одного письма Погодина, рассказывала, что я – *пью горькую* и что у меня – *раны* на *голове*, а между тем – я здоров и жив и трезв по обыкновению. Тяжело мне расплачиваться за эту связь только материально, ибо, как я писал Вам с Дмитрием Калошиным, – я взял на себя (давно еще) долг этого мерзавца. Но – Бог милостив, авось я стрясу с шеи печальные последствия неосторожной доверчивости. Одно, за что я обвиняю себя вполне, это то, что Вы уехали, не простясь со мною, но, во-первых. вспомните мое фанатическое тогдашнее ослепление, а во-вторых, я от души просил Вас простить меня за это. Дело-то в том, что, запутанный этим гнусным человеком, я и не мог тогда поступить иначе. Связь же моя с ним и ослепление зависели слишком много от моей болезненной расстроенности. Ксенофонт Тимофеич узнал меня вскоре после моего приезда в Петербург – и он может засвидетельствовать, что мое нравственное состояние было слишком грустно. Да и Вы сами, немного посерьезнее взглянувши на мой несчастный характер, поймете, что я чересчур способен к отчаянью, не только уж к тоске и хандре: тосковать и хандрить я начал, право, чуть ли не с 14 лет – Вы скажете, может быть, что это – *блажь*, – положим, но во всяком случае это болезнь. Я уехал... т.е., я хотел сказать, бежал из Москвы – уж конечно не от долгов, которые все-таки не превышали годового оклада моего жалованья, и не от расстройства служебных дел, которое было бы очень легко поправить: нет! здесь были другие причины, разумеется, – и вот они: 1) Мне стало несносно – простите за прямоту и наготу выражений – мне стало несносно жить *ребенком* (вспомните только утренние головочесания, посылания за мною по вечерам к Крыловым Ванек, Иванов и сцены за лишний высиженный час), мне стало *гадко* притворствовать перед разным людом и уверять, что я занимаюсь разными *правами*, когда пишу стихи – мне стало *постыдно* выносить чьи бы то ни было наставления. Все терзало меня, все – даже Вы, даже Вы, которого мне так жарко хотелось любить. Мне не забыть одной, по-видимому, мелочной сцены: ко мне пришел Кавелин, человек, с которым я хотел быть по крайней мере – *равным*; мы сошли с ним в залу – Вы вышли и стали *благодарить* его за знакомство со мною – о Господи! верите ли Вы, что и теперь даже, при воспоминании об этом, мне делается тяжело; спросите у дяди[2], какое впечатление это на меня сделало. Ясно, что это происходило от любви Вашей ко мне, но зачем же Вы не щадили моей раздражительной гордости? 2) Любопытно бы мне знать тоже, как Вы смотрели и смотрите на мою страсть к А⟨нтонин⟩е Корш, на мою первую и, может быть, единственную страсть. И я – и она, мы оба были равны летами, общественным положением, даже состоянием; столько же, как и какой-нибудь Константин Дмитриевич Кавелин, имел бы я право *надеяться*. А у меня не было *надежд*; ребенок, которому чесали

головку – я, однако, был столько благороден, чтобы отречься от всяких надежд. Да и на что мне было надеяться? Кавелин, правда, не был выше меня ни положением, ни даже состоянием, но он был *почти* свободен – а я?.. Вы не виноваты в этом: виновата судьба, но тем не менее мои лучшие, мои благороднейшие впечатления были отравлены... И что же вышло из этого? Хотя бы в жертву Вашему счастью мог я принести свое счастье! но мог ли я? посудите сами. Я бледнел и худел ежеминутно, – я, как сумасшедший, метал⟨ся⟩* по постели, возвращаясь оттуда, при мысли что он⟨а⟩* будет женою другого... но я бы скорее вырвал себе язык, чем позволил бы себе сказать хоть одн⟨о⟩* слово ей, хоть одно слово Вам... Боже мой! и теп⟨ерь⟩*, когда я пишу к Вам это письмо, когда я подымаю со дна души всю осевшую давно желчь, – и теперь я плачу как ребенок. Скверно, смешно, а это так, – и пусть мой ропот – горько⟨е⟩* проклятие на так называемое Провидение, я не боюсь гнева этого Провидения, я ему не молюсь, я его проклинаю потому, что оно ровно ничего для меня не сделало. Простите меня, может быть, я оскорбляю Вас этим богохульством – но дайте мне хоть один раз говорить с Вами как с человеком. Душа моя больна, больна до сих пор... ни в безумствах разврата, ни в любви женщин, которых я напрасно пытался любить, – мне не удалось найти забвения... И Вы, будете ли Вы в состоянии как человек, как отец, винить меня за этот разврат?... Человеку, у которого *отравлена* жизнь, остается только ловить минуты. Что мне в моем будущем, в моей известности, в моей, может быть, будущей славе?.. Не знаю – любила ли меня эта женщина, говорю искренно, не знаю, ибо я слишком глубоко и свято любил ее, чтоб говорить о своей любви... но если я живу до сих пор, если из меня что-нибудь будет, виною этому мысль о ней. Для нее – я хотел быть *выше* многих и *равным* со всеми. Этой цели я достигаю. Голова ее мужа[3] склоняется перед многими, – моя голова ни перед кем не преклоняется.

Страшным безумством покажутся Вам эти строки – но они пояснят Вам, отчего я бежал из Москвы – и – отчего я не могу приехать в Москву. Да не будут они Вам упреком – нет, Вы меня любили, за что же я буду упрекать Вас? нет, пусть они заставят Вас только пожалеть немного о Вашем бедном сыне, лишенном даже возможности верить во что-нибудь.

Да и во что верить?.. О! если бы я мог возвратить веру в Вас, если бы Вы могли возвратить веру в меня... Но долго, долго ждать этого возврата – надо мною отяготели следствия моих неосторожных глупостей и когда-то еще я отстраню эти следствия? – в душе – жажда привязанности, жажда спасения, а кругом все так пусто и, с позволения сказать, *подло*. Да – *подло*! Я, например, имел пошлую глупость привязаться к старому дураку Варламову и еще горшую глупость отказаться от весьма здорового и дешевого *удовольствия*, и за это меня сделали извергом, чуть не *каторжником*, и разные добрые люди, вроде Межевича, при явной невозможности поверить даже сплетням, от меня отступились. Фуй! как же как не подлостью прикажете называть эти вещи?

А Вы, которому я хотел бы, в замену Бога, передавать все, Вы также смеялись над моим *рыцарством*.

Все это, со включением того, что вещи, достающиеся потом и кровью, нужно иногда продавать за 10 целковых, – удивительно весело и удивительно способно на-

---

* *Слово оборвано при загибе и приклейке.*

полнить душу *верою*!.. Я один, совершенно один, ибо не могу же я считать привязанностями привычку видеться со многими порядочными и благородными людьми: с какою бы радостью полетел бы я теперь к Вам с тем, чтобы посвятить Вам одним мою жизнь... но это невозможно. В Москве ждет меня одно: *унижение* – и лучше самоубийство, чем унижение в глазах единственной женщины, которую любил я искренно... О, поймите это – и простите меня.

Я хотел оставить Петербург, потому что был взбешен *подлостью* всего меня окружающего – но это не сбылось – и прекрасно! Я нашел круг людей, равных себе, немного холодных, может быть, но независимых и свободных, как я. Пусть нет у меня в тяжелые минуты жизни ни одного сердца, которому мне не стыдно было бы высказаться, – видно, уж суждено пить эту чашу одинокой, безрадостной жизни.

Простите же меня, Папинька, – и лучше пожалейте обо мне, ибо только Вашего сожаления не буду я стыдиться. Верьте, что тяжел, иногда не по плечам тяжел крест моей жизни.

Целую руки Ваши и руки Маменьки – благословите меня!

1846 года.
Июля 23.

1847

17. М.П. ПОГОДИНУ

1 марта 1847. Москва

Милостивейший государь,
почтеннейший Михайло Петрович!

Бога ради, не браните меня за неаккуратность – в среду вечером явлюсь к Вам и с маленькою суммою, которую еще остался Вам должен, и с *Пращицею*, которую дочитываю[1]. Тысячу раз давал себе заклятие не подвергаться искушению занимать у людей, которых я слишком уважаю – и увы! но все-таки смею надеяться, что Вы, как всегда, – смотрите на вещи не с строго стоической точки, а с чисто человеческой.

С глубоким уважением
имею честь быть
Ваш покорнейший слуга.
А. Григорьев.

1847.
Марта 1.

На обороте:
Его высокоблагородию
Милостивому государю
Михайлу Петровичу
Погодину
На Девичьем Поле, в собственном доме.

18. М.П. ПОГОДИНУ

5 марта 1847. Москва

Милостивейший государь
Михайло Петрович!

Сам я буду иметь честь явиться к Вам в воскресенье – покаместь спешу с величайшею благодарностью возвратить Вам мой долг.

С глубоким почтением
имею честь быть
Ваш А. Григорьев.

1847.
Марта 5.

На обороте:
Его высокоблагородию
Милостивому государю
Михайлу Петровичу
Погодину
со вложением пяти рублей серебром.

19. М.П. ПОГОДИНУ

7 марта 1847. Москва

Милостивейший государь
Михайло Петрович!

Вы меня браните за то, что я не умею распоряжаться своими нуждами, и Вы были бы совершенно правы, если бы у меня не было довольно печального прошедшего. Нельзя более меня *желать* установиться, желать никого на свете не беспокоить собою, даже Вас, несмотря на Ваше благородное участие – но есть обстоятельства, из которых не слишком скоро выпутаешься, под гнетом которых падает всякое желание добра. Об этих-то обстоятельствах хотел я вчера говорить с Вами, как с единственным человеком, в которого я верю и – прибавлю еще – которого доброта может спасти меня – хотел и, к сожалению, не мог. О них и теперь я хочу писать Вам, уверенный, что если Вы и не захотите мне помочь подняться, то, по крайней мере, будете столько добры, чтобы поверить искренности и горькой необходимости этого объяснения – необходимости очень простой и понятной: Вы единственный человек, перед которым мне не стыдно обнажить и свои душевные язвы и свои запутанные обстоятельства, – Вы понимаете слишком много, смотрите слишком далеко и широко, несмотря на то, что Вас самих благое провидение предохранило от различных омутов падения.

Крепко запало мне в душу слово Гоголя: "с словом надобно обходиться честно"[1], книга его осветила для меня всю бездну, в которой я стоял – бездну шаткого безверия, самодовольных теорий, разврата, лжи и недобросовестности, позорно стало мне звание софиста, стыдно взглянуть на все свое прошедшее... "Лучше быть

поденщиком", – сказал я себе и – видит Бог, я готов бы был камни таскать скорее, чем продолжать говорить самоуверенно то, что отвергает душа моя... мне надоела и опротивела – и бесплодная софистика и бесплодно-праздная жизнь, и от болезни ли нравственной, от другого ли чего-либо – но среди этих нравственных пыток посещали меня в последнее время минуты, давно незнакомые – минуты, когда опять я чувствовал себя чистым, свободным, гордым... когда я благодарил Неведомого за то, что спадает с меня постепенно гниль разочарования и безочарования, что снова способен я пламенно верить в добро... Я чувствую – нет, я знаю, что силы мной не растрачены, что их еще слишком много – но есть путы, которые мешают им. Повторяю – помогите мне нравственно подняться. Путы эти – долги и болезни физические. Для того, чтобы я мог запереться в уединение, в самого себя – надобно разделаться с мелкими, но беспокойными долгами – для того, чтобы я светлее взглянул на жизнь, я должен позаботиться о своей физической природе, которая – это назовите, пожалуй, пунктом моего помешательства – слишком тесно связана с нравственной: развитие и поправление своих физических сил кажется мне столько же необходимым, сколько занятие естественными науками, которому я начал посвящать все свое свободное время.

Вы скажете – отчего я не обращаюсь с моими потребностями к моим домашним? Во-*первых,* теперь я хочу уже быть обязанным всем себе и своему труду, во-*вторых*, средства их в настоящую минуту очень плохи, в-*третьих*, наконец – простите мне откровенность – не все то поймется ими, что *Вы* поймете.

Мне нужны – но нужны *скоро* и *сполна* – 150 или 100 р. серебром; если Вы дадите мне 100 р. серебром – я заплачу 225 р. *должков* и буду лечить себя нынешнее лето купаньем и плаваньем, если 150, я буду еще лечить себя гимнастикой.

Состоится ли, нет ли дело о "Москвитянине", но в течение десяти месяцев я уплачу Вам 1) сто рублей серебром деньгами – по 10 р. серебром в месяц (ибо, кроме "Листка"[2], я делаю еще разные работы для детских книжонок Наливкина[3]), 2) пятьдесят – какою Вам угодно будет работою – по 5 р. серебр⟨ом⟩ за печатный лист.

Вот Вам прямое, искреннее мое объяснение – делайте, как внушит Вам Бог – и как бы Вы ни сделали, верьте только, ради Бога, в мое беспредельное уважение и вечную преданность. Завтра, т.е. в воскресенье, в шесть часов, позвольте мне быть у Вас.

Покорнейший слуга Ваш,
А. Григорьев.

1847.
Июня 7.

20. М.П. ПОГОДИНУ

20 июня 1847. Москва

Милостивейший государь
Михайло Петрович!

Честь имею доставить *примерное* содержание "Москвитянина" на следующий год, вместе с расчетами, что все составлено на случай, если бы Вы решились издавать его пополам с Федором Никитичем Наливкиным. Сам Федор Никитич будет к Вам сегодня вечером, в 7 часов, для переговоров об этом деле.

У меня к Вам просьба – ради Бога, не откажите. Мне хочется убедить одну даму, что Гоголь вовсе не с ума сошел – одолжите меня дня на четыре его последней книгою, т.е. *перепиской*[1].

С беспредельным уважением
имею честь быть
Ваш покорнейший слуга
Ап. Григорьев.

1847.
Июня 20.

21. М.П. ПОГОДИНУ

Июль – ноябрь 1847. Москва

Милостивый государь,
многоуважаемый Михайло Петрович!

Если бы Вам угодно было немного *пообъективнее* (извините за неприличное выражение) взглянуть на вещи – то Вы бы не удивились, увидев меня со звездою путешествующего (т.е. ночью? ибо действительно, я выезжаю только по вечерам). Мне нужны, во 1-х, деньги, во 2-х, определенное положение на свете. Небольшая задержка тоже не от меня: вспомните, что, кроме работы, я должен был переделывать, что не совсем сообразно с великолепным именем редактора. Дело не в этом – это маленькое aparté*!

Бросьте взгляд на прилагаемую статью о театре. Если Влад⟨имир⟩ Никол⟨аевич⟩ позволит мне располагать ею – то она Ваша и притом процензурованная Гедеоновым.

Еще:

В доме моем живет некто статский советник Беккер – живший долго в Сибири и печатавший статьи о ней в “Сыне отеч⟨ества⟩”. Он, во 1-х, желал бы с Вами познакомиться, во 2-х, печататься в “Москвитянине”. Я предупредил его, что “Москвитянин” не дает более 15 рублей серебром за лист. Сегодня вечером, в 7 часов, я к Вам с ним приеду.

Преданный Вам
А. Григорьев.

Суббота.

22. С.П. ШЕВЫРЕВУ

23 октября 1847 г. Москва

Милостивый государь,
Степан Петрович!

Когда-то, в одну из весьма трудных минут моей жизни, я прямо и смело, не зная еще Вас лично, обратился к Вам во имя Того, Кто один связывает людей крепкою связью – и тогда вера в Вас меня не обманула. Но – тогда я хотел говорить с Вами не о самом себе, а о другом, и потому-то обратился к Вам прямо и смело. Этому про-

---

* реплика в сторону (*фр.*).

шло уже несколько лет – но минута осталась жива в моей памяти, но вера в Вас – во мне прежняя. Пусть это *смешно* и даже *неприлично* – но к Вам опять и опять, в то же Имя, я осмеливаюсь прибегнуть[1]. Прошу Вас позволить мне видеть Вас завтра, т.е. в пятницу, в пять часов.

С истинным почтением
имею честь быть
Вашим, милостивый государь,
покорнейшим слугою
А. Григорьев.

1847.
Окт. 23.
Четверг.

23. М.П. ПОГОДИНУ

15 ноября 1847. Москва

Милостивый государь
Михайло Петрович!

Только сегодня начал работать, ибо только в середу женился[1] – принимаюсь за дело. Трудно, даже более чем трудно говорить о общечеловеческих интересах с публикой, не приготовленной даже к этому чтением повседневных политических новостей – попытаемтесь же занять ее чем-нибудь более интересным, нежели сухой перечень политических известий[2], – как бы огромна ни была статья, она, прежде всего, должна быть интересна. По *началу*, составленному по двум весьма дельным статьям “Revue”[3], можете судить о продолжении.

Доставляемые Вам мною материалы благоволите отдавать переписывать, ибо не одна уже типография отреклась от разбора моего почерка.

Лично Вас увижу я не раньше вторника, и вообще вечер *вторника* будет постоянным временем моего к Вам появления.

С глубоким уважением
имею честь быть
весь Ваш
А. Григорьев.

1847.
Ноября 15.
Суббота.

24. М.П. ПОГОДИНУ

3 декабря 1847. Москва

Милостивый государь
многоуважаемый Михайло Петрович!

Имею честь доставить Португалию – продолжение *вступления* в Испанию[1] Вы, вероятно, получили третьего дня. Простите меня, что я до *пятницы* не буду у Вас лично. Жена у меня очень больна, вот уже более недели, и я истинно терял в это время голову. Впрочем, как Вы увидите, это не мешало нисколько аккуратно-

сти составления политических известий, и я готов отвечать, что ни в одном русском журнале не будет летописи подробнее нашей. В пятницу лично увижусь с Вами, чтобы переговорить насчет печатания и корректуры – ибо, как я думаю, и то и другое начинать уже сильно пора.

Искренне преданный Вам
душой и рукою
А. Григорьев.

1847.
Дек. 3.

25. М.П. ПОГОДИНУ

7 декабря 1847. Москва

Милостивый государь
Михайло Петрович!

У Драшусова вчера был – не застал. Лешкова видел – он обещал процензировать первую статью из жирондистов[1] в чисто переписанной рукописи: отдал переписать. Португалию доставлю завтра[2] в 2 часа прямо в типографию.

Глубоко Вам преданный
А. Григорьев.

На обороте:
На Девичьем Поле, близь
Девичьего монастыря,
в доме профессора Погодина.
Его высокородию
Михайлу Петровичу
Погодину.

26. М.П. ПОГОДИНУ

16 декабря 1847. Москва

Милостивейший государь,
почтеннейший Михайло Петрович!

Опять обращаюсь к Вам с просьбою – не от себя лично, но от моего отца, который, сколько я думаю, известен Вам за человека честного и порядочного. Не дадите ли Вы ему взаймы 300 рублей серебр⟨ом⟩ на том ли условии, чтобы деньги были выплачены Вам через год – или чтоб они платились натурою, т.е. моей работою – хотя и в том и в другом случае, разумеется, батюшка мой даст Вам заемное письмо. Прибегаю в этом случае к Вам так прямо, потому именно, что в настоящем деле – личность моего отца и все те причины, которые существовали бы для отказа мне, не могут существовать в отношении к отцу, человеку почтенных лет, имеющему собственный дом и проч. Лично же *я* прошу Вас об этом, потому что только в Вас почти одних находил всегда опору и защиту; Вам – все равно, решившись раз упот-

ребить на “Москвитянин” известный капитал, – дать сотруднику часть оного разом или помесячно, разумеется, при гарантиях, необходимых во всяком коммерческом деле: здесь же гарантия – не только в личности, но и в недвижимом имуществе. Если Вам угодно – не употребляя здесь излишнего слова – если Вам можно – обязать еще раз меня, обязанного Вам многим уже, и отца, который любя меня, тем же считает себя Вам обязанным, то не откажите уведомить, когда батюшка может побывать у Вас.

С истинным почтением
имею честь быть
беспредельно Вам преданный
А. Григорьев.

1847.
Дек. 16.

27. М.П. ПОГОДИНУ

28 декабря 1847. Москва

Милостивый государь
многоуважаемый Михайло Петрович!

Прежде всего – все на свете вещи должны быть определены с точностью: это же нужно сделать с моими отношениями к Вашему журналу – и, кроме того, к Вам собственно.

Вам угодно было назначить меня редактором одного отделения в “Москвитянине” – но вместо того, чтобы ограничить мою обязанность сообщением современных известий, Вы поручили мне работу египетскую – историю 1847 года, чего, говоря о наших условиях, я не имел вовсе в виду. За эту работу я взялся и мог бы весьма спокойно сократить краткие, и без того краткие известия “Сына отечества”, – но я рылся в двухаршинных листах Дебатов[1], что и материалом-то даже утомительно-скучно. Чтобы сколько-нибудь помочь сухости моего отдела, я пользовался превосходными статьями “Revue des Deux Mondes” – а Вы, ни с того, ни с сего, упрекаете меня в переписке статей В.П. Боткина, весьма много уважаемых, но которых я, признаться откровенно, не читал[2]. Доказательства на лице – в статьях “Revue de Deux Mondes”.

Далее: я предлагал Вам, чтобы ко мне носили корректуру статей – вместо того Вы требуете моего личного присутствия. Видеть Вас лично – я всегда очень рад, Вы это знаете и, надеюсь, в этом уверены – но теперешние мои обстоятельства таковы, что я только за слишком необходимым выезжаю из дому или, как Вы выражаетесь, путешествую со звездою.

Я предлагал Вам разделить отдел мой на две части: в одной помещать постепенно историю 1847 года, в другой – новейшие происшествия с августа. Вместо ответа на это и доставления мне Дебатов, Вы упрекаете меня в том, что в Португалии[3] наделалось много нового, о чем мои источники знать мне не дали.

Наконец – от статей, имеющих значение только минутное, от черновой журнальной работы, Вы требуете качеств художественного произведения.

Вы любите правду и потому простите мне мой цинизм. Я могу работать за весьма умеренную плату как вол – но мне больше всего нужно доверие и известная независимость. В.Н. Драшусов понимал это – и спросите его – доволен ли он мною? Возьмите же меня и Вы таким, каким уж Бог меня создал.

Неизменно преданный Вам
А. Григорьев.

1847.
Дек. 28.

1848

28. М.П. ПОГОДИНУ

До 10 января 1848. Москва

Милостивый государь,
многоуважаемый Михайло Петрович!

Я решительно в отчаянии от "Европейского обозрения": переписывать из "Сына отечества" я не могу; вместить в одну статью что-нибудь поболее решительно не умею. Что я мог, то я делал. Прошу Вас или освободить меня от этого отдела, или напечатать в следующей книжке – *Португалию, Испанию, Италию* и *Грецию*, в мартовской – *Англию и Францию*, в апрельской – *Германию* и все остальное. В случае, если Вы не хотите – я буду делать *историю жирондистов*[1] – или – если ее первый опыт не пройдет цензуры – "Consuélo", "Comtesse de Rudolstadt"[2], как мы уже говорили, вместо 3-х по 5-ти листов в месяц. Как Вы с Вашим благородным и человеческим взглядом на вещи не хотите понять, что чернорабочему некогда отличаться, что я добиваюсь одной только репутации – репутации честной возовой лошади? извините за цинизм выражений – я, да и Вы, кажется, ненавидим только внутренний цинизм. Я не хочу надувать никого, тем менее Вас – и, ей Богу, в ужасном отчаянии. Чтобы написать порядочное Введение в современную историю, надобно *год* позаняться предметом, иметь под руками несколько книг и проч. Если Бог даст, "Москвитянин" (начавший блестяще) будет продолжаться в 1849 году – я даю Вам слово этот год заняться современной историей и написать Введение, под которым мне не стыдно будет подписать свое имя: теперь же берите от меня, что можно брать от журнального работника, набившего руку в литературной промышленности. Язык мой хорош – говорите Вы – и прекрасно! Дайте же мне, пожалуй, и "Европейское обозрение", но под этим именем я буду помещать переделанные статьи из "Revue des Deux Mondes" – так и не иначе, покамест. На жирондистов вы согласны, на "Консуэло" тоже – пять листов я делаю за нашу условленную плату за 100 рублей, т.е. по 20 рублей лист: поздравляю Вас, если Вы найдете работника дешевле и в этом деле больше набившего руку. Но подписать свое имя под сокращением из "Сына отечества" – значит подвергнуть опасности даже единственную мою репутацию, репутацию работника.

Доставляю Вам *историю жирондистов*. Кроме того, если Вам угодно, достав-

лю к 15 числу – конец Испании, Италию и Грецию, еще музыкальную и театральную хронику.

А еще моя личная просьба: мне нужны деньги, деньги и деньги – сердитесь за это, как хотите. Дайте мне еще тридцать рублей серебром – я буду должен "Москвитянину" 70 р. сер⟨ебром⟩. Считая по шести р. серебром за переводный лист – 12 листов; по десяти за оригинальный – 7 листов – авось не слишком много!

Позвольте видеть вас в восемь часов.

29. М.П. ПОГОДИНУ

10 января 1848. Москва

Многоуважаемый Михайло Петрович!

Заезжаю в типографию – Испании нет[1] – чего Вы боитесь – истинно понять не могу! Ради Бога – пошлите печатать, я просмотрю корректуру и с Богом!

Весь Ваш
А. Григорьев.

Суббота.
Утром.

30. М.П. ПОГОДИНУ

11 января 1848. Москва

Милостивейший государь
многоуважаемый Михайло Петрович!

Присылайте корректуру ко мне – иначе не будет толку; я имел честь предупреждать Вас о моей ужасной руке.

Быть сегодня я никак не могу у Вас – а буду завтра, т.е. в понедельник, с *Испанией*[1].

Распространившийся кое-где слух подает всем преданным Вам приятную надежду поздравить Вас помощником попечителя и Университет с новым бытием[2].

Искренно Вас уважающий
и преданный Вам, не
как помощнику попечителя
А. Григорьев.

31. М.П. ПОГОДИНУ

13 января 1848. Москва

Испанию имею честь доставить пересмотренную, для Италии[1] – сегодня не найду ли чего-нибудь в Университетской библиотеке, которая сегодня, 13 числа, открывается.

Вас лично буду иметь честь видеть 16-го числа, т.е. в пятницу вечером.

Е.Ф. Корш подал в отставку: это – теперь положительный факт. Позвольте же

надеяться на исполнение моей покорнейшей просьбы о том, чтобы Вы сказали Дмитрию Павловичу, что "живет де в таком-то городе помещик Добчинский – так и скажите, что живет де помещик Добчинский"[2].

С глубоким почтением
имею честь быть
Ваш
А. Григорьев.

32. М.П. ПОГОДИНУ

19 января 1848. Москва

Вот Вам, многоуважаемый Михайло Петрович, и конец статьи[1] в февральскую книжку. В *мартовскую* должна идти *Германия* – с следующим содержанием:

I. Обозрение государственного устройства
 1. Австрии и Венгрии
 2. Пруссии
  а) до конституции
  б) после конституции
 3. Мелких германских владений
II. Умственное развитие
 1. Кризис Гегелевой философии
 2. Книга Арнольда Руге[2].
III. Политическое обозрение 1845 и 1846 года.
IV. Известия 1847 года.

На все это – найдены источники, все это будет сделано, разумеется, так, что пройдет цензуру. Не стесняйте меня только листами – *так* хочу я делать Вам статьи, как для Вашего журнала, так и для своей собственной репутации.

Сегодня, т.е. в понедельник – я надеюсь Вас видеть. В пятницу я был у Вас лично и не застал вас дома.

Ваш покорнейший слуга
А. Григорьев.

33. М.П. ПОГОДИНУ

До 27 января 1848. Москва

Ради Бога извините, многоуважаемый Михайло Петрович, что вечером сегодня я не могу явиться – завтра к Вашим услугам, или – пришлите мою корректуру по городской почте, отметивши карандашом недоразумения. На зуб поднять[1] нашу политику невозможно, за это я готов ручаться головою.

Весь Ваш
А. Григорьев.

34. Н.В. ГОГОЛЮ

Вторая половина октября–первая половина ноября 1848.
Москва

ПИСЬМА К Н.В. ГОГОЛЮ ПО ПОВОДУ ЕГО ПОСЛЕДНЕЙ КНИГИ

I

Простите меня, что я поднимаю вопрос, теперь уже старый, ибо в наше время с невероятною быстротою все новое делается уже старым, – но тем не менее далеко, далеко нерешенный вопрос о Вашей книге, наделавшей столько шуму, навлекшей на Вас столько неправых обвинений и, к сожалению, столько постыдных похвал Ваших прежних порицателей. За исключением немногих дельных отзывов (Шевырева, например[1]), все остальное, писанное о Вашей переписке с друзьями, отличается невероятною дикостью, поразительною чуждостью тем *страшным* духовным интересам, которые составляют ее содержание, или – добросовестным, но неистово-фанатическим противуположением. Не дивитесь, что я зову добросовестным это противуположение: напомню Вам о покойном Б**[2] и о его письмах к Вам (не печатных). Этот человек понимал, хотя односторонне, но глубоко, Ваше значение в литературе, любил Вас с детским обожанием; представьте же себя на его месте: человек страдал действительными душевными недугами, болезненно воспитывал идеи в своей душе, мечтал разгадать пути гения сообразно с этими идеями – и вдруг – мечта его разбита вдребезги, обоготворенное им предстало ему в совершенно ином виде, лучшая опора его сокрушена. Не судите, да не судимы будете[3]: пожалейте об этой бедной, томившейся в узах страдания, мрака и скорби, но благородной, хотя и заблуждавшейся душе: не скажу – простите ее, ибо что такое человек, чтобы прощать?.. негодование, злость и грусть, которые дышат в его письме к Вам, проистекали не из мутного источника; грех есть преступление закона, а не заблуждение в законе. Мир памяти страдавшего брата – слово мира и любви да произнесется над этим бедным прахом! Я не сочувствовал ему никогда; но не осмелюсь вменить ему в вину его неистовых выходок в письме к Вам, на которые сами Вы, сколько я знаю, отвечали словом мира, любви и смирения. Совершенно иное чувство одушевляло других Ваших противников, за исключением некоторых, разумеется – то было раздражение мелочного самолюбьица, то было негодование на смелый глас вопиющего в пустыне, дерзнувший серьезно заговорить о значении жизни; то было озлобление не против Вас, а против самой Божьей правды, *ея же мир не может прияти*[4]: книга Ваша была здесь только поводом. Но вместе с тем эта книга стала *Иудеем соблазн, Еллином – безумие*[5], разумея под Иудеями, книжниками и фарисеями – всех устарелых ханжей и лицемеров, которые, под прикрытием священных для человека слов, ловят в мутной воде рыбу, – а под Еллинами – наших смешных западников, отчаянных нововводителей. Соблазном стала эта книга, украшенная похвалами Булгарина и компании; безумием – представили ее те, которые не хотели видеть, как далека ее возвышенная искренность от этой грязи, от этого подлого пресмыкания, которое хотят нам выдать за любовь к отечеству и проч.

Тот, кто имеет честь писать к Вам эти строки, принялся читать Вашу книгу, находясь сам в болезненном душевном состоянии, – и притом принялся читать ее с предубеждением против нее. Два странных чувства обладали им сначала – глубокое, сознательное поклонение творцу “Мертвых душ” и, вместе с тем, невольное негодование, впрочем, скорее извне пришедшее, чем внутреннее. Скоро первое впечатление уступило место серьезному, внутреннему процессу – процессу болезненному, тяжкому, где, может быть, принесено было на жертву много личного самолюбия; ибо почти все в книге Вашей оскорбительно для этого личного самолюбия – тяжело расставаться с тем, за что мы все, чада волнующегося века, держимся, как за доску спасения, с этими хотя и призрачными, но, тем не менее, блестящими опорами – Вы, вероятно, и сами знаете, как это тяжело. Но я думаю, что тот, кто был скептиком серьезно, не для виду только, – не остановится ни перед какою бездною – сомневаться, так сомневаться уж во всем, даже в самом сомнении – от этого-то, мне кажется, в скептицизме лежит зачаток веры, ибо для того, чтобы усумниться в самом себе, надобно поверить во что-нибудь выше себя. Остроумный, хотя и поверхностный Искандер сравнивает где-то последний, безвозвратный шаг мышления – с последним, отчаянным шагом игрока, который самого себя ставит на карту[6]. Пожалуй, это так – да только шаг, считаемый И⟨сканде⟩ром за последний, – далеко не последний; современное мышление не само себя, но только свое прошедшее приносит в жертву – иначе оно было бы христианским мышлением, ибо христианство есть альфа и омега миросозерцания... Но, я отбился от своего собственного нравственного процесса, который привожу я только в пояснение моих писем к Вам, а вовсе не потому, чтобы придавал ему какое-либо важное значение. Повторяю Вам – много и тяжело было передумано над Вашею книгою – и вероятно, не одним мною; я же лично, может быть, был приготовлен к ней моим собственным душевным настройством: не скрою от Вас и того, что несмотря на все негодование, навеянное на меня слухами о Вашей книге, меня лично неотразимо влекло к ней – именно то, что она всех почти привела в ярость, всех – даже людей, согласных, повидимому, с Вами в основах мышления (как-то П⟨а⟩вл⟨о⟩ва[7]), – одно убеждение проходило со мною через все фазисы мышления, убеждение, что истина есть только то, что сознается немногими, несколькими, одним, может быть, что истина всегда гонима и всегда на стороне гонимого. Результатом всего этого была статья моя по поводу Вашей книги в “Моск⟨овском⟩ городск⟨ом⟩ листке”[8]; Вы, говорят, отозвались о ней благосклонно[9] – благодарю Вас: но это была статья недосказанная, несмелая, ничего почти несказавшая; дорожу я в ней только ее основною мыслию и добросовестностью попытки: может быть, многие, кого я любил, с досадою отвергнулись от меня из-за этой статьи, может быть, другие сочли ее желанием угодить господствующим началам – что нужды? Этою статьею я примирился с собой за всю свою прежнюю литературную деятельность – она была первым шагом к выполнению того, что: “*обращаться с словом нужно честно*”[10]. Но, повторяю Вам – в этой статье не сказано ничего – все или обойдено или сказано темно, неопределенно. Ш⟨евырев⟩ был прав, назвавши ее *стремлением сочувствовать Гоголю*[11]. Определительно там одно – это 2-й параграф, беглый анализ созданий великого поэта.

Долго носил я в себе мысль написать целую книгу по поводу Вашей книги, но остановила меня мысль, что этот комментарий ничего к ней не прибавит, что все же он, более или менее, будет носить на себе следы болезненности, что не мне раз-

решить все эти тяжкие вопросы, что дерзко выставить только вопросы же с своей стороны. Притом же – многое пало мне на сердце из этой книги, а в особенности слова: “Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро... Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит и т.д.”[12] – Не считаю себя призванным выходить из пределов того скромного круга деятельности, которым я ограничен. Но – мне хотелось бы беседовать с Вами о многом и о многих из тех вопросов, на которые навела меня Ваша книга; для Вас ли, для меня ли – из этого выйдет что-нибудь доброе. Разумеется, что письма эти не для печати, по крайней мере в той беспритязательной форме, в которой они будут к Вам писаны.

Имею честь быть
поклонник Вашего гения,
А.Г.

35. Н.В. ГОГОЛЮ

17 ноября 1848. Москва

II

Вас упрекали в особенности за предисловие – в самом деле, в литературе, потерявшей всякое важное значение, подобный религиозный акт должен был привести в изумление: стараясь придать ему смешной и даже подлый характер, хотели только отстранить от себя тяжкий и ненавистный вопрос. Вопрос этот вот какой: “обязан ли я, и в какой степени обязан, ответственностью за все действия человек вообще и человек духа в особенности?” Как нарочно, вместе почти с Вашей книгою, явилась другая книга, наделавшая чрезвычайно много шуму... по крайней мере, в своем приходе, книга действительно блестящая, остроумная, резко-парадоксальная, profession de foi* в известном отношении; я говорю о “*Кто виноват*?”[1] В ней – романист высказал в образах или, лучше сказать, в призраках то же, что еще прежде высказывал в парадоксах мыслитель, ту основную мысль, что виноваты не мы, а та ложь, сетями которой опутаны мы с самого детства. Сколько ума, расточенного на отрицание высшего двигателя человеческой деятельности, свободы и сопряженной с нею ответственности, – сколько меткой злости, потраченной на то, что злости не стоит, сколько грусти, но не любовной, а эгоистической грусти – грусти не за святыню человеческого духа, а скорее за мелочное самолюбие! Но эта книга – важный факт; крайняя исповедь убеждений. Из нее следует, 1) что человек, глубоко чувствующий и горящий жаждою деятельности, должен обречь себя на бездействие, что следственно честный человек – синоним с бесплодным человеком; 2) что женщина – единственная задача жизни для мужчины и наоборот, а что вне этой задачи для того и другой – остается только умирать *в безмолвном и гордом страданьи*, как выразился поэт этого направления[2] – 3) что никто и ни в чем не виноват, что все условлено предшествующими данными и что эти данные опутывают человека, так что ему нет из них выхода, ибо “привычка есть цепь на человеческих но-

* исповедание веры (*фр*.).

гах". Одним словом, человек – раб и из рабства ему исхода нет. Это стремится доказывать вся современная литература, – это явно и ясно высказано в "*Кто виноват*"... Странно, в высшей степени странно было совместное появление этих двух книг, так противуположных по тону и по направлению. Жизнь, общество и литературу, разменявшиеся на мелочь, должны были нежданно изумить и строго-искренний тон и содержание Вашего предисловия. – Помнится, предисловие к 2-му изданию "Мертвых душ" произвело такое же изумление. И действительно, как же не изумиться? Художник придает общественную важность своему делу, чуть что не приглашает всех и каждого к совету, соучастию в своем деле?.. да как же это? да что же это? – спрашивала *русская литература* с наивным изумлением, не подозревая, бедная, что в этом самом изумлении сказывается какое-то циническое презрение к самой себе, какое-то отрицание в самой себе всякого важного, общественного значения. В отношении к себе она, может быть, права, да не в праве была она считать своим главою и представителем поэта, который еще прежде – в своих сценах "разъезда после представления"[3] – прямо объявил, как он смотрит на свой подвиг, как он дорожит тем, чтобы семена, им брошенные, приносили плод в народе. Но ей, этой литературе – евнуху или, что хуже еще, развратнице – что за дело до плода? Для одних, как для Булг⟨арина⟩ и прочих, литература – дойная корова или развратный дом, для других – мечтательное самообольщение или умственная онания. С одной стороны, утрачена вера в поэта как в пророка, как в провозвестника правды, с другой стороны, принято, что если и явится пророк, то он непременно должен явиться с словом ненависти и вражды. Ясно, почему смешным хотели сделать Ваше откровенное признание. Давно уже сказано:

Es liebt die Welt das Strahlende zu schwärzen
Und das Erhabne in den Staub zu ziehn*[4],

как давно уже сказаны все правды – но в том-то и беда, что за невозможностью и бессилием враждовать с неправдой – остроумным показалось ратовать против правды.

Еще вопрос: имели ли Вы, как человек, право обнажать перед другими людьми внутреннейшие и сокровеннейшие тайны Вашей души?.. В этом вопросе опять высказывается циническое пренебрежение современного человека к высшему значению своей личной жизни? Замечательно, что подобное неуважение к высшей задаче личного бытия многие вывели из Ваших же, только ложно понятых, данных. Как великий мастер – Вы глубоко проникли натуру всякой мелкой твари или всякого гнусного отпадения человека от образа Божия – и Вы первый обратили внимание всех на незаметные существования Акакиев Акакьевичей, но во 1-х) Вы знали, где остановиться в этом безграничном анализе личности – 2) Вы указали на опасность рабского воспроизведения действительности в Вашем фантастически понятном "Портрете". Читали ли вы "Двойник" даровитого Достоевского – вот Вам осуществление в действительности фантастической основы "Портрета". Тяжело становится на душе от этого произведения, но не так возвышенно тяжело, как от "Шинели": нет, вы, вчитываясь в это чудовищное создание, уничтожаетесь, мелее-

* Мир любит лучистое чернить
И возвышенное истаскать в пыли (*нем.*).

те, сливаетесь с его безмерно ничтожным героем – и гнусно становится вам быть человеком, и вы убеждаетесь, как будто, что человек только таков и может быть. Какая же тут вина, ответственность, какой суд над собою. Жил червем, умер червем – и дело конечно: une foi mort, on est bien mort*. А Вы осмелились говорить: "Замирает от ужаса душа при одном только предслышании загробного величия и тех высших творений Бога, перед которыми пыль все величие Его творений, здесь нами зримых и нас изумляющих. Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастания и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся"...[5] Еще бы старый Сведенборг встал и начал с простотою рассказывать о чудесах царствия Божия – господину Голядкину-старшему!..[6]

Ноября 17.
1848 года.

Адрес мой:

У Спиридония (что на Козихе), в Спиридоньевском переулке, в доме вдовы священника Воздвиженской[7].

36. Н.В. ГОГОЛЮ

Конец ноября–первая половина декабря 1848. Москва

III

От Вас лично, от Вашего предисловия и от Вашего завещания, тесно связанных, впрочем, с самым содержанием Вашей книги, перехожу к этому содержанию. Но прежде всего – ответ на Ваше письмо. Не требуйте от меня изложения стройного и строгого – оно покаместь не в моей власти; недостаток его – одна из причин, по которым я на время, а, может быть, и навсегда, отрекся от всякой литературной деятельности, и без всякого сомнения, недостаток этот – в связи с моим внутренним настройством. Может быть, потому еще Ваша книга так сильно на меня подействовала, что в высшей степени страдаю я недугом, на который преимущественно она нападает, – недугом распущенности – следствием раннего пресыщения жизнию. Отсюда – сознание идеала и сознание своего собственного бессилия сообразоваться идеалу, состояние души, может быть, самое безотрадное, самое скорбное, состояние веры разума и апатии сердца.

Первый вопрос, которого Вы коснулись, – это вопрос о значении женщины. Вас упрекали, помнится, что в этом, по признанию всех, высоко-поэтическом письме Вы не сказали ничего положительного. Это неправда – больше Вы и не могли и не должны были сказать, Вы возвели этот вопрос к его высшему началу, возвратили красоте ее таинственное и небесное значение и довольно! Еще больше – Вы указали на средства, которыми владеет женщина. – Но, мне кажется только, что Вы забыли коснуться темной стороны вопроса.

Вся современная литература есть не что иное, как – выражаясь ее языком – протест в пользу женщин, с одной стороны, и в пользу бедных, с другой, одним сло-

---

* раз умер, значит навсегда (*фр.*).

вом, в пользу слабейших. Вы не фанатик – это доказывают многие из Ваших же писем, Вы не близорукий и не ограниченный человек – следовательно, Вы не можете закрыть глаза и не видать, что в основе своего протеста – литература и мышление современное – правы: ошибаются они в средствах – да и не могут не ошибаться. Думаю я, что в каждом великом мировом событии есть две стороны – дело Божье и дело человеческое, точно так и в этом более и более приводимом в ясность вопросе... Подозреваю, что Вы не в числе гонителей Занда и не станете называть ее сукой и другими милыми именами, на которые так щедры поборники патриархального быта. Чего хочется Занд – если действительно может что-либо определенно хотеться поэту, действительно носящему в себе страдания, страсти и стремления целой эпохи? Вероятно не того, чего хотели бы для женщины фурьеристы, т.е. четырех законных мужей и способности двадцать раз на день удовлетворять похотям тела. Возьмите самые молодые из ее созданий – ни в одной из них не найдете вы ничего, кроме той печальной истины, что людским эгоизмом осквернены самые святые отношения мужчины и женщины, что под святым знаменем брака выступают всего чаще самые гнусные, самые богохульные отношения – и что наконец нельзя слишком строго судить нарушений подобных отношений; но везде и повсюду проглядывает мысль о святости истинно брачного союза, о значении женщины как помощницы и сообщницы мужа во всем благородном и великом: то – Ральф и Индиана – две души, понявшие наконец свое родство и заключившие неразрывный союз перед лицом девственной природы, – то Фиамма, являющаяся Симону как возбудительница ко всему доброму и возвышенному, то Изёльта, поднимающая до себя Пьера Гюгенена, то Консюэло, рука об руку идущая трудною стезею с Трисмегистом-Альбером[1]. Везде и повсюду – женщина является тем, чем она должна быть в Христовом царстве – стихиею умягчающею*, влажною, везде и повсюду брак – святыня.

Не отвергнете Вы и того также, что современный быт семейный, и наш русский семейный быт в особенности, куда как далеки от Христова идеала[2]. Не мне доказывать это великому поэту, который создал матушку в "Отрывке"[3], семейный быт Манилова и Собакевича, который вложил в уста Чичикова горькое размышление при встрече с блондинкою[4]. Увы! бóльшая часть наших женщин – *бабы*, остальная, меньшая, почти вся из Круциферских[5]. Кто ж виноват в этом? Неужели уж так-таки никто? Взгляните попристальнее, каким образом создаются бабы и каким образом образуются Любовь Александровны.

Знаете ли что? В Вашем письме о том, *чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту*[6], – чуть ли Вы не давали советов излишних. Наши женщины среднего и низшего круга едва ли не исключительно воспитываются для хозяйства, едва ли не во вред всем человеческим сторонам заняты домашним порядком: кругозор их слишком тесен, понятие о долге слишком ограничено или опошлено. Писавши Ваше письмо, Вы имели, кажется, в виду чисто светскую женщину, т.е. более или менее страдающую недугом распущенности. О! для нее – все средства, Вами советуемые, превосходны, а нашим женщинам среднего кружка нужно советовать чуть ли не противное. Может быть, это Вам покажется парадоксом – но прошу Вас обратить внимание на Ваш же принцип, т.е. на вечный принцип собирания,

* *Вместо зачеркнутого:* мягкою

сосредоточения самого себя. Собираться в себя значит познавать Бога – познавать же Бога значит отрешиться от тварей и от всего тварного; отрешиться же от тварного не значит быть аскетом, но только сознавать тварное за тварное, возводить его к источнику Света и употреблять во славу Его – одним словом, жить на земле, но не забывать, что, по слову Апостола, *житие наше в небе*[7], что все возможно и дозволено, но все должно быть считаемо *пометом* в сравнении со Христом по тому же слову – ибо все должно существовать только *во Христе*. А наши женщины слишком похожи на *Марфу, пекущуюся и молвящую о мнозе*[8]; слишком мало в них энтузиасма к великому и человеческому; лучшие из них думают, что, ведя хорошо домашние дела, исполняя обязанности рачительной хозяйки – они уже все сделали. О! не все, далеко не все по идеалу Христова брака; чтобы быть Христианином вообще – слишком мало быть честным человеком, чтобы быть женою и матерью Христианина, слишком мало быть честною женщиною. Тот, Кого исповедуем мы, кротко взглянул на ятую в прелюбодеянии, ибо она много возлюбила – но с строгою укоризною обратился к домохозяйке Марфе... Взгляните на воспитание наших женщин среднего и низшего круга – с немногими оттенками, оно одинаково направлено к истреблению веры в жизнь и в лучшие блага жизни, оно замыкает бедную девочку в тесный круг обиходных домашних понятьиц – и нет ее душе выхода из этой печальной сферы, ибо всякий выход сопряжен с опасностью – а презирать опасности во имя правды она не приучилась, да и не верит даже в возможность такого презрения. И вот со временем из этой девочки – делается или *нежная* Манилова или г-жа Собакевич, одним словом – баба; она – верна мужу, она ведет приход и расход – да лучше бы была она неверна мужу, не вела приходо-расходной книги. Еще печальнее, если ее природа благодатна и не могла быть вовсе подавлена: тогда она несчастна, она – Круциферская, – но к сожалению, страшно пошлы основы ее страданий. Наши Жорж Зандистки и Круциферские клевещут на Занд и, право, не стоят того участия, которым исполнена к ним современная литература. Неверие в великое и благородное у них такое же, как и у баб, – но разные господа втолковывают им, что нельзя жить без того, чтобы не любить

долго и нежно
С тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной[9],

и вот они пускаются любить и страдать, обыкновенно, впрочем, весьма дешево; жертвы и самопожертвований от них не требуйте. Кроме этого, Вас поразит в них какое-то смешное и возмутительное отрицание всего религиозного и т.д. Понятия их и господ, втолковывающих им великие истины, достойны внимательного изучения... Еще покойный Пушкин намекнул на идеал современной женщины,

кометы
в кругу расчисленном светил[10],

но никто так не объидеализировал ее, как Лермонтов. Все это было когда-то хорошо – все это теперь надоело страшно. Не преходит только истинное и прекрасное – не прейдут идеалы Шиллера и Занда: вечно светлы образы Офелии, Десдемоны, Миранды[11], Миньйоны[12], Гретхен, Аннунциаты[13].

До свидания! простите мне мои отступления и не забудьте, великий художник, что я только Ваш ученик и ревностный поклонник.

1849

37. А.А. КРАЕВСКОМУ

28 февраля 1849. Москва

Милостивый государь,
Андрей Александрович!

Для меня было бы в высшей степени лестно, если бы Вы нашли приличным поместить в Вашем журнале прилагаемый при этом письме перевод "Спектакля не выходя из комнаты" Альфреда де Мюссе. Перевод этот по моей просьбе просмотрен Алексеем Дмитриевичем Галаховым, которого письмо имею честь препроводить к Вам при моей посылке. Обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою уведомить меня через Алексея Дмитрича: будет ли помещен мой перевод, и, если будет, то – *когда* и на *каких условиях*? Окончание будет выслано Вам немедленно по получении от Вас утвердительного ответа; как *драма*, так и *комедия*, из которых состоит этот "Спектакль", уже переведены мною[1]. Имени своего я не желал бы выставлять по моим служебным отношениям, да и не думаю, чтобы это весьма безвестное имя могло быть нужно Вашему журналу, не нуждающемуся, благодаря своему собственному достоинству, ни в чьих именах.

Если вы решитесь напечатать этот спектакль – то напечатайте его поскорее. В противном случае, прошу Вас передать его *К.Д. Кавелину*. Впрочем, авось либо на этот раз попытка моя будет поудачнее статьи о *Дидро*[2], посланной Вам через П.Н. Кудрявцева и попавшей, кажется, в несчастное время. Скажу Вам прямо, что, по некоторым причинам, мне было бы несравненно приятнее печататься в "Отеч⟨ественных⟩ записках", чем в "Современнике".

В ожидании Вашего ответа
имею честь быть,
с глубоким уважением к Вам
и к Вашему журналу

Ап. Григорьев.

1849.
Февр. 28.
Москва.

38. А.А. КРАЕВСКОМУ

4 мая 1849. Москва

Милостивый государь,
Андрей Александрович!

Позвольте поблагодарить Вас за добрый отзыв о моем переводе *Мюссе*[1]. А.Д. Галахов, вероятно, уже передал Вам мои условия насчет этого перевода. Спешу доставить Вам окончание 1-ого акта комедии: "Что грезится молодым девушкам". На днях же получите Вы и окончание всего перевода[2].

Вместе с тем, позвольте поручить Вашей благосклонности небольшую статейку о театре[3]. Если приговоры не покажутся Вам слишком резкими, чего впрочем я не думаю, – то я бы с большим удовольствием занялся доставлением Вам постоянного отчета об успехах нашей доморощенной Мельпомены и Талии.

Повесть "Нерешенный вопрос", которую послал Вам Алексей Дмитриевич[4], прошу Вас напечатать без имени, как и все, что я имею честь доставлять Вам.

С глубочайшим уважением
имею честь быть
Ваш, милостивый государь,
покорнейший слуга
А. Григорьев.

1849.
Мая 4.

39. М.П. ПОГОДИНУ

22 ноября 1849. Москва

Милостивый государь,
Михайло Петрович!

Вы, я думаю, считаете меня сильно виноватым перед Вами – да и имеете на это полное право. Человек вызвался у Вас работать, не сделал ничего или наделал дряни, за которую взял даже несколько денег – и не кажет глаз целых полтора года... все шансы на то, чтобы считать его нелепым, если еще не хуже. Оправдывать себя я не берусь, но так как Вы меня порядочно-хорошо знаете и знаете, что собственная моя натура немножко получше той, которую я было себе сделал, – то Вы, вероятно, и не переставали надеяться на мое исправление. В самом деле, если полтора года безукоризненной жизни семьянина и столько же времени усердной и аккуратной службы в звании наставника[1], могут служить для Вас ручательствами, то – имею честь их представить.

Я считаю себя Вам должным – и желал бы расплатиться работой... В то время, как Вы предложили мне отдел в "Москвитянине", я, право, еще не определил себе ясно, что именно я могу делать: во мне было только смутное желание что-нибудь делать и как-нибудь определить себя. Вспомните, что я только что вырвался из разных бездн умственного и морального опьянения!.. Вы поручили мне отдел политики[2] – нельзя было сделать поручения неудачнее. Результат был только тот, что я Вам задолжал и что потом, путаясь долгое время в крутейших обстоятельствах, совестился показать глаза.

Теперь я знаю меру своих сил и знаю, что могу делать. Не стану предлагать себя в сотрудники по таким отделам, в которых мы можем не сойтись во взгляде (или лучше сказать, не во взгляде, а в угле взгляда) – не стану, во-первых, потому, что опыт научил меня не жертвовать никогда дорого купленною самостоятельностью, какова бы она ни была, а, во-вторых, потому, что ни Вам, ни журналу не было бы пользы в деятельности насильственной: сознавая себя эклектиком, я не стану под знамя ни той, ни другой партии. Но я могу 1) переводить (в стихах и в прозе), 2) делать извлечения из являющихся во Франции и Германии сочинений по *истории* и

искусству, 3) составлять монографии о писателях, которых я изучил и т.д. – действовать у Вас, одним словом, только в тех отделах, где не нужно ничего иного, кроме добросовестного труда и литературной образованности.

С этою целью и с этими намерениями, я просил Мих⟨аила⟩ Ник⟨олаевича⟩ Загоскина представить меня А.Ф. Вельтману...[3]

С этою целью я желаю представиться и к Вам. Черкните мне, когда Вы будете свободны вечером – и я тотчас же явлюсь к Вам, бесконечно уважаемый мною Михайло Петрович.

Ваш
А. Григорьев.

Адрес мой: На Остоженке, в приходе Нового Воскресенья, в Полуэктовском переулке. В доме артистки Сабуровой[4].

На обороте:

Его высокородию,
М⟨илостивому⟩ г⟨осударю⟩
Михайлу Петровичу
Погодину.
На Девичьем Поле,
в собственном доме.

40. А.А. КРАЕВСКОМУ

16 декабря 1849. Москва

Милостивый государь,
Андрей Александрович!

Тысячу раз благодарю Вас за присылку мне денег, которыми Вы меня истинно обязали.

Вместе с тем, позвольте обратиться к Вам с следующим делом: не угодно ли Вам поместить у себя в нынешнем году полный перевод “Вильгельма Мейстера”, по крайней мере, “Lehrjahre”[1]. Постоянно изучая Гёте, я бы занялся этим делом с величайшим наслаждением и, притом, без особенных претензий, т.е. за Вашу обыкновенную, казенную плату с переводного листа; больше я даже и не хочу, потому что этот труд был бы для меня, так сказать, отдыхом – да и, притом, работать для Вашего журнала – все равно, что служить в казенном месте: так здесь и верны и обеспечены шансы.

Еще одно. Не благоугодно ли будет Вам завести в “Смеси” постоянное небольшое отделение: *Обзорение журналов*. Как опыт, я пришлю Вам в скором времени статью о последних книжках 1849 года[2]. Из нее, разумеется, Вы можете сделать, что хотите, т.е. печатать или не печатать. В Вашей же воле будет придать этим статьям более или менее полемический характер, обрезывать и распространять вооружения против многоразличных литературных ересей – *великосветских* или *невеликосветских*. Руководясь всегда здравым вкусом многоуважаемого мною Алексея Дмитрича[3], я надеюсь, что он поможет мне в этом деле советами и замечаниями, потому что, стремясь к деятельности сколько-нибудь добросовестной, вовсе не счи-

таю постыдным принимать советы от людей, которых авторитет признаю я по *разумному* убеждению; но зато, сознавая свою добросовестность, не намерен поклоняться мнениям иногородных подписчиков[4] и других героев, которые могут импонировать (и притом – весьма вредно) только на зело молодых людей. Я сам, как Вам, вероятно, не безызвестно, купался достаточно во всякой литературной грязи и вынес крепкое убеждение во вреде субъективных высших взглядов и в дешевизне парадоксов.

В ожидании Вашего ответа
имею честь быть
глубоко уважающий Вас
А. Григорьев.

1849.
Дек. 16.

1850

41. Ф.А. КОНИ

8 марта 1850. Москва

Милостивый государь,
Федор Алексеевич!

Очень рад, что помещение Вами двух моих юношеских грехов в “Пантеоне”[1], дает мне случай и повод писать к Вам. Не распространяюсь в сочувствии к Вашему изданию, которому когда-то посвящал я так много сил, – в изъявлениях моего личного уважения к Вам, – а пишу к Вам прямо о деле. Дело вот в чем. Вы обещали напечатать мой перевод “Короля Лира” – ради Бога, не делайте этого: Вы остыдите и свое издание и меня. Перевод был мною *сделан* еще в 1837 году, т.е. когда мне было только шестнадцать лет и когда я читал Шекспира только по-французски... Если Вы хотите что-нибудь мое – то напишите мне, не желаете ли Вы, чтобы я занялся *дельным* переводом “Короля Лира”[2]: занятый почти специально изучением Шекспира, я это сделаю за самую умеренную плату, из чистого дилетантизма и даже вовсе без платы, если Вы похлопочете о постановке моего перевода на сцену... но такой перевод я не могу Вам обещать раньше будущей зимы. Покаместь же, не хотите ли Вы, чтобы я перевел для Вас в стихах пьесу или фантазию Альфреда де Мюссе: “Les Marrons au feu”[3] – вещь славная и по мысли и по форме!.. Перевод комедии Делавиня тоже надобно было бы исправить – ну, да уж Бог с ним!.. Посылаю Вам несколько переводов из Гёте[4], которые я желал бы видеть напечатанными не врозь, а вместе. *Может быть*, добуду Вам несколько стихотворений А.А. Фета, Н. Берга!

Еще вот что: не хотите ли Вы завести подробную и *дельную* хронику Московского театра? В этом случае, я предлагаю Вам не свои услуги, потому что я уже пишу об этом в “Отеч⟨ественные⟩ записки” – но у меня есть хороший приятель, человек умный, образованный и ученый, который, любя театр, взялся бы за это дело с

удовольствием[5]. Условия его будут очень просты – доставьте ему как-нибудь даровой вход в театр, и он – Ваш.

Если Вам угодно будет отвечать мне, то прошу Вас писать на мое имя по следующему адресу:

В Москву,

В контору “Отеч⟨ественных⟩ записок”, в университетской книжной лавке И.В. Базунова на Страстном бульваре

А.А. Григорьеву.

А на первый раз позвольте взять с Вас взятку “Пантеоном”. При желании всего лучшего и Вам, и Вашему изданию,

остаюсь

готовый к услугам

А. Григорьев.

1850.
Марта 8.

42. Ф.А. КОНИ

19 апреля 1850. Москва

Москва.
1850.
Апр. 19.

Милостивый государь,
Федор Алексеевич!

Спешу доставить Вам *первую* статью[1] того сотрудника, о котором я Вам писал, статью, как Вы сами увидите, замечательную и по интересу содержания, и по зрелости взгляда. Павел Ефимович *Басистов* готов работать в Ваш журнал с удовольствием и притом в *настоящее*, трудное для “Пантеона”, время, без денежного вознаграждения. Доставьте ему только вход в театры поскорее, если хотите иметь даровитого и ученого рецензента, какого Вам иметь не мешает. Сделавши свое дело, предоставляю сноситься Вам с ним самим *лично*, т.е. писать на имя его, адресуя на контору “Отеч⟨ественных⟩ записок” в лавку И.В. Базунова или в Воспитательный дом, где он – учителем русской словесности.

Я лично не вышлю Вам ничего до июля месяца, потому что до вакации страшно обременен экзаменами в институте и пансионах и другими учительскими обязанностями. В вакацию имею в виду сделать довольно много и для Вас лично докончить “Les Marrons au feu”[2] – это будет мое приношение и Вам лично и журналу. Желаю Вам всех благ “от росы небесной и тука земного”[3] и остаюсь

искренно уважающий Вас
А. Григорьев.

P.S. С чего Вам представилось, что я послал Вам *стихи* Фета и притом – напечатанные? Стихи – мои, и напечатано всего только одно: “Auf dem See” в моей статье о Фете в “Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исках⟩”[4]. Посылаю Вам его элегии: напечатанные вычеркнуты, ненапечатанные – Ваши[5].

43. М.П. ПОГОДИНУ

30 декабря 1850. Москва

Ей-богу, я сам в отчаянии, многоуважаемый Михайло Петрович, – но во все эти две недели, я, право, не мог написать ни единой строки, ни даже связать в голове две-три человеческих мысли, а писать, что в голову взбредет, не считаю полезным. Пусть лучше статья поспеет ко второй книжке да выйдет порядочная[1]. Не сердитесь, а лучше пожалейте обо мне – у меня голова идет кругом от опасного положения здоровья моей жены, право, я не виноват, что моему доброму намерению помешали слишком тяжкие обстоятельства. Вы спросите – почему я Вас не уведомил? Да просто потому, что каждый божий день надеялся отдохнуть на два, на три часа за работой.

Все это, впрочем, пишется к Мих⟨айлу⟩ Петровичу – человеку, а не редактору – перед коим я опять виноват.

Ваш
Григорьев.

1851

44. М.П. ПОГОДИНУ

19 февраля 1851. Москва

Милостивый государь,
Михайло Петрович!

1) В квартире Арнольди я не нашел ни самого Арнольди и никого, кто бы мог сказать мне, где остановился Григорович. Единственное, что я в этом отношении мог сделать – сказал в Вашей конторе, чтобы, если явятся туда сам Григорович, Колошин или Островский, сообщили бы им о Вашем желании видеть первого.

2) Статьи при мне от цензора еще не приносили: передал Ваш приказ.

3) Был у Корша насчет статьи о Кудрявцеве[1]. Сократить он не соглашается, потому что, как он говорит, он и так уже ее сократил. Насчет *цены* затруднений не будет. Гуртом, он за *шесть* листов возьмет 50 целковых (почти по 9 р. сер⟨ебром⟩ за лист). Видя такую уступчивость, я, разумеется, не мог настаивать на сокращении – да и вообще-то мое положение было очень ложное. В воскресенье вечером я к Вам привезу его лично.

4) В конторе я взял "Ричарда III-го" – и статью о нем доставлю в возможной скорости[2]: только, сделайте милость, предупредите Островского и Колошина, что написать ее вызвался я не сам, а по Вашему поручению.

5) Недавно получены две, довольно замечательных, новости французской литературы. Одна – "*Geneviève*", *par A. de Lamartine*[3]; другая: "*Monk et la restauration*", *par Guizot*[4]. Переводить "Geneviève" не стоит – но написать об оной статейку, не бо-

лее как в лист печатный, – не мешает, что я и сделаю[5] непосредственно за статьей о “Ричарде”. О “Монке” – статейку в *пол-листа* – можно заказать Коршу. Вообще – постоянный, по возможности, обзор новостей иностранной литературы был бы весьма не излишним в журнале. На первый раз – пустить бы в мартовскую книжку – о Женевьеве и о Монке – а там, чтó Бог даст.

6) Перемените обещанного мною *Лессинга*, с которым я едва ли скоро кончу, на статью под следующим заглавием: “Рётшер как критик искусства и его сочинения”[6]. Эту статью я, вероятно, окончу к июню или к июлю, потому что почти со всеми его Abhandlungen* я знаком – и ныне достал последнюю, мне неизвестную.

С глубоким уважением
имею честь быть
Ваш, милостивый государь,
покорный слуга
А. Григорьев.

1851.
Февр. 19.
8 часов вечера.

На обороте:
Его высокородию,
м⟨илостивому⟩ г⟨осударю⟩
Михайлу Петровичу
Погодину.
На Девичьем Поле,
в собственном доме.

45. М.П. ПОГОДИНУ

5 марта 1851. Москва

Ради Бога, извините меня, многоуважаемый Михайло Петрович, что я, похитив у Вас № “Москвитянина”, не прислал Вам его, как обещал, в субботу. Виною тут – не неаккуратность, а недостаток свободной минуты улучиться в контору – пожалуйста, не сердитесь: завтра, т.е. во вторник, пришлю Вам свой неразрезанный экземпляр вместе с статьей о “Библиотеке”[1]. Сегодня имею честь доставить о “Репертуаре”[2].

К Вам две у меня просьбы:

1) Прошу, умоляю даже, Вас доставить мне подлежащие разбору моему журналы немедленно по получении их в Москве – и это чисто в интересе Вашего журнала, с одной стороны, и, с другой, в интересе моего весьма плохого здоровья. В эти дни, торопясь читать и писать, я сидел долго по ночам и ужасно как скверно себя чувствую. При аккуратном получении – я могу работать, как следует, т.е. не наси-

* статьями (*нем.*).

луя своих физических средств. Не сочтите этой просьбы с моей стороны – *нежничаньем* – и рад бы в рай, да грехи не пускают.

2) Нельзя ли назначить днем *сходки* у Вас – вторник, потому что в пятницу после восьми уроков[3] – я становлюсь совершенной тряпкой, неспособной сказать путное слово.

Преданный Вам
А. Григорьев.

46. М.П. ПОГОДИНУ

14 марта 1851. Москва

Милостивый государь,
Михайло Петрович!

Весьма кстати случилось, что вчера я не взял у Вас денег, потому что, по разным домашним обстоятельствам, приходится беспокоить Вас просьбою о более важной сумме. Мне необходимо иметь в руках *сто двадцать* рублей серебром, чтобы не упустить из виду дешевой, удобной и близкой к гимназии и к Вам квартиры[1]. Деньги нужны мне, конечно, не сейчас, но непременно к концу следующей недели. Сумма довольно значительная – и знаю наперед, что Вы немного поморщитесь да и будете совершенно как *в своем праве* – но скажу Вам одно только, что Вам все-таки легче достать такую сумму, чем мне, и что, с другой стороны, хоть я не Писемский, не Островский, а все-таки не бесполезный член Вашего журнала. До сих пор, в течение трех месяцев, я заработал у Вас листов *восемь*; предположительно, что столько же заработаю по крайней мере в четыре – значит, мы и сочтемся: кроме того – Вам же принадлежит “Сон в летнюю ночь”, который надеюсь я окончательно отделать весною[2]. Вообще – не хочу прибегать к многословию*: убеждают только бóльшею частью те, кому плохо верят; Вы же – меня знаете и (за что я вам в особенности благодарен) мне верите. Единственное затруднение, следственно, может быть только в недостатке налицо суммы – да и сумма, значительная для меня, не может быть чересчур значительною для Вас, по крайней мере не в такой степени значительною, чтоб не могла накопиться в полторы недели. Мне же лично Вы окажете, без вреда себе, – добро: Вы понимаете сами, как важно иметь деньги не по мелочам, а зараз – я же теперь, благодаря *чину* и благодаря сношениям округа с министерством[3], давая чуть не сорок уроков в неделю – сижу на семидесяти рублях серебром в месяц.

Вот Вам мое положение – рассудите сами, к кому мне обратиться, кроме Вас? К Краевскому, хоть от него никогда не бывало отказу и хотя с ним окончательно счелся, нельзя, потому что, служа теперь исключительно “Москвитянину”, я, взявши такую сумму, не разочтусь с ним до второго пришествия – да он же, я думаю, и злится на меня за участие в другом журнале, брать вперед в Воспитательном доме тоже не совсем удобно или сопряжено с такими глупыми за-

---

* *Первоначально было*: убеждать много не намерен.

труднениями, что проклянешь день и час своего рождения. Выручите уж Вы, многоуважаемый Михайло Петрович!

Весь Ваш

14 марта. А. Григорьев.

На обороте:
Его высокородию,
м⟨илостивому⟩ г⟨осударю⟩
Михайлу Петровичу
Погодину.

47. М.П. ПОГОДИНУ

19 или 20 марта 1851. Москва

Милостивый государь,
Михайло Петрович!

Пишу к Вам вторично о моей просьбе не потому, чтобы я сколько-нибудь сомневался в Вашем добром желании исполнить ее, а вот по какому, для меня весьма скверному, обстоятельству: попечитель утвердил меня в гимназии учителем законоведения бумагою от 15 числа марта – начал же я читать с 1-го февраля – и так как не хотят меня лишить следующего мне по всему праву вознаграждения за труд, то должно пойти новое представление к Назимову о разрешении выдачи мне жалованья по расчету. Значит – дело замедлится еще на месяц – и таким образом, я опять без денег, а между тем, от сырости в квартире у меня больны дети, так что один малютка в весьма ненадежном положении. Вообще, никогда, или, по крайней мере, давно уже, средства мои не были так плохи. Нельзя ли добыть денег к концу недели – а если раньше, – то, разумеется, еще того лучше.

Кстати, я сделал приблизительный счет наших финансовых отношений.

Взято у Вас в разные времена – 20 рублей с⟨еребром⟩
– 40 р. с⟨еребром⟩
– 50 р. с⟨еребром⟩

Итого – 110 р. с⟨еребром⟩.

Да по старым счетам состояло – 15 р. с⟨еребром⟩ (т.е. с исключением из 30-ти – 15-ти за лист печатный о комедии Менщикова “Причуды” в 1850 г.[1])

Заработано –
В 2-м № – почти 2 листа.
В 3-м № – более 2-х листов.
В 4-м № – без осьмушки 1 лист.
В 5-м № – более 1 $^{1}/_{2}$.
В 6-м № – без восьмушки 2 листа.

Итого около 8 $^{1}/_{2}$ листов[2].
8 $^{1}/_{2} \times 15 = 127$.

Значит – мы совершенно квиты.
Ожидаю 3-го № "Современника".
С глубоким уважением имею честь быть

Весь Ваш
А. Григорьев.

На обороте:
Его высокородию,
м⟨илостивому⟩ г⟨осударю⟩
Михайлу Петровичу
Погодину.

48. М.П. ПОГОДИНУ

24 марта 1851. Москва

Милостивый государь,
Михайло Петрович!

Имею честь доставить половину статьи о "Современнике": будет еще ровно столько же – и сам привезу во вторник[1]. О "Сотрудниках" напишу статейку завтра и пришлю в понедельник[2]. № 2-й "Пантеона" вышел – прикажите мне его доставить поскорее.

Ради Бога – присылайте денег. Повторяю Вам опять, что никогда Вы не можете обязать меня так, как теперь обяжете. Праздник на дворе – надобно переехать и проч., а денег ни гроша – даже позадолжал несколько. Все это вы поймете конечно. До свидания!

Весь Ваш – головою, рукою и сердцем
А. Григорьев.

1851 года.
Марта 24. Суббота.
3 часа ночи.

49. М.П. ПОГОДИНУ

Апрель–май 1851. Москва

Милостивый государь,
Михайло Петрович!

Имею честь доставить конец статьи.

Завтра буду иметь удовольствие Вас видеть и представить Вам нашего сотрудника Н.И. Шаповалова.

Весь Ваш
А. Григорьев.

50. М.П. ПОГОДИНУ

Около 21 мая 1851. Москва

Извините меня, многоуважаемый Михайло Петрович, что я не был у Вас вот уже неделю. Экзамены, уроки и последние представления Самойловой[1]. – Буду у Вас, вероятно, в середу.

Портрет снят и вышел удачен[2] – теперь я передал дело добрейшему Бергу, который принялся за него с ревностью. Вероятно, через неделю – портрет можно будет раздать подписчикам.

Посылаю Вам "Театральную летопись"[3]. Не могут же они всего вымарывать, а и того, что останется – будет достаточно.

Если Арнольди не был у Вас, то умозаключение вывести не трудно. Видно – надобно возложить упование только на собственные средства и силы[4].

Ваш
А. Григорьев.

51. М.П. ПОГОДИНУ

22 или 23 мая 1851. Москва

Вот Вам статья – я просидел над ней вплоть до зари, желая сохранить ее по возможности[1]. Как вы увидите – исключены все повторения и все, что может скандализировать, но порядок остался почти тот же – да и Вас прошу я его оставить: иначе, если переменить, разорвется нить *непосредственных* впечатлений.

Роман посылаю[2]. 4-я часть будет Вам доставлена весьма скоро.

Портрет поправлен будет сегодня по физиономии Самойловой и может выйти в субботу, если попросить наперед цензора. Я поеду к нему в пятницу, переговоря с Вами предварительно в четверг.

Весь Ваш
А. Григорьев.

52. М.П. ПОГОДИНУ

Между 21 и 28 мая 1851. Москва

Извините меня, многоуважаемый Михайло Петрович, что я решаюсь Вас беспокоить просьбою моею, ко мне относящейся – впрочем, не денежной. Но прежде всего – надобно сказать несколько слов о деле. Посылаемые листки театральной летописи хорошо бы, купно с оставленными Вам мною в воскресенье, – отправить завтра же к Верст⟨овскому⟩ для посылки к директору[1]. Жаль будет, если статья разобьется больше, чем на два отдела. Статью о "Современнике" дописываю и доставлю непременно к 4 числу[2]. Статью о "Репертуаре и пантеоне" – надобно отложить

до следующей книжки[3]. Что делать? Вы видите, я работаю сколько могу – возьмите в расчет, что я даю:

13 уроков в Восп⟨итательном⟩ доме
15 в гимназии
2 в пансионе[4]
2 у Нечаева
2 в школе

Итого: 34 урока в неделю.

Вот это-то меня и мучит, об этом-то, т.е. об устройстве моих дел, и хочется мне поговорить с Вами. Часто хотелось бы и то и другое сделать, и о том и о другом написать – да придешь домой совсем разбитый, так что никуда уже не годишься. Конечно, на это можно возразить, что надобно потерпеть, оттерпеться – да, это так! но – когда оттерпишься – не будешь уже ровно ни к чему годен, упадешь и телом и душою, состаришься прежде времени под гнетом поденной работы, еще более под гнетом тяжелой скорби о том, что – беспутной молодостью, с одной стороны, и тяжкою поденщиною в зрелом возрасте погубил много сил в самом себе. Безотрадное, безвыходное положение – когда трудишься, как возовая лошадь, не видя ни пользы в своем труде, ни даже такого материального вознаграждения, которое было бы с ним уравновешено. И поневоле приходят подчас в голову те же самые *праздные* мысли, какие приходили герою "Медного всадника":

Ведь есть же праздные ленивцы,
Ума недальнего – счастливцы,
Которых жизнь куда легка...[5]

Ну – хорошо: добьюсь я в сорок или даже тридцать пять лет такого положения, когда буду работать меньше, а получать больше, по тому известному на Руси правилу, что чем место выше, тем труда и ответственности меньше, да опять повторяю – куда я буду годиться, когда уже и теперь страдаю одышкой и припадками самой черной ипохондрии, в одну из минут которой и пишу я к вам эти малозанимательные строки. Между тем – выдвинуться пораньше на более ровный путь хоть и трудно, но не невозможно.

Связей у меня – нет вовсе. С одними – я просто не сошелся, с другими разошелся: было время, когда и Гран⟨овский⟩ и другие, имеющие вес и влияние люди, любили меня, ждали от меня чего-то. В том, что теперь у меня нет связей, виноваты наполовину дурные стороны моего характера и темные пятна моей жизни, а наполовину – хорошие, т.е. моя решительная неспособность принадлежать к приходу, jurare in verba magistri* и клятвенно отречься от собственной личности. Пытался и я унять себя в этом отношении – да видно уж нельзя: рано или поздно – белое покажется мне белым, а не синим и не красным, каким ему быть приказано... С правою стороною – не сходился я никогда и, кажется, нечего объяснять, почему (под правою я разумею – l'extrême droite**). Между тем, особенной неуживчивостью или нетерпимостью я не отличаюсь и весьма способен на различные *уступки* и *примирения*.

---

* клясться словами учителя (*лат.*).

** крайне правую (*фр.*).

Всю эту речь я веду к тому, чтобы выразить посерьезнее и пообстоятельнее то, о чем намекал я Вам как-то раз. Так или иначе, пособите мне выбиться вперед, на более обеспеченную и спокойную позицию – на какое-нибудь место, которое бы давало мне возможность отдаваться тому труду, к какому я особенно способен, труду кабинетному, литературному. У Вас есть связи, есть люди, которые в состоянии вытащить за уши – не вдруг и не сейчас, конечно, но и не в пять же лет или – храни Боже – в десять, в течение которых обратишься в старую тряпку – наживешь, пожалуй, рак в желудке при отсутствии определенного часа для сна и пищи да при вечных тягостных заботах.

Вот все, что я хотел сказать Вам – единственному сколько-нибудь сильному человеку, с которым я не разошелся. Разумеется, что я не говорю – способствуйте вот сейчас тому-то и тому-то – нет! я повторяю только усердную просьбу действовать постепенно, но не с той убийственной постепенностью, какая прежде лишит человека всякой энергии, а потом пришлет, как белке, воз орехов.

53. М.П. ПОГОДИНУ

28 мая 1851. Москва

Не сердитесь, добрейший и многоуважаемый мною Михайло Петрович, что я не был у Вас вчера. У меня самым странным образом разболелась нога, так что не было возможности надеть сапоги. Сегодня, если будет легче, буду у Вас вечером и привезу статью об “Антонине” и “1-ое апреля”[1]. Теперь посылаю окончание о “Пантеоне и репертуаре”[2]. К Шаповалову я посылал, и он, вероятно, уже доставил Вам лично 4-ю часть[3]. Портрет готов будет в четверг[4], ибо в праздники[5] не работают... Если нога моя не позволит мне быть у Вас, то статью получите завтра утром.

Весь Ваш
А. Григорьев.

Мая 28.

На обороте:
Его высокородию,
м⟨илостивому⟩ г⟨осударю⟩
Михайлу Петровичу
Погодину.

54. М.П. ПОГОДИНУ

30 мая 1851. Москва

Простите, многоуважаемый Михайло Петрович, что задержал несколько “Антонину”[1]. О “Разговоре” Тургенева – лучше бы написать Вам самим, в виде, пожалуй, замечания к нашим статьям[2]. Говорю это не потому, чтобы мне лень было написать, а потому, что Вы едва ли не беспристрастнее можете это сделать. Посылаю Вам статью Корша о “Geneviève” Ламартина[3]. Просмотрите ее, сделайте милость.

По моему мнению – статья весьма недурна – и не расходится с *нашими* взглядами. До свидания – до пятницы.

Весь Ваш

А. Григорьев.

1851.
Мая 30.

55. М.П. ПОГОДИНУ

Около 31 мая 1851. Москва

Впопыхах я приезжал потому, что нам хотелось сегодня же выпустить в продажу портрет и я обрекал себя нынешний день на путешествия к цензору, к магазинщикам и на всякого рода поездки. Можете себе представить, как мне жаль было, что я не застал Вас дома. Но по справкам оказалось, что портрет не может быть напечатан сегодня в необходимом для нас количестве экземпляров, потому что не заготовлено бумаги в таком виде, в каком ее употребляют при печатании. Стало быть, портрет выйдет в понедельник утром. Потрудитесь заготовить записочку к цензору, чтобы он подписал экземпляр портрета и дал от себя записку на выпуск портретов из литографии. Портрет при сем посылается еще без подписи, ибо это – самый первый оттиск. Завтра утром я к Вам явлюсь за запиской к цензору. Следующие экземпляры будут напечатаны еще *мягче* и *нежнее*: это бывает всегда. За деньги усерднейше Вас благодарим и просим Вас приготовить* завтра утром остальные, ибо Мартынов заедет к Николаю Васильевичу[1] после обеда. Кажется, портретом *трудно* не быть довольным. Все, кому мы показывали – в восторге. О нем можно упомянуть как об одном из украшений журнала. Требования на портрет оказываются еще до его выхода и, не дальше как вчера, три господина являлись к Блякерсу в магазин и спрашивали, нет ли портрета Самойловой, а один, несколько дней тому назад, был у Кирстена и спрашивал о том же; являлись некоторые к Вейнгартнеру, где снималась фотография, и осведомлялись, скоро ли выйдет портрет. Кажется, можно воскликнуть: Ура, наша взяла! ибо все, с начала до конца, делали русские и исполнили, как следует. Впрочем, представляем Вам судить по всей строгости.

Весь Ваш

А. Григорьев.

Берг поправляется и свидетельствует Вам почтение. Не приписывает, потому что это письмо писалось нами сообща.

56. М.П. ПОГОДИНУ

6 июня 1851. Москва

Многоуважаемый Михайло Петрович!

Насилу достали бумагу, нужную для портрета: слава Богу, что пришла вовремя – французская – полученная в таможне в то самое время, когда Н.В. Берг готов уже был взять русской.

Между тем, я к Вам с жалобою (не за себя, а за Н.В. Берга) на Вашего конторщика. За каких *жуликов* считает он нас, что отказывает в *девяти* целковых, нуж-

---

* *Было*: прислать

ных для Мартынова, – и тут же, при словах о бумаге, вынимает *десять* целковых. Согласитесь, что это крайне неприлично в отношении к нам, как, кажется, весьма бескорыстным в этом деле. Ради Бога – избавьте нас от отношений с подобным субъектом – и все *денежные* дела ведите всегда с нами лично. Берг чрезвычайно оскорбился да и был прав. В какое положение поставил бы он его в отношении к Мартынову и какое мнение получил бы последний о редакции журнала, заставляющей два раза приходить за какими-нибудь *девятью* целковыми? Хорошо, что пришла бумага в типографию и что деньги, взятые на покупку бумаги, могли быть употреблены на расплату. Извините меня, что я так много говорю о деле, по-видимому, весьма ничтожном: от *внешности* зависит на свете многое, если не все. Берг, например, – добрейший и бескорыстнейший человек, имел право оскорбиться, – оскорбился бы равномерно и я, если бы получил подобную оплеуху.

Ради Бога – уведомьте меня, пришла или нет статья?[1]

Весь Ваш
А. Григорьев.

1851.
Июня 6.

57. М.П. ПОГОДИНУ

27 июня 1851. Москва

Посылаю Вам, многоуважаемый Михайло Петрович, вторую статью о театре[1], из которой, надеюсь, не надобно будет извлекать квадратный корень. Сделайте милость, потрудитесь прислать ее поскорее*. Письмо Гедеонова Вы, вероятно, получили, а статью я в тот же день снес в типографию, и она выйдет с книжкою 1-го числа. Теперь кажется мне, и для нас и для Гедеонова будет лучше, если посылать статьи в исправленных корректурах. *Так* позвольте распорядиться и с этою статьею. Как Вы пришлете ее – я отдам печа⟨та⟩ть и корректуру отправлю в Петербург.

В типографиях я бываю ежедневно. Дело идет как следует.

Пишу, пишу и пишу взапуски – что́ кончу, тотчас же пришлю к Вам в следующем порядке: 1) О “Пантеоне”, 2) О “Современнике”, 3) О “Легенде о Монтрозе”, 4) О “Ярмарке тщеславия”[2].

Эдельсона еще не видал – он на даче.

Ради Бога, просмотрите статью поскорее. Теперь надобно без перерыва помещать статьи о театре в каждой книжке.

Позвольте пожелать Ва̀м веселиться и быть здоровым.

Весь Ваш
А. Григорьев.

Июня 27.

---

* *Далее зачеркнуто*: (окончание доставить не замедлю).

58. М.П. ПОГОДИНУ

Около 4 июля 1851. Москва

Милостивый государь,
многоуважаемый Михайло Петрович!

Из прилагаемого письма Голубинского Вы усмотрите сами печальную необходимость замедлить выход 13-го № и заместить стихотворение Мея – другими[1]. Подвергнуть №, может быть, заарестованию, а цензора (да еще вдобавок такого, каков Ржевский) непременному строгому выговору, – или двумя днями запоздать, – тут выбора, конечно, быть не могло. Сноситься с Вами – значило бы растянуть дело еще больше, – и я решился, посоветовавшись с Ильей Михайловым, действительно верным блюстителем наших интересов, да с Кокоревым – заместить стихи Мея другими стихами и первый лист перепечатать. Впрочем, так или иначе, а *должно* было принять решительные меры. Не взыщите, что для замещения воспользовался я теми стихотворными матерьялами, какие были у меня под руками – стихотворением Фета да двумя моими собственными переводами.

Впрочем, № запоздал не более как двумя днями – да и убыток денежный тоже, кажется, не велик. Одним словом, надобно утешиться тем, что бывают обстоятельства и еще хуже.

Все остальное обстоит благополучно – а именно: 14-й № уже печатается – у Готье, сколько я знаю,

"Уста и чаша"[2]
Статья моя о "Пантеоне" за май[3]
Статья о Гасфельде[4]
Статейки о книжонках Кокорева, который был у меня сегодня.

У Степанова:

Кокорев взял две статейки в "Смесь", чтобы отнести туда – сегодня, – и "Записок игрока" на 1 лист печатный[5].

Завтра снесу к Готье кончаемую мною статью о "Легенде Монтроза"[6], зайду к Эдельсону поторопить статьею о "Записках"[7] – и сам займусь писанием статьи о "Современнике"[8].

При желании Вам всего лучшего,
остаюсь
Весь Ваш
А. Григорьев.

P.S. Сделайте милость, возвратите поскорее статью о Полтавцеве[9]. Может быть, успеем.

59. М.П. ПОГОДИНУ

25 июля 1851. Москва

Вы, я думаю, удивляетесь, многоуважаемый Михайло Петрович, что я не пишу к Вам – но на это я могу много представить оправданий, и первое – страшная неудобность сообщений с Вами.

О делах Вы, верно, уже знаете. Замедлялся "Москвитянин" преимущественно от цензуры. "Уста и чаша" – не прошли...[1]

Зной ли ужасный, вообще ли хандра, которой я страдал в это время, тому причиною – но я был в самом злом и грустном расположении духа и в особенности злился на наш журнал. Теперь для меня ясно, чего именно не достает. Не достает – порядка... Слыхано ли где-либо, чтобы пропадали неизвестно куда материалы, – а у нас пропало несколько глав “Копперфильда”[2] – пропало без следов!

Доставленные мне от Вас рукописи я имел терпение прочесть, кроме романа г. Угреньева. Они оказались совершенно негодными.

Приезжал в Москву Полонский (Я.П.) и читал нам с Островским драму “Дареджана”. Хотя она и запродана уже им почти в “Библиотеку для чтения” – но, как мой старый друг, он готов продать ее нам[3]. Вещь не без достоинств. Театральная летопись послана в корректуре, готова совсем третья статья[4], которая должна быть послана переписанная для предосторожности.

О “Современнике” я не писал потому в 14-м №, что я соединил вместе *два* N-os “Современника” (июнь и июль), как в 14-м № соединил два № “Пантеона”[5].

Приезжайте, ради Бога, скорее. Мы здесь без Вас, как овцы без пастыря – да и притом ни одной овцы не доищешься. – Хорошими были бы мы *редакторами*!

Объявление о “Москвитянине” я готовлю.

Весь Ваш
А. Григорьев.

1851.
Июля 25.

На обороте:
Его высокородию,
м⟨илостивому⟩ г⟨осударю⟩
Михайлу Петровичу
Погодину.

60. М.П. ПОГОДИНУ

1 августа 1851. Москва

Многоуважаемый Михайло Петрович! Из Спасского я возвращусь[1] очень поздно и быть у Вас не успею. Позвольте проститься с Вами заочно и попросить Вас оставить мне *письменно* Ваши распоряжения на время Вашего отсутствия. Я завтра утром заеду. Желал бы я также, чтобы Вы не забыли моей просьбы – крайне нужно *десять* р. сер⟨ебром⟩. Оставьте их на мое имя кому-нибудь у Вас дома.

Весь Ваш
А. Григорьев.

1851.
Авг. 1.

61. М.П. ПОГОДИНУ

Конец августа–начало сентября (до 5) 1851. Москва

Статья, из которой привел я отрывок, многоуважаемый Михайло Петрович, принадлежит рано умершему и весьма серьезному человеку, Валериану Майкову. Напечатана в 1844 году "Отеч⟨ественных⟩ записок"[1].

К Эдельсону я посылал вчера и нынче утром. Двери у него на запоре – ни его, ни Филиппова нет.

Имею честь послать Вам:
1) Ваш портфёль со всеми врученными Вами мне бумагами, кроме отданных мною И.Т.Кокореву.
2) Продолжение статьи Амадея Тьерри[2].
3) Проэкт объявления и программы "Москвитянина"[3].

Пишу о "Современнике"[4] и привезу Вам в четверг.

Весь Ваш
А. Григорьев.

62. М.П. ПОГОДИНУ

3 сентября 1851. Москва

Садовский сегодня играет в водевиле "Архивариус"[1] – и стало быть, может явиться только к *девяти* часам. Напишите подробный адрес дачи графа Блудова[2] – я тотчас же отправлю его к Садовскому.

Весь Ваш
А. Григорьев.

Понедельник.

63. М.П. ПОГОДИНУ

19 сентября 1851. Москва

Посылаю Вам первую порцию "Мольера"[1] – скорее отправьте в типографию. Вся штука может быть сделана в восемь дней со включением нынешнего – значит, поспеет ровно к 28-му числу. Благодарю Вас, что Вы скоро уведомили меня о Вашем решении. Вот так-то и надобно всегда делать – явилось что-либо примечательное новое – тотчас же и приниматься за работу.

Завтра (т.е. в четверг) я у Вас не буду. Надобно непременно побывать в спектакле, и потом, возвратясь, опять работать.

Так как в это время я исключительно буду занят переводом "Мольера" – то статью о "Современнике" позвольте отложить до следующей книжки, тем более, что статью об этом № надобно написать серьезную[2].

О Самойловой – пишу[3]. До свидания вероятно в воскресенье утром.

Весь Ваш
А.Г.

1851.
Сент. 19. Середа.
Три часа ночи.

64. М.П. ПОГОДИНУ

2–3 октября 1851. Москва

Теперь – статья пойдет как по маслу[1], потому что я сделал самое трудное – общий вывод – и надеюсь, что das Allgemeine*, которое мне недешево досталось, не перешло здесь в *das Gemeine***. С моим общим выводом Вы можете не согласиться – но не можете отрицать, конечно, что он *учинен* добросовестно и на основании чистых требований искусства – а потому его не изменяйте[2], тем более что в нем нет ничего оскорбительного.

Для скорейшего хода дела – прикажите *два этих листка**** поскорее набрать и также скоро набирать следующие. К Гедеонову пошлем в корректуре.

Весь Ваш

А. Григорьев.

1851.
Окт. 2.
Вторник.

NB: Хорошо, что Вы не поехали сегодня в театр. Такого мерзостного представления "Ревизора"[3] – я не мог бы даже вообразить.

P.S. *Окт. 3.* Сегодня я рано встал и успел написать еще листок.

65. М.П. ПОГОДИНУ

10 октября 1851. Москва

Завтра мне быть у Вас нельзя, потому что – в театре "Отелло"[1] – позвольте лучше явиться к Вам с Шап⟨оваловым⟩ и Нов⟨ицким⟩ в воскресенье.

К Коршу пошлю сейчас же. О *Садовском* я писать не буду, о Шумском и его бенефисе написано в статье, которую я имел честь Вам доставить[2] – разве не потерялось ли? В таком случае, уведомьте, Бога ради.

Конец статьи о "Современнике"[3] доставлю завтра.

Весь Ваш

А. Григорьев.

Середа.
Вечером.

66. М.П. ПОГОДИНУ

17 или 24 октября 1851. Москва

Работать я, слава Богу, могу – хоть тяжело мне и не меньше, чем тогда, когда я приезжал к Вам. Исхода страшной тоске – даже и не предвидится – так напоминает всякий предмет в комнате о недавнем, лучшем жильце моего домашнего мира…[1]

---

* всеобщее (*нем.*).
** обыкновенное (*нем.*).
*** *Вместо зачеркнутого*: этот листок

Завтра пришлю конец статьи о театре[2] – и вероятно, – перевод из “Debats”[3].

Весь Ваш
А. Григорьев.

1851.
Окт.
Середа.

67. М.П. ПОГОДИНУ

Октябрь 1851. Москва

Многоуважаемый Михаил Петрович!

Дело мое в толках о “Лире” – сторона[1]; я сам отстранил себя в них от всякого участия, и смирение простер я, как Вы видели, до того, что просил не сердиться на меня из-за разногласия мнения – *друзей*, распускающих про меня, как я знаю достоверно, слухи, что я сужу не как они из *угождения Дирекции* (!!!) – точно я сам – актер!! – Но ради пользы журнала, прошу Вас присовокупить к статье примечаньице[2] (разумеется, вежливое), которое бы и Вас, и меня и журнал от оной отстранило… Статья, слава Богу, – довольно умная, но крайне пристрастная, носящая на себе все признаки мнения *пяти, шести* человек, которую надобно зело опасаться выдать за мнение *журнала*. Иначе на журнал падут и обвинения в невежественных толках о Шекспире, которого *полосуют* ради неудавшейся игры артиста. Всякий кружок в ослеплении – подобен вепрю или льву, который ходит *рыкая, искай кого поглотити*[3] – а наш готов съесть и Шекспира – тем более, что с Шекспиром знаком он больше понаслышке. Прошу Вас подумать об этом и не принять за порыв самолюбия весьма искренний взгляд на дела человека, преданного и Вам и журналу…

Григорьев.

68. М.П. ПОГОДИНУ

1 ноября 1851. Москва

Многоуважаемый Михайло Петрович!

Разъясните мне, Бога ради, кто́ издает “Москвитянин” – Вы или *компания*? – и право поправлять статьи принадлежит ли *только* Вам или всем и каждому? А⟨лександр⟩ Н⟨иколаевич⟩ хвалился вчера, что поправил несколько выражений в моей статье о Самойловой!..[1] Вы знаете, как безусловно принимаю я *Ваши* поправки и даже благодарен Вам за это – но позвольте и мне, хоть я и не гений, иметь сколько-нибудь *человеческого* самолюбия. Изменение малейшей йоты в моей статье кем-либо другим, кроме Вас, редактора журнала и притом редактора, с которым я почти совершенно согласен в основных положениях, – может бесить даже и меня, человека, как Вам не безызвестно, весьма кроткого. – Не худо бы вспомнить исправляющим, что я чему-нибудь учился…

Потому я прошу Вас показать, если нужно, *господам* эту записку. Мало ли в чем они могут быть не согласны со мною? Я вот тоже не согласен с статьею Филиппова[2] – но я не присвоил себе права поправить в ней ни единого слова.

Это – не *каприз,* а желание разъяснить отношения.

В субботу утром* к Вам заеду и привезу половину статьи о “Современнике”[3].

Весь Ваш
А. Григорьев.

1851.
Ноября 1.

69. А.А. КРАЕВСКОМУ

Начало ноября 1851. Москва

Милостивый государь,
Андрей Александрович!

Литературные отношения, в которых я имел честь состоять с Вами и с Вашим журналом, были, хотя и недолговременны, но так приятны, что о них я вспоминаю всегда с величайшим удовольствием. Тем более неприятно мне, что до сих пор еще я не расплатился с Вами: за мною, как Вам небезызвестно, состоит *сто* рублей серебром – и я просил бы Вас покорнейше назначить мне, какою именно работой позволите Вы уплатить эту сумму, оригинальной или переводной – это все равно. Назначьте – и будет исполнено с величайшею точностью. Театральной хроники я не присылал потому, что несколько статей моих погибло, а переписывать афиши мне не хотелось; притом же, открылась возможность вести в “Москвитянине” постоянную и подробную летопись театра по моим убеждениям. О статье об А. де Мюссе я не имею до сих пор никаких известий[1]; насчет продолжения перевода “Мейстера” Вы мне ничего не отвечали[2].

Так как это все-таки труд, который было бы весьма неприятно потерять даром, – то я решаюсь покорнейше просить Вас возвратить мне то, что Вам не нужно, т.е. “Мейстера” или статью о Мюссе, и погибшие письма о театре[3] – и вместе с тем, назначением мне нового труда дать средства уплатить ту сумму, которую я имею честь состоять Вам должен. Ненужное Вам прошу Вас вручить А.Н. Егунову.

С глубоким и истинным уважением,
имею честь быть,
Ваш, милостивый государь,
покорнейший слуга
А. Григорьев.

70. М.П. ПОГОДИНУ

26–27 ноября 1851. Москва

Многоуважаемый Михайло Петрович!

Разного рода беды сыплются на меня с некоторого времени, – так что я решительно теряю всякое терпение – и прихожу в отчаяние.

Приходится опять Вас тревожить и тревожить не по пустякам. Ради Бога – спасайте меня в настоящую минуту – от беды неминучей. Дело вот какого рода.

---

* *Вместо зачеркнутого*: Завтра

По заемному письму, данному мною Занфтлебену – в сто рублей серебром – еще в 1849 году, т.е. когда у меня не было никаких средств, а между тем, нужно было прикрывать свое грешное тело – я платил только проценты. Теперь – хоть повеситься, а надобно к *четвергу* – это крайний из крайних сроков – отдать сумму сполна: иначе 3.* грозился отправиться к попечителю[1], что, как Вы сами понять можете, хуже всякого полицейского взыскания.

Войдите в мое положение – и прежде упреков мне за беспутное житие не по средствам – возьмите в расчет, что только два года** каких-нибудь я получаю сколько-нибудь сносный оклад, что за два года назад шестимесячная болезнь жены чего-нибудь мне стоила, что у меня – одним словом, множество *задов* отвратительных, отравляющих мою жизнь. Сообразите все это – и выручайте меня, как выручали Вы не раз гораздо более неблагонадежных артистов. Мысль о том, чтобы Вы могли сомневаться во мне – в голову мне не приходит. Теперь Вы, я полагаю, достаточно меня знаете – чтобы верить мне.

Очень может статься, что у Вас нет денег – чему я верю вполне. Но – случай такой крайний, что я умоляю Вас достать во что бы то ни стало... и в четверг, ради Бога.

Статью о “Современнике” доставляю завтра[2].

Весь Ваш

А. Григорьев.

1851.
Ноября 26.

P.S. Вчера я не успел захватить Вашего сына, чтобы передать ему эту записку... Приписываю еще нынче: Ради Бога – выручайте! Я весь болен и боюсь лечь в постель.

71. М.П. ПОГОДИНУ

30 ноября 1851. Москва

Многоуважаемый Михайло Петрович!

Посылаю Вам “*В⟨ильгельма⟩ Мейстера*” – и с величайшею радостью отдаю его “Москвитянину”, где для него приличнее место, чем в “Записках”[1]. Хотя, работая прежде Краевскому так же усердно и честно, как Вам – я выполнил дело по крайнему разумению, – но не откажусь просмотреть перевод мой и, как говорится, mettre la dernière main***. Условия, разумеется, обыкновенные: при настоящем положении дел “Москвитянина” я – больше *шести* целковых за лист – считаю не честным и требовать. Одно только – я попрошу отдельных *сто пятьдесят* экземпляров.

Кроме того, возвратилась ко мне и статья об А. де Мюссе[2]. Оную *непременно* должно прочитать нам с Вами вместе, хоть Вы и не большой охотник слушать такие чтения. Но что делать? – нужно... Этой статьей я слишком дорожу: она писалась два месяца, обдумывалась долго. Советы и поправки приму, конечно, с благодарностью.

---

* *Вместо зачеркнутого*: он
** *Далее вычеркнуто:* из
*** нанести последние штрихи (*фр.*).

Завтра утром я к Вам заеду и – ради Бога – достаньте еще *пятьдесят* целковых для удовлетворения моего кредитора-ракалии...[3] Вы видите сами, что *гарантии* за себя я могу представить.

Весь Ваш
А. Григорьев.

1851.
Ноября 30.
Пятница.

72. М.П. ПОГОДИНУ

5 декабря 1851. Москва

Не удивитесь, Михайло Петрович, что я, пикирующийся аккуратностью, посылаю Вам только начало статьи о "Современнике"[1]. Вчера погубил вечер на именинах. Сегодняшний вечер и завтрешнее утро надеюсь употребить в дело. Что касается до начала, то, пожалуйста, не уничтожайте полемических резкостей. Иногда – это нужно и даже очень.

Весь Ваш
А. Григорьев.

1851.
Дек. 5.
Середа.

P.S. Нельзя ли прислать завтра "*Revue*", где – статья Мериме о Гоголе[2].

73. М.П. ПОГОДИНУ

14 декабря 1851. Москва

Вот Вам и конец статьи о Гоголе[1], многоуважаемый Михайло Петрович. Статья вышла – жаркая, может быть, и слишком – но, предоставляя Вам право на подстрочное примечание, я – * прошу Вас не изменять в ней – *ничего*. Вы знаете, что Гоголь для меня – святыня, которой служу я с фанатическим идолопоклонством – и горжусь таким идолослужением.

Весь Ваш
А. Григорьев.

Пятница.

74. М.П. ПОГОДИНУ

15 декабря 1851. Москва

Милостивый государь
Михайло Петрович!

Вы имеете милую привычку (говорю Вам это не попрека ради) – всю свою желчь на неаккуратность сотрудников вообще – изливать на одного, – зная очень хорошо, что неаккуратность, какая случится у Вашего покорнейшего слуги – про-

* *Вычеркнуто*: и

исходит от причин, совершенно от него не зависящих. "Revue Brit⟨anique⟩", слава Богу, был у меня дома, и я его послал к Пановскому.

Теперь другое. В четверг Вы прислали мне толстый № "Современника" с предписанием доставить статью в пятницу. Его надобно было *прочесть* – и я обещал доставить статью *сегодня*, но как на беду назначен был вчера Совет в гимназии и я, как секретарь, проработал там до девяти часов (давши в день пять уроков). Конечно – до всего этого ни журналу, ни редактору – дела нет, но... – в этом *но* заключается все безобразие той собачьей жизни, которую ведет Ваш усердный сотрудник.

Завтра утром – Вы получите статью о "Современнике"[1].

Чем же Вы думаете заменить повесть графини?[2] Если нет у Вас ничего в виду – ткните мой рассказ[3] да еще что-нибудь коротенькое. С рук сойдет.

Новый поэт расхвалил "Адама Адамыча"[4] – а здешние западники ругали как повесть непристойную и даже похабную. – Пустите с моим рассказом достолюбезный дневник барышни: "*Он*"[5].

Весь Ваш
А. Григорьев.

1851.
Дек. 15.

75. М.П. ПОГОДИНУ

Конец декабря 1851. Москва

Милостивый государь,
Михайло Петрович!

Не хотелось мне нынешний месяц вовсе Вас беспокоить – и все, даже *отчаянные* усилия употреблял я для этого – но взять вперед из Восп⟨итательного⟩ дома или из гимназии нет никакой возможности:* до 10 января, потому что все счеты должны быть там кончены к новому году. Между тем – не нынче-завтра – жена моя родит[1] – того и жду.

Большей суммы я, конечно, и не прошу – зная Ваши и журнальные дела – но *пятьдесят* целковых дайте мне непременно – хоть в долг до 10-го января, когда можно будет опять начать жить вперед. – Вспомните, что в прошлый раз от Вас полученное прямо перешло в *уплату*, – что этот месяц я все жил вперед – и Вы не удивитесь, что у меня теперь – только *пять* целковых. Опять Вам повторяю – если нельзя иначе, я Вам отдам деньги 10 января. Бросить меня теперь на волю благого Провиденья – Вы не можете – потому что Вы человек... Понятно Вам так же, что без тяжкой кровавой необходимости – не может человек приставать к другому с таким медным лбом.

Чувствую сам, что вина – *моя* в том, что отравлена так вся моя жизнь – но слишком долго было бы объяснить Вам – да и бесполезно – причины такой запутанности.

Что я пристаю теперь опять к Вам с такой унизительной неотступностью – в этом не моя вина. Можете осведомиться у Штрика, как вымаливал я там денег за январь.

---

* *Далее вычеркнуто*: между тем

Боже мой – если бы Вы знали, как иногда тяжело – и *денежно* и *морально* Вашему покорному слуге, как подчас умереть хотелось бы… Видишь, как силы тратятся, видишь, что со всем желанием добра не делаешь и четверти того, что бы хотелось сделать, чувствуешь, что какой-то гнет проклятия лежит на каждой мысли… Не смейтесь, ради Бога, над этой непрошенной искренностью. Нужно иногда высказываться – хоть *вполовину,* высказать хоть *внешние* причины своей болезни. Видит Бог, что я желал пламенно поддержать человеческое достоинство *хоть* в отношениях моих с Вами.

Есть ли исход этому? – спросите Вы, конечно, по всему праву. И есть и нет. Денежному расстройству – *да*, моральному – *едва ли.* Берите меня таким, каков я есть – и не ждите ничего, кроме возовой лошади. Но она все-таки нужна журналу, если журнал будет существовать… В настоящую минуту, впрочем, я больше кляча, чем лошадь, да вдобавок еще разбитая на ноги.* Не киньте же меня хоть Вы – пригожусь еще.

76. М.П. ПОГОДИНУ

1851 ⟨?⟩. Москва.

Многоуважаемый Михайло Петрович!

Младший Островский[1] был вчера у Вас по известному Вам поручению его брата и просил меня сегодня послать к Вам за Вашим ответом. Сделайте милость – отвечайте ему на его имя, ибо я в этом деле человек посторонний. Сегодня вечером постараюсь быть у Вас.

Весь Ваш
А. Григорьев.

1852

77. М.П. ПОГОДИНУ

3 января 1852. Москва

Спешу оправдать себя в первой и, вероятно, последней неаккуратности. Жена моя с 25 дек⟨абря⟩ ежедневно мучилась припадками – и только вчера, т.е. 2 янв⟨аря⟩, в шесть часов вечера родила сына[1]. Во все это весьма для меня мучительное время, я, как и всегда в подобных обстоятельствах, – был больше, чем мужем, нянькою – ибо, к моему и ее несчастию, – в ее семье (между нами будь сказано) не найдется ни одной настолько путной женщины, которая бы решилась на некоторое время быть не à vingt quatre épingles** и принять в деле настоящее участие – значит,

---

* *Далее вычеркнуто*: Мочи нет, Михайло Петрович! Если Ваш Бог существует – то за что же он казнит так не за преступления, а за неосторожности? В короткое время Он отнял у меня так много, и в душе моей оставили страшную пустоту потери.

** одетой с иголочки (*фр.*).

все бремя хлопот, попечений до последних мелочей падает на меня. Теперь, впрочем, все обстоит благополучно. Ро́ды, как и всегда у нее, были хотя мучительные, но правильные.

Опять усерднейше повторяю мою просьбу – удостоить быть крестным отцом моего сына.

Глубоко преданный Вам

А. Григорьев.

1852.
Янв. 3.
Четверг. Утром.

78. М.П. ПОГОДИНУ

8 января 1852. Москва

Вот Вам статья[1], бесконечно уважаемый Михайло Петрович. Хвост ее последний привезу в четверг. Прочтя ее, Вы увидите, что с моей точки зрения я в отношении к Лермонтову прав. Дело иное – самая точка зрения – но за нее отвечаю я лично, и она так тесно связана с моей личностью, что изменить ее мне нельзя. До свидания!

Весь Ваш

А. Григорьев.

1856.
Янв. 8.

79. М.П. ПОГОДИНУ

Начало января 1852. Москва

Ради Бога, Михайло Петрович – имейте хоть немного человеколюбия ко мне. Мне до зарезу нужно сегодня денег. Как я прожил праздник – и сам не знаю. – Позвольте повидаться с Вами. Ведь это требует меньше времени, чем взяла у Вас записка ко мне…[1] Счет готов, да двух последних N-os у меня не было. Вообще – оригинального с сентября на 4 1/2 листа – да “Мейстера” не знаю сколько, а что-то много.

80. М.П. ПОГОДИНУ

19 января 1852. Москва

Вероятно, Вы браните меня, многоуважаемый кум[1] и достопочтеннейший отец-командир, за мое молчание! Простите великодушно; * – тугое составление этой самого меня измучившей статьи[2], конечно, не беспричинно. Я чувствую, что обязуюсь перед публикою отвечать тут за каждое убеждение, что сам разрываю здесь все прежние связи и отношения, что, одним словом, прямо перехожу на ту сторону, к которой влекли меня давно стремления сердца. Вам я скажу откровенно – что ка-

---

* *Далее вычеркнуто*: в

ждая страница стоит мне самых мучительных процессов. Дайте кончить это – и я опять буду аккуратнейшим образом катать казенщину, т.е. разбор журналов и книг. – Продолжение же и окончание сей статьи позвольте доставлять отделами.

Весь Ваш
А. Григорьев.

1852.
Янв. 19.
Суббота.

81. М.П. ПОГОДИНУ

20 января 1852. Москва

Ура – я добрался счастливо до берега, т.е. до литературы 1851 года – многоуважаемый кум! Все, что хотелось мне высказать, что у меня долго на душе копилось – сказано, как я хотел[1]. Прикажите набрать – и в четверг мы прочтем ее с нашими.

Весь Ваш
А. Григорьев.

1852.
15 Янв.
Воскресенье.

82. М.П. ПОГОДИНУ

27 января 1852. Москва

Вот Вам, достопочтеннейший кум, – все, что можно сказать о “Библиотеке” до отдела “Смеси”[1]. Надеюсь, что Вы будете довольны сжатостью – свойством, как Вам известно, которым я не отличаюсь. Но – не взыщите. В отделе “Смеси” я, к моему вятщему удовольствию, встретил “Письма Иногородного Подписчика”[2] и другие диковинки, которые все имел терпение прочесть. *Вследствие сего* – завтра Вы получите хвост почти такой же меры. Не побрезгуйте! Я что-то – в большем духе работать.

Весь Ваш
А. Григорьев.

83. М.П. ПОГОДИНУ

28 января 1852. Москва

Посылаю Вам последний хвостик статьи о “Библиотеке”[1]. Скоро доставлю и четвертую статью о литературе[2] – потом надобно написать большую статью о театральном полугодии[3], потом взять у Вас начало статьи об “Отелло” и продолжать[4]. Работать смерть хочется – тем более хочется, что, как я слышу отвсюду, ни на кого из нас так не сердятся в настоящую минуту *олимпийцы*, как на меня грешного. А между тем – я все так же болен и *соматически* и *психически*, выражаясь языком Бенеке. Тяжело что-то.

Вчера встретил Головачева у одной барыни и раскаялся в своем хорошем о нем мнении. Такая свинья, что Боже упаси!

Весь Ваш
А. Григорьев.

1852.
Янв. 28.
Вечером.

84. М.П. ПОГОДИНУ

Декабрь 1851–январь 1852. Москва

Многоуважаемый Михайло Петрович!

Если Вы все так же затрудняетесь насчет повести или рассказа – то посылаю вам *Ерунду*, не похожую на повесть или рассказ[1], но, как я надеюсь, не совсем глупую и которую можно с удобством ткнуть в число других Ерунд. – Имени моего, пожалуйста, никому не выдавайте, потому что для создания этого бессмертного произведения – я должен был поднять столько дряни и гадости в себе самом, что признаться в них печатно – совестно.

Посылаю конец статьи о Гейне[2], которая и предрасположила меня к *творчеству*.

Весь Ваш
А. Григорьев.

85. М.П. ПОГОДИНУ

4 февраля 1852. Москва

Две причины, достопочтеннейший Михайло Петрович, – заставляют меня быть несколько несрочным в отношении к статье[1]. 1) Хлопоты по порученному мне Штриком устроению спектакля в Воспитательном доме, от чего нельзя было отказаться – и 2) Трудность самой статьи. Я могу сказать, что в ней каждая страница достается мне тяжким усилием – ибо, повторяю сказанное раз, – я пишу ее за всех *нас*, отвечаю как за свои личные, так и за наши общие мнения. Не забудьте при том, что сегодня еще только 4 февраля. Начало ее – т.е. главное – написано и читано Островскому – нынче, вечер от 8-ми часов я могу работать и, значит, завтра доставлю Вам с Митей[2] половину – остальную послезавтра. Надобно же хоть в одной статье подумать о целости и стройности... Я сам душевно желал бы поскорей с нею справиться – и опять заняться черной работой, правду сказать, несколько запущенной. Возьмите также во внимание и то, что трудно человеку, привыкшему к честным анализам, выводить общие итоги.

Весь Ваш
А. Григорьев.

86. М.П. ПОГОДИНУ

8 февраля 1852. Москва

Окончил я, *наконец* (несмотря на Масляницу[1], имеющую влияние и на меня как на всякого грешного русского человека), свою *бесконечную* статью – и умоляю Вас, достопочтеннейший кум, настоять на том, чтобы *окончательный* ее вывод сохранился в целости[2]. Знаю, что скромность Александра Николаича будет против этого вывода, но ведь дело поставляется так, что всякий из нас в нашем же журнале скажет свое слово о “Бедной невесте”, т.е. каждый с своей точки зрения поклонится ей как гениальному созданию мастера. Раз напечатанная, она уже перестает быть достоянием партии[3]. Что же за смешная щепетильность? – или потому не сметь признавать произведение Островского последним словом литературы в настоящую минуту, что автор ее – Островский, а мы – его друзья и поклонники его гения? – или еще потому, что оно напечатано в нашем журнале? Нет! иногда нужно принести в жертву такую пошлую щепетильность, и когда нужно, огромить смелым словом правды. Вы это поймете, потому что Вы же один из первых, если не первый, поклонились Гоголю в свое время[4].

Завтра, т.е. в субботу утром, я у Вас буду.

Весь Ваш
А. Григорьев.

8 февр.
Пятница.

P.S. Зная, что Вы принимаете некоторое участие в том, что лично до меня касается, – уведомляю Вас, что спектакль в Восп⟨итательном⟩ доме сошел весьма благополучно – и начальство меня весьма благодарило.

87. М.П. ПОГОДИНУ

12 февраля 1852. Москва

Если Вы – верите иногда в темные предчувствия души, – то́ умоляю Вас исключить выходку против “Денщика”[1]. Я боюсь со стороны наших литературных врагов всего на свете. Протест весьма благороден – но опасен. Вспомните “Телеграф” и “*Руку Всевышнего*”[2]. Дело наше идет – но осторожность не мешает, иногда даже излишняя. Ради Бога – уступите в этом случае моему внутреннему голосу. Ведь мы – не западные рыцари с правилом: *pereat mundus, fiat justitia*!* *Все* успеем сказать в свое время и в своем месте!

Мне не дает покою эта мысль, мне – человеку, как Вам известно, не отличающемуся осмотрительностью… Вспомните слова Писания: Не надейтесь на князи и на сыны человеческия[3].

Весь Ваш
А. Г.

1852.
Февр. 12.

---

* пусть мир погибнет, но свершится правосудие! (*лат.*).

88. М.П. ПОГОДИНУ

Около 19 февраля 1852. Москва

Я к Вам с просьбою, достопочтеннейший кум – с просьбою, равно относящеюся и к пользам нашего дела и к моим личным пользам.

Для статьи о Кукольнике[1] и для многих других задуманных мною статей – мне необходимо проверить и пересмотреть литературу и критику нашу с 1835 года, т.е. мне нужны *журналы*. В этом деле Вы мне легко можете помочь. Так, на первый раз, мне нужно перечесть или, лучше, пересмотреть всю “Библиотеку для чтения” с начала ее существования.

У *Ивана Алексеевича Дмитриева* – она существует вся, но он, как все библиоманы, скуп на книги. Для Вас он, конечно, не откажет – поделиться своими материалами. Напишите к нему записочку, чтобы он (за Вашим ручательством) – давал мне по году этого журнала. Сделайте милость, не откажите. Моя деятельность – как критика – историческая, определилась для меня совершенно ясно с последнею статьею...[2] Помогите работать – если находите работу мою годною – и чем скорей, тем лучше.

89. М.П. ПОГОДИНУ

25 или 26 февраля 1852. Москва

Не упрекайте меня, почтеннейший и глубокоуважаемый кум, что в последнее время я вижусь с Вами довольно редко. Надеюсь, Вы верите, что преданность моя к Вам лично (о преданности нашему общему делу считаю излишним и говорить, ибо в последнее время я дошел до фанатизма в этом отношении) – остается все тою же – и что в моих редких появлениях виною – обстоятельства.

Имею честь доставить начало статьи о “Библиотеке”. Просмотрите то, что сказано о стихах г. Долина или Сушкова[1] – и если нужно*, то прибавьте сами несколько *колких* черт. Окончание (вся статья будет мерою в лист печатный[2]) доставлю, как следует, в четверг. Да не получили ли Вы “Пантеона” (который я видел между прочим у графини Ростопчиной), “Петерб⟨ургских⟩ ведомостей” и “Сына отечества”? Сообразите, что всю эту *Ерунду* надобно не только просмотреть, но прочесть.

Еще вот что: Вы, говорят, недовольны, что в статье моей я настроил только крыльца?[3] – Да ведь и целью ее были – крыльца, ибо о чем же говорить в отношении к литературе 1851 года?... Надобно было назвать ее иначе – вот это может быть так, да и название оправдать в случае нужды сумеем – а именно, я надеюсь, что *Филиппов* сделает это при разборе “Современника”...[4] Дело в том, что крыльца задели за живое и уязвили довольно метко.

На просьбу мою насчет средств изучения, Вы ничего не отвечаете – а ей Богу, это очень для меня важно[5].

---

* *Вместо зачеркнутого*: можно

Когда же – начнете Вы печатать моих “Современных поэтов, драматургов и повествователей”, т.е. *Гейне* и *Мюссе*[6] как начало?..

До свидания, т.е. до четверга!

Весь Ваш
А. Григорьев.

90. М.П. ПОГОДИНУ

28 февраля 1852 г. Москва

Имею честь доставить окончание о “Библиотеке”[1].

Второй № “Пантеона” – вышел и, вероятно, Вами получен. Пришлите мне его с подателем сей записки – надобно ковать железо, пока оно горячо. Я опять *завел* себя на работу – надобно всеми мерами продолжить это состояние. Я себя знаю и знаю, что надобно только опять вдаться в дело. *На мази* уже и статья о Тамарине[2]. До свидания!

91. М.П. ПОГОДИНУ

До 18 марта 1852. Москва

Благодарю Вас, добрейший и достопочтеннейший Михаил Петрович, за то, что Вы не оставили без внимания моей просьбы, – но в настоящую минуту я хочу обратиться к Вам за добрым советом и помощью в деле гораздо более важном. Собственно для этого я и явился к Вам в субботу.

Изволите видеть, какое дело. Инспектор 3-й гимназии Оглоблин[1] подал прошение об увольнении в отставку: никогда никакое место не приходилось более по средствам и по силам Вашего покорнейшего слуги. Казенных воспитанников в 3-й гимназии, как Вам не безызвестно, нет: *значит*, все занятия инспектора относятся к классам и оканчиваются в 2 $^1/_2$ часа, – значит также, нет тут и хозяйственной части, которую я так способен спутать. Вне же оной – я надеюсь быть на что-либо годным. Шансов у меня на получение этого места – ровно никаких, и будь это при другом попечителе, я не решился бы Вас беспокоить – но, когда все зависит от чистых случайностей, то я думаю, позволительно человеку, столько как я измученному разными житейскими скверностями – сказать: Ва банк!.. Расчеты у меня 1) на Вас, 2) на графиню[2], которая, разумеется, по неописанной доброте не откажется пустить в ход женскую артиллерию, 3) на другую графиню (т.е. Сальяс), которая из *point d'honneur chevaleresque** сочтет за удовольствие оказать услугу порядочному человеку, *тем более* (NB) литературному врагу, 4) на Степана Петровича[3] и 5) на Баршева (но это уж, кажется, для роскоши).

Рассудите милостиво – может ли быть какой-нибудь путь во всем этом? – и если *может*, то ради той гуманности, которой Вы никогда не изменяли, – примите это дело к сердцу. Без Вашего совета – я не решался и не решусь ступить тут шага:

---

* рыцарской чести (*фр.*).

я не поехал даже в субботу к графине, чтобы не впасть во искушение – просить ее о невозможном… А Вы, как нарочно, – едете завтра в Петербург.

Надобно ковать железо, пока оно горячо. Если Вы совершенно постигнете всю важность 800 р. серебром жалованья, квартиры, отопления и освещения для Вашего покорнейшего слуги – и находите, что он имеет не меньше прав на таковые блага, чем Мей, то Вы придумаете и зависящие от Вас средства. Мне кажется (но – действуйте, как Вам Бог на душу положит), что письмо от Вас, поданное мною Назимову, письмо с прописанием моих качеств, как учителя и литератора, и нужд, как семейного человека, письмо, несколько адвокатское – подействовало бы весьма сильно. Во всяком случае, отвечайте мне хоть с энергическим лаконизмом: *хлопотать* или *нет.*

Жду Вашего ответа – завтра: черкните мне хоть перед отъездом!

Глубоко преданных Вам

А. Григорьев.

Понедельник.

92. М.П. ПОГОДИНУ

До 18 марта 1852. Москва

Я был вчера сам у Ржевского. Он сегодня поедет к Назимову и будет говорить, во-первых, с ним самим, а во-вторых, и с Похвисневым обо мне. Сделайте милость, не забудьте Елагиных и пиршества Иноземцева.

93. М.П. ПОГОДИНУ

До 18 марта 1852. Москва

Был сегодня у Степана Петровича. Он собирался к попечителю и хотел замолвить словечко. Но Елагины – очень важны в деле, как мне многие говорили. Возлагаю на Ваше превосходительство много упований.

94. М.П. ПОГОДИНУ

Начало апреля (до 8) 1852. Москва

Достопочтеннейший кум и патрон! С всегдашнею надеждою на Вашу доброту – ожидаю исполнения моей покорнейшей просьбы: сделайте милость, не откажите ссудить меня 35 р. серебром, нужными мне на дорогу и на прожитие в Петербурге[1]. Сам я лично, не желая нарушать Ваших занятий, – не явлюсь к Вам. – Желаю Вам доброго здоровья.

Глубоко уважающий Вас

Ап. Григорьев.

На обороте:

Его высокородию
м⟨илостивому⟩ г⟨осударю⟩
Михаилу Петровичу
Погодину.
Просят об ответе.

95. Н.Ф. ЩЕРБИНЕ

6 апреля 1852. Москва

Николай Федорович! Во вторник, т.е. послезавтра, я уезжаю в Петербург[1] – а завтра, т.е. в понедельник, все друзья мои прощаются со мною у меня. Жду и Вас.

Григорьев.

Воскресенье, вечером.

На обороте:
На Пресненских Прудах в доме князя Грузинского.
Николаю Федоровичу Щербине.

96. М.П. ПОГОДИНУ

18 октября 1852. Москва

Достопочтеннейший кум, отец и командир! – Сделайте милость, прикажите сейчас же набрать прилагаемое известие в имеющий выйдти № "Москвитянина"[1]. Об этом просим Вас мы все, т.е. и сам бенефициант, и Пров Михайлович[2], и Островский и – я. И то боюсь, не опоздала бы эта статейка и не оказалась бы горчицей после ужина.

Весь Ваш
А. Григорьев.

Окт. 18.

97. М.П. ПОГОДИНУ

Конец октября 1852. Москва

Никогда не думал я, бесконечно уважаемый мною Михайло Петрович, чтобы просьба моя могла Вас расстроить или взволновать, привыкши в разных нуждах обращаться к Вам с полною искренностью.

Филиппов подтвердит Вам, что действительная, крайняя необходимость заставила меня потревожить Вас, – и повторяю опять, – выручите меня, если только можно – и притом, поскорее.

До января месяца после получения просимой мною суммы я *обязуюсь* честным словом не беспокоить Вас более денежными просьбами – и вообще привести наши счеты в полную ясность, так, чтобы получать за статьи, а не вперед, ибо, во-первых, – я получаю место в одной школе[1], а, во-вторых, – награждение из гимназии 75 р. серебром в начале ноября, да в декабре получу за пансионера, которого мне дали. Теперь же – хоть повесься на осине, а денег достать не у кого – и на Вас вся надежда.

Письмо, сказали Вы, встревожило бы Вас еще более, если бы оно было первое в этом роде, но право, ни разу не беспокоил я Вас без самой крайней необходимости, которая от повторения, как известно, не слабеет... *Виноват* ли я, что у меня

уничтожился прошлый год* *шестой,* а в нынешнем году *седьмой* класс из перешедших в Воспитательный дом? Вы знаете, что, кроме собственных рук, у меня нет никаких средств существования!..

98. М.П. ПОГОДИНУ

13 декабря 1852. Москва

Теперь уже я прошу Вас, достопочтеннейший Михайло Петрович, дать мне простор и свободу. Я расписался с такою любовью к делу, что *оборвать* статью не хотел бы, разбивать ее на части тоже считаю для нее и для журнала не выгодным. К понедельнику я напишу ее всю. Понедельник, вторник, середа остаются для статьи о Редвице[1].

Приписывая разговор наш последний простому недоразумению, моей собственной неловкости и Вашему действительно болезненному душевному состоянию, – я прошу у Вас аудиэнции на час времени во *вторник* поутру. Причем прошу Вас извинить меня за настойчивость, с одной стороны, и неловкость, с другой.

99. М.П. ПОГОДИНУ

15 декабря 1852. Москва

Михайло Петрович! – ради Бога, позвольте мне окончить статью[1] так, как я ее задумал. О Редвице – пусть во второй номер[2]. Я измучен, устал и болен – а все-таки: завтра необходимо** мне видеть Вас – завтра утром.

100. М.П. ПОГОДИНУ

Декабрь (до 20) 1852. Москва

Милостивый государь
Михайло Петрович!

Имея полное, даже нравственное право делать мне самые строгие выговоры, – Вы только изумляете меня Вашею снисходительностию. Не думайте, что я начинаю этим, чтобы избежать выговора: нет – я хотел бы подвергнуться всей его строгости; я пишу это потому, что не могу не написать этого, хотя, может быть, Вам покажутся мои слова обыкновенным и легким порывом молодости. Но дозвольте же и оправдаться несколько:

1) Списки писаны мною в разное время и на разных листах, – и я мог ошибиться в числе, тем более, что, если не ошибаюсь опять, я сказал Вам, что набрал 80 или около 100, но не более. Завтра (т.е. в субботу) *обещаюсь* доставить Вам еще 60. Письмо Рафна имею честь представить.

---

* *Далее вычеркнуто*: пятый

** *Далее вычеркнуто*: Вам

2) В типографию иду сейчас сам и завтра доставлю Вам экземпляры, но уже не так, как доставил те, т.е. не на плечах солдата, чего я себе простить не в состоянии, подумавши об этом, т.е. наведенный Вами подумать об этом.

3) Я сказал Вам, что переплетенные экземпляры на белой бумаге, потому что, по совести, различие белой и серой – для меня не совсем ясно.

4) Письма Самойлова я даже и не видал, – хотя все бумаги вступающие вложены в новые журналы и хранятся в портфеле: это – одно, в сем я аккуратен.

– Жду Ваших приказаний, для отметки которых я завел теперь памятную книгу, ибо то, чего над моею неаккуратностию не в силах была бы сделать строгость, – Ваше благородное терпение наконец *должно* преодолеть.

Верьте, милостивый государь, тому глубокому искреннему почтению, –
с которым имею честь быть
преданнейший Вам
Григорьев.

На обороте:
Его высокородию
Милостивому государю
Михайлу Петровичу
Погодину.

101. М.П. ПОГОДИНУ

Конец 1852. Москва

Для того, чтобы писать *путным* образом, должно быть сколько-нибудь быть спокойным. Еще раз, достопочтеннейший Михайло Петрович, прошу Вас обратить внимание на мою просьбу, изложенную в письме к Вам. Panem et circenses!* – восклицал римский народ во времена императоров, времена, которые, как Вы знаете, были гораздо менее благоприятны, чем теперешние.

1853

102. М.П. ПОГОДИНУ

23 февраля 1853. Москва

Хотя Ваше превосходительство и объявили недавно печатно, что Вам надоели и посещения и письма знакомых и сотрудников, – но, когда дело идет, во-первых, об отношении сотрудников к журналу, а во-вторых, о будущем, как их, так и журнальном – то правило может быть нарушено, и покой Ваш мы имеем некоторое право потревожить ради будущих же отношений, их возможности и прочности.

Не стану говорить о других *наших*, потому что у них есть свой язык, буду говорить единственно о себе и о своих к журналу отношениях, хотя вполне уверен, что никому из *наших* мой взгляд на дело не покажется странным.

---

* Хлеба и зрелищ! (*лат.*).

Вы как-то сказали, что у меня сердце легкое и отходчивое – это правда, но мне кажется, что есть вещи, которые оскорбят самое легкое сердце. *И во-первых,* что Вы сделали с моей статьею о 1-м № "Библиотеки" и о литературе тридцатых годов? – статьею, которую я писал от имени всех нас, статьею, которая имела очевидною целью показать наше отношение к предшествовавшему[1]. Мы (не я один, но мы) видим и хотим видеть историческую связь между нашей деятельностью (как она ни малозначительна) и деятельностью пушкинской эпохи, но не видим и не хотим видеть связи между нами и М.А. Дмитриевым, которого имя Вам угодно было присовокупить к числу имен почтенных, нами уважаемых и, вследствие того, упомянутых[2]. Мы не видим также причин, почему заменено в одном месте позорное имя Федьки Булгарина именем, все-таки более достойным уважения, Н.А. Полевого: неужели потому только, что Федька служит *кое-где,* а Полевой – покойник? – неужели из страха "Северной Пчелы", не достойного ни Вас, ни нас, ни "Москвитянина"?.. почему... но конца бы не было исчислению тех, совершенно беспричинных, изменений в статье, которою я весьма дорожил?.. И после этого Вы упрекаете, что работа идет вяло!.. Руки отваливаются.

2) Чем Вы встречали и встречаете обыкновенно, а с недавних пор в особенности, денежные просьбы? Положим, что я – говорю опять лично о себе – Вам должен, положим, что внезапная смерть или какое-нибудь другое бедствие посетит меня и оставит за мною каких-нибудь много-много сто целковых, но найдите мне хоть одного из сотрудников любого журнала, который бы не был своему журналу должен втрое, вчетверо, впятеро больше моего – и которого бы редактор журнала встречал просьбы – советами и наставлениями *умерить* свои расходы, советами весьма назидательными, но к делу не относящимися?.. Надобно брать людей, каковы они есть, если они сколько-нибудь нужны для какого-либо дела. Меня Вы хоть зарежьте – а чем больше гнетут меня обстоятельства, тем меньше становлюсь я способен на какое-нибудь дело, тем больше впадаю я в апатию и в уныние. В настоящую минуту Вы довели меня до того, что я мечтаю только разделаться с моим долгом, бросить опротивевшую мне литературу и опять навьючить себя, как кляча, уроками. А между тем, согласитесь, что на что-нибудь был я и был бы годен журналу.

3) В Вашем превосходительстве глубоко укоренена мысль, что человека надобно держать всегда в черном теле, чтобы он был полезен. Мысль эта чрезвычайно ошибочна в приложении к людям нашей эпохи, из которых наконец самого легкого и отходчивого возьмет зло иную пору.

Вот что считал я обязанностию высказать Вашему превосходительству перед наступлением Великого поста. Кстати еще, – Вы посылаете звать наших через меня, как через курьера, забывая, что у меня даже и средств нет быть рассыльным?.. Согласитесь, что это очень патриархально, но и очень странно.

Имею честь быть

Вашего превосходительства

покорный слуга

А. Григорьев.

1853.
Февр. 23.

103. М.П. ПОГОДИНУ

Январь–март 1853. Москва

Достопочтеннейший Михайло Петрович! Несть, вероятно, конца всем упрекам, которые Вы отчасти справедливо мне делаете – но *потерпите мало*. Если Вы верите, что я, с одной стороны, – не Сергей Павлович[1], и с другой – не Иван Тимофеич[2], то верьте же и тому, что выйду я из той умственной апатии, которая овладела мною в последнее время. Кажется, Бог поможет мне пересилить этот недуг. Покамест – вот Вам статья о "Библиотеке", которой конец пришлю завтра. В пятницу утром буду иметь удовольствие лично Вас видеть.

1854

104. М.П. ПОГОДИНУ

Между 11 и 15 января 1854. Москва

Ваше превосходительство,
достопочтеннейший кум и отец-командир Михайло Петрович!

Вот что сейчас узнал я насчет выхода Каткова[1]. Он уехал в Петербург искать места, потому что жалованье редактора и проценты недостаточны ему для прожития. (NB. Он женат на *княжне* Шаликовой.) Стало быть, Лешкову (хоть он женат и не на княжне, а на православной христианке) – не слишком лестно променять на это место оклад ординарного профессора.

Средств у меня – искать нет никаких: биться лбом понапрасну мне уж и так надоело. Вам же стоит только выйдти из маленькой апатии, чтобы *дать* мне это место – невыгодное для мужей княжен, но весьма желательное для простого человека, как я.

Впрочем, я теперь уже привык к такому фатализму, что передаю Вам это для сведения: хотите Вы, чтобы газета, имеющая 13000 подписчиков[2], была в *верных* руках – действуйте; – не хотите – покоряюсь Вашей практической мудрости и злобствовать не буду. Сам я – повторяю Вам – пальцем не двинусь, ибо бесполезные искания только унижают человека, а я, как один из представителей дела, все-таки самого правого в литературе теперешней, унижаться более не хочу. Вы поймете, без сомнения, что так говорит во мне не личная гордость, не самолюбие – а желание соблюсти достоинство направления, которого Вы глава, а друзья наши – и я – органы.

Ваш
А. Григорьев.

P.S. Деньги получил и покорно благодарю. – Об известных стихах говорят уже и с именем автора[3]. Передайте это!

Забыл еще прибавить вот что: *Назимов* в большом затруднении, кого ему назначить редактором – а свояк мой, Валентин Корш, даже и не пытается искать этого места и переходит, по рекомендации Кавелина, в Оренбург секретарем к Перовскому.

105. М.П. ПОГОДИНУ

Середина марта 1854. Москва

Достопочтеннейший Михайло Петрович!

Имею честь доставить Вам окончание статьи о "Библиотеке"[1]. На сей неделе я буду иметь честь явиться к Вам с отцом для выслушания всего, что Вам угодно будет сказать*.

С глубоким почтением
имею честь быть
Ваш покорный слуга
А. Григорьев.

106. М.П. ПОГОДИНУ

29 марта 1854. Москва

Марта 29 1854 года.

Счет за № 6.

В *критике*: "Древние грамоты Ряз⟨анского⟩ края"[1].
В *журналистике*: "Библиотека для чтения"[2]:
NB.
В листе – 16 страниц.
В странице – 40 строк.

Итого, в листе – 640 строк.

Лист – 30 р. серебром.
Строка – 4 $^{11}/_{16}$ коп. серебром.
Страница – 1 р. 85 коп. сер⟨ебром⟩.

В книжке, с исключением всех выписок из "Библиотеки для чтения"
28 страниц, 30 строк или
19 стран⟨иц⟩ без 10 строк.
Итого = 52 р. 48 коп. сер⟨ебром⟩.
В уплату долга – 26 р. 24 коп. серебром.
Получить следует 26 р. 24 коп. серебром[3].

107. М.П. ПОГОДИНУ

Конец марта 1854. Москва

Достопочтеннейший Михаил Петрович!

Вы мне сделали большое удовольствие, позволивши вести денежные дела через посредство батюшки, от которого я не имею секретов. Мое желание – с которым и Вы будете, вероятно, согласны – чтобы и впредь таковые производить через него, и он бы расписывался в получении.

---

* *Далее вычеркнуто*: Вам

Надеясь на исполнение Вашего обещания остаюсь,
Глубоко благодарный и преданный Вам
Ап. Григорьев.

108. М.П. ПОГОДИНУ

Около 4 мая 1854. Москва

Счет за № 8.

В листе – 16 страниц.
В странице – 40 строк.
Итого в листе 640 строк.

Лист – 30 р. сер⟨ебром⟩.
Строка – 4 $^{11}/_{16}$ коп. сер⟨ебром⟩.
Стран⟨ица⟩ – 1 р. 85 коп. сер⟨ебром⟩.

В журналистике:
Статья от стран⟨ицы⟩ 170 до стран⟨ицы⟩ 188[1].
В ней – оригинальных строк – 391 строка, то есть
9 страниц и 31 строка.
Итого = 17 р. 97 коп.
Из оных в уплату долга следует – *8 р. 97 коп.*
Остается получить: 9 р. сер⟨ебром⟩.

109. М.П. ПОГОДИНУ

13 мая 1854. Москва

Милостивый государь
Михайло Петрович!

Я вывихнул себе ногу и поэтому не мог явиться на обед – не могу явиться к Вам лично еще и теперь.

Типография требует от меня материалу – а о чем мне писать? Мне не доставлены Вашею конторою ни 1) "Библиотека" за *апрель* и *май*[1], 2) ни "Пантеон" за январь, февраль, март, апрель[2]. Ради Бога, отдайте приказ!

Ваш
А. Григорьев.

Мая 13.

На обороте:

Его превосходительству
М⟨илостивому⟩ г⟨осударю⟩
Михаилу Петровичу
Погодину.
На Девичьем Поле, в приходе
Саввы священного, в собственном доме.

110. М.П. ПОГОДИНУ

Начало июня 1854. Москва

Честь имею поздравить Ваше превосходительство!

Статья о "Мериме", которой начало имею честь доставить, займет три, если не четыре листа[1]. Всякий день Вы будете получать от меня порцию.

Статью о Cyprien Robert – я буду работать по ночам, и Вы также скоро ее получите. Затем – статья в "Revue" о Крылове[2].

Ваш
А. Григорьев.

Когда я доберусь до нового сочинения Мериме: "Le Faux Démétrius"[3] – нужно будет побеседовать с Вами вечерок, чтобы не наврать нелепостей в историческом смысле.

Все *цитаты* из Мериме, коих будет довольно много, прикажите типографии набирать мельчайшим шрифтом.

111. М.П. ПОГОДИНУ

Вторая половина июня 1854. Москва

Счет за № 11-й.
1) Статья А. Григорьева. Проспер Мериме[1].
В листе – 16 стран⟨иц⟩.
В стран⟨ице⟩ – 40 строк.
В листе 640 строк.

Лист – 30 р. сер⟨ебром⟩.
Стран⟨ица⟩ – 1,75 коп. сер⟨ебром⟩.
Строка – 4 $^{11}/_{16}$ коп.

В статье 1 лист и 208 строк, т.е.
1 лист 5 стран⟨иц⟩ и 8 строк.
Итого = 38 р. 75 коп.*
Следует получить – 19 р. серебром.
2) Статья А.И. Дюбюка[2].
В оной – 5 стран⟨иц⟩** 53 строки
(6 стран⟨иц⟩ 13 строк).
Итого – 11 р. 10 коп. сер⟨ебром⟩, –
которые следует получить также мне по записке автора.
Получил Ап. Григорьев.

---

* *Далее вычеркнуто*: Из оных – 19 р. 75 коп. в погашение долга.

** *Далее вычеркнуто*: 253 строки

112. М.П. ПОГОДИНУ

28 июня 1854. Москва

Получил за июль месяц.
– *Июня 28.*
Ап. Григорьев.

113. М.П. ПОГОДИНУ

Июль 1854. Москва

Ваше превосходительство,
милостивый государь
достопочтеннейший Михайло Петрович!

Ради Бога, выручите меня, как, может быть, никогда не выручали. На меня подан к взысканию долг и заплатить его должен я сегодня! Думал было взять вперед жалование в гимназии – невозможно до 7-го числа. С субботы я мучусь ужасно. Заработаю. – Не я виноват, что огромная статья до сих пор не пущена в ход[1]. Другая статья о "Библиотеке" – готова тоже[2]. Кроме того – статья о гимназии[3]. Повторяю Вам, ради Бога, выручите – и дайте 50 целковых – 40 для уплаты долга и 10 для спокойного домашнего существования на несколько дней, необходимого для работы. Выручите, отец и благодетель!

Ваш Ап. Григорьев.

114. М.П. ПОГОДИНУ

6 сентября 1854. Москва

Ваше превосходительство,
милостивый государь Михайло Петрович!

Совершенно отдавшись в Ваши руки – я на первый раз прошу Вас всепокорнейше из получаемых мною денег выдавать ежемесячно *десять* рублей серебром в уплату долга моего ста восьмнадцати рублей серебром.

С глубоким уважением
имею честь быть
Ап. Григорьев.

1854.
Сент. 6.

115. М.П. ПОГОДИНУ

Середина декабря 1854. Москва

Достопочтеннейший Михайло Петрович!

Вчера я говорил Вам о родовом быте и о прочем с точки зрения общей и говорил по моему крайнему убеждению... Это убеждение подкреплено еще моими личными отношениями к С⟨оловьеву⟩. С студентской скамьи мы с ним друзья, из-за границы он писал ко мне, начиная письма: Dimidium animae meae*[1], – в Петербурге

* Половина моей души (*лат.*).

он не отступился от меня, несмотря на известные Вам тогда мои экстравагантности, как и Вы не отступились. Как об Вас, так и об нем я не позволял себе никогда говорить без уважения, точно так же, как ни для Вас, ни для него не отступлюсь от того, что признаю правдою, и не отступался от того, что признавал.

Если Вы находите, что мои статьи по этому отделу будут недурны, небесполезны и притом в историческом смысле *православны*, – то позвольте статье о Медовикове явиться в том виде, в каком я желаю (снабдив ее, пожалуй, примечанием) – и я готов подписать под нею имя и фамилию[2]. В противном случае – просто уничтожьте ее, Бог с ней – статей впереди еще много.

Смею надеяться, что Вы и поймете и уважите мои причины – и, или оговоритесь в примечании, или исключите статью.

Глубоко Вас уважающий
Ап. Григорьев.

1855

116. М.П. ПОГОДИНУ

21 января 1855. Москва

Ваше превосходительство,
милостивый государь, Михайло Петрович!

Вас без сомнения удивит это послание после моего долгого бездействия и молчания, но как бы оно Вас ни удивило – а общее дело (хоть мы все и довольно ленивые его работники) выше и Ваших и моих личных интересов, да и бездействие мне опротивело. Вы глубоко и, кроме того, совершенно *бесполезно* оскорбили меня очной ставкой с отцом – да и я был неправ, впутывая Вас в хлам моих денежных беспорядков. Забудемте оба эту весьма неприятную сцену – и будемте говорить о деле. Что журнал или должен пасть – или существовать с нами, каковы мы ни на есть, – это *факт*. *Факт* же (для меня по крайней мере) – и то, что всякая попытка с нашей стороны присоединиться к другому направлению – окажется невозможностью. Мы слишком чисты, чтобы делать какие бы то ни было уступки. Вот два – *несомненных* факта, на основании которых и *должно* бы действовать. Должно бы...

Но прежде всего, когда я говорю: “*мы, наши*...”, кого я разумею? Прежде всех конечно Островского, потом себя, потом Н. Шаповалова, потом* Стаховича, Потехина, Эдельсона и наконец Писемского. Садовский, как Вам известно, – ничего не пишет.

Из этого маленького: *мы* – трое художников, т.е. людей, исключительно только к художеству предназначенных, – да и из них совсем *крепок* только один, Александр Николаевич[1], действительно – центр, сердце, родник идей этого: *мы*.

**Далее вычеркнуто*: Эдельсона

Из остальных: Эдельсона*, как Вам и ему известно, я люблю до смерти, но, как тоже ему известно – ругаю постоянно за робость, уступчивость, излишнюю литературную деликатность, вообще за отсутствие крепкой, фанатической веры в правду того, что мы несем или *должны* нести в литературу, и вследствие этого, за неспособность принимать правду со всеми ее последствиями и вести самое дело с смелою и неумолимой последовательностью.

Стахович соединяет в себе эти условия, но, к сожалению, он тоже больше художник, чем мыслитель. Б. Алмазов – моложе, и потому энергичнее всех нас, – но он как-то отшатнулся от центра...

И вот почему – я два раза бесился недавно, как тысяча бешеных собак вместе: один раз, когда читал журналы за ноябрь, с гнусной, подлой, оскорбившей меня и за Вас и за молодое поколение статьей Тихонравова[2], – с подлейшей статьей Дудышкина о Гоголе[3], – с двумя пошлейшими и бесстыднейшими статьями в "Записках" и "Современнике" о труде Берга[4]. Злоба кипела во мне так, что я плакал, что со мною редко бывает: я плакал о нашем малодушии, самолюбии одних, робости и шаткости других; – о Вашем равнодушии к делу, о Вашей, простите меня, бестактности – еще раз простите – мелкой и недостойной Вашей высокой природы обидчивости, о Вашем эгоизме... Другой раз, выходя из первого представления новой драмы Островского[5], когда некоторые из наших *сробели* перед новостью дела, – я говорил, что не было еще в русской литературе дела чище, святее, честнее нашего – и опять плакал горько по тем же самым причинам!

Вот Вам вместо вступления. Да будет Бог судьею между мною и Вами, если в этих озлобленных и грустных строках Вы увидите *подход* или что-нибудь подобное! Есть во мне, погрязшем в тину житейской мелочи, – святые, нетронутые струны: есть в моей жизни – минуты, которыми я горжусь, – есть во мне *вера*, которая ничего не побоится.

Во имя этой-то стороны я разом подчеркиваю все скверные, неприятные сцены, бывшие между нами, – становлюсь в то отношение, которое было между нами в первый год моего участия, и имею честь предложить Вам следующее.

1) По прежней плате, т.е. по 15 р. серебром за лист, – я обязуюсь доставлять Вам в месяц не менее четырех листов: 1) журналистики, 2) статей о песнях, самородках, направлениях и т.п., 3) *постоянной* театральной хроники**. Но – из журналов – мне должны принадлежать *оба* главных по причинам, выше объясненным. Плата же сия употребляется на оплату моих долгов, которых подробный и точный реестр я Вам доставлю, если Вы примете мои условия.

2) Ни одна *чужая* критическая статья, касающаяся произведений литературных, сомнений по русскому быту и русской истории, – не должна проходить без ведома Вашего*** и моего; ни одна повесть – без ведома Островского и моего; ни одна переводная статья по части humaniora**** – без ведома моего и Шаповалова. За просмотр всего по этим частям, аккуратный и внимательный, – за наблюдение, чтобы в статьях гг. Любецких, Пановских и иных[6] – не проскакивали противународные

* *Далее вычеркнуто*: которого

** *Далее вычеркнуто*: и т.⟨п.⟩

*** *Далее вычеркнуто*: или

**** гуманитарных наук (*лат.*).

и противучеловеческие безобразия, приводящие нас часто в краску перед посторонними – мне ежемесячно должны быть выдаваемы 15 р. серебром, ибо перечесть и пересмотреть всякую дребедень – стоит платы за написание одного печатного листа (NB – да и жить мне тоже нужно чем-нибудь).

3) Вы обязаны, тотчас же по принятии сих условий, – испросить мне у Верстовского свободный вход в театр. – Я не могу жить без театра, да притом и театр в наше время становится самою серьезною стороною литературы. На первый же раз – я напишу большую вступительную статью[7].

4) О выдачах денег вперед разговоров с моей стороны быть не должно. *Малейшее* нарушение условий подвергнет меня невыдаче, впредь до исправления. Реестр долгов Вы получите с означением *сроков* платежей и сообразите сами, как и что.

5) Сумароков ли, другой ли кто – будет у Вас factotum*: но – в наши отделы, т.е. в стихи, словесность, критические статьи, оригинальные и переводные по литературе, истории вообще, эстетике, статьи о русском быте и вообще о славянском – он да не вмешивается никоим образом; но *мы* – имеем право похерить в иностранных известиях и в “Смеси” то, что несогласно с нашим взглядом, т.е. и с Вашим.

6) Одним словом – я желаю быть, так сказать, вице-редактором во всем том, что я *могу* делать, во всем, что относится к духу и направлению журнала. Естественно, что статьи С.Т. Аксакова, А.С. Хомякова, С.П. Шевырева, М.А. Дмитриева и некоторых других – моей цензуре не подвергаются. Но – никакой пользы не будет и дела не выйдет, если Вы не решитесь смело выбрать Диктатора – не меня, так другого, – а кроме меня – не́кого, по причинам выше объясненным... Вы знаете, что, когда я *захочу*, я могу работать: а я теперь – я хочу и пламенно хочу, ибо приспело время, истощилась мера терпения, и вся кровь во мне кипит при мысли, что некоторые господа торжественно уже объявляют о распадении нашего кружка и нашего направления.

Решитесь же раз, так же смело, как я решился написать к Вам это письмо, принять без исключения все мои, кажется, уж очень умеренные, условия. *Авось*!

Еще одно: чтобы дело шло успешно – восстановите, хоть сделавши маленькое насилие над собою, – теплоту прежних *наших* отношений между Вами и по крайней мере – мною, Евгением и Александром Николаичем.

Последнее: но – опять с Вами теперь я боюсь говорить: Вам может прийти в голову мысль, обидная для человека, который мне дорог, для Александра Николаича, что я – его орган... *Новая драма должна быть напечатана в “Москвитянине”*[8].

Жду Вашего ответа – и явлюсь к Вам, когда Вы назначите. Всего бы лучше – завтра, т.е. в субботу вечером.

Все-таки Ваш
А. Григорьев.

---

* доверенный, помощник (*лат.*).

117. М.П. ПОГОДИНУ

29 января 1855. Москва

Письмо, полученное мною вчера от Вашего превосходительства, отчасти обрадовало меня первою своею страницею, отчасти – повергло в сомнение второю. Сделайте милость, уведомьте меня завтра же, хоть к вечеру, о Вашем окончательном решении 1) о существовании журнала вообще; 2) о напечатании "*Не так живи, как хочется*"[1]; 3) о принятии Вами условий. В дополнение имею честь присовокупить, что Григорович и Тургенев сильно хлопочут о том, чтобы Остр⟨овский⟩ согласился отдать пьесу *Краевскому*: стало быть, решение Ваше должно быть *положительное*. Нам сильно повредит, если Остр⟨овский⟩ не только отдаст Краевскому, чего он по чистоте своей и не сделает, вероятно, – но даже если напечатает отдельно...[2] *Бога ради*, сообразите это дело: довольно уж и того, что "Бедность не порок" вышла отдельно[3], – довольно того, что мы, кажется, потеряли окончательно Писемского, – что Потехина *туда* переманивают. Кто уж у нас останется? Н.Н. Воронцов – да автор "Мечтателя"[4]?.. Помилосердуйте!*

Притом, Вы, кажется, не совсем меня поняли... Я прямо и положительно прошу у Вас хоть на год – *диктаторства*, но не по самолюбию, которого, как Вы знаете, у меня меньше, чем у многих, а по твердому сознанию, что я – один – фанатически верю в наше дело. Значит, тотчас по принятии и утверждении условий, Вы должны объявить *циркулярно*, что сдали мне все распоряжения (кроме, разумеется, денежных) по части словесности и критики, – стало быть, от моего усмотрения зависит поручение тому или другому того-то и того-то. Без этого, повторяю, толку не будет. Прибавьте, пожалуй, в циркуляре "*в виде опыта*" – да и пусть это в самом деле будет опытом на четыре месяца.

Жду завтра Вашего ответа.

118. М.П. ПОГОДИНУ

6 февраля 1855. Москва

Ваше превосходительство,
милостивый государь, Михайло Петрович!

С понедельника, когда я имел честь являться к Вам за окончательным решением, – прошла неделя. В эту неделю ожидал я тщетно весточки от Вас. В продолжение ее – я делал только что мог, т.е. отклонял О⟨стровского⟩ от решительного шага насчет печатания его драмы[1] и приготовлял наших к известному Вам окружному посланию[2].

Бога же ради – кончимте чем-нибудь. Опять Вам повторяю, что я хочу работать и в силах теперь работать, но работать** для дела, а не для полудела. Мои собственные средства, обеспечение долгов и проч. – все это стало для меня на 10-й самый задний план перспективы.

---

* *Далее вычеркнуто*: Замечание Ваше я видел там, *Христа ради* – уп⟨*нрзб.*⟩

** *Далее вычеркнуто*: не

Лично о себе я рассуждаю так, что хуже всего того, что я перекопытал – не будет ничего, – стало быть, мне – все равно, – а в конце концов, земля призывает теперь в ополчение всякого, кто *особенно* для чего-либо ей же не нужен на мирном поприще: кредиторы мои – все гораздо меня богаче и – тому или другому из них потерять рублей триста серебром – не жизненный же вопрос. Все это я говорю потому, что хочу Вам очевидно и вместе чистосердечно отстранить мои личные интересы от общего нашего дела, но поэтому-то я и считаю себе дозволительным надоедать Вам.

И опять я все с тем же:

1) Драма Остр⟨овского⟩ *должна* появиться в “Москвитянине”. Условия его Вам известны: 300 р. серебром и 600 экземпляров: деньги – сполна и в один раз. Неужели Вы *сомневаетесь*, что Краевский даст 1000 серебром, даже больше? Вы, я думаю, слышали, *чтó* он заплатил Писемскому за страшную дрянь, за “Ветерана-Новобранца”[3]?

2) Еще более настоятельно, чем прежде, я прошу себе *временного* вице-редакторства, с циркулярным об оном объявлением. *Земля велика и обильна, а наряду в ней нет*[4].

3) До циркуляра – и главное, до окончания дела о драме, – я не могу ни за что приняться. С минуты решения – примусь положительно – не с неистовым рвением, которое скоропреходяще, а основательно и постепенно. С этой минуты начнется моя ответственность перед Вами и перед друзьями моими. До этой минуты – я сижу, буквально как турок, сложивши ноги и занимаясь преимущественно музыкой.

4) Боклевский и Стахович сыскали отличную и дешевую литографию для иллюстраций “Ночного”[5], “Не так живи как хочется” и других *наших* вещей. Замените этими вещами да аранжировками русских песен Дюбюка – дорогие и, между тем, недостойные “Москвитянина” модные картинки, уничтожением которых, сколько я знаю, Вы всем угодите, притом А⟨ксаковы⟩м, Х⟨омяков⟩у, Ш⟨евырев⟩у, К⟨иреевски⟩м и другим Вашим друзьям, старшинство и авторитет которых мы все признаем с почтением и любовью.

Бога же ради, достопочтеннейший Михаил Петрович – кончайте. Я не могу же держать О⟨стровского⟩ за пóлы – да и слишком люблю его, чтобы не входить в его интересы. Взнос процентов за души и т.п. отлагательств не терпит – и я не в силах буду обвинять его, если он преклонит ухо к прельщениям, тем более, что идеи, под влиянием которых издана его драма, останутся святы и чисты и в “Записках”, и в “Современнике”. *Нам*, а не ему будет стыдно. Вы сами все это очень хорошо понимаете.

Поздравляю Вас с наступившим В⟨еликим⟩ постом и прошу Вас лично по-христиански простить меня, в чем я перед Вами проступился или в чем Вам сгрубил – прошу и по духовному родству и по личному к Вам искреннему почтению.

Ваш

Ап. Григорьев.

1855.
Февр. 6.
Воскресенье.

119. М.П. ПОГОДИНУ

17 февраля 1855. Москва

Ваше превосходительство,
милостивый государь, Михайло Петрович!

Пишу к Вам, чтобы личным появлением не отнять у Вас времени, нужного для весьма многого и в науке и в жизни (в чем я окончательно убежден теперь).

1) *Порцию* статьи об Островском или, правильнее, *о настоящей минуте в литературе* – на 3-й № сдал в типографию. Она пойдет на *четыре* N-os, листа по два в каждый[1].

2) Статьи о журналах должны идти своим чередом. Если Вы получили 1-й и 2-й № "Библиотеки для чтения", – пришлите их мне с сим моим посланным. Я уже их прочел и статья о них поспеет тоже к 3-му №[2]. Там есть две недурные повести (Григоровича и Михайлова)[3] – и превосходнейшая поэмка Мея: "Цветы"[4]. Вообще, есть о чем сказать. Если у Вас их нет, прикажите доставить эти два нумера не позднее завтрашнего вечера.

3) Статью о Берге начал уже писать Филиппов, и она поспеет скоро[5].

4) Насчет *платы* – Бога ради, меня в это дело не путайте. Всего лучше *напишите* им. Да, кстати, разошлите и журналы по старому распределению[6] и билеты на "Москвитянин". (NB. Не забудьте билет Остр⟨овскому⟩.)

5) Комедию Дрианского буду слушать вместе с Островским завтра![7]

Вот еще дело какого рода, лично до меня касающееся. Но наперед, – хотите ли Вы что-нибудь для меня сделать, а сделать Вы можете, если только захотите. Во всяком случае, я уже так обтерпелся, так привык ко всяким неудачам, что новая неудача меня и не потревожит.

Мне *нужно* еще учительское место, кроме Первой гимназии – нужно для того, чтобы работать свободнее, чтобы не впадать в уныние и апатию от бедствований и недостатков. Чем больше судьба гнетет меня – тем больше я морально падаю. Что ж мне делать с собою? В моей натуре странно перемешаны бесхарактерность с упорством и энергиею. Нужно было много любви к мысли, чтобы вывести меня из уныния и апатии.

Дело вот какого рода. В 4-й гимназии умер третьего дня учитель истории Рагозинников. Нельзя ли мне выхлопотать его уроки, совместимые с уроками моими в Первой гимназии? Не скрою от Вас трудностей этого дела. 1) *Во-первых* – у Назимова много кандидатов с протекциями, весьма у него сильными. 2) *Во-вторых* – трудно получить учителю округа место еще в том же округе. 3) *В-третьих* – особенною учительскою славою я не пользуюсь – да и трудно было бы мне получить эту славу, преподавая предмет для меня чуть что не отвратительный[8]: и то, я стараюсь делать хоть что-нибудь и знакомлю учеников (вопреки программе) больше с юридическо-исторической древностью. 4) Мнение обо мне Назимова, сколько я знаю, – никаким образом недурное, но и не особенно хорошее. 5) Начальство мое

может похвалить меня только за аккуратность уроков и за беспрекословное исполнение всяких обязанностей по долгу очередного члена, а похулить разве только а) за частое (№ *постоянное*) забирание вперед жалованья, b) за небрежность костюма и непобедимую любовь к длинным волосам: больше не за что. Но на Назимова Вы можете подействовать мыслию, что надобно меня *устроить*, как человека нуждающего⟨ся⟩ и литератора довольно полезного, что, кроме того, я буду (говорю без ложной гордости) одним из лучших преподавателей истории, особенно русской, по любви моей к делу, по способности к одушевлению в передаче фактов и по моей несомненной опытности в деле преподавания. Он человек очень добрый, как Вы знаете.

Возьмитесь, *Христа ради*, спасти меня от такого душевного ада, который Вам и невообразим. Я, как Любим Торцов[9], прошу ведь честного куска хлеба... Вспомните, что самая деятельная полоса моей жизни был 1851 год "Москвитянина", а тогда были у меня три места и уроки до 8 часов вечера![10] Не времени – а точки душевной опоры не доставало мне в последние года. Я запутался морально и запутался денежно. Не говорите мне о воздержаниях и проч. *Назябся уж я, наголодался уж я*[11] морально, хуже, чем Любим Торцов физически. Благодарю Бога еще, что Он не дал мне пасть совсем в этом метеорском звании, что во мне уцелели по старому стремления к лучшему и высшему, которым хоть не всегда я служил усердно, но всегда служил *верно* и *честно*.

Пишу Вам это не в виде намека на денежное вспомоществование – да и вообще, возьмите назад Ваши *жестокие* слова о какой-то тактике и т.п. Когда я говорил с Вами или писал к Вам от души, то потому, что, несмотря на Вашу суровую пору, всегда был убежден в горячности Вашего сердца. Я думаю, самим Вам случалось иногда остановить слишком строгий суд надо мною, по неимению всех данных для этого суда.

Примите же мою просьбу за то, что она есть в самом деле – за порыв к выходу из адского положения к честному, полезному труду. Я знаю себя хорошо: знаю, что только и гожусь в учителя́ и в литераторы, но и учителем честным (и даже при предмете любимом, блестящим) и литератором таковым же я быть в силах. Ни во что другое я не суюсь, но это – дело мое.

Тому назад года три я ездил держать экзамен на учителя истории в Штаб В⟨оенно⟩-уч⟨ебных⟩ заведений и выдержал. Не смущайтесь этим: и дорогой я пьянствовал, и в Петербурге я пьянствовал – но с тех пор, как Бог меня освободил от этой слабости (а этому теперь уже полтора года) – нечего за меня опасаться. Пожалуй, хоть сами проэкзаменуйте меня из русской истории! Хватаюсь за это дело как за доску спасения. Вот еще что прибавлю: здесь можно выкинуть *штуку*.

На новые открывающиеся места обыкновенно присылают теперь педагогов, не уважая даже представлений Назимова: так у нас на место назначенного им учителя естеств⟨енной⟩ истории Абатева прислали педагога Григорьева (Влад⟨имира⟩) и как он ни хлопотал об Абатеве – ничто не помогло. Напомните ему это обстоятельство; представлять *на отчаянность* ему все равно; пусть он представит меня. А между тем можно будет написать к Ивану Ивановичу Давыдову, который, вероятно, не захочет отымать место у одного из своих старых учеников, которого он любил и которому покровительствовал. Даже я решусь съездить дня на три в Петербург и лично явиться с просьбою к Ивану Ивановичу.

Если Вы *начнете* это дело, найдутся еще покровители (Шпейер, – некоторая M-me Тиличеева, дружная с женою Назимова). Важное дело – инициатив, но инициатив настоящий, от сердца, а не для формы. А таковой может быть только от Вас – и потребует, конечно, наискорейшего и притом личного Вашего свидания с Назимовым!

В ожидании Вашего ответа и журналов

остаюсь

покорнейший слуга Вашего превосходительства

Ап. Григорьев.

1855 г.
Февр. 17.

120. М.П. ПОГОДИНУ

Около 22–24 февраля 1855. Москва

Имею честь доставить продолжение статьи[1]. Не пугайтесь: она будет листов в *шесть* печатных, ибо захватывает много вопросов.

Дело кое-как уладил. Потрудитесь приготовить к понедельнику *целиком* 250 р. серебром. Я привезу пьесу[2]. К сроку печатания Островский обещал написать маленькое предисловие и сделать несколько маленьких исправлений в языке.

Пришлите, сделайте милость, мне комедию Дрианского[3]. Островский обещал пройдтись по ней.

Просмотренное посылаю с отметками. Пришлите еще. У меня осталась только статья Дементьева[4]; она очень хороша, только ее я поглажу немножко.

Мы все, по старым, *исконным, известным* обычаям, ждем билетов на "Москвитянин". Нельзя ли сегодня же?

121. М.П. ПОГОДИНУ

Около 25–26 февраля 1855. Москва

Достопочтеннейший Михаил Петрович!

Островский окончательно поправил драму[1]. В понедельник я к Вам приеду из гимназии с переписанною ее рукописью для получения за оную условленной платы 250 р. серебром. Деньги ему очень *нужны*.

По нашим условиям[2] с Вами я должен видеть содержание книжек – и принимать *отрицательный* надзор за "Смесью", внутренними известиями, кроме "Словесности". На это Вы изъявили согласие: прикажите же показывать мне книжки, хоть в последних корректурах, начиная с третьей.

Ваш

Ап. Григорьев

P.S. Пожалуйста, не задерживайте денег *Остр⟨овскому⟩*. Эта жертва – единожды в год журналу необходима.

На обороте:

Его превосходительству
м⟨илостивому⟩ г⟨осударю⟩
Михаилу Петровичу
Погодину.

122. М.П. ПОГОДИНУ

28 февраля 1855. Москва

Деньги за пиэсу А.Н. Островского: "Не так живи, как хочется" – серебром *Двести пятьдесят* рублей серебром получил для доставления автору Ап. Григорьев.
Февр. 28.
1855 года.

123. М.П. ПОГОДИНУ

Февраль 1855. Москва

Достопочтеннейший Михайло Петрович!

Судьбы "Москвитянина" в настоящую минуту так тесно связаны с судьбами Вашего покорнейшего слуги, что, думая об одном, Вы необходимо должны думать и о другом. Дело в том, что "Москвитянин" может быть издаваем *дешево и сердито*, если только мне будет дана возможность дышать свободно, а для этого нужно, чтобы Вы своим кредитом устроили меня в служебном отношении. При моем теперешнем адски запутанном положении дел мне нужно вне *литературы* (которая не должна быть *насущным* хлебом) – 125 р. серебром в месяц, из чего половина отделяться будет на уплату долгов, половина же – с тем, что я, по обычной цене, напишу – проживаться.

Кажется, будут у меня уроки в 1-м Кадетском корпусе и притом – уроки русской истории: завтра я Вас положительно уведомлю, при личном свидании с Вами вечером, *точно ли* будут, и *как* и *сколько*?.. но ведь это страшно далеко – и значит, это прибавит к моему месячному окладу *много-много* (за вычетом извощиков и проч.) двадцать рублей серебром. Стало быть, нужно искать еще *шестидесяти*. Найти их можно в местах, которые хорошо платят, как то:

1) *в Воспит⟨ательном⟩ доме*: Армфельд знал меня за человека дельного, но пьющего: значит, надобно помирить меня с ним – ибо причина его неудовольствия уничтожилась. Половину такого труда возьмет на себя В.Н. Драшусов – половину возьмите Вы.

2) или в "Межевом институте", если у Вас есть там связи.

3) или в "Дворцовом архитектурном училище", что всего было бы желательнее – ибо и близко, и хорошо платят и совершенное отсутствие формализма.

Вот о чем я Вас прошу *слезно*, в видах, как собственно своих, так и "Москвитянина". Неоднократно замечено мною над собой да, вероятно, и Вами надо мной, что чем больше у меня деятельности, тем я больше работать способен. Одним словом, устройте меня так, как был я устроен за пять лет назад – а остальное предоставимте Воле Божией, или правой мысли и времени.

Раз я оперся на прочную почву – я буду и действовать прочно.

Не требуйте от меня того, чего от современного человека, к несчастию его, нельзя уже требовать: твердости в деле при бедствиях, забвения себя и своих дел – в деле.

Бог видит всю искренность моего желания, как можно больше служить делу, – Бог же видит и слабость мою. Он спасал меня от искушения – обратить общее святое дело в дело личной выгоды.

Помогите же мне *подняться*, вменивши мне в заслугу (увы! и отрицательные добродетели *вменяемы* современному человеку), что я, пока еще Бог не оставил меня, – не *перебежчик*, не *вор*, не *раб*...

124. М.П. ПОГОДИНУ

Конец февраля–начало марта 1855. Москва

Вот видите, достопочтеннейший Михаил Петрович, с какою яростью принялся я теперь за дело. Только боюсь я за свои последние статьи в цензурном отношении, по настоящему предсмертному состоянию цензуры, – и с другой стороны, не без оснований дорожу ими. Если, одним словом, Флеров будет сильно резать – не лучше ли нам погодить месяц-другой – особенно статье об Островском? Не погубите ее, Христа ради: она – дитя моего сердца! – видеть ее изуродованною было бы мне нестерпимо больно!

125. М.П. ПОГОДИНУ

Начало марта 1855. Москва

Не сердитесь, многоуважаемый Михайло Петрович, что получаете не всю статью о “Библиотеке”, а начало[1]. Во-первых – я с середы болен припадками холерины, а потом – и о статье надобно было *подумать*. Ради Бога, простите и скажите мне, довольны ли Вы ее *принципами*? Еще вот что: ради Бога, возьмитесь за дело, о котором я просил Вас. Вы видите, что я могу писать, хочу писать, что мне нужно писать и по внутреннему влечению и по положению – помогите же мне достать такое место*, при котором у меня будет много времени для литературы. Гоняя до пяти часов по урокам – высунешь язык, как собака, и главное – на душе пусто. Случай такой *не скоро* представится. У Похвиснева я был и некоторое покровительство он обещал, Ржевский рад душевно содействовать – хорошо, кабы Вы подействовали на Владимира Ивановича, а еще проще на Похвиснева. Степан Петрович тоже, надеюсь, не откажется помочь в этом деле.

Статью доставить не замедлю[2].

Весь Ваш

А. Григорьев.

126. М.П. ПОГОДИНУ

Около 19 марта 1855. Москва

Достопочтеннейший Михаил Петрович!

Сделайте милость – не сердитесь на меня за недоставку статей к сроку. Причина тому та, что – вечером я к весне совсем не могу работать, а утром в гимназии. Начиная с Вербной субботы Вы *ежедневно* будете получать от меня порцию достаточную – ибо у меня будет свободное утро, когда глаза мои совсем свежи[1].

---

* *Далее вычеркнуто*: на

127. М.П. ПОГОДИНУ

20–22 марта 1855. Москва

Ваше превосходительство,
достопочтеннейший Михайло Петрович!

Страшнейшая крайность и вместе желание возможности работать Святую неделю заставляет меня беспокоить Вас.

Обыкновенно я беру вперед жалованье. Теперь по капризу ли или по невозможности, но мне никоими мерами его не дадут до Фоминой – а на дворе праздник[1]: Вы знаете – что это такое!

Спасите, ради Бога, дайте мне вперед *сорок пять целковых*. Это будет значить, что за *просмотр* Вы мне заплатите почти до августа, – ибо счет за статьи я не хочу и трогать до покрытия моего Вам долга. Вы знаете, что я Ваш, неотъемлемый, *сросся* с “Москвитя́нином”. Ни больше, ни меньше, я прошу у Вас – сколько получил бы из гимназии. Ради Бога, не откажите и не сердитесь. Можете осведомиться у Шпейера, что это так и что я Вас тревожу только по крайней, неистовой необходимости. Не удавиться же мне к празднику!

В четверг утром позвольте заехать поздравить Вас с причащением Св. Таин – и получить.

Видите сами – пишу и хочу писать: хотел бы не беспокоить Вас, душевно хотел бы: нельзя!

Честь имею доставить просмотренное!

128. М.П. ПОГОДИНУ

27 марта 1855. Москва

Ваше превосходительство,
м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩
Михаил Петрович!

Христос Воскресе! поздравляю Вас с праздником и приношу искреннейшую признательность за *известное*.

Статьи не посылаю, потому что пишу, переправляю, читаю нашим и, вероятно, совсем оконченный отдел ее представлю Вам лично в понедельник[1].

В Москву приехал Аполлон Николаевич Майков. Естественно, что мы все приняли его как родного нам по душе: естественно также, что ему желательно Вас видеть. Естественно, что мы сговорились с ним приехать к Вам *вкупе* в понедельник, да уж кстати представить Вам, как главе нашего союза, одного из недавних членов его Михаила Николаевича Владыкина[2]. Сделайте милость, уведомьте – желаете ли и можете ли Вы видеть нас в сей понедельник вечером? Во вторник – Аполлон Николаевич едет назад в Петербург.

Весь Ваш
Ап. Григорьев.

129. М.П. ПОГОДИНУ

29 марта 1855. Москва

Neigebauer 1 том[1]
"Die Gegenwart"* 1 том
Sprachenkarte** 1 том
Talvi – 1 том
у Григорьева.

29 марта.

130. М.П. ПОГОДИНУ

Середина 1855. Москва

Печальное положение нашего литературного Севастополя – положение, о котором шел разговор в понедельник, заставляет меня опять писать к Вам. Предвижу Ваше восклицание: "Да делайте же, вместо того, чтобы рассуждать!" Легко сказать: "Делайте" – и легко расточать упреки за безалаберность жизни, но Вы сами как редактор чужды ли упрека? Делаете ли Вы *хоть что-нибудь* для журнала – тронетесь ли хоть пальцем? "Я терплю убытки", – скажете Вы мне. Извините за правду – внушаемую и привязанностью личной к Вам, и преданностью делу, и собственным беспомощным положением – всем вместе. Оттого Вы и терпите убытки и будете терпеть их постоянно, – что *раз* не хотите решиться на один убыток, на риск. Положите на журнал в *полтора года* те пятнадцать тысяч серебром, которые Вы погубите *совсем* в пять или шесть, погубите медленною, но неизбежною смертью, и либо покончите с честью при неудаче, либо восторжествуете. Что ж так-то тянуть? Вы слышали, *что и как* там замышляют. И знаете ли, что будет?.. Не в духе пророчества, а по простому историческому чутью говорю я Вам, что – если прильют к "Москвитянину" под редакциею Корша[1] западные силы – Севастополь образуется в "Современнике", которому нет иного выхода. Не верите? – убедитесь опытом. Севастополь разрушен – но победа так явно за нами, что самые враги это признают – да иначе и быть не может: победа – там, где жизнь и правда жизни. Хотите Вы осрамить Москву и "Москвитянин" – ваша воля, а не хотите, надобно принимать меры решительные. Опять стою на той же точке, с которой начал в январе: опять вы предложите полумеры, опять я соглашусь и опять будем валить через пень колоду. Согласитесь, что иначе и нельзя. Хорошо рассуждать и упрекать тому, кто, как почтеннейший Никита Иванович, например, целую жизнь, лежа на диване, *обработывал* для личного удовольствия давно обработанную систему римского права[2], "переводя ее – да! в личное сознание – да... а? а?" – но противны, как повапленные гробы[3], такие праздные рассуждения тому, кто верит в жизнь и знает жизнь – и главное, ничему они не помогают, а разве только содействуют к разви-

---

* "Настоящее время" (*нем.*).

** Карта языков (*нем.*).

тию того чувства, к которому и без того уже способен весьма русский человек, чувства, которое на все заставляло махнуть рукой и бросаться в омут очертя голову – “авось де кривая вывезет”.

Скажите откровенно – сил что ли у нас не достает? Не только во мне, в Эдельсоне – но и в Дементьеве, например. Этих сил так много, что только употреблять их надобно как следует. Но отчего же и я, погрязший в долгах и во всяких житейских сквернах, и Эдельсон, сравнительно пользующийся благосостоянием, – валим равно через пень колоду, а несчастный Дементьев, который был бы истинное золото в хороших руках, хоть и работает, как вол, но бесплодно для других и для себя, ибо ходит, с позволения сказать, без порток? – а у малого и душа хорошая, и голова светлая, и сердце горячее и веры в жизнь много!

Вы все приступаете к жизни и к личностям с готовыми книжными понятиями. Может быть, прежде и было так, что людям скажут: “Трудись и в будущем ожидает тебя то-то и это-то”, но ведь уж после эпохи таких людей родилась должно быть басня о “белке, которой прислали в старости целый воз орехов”[4], и мудрая пословица: “не сули журавля в небе”. Мы все более или менее не кабинетные люди: мы хотим трудиться, но и жить всласть, жить по душе, хотя так же ни за какую жизнь не продадим своей веры; – трудиться для своего личного обеспечения будущего мы неспособны положительно: – “довлеет бо дневи злоба его”[5]. Положим, что это и нехорошо, но это – болезнь неизлечимая.

Позвольте в виде невинного удовольствия нарисовать вам идеальные отношения к журналу и к Вам. – Возьму свои собственные.

Чтобы мне вдаться в работу, не покидая жизни – нужно 1) чтобы долги мои некоторые были обеспечены*, а некоторые тотчас же заплачены и притом мною самим, с известного рода демократическим благородством. 2) Чтобы у меня было всегда под руками несколько необходимых мне книжных пособий по части русского быта, русской древней словесности и русской истории. 3) Чтобы у меня были некоторые совершенно необходимые вещи, как-то шуба (а не метеорское пальто, которое у меня уже все и истаскалось), белье, часы и проч. Вообще, по точнейшему, на досуге сделанному мною расчислению, мне необходимо для оплаты долгов и совершенного упорядочения себя – *две тысячи пятьсот* рублей серебром. Теперь, – если б Вы – все это говорится в виде идеальном, желаемом, – решились – не говорю дать мне вперед эту сумму, но дать мне ее взаймы 1) под залог дома – оцененного по городской оценке в 12500 р. ассигнациями – и стоящего все-таки верных *девять*; 2) на *шесть* лет, – 3) с общепринятыми процентами по 8 со ста, – общая сумма с процентами за шесть лет составила бы в шесть лет 3700 р. – и уплачивалась бы работою по 616 $^2/_3$ р. в год, т.е. по 52 р. сер⟨ебром⟩ в месяц; а так как по Вашим же с Крыловым соображениям я могу в месяц легко вырабатывать даже больше, то и мне было бы хорошо и Вам, – Вам потому, что 1) капитал Ваш, обеспеченный, не пропал бы, а принес бы даже проценты; 2) – работник был бы у Вас постояннейший. Мне было бы хорошо 1) потому что я добился бы того, чего так жадно добиваюсь, спокойствия; 2) что дом мой, которому рано или поздно грозит продажа или по крайней мере заклад, – был бы в верных руках и притом был бы поправлен (NB.

---

* *Далее вычекнуто*: 2

Тотчас после поправки я бы его застраховал). Даже, может быть, мы бы сделались так, что я бы переехал в Ваш дом, где Вы прежде жили, который стоит кажется впусте, а для меня с моей семьею был бы удобен: его б я у Вас нанимал – а свой пустил бы в наем. (NB. Один низ его ходил не менее как за 700 р. в год, с верхом, 900.) Вот что *идеально* можно было бы сделать. Не скрою от Вас, что из 2500 рублей – рублей пятьдесят, даже *семьдесят пять*, пошли бы на гульбу (вспомните психологию и одно лицо осиповской комедии), что дней с пять Марьина роща, заведение на Поварской и заведение у Калужских ворот поглощали бы существование Вашего покорнейшего слуги и его друзей, ибо Ваш покорнейший слуга, хотя сам и не пьющий, но любит поить на славу, любит цыганский табор, любит *жизнь*, одним словом, любит до сих пор как юноша, хоть ему тридцать два года, так что отчасти с него рисован был Петр Ильич новой драмы Островского[6]. Вот все *мои* идеальные требования. *Я* могу Вам стоить стало быть 2500 р. серебром, из коих по крайней мере 2000, как обеспеченные домом, *пропасть* никак не могут. Положим, что я умру – у Вас пропадет только 500 серебром, а разве меньше – я *вытяну* из Вас лет в шесть вперед? Сообразите это.

Возьмем теперь другие *идеальные* требования.

1) По отделу словесности *прибавить* кроме того, что выходит теперь, на* две книжки по 100 рублей серебром в месяц. В год 1200, в два – 2400.

Итого: 4900 р.

2) По отделу *наук*, на месяц по 50 р. – 600 р. в год, – 1200 в два.

Итого: – 5100[7]

3) По отделу критики idem**, стало быть – 600 в год – 1200 в два.

Итого – 6300

4) По отделу смеси заграничной, – по 30 р. сер⟨ебром⟩ на месяц. В год 360, в два – 720.

Итого – 7020

5) По отделу Смеси внутренней, положить Дементьеву за составление ее, под нашим с Вами непосредственным наблюдением, а равно за хождение по делам, за типографию и проч., в месяц, кроме содержания – 35 р. сер⟨ебром⟩. NB. Причем костюмировать его прилично. В год – 420, – в два года – 840.

Итого: 7860

6) По отделу переводов – набавить по 30 р. сер⟨ебром⟩ в месяц. В год – 360, в два: 720.

Итого: 8580

7) Издавать *приложения* в духе “Москвитянина”, именно – музыкальные аранжировки народных песен. *Дюбюку* за это – жалованья в год 360 р., в два 720. Да столько же (maximum) обойдется печатание, итого в год 720, в два 1440.

Итого: 10020

---

* *Далее вычеркнуто*: каждую книжку

** тоже (*лат.*).

8) *Экстраординарно*: за каждую драму Островского установить цену: 400 р. сер⟨ебром⟩ и 300 экземпляров. В два года – 800 р. (Бумагу я не считаю.)

Итого: 10820

9) Писемскому (раз в год) платить цену цененного, т.е. цену Краевского, – по 75 р. сер⟨ебром⟩. – Листов за десять 750 р. В два года – 1500.

Итого – 12320

10) Майкову за 12 стихотворений – цену "Современника" (коли не верите, справьтесь) – 300 р. серебром. NB. Заключить с ним и условие. В два года – 600 р. сер⟨ебром⟩.

Итого: 12920 р.

11) Вообще же, положить цену за страничку* хорошего стихотворения Мея, Фета и иных – 10 р. серебром. Стихи – через книжку. Страницы 4. – Итого – 480 в год, – в два: 960.

Итого: 13880

12) Мне за просмотр статей по изящной литературе, критике, инос⟨транной⟩ словесности, Смеси, внутренних известий, за сношение с цензором, за постоянное собирание и сообщение текстов песен и голых голосов их Дюбюку – жалованья в месяц: *30 рублей* серебром. В год – 360, в два 720.

Итого: 14600

13) На непредвиденные издержки – по 200 р. сер⟨ебром⟩ в год. В два – 400.

Итого – 15000 р. серебром.

Еще *идеальные* условия.

I) В случае, если бы все сие состоялось и к осени я бы переехал к Вам: 1) все платежи производить через мои руки, для чего бы заведена была мною бухгалтерская книга; 2) контора – должна исполнять в точности выдачу книг по моим запискам; 3) Пановский, Дементьев и переводчики – должны отойти под мое ведение *непременно*. Все это, если хотите – *эффекты*, но в высшей степени необходимые: поверьте мне! *Наши* не только не оскорбятся, но возрадуются; к *Вашим*, т.е. к extrême droite**, я и мы все относимся как к отцам – но все другие должны признать власть редакции, т.е. Вашу и мою.

Кончаю... Что бы из этого ни было, но это одно, что может поднять и журнал и наше направление, и меня лично. Все это думано и передумано давно в течение года. Рискните разом 15000 р. серебром, т.е. собственно 13000, ибо 2000 у Вас обеспечены – вместо того, чтобы морить их тяжкою для них, медленною смертью.

Ваш всегда – Ап. Григорьев.

---

* *Вместо*: страницу

** крайнему правому (*фр.*).

131. М.П. ПОГОДИНУ

5 или 12 августа 1855. Москва

Позвольте сказать несколько слов о делах моих хоть письменно, если Вам несносны словесные объяснения.

Как я имел честь объяснить Вам, я закладываю дом, чтобы уплатить все долги. Дело идет и, Бог даст, к сентябрю, кончится.

1) Мне хотелось бы свести счеты мои с Вами, чтобы знать определенно, сколько я Вам должен, и если сумма еще велика, то часть ее отдать деньгами – ибо, по расчищении дел, я хочу пользоваться плодом труда. Посвятите на это какой-нибудь час или два.

2) Вы видите, сколько я могу наработать в месяц, если это дело сделается для меня службой. Нужно знать также приблизительно и насколько нужна будет в месяц моя работа, т.е. на сколько листов по известной цене, 15 р. серебром.

3) Вы не отвечали мне на мое предложение нанимать у Вас квартиру – да оно и сделано сгоряча. Необходимость в том только, чтобы я аккуратно каждый день являлся на три часа в рабочую комнату. После 15 числа я могу являться по утрам только в середу и субботу; в остальные дни недели – от 4 часов до 7-ми. Скоро начнется осень, потом зима. Мне нужно знать мои средства, чтобы подумать о том, как сделаться и* завести ли еще лошадь, потому что одна нужна отцу – а в семь часов пространство от Девичьего Поля до Арбата непроходимо.

Согласитесь, что это все – законно, и если я беспокою Вас, то с целию после уже не беспокоить.

Теперь – несколько незаконное, но имеющее за себя оправдание. Я теперь домотался до того, что “хоть в маркеры ступай”[1]. В одну Думу, при вводе во владение, внесено 40 р. серебром за две половины года поземельных: дома – ни чаю, ни сахару, в Палату при подаче просьбы о написании проэкта закладной надобно представить лист в 4 р. серебром. – И отец и я теперь совсем без средств. Я написал уже больше листа печатного:** посмотрите в настоящую минуту на два листа*** как на погибшие**** в отношении к долгу и дайте мне, Бога ради, до разделки – *тридцать* рублей. Вчера, воротясь домой, я узнал всю настоятельность насущных потребностей, бросился к Евгению: он уже мчится по железной дороге в Петербург. Взять негде – ибо жалованье взято вперед при начале месяца для внесения в Думу.

Отдаюсь в Ваши руки – только чтоб отказ, если таковой будет, был без гнева. Гнев тут и неуместен. Нужда доводит до многого, но меня не доводила еще до того, чтобы я изменил своему делу, и *не доведет*. Пристаю к своему, докучаю своему – пусть свой и обругает, и откажет, пожалуй!

Еще вот что: не знаком ли Вам председатель II-го Департамента палаты *Мертваго* или нет ли у Вас к нему знакомых? Он – страшный формалист, до того, что все большею частью бегают Московской палаты и ездят в Тверь для совершения актов.

---

* *Далее вычеркнуто*: не

** А теперь (в пятницу) ровно *два*, если не больше. 〈*Примечание Г.*〉

*** *Было*: этот лист

**** *Было*: погибший

132. М.П. ПОГОДИНУ

13 августа 1855. Москва

Покорно благодарю Вас – а сердиться Вам не за что.

Завтра и в Успенье я не приду, конечно, а ко вторнику, сделайте милость, прикажите приготовить "Библиотеку для чтения", начиная с *марта* месяца, а в особенности последний №. С марта она нужна потому, что в нескольких книжках – статья Дружинина о Пушкине[1]. Дайте мне средства дописать мою статью цельно и полно – Бога ради![2] Да прикажите построже! Во вторник я явлюсь в 4 часа.

133. М.П. ПОГОДИНУ

Сентябрь 1855. Москва

Я был болен *зубами* и *глазами* – начал две статьи[1]; ни одной не кончил – но являлся все-таки, – доказательство, что усердие не слабеет.

Но нам нужно поговорить *серьезно*. Я имею много сообщить Вам. Пожалуйста, сделайтесь хоть на одно утро или вечер *журналистом*. Вопросы не терпят никакого отлагательства. Нашли же Вы время разъезжать!..[2] Вообще, решитеся на что-нибудь: или *подымать* журнал или *покончить* его разом.

134. М.П. ПОГОДИНУ

17 октября 1855. Москва

Отец и командир! прошлую неделю, простудившись на пути с именин Садовского в середу, я с четверга пролежал чуть что не в горячке. Сегодня только вышел – и завтра вечером явлюсь.

Ваш всегда
А. Григорьев.

135. М.П. ПОГОДИНУ

29 октября 1855. Москва

Статья о гимназии[1] у нас готовится.

Сведения о церкви инспектор наш сам сообщит Вам сегодня же* лично – до обеда, не позже 3 часов.

Писалась большая статья[2], которую Вам доставлю лично на днях. Статью о Гоголе[3] – взгляну и исправлю.

---

* *Далее вычеркнуто*: вечером

136. Н.И. ГРИГОРЬЕВУ

31 октября 1855. Москва

1855 окт. 31.

Не упрекайте меня, добрый и уважаемый дядюшка, в моем долгом молчании, – хотя сам я знаю, что в этом случае упрек будет совершенно справедлив. Скажу Вам только, что, кроме известного Вам во мне качества *аккуратности* в делах и в особенности в корреспонденции, тут входило еще желание прислать к Вам вместе с письмом и статью, которую Вы поручали мне написать – но статья, благодаря опаздывающему всегда "Москвитянину", еще не выходила[1] – и я решился писать. Но что покаместь писать? – вот вопрос. Ваши письма – оттуда[2] так интересны, к нам ли, к тетке ли, что их хоть прямо в печать (разумеется, с исключениями домашних подробностей) – не шутя, – я даже просил бы у Вас позволения на это: теперь в подобных вещах *нуждаются* газеты и журналы, тем более что Вы (говорю Вам, право, не как дяде, а как постороннему человеку) владеете способностью писать необыкновенно просто и живо. Пишите больше, больше и больше... Но, Боже мой, до какой степени я погрузился в письменность, так самому даже сейчас смешно сделалось – пишешь к человеку, которого любишь – и о чем же? о литературной спекуляции!!! А между тем, я открыл в себе, что я к Вам очень серьезно привязан – Вы не можете представить, как часто встает передо мною мое детство и как много в этом детстве являетесь Вы, Ваши приезды, две или три недели жизни с Вами в Аринках[3], когда Вы начинали было довольно успешно делать из меня настоящего человека, Ваши постоянно благородные правила и проч. и проч. Ну да что об этом говорить. В настоящем случае я Вам завидую *искренне*, завидую и в том, что Вы честно служите общему делу, и в том, что Вы купили себе ценою этого служения живую (а не мою мертвую, мыслительную) веру: даже молиться про Вас как-то странно холодной молитвой шаткой мысли: помяните уж скорее Вы нас грешных в живой молитве души! Но я знаю, что мы еще увидимся: я как-то твердо убежден, что Бог недаром послал Вас туда.

У Ваших я часто, в последнее время почти ежедневно. За это благодарить меня не за что, ибо Вы знаете, что кроме отца у меня дома нет ничего, что бы меня приковывало меня ⟨так!⟩ к дому: пока дети мои не подросли, все интересы, все *симпатии мои* в Ваших уже выросших и умных детях да в моих друзьях. Александру я по-прежнему советую махнуть в университет из VI класса; вакацию, Бог даст, он останется у меня и позаймется. С Варв⟨арой⟩ Ник⟨олаевной⟩ – мы теперь читаем, читаем, и, вероятно, долго и много будем читать. Думаю, что никогда не сообщил и не сообщу ей ничего не только вредного, даже не нужного: знаю также твердо, что от прилипчивости моего неисцелимого и часто безобразного идеализма убережет ее ее собственная *умная* природа! Она умнеет с каждым днем – и как она нежно к Вам привязана, так это удивительно (как и другие дети). Вчера Коль, отличный музыкант и любимый ученик Дюбюка, был в восторге от ее игры, хоть она играла у нас далеко еще не так, как играет иногда дома. Александр Иванович говорит, что через два года мало будет в Москве играющих (мужского и женского пола), как она. Я этому страшно рад. Искусство, серьезно, честно разработываемое, есть нечто спасающее в жизни человека, спасающее и морально, потому что избавляет от мелочных и пошлых интересов, – и физически, потому что дает человеку

(мужчине ли, женщине ли) все равно возможность стоять прочно на собственных ногах и ни в ком не нуждаться.

Прощайте, дядюшка – да сохранит Вас Господь Бог! Не увидите ли Берга? познакомьтесь с ним, поклон Мальцеву, если встретите его. Кланяются Вам и поручали еще вчера кланяться Филиппов, Островский, Эдельсон. Дюбюк лежит больной и довольно серьезно, но и он о Вас третьего дня допрашивал с большим интересом. Отец пишет к Вам сам. Еще раз да сохранит Вас Бог.

До свидания!

Ваш душевно племянник Аполлон.

137. М.П. ПОГОДИНУ

2 ноября 1855. Москва

Ни в каких догадках теряться нечего, достопочтеннейший Михаил Петрович! *Трудность и запутанность положения* – а вследствие сего апатия – и невозможность написать хоть строку. Присоедините к этому досаду на себя, некоторую совестливость и т.д. Впрочем, на днях я опять хотел явиться и опять меня *прорвет* листами семью или восемью... Надо так или надо положить конец таким лихорадкам, а как – я, право, не знаю.

Позвольте явиться завтра вечером (ибо сегодня я у Аксаковых), только с условием *меньшего* числа ⟨упреков*⟩ и *большего* основательных соображений насчет "Москвитянина" и моего положения.

138. М.П. ПОГОДИНУ

9 ноября 1855. Москва

Опять не явился и сегодня, потому что как встал, так принужден метаться как угорелый.

Надобно все это кончить. Вы видите всю готовность мою порешить однажды навсегда и *порешить* честно с невыносимейшим положением. Есть и возможность, но возможность эта тянется, как видите, *пять* месяцев[1].

Во что бы то ни стало нужно ехать в Тверь – отцу в *пятницу*, мне во *вторник*. До поездки нужно *застраховать* дом.

Дело ясное, что надобно добыть денег. Мне необходимо *сто* рублей серебром. Или Вы мне дайте их, в надежде на известную Вам способность мою написать *семь* листов в три недели, – или завтра утром один *хороший* человек привезет их мне утром и возьмет за них заемное письмо в *сто семьдесят пять*. При *желании* издавать журнал, выручить своего сотрудника и спасти от дупликата – дело, кажется, возможное, а впрочем, как Вам угодно. Мне бы только кончить дело, так или иначе. Это – даже не просьба с моей стороны, а предложение *месяца* моих услуг – да и то через неделю. Собственно-то даже я и пишу для того, чтобы опять не возникло у

---

* *Слово заклеено облаткой.*

Вас, по поводу неявки моей сегодня, одного из тех *милых* сомнений, на которые Вы так щедры – Бог Вам судья!

Во всяком случае, отвечайте мне что-либо с подателем сей записки – человеком моей тетки, к которой я на минуту заехал и к которой я опять через час заеду, после свидания с приятелем *хорошего* человека, источником христианского займа. Если, *паче чаяния*, Вы намерены дать мне сегодня выше писанную сумму, то к хорошему человеку я пошлю записку, что услуги его и его приятеля не нужны, а сам *сейчас же* приеду к Вам. До субботы, в которую прекращаются дела даже в страховых конторах, осталось *два* дня, а до пятницы, когда отцу надо быть в Твери* – *один*. Цыдулка сия – поистине посылается *на счастье*, даже с веселым духом против обыкновения, с каковым и имею честь пребыть

преданным Вам всегда и
во всяком случае
А. Григорьев.

Середа.
Ноября 9.

1856

139. М.П. ПОГОДИНУ

Около января 1856. Москва

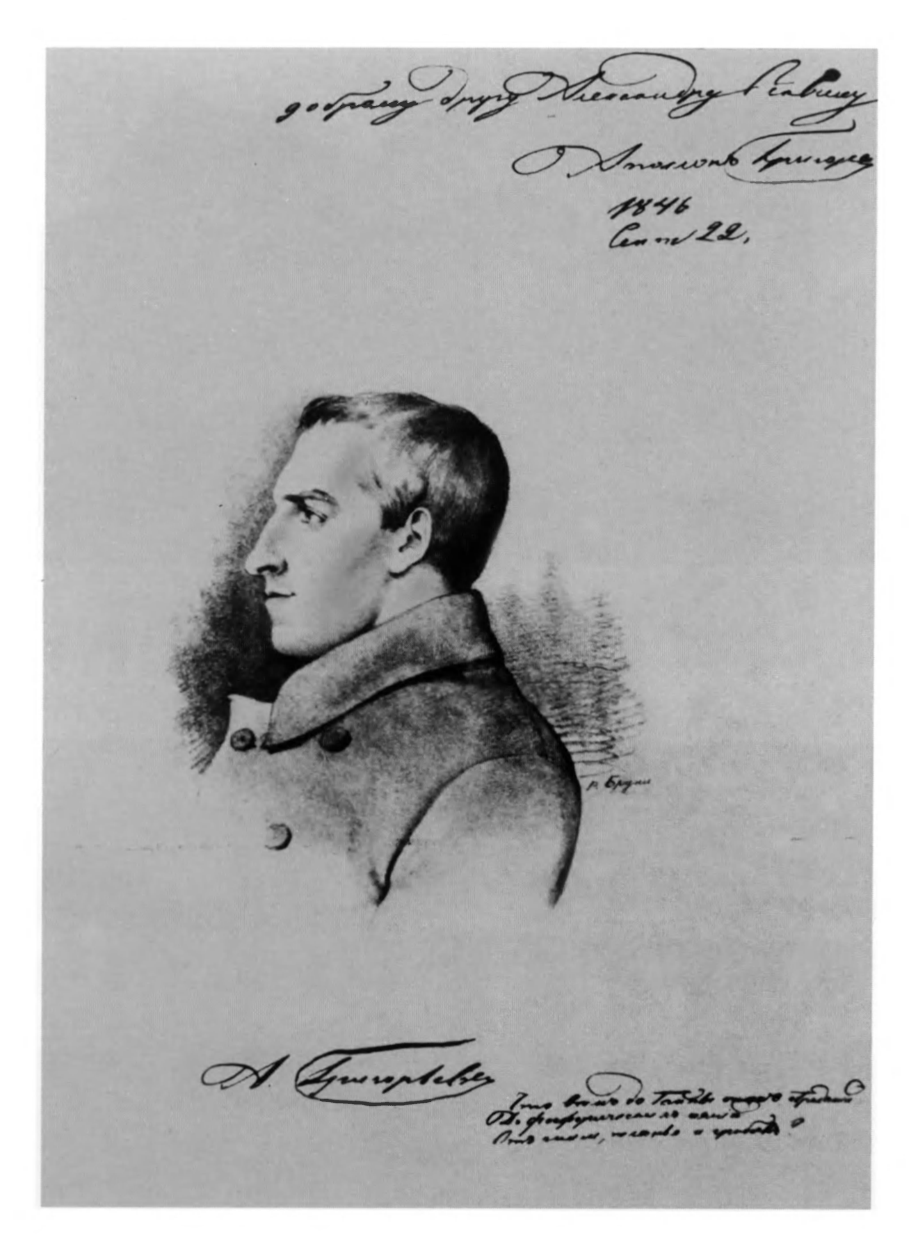
Если б Вы только знали, достопочтеннейший Михайло Петрович – до чего *не кстати* завязался вчерашний разговор, – Вы бы немного поболее подержали мою сторону относительно к преподаванию. *Знаю*, что я делаю не то дело, какое от меня программой требуется, но делал и делаю дело едва ли не нужнее, а к делу программному у меня нет ни малейших способностей. Между тем, я обязан при этом случае сказать, что все, что есть в нашей гимназии польско-жидовского, строгановского, армянского и чиновнического, перед чем я поневоле, по крайностям, должен смиряться и что, тем не менее, точит на меня зубы, особенно с нынешних Святок и с спектакля[1] – все это *крайне* обрадуется возможности опереться на мнение человека с таким авторитетом, как Никита Иванович. Им и нужно в сущности халуя программы, убийцу всего живого в людях – но лучше ли это будет? Подумайте хорошенько! Со всей, общей нам, ленью, со всей безалаберностью – я скажу много такого, что и *нужно* и *полезно*... Я – единственный в настоящую минуту орган правого дела во всех четырех гимназиях. Не думайте, чтобы подозрительность или раздражительность моя создавали тут врагов. Защитников-то мало, а враги есть! – и явные и тайные, какие хотите.

Ваш
А. Григорьев.

На обороте:
Его превосходительству
м⟨илостивому⟩ г⟨осударю⟩
Михаилу Петровичу
Погодину.

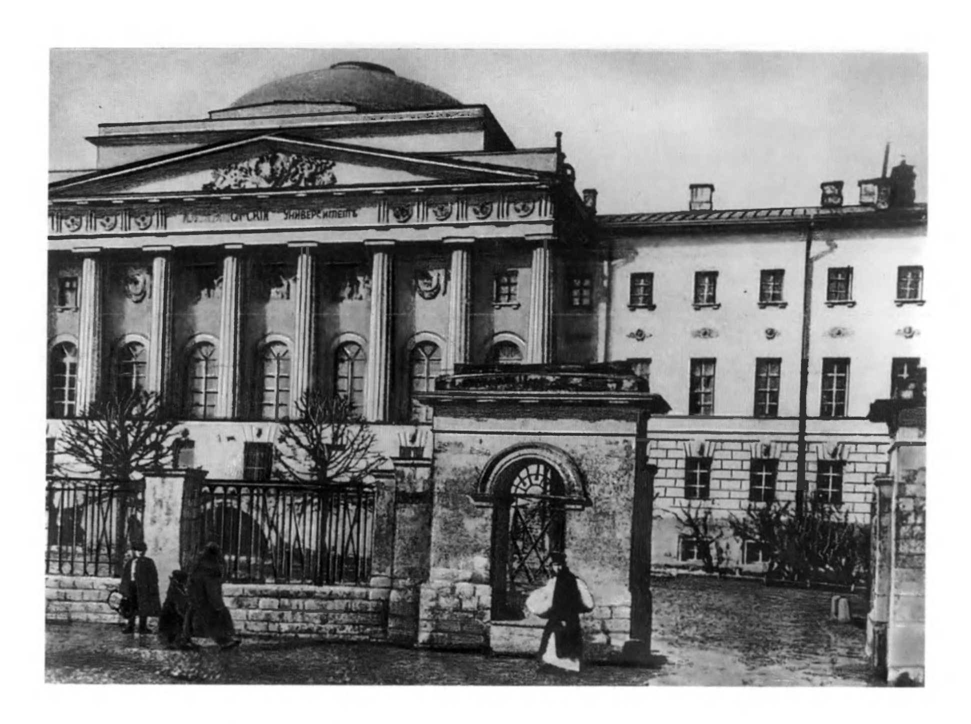
* *Вместо зачеркнутого:* ехать в Тверь

Ап. Григорьев.
Портрет рукою П. Бруни. На портрете три автографа изображенного:
"А. Григорьев"; "доброму другу Александру Славину. Аполлон Григорьев. 1846. Сент. 22";
"Что вам до тайны тех страданий,
До фосфорических сияний
От гнили, тленья и гробов?"
(Неточная автоцитата из стихотворения "Тайна скуки", 1843.)

Дом Григорьевых на Малой Полянке в Москве
(приобретен А.И. Григорьевым в 1831–1832 гг.; снесен в 1962 г.).
Фото 1915 г.

Московский университет. Старое здание на Моховой
(построено в конце XVIII в. по проекту М. Казакова)

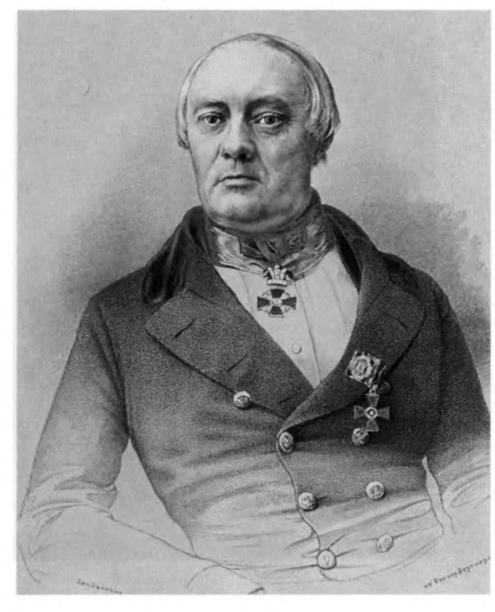
А.А. Фет.
Литография с фото середины 1850-х годов

М.П. Погодин.
Литография 1850-х годов

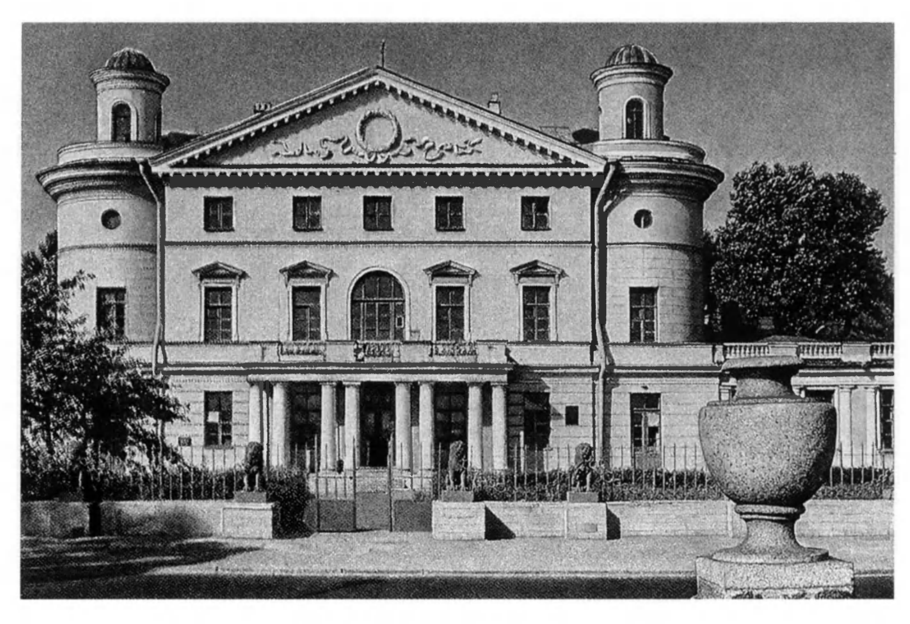
С.М. Соловьев.
Фото конца 1850-х годов

С.П. Шевырев.
Литография 1850-х годов

Зимний Императорский дворец в Петербурге
и Александровская колонна в честь Александра I.
Рисунок А. Дюрана 31 октября 1839 г.

Загородный дворец графа Г.А. Кушелева-Безбородко в Полюстрове
(окраина Петербурга). Построен в 1773–1777 гг по проекту В. Баженова
(центральная часть, изображенная на снимке) и Дж. Кваренги (флигели).
Фото XX в.

Антонина Корш, в замужестве Кавелина.
Фото 1850-х годов

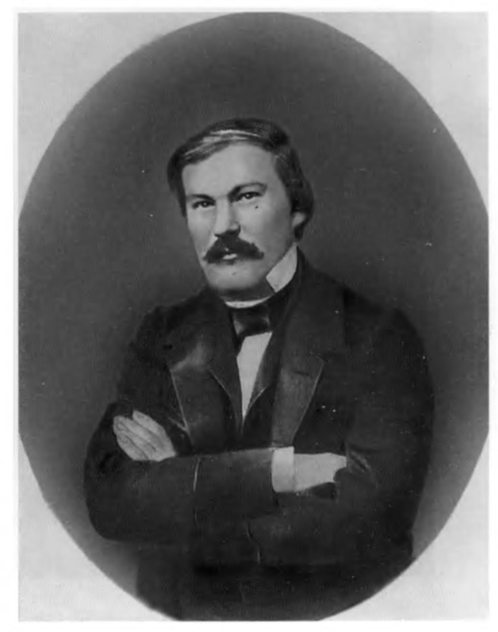
Ф.А. Кони.
Фото 1863 г.

Н.В. Гоголь.
Рисунок Э.А. Дмитриева-Мамонова 1852 г.

А.А. Краевский.
Литография с фото 1862 г.

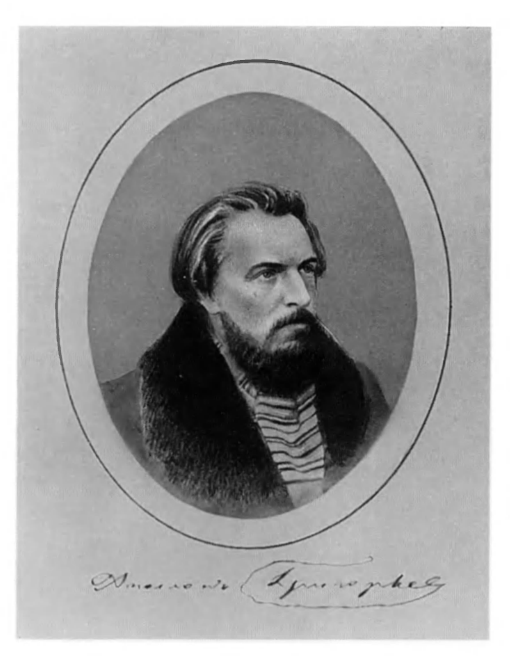

А.В. Дружинин.
Фото 1856 г.

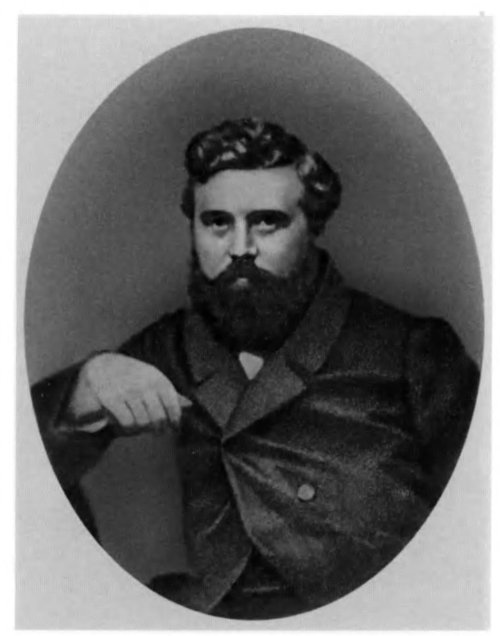

Члены "молодой редакции" "Москвитянина".
Сидят (слева направо): Е.Н. Эдельсон (?), Ап. Григорьев, А.Н. Островский;
стоит справа Б.Н. Алмазов. Фото середины 1850-х годов

Ап. Григорьев. Письмо к дяде Н.И. Григорьеву из Москвы от 31 октября 1855 г.

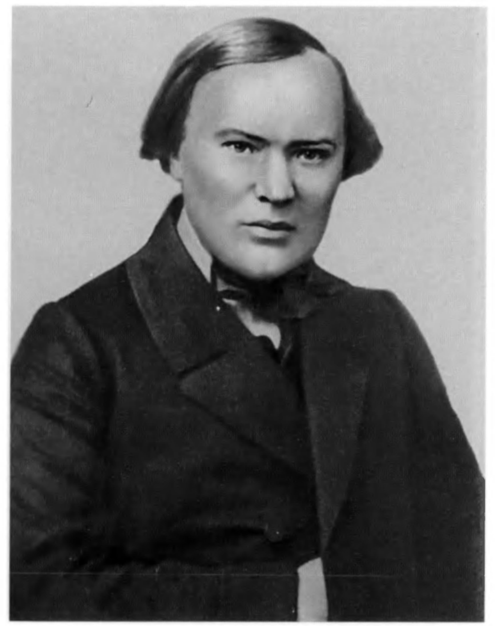
Ап. Григорьев.
Фото конца 1850-х годов.
Петербург

Е.Н. Эдельсон.
Фото 1850-х годов

Е.С. Протопопова.
Фото конца 1850-х годов

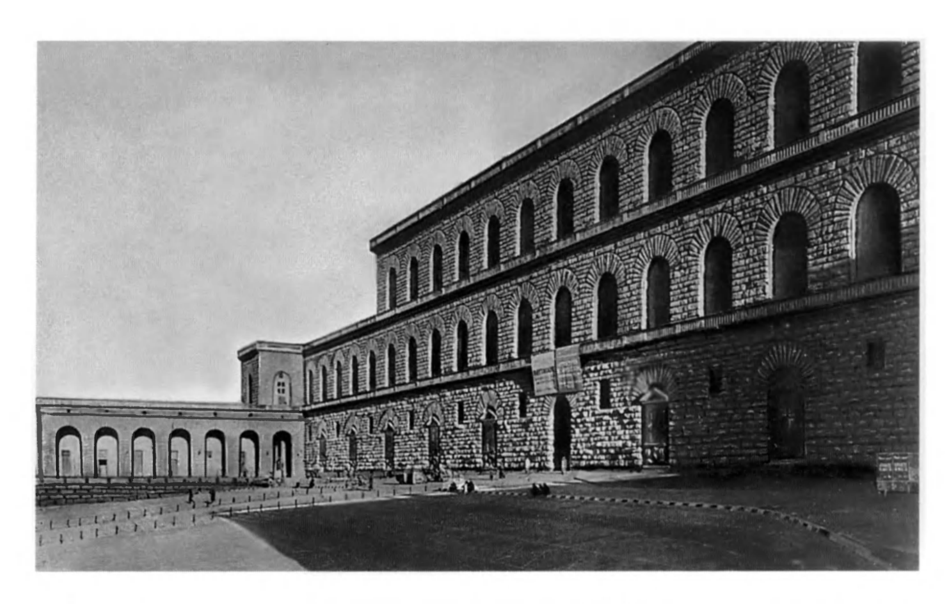
А.Н. Островский.
Фото 1856 г.

Флоренция
Дворец Синьория, или "Старый"
(XIII–XVI вв.). Фото XX в.

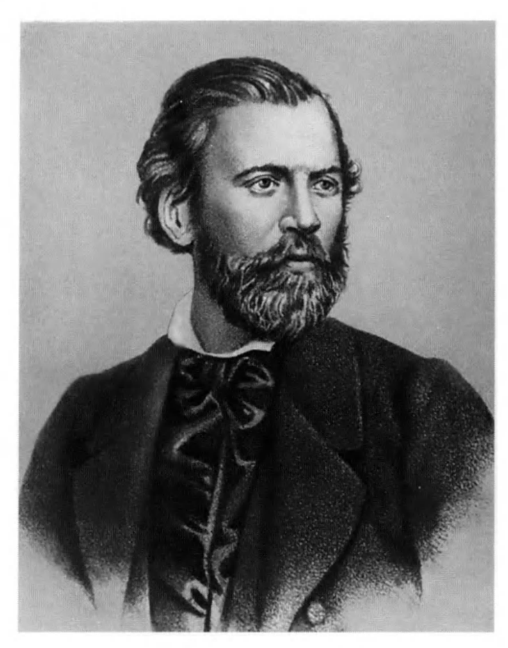
Флоренция
Фасад кафедрального собора
(XIII–XV вв.). Фото XX в

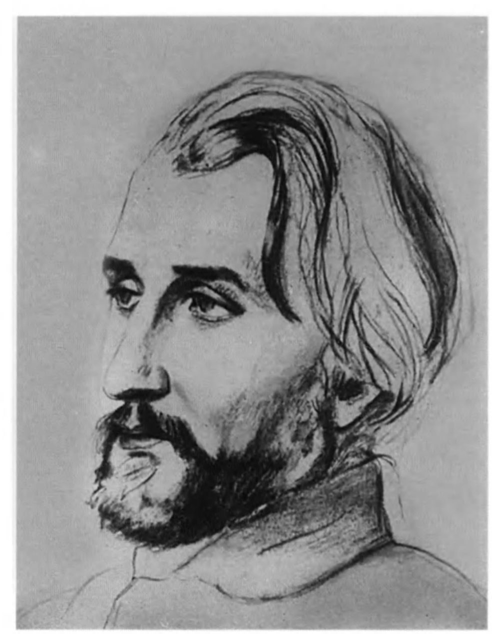
Флоренция. Дворец Питти (XV в.), самое грандиозное здание города
Знаменитая картинная галерея. Фото XX в.

"Мадонна с младенцем" Б.Э. Мурильо (около 1650 г.), любимая картина Григорьева в галерее Питти

Я.П. Полонский.
Литография 1850-х годов

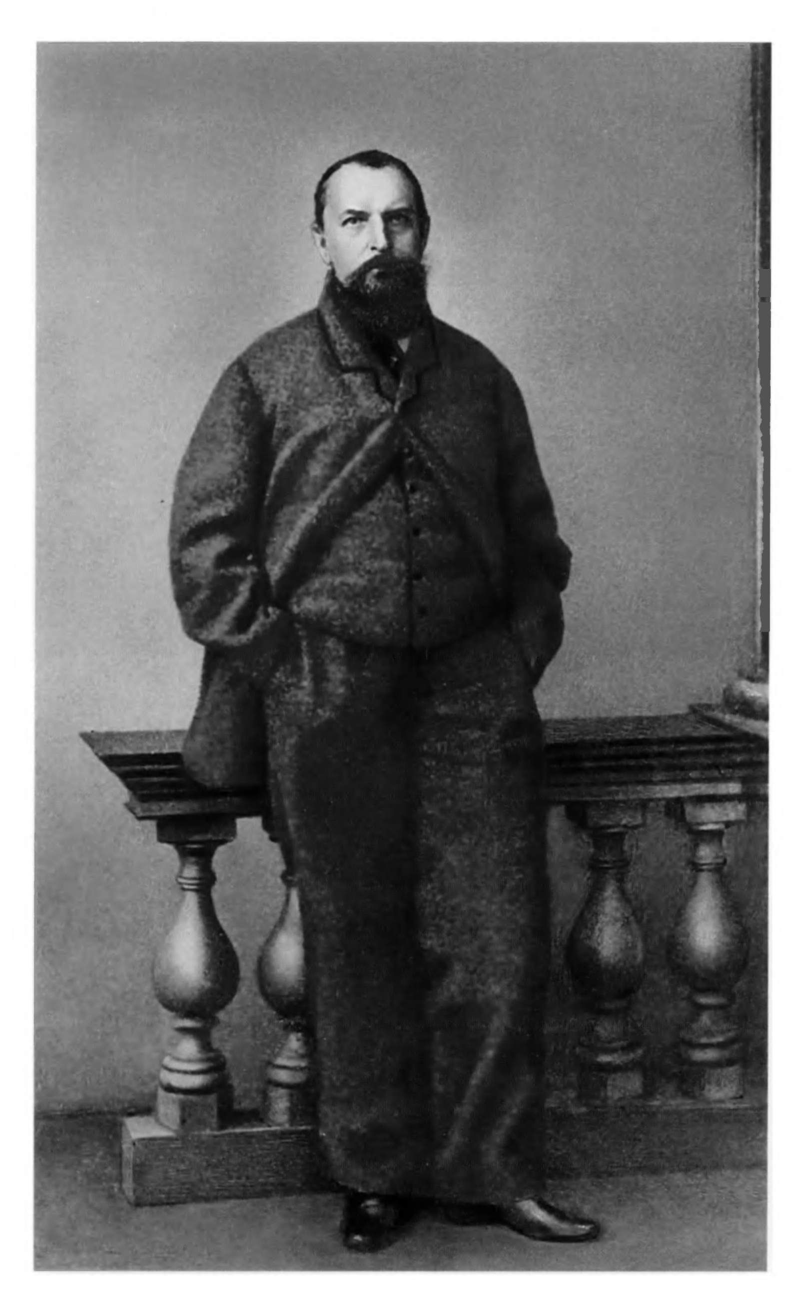
И.С. Тургенев.
Рисунок Полины Виардо
(около 1858 г.)

А.Н. Майков.
Фото 1856 г.

Граф Г.А. Кушелев-Безбородко
Литография с фото 1862 г

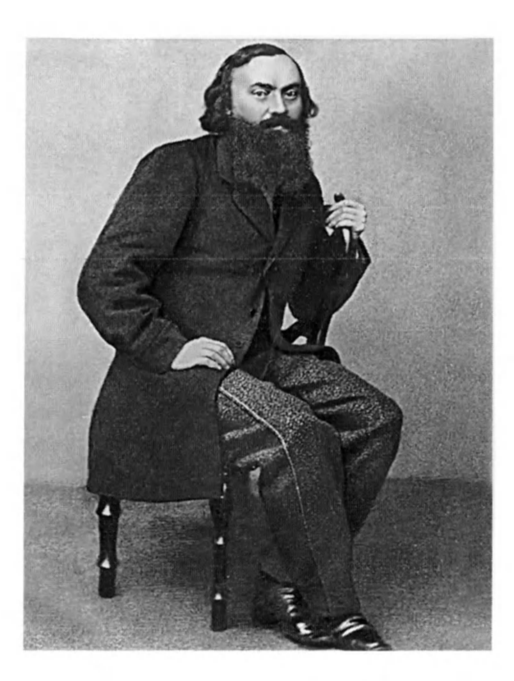
Ап. Григорьев. Фото начала 1860-х годов. Петербург. Фотография во второй половине XIX в. висела в фойе Александринского театра

Ф.М. Достоевский.
Литография с фото 1862 г.

М.М. Достоевский.
Фото конца 1850-х годов

Н.Н. Страхов.
Фото 1860-х годов

А.П. Милюков.
Фото 1860-х годов

1861 г. Ав. 23. Оренбург

[illegible]

Ап. Григорьев. Письмо к Н.Н. Страхову из Оренбурга от 23 августа 1861 г

Оренбург. Дворянское собрание, где Григорьев прочитал цикл лекций о Пушкине.
Здание построено в 1830–1840-х годах.
Фото конца XX в.

140. М.П. ПОГОДИНУ

6 или 13 января 1856. Москва

Вы звали меня несколько раз, достопочтеннейший Михайло Петрович, – и я не являлся. Не явлюсь даже и теперь, по последнему Вашему зову. Все факты против меня – и у меня даже нет надежды оправдаться. Я обещал Вам в последний раз – месяц моей работы и обещания не выполнил. Вам дела нет, что я – обманут кругом сам, что у меня лежат три начатых статьи, которых продолжать я не в силах, что я *слоняюсь* (в буквальном смысле слова), как помешанный, больной душевно, здоровый телесно, как бык (удобней сравнения я не нахожу для моего *бренного* состава, которого не в силах, как видится, сокрушить никакие тяжелые душевные страдания), потерявший веру во все – и между тем постоянно терзаемый жаждою деятельности, сознательно говорящий себе: "et pourtant, j'avais vois quelque chose là"* – страстно, страстней, может быть, всех пишущих ныне привязанный к литературным интересам! Вам дела нет до всего этого и Вы правы, что Вам дела нет, Вы вправе бросить камень, если хотите, да сбудется надо мною грозное слово Писания: "И ближние мои далече от меня стаху!.."[1]

Я – погиб вместе с "Москвитянином", ибо "Москвитянин" в последнее время был я. Мне остается одно утешение – знать, что я мог материально не погибнуть, перейдя под другие знамена – и предпочел, предпочитаю и предпочту честную (перед внутренним судом) гибель – житейским выгодам.

Н.Н. Воронцов говорил, что Вы посылали его ко мне с предложением собрать вокруг себя сотрудников и объявить себя редактором "Москвитянина" накануне нового года. А назад тому с год – я пламенно добивался у Вас того, что я называл диктаторством, писал Вам проэкт циркуляра ко всей братьи[2]. – Вы назвали это чуть что не ребячеством, как неудобозабываемый[3] называл, вероятно, ученым идеализмом Ваши послания к нему[4]. А я знал, что именно *головы*, какой бы то ни было, не достает нашему кружку и нашему направлению. Теперь же, чуть что не насмешкою был Ваш проэкт. "Москвитянин" погиб и ему не восстать, если 1) *кто-либо* не примет твердой решимости *два года* издавать его в убыток и с пожертвованиями; 2) если *кто-либо* не вырвет меня из ада, в котором я сижу по горло – ибо я один да Эдельсон твердо знаем, что *наш* журнал, *наше* направление – был не "Вестник", не "Беседа" (которая NB едва ли не будет журналом Троицкой лавры и проч.), а "Москвитянин" и *Ваше* направление (*народность* демократическая и прогрессивная) – и из нас двух, *плотью и кровью*, связан с литературой только я.

В доказательство, как сильно, постоянно занимала меня одна мысль, как мысль эта грызла меня, терзала – я мог бы представить Вам несколько проэктов и писем к Вам, в разные времена написанных и не отправленных по безнадежному отчая-

---

* а все-таки я что-то увидел там (*фр.*).

нию. Прочтите одно прилагаемое при сем: в нем же, кстати, и все почти сказано, что сказать было можно о журнале.

.....P.S. *Не прилагаю, ибо незачем обременять Вас чтением.*

А между тем, сидя в *аду* только по уши, я не лишился глаз и ясно вижу, что "*Вестник*" – с первой же книжки "первый блин да комом" – мертвечина, темна вода во облацех воздушных, безжизненный эклектизм или худо скрытое (как в соловьевской статье[5]) презрение к народности и коренным началам быта – предчувствую (а мои предчувствия куда как все верны), что "Беседа" сойдется с блаженной памяти "Маяком" в своих *последних* результатах, что жизненное, народное направление может сказать о себе: "лиси язвины имуть и птицы гнезда, Сын же Человеческий не имать где главу подклонити"[6]. Иногда я очень ясно сознавал вмешательство* злого духа в наше предприятие, искусно пользовавшегося самолюбием каждого из нас, от Вас начиная как головы и до меня как до хвоста метущего включительно – и я, кажется, говорил Вам об этом.

Я лично истерзан до того, что желаю только покоя смерти, без малейшей фразы, если что еще воздерживает меня от самоубийства, так это – право, не *дети*, ибо я верю, что Бог, *правосудный* ко мне, будет *милосерд* к ним, что их не оставит дед и Евгений[7], – не *страх* смерти, не вера в будущую жизнь – ибо как ни вертись, а невольно остаешься с верою не догматическою, с верою в Бога – Любовь всепрощающую и все понимающую, – а вопрос: к чему же дана эта жажда деятельности, эта раздражительная способность жить высшими интересами? Должно же найдтись всему этому употребление. О! как бы пламенно поверил я в Бога, как бы я пошел за Ним, если бы хоть раз милосердие, а не одно неумолимое Правосудие ответило мне на душевные вопросы!

Письмо мое похоже на исповедь, потому что надобно же хоть раз высказаться совсем – одному из немногих людей, в которых, при всех их недостатках, не утратил еще веры. Не желаю только – и имею право не желать, чтобы оно, валяясь на Вашем столе или под столом в сору разной бумаги, служило пищею для праздного любопытства приходящих.

А "Москвитянин" зеленого цвета! как бы желал я возвратить то время, когда мы все так верили, так надеялись, так любили *наше* дело... Но и при этих воспоминаниях примешивается у меня *желчное* чувство. Были минуты, когда Вы выдали меня головою людям, которых любил я не меньше, чем Вы, которым верность и любовь братскую доказывал я и доказываю с смирением фанатика, но которым надобно было показать, что Вы придаете мне какое-либо значение: это было бы полезнее и для них, действовавших тогда под влиянием необузданности и ослепления – Вы выдали меня, повторяю я, и при том тогда, когда год моей энергической

---

* *Слово вписано вместо вычеркнутого*: участие

деятельности доказал, по Вашим же словам, “что только на меня можно основательно понадеяться”. Вы и представить не можете, какую важность в отношении ко всему последующему имел этот факт![8]

Собственно говоря, я не знаю, что еще в настоящую минуту меня поддерживает. Вера в какие-то чудеса, а чудес не бывает.

Повторяю Вам, что в возможности выхода из положения – я обманут легкомыслием и бесхарактерностью человека мне близкого. Я Вас не обманывал.

Убедившись в том, что *все* меня обмануло, я впал в отчаяние. В отчаянии вещи, может быть, представляются хуже, чем они на самом деле. Повторяю Вам, что я *слоняюсь* без деятельности, пожираемый жаждой дела – и не могу ничего делать, хоть убейте: начинаю и не в силах продолжать. Чтобы я делал дело, нужно чтоб я был спокоен, чтобы я думал о деле, а не о себе. Мысль о себе и вечно о себе – надоела мне страшно... Я рад был бы, чтобы расчистили только мои дела и на три года заперли бы меня (хоть буквально заперли бы) в келью, в тюрьму, пожалуй, с книгами и бумагой, и чтобы я знал, что во время такого моего заключения моими трудами *в довольстве* живут другие.

Теперь и это даже невозможно... А я все-таки чего-то надеюсь!

В настоящем случае я надеюсь, впрочем, только на то, что Вы все это поймете: поймете, что горько остаться чем-то в роде подлеца в отношении к человеку, которого с детства ставил высоко, которого любил с юношества; – что ужасно видеть в себе Хлобуева[9] и *знать*, что только фантазия поэта выручила такую личность каким-то идеальным делом. В этом-то идеализме – и ошибка, и вред моральный *последнего* Гоголевского направления. Он, покойник, как я же, дитя его мысли, не мог расстаться с мечтою, что “всякое стремление рано или поздно, благодатию или чудом Божьим – получает себе выход”[10].

Пусть исповедь будет полна. Вот Вам вещь, написанная прошлого года, по поводу другой стороны моего душевного вопроса, прилагаемая равно и к этой. Ею я кончаю: произнесите суд сами над душою человека, которому такие тяжкие размышления постоянно приходили и приходят в голову или паче в сердце. Не богохульство эта вещь – ибо за богохульством слов скрыта в ней тайная вера души:

23 янв. 1855 года.

Трагедия близка к своей развязке
И прав Неумолимого закон,
Вольнó же сердцу верить старой сказке,
Что приходил взыскать погибших Он[11].

Свершают непреложные законы
Все бренные создания Твои,
И Ты глядишь, как гибнут миллионы,
С иронией божественной Любви.

Так что же вопль одной визгливой твари,
Писк устрицы иль стон душевных мук,
Проклятья страсти в бешеном разгаре,
Благодарящий иль клянущий звук.

А все порой на свод небесный вглянешь,
С молитвой, самому себе смешной,
И детские предания вспомянешь,
И чудо, ждешь, свершится над тобой.

Ведь жили ж так отцы и деды прежде
И над собой видали чудеса,
И вырастили нас в слепой надежде,
Что для людей доступны небеса.

Кого спасал от долгого запоя
Господь чудесным сном каким-нибудь,
Кому среди Очаковского боя
Крест матери закрыл от раны грудь.

Пришлося круто, так, что вот немножко
Еще – так тут ложись да умирай…
Вдруг *невиди́мо* посылал в окошко
Великий чудотворец Николай.

Навеки *нерушимые* бывали
Благословенья в тот счастливый век.
И силой их был крепче лучшей стали
Теперь позорно слабый человек.

Отцов моих заветные преданья,
Не с дерзким смехом вызываю* вас,
Все праотцев святые достоянья
Хотел в душе собрать бы я хоть раз.

Чтоб пред Тобой с молитвою** живою,
Отец Любви, упавши зарыдать,
Поверить, что покров Твой надо мною,
Что Ты пришел погибшее взыскать.

Трагедия близка к своей развязке,
Пришел конец мучительной борьбе.
Спаситель! Если не пустые сказки
Те язвы, что носил Ты на себе,

---

* *Было*: призываю
** *Вместо вычеркнутого*: Отец любви

И ежели Твои обетованья
Не звук один, не тщетный только звук…
Спаситель! Есть безумные страданья,
Чернеет сердце, сохнет мозг от мук.
Спаситель! Царь Земли в венце терновом,
С смирением я пал к Твоим ногам,
Молю Тебя Твоим же вечным словом:
Ты говорил: "Просите, дастся вам"[12].

P.S. Если Вы захотите что ответить мне, пришлите в гимназию завтра, т.е. в субботу: я там буду.

141. М.П. ПОГОДИНУ

Около 14 февраля 1856. Москва

Только что прочел сейчас новоприбывший № "Современника". Напечатанный в нем отзыв о драме Островского "Не так живи, как хочется" – кому бы этот отзыв ни принадлежил – Тургеневу, Дружинину или иному кому[1] – таков, что я с удовольствием подписал бы под ним свое имя: это – не подлая лесть "Записок", не подлое снисхождение "Вестника" – а дело и сочувствие к делу. И опять-таки – я оказываюсь прав в том, за что они прежде надо мною глумились[2].

Но сила не в том. Рассудите милостиво и добросовестно: Почему бы мне не писать в журнал, который так явно, хотя и с приличною постепенностью, переходит на *нашу* сторону, который богат средствами и, значит, будет платить весьма щедро за то самое, над чем два года тому назад глумился. Стоит только начать – да и первый шаг может облегчить форма статей в виде писем в Тургеневу, человеку уважаемому обоими кружками и ко мне оказывающему много симпатии[3].

Я привязан к Вашей личности и к "Москвитянину", – но что касается до первого, т.е. до личности Вашей, то 1) *Два* года я надоедаю Вам требованием решительных мер, без малейшего успеха, как Вы известному лицу[4]. 2) Вы, как чумы, избегаете определенности. 3) Из *тридцати* предполагаемых Вами рецензий 20 произведут эффект своею смелостью, но зато 10 поставят и журнал, и меня в ложное положение относительно многих.

Что касается до "Москвитянина", – то я вижу, что будет тянуться старая канитель. Или он должен существовать в *определенных* формах предложенной мною программы[5], и 1-я книжка его должна явиться с именем еще хоть Дружинина, с двумя редакторами официально и т.д. – или лучше ему окончить свое земное странствие.

Обидно, когда бескорыстное желание добра *делу* принимается за личный каприз. Поездка в Петербург – необходима даже *для эффекта*, не только что для статей.

А вот еще кстати – подтверждение необходимости отдела *старой журналистики*. В этом же № "Современника", впрочем во многих отношениях прекрасном, – находится продолжение невежественных статей *г. Чернышевского* об отношениях критики к Гоголю, – и как в первых был превозносим Н. Полевой и оправдываем

Сенковский, так в последней – позорится несчастный С.П. Шевырев[6]. А Вы равнодушно утешаете меня обещанием С.Т. Аксакова написать статейку об этом периоде литературы, зная хорошо, что С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩ как художник напишет на свободе в три года несколько страниц – и что бороться с невежеством есть дело нашего брата чернорабочего. Повторяю Вам, обидно, когда мысль, извлеченную прямо из фактов современных, да еще и бескорыстную – встретят подобным пренебрежением.

Впрочем, я последний раз надоедаю Вам. Или примите программу и условия и в середу же отправляйте меня в Петербург – или тяните канитель. Я буду ее тянуть с Вами и с журналом, поколе журнал существует – и буду писать по обычной плате листовой, не связывая себя и Вас никакими условиями, – благо теперь могу писать. Как же скоро журнал прекратится – а таковая участь ждет его всенаинепременнейше при канители, – я перейду в "Современник".

Статью "об эклектизме" доставлю скоро[7].

142. М.П. ПОГОДИНУ

Около 15 февраля 1856. Москва

Милостивейший государь,
Достопочтеннейший Михаил Петрович!

Все, что имел я честь написать Вам в прошедшем письме – осталось во всей своей силе: даже в тот понедельник, в который я хотел придти к Вам работать, все гнетущее и девящее меня разразилось еще с большею силою – и я не виноват, что при всем желании *делать дело* судьба не дает мне ни минуты покоя.

Дело "*Москвитянина*" и моя личность волею судеб слились теперь в одно. Значит, и толкуя об одном, не минуешь разговора о другом.

Один *хороший* человек с капиталом (имени его, до времени, я сказать не могу) готов дать мне *десять* тысяч серебром на издание "Москвитянина" с следующими условиям: 1) "Москвитянин" должен быть передан мне в собственность. 2) Понесем ли мы с издателем убытки или нет – все равно, но с каждого подписчика Вы получаете по 1 р. серебром *пожизненного* дохода.

Это – одно. Другое – если Вы сами хотите издавать. Тогда вот что мне нужно, т.е. нужно "Москвитянину".

1) Решимость отложить, как мы говорили, – *шесть* тысяч рублей серебром – на удачу, пойдет или нет.

2) Для меня лично – определенность положения, хотя на год, т.е. листов за *шесть* в месяц, – определенного, выдаваемого ежемесячно 1-го числа – жалованья 90 р. сер⟨ебром⟩.

3) За просмотр *всех* статей, помещаемых в книжке (кроме, конечно, Ваших), за просмотр всего присылаемого, за наблюдение над *духом*, вместо платы – квартира в Вашем, впусте стоящем, доме, где Вы жили прежде. И Вам выгодно – и мне нужно для *уединения*.

4) Старые долги мои причислить к убыткам от "Москвитянина" – привести их в ясность и вознаграждать через год, если "Москвитянин" будет издаваться не в убыток.

5) Естественно, что как только число подписчиков перейдет за 1000, то и мое положение должно улучшиться. С каждого подписчика, начиная с 1000, – Вы будете мне платить по *рублю* серебром (не увеличивая зато платы за мои статьи).

6) *Глухоты* редакции допустить невозможно. На журнале должны стоять имя Ваше и имя мое.

7) Смотрителем за корректурой, типографской отчетливостью, аккуратностью, своевременностью выхода должен быть непременно Я.П. Умденшток.

8) Все эти условия должны быть написаны и подписаны Вами и мною, домашним, а не формальным порядком, ибо на основании такового документа даются мне одним добрым человеком – *три* тысячи рублей серебром на уплату долгов.

Нечего говорить, что несмотря на то, что первый проэкт для меня выгоднее, сердце мое лежит больше ко второму. Только в союзе с Вами найду я настоящие силы.

Теперь – третье. Нас приглашает "Современник" и не идти туда теперь, когда там будут нас с Островским слушаться – нет оснований, если "Москвитянин" прекратится. В таком случае, параллелизм моей судьбы с судьбою покойного Белинского – поистине поразителен!.. Что ни возникнет *нового* в Москве – не находит здесь средств осуществления и должно пересаживаться на проклятую Богом почву Петербурга!

Ваш всегда и везде
А. Григорьев.

143. М.П. ПОГОДИНУ

Вторая половина февраля 1856. Москва

Достопочтеннейший Михаил Петрович!

Не знаю, что нашли Вы дерзкого в моих предшествующих письмах[1] – а я все стою на одном. Или *совсем* так, как я имел честь предлагать Вам, или на время перервемте журнал. Лично я, приведенный насчет журнала в совершенное отчаяние, принял известное Вам предложение моего начальства – и теперь даже не могу вязать себя непременною обязанностью поставки *шести* листов.

С глубоким уважением и преданностию
имею честь быть
Ваш
А. Григорьев.

144. М.П. ПОГОДИНУ

Конец февраля 1856. Москва

Я обдумал дело – и готов. Затруднения устраняются очень просто: вместо одной лошади должно держать пару: утром в девятом часу лошадь будет отвозить меня на Девичье Поле; по утрам я буду заниматься до 11 или 12 (смотря по урокам в гимназии) чтением статьей, предназначенных для книжек, выправкою и сокращением оных, чтением журналов русских нововыходящих и газет. По вечерам, от 7-ми до 10 или 11 (как случится), – писать. В 10 часов приезжать будет за мною лошадь и отвозить домой. Вот и все.

Я отдаю, таким образом, журналу все время, какое есть у меня, кроме субботы вечера и воскресенья. В комнате, где я буду работать, прикажите поставить какой-нибудь диванчик, – ибо читать я привык большею частию лежа.

Вместо квартиры, за чтение, выправку и наблюдение, Вы положите мне 20 целковых: одним словом, будете платить мне ежемесячно (конечно, вперед, а не назад) с 1-го марта – 110 р. сер⟨ебром⟩. Работать начну я с понедельника. В субботу окончательно заключимте и *подпишемте* наши условия[1], напишем объявление и пустим.

Между тем, начальство мое, которому я душевно благодарен за участие очевидное, – предлагает мне место репетитора и за оное – 23 р. сер⟨ебром⟩ в месяц жалованья и отличную квартиру. Считая наши условия с Вами конченными – я сказал, что едва ли приму это, хотя и приношу душевную признательность. Мне советовали подумать. – Думать мне нечего, если 1) “Москвитянин” существует, 2) если он существует под фирмою редакции Вашей и моей – *официально*, 3) если Вы согласны вообще на *все* изложенные в прежнем письме условия – и подпишете их.

До субботы. Будьте здоровы.

Ваш

А. Григорьев.

145. М.П. ПОГОДИНУ

Начало марта 1856. Москва

Из чего и почему Вы намеренно не желаете понять дело, как оно есть, когда понять его весьма немудрено – и никакого в настоящем случае колобродства с моей стороны нет, а есть только желание дела.

Что я от Вас прошу? Золотых гор, что ли?

Я прошу Вас

1) О подписании, не формальном, условий, предоставляя Вам даже изменить их в том или другом пункте[1].

2) О выпуске в свет программы, которой основные положения Вы сами принимаете, которую поправить предоставляю Вам право.

3) О начатии "Москвитянина" с апреля – потому что нельзя же выпустить его *нагим*.

4) О поездке в Петербург на днях же, если редакция моя – не шутка и если она должна внести в "Москвитянин" какое-либо изменение или усовершенствование.

Из этих *четырех* пунктов только первый интересует меня лично, ибо на основании подписанных условий купец Хлебников или *другой* дает мне денег. Остальные интересуют меня постольку, поскольку журнал связан с моею плотию и кровию.

Из чего же наконец толк? Неужели из денег, нужных мне на поездку? *Так и быть* – тотчас по подписании условий, я их добуду.

Ваш
А. Григорьев.

146. М.П. ПОГОДИНУ

Середина марта 1856. Москва

Почти чудесным образом восстановилось у меня в душе спокойствие, и, как бы в оправдание Ваших слов – спокойствие дома. Результат посылаю Вам в проэкте программы, который, надеюсь, стоит статейки[1]. Надобно взять смелостью и откровенностью. Рассмотрите проэкт внимательно – и Вы убедитесь, что *рискнуть* можно.

К *тому* заехал вчера: никакого сладу: твердит одно. Стало быть, решайте вопрос, быть или не быть журналу.

Если *не быть* – то и говорить нечего. Если быть, то необходимо:

1) Дружинин и Серов.

2) Отъезд в Петербург во вторник и до воскресенья включительно.

3) Начать издавать с апреля – ибо нельзя *первой* книжки выпустить без статей, которые бы показали, что журнал, оставшись при прежней силе мысли, включил в себя новые, хорошие элементы.

А главное – необходимо теперь или никогда – взаимное доверие. Завтра приду утром за ответом.

NB. Программа д⟨олжна⟩ напечататься на листе огромного формата и великолепнейшим образом.

147. А.И. КОШЕЛЕВУ

25 марта 1856. Москва

Принявши с величайшею радостью весьма лестное предложение Ваше, как совершенно удовлетворяющее всем моим лучшим убеждениям, я только потом мог несколько обдумать дело, рассмотреть его не с одной, а с нескольких сторон. – Все главные выводы такого рассмотрения я решаюсь изложить Вам с откровенностью, необходимою между людьми честно служащими одному делу, но смотрящими на него с несколько разных точек зрения. Вы хотите, восстановляя "Москвитянин",

сохранить один из оттенков нашего общего направления, – оттенок, заметьте, несколько отличный от Вашего, от старшего славянофильства. Главным образом мы расходимся с вами во взгляде на искусство, которое для вас имеет значение только служебное, для нас совершенно самостоятельное, если хотите – даже высшее, чем наука. Когда я говорю, что *главным* образом мы в этом расходимся, то говорю не совсем точно, – надо бы сказать: единственно в этом; во всем остальном, т.е. в учении о самостоятельности развития, о непреложности православия, мы (по крайней мере, я лично) охотно признаем вас старшими, а себя учениками. В отношении к взгляду на народность различия наши могут быть, как мне кажется, формулированы в двух следующих положениях: 1) Глубоко сочувствуя, как вы же, всему разноплеменному славянскому, мы убеждены только в особенном превосходстве начала великорусского перед прочими и, следственно, здесь более исключительны, чем вы, – исключительны даже до некоторой подозрительности, особенно в отношении к началам ляхитскому и хохлацкому. 2) Убежденные, как вы же, что залог будущего России хранится только в классах народа, сохранившего веру, нравы, язык отцов, – в классах, не тронутых фальшью цивилизации, мы не берем таковым исключительно одно крестьянство: в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу, видим старую извечную Русь, с ее дурным и хорошим, с ее самобытностью и, пожалуй, с ее подражательностью, чертой, которою славян попрекали чуть что не до первых минут их исторического существования, чертой, которою объясняются и некоторая порча языка среднего сословия (если называть это порчей), и некоторая *мишура* в жизни, и некоторые в высшей степени комические явления быта. *Значит*, здесь мы менее, чем вы, исключительны, коли хотите – менее, чем вы, целомудренны.

Вот наши различия *положительные*. Из них вытекают *покамест* наружу, литературно, вот такие последствия: 1) *большее*, сравнительно с вами, поклонение Пушкину и *меньшее*, сравнительно с вами же, поклонение Гоголю; 2) значительнейшая, сравнительно с вашею оценкою, оценка некоторых литературных явлений настоящей минуты, как минуты *нашей*; что же касается до отрицательных пунктов, то здесь сходство простирается до тождества. Не любим того же, что и вы не любите, и нет нужды даже пояснять, чего именно. Итак, хотите ли Вы поддержать и сохранить таковой оттенок направления, которого свойства я формулировал сравнительно и по крайнему разумению?

Если да, то в таком случае едва ли возможны в будущем "Москвитянине" иные для нас отношения, как следующие:

1) Отдел критики литературных произведений состоит в моем исключительном заведывании: мое дело – и сотрудники для сего отдела, и просмотр статей и т.д.

2) В другие отделы я не мешаюсь; относительно произведений словесности я имею голос равный с прочими – касательно помещения их в нашем журнале.

3) Имя мое – вместе ли с Вашим или другим именем, но должно быть на журнале.

4) Тотчас же по решении нашего дела Вы отправляете меня в Петербург для набора хороших статей, у кого нужно.

Все остальное предоставляю воле самих тех, которым, на сих условиях, буду служить верою и правдою.

148. В.П. БОТКИНУ

26 апреля 1856. Москва

Добрый и милый Василий Петрович!

Зная по собственному, весьма печальному опыту, сколь мало порядочный* человек, а тем паче еще литератор, способен писать письма, и потому плохо надеясь на то, чтобы Вы изложили письменно редакции "Современника" *аккуратно* (слово, имеющее, вероятно, и в отношении к Вам, как в отношении ко мне, смысл несколько комический) и *подробно* все то, о чем мы переговорили с Вами – я решился взять этот труд на себя: Вы же – это мое письмо к Вам перешлите, только целиком, редакции.

Я Вам говорил, да Вы и сами знаете, что я могу работать усердно и, стало быть, с пользою для журнала только тогда, когда я предан душею журналу, когда я в журнал верю, когда я журнал считаю своим *отечеством*. Так служил я "Москвитянину", служил честно, забывая о собственных интересах – и *вера* в дело давала моим статьям жизнь и силу.

В людей, составляющих теперь редакцию "Современника", т. е. в Некрасова, Панаева, Вас, Анненкова, Островского, Тургенева, Дружинина, Толстого – я верю; в журнал – покаместь еще не верю, потому что в нем подле статьи, например Анненкова, хоть о "Семейной хронике"[1] что ли, – статьи, которой сочувствуешь совсем, – появляется ряд статей некоего г. Чернышевского[2], оскорбляющие всякое эстетическое и историческое чувство (не мое одно, конечно, но чувство и Ваше и всякого серьезного литератора), – подле высказывающихся по временам благородных и прекрасных стремлений поразит иногда отсутствием такта и дубинностью чутья легкомысленный отзыв о книге, какова, например, книга отца *Парфения*[3] и т.д. и т.д. Одним словом, "Современнику", при его силах, при его искренней и горячей любви к правде, к искусству и к народу, – недостает ясно сознанных и постоянно высказываемых серьезных принципов критического взгляда. Что ж это будет за *кавардак*, в котором Анненков и я будем веровать в искусство, а г. Чернышевский ругаться над ним, т.е. проводить *милые* мысли своей диссертации[4] о том, что искусство такое же ремесло, как сапожное мастерство, – в котором Дружинин и я будем ценить литературных деятелей по степени серьезности их задач и таланта, а г. Чернышевский по степени их ярости и задора? Ведь это выйдет нечто смешное и хуже Вавилонского столпотворения!

Вопрос, стало быть, поставляется вот как:

Хочет ли "Современник" поручить мне критический отдел, журналистику и театр с правом просмотра всех *не моих* статей (кроме статей Анненкова, Дружинина и Некрасова) по этому отделу, с правом выбрать в *Москве* специальных сотрудников по отделу книг религиозного содержания и книг по русской истории и русскому быту?..

---

* *Вместо зачеркнутого*: литер⟨атор⟩

Если – *да*, – я отдаюсь журналу весь, отдаюсь душею, сердцем, убеждением: бросаю навсегда службу, – покидаю Москву, которую я люблю всею страстию русского человека и коренного москвича, – одним словом – я Ваш.

Если – *нет*, то и толковать не о чем.

Об условиях материальных много толковать нечего. Они – очень просты – и будут относиться как к редакции "Современника", так и к Дружинину, редактору "Библиотеки для чтения".

Условия в отношении к "Современнику":

1) Плата, какую сами гг. редакторы положат за постоянный просмотр всех *не моих* статей в отделе критики, журналистики и т.д. – и за просмотр всех статей, касающихся русской истории и русского быта, помещаемых в журнале.

2) Обеспеченное *minimum* моей работы, выдаваемое ежемесячно, с аккуратностью казенного места (только не театра, который часто не платит по нескольку месяцев жалованье русским актерам, отговариваясь расходами на итальянцев). *Minimum* моей работы должны составлять *два с половиною* листа, т.е. *сто двадцать пять* рублей серебром в месяц. Счет за то, что наработаю я больше 2 1/2 листов, сводится по конце года в декабре; но *minimum*, равно как и плата за просмотр и надзор, какую назначит мне редакция – должны быть платимы безотлагательно каждый месяц – для лучшей уверенности, в чем напишем мы условие, разумеется, не формальное, но скрепленное подписями моею и редакторскими, а равно и подписями двух свидетелей, Вашей и тургеневской, – условие *на вере* необходимое потому, что я в таком случае бросаю службу и, стало быть, лишаюсь всяких гарантий существования.

Условия, относящиеся к А.В. Дружинину как редактору "Библиотеки", которому я могу быть полезен статьями о литературе немецкой и французской, заключаются только в обеспечении такого же *minimum* в *полтора листа* печатных, т.е. *семидесяти пяти* рублей серебром, платимых ежемесячно, аккуратно и безотлагательно, с таковым же счетом в конце года за большее и с таковым же не формальным условием.

Кроме "*Современника*" и "*Библиотеки*" я не имею права нигде печататься, пока условия таковые существуют между нами.

Вот, добрейший Василий Петрович, все, что имел я сказать Вам существенного о деле и что уполномочиваю Вас целиком передать двум редакциям. Удастся дело или не удастся – да не бросит только неудача какой-либо тени на наши с Вами восстановленные дружеские отношения. Вы мне дороги – как один из последних могикан, по удачному выражению тургеневского Лежнева[5]. Вы понимаете очень хорошо, что как человек *убеждения*, я иначе не могу действовать.

Искренно Вас любящий и уважающий

Ап. Григорьев.

1856 года.
Апр. 26.

149. В.П. БОТКИНУ

Конец апреля (после 26) 1856. Москва

НЕЧТО О ПРАВОСЛАВИИ И О ЖЕЛАЕМЫХ К НЕМУ ОТНОШЕНИЯХ ЖУРНАЛА.
(В.П. Боткину)

I. Pour peut qu'on examine le caractère de l'antipathie existante entre les chrétiens du rite Occidental et ceux du rite Oriental, on découvrira clairement, que sa nature différe de beaucoup chez chacune des deus parties. *Ches les chrétiens du rite Occidental cette antipathie est l'effet d'une ancienne rancune, basée sur de vieilles jalousies qui n'existent plus et qui avaiont été accréditées et alimentées par le fanatisme et l'ignorance.* Voilà pourquoi cette antipathie a presque totalement disparu de l'Occident, à mesure que la civilisation et les lumiéres y rendirent les populations plus raisonnables et mois sujettes à de vieux préjugés inutiles, ou même nuisibles. Si cette antipathie conserve encore assez de tenacité chez les chrétiens du rite Occidental habitants de l'Orient, outre que ces chrétiens ne sont pas encore assez civilisés, comme leur corréligionnaires de l'Occident, cette antipathie est aussi devenue chez eux, plutôt une espése des représailles contre leurs conationaux les chrétiens du rite Oriental, qu'un sentiment basé sur quelque motif réel. Les Occidentaux habitants de l'Orient haïssent leurs compatriotes du rite Oriental pour la seule raison que ceux-ci les détestent. *Mais chez les chrétiens du rite Oriental cette antipathie est calculée, systématique et découle de motifs réels, se base sur des principes inaltérables, et a pour cause et pour but l'intérêt le plus précieux de l'homme social: l'existence nationale* (L'Eglise Orientale, par Jacques G. Pitzipios. Rome. Imprimerie de la propagande. 1855. – Partie IV-me – p. 26)*.

Это – слова одного из главных основателей известного Вам, конечно, общества пропаганды, слова, взятые из книги, крайне недобросовестной, исполненной тонких лжей на восточную церковь и вместе – грубой лести нашему русскому духовенству, слова тем более дорогие, что их обронил нечаянно и весьма наивно – дипломат папист. *Дело православия слилось для восточно-славянского племени с делом его народности.*

---

* При рассмотрении причин взаимной антипатии, существующей между католиками и православными, становится совершенно очевидной полная разнородность этих причин. *Антипатия католиков – следствие давнишней злобы, порожденной старой исчезнувшей уже завистью: фанатизм и невежество вскормили и распространили ее.* Вот почему антипатия эта почти совершенно исчезает на Западе по мере того, как, под влиянием культуры и просвещения, народ становится сознательнее и освобождается от старых, ненужных, даже вредных предрассудков. Она держится еще довольно стойко у католиков, живущих на Востоке, не столь культурных, как их западные единоверцы; но оказывается, что их антипатия не имеет под собой реальных основ, что она носит отпечаток мстительности, направленной на их православных соплеменников. Католики на Востоке ненавидят своих православных соотечественников единственно за то, что те их презирают. *У православных же эта антипатия сознательна и систематична, она имеет под собой реальную почву, основывается на неизменных принципах, цель и причина ее – самое драгоценное благо общественного человека – национальное существование.* (*Жак Ж. Пиципиос.* Православная церковь. Рим. Издательство пропаганды. 1855. Ч. IV. С. 26) (*фр.*).

II. Еще более слилось оно с делом народности для нас русских, в частности. Все связи наши с историею, с стариною – поддерживаются церковью… Укажу Вам на два факта, которых значение Вы поймете. Приезжаете Вы, примерно, в один из старых городов старой Руси: в Тверь, Новгород, Суздаль, Переяславль, Володимир; тщетно искали бы Вы следов старого города (во многих, как в Твери, кремля, кремника не уцелело), коего имя напоминает Вам столько великого и говорящего сердцу: общий уровень казенщины прошел надо всем – и старое, и связь, и предание встают перед Вами только иконостасом векового собора, более или менее однотипного со всеми другими, – святынею какого-либо монастыря или пустыни. – С другой стороны, на почве народного (не официального) православия, вдруг, нежданно вырастает перед Вами благоухающий цветок в виде книги о. Парфения[1], которая не только что восстановляет перед Вами свежестью чувства и безыскусственно-старыми формами языка связь с теми временами, когда игумен Даниил повесил, с позволения Годфрида Бульйонского, у гроба Господня *кандило за землю русскую*[2], но показывает ясно, что связь эта никогда существенно и не разрывалась, что коренной русский человек остался все такой же, каков он был во времена Мстиславов[3] – стоятелей за вольную жизнь старой Руси… Все старое найдете Вы вечно новым, вечно живущим, существенным в книге отца Парфения, все даже до племенной вражды, которая наивно высказывается у него к гуцолам (хохлам), как наивно высказывается она у летописцев. Этим миросозерцанием – живут, как идеалом, конечно, – более 70000000 народонаселения: и насколько это миросозерцание способно к глубине мысли и к поэзии образа – свидетельство в той же книге о. Парфения (см. ч. II – с. 42, с. 55–65). Sapienti sat*.

III. Православие народное *выросло* как растение, а не *выстроено* по русской земле: оно не тронуло даже языческого быта, когда он радикально ему не противодействовал: оно только новые имена придало старым на почве выросшим поклонениям (Св. Власий, Флор и Лавр, Святки, Масляница и т.д.). Все, что было в язычестве старом существенно-народного, праздничного, живого, даже веселого без резкого противоречия духу Того, Кто Сам претворил воду в вино на браке в Кане галилейской – все уцелело под сенью этого растения, в противуположность давившему и уничтожавшему все католицизму.

IV. Православие еще ist im Werden**. Его *старообрядчество* и *раскол* имеют без малейшего сомнения основания гораздо глубочайшие, чем те, которые высказываются или преследуются официально. В Кремлевских спорах на Святой эти основания иногда проглядывают, и Вы могли бы, если б захотели вслушаться, услыхать иной раз положение в роде того, что Синод не есть Собор церковный.

V. Бо́льшая часть вопиющих на православие не имеют ни малейшего понятия ни о смысле его обрядов, ни о его истории – а чтобы с чем-либо враждовать добросовестно, надобно иметь *знания*.

На основании этих положений – не в праве ли я требовать, – я, вдобавок еще верующий сердцем, а не умом, чтобы в журнале, с которым сольется моя жизнь, *не*

---

* Умный понимает с полуслова (*лат.*).

** находится в становлении (*нем.*).

оскорблялось то, во что я сердечно верю и что даже для неверующих представляет стороны почтенные и вызывающие на размышление?

Я требую статей не прозелитских, а дельных и ученых, каковые и обязуюсь доставлять от моих московских сотрудников. Статьи эти тем более необходимы, что в последние года литература церковная сильно зацвела, что издания академий: Петербургской*, Троицкой, Казанской – становятся все интереснее и интереснее.

Легкомысленные же отзывы в четыре строчки с казенными выражениями только срамят журнал в глазах людей мыслящих и притом никого не надуют: всякий видит в них враждебное отношение.

А враждебное отношение к православию *честно* только тогда, когда оно есть плод горячего убеждения и знания, – и презренно, когда оно есть результат великосветскости и литературного гусарства.

НЕЧТО О РУССКОЙ ИСТОРИИ, О РУССКОМ БЫТЕ И О ЖЕЛАЕМЫХ К ОНЫМ ОТНОШЕНИЯХ ЖУРНАЛА.

(В.П. Боткину)

I) Два направления ясно обозначились в последнее время в воззрениях на русскую историю и на русский быт: направление *родовиков* (Соловьев и Кавелин) и направление *общинников* (Беляев и К. Аксаков). Так как ни Вы, ни, сколько я знаю, редакторы “Современника” не занимались специально русской историей, – то выбор из этих двух направлений должен для вас порешаться отношением каждого из оных к вашим *душевным* убеждениям, а не фактами, а еще более интересами журнала.

II) Выбор же должен быть сделан непременно, ибо безразличностью взгляда и помещения статей Вы оскорбите рано или поздно, если не *родовиков,* уже состаревшихся и отцветших – то *общинников,* во главе которых – Островский. Вопрос опять-таки приводится к тому, кем пожертвовать. Сочтемте:

1) *Родовиков,* с рассмотрением, насколько каждый может быть полезен журналу

2) *общинников*

3) людей равнодушных, не склоняющихся более в пользу того или другого из направлений.

Родовики: Соловьев, Кавелин, Афанасьев. – *Соловьев* ушел весь в катковский журнал и уйдет еще более. Кавелин – не пишет. Афанасьев – только что наделен от природы длинным носом, а вообще компилятор бездарный и невежественный. Религия очагов, петухов и домовых – смех для знающего человека: она взята на прокат из Гримма, да и то понаслышке, ибо по-немецки Афанасьев разумеет весьма плохо. Другие родовики, *Буслаев, Катков* прикованы к “Русскому вестнику”, и вам от них ждать нечего; от статей же Бодянского вы, вероятно, сами готовы отмаливаться, несмотря на всю их ученость.

---

* *Далее вычеркнуто*: Моск⟨овской⟩

На стороне *общинников*: 1) из литераторов: Островский, Потехин, Писемский, Стахович, вероятно, Толстой с его проницательным взглядом и чутьем всего живого и русского, – вся “Русская беседа”, с которой благородный союз должен быть заключен на веки веков для взаимной пользы, с которой можно горячо поспорить, но которую должно уважать; Е. Эдельсон, Ваш покорный слуга; 2) из ученых – Погодин, Снегирев, которого *статейки* не лишены *интереса,* Беляевы – Иван Дм⟨итриевич⟩ и Илья Вас⟨ильевич⟩, Бессонов, Ундольский (силы свежие, страшно работящие), Гладков, Лешков – и мало ли их?.. Все это – даже Погодин (“Сей старец дорог нам”, несмотря на *некоторые* качества его личности), даже Снегирев будет писать в “Современник”, если почует *общинный* дух.

Из равнодушных – несколько дорог только Забелин – но его статьи приобретаются, кажется, не столько на вес убеждения, сколько на вес металла.

Итак, в сущности – определенностью взгляда ничего не теряется, а много приобретается журналом.

Стало быть, и здесь мое требование прямого перехода в воззрении на сторону *общинников* совершенно справедливо, как справедливо мое требование *дельности* и *учености* в отношении к литературе религиозной. Только – *дельность* и *ученость* – заметьте! Но там – прямой и неизбежный переход.

Нечего, кажется, доказывать, насколько справедливо мое требование об изгнании г. Чернышевского, справедливо уже и потому, что два медведя, т.е. два воззрения, в одной берлоге, т.е. в одном журнале, не уживаются.

Вообще же – я предупреждаю только ложные положения. Хотите Вы меня – берите вот таким, каков я доселе изображался и каковым я изобразил Вам себя со всей простотой и откровенностью русского человека; не хотите – Бог с Вами – останемтесь добрыми приятелями только, а ни о каком общем деле с Вами не может быть и речи – ибо Вы знаете, что я не покупаем, что убеждения мои – жизнь моя, что жизнь и душу приношу я в журнал, а не равнодушные статьи!

Вы находите справедливо сходство в моей натуре (не в таланте – Бог видит, сколько далек я от ложного самолюбия) с натурой покойного Виссариона Григорьевича: я сам знаю это очень твердо; потому и хочу того же положения в отношении к “Современнику”, какое было у него в отношении к “Запискам”.

Надеюсь, что я высказался теперь совершенно ясно – а потому и прошу Вас, любезный друг, послать мое письмо к Вам прежнее с сими двумя приложениями – прямо в руки Некрасова. Я верю, что он – натура жизненная, поймет, как и Вы же, – другого живого человека.

150. М.П. ПОГОДИНУ

Июнь (до 12) 1856. Москва

Достопочтеннейший
Михаил Петрович!

Начал писать 1-ю полемическую статью[1], а между тем – обязуясь повиноваться Вам во всем, что касается как члена журнала меня *лично,* я, как редактор, буду Вам долбить до надоедания о *мерах*. Так и насчет того, что я имел честь говорить Вам вчера.

– *Дрианскому* надобно дать денег: не дадим мы, – в сентябре он нам поклонится, ибо в сентябре воротится Дружинин. – *Железнова* надобно *заручить* опять по тому же самому. – *Фету* (хотя это роскошь) надобно дать деньги, *во-первых,* по тем же досентябрьским причинам, *во-вторых*, потому что теперь у него отбирается наилучшее, а то ведь он, как птицы, *линять* начнет, а *в-третьих*, ему всего безопаснее дать денег, ибо его стихи, если б даже почему-либо не состоялось даже предприятие (хотя это предполагать даже ужасно)*, можно отдать в любой журнал. Итак, я в этом случае свое дело сделал, т.е. заявил не первый раз претензию на следующие суммы:

1) 75 р. для Дрианского за три листа "Конокрадова"

2) 100 р. Железнову в счет будущих очерков (этому по 30 р. сер⟨ебром⟩ лист)

3) 175 р. Фету за *семь* стихотворений (из коих одно – 1-я сатира Горация).

За сим извольте поступать, как знаете. Ко мне, как к редактору, обращаются с предложениями: я передаю предложения – хозяину журнала и излагаю причины, по которым предложения считаю достойными принятия.

Ваш вечно

А. Григорьев.

Фета я пришлю к Вам.

151. А.В. ДРУЖИНИНУ

Июль 1856. Москва

Александр Васильевич!

Немало Вас удивит это послание своим появлением; желательно только, чтобы содержание его не удивило Вас неприятно. – Тотчас же почти по Вашем отъезде разразились надо мною неприятнейшие обстоятельства, которые и заставляют меня обратиться к Вам с просьбою о выручке, обратиться как к собрату, который мне симпатизирует и которому я симпатизирую. Разразись все это до Вашего отъезда, я столь же просто обратился к Вам словесно – ибо скажу Вам правду, что взял в Вас большую веру, больше, чем во всех других, – и это было бы лучше: я знал бы уже теперь верно и основательно à quoi m'en tenir**, ибо Вы принадлежите к числу немногих людей, которые на ветер слов не бросают. Теперь же просьба моя рискует не застать Вас в Петербурге, а кроме как к Вам мне теперь обратиться не к кому: Хомяков и Кошелев уехали в деревню еще прежде Вас: Вы же*** единственный из литературных хозяев (вместе с ними), с которыми могут быть прочны мои отношения – ибо *прочность* есть необходимое условие, без мысли о котором на самую просьбу я бы не решился.

Дело вот в чем.

Вы, может быть, не испытывали, и если нет – то не дай Вам Бог испытывать, – всю подлую тяжесть безвыходной безденежности, соединенной с долгами. Самое гнусное свойство этой болезни еще не в ней самой, а вне ее, в том, что она подры-

---

* *Далее вычеркнуто*: их

** чего мне держаться (*фр.*).

*** *Вычеркнуто*: значит

вает самую возможность выхода, лишает сил работать, развивает в душе уныние и хандру. В таком положении нахожусь я часто – но в особенности *crescendo* его с малолестными посещениями квартальных, – господ, у которых в полцены заложены вещи вроде рояля, шубы, часов, серебра и т.п., – *crescendo* раздирающее идет теперь в моей жизни.

У меня есть *дом,* мне принадлежащий, за мною утвержденный, который хотел я заложить для расчистки дел моих: долго будет Вам объяснять, как испортила мне в этом случае дело Московская гражданская палата, т.е. бывший председатель ее Мертваго, – только испортила так, что теперешний председатель ее, хороший знакомый мой по Аксаковым и славянофил, князь Оболенский, несмотря на все желание и на всю законность моего дела, переменить прежнего отказа не может. Всякая другая Палата, Тверская или Петербургская, совершит – да в том и дело-то, что я – из ленивого московского народонаселения не могу найти человека с капиталом, который бы съездил со мною в Тверь дня на три: каково это Вам покажется? Иметь на виду, в глазах – огромную махину, которая может спасти и выручить, и, между тем, по уши вязнуть в нерасчерпимом море неудовольствий, терзаться моральными муками, хандрою – не иметь сил даже писать как следует! Вот гнусное положение, в котором я нахожусь. Вот что Вы можете (если можете) – для меня сделать, и о чем я решился Вас просить.

У Вас – под властию Печаткин, из которого прежде пили кровь и из которого Вы крови пить не намерены, comme de raison*, – но которого можно употребить в пользу приятеля, при некотором убеждении, что приятель не надует. Поэтому вот что я прошу Вас сделать:

1) Или пришлите мне, взявши у Печаткина, вперед в счет: 1) “Сна”[1], 2) “Статьи о Парфении”[2] и вообще в счет работ *пятьсот* рублей серебром – и чем скорей Вы мне их пришлете, тем скорей пойдут мои работы.

2) Или убедите Печаткина взять в заклад мой дом, т.е. дать мне под оный не менее *чистых* 2000 рублей серебром (что и давали здесь, только бы в Тверь не ехать) – написавши закладную с причислением *десяти* процентов, т.е. в 2200 р. В таком случае нам надобно только условиться или в назначенный день приехать нам обоим с ним в Тверь, т.е. ему с деньгами, а мне с документами, и совершить в тамошней Палате – где уже дело и документы видели и совершить готовы, – или мне приехать в Петербург с документами и совершить в тамошней Палате, но в таком случае пришлите мне все-таки денег рублей *полтораста* 1) на страхование дома, 2) на взнос в думу поземельных и на проезд в Петербург – и опять-таки все это как можно скорее. В таком случае долг мой будет обеспечен “не вольнодумною химерой юности”[3], а *вещию* солидною. Так или иначе, спасайте. Мне все равно, тот или другой способ, ибо присылкою *пятисот* Вы дадите мне средство дотянуться до осени, расплатясь с разными героями – а осенью купец Макаров, мой приятель, обещал, после ярмарки, съездить со мною в Тверь и дать денег.

Помогите, Бога ради, так или иначе, добрый собрат, – к счастию не ведающий разных адских положений жизни, – но вероятно понимающий со стороны их непереносность – а я Вам буду слуга верный!

Ваш Ап. Григорьев.

---

* разумеется (*фр.*).

Пишите же и присылайте вот как для верности: "В Московскую Первую гимназию, что́ у Пречистенских ворот, – старшему учителю А.А. Григорьеву".

NB. Посылаю краткую записку о деле.

Покойная родительница моя, титулярная советница Татьяна Андреевна Григорьева, духовным завещанием, явленым в Московской гражданской палате, отказала мне, сыну ее Аполлону Александрову, дом свой, приобретенный ею по купчей крепости, совершенной в той же Палате, – с тем, чтобы владел домом сим мой отец, титул⟨ярный⟩ советник Александр Иванович Григорьев, по смерть свою. Отец же мой от владения отказался, каковой отказ его засвидетельствован в Уездном Суде и обозначен на дух⟨овном⟩ завещании, равно как на оном же обозначен и ввод меня во владение Московским Магистратом. – Дом – мой, и я имею на оный все документы.

Бывший председатель Московской гражданской палаты г. Мертваго вывел, совершенно безосновательно, на справку *запрещения,* числящиеся на отце моем по службе, *запрещения,* которые по существу закона падают не на *мое,* а на *его* имение. Справками дело и запутано – так что в Московской палате его нельзя уже совершить, не дойдя до Сената. *Тверская* совершить готова, вероятно также и Петербургская.

152. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

Конец июля 1856. Москва

Добрый друг! Во все время наших довольно долгих и возраставших постепенно в нежности и искренности отношений, ты, вероятно, разубедившись окончательно в моей аккуратности, окончательно же убедился в моей честности. По крайней мере, я сам не имел повода в себе в этом отношении сомневаться и, слава Богу, не имею: когда мне случалось занимать у тебя деньги, я занимал оные с твердым убеждением отдать, убеждением, основанным, выражаясь словами Чичикова, не *на вольнодумной химере юности*[1]. Бог видит так же, как я всегда желал, чтобы именно между мною и тобою не было совсем денежных отношений.

Все это – предисловие, а вот в чем дело:

Конкурс Михайловского, на основании которого мы с отцом заняли у тебя довольно значительную сумму, *может быть,* кончится скоро, а может быть, продлится и лет пять; – между тем мы оба смертны. Вот что мы придумали – придумали еще осенью, для успокоения себя и утверждения твоих денег на прочном и незыблемом основании. – Купец Хлебников, старый приятель отца, брал в залог наш дом за 2800 р. серебром – сумма, достаточная, как для расплаты с тобою, так и для других наших потребностей, как-то, поправка дома и проч. Вот на основании чего я еще брал у тебя небольшие суммы.

Дом, как ты увидишь из прилагаемых при сем документов, принадлежит мне в полное владение (ибо отец от пользования отказался), в которое я и введен, как следует, Магистратом. Но бывший председатель Палаты, Мертваго, вопреки всякой юридической логике, – счел *пользование* за владение и вывел справки, что на отце состоят какие-то, хотя и ничтожные, но останавливающие совершение всякого акта, взыскания по службе, не принявши во внимание, что, по смыслу самого ду-

ховного завещания, никакие долги отца не могут падать на имение, в собственности его не состоящее. Нынешний председатель, князь Юрий Оболенский, несмотря на здравый взгляд на дело и благорасположение ко мне, переделать дело не может, ибо *судебное место не перевершает своих решений*, и советует мне или 1) жаловаться на Палату Сенату, что протянется с год, хотя и *непременно* решится в мою пользу, или 2) проще и лучше – совершить закладную в Тверской гражданской палате. Это бы и прекрасно, да посредством справок дело замедлилось: Хлебников деньги свои поместил, да и в Тверь ехать ему, как человеку торговому, не сподручно.

Вот что я тебе предлагаю – возьми *дом* в залог, с исключением, разумеется, из закладной суммы a) суммы прежнего долга и процентов за 1855-й год, мною не доставленных, b) процентов за год вперед со всей закладной суммы и c) пятидесяти пяти рублей серебром, мною еще тебе должных (NB. За шубу сочтемся после.)

Дом, разумеется, должен быть застрахован.

Если мы сие дело уладим, то 1) отношения наши успокоятся не на *смертной* личности, а на застрахованном имуществе, 2) – нас ты выведешь из довольно запутанных отношений и к тебе и к другим. Естественно, что ты должен обдумать это дело. – В противном случае, т.е. в случае твоего несогласия, мы решили дом *продать* (тем более, что переедем на казенную квартиру), а с долгами не оставаться: они уж нам очень надоели.

Если же ты, обдумавши и посоветовавшись с кем надо, согласишься, то 1) должен ехать со мною в Тверь, 2) взять на себя все расходы*, как то, – 1) взнесение повинностей за нынешний год в Думу, без квитанции от коей Палата не станет совершать акта, 2) страховку и 3) расходы по делу, на бумагу, подьячим в Твери и проч. и 4) самую поездку, ибо я дошел до *совершенства*. Все это, разумеется, вычтется** из закладной суммы.

Вот – друг и брат – новая к тебе просьба, вероятно, последняя в жизни. – Или дом мой останется за тобою, что все лучше продажи – или я вынырну, как говорится. – Не вини меня за безалаберность в жизни, а подумай, чем я жил до сих пор.

Надобно работать. Если развяжусь – съезжу в Петербург и решу окончательно: *где, что* и *как*. Съездить необходимо, ибо *увлекающемуся* страшно А⟨лександру⟩ Н⟨иколаевичу⟩[2] я сам, хотя и увлекающийся, но менее его самолюбивый, доверять не могу: надобно знать à quoi, s'en tenir***.

Твой А. Григорьев.

Документов, пожалуйста, не затеряй[3].

---

* *Первоначально было*: взнести за нынешний год

** *Вместо зачеркнутого*: исключится

*** чего держаться (*фр.*).

153. Н.В. ГЕРБЕЛЮ

Август 1856. Москва

Милостивый государь
Николай Васильевич.

Мои переводы из Шиллера, хоть отчасти и грехи молодости, да так и быть[1]. Хотите напечатать – печатайте с Богом – для милого дружка и сережка из ушка. Желаю всякого успеха Вашему изданию; оно полезно, и не отстану от Мина, Миллера, Дмитриева и Шевырева[2], коли они желают собрания переводов из Шиллера, так я и подавно. Чем богат, тем и рад.

Душевно Вам преданный
Аполлон Григорьев.

154. А.В. ДРУЖИНИНУ

Август (после 13) 1856. Москва

Добрейший Александр Васильевич!

Благодарю Вас за ваше доброе и дружеское письмо, до получения еще, впрочем, которого я успел *кое-что* сделать – в остальном поступлю по вашим советам. "Сна" отделываю пятый акт и начал введение: оно будет листа в два печатных и захватит только существенные и притом только художественные вопросы[1]. Окончание статьи об отце Парфении замедлилось, во-первых потому, что я *полмесяца* пропутешествовал по богомольям, *во-вторых* тем, что дочитывал Патерик, без знания коего нельзя писать и т.д. Значит – чтоб уж было вернее – статья попадет в октябрьскую, а не в сентябрьскую книжку[2].

Познакомился с Панаевым, и, кажется, мы друг другу очень понравились. Тургенева прозевал[3], ибо во время его приезда ходил в *Берлюковскую* пустынь[4].

Теперь вот какое дело. Дрианский послал вам "Квартет"[5]. О достоинстве этого произведения вы знаете мое мнение – да и сами это несомненное достоинство увидите. Длинноты – если таковые и есть, чего, впрочем, я не вижу, – разбирать не Краевскому с Дудышкиным, особенно после того, как они осрамились на всю Россию помещением в серьезном журнале горевской комедии[6]. – Я лично держусь того, что серьезный художник есть всегда лучший судья своего произведения: да еще убежден в истине слов В. Гюго: "Si votre enfant est né boiteux, ne lui faites pas des jambes de bois"*[7]. Дело в том, что "Квартет" надо провести цензурно – а уж читатели им останутся довольны, ибо он, как вы увидите, поставлен на ногах, здоров и крепок. Отвечайте нам что-нибудь поскорее насчет сего дела.

"Паныча"[8] я слышал уже четыре главы – вещь выходит прекрасная: *вчерне* он написан почти весь.

---

* Если ваш ребенок хром от рождения, не делайте ему деревянных ног (*фр.*).

Может быть, если устрою свои дела – то статью о Парфении, купно со “Сном”, привезу самолично и обниму вас в сентябре в вашем скверном городе Св. Петра.

Жму вашу руку.

Ваш искренно
Ап. Григорьев.

P.S. Пожалуйста, хлопочите о “Квартете” цензурно. У Краевского, говорят, цензор расподлеющий – ваш верно лучше.

155. В.П. БОТКИНУ

3 сентября 1856. Москва

О трусливейший из могикан! Кто рассказал Вам, что у меня оспа, – когда я болен сильным желудочным раздражением, обнаружившимся в сыпи – но успокойтесь, теперь и сыпь проходит. Неужели бы я, будучи болен чем-либо заразительным, стал из того только, что мне скучно, подвергать опасности кого-либо из близких душе моей людей? И я, и мой доктор твердо были убеждены, что болезнь моя не оспа – что и оказалось. Хандрю *неистово*: читать нельзя, хоть недавно получил первый том Шеллинга[1] – какова мука?.. Если бы не было на свете инструмента, нарицаемого гитарою, то можно б было весьма удобно сойдти с ума – а теперь даже играть не могу, ослабел от разных специй, которые в меня вливались.

Для успокоения Вашей робости пождите еще дня с два, пока сыпи и следов не останется, и приезжайте![2]

Ваш душевно
Ап. Григорьев.

1856.
Сент. 3.

156. А.В. ДРУЖИНИНУ

19 сентября 1856. Москва

1856. Сент. 19.

Мой добрый и дорогой Александр Васильевич! – благодарю Вас за письмо, несмотря на *язву* эпитета[1]. Пишу к Вам больной – и болен уж я вторую неделю: простудился, занемог, грозила было желчная горячка, но кончилось сыпью по лицу и телу: если б Вы видели теперь мою рожу, Вы бы меня едва узнали! Чем сие кончится – ведает один Бог, которого святой Воле угодно было наслать на меня такое тяжкое зло – но все-таки пишу к Вам с удовольствием и это удовольствие – в настоящее время единственное. Поздравляю Вас со вступлением на трон[2].

Причины моей неаккуратности следующие:

1) *Адское* положение дел, вследствие коего я обращался к Вам в июле. Слава Богу, выручили наши, т.е. Кошелев – дай Бог ему здоровья: вследствие чего, не желая оставаться в долгу, я принялся доканчивать большую статью, которую Вы и прочтете в третьем нумере “Беседы”[3].

2) Вы, зная меня, без сомнения поверите, что каждая статья стоит мне больших мук деторождения: в самом деле – дурно ли, хорошо ли – но статьи у меня родятся, а не делаются: я весь ухожу в одно и ношусь с своею мыслию, как курица с яйцом. Статья об о. Парфении представляет страшные трудности: об этой книге можно написать или гладенькую пристойную статью – каковых я писать не умею – или статью живую, выношенную в сердце: откровенно скажу Вам, что и она уже написана, но я ею недоволен[4]. Потерпите – довольны будете! NB. (если точно Вы не против наших мнений и понимаете их историческую необходимость). Вообще эта статья будет *пробный* камень того, могу ли я, не изменяя своему пуританству, печататься у Вас и можете ли Вы меня печатать. Вопрос о великой книге смиренного монаха[5] – есть вопрос 1) о сущности православно-христианского созерцания, 2) о постоянном пребывании старых элементов в жизни народа, о силе, величии, красоте этих элементов*. Все это сказать не гнусно-противным тоном Андрея Николаева Муравьева, а тоном историка, – уметь воздержаться даже от искренних, но излишних, лирических порывов сердцем верующего христианина – согласитесь, что это задача нелегкая. Как – вдруг, откуда-то, из уединенного скита, спадает книга, которая языком, чувством и проч. – соединяет Россию XIX века с всею старою жизнию, – наглядно, ясно и вместе наивно, – книга, отмеченная печатью великого поэтического дарования, соединенного с младенческою простотою, – книга, освежившая многих, – книга, которой ничего подобного нигде не встретите, – и, писавшие о ней, – не дрогнет ли несколько раз рука, не остановится ли мысль, боясь и не стать с нею в уровень и дойти до ложного напряжения... Дайте додумать совсем – да и торопиться некуда: о ней говорить всегда будет современно... Видите, как я расписался. Надобно сказать, что и у нас в “Беседе” статья об о. Парфении Гилярова появится только в будущем году[6]. Кажется, и Гиляров робеет, как я же. Дело в том, что моя статья – принадлежит Вам, подтверждаю это, – равно как и “Сон”, который я даже посвящаю Вам.

Погодите – дайте мне устроить дела – покажу я вам, синьйоры, как я *беспутен*!

Островский приехал[7] с разбитой ногой, болен, чуть ли не останется на век с костылем – но духом бодр и пишет. Теперь мы с ним возлежим оба на постелях – он в Воробине, а я в Наливках[8]; если б мы были пошлые любовники, то непременно смотрели бы в один час на луну – но увы, в настоящую минуту даже нет и луны.

Если Фет воротился, то он может быть в надежде скоро получить от меня письмо. Ивану Ивановичу[9] окажите самый дружеский поклон мой его милой личности, с которою, купно с личностью Вам и мне дорогого Боткина, мы провели раз препоэтическую ночь в Кунцове и пределах оного[10]. Но где Толстой? Островский тоже не знает.

Алексея Степановича[11] не видел давно, но последний раз, когда видел, он просил меня Вам кланяться.

За сим и я кланяюсь низко и жму Вашу руку.

---

* *Далее вычеркнуто*: Писавши я

157. А.В. ДРУЖИНИНУ

12 декабря 1856. Москва

Москва. 1856 г. Дек. 12.

Писать – для нашего брата значит печатать. Потому, не дивитесь, любезный друг, что письмо мое будет отличаться лаконическою краткостью и скупостью на подробности.

Письмо Ваше, где Вы упрекали меня в беспутстве, получил я больной: у меня начинался бред и жар и т.п. – а между тем, знаете ли, что тотчас же по его получении, я отвечал Вам, намарал два почтовых листика: куда девал, не знаю.

Дело вот в чем: я Ваш сотрудник несомненный, и придет, может быть, время, когда я буду сотрудник весьма плодовитый: теперь же меня едва-едва хватало на "Русскую беседу". NB. Кстати, *все* наши благодарят Вас за отзыв о нашем направлении[1].

Сейчас отыскал в кармане одной из моих поддевок письмо, писанное в ответ на Ваше. Прибавлю вот что относительно дел, т.е. сотрудничества.

1) Статью о Парфении докончу я Великим постом[2] – буду говеть и, вероятно, посетит меня то сосредоточенное состояние, которое нужно для ее окружения.

2) "Сон" отделывается, получите в начале января. Он вытерпел еще *две* поправки: теперь тремя актами доволен. Предисловие будет в форме письма к Вам, по поводу этой комедии[3]. *À propos** учусь жестоко по-английски.

3) Два рода статей задуманы мною для "Библиотеки"[4]:

a) "Письма москвитянина", а из них первый отдел *письма* (ух, как много писем) о драме вообще, о русской драме и сцене в особенности – развитие той жаркой беседы, которая была у нас с Вами и Толстым в Кунцове[5]. План их огромный.

b) Ряд статей о журналистике от 1827 до 1843 годов, к чему собралось у меня много материалов.

Самое верное изо всего этого "Сон". Остальное – в руце божьей и моей скверной и болезненной хандры.

4) Эдельсон заканчивает статью для Вас.

Volti subito**

Посылаю Вам статью одного моего хорошего приятеля, Николая Алексеевича Страхова[6]. И предмет ее интересен, да и обладает сам автор достаточными о предмете сведениями. Мне лично она очень понравилась: не знаю, как понравится Вам.

Адрес его. В Москве, на Почтовой Станции, что на Садовой, близь Самотеки, Н.А. Страхову.

Ваш Ап. Григорьев***.

---

* Кстати (*фр.*).

** Перевернуть быстро (*лат.*).

*** *Перед подписью вычеркнуто*: Ткните куда-нибудь в "Библиотеку" прилагаемые при сем стиходеяния, если они не очень дики. Только без моего имени[7].

1856–1857

158. М.П. ПОГОДИНУ

1856 или начало 1857. Москва

Свое *частное* дело я кончил. Пожалуйста, позвольте мне заняться статьею *о Гоголе* и для сей цели одолжите меня новым изданием его сочинений[1] в счет просмотров будущего месяца. Во всяком случае – статья не пропадет, а Вы знаете пословицу: "куй железо, пока оно горячо", что прилагается и к мысли.

1857

159. А.В. ДРУЖИНИНУ

5 января 1857. Москва

1857. Янв. 5.

Поздравляю Вас с новым годом, Александр Васильевич! Нового Вам ничего не желаю – останьтесь таким же, каким Вы были в прошлом году, – и это будет самое лучшее.

Вот Вам начало статьи[1] (составляющее по плану $^1/_4$ всего), начатой и обдуманной давно, начатой было для "Беседы", – конченной для Вас, ныне отделываемой ежедневно. В посылаемом начале, окончательно отделанном, видны и дух, и план. Жду уведомления – соответствуют ли таковые Вашему благородно-эклектическому журналу. Статья кончена вся, только отделывается и переписывается. Но, так как и переписанное я все-таки поправляю и так как нельзя же двадцать раз переписывать, – то при печатании нельзя никак обойдтись без пересылки корректуры, хотя последней. Вы ее будете получать по частям, печатать же начало – если только хотите – не прежде, как по получении конца. Через две недели все будет готово[2].

За сим Вы получите "Первое письмо москвитянина"[3] – оно будет по поводу много наделавшего у нас шума диспута молодого ученого Чичерина[4] и касается с общедоступной точки зрения вопроса о русской истории.

"Сном" меня не торопите: чем позднее Вы его получите, тем это будет здоровее[5]. Жду от Вас (и Садовский ждет тоже) отдельного экземпляра "Лира". Не говорю о переводе – об этом уж мы говорили: но *предисловие* всех нас привело в восторг неописуемый[6]. Глубоко, тонко, самостоятельно и *полезно*!

Если нельзя журналу до весны обойтись без статьи об отце Парфении[7] – и если есть дельная и серьезная, – катайте! Если можно обойдтись, подождите: Великим постом кончу всенаинепременнейше.

По свойственной мне безобразной рассеянности – я, должно быть, послал к Вам одного моего знакомого, не предупредивши Вас. Это один офицерик *Кузьмин*, жаждущий какой-нибудь черновой работы. Нет ли какой?

Последние слухи о Василье Петровиче[8] меня несколько успокоили. Передайте ему мои самые симпатические и дружески-искренние желания.

Жму Вам обоим руки и жду уведомления

Ап. Григорьев.

160. М.П. ПОГОДИНУ

22 января 1857. Москва

Ваше превосходительство,
милостивый государь,
Михаил Петрович!

Позвольте просить Вас напечатать в "Москвитянине" статью, начатую для "Беседы" и продолженную для "Библиотеки для чтения", куда я послал ее с согласия и по желанию редакции "Беседы" – "Беседа" же не поместила ее только потому, что вовсе не хочет толковать о Соллогубе – и (по назначению "Беседы") весьма основательно. Из прилагаемого при сем письма Дружинина[1] – можете Вы усмотреть, что не оборветь и не отребие присылаю я Вам.

В "Современнике", т.е. где *лаются* на наше общее направление и на наших общих друзей по направлению, я – ни за что в мире печататься не намерен.

Стало быть, распорядитесь статьею в две книжки догорающего нашего, но все еще милого сердцу "Москвитянина"[2].

В посылаемом – Вы имеете ровно половину. Другая написана вчерне, но еще не отделана. Прочтите – только тот отдел ее, который, как Вы увидите, переписан мною набело. Переписанный же набело первый отдел ее остался у Дружинина: я сам Вам прочту его, заехавши, когда Вы назначите – а наша Степановская типография привыкла героически разбирать мои иероглифы.

С прежним глубоким уважением и преданностью
имею честь быть
Ваш
Ап. Григорьев.

1857 г.
Янв. 22.

161. А.В. ДРУЖИНИНУ

22 февраля 1857. Москва

1857 года. Февр. 22.

Вот наконец, любезный друг, кончил я свой многолетний (хотя не постоянный) труд, кончил по душе, как хотел[1]. Заваляться б ему навсегда, если б не Вы и не перевод "Лира"[2]. Если он Вам нравился в том виде, в каком впервые Вам я читал его, – уверен, что понравится более в окончательной отделке. Посылаю Вам четыре акта: V-й и примечания (все это уже кончено, но марано, перемарано, измарано и требует переписки) Вы получите ровно через неделю по получении сего пакета. Вступительную же этюду, которую хочется мне еще передумать и еще переписать, через две недели[3]. Значит, печатайте его хоть в апреле, вообще как хотите.

Четыре же акта я Вам посылаю вот почему: никогда я не имел счастия находиться в столь расподлых денежных обстоятельствах: мне нужно денег дозарезу. Если б журнал издавался Вами одним (материально), то я бы просто попросил Вас прислать мне деньги, тотчас же по получении Вами сей посылки, не дожидаясь V-го акта – но так как это может быть сопряжено с некоторыми трудностями в отношении к Печаткину, – то Вы вышлите мне деньги по присылке V-го акта с примечаниями: этюду же я, как сказано, обязуюсь доставить через неделю, и приславши денег, Вы дадите мне средство докончить ее так же по душе, как по душе докончен перевод.

Во всем труде, со включением этюды, выйдет не менее *семи* листов: стало быть, я ожидаю от Вас *трехсот пятидесяти* рублей серебром, каковые сполна и потрудитесь мне выслать, как можно скорее (ради нашей дружбы), тотчас же по получении V-го акта и примечаний. Сижу без копейки! Ну, это кончено.

Я не отвечал Вам ничего насчет предложения о помещении статьи о Соллогубе в "Современнике"...[4] Посудите вы сами оба, т.е. и Вы, и Василий Петрович[5], как я могу помещаться в журнале, в котором ругают и моих друзей и убеждения мои, которым я не изменю никогда.

Быть Вашим сотрудником – другое дело. Я Вас и люблю и уважаю – да и тон Вашего журнала мне нравится. А что с посылки сего пакета я становлюсь одним из деятельнейших Ваших сотрудников, это Вы увидите скоро на деле. Еще статья, и большая, мною пишется[6], пришлется Вам постом же и, надеюсь, Вам понравится, а за сим – буду писать в каждый номер: только печатайте.

Что Вам сказать еще? Мы все глубоко были возмущены подлостью литературного рынка. Три дела в особенности, в течение менее, нежели года, достаточно обесчестили петербургскую и в союзе с ней находящуюся часть московской литературы: дело об Островском и Гореве, дело о "Беседе" и дело о переводе "Лира"[7]. Глубиною невежества, дешевого педантизма и достойной ёрников продажей литературного мнения отличались отзывы о *первом* по поэтическому пониманию переводе Шекспира: даже этюда не проняла толстокожих носорогов! Каково-то они будут ругать мой перевод? Я думаю, по-матерну.

Новую, большую комедию Островского Вы скоро прочтете в 1 № "Беседы"[8] – но какая прелесть маленькая в "Современнике"[9]: не знаю, оценили ли там всю эту силу и правду комического представления, все эти *невероятные* разговоры купчих, эту сцену в саду между *любящимися* сердцами и вместе эту глубину и серьезность воззрения, которых печать лежит на всей *шутливой* комедийке.

Хомяков заболел было так, что отчаявались за его жизнь, но теперь, слава Богу, поправляется. Эдельсон, вероятно, тоже скоро кончит одну статью и пришлет ее Вам. Благодарность Вам от всего кружка нашего за статьи о Писемском и Тургеневе[10].

Так как следующая посылка придет к Вам уже без письма, то пишу Вам адрес, по коему выслать мне деньги:

"В* канцелярию Первой московской гимназии (что у Пречистенских ворот), старшему учителю А.А. Григорьеву".

Ваш А. Григорьев.

1857 года.
Февр. 22.

---

* *Далее вычеркнуто*: москов⟨скую⟩

162. А.В. ДРУЖИНИНУ

22 марта 1857. Санкт-Петербург

Сижу, неистово пью чай и пишу, пишу так, как давным-давно не писал. Статья будет мое полное и вполне прочувствованное литературное исповедание[1]. Горизонт ее в эти дни так расширился, что менее *пяти* листов захватить она не может: – разбейте на две книжки, хотя лучше бы, конечно, дать ее в целости.

Теперь вот в чем дело. Можете ли Вы, когда я ее кончу и когда мы ее прочтем (пожалуй, прочтем в два приема) – что будет, конечно, не ранее как через неделю, – дать мне еще *триста* рублей серебром, из коих *двести* и даже более будут Вам обеспечены сею статьею, а остальные *сто* – статьею о Мериме[2], содержащею в себе около четырех листов, и которую я, выгладивши, пришлю Вам по приезде в Москву в скором же времени или отдам Вам в Москве лично, если в Москве Вы на Святой будете?

Хотя я прошу собственно не вперед, а за наличные материалы, но все-таки считаю нужным извиниться любимым словечком Филатыча[3]: "*отвратительною бедностью*", которая никогда не могла меня заставить писать из-за денег, но заставляет всегда продавать хлеб на корню.

За ответом на сей вопрос я зайду завтра (кстати, не забудьте, пожалуйста, о 1-м № "Беседы"), ибо от решения его зависит расположение жития моего.

Ваш душевно
Инок Аполлоний.

1857 года.
Марта 22.
Пятница.

163. М.П. ПОГОДИНУ

25 марта 1857. Санкт-Петербург

СПБург.
1857 г.
Марта 25.

Ваше превосходительство
Михаил Петрович!

С чего начать донесение о моем странствии? Начну с собственного дела. Надобно Вам сказать, что для него, как оказывается, совсем не было нужды ездить – да признаться, я и поехал-то не для того. Мне хотелось взглянуть созревшему на тот город, в котором отвратительно и беспутно прошла первая, скверная и бессмысленная половина моей молодости, – хотелось узнать покороче, на месте, всю эту литературную жизнь и деятельность, столь отличные от нашей. Многими соображениями обогатила меня эта поездка – но выскажу их все при скором личном свидании с Вами.

Что касается собственно до моего дела, то как только вошел я в канцелярию Министерства, как только повеяло на меня этим противным запахом формализма

и казенщины – я очень ясно увидел, что ходить туда незачем. Пусть делается все само собою. Отпуска не дать мне не могут – а жалованья я и сам теперь не хочу. Пора поставить себе правилом, что надобно быть до педантизма *честным общественно*: иначе все наши убеждения – пустые фразы. Страшно, что я это *здесь* особенно почувствовал.

Литература приняла меня истинно по-братски и даже с таким почетом, что будь я моложе, я бы много возмечтал о значении своей деятельности. А разгадка-то проста: я один человек с каким бы то ни было, но с крепким и горячим убеждением между ними, людьми без всяких убеждений. – Царь между всеми ими все-таки наш *Писемский* с его пьянством, цинизмом и безобразием – но и с его огромным талантом и не менее огромной головой.

Слухи здесь – столь противоречивые, что не знаешь, какому духу верить[1]. Колебание и слабость – вот, кажется, разгадка всего.

Сколько блестящих предложений мне делают – не говорю Дружинин, – но и другие! Как это понять? Ведь они знают, *что* я пишу и как я пишу! Положительно, они не имеют убе́ждений.

Григорович путается в Москве. Дементьева нет и следов: справлялся в адресном столе – и там не отыскали.

Ждал от Вас Петра тщетно[2]. Пробуду здесь до понедельника Страстной[3].

1857.
Марта 25.

Ваш душевно
А. Григорьев.

164. М.П. ПОГОДИНУ

Около апреля 1857. Москва

Возобновляю просьбу, потому что мне ныне не выдали жалованья по взысканию, вступившему от Чистякова. Вообще, сердитесь – не сердитесь, а до окончания дела о доме – выручайте меня. Вчера я просил у Вас только за *август,* теперь и за *сентябрь.* Мне нечего делать. Беды на меня, как будто искушения на пути от злого духа, так и сыплются, нежданные и беспрерывные. Выручайте. В Вас пока вся моя надежда – да я думаю, и во мне тоже для журнала есть надежда.

На *двадцать* рублей, которые Вы мне дадите, я просуществую. Только, Бога ради, *завтра,* т.е. в пятницу.

165. М.П. ПОГОДИНУ

Около апреля 1857. Москва

Если когда-нибудь было во мне что-либо путное и доброе, то за это путное и доброе, уцелевшее посреди безобразий жизни, Провидение вознаграждает меня теперь через посредство Ваше.

Но, если можно, – докончите Ваше благодеяние; дайте мне уехать[1] *свободным* от разных подлых долгов, с мыслию, что дом мой не развалится. Что не развалится “Москвитянин” – в этом после вчерашнего разговора я сомневаться не смею.

Для того, чтобы Вы могли положительно сказать о деле насчет моего дома, имею честь приложить краткую записку о нем.

Вечером сегодня к Николаеву за свидетельством, а завтра к попечителю[2] подавать просьбу.

Ваш вечно
Ап. Григорьев.

По завещанию покойной родительницы моей, титулярной советницы Татьяны Андреевны Григорьевой, достался мне дом Якиманской части V-го квартала, оцененный по городской оценке в 12500 р. серебром. В завещании обозначено было, что домом сим пользоваться должен по смерть свою родитель мой, титулярный советник Александр Иванович Григорьев, которому таким образом предоставлено право владения и пользования, но не собственности.

Родитель мой отказался ⟨от⟩ самого права владения, какой отказ его засвидетельствован Уездного суда I Департаментом на самом акте завещания, – вследствие чего *я* введен во владение, Московского магистрата II Департаментом, каковый ввод в владение также засвидетельствован на самом акте завещания.

Дело ясное, что дом – мой, как собственность и как владение, и что, следственно, в случае перекрепления его или залога, Палата* должна осведомляться, есть ли *запрещения* на мне или на матери. До запрещений, лежащих на отце – как отказавшемся и от права владения, дела быть не может.

Между тем, в 1855 году при подаче нами просьбы о залоге сего дома в Моск⟨овскую⟩ Гражданскую Палату, II-й Департамент, бывший оного председатель, г. Мертваго завел справки о запрещениях на отце моем по службе лежащих, и на основании их закладная совершена не была и просьба взята нами назад.

Так как место не может переворачивать своего решения, то закладная может быть совершена только в другой палате. В прошлом году я ездил по сему делу в Тверь и не нашел никакого препятствия к совершению закладной.

До сих пор только не мог найти человека, который бы решился дать мне денег и съездить для совершения закладной со мною в Тверь.

Сумма – нужная мне – 2400 р., из каковых, разумеется, должны быть взяты за год вперед 10-ть процентов. Дом будет как следует застрахован.

А. Григорьев.

166. М.П. ПОГОДИНУ

Около апреля 1857. Москва

Не имел удовольствия застать Вас, достопочтеннейший Михаил Петрович, а имел сообщить Вам кое-что о деле, которое Вы начали ради меня – и за которое, опять повторяю, я не знаю как благодарить Вас![1]

Попечитель[2] принял просьбу мою довольно снисходительно и даже ласково, но помощи насчет жалованья, кажется, оказать не намерен. Директор наш[3] добрей-

---

* *Далее вычеркнуто*: д⟨олжна⟩ спро⟨сить⟩

ший и честнейший человек, даже в душе совершенно наших убеждений – но ужасная мямля. Между тем, хоть на четыре месяца – жалованье оставить мне было бы и легко – ибо сии месяцы – вакационные почти, и необходимо, ибо мне прислали чин коллежского асессора[4], за который естественно потребуют денег!..

Да уж так и быть – 180 целковых меня не ⟨...⟩* ⟨...⟩ дили же – лишь бы только устроить дело насчет дома. Ради Бога – докончите этим Ваше доброе дело.

А вообще, как монахи отдаются избранному ими старцу, так я теперь отдаюсь на Вашу волю, с совершенным отсечением собственной!

Ваш

Ап. Григорьев.

167. М.П. ПОГОДИНУ

Около апреля 1857. Москва

Достопочтеннейший Михаил Петрович!

Опять отношусь к Вам письменно, ибо словесно я редко могу высказывать положительно и ясно то, чего я желаю.

В настоящую минуту душевное состояние мое истинно ужасно и дела мои дошли уже до той степени, на которой нужна становится непосредственная помощь Божия. Не толковал бы я, впрочем, ни о состоянии своей души, ни о состоянии своих дел, если бы по несчастию моя больная и, как старый разбитый инструмент, расстроенная личность не связывалась с делом, которое и выше и дороже ее. По *несчастию* со мною связано целое направление, направление пренебрегаемое, не признаваемое – но явно единственно истинное в настоящую минуту, втихомолку повторяемое теми самыми, которые так сильно ругались, клеветали, позорили нас.

Мысль моя, т.е. наша, вызрела во мне до того уже, что никакой поворот никуда не возможен. Я умру с голоду, прежде чем отдать кому-либо хоть частицу того, что я и Островский считаем нашим исповеданием – ибо, твердо верю, тут только настоящая правда, правда *в меру,* правда не из *личных* источников вышедшая. Пусть я слаб, как ребенок, иногда пусть я падок на всякие жизненные увлечения – но никакой слабости и никакому увлечению не отдам я того, что считаю правдою.

Участь этой правды в настоящую минуту совершенно подобна участи Сына Человеческого: "Лиси язвины имуть и птицы гнезда; Сын же Человеческий не имать где главы подклонити"[1].

Правда, которую я исповедаю (да, кажется, и Вы), твердо верит вместе с славянофилами, что спасение наше в хранении и разработке нашего *народного,* типического; но, как скоро славянофильство видит *народное* начало только в одном крестьянстве (потому что оно у *них* связывается с старым боярством), совсем не признавая бытия чисто великорусской промышленной стороны России, – как скоро славянофильство подвергает *народное* обрезанию и холощению во имя узкого, условного, почти пуританского идеала – так славянофильство, во имя сознаваемой и исповедуемой мною правды, становится мне отчасти смешно, отчасти ненавистно как *барство* с одной стороны и пуританство с другой.

---

* *Утерян лист автографа.*

Правда, мною (да, кажется, и Вами) сознаваемая и исповедуемая, ненавидит вместе с западниками и сильнее их деспотизм и формализм государственный и общественный, – но ненавидит западников за их затаенную мысль узаконить, возвести в идеал распутство, *утонченный* разврат, эмансипированный блуд и т.д. Кроме того, она не помирится в западничестве с отдаленнейшею его мыслию, с мыслию об уничтожении народностей, цветов и звуков жизни, с мыслию об отвлеченном, однообразном, форменном, мундирном человечестве. Разве социальная блуза лучше мундиров *блаженной памяти* И⟨мператора⟩ Н⟨иколая⟩ П⟨авловича⟩ незабвенного, и фаланстера лучше его казарм? В сущности, это одно и то же.

Как с славянофильством так и с западничеством расходится исповедуемая мною правда в том еще – что и славянофильство и западничество суть продукты головные, рефлективные – а она, tant bien que mal*, порождение жизни. Положим, что *мы* и точно порождение трактиров, погребков и б.....[2], как звали Вы нас некогда в порыве кабинетного негодования – но из этих мест мы вышли с верою в жизнь, с чувством или, лучше, чутьем жизни, с неистощимою жаждою жизни. Мы не ученый кружок, как славянофильство и западничество: мы – народ.

Между тем – попробуйте убедить славянофильство, что *народ,* для которого оно пишет, ничего не понимая в том, что оно пишет, – что мысль холощеная – недействительна, – или попробуйте убедить западничество в том, что горбатый Леонтьев или последняя немецкая монография не есть венец разума человеческого!

Посмотрите, какое странное, почти нежное отношение господствует в сущности между двумя учеными кружками. Западники, ругая Филиппова, меня, Бессонова, Крылова, спешат всегда оговориться насчет несомненного благородства *истинных* славянофилов. У них есть в этом и расчет (как вообще я предполагаю у них формальный государственный и литературный заговор с Строгановым во главе). Этим они показывают, что умеют различать *бар* от холопьев – а бары, по гордости и некоторой тупости, в сущности сему радуются, выдают и *будут* всегда выдавать новые элементы, привившиеся к их принципу.

Посмотрите, с другой стороны, как *бары* (они же – православные и славянофилы) постоянно с *глубоким* уважением спорят с “Русским вестником” и кадят ему, как *ярый* К.С. Аксаков торопится *извиниться* перед Соловьевым за ловкую статью Ярополка![3]

Что же это все такое? И не правда ли, что участь Правды решительно есть в настоящую минуту – участь Сына Человеческого?

Правде нужен *орган.* Если Вы сознаете это, как я сознаю, так уж и будемте действовать *положительно, прямо* и *основательно.*

Но прежде всего убедитесь, что *Вы* можете действовать только с нами или – ни с кем. Все другие, даже и хорошие люди, как Н.И. Крылов, как Н.П. Гиляров, как П.А. Бессонов, как И.Д. Беляев и И.В. Беляев – да будет только *гостем,* почетным, с отверстыми объятиями принимаемым гостем. И вот почему – угодно ли Вам выслушать?

1) *Н.И. Крылов.* Глубокий и оригинальный ум, диалектика могущественная и ядовитая, гениальные, хотя слишком своеобразные идеи; гениальные прозрения

---

* хорошо ли, плохо ли (*фр.*).

даже в то, чего он не знает, в русскую историю – но (надеюсь, что эта беседа останется между нами) отсутствие всякой способности служить мысли до самопожертвования – своекорыстное стремление к обеспеченному спокойствию, трусость и вследствие этого раздражительность паче меры.

2) Н.П. Гиляров: огромная ученость по его части, ум смелый, прямой и честный, но воспитанный в семинарских словопрениях, ради *ergo** готовый на всякий парадокс – и главное, с отсутствием всякого носа, т.е. всякого чувства изящного.

3) П.А. Бессонов. Его бросило в славянофильство уязвленное самолюбие. Он – пономарь совсем очень ученый, мелочно самолюбивый и мелочно раздражительный.

4) Илья Беляев – сантиментальный семинарист, такой же, как Кудрявцев – так же охотник до размазни и реторики. Робость и запуганность, как у всякого профессора семинарии, – в чувстве православия и народности – больше дилетантизм, чем настоящее дело.

5) Ив⟨ан⟩ Дм⟨итриевич⟩[4]. Ну – этого Вы сами знаете!

Я нарочно исчислял только отрицательные, а не блестящие стороны всех сих лиц, из которых ни одно** не может быть допущего в духовное хозяйство журнала.

А Вы – из них-то именно собираете *советы*. Какое дело Вы хотите с ними делать, позвольте спросить Вас. Им надо показать дело уже совсем конченным и облупленным и с почетом позвать в гости. Они – орудия, хотя все – дорогие.

Самое дело надо уже либо делать, либо не делать.

Делать – значит 1) отложить известную сумму на год, какую можно, и опять-таки *втащить* в участие Кокорева, ибо этот совсем наш[5], настоящий, не деланный; 2) официально объявить, что “Москвитянин” будет выходить под редакцией Вашею (это – необходимо) и моею; 3) собрать *нас*, оставшихся, и потолковать по душе, по-старому.

А не делать дело – так развяжите же мне руки. Я приму в сентябре условия Дружинина, уеду в Петербург и буду в “Библиотеке” и “Современнике” *разливать* постепенно яд нашего учения – и, служа им, уничтожу их (в союзе с нашими), как Конрад Валленрод Мицкевича – рыцарский орден. Естественно опять, что все сие – беседа между нами.

С славянофильством (кроме Хомякова) *нам* сойтись трудно. Мы все-таки что-нибудь да сделали, чтобы позволять поправлять наши статьи – да и зачем же? Петербургские журналы принимают их целиком, с распростертыми объятиями. “Библиотека” печатает с большим чувством мою статью[6], в которой я всех их обругал, как дела не разумеющих – и уж давно деньги даже съел я за сию статью.

Теперь обращаюсь чисто к себе и к своим делам, поскольку я и мои дела связаны с делом.

Вера, повторяю Вам, так окрепла и вызрела в душе моей, что я решился все, и покой и обеспечение, поставить на карту. Я уже объявил нашему директору[7], что я служить не стану. Будь со мною, что Господу угодно, но я не намерен больше оставаться в *бесчестном* общественном положении, т.е. делать дело, к которому я не призван, грабить государство, и без того обильное грабителями, унижаться или

* следовательно (*лат*).

** *Вместо вычеркнутого*: один

молчать перед неправдою ради сохранения насущного хлеба. Тот, кто позволил просить о хлебе насущном, вероятно, и пошлет его.

Домашние раздоры у меня позатихли. Я могу спокойно работать и опять пишу, пишу, как некая машина. Стало быть, и хлеб будет.

Но – хаос дел моих ужасен. Прежде всего – надобно из него меня вырвать, поколику я связан с делом (опять под тем условием: если делать дело).

Вы писали и пишете послания к разным великим мира сего, требуете в сих посланиях *радикальнейших* преобразований государственных и наивно удивляетесь, что Вас не слушают, что советов Ваших не исполняют[8].

Я исписал к Вам горы бумаги о нашем общем деле, требующем преобразований гораздо менее радикальных, и о своем совершенно уже пустячном деле – и Вы ничего не можете или не хотите сделать, хотя убеждены внутренно, *во-первых,* в том, что в отношении к общему делу требования мои честны и чутье мое тонко; а *во-вторых,* в том, что для того, чтоб человек делал дело, нужно, в особенности, если он не один на свете, – спокойствие, спокойствие, спокойствие!

Нужна ли моя поездка за границу – в этом я начинаю сомневаться, главным образом, по неспособности моей жить в знатном доме, а потом по отношению к "Москвитянину". Что за странный журнал, у которого с самого же начала – один из двух редакторов находится в отсутствии, да и уехал-то почти перед самым началом дела!.. С июля месяца должна начаться уже работа и сильная! – Опять Вам скажу: либо делать дело как следует, либо бросить его.

Вместо всяких Италий дайте мне хоть месяц покою, хоть одно утро, в которое проснулся бы я с мыслию, что я свободен от главных и тягостных долгов... Подумайте, Христа ради, что я прошу денег под *вещь,* которая стоит по крайней мере 2500 рублей, – что эта *вещь*, если ее не поправить, будет все больше и больше становиться бесполезною, а если ее поправить, прослужит долго. Подумайте также, что эта вещь всегда может быть продана Вами или тем, кто мне даст денег – и я не вправе на это роптать, отрекаюсь от всякого права роптать, – наконец, что этим, без малейшей для себя опасности, Вы спасете человека, нужного для дела.

Итак, опять с тем же и опять к тому же.

1) Прежде всего Вы должны мне дать сами или найти под дом 2200 р. (я обрезал сумму по крайним и последним расчетам).

2) Вместо Италии я отправлюсь в Сокольники и буду пить тресковый жир.

3) С июля месяца я принимаюсь за работы по части программы (коли хотите, и раньше, хоть завтра – мне теперь все равно) – писания статей, просмотра материалов и обработки их для журнала, сношений с авторами и лите⟨ра⟩торами.

4) До января я не буду у Вас просить ни копейки денег (sub conditione*, что дом будет заложен).

5) С января, пока журнал не дойдет до цифры 1200 подписчиков, я получаю определенное содержание, а именно за работы редакторские, мною исчисленные, и за статьи (не менее 4 1/2 листов в месяц, огульно по 20 р. серебром) – *сто двадцать пять* рублей серебром в месяц. После цифры 1200 подписчиков, кроме этой месяч-

---

* при условии (*лат.*).

ной суммы, по 1 рублю серебром с каждого подписчика, т.е. менее, нежели по десяти* процентов с *грубого* дохода журнала.

6) Борису Николаевичу надобно будет платить прямо за статьи до января. Ему и Эдельсону, как мы говорили уже, по 25 р.

Или развяжите мне руки и напутствуйте в Петербург отеческим благословением.

Там обеспечивают мне в год, по *контракту,* minimum 2500 р., т.е. 50 листов печатных в два журнала.

168. М.П. ПОГОДИНУ

Около апреля 1857. Москва

Что дело "Москвитянина" занимает меня до мозга костей – это, вероятно, и без меня предполагается Вашим превосходительством.

Вам желательно было знать с точностью о степени сочувствия и участия *наших* к делу. Прежде всего имею честь донести Вам, что, сверх даже чаяния моего, Евгений Эдельсон принял проэкты мои с таким жаром и сочувствием, которые при теперешней установленности его в *известном* отношении подают самую крепкую надежду[1]. Думаю – и Вы, вероятно, согласитесь с моею мыслию, – что лучшего помощника мне в отношении к казначейству и типографии, помощника надежнейшего во всех отношениях, в нравственном и в денежном – отыскать трудно. За Бориса[2] точно так же ручаться можно.

Пановский, говорят, поссорился с Катковым. Он хоть и из воровских людей, – но, на привязи, человек в высшей степени полезный. Шаповалов тоже может быть полезен в высшей степени.

Дело – только, значит, в средствах и в доверии – не говорю к убеждениям людей, которых Вы знаете с сей стороны достаточно, – а к постоянству их жара и усердия. Этот вопрос порешается вот какою дилеммою: 1) Люди эти нравственно честны, но безалаберны; 2) но, между тем, других, кроме их, нет; со всей безолаберностью они наговорили уже и прежде много такого, что теперь повторяется и сознается за настоящее дело. Стало быть, и самое дело или 1) должно быть сделано ими, или 2) вовсе должно быть оставлено.

Гарантии в отношении к Эдельсону – в его безукоризненной честности и, пожалуй, в его положении человека с состоянием.

Гарантии – в отношении ко мне в моей фанатической вере в дело и в моем успокоении житейском, посредством заклада дома. Других гарантий – представить Вам не умею никаких.

Еще одно, что, впрочем, я имел честь говорить Вам. Лучше гораздо Кокор⟨ев⟩ и Мам⟨онтов⟩, чем наши *старшие*[3], по части внешних средств: лучше, не обязываясь им, сделать дело, за которое они же поблагодарят впоследствии. Да это, впрочем, Вы и сами знаете лучше меня.

Да не начать ли с *мая*? Чем скорее, тем лучше. А впрочем это – как рассудите Вы, который все-таки должны остаться верховным главою предприятия.

* *Вместо вычеркнутого*: одному

Ежели с мая, то – от мая до января 16 книжек и расчет другой. Я же во всяком случае от мая ли, от июля ли по январь – редакторствую бесплатно – и счастлив буду, если этим выкуплю грехи мои в отношении к журналу. А грех был в унынии и в недостатке терпения!

169. М.П. ПОГОДИНУ

Около апреля 1857. Москва

Казнить – так казнить, миловать – так миловать.

Я возвратился от Вас в том давно не бывалом состоянии души, когда все желаемое кажется возможным и даже близким к переходу в действительное.

Вот что, по моему разумению, необходимо для дела.

1) "Москвитянин" выходит под моею редакциею, с июля месяца, – две книжки в месяц, от 10–11 листов каждая. Цена за полугодие – 5 рублей, за год 10.

2) Считая из этих 10–11 листов

2 листа на "Словесность" или "Науки" (в недостатке Словесности), какая случится (без обязательства) – но если случится, то уж хорошая – по 50 р. сер⟨ебром⟩ лист =	100 р.
2 листа высшей критики по 40 р.	80 р.
2 листа библиографии по 30 р.	60 р.
1 лист полемики (рынок и эклектизм[1]) по 30 р.	30 р.
$^1/_2$ листа внутр⟨енних⟩ известий по 25 р.	12 $^1/_2$ р.
$^1/_2$ листа Славянских известий (Бессонов)	12$^1/_2$ р.
$^1/_2$ листа художественной хроники (попеременно искусств пластических и музыки) по 50 р.	25 р.
$^1/_2$ листа театральной и городской хроники – попеременно, по 40 р.	20 р.
$^1/_2$ листа ученых известий по 40 р.	20 р.
$^1/_2$ листа смеси анекдотической (Шаповалов) по 30 р.	15 р.
$^1/_2$ листа *непременных* отдела "Москва и ее окрестности" (Снегирев необходимо, и кого Бог пошлет) по 50 р. лист	25 р.
Итого:	400 р.

Таким образом, 12 книжек обойдутся за статьи 4800 рублей серебром.

По отделу "Словесности" сейчас же (поскорее) приобретаем:

1) Дрианского "Квартет" (на 3 книжки)[2],

2) *Владыкина* комедию "Кузнец-Лабазник"[3],

3) *Дружинина* повесть (для *меня* напишет),

4) Михайла Стаховича что-нибудь (только написать к нему).

Вот уже *шесть* книжек готовы.

По отделу высшей критики есть готовая статья у Евгения и пойдет ряд моих статей о всех деятелях, начиная с Соллогуба[4] (Писемский, Тургенев, Толстой и т.д.).

Библиография (книг исторических – два Беляевых и Бессонов).

Библиография остальная – я и Эдельсон.

Полемика – я, Эдельсон, Алмазов.

Внутр⟨енние⟩ известия – я буду поставлять сам по Кокоревскому манеру. Славянские – Бессонов.

Художественная хроника – Рамазанов, по части пластической, Серов и Дюбюк по музыкальной.

Театр⟨альная⟩ хроника – в важных случаях *я*, – бенефисы и проч. Шаповалов (*но* под моей редакцией, чтобы не заврался в пользу актеров).

Ученые (т.е. по естеств⟨енным⟩ наукам) известия. Есть у меня молодой человек *Страхов*[5], приятель и ученик Рулье.

Смесь иностранная – Шаповалов, но по манере Пановского.

Из журналов выписывать только русские, на деньги и обменом (но русские – все), да славянские. Иностранные – возложить на самих поставителей смеси, ученой и анекдотической: на это есть клубы.

Значит, *полугодие* "Москвитянина", с журналами и проч., будет стоить около 4350 р. (кроме печати и проч.).

Редакция моя – за полугодие даром, в надежде будущих благ. NB. За статьи, конечно, – плата. Если дело пойдет порядочно, то на следующий год* 1858 за *редакцию* – 75 р. серебром в месяц**. Так и всегда.

Но избранному помощнику, коего обязанность будет 1) смотреть за типографией, 2) корректировать (ибо я буду тоже читать последние корректуры, но отвечая за смысл, не могу отвечать за буквы), 3) Получать деньги с подписчиков, хранить их и рассчитываться с сотрудниками по условленным ценам. Ему должно быть положено жалованье, конечно, не менее 75 р. серебром в месяц.

Моя редакторская обязанность: 1) Прочтение всего присылаемого и всех статей, 2) расположение книжек, 3) сношения с цензурой, 4) корреспонденция с сотрудниками и подписчиками.

Стало быть, редакция за 12 книжек – т.е. жалованье моему *помощнику* (но не другому редактору – ибо две головы в одном деле – никуда не годятся) будет стоить еще 450 р. Итого, кроме материальных издержек, обойдется журнал около 5300 р. Модных картинок – не нужно. Если будем иметь успех – заведем картинки старых русских одежд – и приложения музыкальные из русских песен.

---

2) Те, которые дадут деньги на "Москвитянин", должны кроме того взять в залог мой дом и для сего послать со мною в Тверь поверенного. *Оплата* капитала и

---

* *Далее вычеркнуто*: 1857

** *Далее вычеркнуто*: Если хорошо – 100.

процентов должна производиться с 1858-го года, удержанием половины моего месячного редакторского жалованья. Лопнет дело – лопнет и мой дом.

3) На неделю я должен быть отправлен в Петербург, для того чтобы переговорить с некоторыми из литераторов, и главное – *для шуму*.

170. М.П. ПОГОДИНУ

Около апреля 1857. Москва

Может быть, Вам уже известно, достопочтеннейший Михаил Петрович, какою неудачею кончилась моя отважная попытка, которая, впрочем, для меня лично оправдывается бескорыстием моих целей: во всяком случае, я должен объяснить Вам причины, по коим я выбрал средство самое отчаянное.

Причины заключались, главным образом, в том, что все, к кому ни обращался я за помощью, *единогласно* утверждали, что спасти "Москвитянин" без перемены его направления невозможно, что *русское* направление никакого кредиту не имеет и проч. Так, главным образом, утверждает некто Вердеревский, дальний мой родственник, человек очень хороший и с капиталом. Он придумывал вместе со мною всякие средства, писал счеты и расчеты (в чем я ему верю, ибо он сам был долго редактором газеты "Кавказ") – и выходило вот что: что 1) или надобно издавать "Москвитянин" с огромными средствами и с переменою его радикального направления, т.е. *эклектически* – или 2) издавать его в виде еженедельной газеты, чисто уже критической, как "Athenaeum"[1] и тоже с переменою направления. Ни в акционеры, ни в вкладчики он не шел иначе: говорил, что пошел бы в большие акционеры, если ему сдадут журнал совсем – но сдать журнал ему то же почти, что сдать его Каткову и К°. На это ни Вы не согласитесь, этого и я не пожелаю.

Вот почему я и выкинул последнее колено.

Оказалось, что для нас нет ничего в роде Солдатенкова – и что значит надобно покончить наше дело.

Но в "Москвитянине" 1851–1855 годов похоронена вся сознательнейшая, лучшая, благороднейшая полоса моей молодости, но по "Москвитянине" у меня болит душа, но мои же мысли повторяются теми самыми, которые против них восставали. Что, если и теперь, я, непрактический человек, внутренним чувством вижу дальше практических людей, не верующих в убеждения, – что, если моя вера в успех правого дела сильнее их веры в авторитеты?

Вот последнее, что я придумал:

1) Восстановите "Москвитянин" – Вы же сами, так, как он издавался в 1851 году, с мая месяца, объявивши, что перерыв в его издании, уменьшение и проч. произошли от Ваших занятий и поездок за границу.

2) Я работаю по старым ценам – и теперь уже ничто не помешает мне работать. Будет, вероятно, вот как: книжки две появятся с моими статьями; в третью, поломавшись, пристанет Эдельсон, к четвертой явится Алмазов. Все присылаемое в редакцию лит⟨ер⟩атурное – я берусь просматривать бесплатно.

3) Относительно расчетов и счетов, которые особенно Вам надоели, принять неизменные правила: 1) старые счеты похерить, т.е. отнести к числу многих убыт-

ков "Москвитянина". 2) Вперед никому (мне первому никогда, да я теперь и не попрошу) ни копейки. 3) За статьи расплачиваться аккуратно.

Мой проэкт об уменьшении формата и толщины практически никуда не годится. Овчинка не стоит выделки – да и пора мне убедиться, что я вовсе не человек, способный на практические дела, а только (в меньшей – увы! степени энергии и таланта) Белинский нового направления.

Старый "Москвитянин", под Вашей редакцией, с старыми сотрудниками, по старым ценам – вот последнее, до чего я додумался. По части "Словесности" приобрести поскорей 1) "Квартет" Дрианского[2], который теперь поочистился и пройдет цензуру; 2) Железнова "Очерки казацкого быта"[3] – славная вещь, которую он недавно мне читал; 3) написать к Мише Стаховичу, чтоб поскорей что-нибудь навалял; 4) провести, если можно, "Филогена Питальца"[4].

Почему *Вы* непременно редактором? – а потому, что *я* непременно – органом журнала, что только *Вам,* и никому больше, я согласен повиноваться. Для меня оказалось в последнее время весьма странное обстоятельство, что к Вам у меня есть глубокая душевная привязанность и вера в то, что Вы один всегда понимали и поймете все живое. Эта же вера в Вас, смешанная с некоторым чувством досады, есть и в Эдельсоне, есть, с озлоблением, и в Алмазове.

Подумайте же сами, вправе ли Вы бросить дело, когда оно может идти только с Вами и не столь же ли важно это дело, как и другие, в которые кладете Вы столько любви, столько, к сожалению, бесплодной энергии?

Ваш всегда
А. Григорьев.

Посылаю Вам расчет, сделанный г. *Вердеревским,* на издание "Москвитянина" в виде еженедельной газеты.

171. М.П. ПОГОДИНУ

1 мая 1857. Москва

Вы просто человек без правил, почтеннейший Михаил Петрович: можно ли звать к себе в 8 часов утра благомыслящего гражданина, который восстает с ложа сна обыкновенно не ранее 11? Явиться к Вам – явлюсь; но, как прилично истинному сыну отечества, явлюсь часу в первом пополудни: хотите зреть меня у себя, так сидите дома в это время. Я собирался посетить завтра Вашу пустыню, и не ожидал Вашего зва; тем лучше, что он столкнулся так дружно с Вашим желанием.

Ваш Григорьев.
Среда. 1 мая.

172. М.П. ПОГОДИНУ

10 мая 1857. Москва

Ради Бога, прочтите *внимательно* все здесь написанное, не так, как читают Ваши письма разные сильные мира сего[1].

173. М.П. ПОГОДИНУ

18 мая 1857. Москва

Достопочтеннейший Михаил Петрович!

Видно, на всем, что ни начинаю я или что ни начали бы для меня добрые люди, нет благословения Господня. Вот пришел и отпуск – но увы! за неделю до сего один из кредиторов моих, г. Мейбом, подал ко взысканию и взыскание это препровождено уже полициею по принадлежности в гимназию; на днях прибудет туда же другое взыскание, г. Вердеревского, а может быть, и третье, купца Соболева. Гимназия обязана в своем отношении в канцелярию ген⟨ерал-⟩губернатора все это обозначить, а все это составляет более 500 р. сер⟨ебром⟩, которых взять мне негде. Тут еще нет, впрочем, ничего особенно рокового, ибо все это объснимо человечески. Но роковое и необъяснимое для меня это то – что все это и прочее, меня давящее, устранилось бы закладом или продажею дома – и тут-то именно *заколодило*!

Насчет учителя Трубецким Вы можете быть покойны. Есть некто кандидат словесного факультета Руднев (Евг⟨ений⟩ Владим⟨ирович⟩), который и так едет за границу для поправления здоровья и с часу на час ждет отпуска. Пошлите к нему записку (на Тверской в доме Дубицкого[1] – или еще вернее и проще – в школу межевых топографов, на Пречистенке в доме Лаврентьева[2], в коей он учителем) – и он немедленно к Вам явится.

Толковать о “Москвитянине” явлюсь к Вам с программой, но не ранее как через неделю. Я чуть не ослеп от золотухи в это время – а последнее со мною происшествие совсем меня сокрушило.

А Вас все-таки глубоко, искренне, сердечно благодарю за доброе участие, за отеческие советы, за человеческое расположение.

Ваш

Ап. Григорьев.

1857 года.
Мая 18.

174. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

1856 – июнь 1857. Москва

Вы – один из таких редких субъектов женского пола, которые никогда не ломаются. Тетка моя устраивает спектакль; веря в Вас, как всегда, т.е. по-старому, я почти дал за Вас слово, что Вы будете участвовать. От Вас зависит – обмануть мою твердую веру или подтвердить ее.

– Маменьке мое почтение. Завтра надеюсь ее видеть лично.

Весь Ваш

А. Григорьев.

175. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

1856 – июнь 1857. Москва

Ради Бога, не сердитесь, что я не был у Вас третьего дня; совсем нельзя было: дела были для меня очень важные и требовавшие моего присутствия.

Сегодня в 1 час репетиция – приезжайте, Бога ради.

Завтра в 1 час тоже репетиция, а вечером поедемте в маскарад купеческий: там будет весело, ибо много встретим знакомых, между прочим, Соколовского[1].

Весь Ваш

А. Григорьев.

176. В ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

7 июня 1857. Москва

Принять на себя обязанность редакции “Москвитянина” в будущем 1858 году сим изъявляю свое согласие.

Коллежский асессор Аполлон Александров сын Григорьев.

1857 года.
Июня 7 дня.

177. В.Н. ГРИГОРЬЕВОЙ

Конец июня 1857. Москва

Любезный друг и сестра Варвара Николаевна! Немало удивитесь Вы, увидя эти строки, ибо я весьма на письма скуп, чтобы не сказать более. Но дело в том, что Вы для меня в некотором роде принадлежите к области исключительного. Так как не стоило браться за перо для того только, чтобы сказать Вам эту не новую истину – то прибавлю Вам, что решительно еще ничего о себе не знаю: уеду ли, останусь ли. Передайте мое почтение Вас⟨илию⟩ Андр⟨еевичу⟩ и Анне Серг⟨еевне⟩[1]. Будьте здоровы; веселитесь и возвращайтесь не желтой, как лимон, а розовой, как заря – выражаясь поэтически, –

Друг Ваш и брат.

178. М.П. ПОГОДИНУ

1 июля 1857. Москва

Ваше превосходительство,
достопочтеннейший Михаил Петрович!

Ехать я готов и никаких препятствий к выезду моему не имеется, но, – и это я Вам говорю положительно, в состоянии *пакибытия*, решимте прежде окончательно дело “Москвитянина”. Из прилагаемого письма Вы можете увидать, что дело наше находит помощников и что в программе нашей есть известная *сила*. Вообще

1) теперь или никогда; 2) дело о журнале прежде дела о моей личности, ибо сам я дорожу оной только по отношению к нашему делу.

Если не получу от Вас отрицательного ответа до завтрашнего утра – то завтра, т.е. во вторник, мы с Евграфом Алексеевичем Вердеревским приедем к Вам в *седьмом* часу вечера. А впрочем, повторяю, что мне осталось только взять паспорт и уложить скарб.

Ваш вечно и с *сыновнею* преданностью
А. Григорьев.

1857.
Июля 1.

179. М.П. ПОГОДИНУ

4 июля 1857. Москва

Достопочтеннейший
Михаил Петрович!

Волею судеб и всяких формальностей, паспорт я получу только завтра, т.е. в пятницу в двенадцатом часу – и тотчас же из канцелярии явлюсь к Вам с паспортом за получением денег и книг. Значит поеду в субботу *всенаинепременнейше*.

Ваш вечно
А. Григорьев.

180. М.П. ПОГОДИНУ

12 июля 1857. Санкт-Петербург

Ваше превосходительство,
достопочтеннейший Михаил Петрович!

Будете Вы, может быть, еще последний раз бранить меня – но теперь совершенно понапрасну. Можете себе представить, что я еду только завтра, т.е. в субботу, на пароходе "Прусский Орел", ибо ближайшие по времени пароходы: "Траве", идущий в Любек (пошел вчера, т.е. в четверг), и другой, идущий в Гавр (пошел сегодня) – купеческие и, стало быть, – дни полтора простоят в Кронштадте – значит, овчинка не стоит выделки. Во всяком случае – благословите. Прибыть на место назначения постараюсь как можно скорее... В граде Св. Петра – истинная мерзость запустения. Хандра да еще глазная болезнь меня в это время измучили. Никого нет – да и притом еще, понедельник, вторник и среду прождал в №, никуда не выходя, чтобы посредством шпанских мушек справиться с глазами. Билет, слава Богу, успел взять в понедельник утром, а то – так и рвут! Какой-то задор овладел в отношении к путешествиям за границу. Никого не видал, кроме Горбунова да Ап⟨оллона⟩ Майкова. Паспорт визировал везде вчера.

А все-таки, несмотря на неистовую хандру, благодарю Вас глубоко, душевно и остаюсь

чтущий и любящий
Вас, как отца,
Ап. Григорьев.

Июля 12.
Пятница.

181. М.П. ПОГОДИНУ

10 (22) августа 1857. Ливорно

Достопочтеннейший
Михаил Петрович!

С чего начать это письмо? – С благодарностей? но Вы знаете, что я всегда сильно чувствую сделанное мне добро – и если не всегда удовлетворительно отвечаю на ожидания делавших и делающих мне добро, так виною тому иногда безобразие[1], а иногда те особенности моей натуры, которые она хранит упорно, хотя и тихо, несмотря на всю видимую уживчивость...

Вы имели или, лучше сказать, Провидение имело через Вас благую цель услать меня на несколько времени куда-нибудь подальше. Если б мне предложили Вы тогда ехать в Гренландию, я бы точно так же охотно согласился, как согласился ехать в Италию... И это вовсе не потому только, что мне очень приходилось круто в денежном отношении, хотя, конечно, эти мерзости способны заесть человеческую жизнь. Но в денежном отношении, мне, вероятно, еще несколько раз в жизни будет приходиться круто и несколько раз в жизни Господь из великой своей милости будет выручать меня, несмотря на все мое безобразие, за пыл моих стремлений, за чистоту сердца, за фанатическую преданность и идеям и людям. Не в том только было дело. Душа моя была совсем разбита и не было в ней ни одного места, которое бы не наболело[2]. Не знаю, в какой мере и степени Вы это понимали, мой *строгий* (!), бранчивый, но глубоко нежный Михаил Петрович – но Вы это понимали.

Однако Вы не понимали или считали ненужным понимать? Зачем Вы хотели бы положить резкую грань между прошедшим моим и будущим? Нет! “Да иссохнет десница моя, если я забуду тебя, о Иерусалим”[3] – т.е. зеленый “Москвитянин”! Благороднейшая, сознательнейшая полоса юности, формации крепких и возвышенных верований, купленных и страданиями, и безумной, но широкой жизнию, и безумными, но поднимавшими душевный строй страстями, и страшными жертвами своего *Я*, и смирением перед правдою. Незачем класть граней между моим будущим и этим прошедшим. Неужели Вы, человек, всегда бывший и оставшийся способным к широкому пониманию жизни, видели в ней, в этой жизни, только праздный разгул?.. Вот и здесь, далеко уже ото всего этого, я скажу все-таки одно и то же. Может быть, *Мы* ничего не сделаем, может быть, мы только брага или даже пена будущего пива, но если чему-либо делаться в настоящую минуту, то *наших* рук дело миновать не может. Гордость – скажете Вы... Не знаю – только будьте добросовестны сами и скажите: много ли Вы ждете от Ваших *беззагульных* праведников, которые, впрочем, все очень хорошие и почтенные люди!

Но – Боже мой! во граде Ливорно, на берегу изумрудного Средиземного моря, в котором только что сейчас я выкупался и которого полоска виднеется из окна палаццо, где я живу (Palazzo Squilloni) – я всей душой ушел опять в старый, любимый вопрос.

Передали ли Вам письмо, которое писано к отцу и к моим ближайшим. Оно лихорадочное и дикое, но искреннее. Какое-то огромление произвело на меня все, что я видел в две недели путешествия – хотя собственно огромление произведено Прагой и Венецией да тремя морями. Остальное, право, не стоит того, чтобы

угла искать и ездить так далеко[4].

Особенно Пруссия и Берлин. Мне больно и стыдно было за наших гелертеров, восхищающихся наивно наслаждениями Берлинской или Венской жизни. Это какие-то копеечные, расчетливые удовольствия. Мы, т.е. русские, так удовольствоваться не умеем, да и слава Богу, что не умеем. Ведь способность так жить, способность к копеечному сладострастию – показывает страшную мизерность души. Да и весь Берлин-то – Петербург (!) да еще в мизерном виде. Перед одним зданием стоит снять шапку (что я и делал) – перед Университетом. Там на целый мир звучало слово венценосных Гегеля и Шеллинга. А кстати: зашел я спросить в книжную лавку портрет моего идола да прибавил еще des *Herrn Professors** ... "Und wer ist der Herr Schelling?"** получил я в ответ и подумал:

Певец любви, певец Богов,
Скажи мне, что такое слава?[5]

Ай-ай-ай! Лист кончается.

У княгини[6] мне пока хорошо – и, кажется, меня полюбили. Я знаю, что свое дело делаю я несколько больше, чем добросовестно. Я два раза в день занимаюсь с князем: утром теоретически, вечером практически. В это дело мне, слава Богу, приходится вносить всю душу – и оно для меня есть настоящее дело.

Учу и учусь. Весь день мой в занятиях. Княгиня, *кажется* (впрочем, у нас на одной неделе семь пятниц), собирается в ноябре в Париж – и к январю в Москву.

Ваш
А. Григорьев.

Ливорно.
1857 г. Август 10/22. Суббота.

182. М.П. ПОГОДИНУ

26 августа (7 сентября) 1857. Лукка

Вилла Сан Панкрацио.
1857 года.
Авг. 26.
Сент. 7.

Не знаю, знали Вы или нет, достопочтеннейший Михаил Петрович, что посылаете меня некоторым образом на какое *послушание*: во всяком случае – я *послушание* выполняю. Я серьезно и честно делаю дело, которое Вы мне поручили, т.е. воспитываю молодого князька[1], мягкого, как воск, но с звериными русскими и с звериными же итальянскими наклонностями и с заложениями аристократической пустоты. Два раза в день занимаюсь я им: полтора часа утром русской и славянской грамматикой, Законом Божиим, русской историей, латинским языком – да полтора часа после обеда читаю ему и его сестрам произведения русской литературы. Князек привязывается ко мне видимо и даже иногда надоедает мне, ибо двух часов прожить без меня не может. *Барыня*, которая бранится, как кухарка, с утра до ве-

* Господина профессора (*нем.*).
** А кто это господин Шеллинг? (*нем.*).

чера, – со мною деликатна и предупредительна. Вообще, она в сущности добрая *барыня* и главное ее несчастие то, что она *une artiste manquée**, ибо у нее до сих пор удивительный талант. Талант этот ее мучит и, за недостатком поприща, выливается или переливается через край в домашних дрязгах. Б**[2], известный Вам, – дурак и подлец до мозга костей, животное злое**, бездарное и слабое, с ненавистью ко всякой даровитости, прикрываемою уважением к трудолюбию и учености, ибо сам он занимается какими-то бесцельными трудами по части искусства. Вращаться в этом мире, имея *искреннее* и *благородное* отношение с одним только англичанином Бэлем, человеком честным и правдивым, – но несколько тупым и достаточно ограниченным – мне, привыкшему любить и верить и которому есть *кого* любить и есть кому верить – тяжело и было бы вдвое тяжелее, если бы 1) небо, море и каждый новый итальянский город не вознаграждали меня за людскую пошлость и мелочность и 2) если б у моего фанатизма не было его мягкой стороны, *уживчивости*. Покамест мне внешним образом хорошо, т.е. меня покоют, уважают все мои привычки, даже просили меня остаться при моем костюме[3], который было я, *страха ради австрийского*, начиная с Праги изменил на кургузый европейский, – хотя всем этим ослепляться я не должен. Но я делаю здесь дело и верю в Помощника всякого честного дела...

Не отвечайте мне ни на что подобное: у нас имеют привычку *иногда* распечатывать чужие письма.

Описывать Вам впечатления Италии я не стану. Вместо впечатлений у меня родится постепенно *целая* книга дум под названием: “Друзьям издалека”[4].

Хочу с Вами лучше серьезно, положительно поговорить о будущем.

Я обязан Вам много – но душевно гораздо больше, чем материально. Вы знаете, что я подчинялся***, подчиняюсь Вам и буду подчиняться, как Высшему и старшему в понимании того, что люблю я столь же горячо и бескорыстно, как и Вы. На счет материальный – я смотрю правде в глаза прямо. Не выгорит наше дело по “Москвитянину” – нечего делать, придется пожертвовать домом, а материального обеспечения искать в Петербурге.

Дело в том, что на роду мне знать написано быть ни чем иным, как русским литератором и ни к чему другому я не способен. С службой надобно покончить навсегда, и это вовсе не из донкихотства какого-нибудь, а из того, что 1) ни моральных, ни служебных сил у меня не стает более надувать человечество, читая в гимназии предмет, который я считаю для гимназии бесполезным и которого я нисколько не знаю. Лень ли это – умозаключайте сами из того, что я аккуратнейшим образом и с старанием возовой лошади буду всегда ежедневно делать то, что я умею делать. 2) Никаких сил также не стает у меня выносить формализм служебный. Да и незачем – в случае ли успеха “Москвитянина”, в случае ли переезда в Петербург.

Когда я возвращусь, – что никак не может быть прежде января, ибо Вы сами дали мне здесь дело и дело честное, – мы должны начать “Москвитянин” с марта месяца. О судьбах совещания с Вами Вердеревского я не знаю ничего, но думаю, что сойтись с ним можно. До сих пор мы все говорили о “Москвитянине” как-то

---

* артистка неудавшаяся (*фр.*).

** *Далее вычеркнуто*: и

*** *Далее вычеркнуто*: (с революциями внутренними)

воздушно и этим воздушным характером начинаний да Вашей болезнию объясняется то, что Вы *сердились*, когда я Вам говорил о покупках для "Москвитянина" и проч.

Но – либо я действительно удостоен Вами доверенности в качестве *редактора*, либо это какая-то игра... Смотрю на вещи прямо и здесь, как смотрел там.

О том, что у меня мало земли под ногами, как выражался человек, которого ум я глубоко уважаю, но характер гражданский и личный ценю весьма дешево, – жалеть нечего. Земли всегда будет достаточно под каждым из нас со временем – были бы крылья! Это воззрение еще более укореняется у меня в стране, где земля и море, и небо, и горы так хороши, что должны бы напротив к себе притягивать. Мне *лично* терять уже нечего – но *этим-то* (и только этим: я очень знаю себе цену) я и дорог для дела: дело есть для меня все. О себе, право, я и заботиться-то не хочу. Проживется как-нибудь – не я первый, не я последний. Лучше ли, хуже ли – ведь это в сущности такой вздор, о котором и думать не стоит. Стало быть, Бога и Христа ради, поставьте вопрос таким образом, чтобы я и моя личность интересовали Вас, *поколику* я могу быть полезен литературе и журналу... Вот Вам – не знаю, утешительный ли, но во всяком случае правдивый результат двух месяцев жизни – совершенно уединенной, жизни размышлений и наблюдений. Что я работал над собою в это время, я могу сказать с совершенным убеждением. Что будет дальше – не знаю.

Весь Ваш
Ап. Григорьев.

183. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

1 (13) сентября 1857. Лукка

1857. Сент. 1.

Здравствуйте, добрый друг мой, Катерина Сергеевна... *Во-первых*, зачем жестокие небеса не дали мне красноречивого, скрыто-пламенного и блестяще-остроумного пера *старца*[1], который бы давно по поводу заграничных впечатлений насказал вам письменно множество любопытных откровений насчет нежных его к Вам *чувствий*, столь достойных лучшей участи, хотя и мало приличных его возрасту... *Во-вторых*, я Вас очень люблю – это для вас не новость, хоть это и не доказывается еще тем, что я пишу к Вам, не доказывается даже и тем, что пишу к Вам прежде, чем к кому-либо из друзей моих, не исключая даже *рыжей* половины души моей, Евгения. Пишу я к Вам потому, что опять хандрю, значит, нуждаюсь в душевных *излияниях*, сколь это ни подло и ни глупо. И добро бы хандрил я по родине что ли, по семье... как все порядочные мещане. Нет, просто хандрю, как всегда – хандрю потому, что истинно сознаю себя нравственным уродом, для которого прошедшее до тех пор не перестанет быть настоящим, пока настоящее не будет так полно чем-либо новым, т.е. новой правдою мысли или чувства – что перед ним исчезнет все, что было до него. В Италии мне так же гадко, как будет в Париже через два дня по приезде, как было и будет в Москве...

Сначала, как всегда бывает со мною – новость различных впечатлений и быстрота, с которой они сменялись, подействовали на меня лихорадочно-лирически. Я

истерически хохотал над пошлостию и мизерней Берлина и немцев вообще, над их аффектированной наивностью и наивной аффектацией, честной глупостью и глупой честностью – плакал на Пражском мосту в виду Пражского Кремля, плевал на Вену и австрийцев, понося их разными позорными ругательствами и на всяком шаге из какого-то глупого удальства подвергая себя опасностям быть слышимым их шпионами, – одурел (буквально одурел) в Венеции, два дни в которой до сих пор кажутся мне каким-то волшебным фантастическим сном. Думаю, что отец показал Вам письмо, писанное прямо после дороги[2].

Скажу Вам вот какую глупость... Если правда, что... ну да нет! уж очень глупо и притом старо, старо, старше *старца*, старо, как блаженной памяти несостоявшийся спектакль лермонтовского "Маскарада", дико, как он же, т.е. и спектакль и самая драма, глупо как... Страхов!

С Венеции уже, именно с ночи, проведенной в гондоле на Canal grande, я вкусил известного блюда, называемого хандрою, которого порции и начали мне подаваться потом под разными соусами: то под острым до ядовитости соусом хандры, то под соусом скуки, убийственно-скучной, как жизнь в каком-нибудь захолустье, ну хоть... в *Пензе*, положим...

Нет! я урод, решительно урод... Из окон моих видны горы высокие, высокие, по которым утром ползают облака, синие, такие синие, каких Вы и во сне не видали – кругом раскидана могучая, роскошная, цветистая (в сентябре-то! а?) растительность – а я... Я слышу в ушах: "Как новый вальс хорош" и т.д. Это ужасно, это невыносимо... Жизнь отжита, совсем отжита – это я чувствую... А между тем я здоров: море в Ливурно, верховая езда каждый день в вилле Сан Панкрацио, где я теперь живу – укрепили мои физические силы... Только ночи достаются мне тяжело, а, впрочем, я отлично ем – и Вы можете быть совершенно покойны насчет моей жизни.

Знаете, за что я Вас так люблю, мой добрый, благородный друг женского пола? Вы – единственная женщина, с которой можно играть в эту сладкую и опасную игру, называемую женской дружбой... Причина этого, с одной стороны, в том глубоком и нежном уважении, которое Вы внушаете всему, что способно Вас понять, а с другой стороны – в Вашей артистической, т.е. немножко эгоистической, *немножко слишком* самообладающей, немножко даже ветренной природе. Знаю я, что и Вы меня любите, но знаете ли Вы, за что? – Именно за тот анализ, который то пугал, то волновал Вас.

A propos d'анализ!* Книги Вашей исписано больше половины – но, увы! дар женской дружбы пошел на анализ самый искренний и беспощадный. Странная, безалаберная, дикая, но поучительная будет это книга – если отделается. Тут – весь я – тут результаты всей моей жизни внутренней, всей анатомии над собою и над другими.

Вероятно, вы не ждете от меня описаний Италии и т.п. Вы не найдете их даже и в книге моей, хоть она и называется: "К друзьям издалека"[3]. Враг и гонитель всякой казенщины впечатлений, я и здесь все тот же. Всякое впечатление обращается у меня в думу, всякая дума переходит в сомнение, всякое сомнение обращается в тоску.

---

* По поводу анализа (*фр.*).

Живу я – надобно Вам сказать, с скотами и идиотами княжеского звания и достоинства. Стараюсь делать *дело*, дело *свое*, т.е. и здесь по обыкновению играю с огнем и порохом... ну, да что об этом!.. Скажу Вам лучше то, что и в деле, не только в впечатлениях, я аналитик. Иногда я уличаю себя в донкихотстве и злобно смеюсь над самим собою – а на утро принимаюсь за новые донкихотские подвиги.

Вы спросите меня: хочется ли мне поскорее в Россию? И да и нет. Что ждет меня? Все то же – тоска, добывание насущного хлеба, пьянство людей, к которым я горячо привязан, безнадежная, хоть и честная борьба с *хамством* в литературе и жизни, хамская полемика и Ваша дружба, т.е. право терзать Вас анализом, пугать донкихотством и удивлять цинизмом и *безобразием*. Еще что? Николай Алексеев Страхов в виде пресной лепешки на закуску всего соленого, острого, горько-ядовитого, обер-полицмейстер Беринг с зверообразиями, Наташа с вечным *ш, ш, ш* – хоть и с удивительными глазами (надо отдать ей хоть эту справедливость).

Прощайте, друг мой! Жму крепко Вашу руку. Поклон мой Вашим, усердный, искренний, душевный. Если хотите писать мне, то скорее и вот как

Florence – Toscane.
A M-r Ap. de Grig⟨oriev⟩
*poste restante**[4].

184. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

11 (23) сентября 1857. Лукка

1857 г. Сент. 11. Вилла San Pancrazio близь Лукки.

Здравстуй, рыжая половина *моей* души – до такой степени половина, что, несмотря на всю твою буржуазию – ничто и никто не может тебя мне заменить. С тех пор, как мы расстались и я остался без тебя, – я это еще лучше понял. Не знаю – нужен ли я тебе духовно, но ты мне ужасно. Впрочем, это нежности – я испытал, что лучше гораздо тебя ругать за гнусные мещанские мысли, которые бы и теперь подверглись с моей стороны страшным ругательствам, если бы не боялся, что письмо мое попадет в руки к твоей жене, т.е. что ты оное покажешь. Хоть, право, показывать-то нечего. Уж не ждешь ли ты впечатлений? Во-первых, первая лихорадка впечатлительности прошла. Пишу я, правда, целую книжищу "Друзьям издалека"[1], но в ней прекрасное далеко есть только место или пункт, с которого идет разработка внутреннего вопроса о непосредственности романтизма и о прочем. Пишу я также немало и стихов – но все это после. Жизнь моя замыкается в следующие формулы: учу, учусь, пишу, читаю Шеллинга и езжу верхом миль по 15 (наших верст по 20) в день – и под конец всего, когда все спит вокруг, пишу свою странную поэму, состоящую из сонетов[2]. За всем сим – я хандрю и скучаю, ибо не могу в чужой земле радоваться тому, "что я немец, и у меня есть король в Германии", как гоголевский сапожник Шиллер[3]. *Жить* (хоть иногда и премилая жизнь) можно только в России, даже, *специальней* говоря, в Москве – хоть и, возвратясь, в Москве я, кажется, подчиню себя тому мудрому однообразию, к которому уже приучил себя.

* до востребования (*фр.*).

От природы кругом меня ты бы визжал – а на меня, понимающего только то мелодическое, что есть в природе и что дается *всякой* природой – на меня делали больше впечатлений старые города с их *дóмами*[4], стрельчатыми колокольнями и героическим прошедшим. Одно, что полюбил я душою, с чем я коротко сблизился, чего я узнал и оценил физиономию, – это море. Это, братец ты мой, – точно штука – какое б оно ни было: стальное Балтийское, бирюзовое Адриатическое или изумрудное Средиземное. Горы мне не по душе – голые, дикие – хотя здесь еще они (Апияннины[5]) с очень мягкими, женственными очертаниями. Люди же – право, все гнусны, кроме славян. Сих последних, кого я ни встречал – чехов ли, поляков ли – *весьма* скоро сходился – и тотчас же устанавливались братские и простые отношения... Вот я теперь в весьма дружеском сожитии с англичанином[6], честнейшим и добрейшим господином, которого и ты полюбишь – но ведь *тупоумие*-то какое, но ведь *юмор*-то какой мизерный... Нашей любви к типам, из-за коей мы готовы прожигать жизни, пари держу, не поймет ни один образованный европеец – этим-то они и дрянь. Итальянцы – народ страстный, но не живой: они любят великолепную ветошь, мишуру жизни. Здесь поймешь, как Италия пропраздновала и славу и независимость. А все-таки жаль ее!..

Скажи Медведю Прову или Прову Медведевичу[7], что он *непосредственно* прав в том, что нагло плюет на все не русское.

Крепко пожми руку Катерины Алексеевны[8] и скажи Катерине Иванов⟨не⟩[9], что я и в Италии – у ног ее.

Адрес: Toscane. *Florence*,
poste restante.

На конверте:
Russie, Moscou.
Его высокоблагородию
Евгению Николаевичу
Едельсону.
На Сивцевом Вражке,
в приходе Власия
(близь Арбата)
в собственном доме.
Moscou.

185. М.П. ПОГОДИНУ

18 (30) сентября 1857. Лукка

1857. Сент. 18. Сан Панкрацио.

Достопочтеннейший
Михаил Петрович!

Прежде всего – Христос Воскресе! хотя бы еще в сентябре месяце. Великая *весть* принесена к нам "Нордом" – но еще прежде я услыхал о ней от нашего флорентийского священника (ибо недавно я ездил с княгиней на два дни во Флоренцию), который со слезами восторга сообщил мне об этом[1]. *Как* бы ни сделали, в *ка-*

кой бы степени ни сделали – начало положено. Ура Александру II-му, благоденствие и преуспеяние нашему великому отечеству!

Здесь *все* приняли это дело с радостью (тут есть частица и моего влияния). Один Б**[2] похудел от злобы и страха (экая подлая, гнусная и хамская ракалия!). Княгиня, несмотря на свою крикливость, оказывается, право, весьма честною женщиною. Из князька – авось Господь поможет мне выделать что-нибудь путное. По крайней мере я принял это как серьезную задачу, возложенную на меня Провидением – и в эту задачу кладу все силы, которые мне отпущены Господом Богом на долю: т.е. известную степень ума, даровитости и соответствующие добродетели осторожности и хитрости. Нравственное влияние мое на него растет значительно. С отличнейшим, но ограниченнейшим англичанином[3] – мы не ссоримся, но Б⟨ецки⟩й – если б Вы знали только, какая это гнусная гнида с неприличных мест графа Закревского!.. Вот, если когда-нибудь душа моя способна к ненависти, так это в отношении к подобным мерзавцам. Хамство, ханжество, нравственный и, кажется, даже физический онанизм, подлое своекорыстие, тупоумие и вместе пронырливость – вот элементы подобных натур. Православие (т.е. лучше католицизм) Андрея Муравьева в соединении с фамусовским взглядом на просвещение. Этот господин считает "Горе от ума" *непозволительным* для юношества – вот Вам его мерка. Всеми презираемый, всеми трактуемый весьма скверно, он имеет медный лоб жить тут и пакостить без устали и без цели... Не дивитесь тому, что я так долго занимаю Вас этою дрянью: я в жизни еще не наталкивался на гадину более отвратительную своим гадким бессилием и не считаю противным христианской любви свое отвращение.

Жизнь моя пришла в желаемые границы. Я учу и учусь, я делаю дело (то или другое) почти весь день. Пишу много. (Даже стихов много.) Теперь вот что: Вы говорили мне, чтобы я, если найду нужным, оставался с Богом еще хоть на четыре месяца. Увы! так и приходится. Княгиня возвращается в Москву только на весну. Впрочем, Вам стоит только написать – и, чтобы ни было, я явлюсь.

Дело-то в том только, что я стал весьма серьезно смотреть и на то дело, которое я здесь делаю – и класть в него душу. Поэтому благословите остаться! Чем больше я сосредоточусь, тем лучше для будущего "Москвитянина".

Весьма значительно усовершенствовался в английском языке, по-итальянски читаю с лексиконом Макьявелли "Storie Fiorentine"[4].

Ваш всегда
А. Григорьев.

Адрес теперь
во Флоренцию.

Княгиня Вам сама пишет.

186. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

25 сентября (7 октября) 1857. Лукка

1857 г.
Сент. 25.
Вилла San Pancrazio.

Пишу к Вам, как видите, не лениво, добрый друг мой Катерина Сергеевна, – но, принимаясь писать, жалею, что пишу теперь – не за неделю назад, когда я только что воротился из Città dei fiori (города цветов), il Fiore d'Italia*, т.е. из Флоренции – в каком-то лирическом опьянении, весь под влиянием Мурилловой Мадонны[1], прелестнейшего города и полуистлевших мумий Медичисов, которых при мне выкапывали из земли. По весьма странному обстоятельству, все эти впечатления во всем их лирическом *безобразии* выпали на долю Островского[2], а Вам, не погневайтесь, опять предлагается известное блюдо, да еще под соусом вовсе не пикантным. А все-таки Флоренция – прелесть, и я так много благодарен ей за два дни лирического беснования, что и сказать не могу. Надобно сказать еще, что pour la bonne bouche** я, прощаясь с ней, получил весть о нашей России – Вы догадываетесь какую, ту, при которой задолго до светлого Воскресенья скажешь "Христос Воскресе!" и с спокойною совестью промолвишь громко, сознательно и гордо: "Ура! Александр II-й!"

Но лирические впечатления мало-помалу начали сменяться известным душевным отдыхом, т.е. апатиею – за Мурилловой Мадонной или, луч⟨ше⟩ сказать, в ней проглянули черты моей неотвязной мучительницы[3] – за великою же вестью злая память принесла малоприятный образ обера Беринга[4].

Сейчас только воротился, сделавши миль пятнадцать (верст 22 или 23) в горах и соседних виллах, уставши от скачки большею частью во весь карьер, уставши еще более от всего, что передумалось в эту отравляющую ночь... Осень здесь только тем разве осень, что лимоны очень пахнут в нашем саду да какой-то прозрачной таинственной дымкой одет небесный свод и поэтому... Впрочем, Вы сами догадаетесь, что из этого следует. Следует и следует – да вот хоть вальс Шопена, который несется ко мне наверх из залы бельэтажа и который играет княжна с большим чувством, но без большого толка – следует, что и шопеновская музыка и моя беспутная душа весь⟨ма⟩ мало клеятся с Италией.

А между тем, судьба, которой решил я предаваться без всяких размышлений, на целый год назначает мне, северному медведю, – Флоренцию местом жительства. Что ж, все равно – вот одно, что я могу добросовестно сказать. Все равно... Личная жизнь потеряла для меня истинно всякий интерес, а если Провидению угодно употребить меня в общую пользу, то оно уже знает, как мною распорядиться.

Я очень много пишу: даже стихов много. Вообще работаю и делаю дело... А все-таки скучно – все-таки тянет к той стороне, где есть много такого, что любишь – как-то: отец, дети, друзья... Ванька Шест⟨акович⟩ писал мне, что Вы его (дитя мо-

---

* Цветка Италии (*ит.*).

** для приятного окончания (*фр.*).

е⟨го⟩ сердца) и рыжую половину души моей[5] пригласили к себе. Благодарю. Да будьте с ними построже, Вы, которую они так любят, т.е. читайте им мораль насчет *вреда* и гнусности пьянства.

Поклон Вашим, матушке, тетушке, брату. Жму Вашу руку.

Пишите на *Флоренцию*.

187. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

20 октября (1 ноября) 1857. Флоренция

Флоренция. 1857 г. Окт. 20.

Напишу же к Вам хоть раз в человеческом расположении духа, добрый друг мой... Я сейчас только возратился из оперы, и вот два дни, как я в лирическом состоянии от двух здешних опер, т. е. оперы театра Пѐрголо и оперы театра Пàльяно, – от Мадонны Мурильо[1], от Флоренции вообще с ее старыми палаццами, видевшими столько страшных трагедий, с ее тюрьмой Борджелло, видавшей столько казней, с ее чудесами искусства, с ее беспечною, разъедающею все мирное спокойствие жизнию... Знаю, что за лирическое состояние опять поплачусь я известным образом, но что нужды? День *мой* – и кончено...

С чего же начать? Начну с Мадонны... Не думайте, чтобы я по сему поводу пошел на *pont aux ânes**, т. е. не ожидайте, чтобы я возвратился в любезное отечество знатоком и ценителем живописи, – но орган для понимания этого дела, который был во мне решительно закрыт, – вдруг во мне обозначился – да и как еще! До страсти, до бешенства. По целым часам не выхожу я из галерей, но на что бы ни смотрел я, все раза три возвращусь я к Мадонне. Поверите ли Вы, что когда я первые раза смотрел на нее – мне случалось плакать... Да! это странно, не правда ли? Этакого высочайшего идеала женственности по моим о женственности представлениям – я и во сне даже до сих пор не видывал... И есть тайна – полутехническая, полудушевная в ее создании. Мрак, окружающий этот прозрачный, бесконечно-нежный, девственно-строгий и задумчивый лик, – играет в картине столь же важную роль, как сама Мадонна и Младенец, стоящий у нее на коленях – и это не *tour de force*** искусства. Для меня нет ни малейшего сомнения, что мрак этот есть мрак души самого живописца, из которого вылетел, отделился, улетучился божественный сон, образ, весь созданный не из лучей дневного света, а из розово-палевого сияния зари... Смотрел и смотрю я на нее и вблизи, и вдали и не надивлюсь только одному: *простоте* создания. Ничего подобного тем искусственным переливам света, которые занимают теперешних наших живописцев, – нет даже утонченности в накладке красок: все создавалось смело, просто, широко... Но тут есть аналогия с бетховенским творчеством, которое тоже выходит из бездн и мрака, и также своей простотою уничтожает все кричащее, все жидовское (хоть *жидовское*, т. е. Мейербера и Мендельсона, – как Вы знаете, – я страстно люблю).

А знаете ли вы оперу Верди: “Les vêpres siciliennes”?[2] Она дышит такою энер-

---

* банальные истины (буквально: мост ослов) (*фр.*).
** ловкий трюк (*фр.*).

гиею и такою революционною искренностью во многом – что все-таки я должен сознаться, что сей господин – великий итальянский талант. Вчера в Пергола* (это здесь – опера аристократическая) синьора Альбертини, несмотря на свою laideur impossible**, была так очаровательна, что я готов был упасть к ее ногам и целовать их в минуту, когда эта очаровательная *фурия* орала со всем неистовством, со всею итальянской *rabbia****, со всею могучестью итальянской груди... coraggio****, coraggio, coraggio (это coraggio – идущее все crescendo – до адского крика, сливающегося с криком хора и покрывающего его, – удивительное вдохновение маэстро Верди) – и толпа народа***** ринулась потом по призыву милейшей фурии на французов...

А в Пальяно – ревут и орут "Гугенотов"[3], и все жидовски-сатанинское, что есть в музыке великого маэстро, выступает так рельефно – что сердце бьется и жилы на висках напрягаются. Меня пятый раз бьет лихорадка – от четвертого акта до конца пятого... Это вещь *ужасная*, буквально *ужасная*. Один дуэт Рауля и Валентины (Il tempo vola******)... Повторяю, это вещь ужасная с ее фанатиками, с ее любовью на краю бездны, с ее венчанием под ножами и ружейным огнем. А все-таки – жид, жид, и жид. Марсель, это не гугенот: это жидовский мученик – Боже мой, да разве не слыхать этого в оркестровке его финальной арии: эти арфы – только ради благопристойности – арфы, а в сущности это – оркестровка жидовских цимбалов и шабаша...

Живу я в великолепном палаццо – где плюнуть некуда – все мрамор да мрамор... Выйдешь на улицу – ударишься в мрачный Борджелло – где на каждом камне помоста кричит кровь человеческая... пройдешь несколько шагов – и уже на площади del Palazzo Vecchio, а там и Микель Анджелов Давид и Персей Бенве⟨ну⟩то Челлини... и когда вспомнишь, что на этой площади бушевала некогда народная воля – и проповедывал монах Савонаролла, и тут же его потом сожгли...

Как бы я желал, горячо желал – вас всех, моих дорогих мне друзей, перенести хоть на день в этот мир, меня окружающий... А то ведь я или задыхаюсь от одинокого лиризма или терзаюсь безумнейшею тоскою...

Делаю я много, т. е. много и чисто для себя и как наставник. В дело воспитания моего князька вношу я, разумеется, всего себя, весь свой фанатизм и яростный пыл. А толк едва ли будет!.. Увы! Есть натуры, которые и даровиты, но как-то внешне даровиты, ибо в них нет понимания всей сладости честной и пылкой борьбы за правду жизни... Вот это тоже иногда меня приводит сперва в бешенство, потом в отчаяние. Все – человек может понять, но с отроческих лет уже в него въелась ржавчина пустоты и дешевой практичности! Ум без сердца – вещь гнусная, а, кажется, таков мой воспитанник. Между тем, он ко мне привязался, он жадно заводит меня, как машину... Почему?.. Что бы ни было – все усилия положу, чтоб чего-нибудь добиться от этой натуры. Недаром же Бог именно меня, т. е. ходячий волкан, послал в этот мирок... Неужели же энергия, честная и страстная, останется бесплодна?

---

* *Вместо вычеркнутого:* Пальяно
** невозможное безобразие (*фр.*).
*** яростью (*ит.*).
**** смелее (*ит.*).
***** *Далее вычеркнуто:* которая
****** Время летит (*ит.*).

Вздор! Не было еще до сих пор примера, чтобы то, чем я серьезно и упорно занялся, ушло из-под моих рук...

До свидания! спешу кончить – пока опять не подошел прилив тоски, во время которого я обыкновенно эгоистически-безжалостно пользуюсь Вашей симпатией – первой и единственной женской симпатией, которой отдаешься без страха и ослепления... Да напишите же хоть строчку. Поймите, что я Бог знает как люблю Вас – люблю не за то только, что Вы для меня связаны с такою жизнию и с таким прошедшим, за которое отдал бы всю остальную жизнь – а собственно Вас люблю как друга, как сестру по душе... не так, как любит Вас *старец*[4].

188. А.Н. МАЙКОВУ

24 октября (5 ноября) 1857. Флоренция

1857 г. Окт. 24.
Флоренция.

Мой милый и добрый тёзка по имени, брат по душе!.. Между обещанием и исполнением обещания лежит всегда у людей ленивых целая пропасть: я обещал писать к Вам из Италии – и обещал наисерьезнейшим образом, ибо наисерьезнейшим образом Вы заняли в моей душе место между личностями наиболее мне дорогими и между тем... Увы!.. С 11-го числа июля, когда добрым и радушным прощаньем Вы, Ваша *отличная* барыня и отличная же синьорина[1], которую я у Вас встретил и с которой говорил как бы век бывши знакомым – напутствовали на путь Странника (что все, совокупно с беседами нашими в марте, да с беседою в Павловской роще – почти мирило меня с *поганым* Петербургом) – с 11 числа июля по *сие* 24 число октября протекло достаточно много времени – и я только что собрался писать к Вам.

Вы вероятно не ждете от меня описаний моего путешествия, зная мое нерасположение ко всем странствиям *по ослиным мостам*, казенным восторгам и т. п. ... Я, коли хотите, написал уже нечто вроде целой книги – и напишу вероятно еще две – но это* нисколько не о путешествии[2]. Это долгая, добросовестная дума о нас, о нашем умственном и душевном состоянии в настоящую минуту, переверка всех наших умственных, эстетических и нравственных запасов перед судом совести – дума, развивавшаяся у меня на дороге с той самой минуты, как двинулся пароход... Разумеется, все сие узнаете Вы со временем один из первых, если даже не первый.

Скажу Вам вот что: от Италии у меня голова кружится – от “Città dei Fiori”**, где я буду пребывать долго – в особенности. Во мне открыл⟨ся⟩ новый, доселе мне неведомый орган – орган понимания красоты в пластическом искусстве. Началось это с того, что придя в первый раз в галерею *Питти*, я как ошеломленный остановился перед одной картиной – а за сим уже стал *искренне*, не казенно присматриваться к другим... Это просто странное дело! В эту картину, в мурилловскую Мадонну, я влюбился совсем так же, как способен был влюбиться в женщин, т. е. бе-

---

* *Далее вычеркнуто:* не о

** Города цветов (*ит.*).

зумно, неотвязно, болезненно. Она преследовала меня, следила за мной... Это было в первый мой приезд во Флоренцию – два дни какого-то безобразнейшего упоения... Но обо всем этом – когда-нибудь после и складнее... Ходить на *ослиный мост* и здесь также я не буду. Я избрал себе задачу самую скромную: ежедневно хожу я в Питти и Уффиции, присматриваюсь, слежу, что могу с *искренним* интересом следить, *идеалы* живописцев... Кстати, помните ли Вы замечательную вещь: Мадонну Альбрехта Дюрера?.. Вот я бы тех господ, которые говорят, что в искусстве нет *народности*, привел перед нее, да и поставил – и указал бы на ее чисто *германскую* девственность и на Христа-младенца с огромно-развитым лбом, будущего Шеллинга или Гегеля (Уффиции). Кстати бы тоже подвел их к Santa Famiglia* Рубенса, где Мадонна есть идеальная квинт-эссенция той голландки, которая некогда продавала вафли в Москве и в Петербурге.

Но во всех этих Мадоннах (рафаэлевские y compris** – но исключая Мадонн Фра Беато Анджелико) я вижу просто идеалы женственности, – как во всем католичестве все более и более вижу язычество, мифологию, а не христианство. Все, что православие сохранило как символ, как линии, – напоминающие и возводящие к иному миру, – католичество развило в *мифы*, отелесило так, что видимое заменило собою невидимое. Эта идея во всем и повсюду. Везде *папство*, т. е. низведение царствия Божия на землю, в *определенные*, прекрасные, но чисто человеческие идеалы. Крайнее последствие этого – Мадонны с любовниц – и музыка из "Лукреции Борджиа"[3] во время католической обедни (это не шутя)... Объясните-ка мне вот какой факт. В деревушке A Ponte Moriano[4], близ которой была вилла, где я прожил два месяца, меня поражало, *во-первых*, что там стоял на распутии прекрасный образ Мадонны, и *во-вторых*, что подле этого образа живут язычники, самые грубые и невежественные: – и в каком-нибудь захолустье нашем, в ветхой деревянной церкви существует безобразная в художественном отношении *иконопись* – но там живут христиане, которые знают различие между *образом* и Богом... – Вот еще что я слежу и что интересно следить: это переход Мадонны в Боги – в*** равного лицам Пресвятой Троицы. Он в Уффиции – совершенно ясен...

Подозревая, что я Вам остаюсь должен еще – ибо едва ли Вы сбыли вещь А. де Мюссе[5], спешу выкарабкаться из долгу. Вот Вам цельный отрывок из большого романа (не пугайтесь – он пишется прозой, и стихи в нем только оазисы), который, Бог знает, когда еще кончу. Сей отрывок потрудитесь продать (всего лучше в "Современник")[6], как сами заблагорассудите, найдете приличным и выгодным. Деньги (если продадите), за исключением моего долга, переведите через Штиглица на какого-нибудь флорентийского банкира, чтобы я мог получить их здесь, ибо намерен вывезти порядочную итальянскую библиотеку. Простите, мой добрый друг, что обременяю Вас поручением, – и даже попрошу обделать сие поскорее. Вещь, кажется, недурная – по крайней мере, в ней одно качество выдержано: постоянная лихорадочность тона. Бога ради, не забудьте выставить в примечании №№ "Сына отечества", в коих напечатан другой "лирический дневник" из этого романа[7]. – Так *надо* – всеми Богами заклинаю, даже католической Мадонной.

---

* Святому Семейству (*ит.*).
** включительно (*фр.*).
*** *Далее вычеркнуто:* равные

За сим имею право ждать от Вас хоть *полстранички...* Скажите Вашей Анне Ивановне, что она *отличнейшая* барыня, что я жму ее руку и даже, с позволения ее, целую ее руку. Скажите ей кстати – что *голоса* в Италии, мужские и женские, меня с ума свели. Впрочем, это такая уж сторона. Здесь, кажется, и у каждого кузнечика в траве – бычачья грудь итальянского тенора...

Ваш тезка.

189. М.П. ПОГОДИНУ

27 октября (8 ноября) 1857. Флоренция

Флоренция. 1857 г. Окт. 27. (Преподобного Нестора.)

Благодарю Вас глубоко, душевно благодарю Вас, достопочтеннейший Михаил Петрович, за оба Ваши письма, особенно за письмо от 11 октября: я с ним не расстаюсь – глупо сказать, но все-таки скажу: я целовал в нем те строки, где говорите Вы: "Утро встает, заря занимается..."[1] Я весь день проходил в каком-то чаду лирического упоения... Я ходил по всем местам, отыскивая хоть ли кого-нибудь из русских, кому бы я мог броситься на шею, гордясь и тем, что я русский, и даже своей русской одеждой, которую сохранил я с упорством раскольника... Да – делать, работать!.. Но не из восклицаний, а из подробного донесения обо всем, что я делаю и о чем надумался, должно состоять сие письмо...

На воспитание князька я взглянул, благодаря моей страстной натуре, весьма серьезно и с начала, еще более серьезно гляжу теперь. Но еще до сих пор я то прихожу в горькое отчаяние, то преисполняюсь надежд паче меры и середины никак не найду – и не думайте, чтобы виною этого было отсутствие середины только во мне самом. Нет! представьте Вы себе, что он один день поразит меня ж способностию понять серьезное в науке и в жизни, сочувствием высокому и прекрасному, – другой день, мне приходится толковать* с ним буквально как Чичиков с Коробочкой, до́ поту лица, до желчи[2], – на третий день он опять поразит меня добровольным, искренним отречением от пошлости и глупости, которую накануне никак не хотел признавать за пошлость и глупость, а на четвертый – в его мышлении или чувстве выскочит новая пошлость или глупость, с которой опять борись и так usque ad infinitum**. Да! поистине "удобнее есть вельбуду сквозе уши иглиные проити, неже богату внити в царствие небесное"...[3] Но не даром же Господь наложил на меня эту задачу – ибо *даром* ничего в жизни не бывает. Над натурою же этой поработать стоит: он умен и даровит – и не одной только внешней даровитостью – ибо иначе откуда бы у него образовалась привязанность ко мне, фанатику такого взгляда на жизнь, который радикально противоречит его взглядам (ибо у него уж есть взгляды – в этом-то и горе). Кто виноват в этих взглядах? Отчасти княгиня – честнейшая из итальянских кухарок, исключительно преданная идее узенького домашнего долга, отчасти Бель, честнейший же человек или, лучше сказать, *дядька*. Любопытно, что два этих честнейших существа всеми мерами друг друга ненавидят и при всяком

---

* *Далее вычеркнуто:* ему

** до самой бесконечности (*лат.*).

удобном и неудобном случае сцепляются ругаться. Бель посмотрел на свое дело так, что главное – надобно *скрывать* от юноши все, что может возбуждать страсти – *ergo** не надобно ничего читать, кроме детских книг, в истории – *зачеркивать* все мало-мальски ужасные события. Что же вышло? Страстная натура обращена только в другую сторону – на мелкие страстишки: на лошадей с хорошей упряжью, на меленькое тщеславие и т. п. – но все это меленькое разрослось до размеров ужасающих. Прибавьте к этому Бецкого, который без смысла заставляет зубрить катихизис и при каждом вопросе ученика говорит: "Это в тебе спрашивает дьявол". Вот что я застал (кроме того, что по-русски он говорил: моя дядя ошибился). Мальчик 15 лет – в совершенстве знает по-английски и не знает Шекспира; полуитальянец – не читал Данта – когда мы, дети толпы, – в эти годы прочли все, что можно было прочесть... Прибавьте к этому еще – *порядок* дня, губящий бесплодно столько времени... О, порядок! недаром во мне, как во всяком русском человеке, таится к тебе закоснелая, непримиримая ненависть... Вот что я застал. Как истинно русский человек, т. е. как смесь фанатика с ёрником (извините за выражение – впрочем, оно благодаря приятелю моему Дружинину и благодаря "Русской беседе", напечатавшей его в письмах Грановского[4], – получило уже литературное гражданство) – я не стал в борьбу с тем, с чем нельзя бороться – подчинился всему нелепому в доме, всему злу порядка (Бель мечтал всегда и доселе мечтает, бедный, завести свой порядок – и эти два *порядка* – белевский и княгинин – грызутся между собою уморительно) – но понял, что с *умом* я могу делать, что хочу. Так до сих пор и было. Верю, что так и будет – ибо верю, что хочу я доброго и хочу всеми силами души... Признаю Божье провидение в наложенной на меня задаче и, сколько могу, – несу в нее все данные мне силы головы, сердца и убеждения...

Теперь – о себе... Ни *успокоиться*, ни *измениться* я уже не могу – говорю Вам со всею искренностию. То, что я выработал в себе в последние годы, – то при мне и остается и останется. Знаю только теперь положительно и окончательно, что я – столь же мало славянофил, сколь мало западник, – что истинно общее у меня, ненатянутое, искреннее – только с Вами, с одной стороны, с Островским – с другой, с Кокоревым, поскольку я знаю его мнения по его сочинениям (в особенности по "Пути Черноморцев"[5]), с третьей. Все остальное – в моих глазах или блестящий пустоцвет и даром расточающаяся сила – как Грановский, с одной стороны, и Хомяков, с другой, – или наивное и вредное детство, как К. Аксаков (погубил-таки "Молву"! молодец!) – или слепые дарования, как старик Аксаков, Писемский, Толстой (сей последний, впрочем, так силен, что может сделаться зрячим). Вы пишете все мне, – изучайте то, и то и это... о Господи! сколько в Вас, в великом человеке, мысли и жизни *вещей казенных*... Изучать для некоторых натур переводится словом проще: "нанюхиваться". Ну-с! – будете ли Вы довольны, если я Вам скажу, что я *нанюхался* достаточно картин – для того, чтоб мое критическое стало шире, и вообще нанюхался итальянского искусства до того, что в первый раз в жизни искренне, неказенно понял, сколько хороша Гомерова "Одиссея".

Всего не напишешь. Скажу Вам вот что. *Мы* (т. е. славянофилы) хотим все доказывать великие нелепости, как-то, – что византийские типы не в пример *прекрас-*

---

* следовательно (*лат.*).

нее художественно итальянских Мадонн, и удивляемся, что никто этих нелепостей не слушает. А вот этакой факт гораздо назидательнее. В деревне A Ponte Mariano[6], близ которой вилла нашей Принчипессы, – стоит на перекрестке прекрасный образ Мадонны – а в каком-нибудь Спасском, подле Москвы, в бедной деревянной церкви – суздальские иконы; но в Понте а Мариано – живут язычники, буквально язычники, которые едва ли имеют понятие о том, что Богородица не Бог, а в селе Спасском молятся уродливым иконам истинные христиане, которые знают сердцем, что не иконам, а Незримому они молятся... Сила *нашего* именно в том, что оно не перешло в образы, заслоняющие собою идею, а осталось в линиях, только напоминающих...

А еще сила в том, что все *наше* есть еще живое, растительное – когда здесь – великолепное здание, поросшее мохом... и что еще "не у явися, что будем"[7].

Кланяется Вам Войцехович, который очень полюбил меня здесь – и был, надобно отдать ему честь, вовсе не похож на сенатора. Прощайте – спешу в галереи, где я всякий день.

Насчет "Москвитянина" – вот что-с... Если Вы *серьезно* думаете о нем, то имейте в виду, что коалиция "Современника" расстраивается, что Островский, Толстой и Тургенев могут быть *нашими*... Средства, решительность и некоторая ласковость, которая в Вас тем обаятельнее, чем реже... И я скажу тут: Утро встает – поднимитесь и Вы с одра и станьте тем, чем были Вы для нас в 1850 и 1851 годах... И *Вы* нам нужны и *мы* Вам нужны. А будущее *наше* или тех, которые будут подобны нам, но сильнее нас или – ничье.

Ваш весь и всегда
Ап. Григорьев.

190. М.П. ПОГОДИНУ

8 (20) ноября 1857. Флоренция

Ноября 8. 1857 года. Флоренция.

На меня иногда запоем нападает желание писать к Вам, достопочтеннейший Михаил Петрович, – и вот таковое напало на меня опять в день Вашего Ангела – с которым издалека Вас поздравляю. Не дивитесь такому желанию... Я ведь знаю Вас так давно, с 16 лет моего возраста, – я видел от Вас так много горького и сладкого, что привязанность к Вам срослась с моим существом. Вы со мной еще с юношей беседовали о самых важных вопросах (во времена доктора Гая), Вы написали ко мне в Петербург несколько строк, полных глубокого чувства; Вы меня и бранили без меры, и без меры же подымали меня в собственных глазах во все времена моей безобразной, но *полной* жизни...

Лирическое чувство, которым Ваше последнее письмо меня наполнило – несколько разлетелось потом... И знаете от чего? Читали ли Вы в "Норде" (в первых пяти ноябрьских нумерах) один *фёльетончик* из Петербурга[1] – *срамный* фёльетончик, где *мы* хотим показать, что и мы дескать европейцы, и у нас есть блудницы, скандальные истории, Demi-monde*... Это ужасно! Не знаю, произвел ли он в Вас то

* полусвет (*фр.*).

же чувство негодования... Ведь это голос из России, это – les prémices* нашей свободы слова... Бедный, обманутый, самолюбием ли, безумным ли увлечением, Г⟨ерцен⟩. Неужели *один* подобный фельетон не наведет его на мысль... что уж лучше старообрядчество, чем подобная пакость моральной распущенности!

Еще мысль, которая гложет меня: что, если все, что ни делается или ни затевается, делается и затевается только для виду, для *блезиру*, и завершится чем-нибудь вроде подобного фельетончика.

Во всех подобных случаях для меня со всею неумолимостью поставляется вопрос: что противнее душе моей, ее правде: подобный ли фельетончик или православие блаженной памяти "Маяка"? А *все, все*, и в душе, и в обстоятельствах эпохи нудит дать себе наконец последний, удовлетворяющий и порешающий ответ...

Еще вот что: меня пугают и ставят в тупик молодые, подростающие поколения... Им чересчур много дано критического анализа и чересчур рано. То, от чего в былую пору наши сердца бились восторгом и от чего мы лезли на стены – ими поверяется, *продергива́ется*... да еще как!.. И видишь, что они во многом правы – но что их *правота* отнимает у них крылья и привязывает к мелочам.

В настоящую эпоху жизни – каждый день приносит мне новую, моральную пытку и новый тягостный вопрос, и это иногда просто невыносимо. Иногда мне кажется, что ни от чего не убежал я, бежавши в Италию. Будущее темно – в настоящем какая-то безвыходная бездна вопросов и сомнений, какие-то слепые, но страшные ненависти, какие-то смутные, но пламенные верования... во что? Вот в этом-то и вопрос... В русское начало? Да что оно такое? Целую книгу исписал я уже мечтами по его поводу и анализом самым бесстрашным[2] – а в голове и в сердце все еще тьма-тьмущая... Ясно только отрицание, ясна только ожесточенная ненависть ко всему, что или с точки зрения "Маяка" обузивает, или с точки вышеписанных фельетончиков (в которые сводится весь Петербург и вся *образованность*) его сглаживает... А мне тридцать пять лет, и я один из тех, которым чутье этого начала давалось и дается... неужели же вся жизнь так и пройдет без порешения... "Заря занимается" – пишете Вы[3] – да! но только заря, вечная заря, которою уж мы все, право, сыты.

А тут еще под боком "дадеся ми пакостник иже пакости ми деет"[4]. Это Бецкий. Вы себе и представить не можете, что это за подлая ракалия: и злость, и трусливость гиены... Воображаю, как он меня распишет, если уж не расписал своим приятелям – хоть я держусь вообще осторожности "многохитростного мужа Одиссея". Он простить мне не может того, что князек учится со мной охотно и делает успехи.

Княгиня уехала в Париж... Мы (т. е. дом) ведем жизнь до того регулярно-глупую, бесцветную и *пошлую*, – что для нее не стоит жить в Италии. А так живет большая часть наших русских приезжих. Сбегают раз с лорнетом в Уффицию и в Питти – а потом регулярно-глупо ездят в Кашины (нечто несравненно худшее нашего Парка и тем более Сокольников). Я в галереях каждый день, наслаждаюсь и учусь сколько могу, потому что памятники искусства единственное, чего надобно здесь нахватываться и с чем надобно сжиться, – хоть Войцехович и подсмеивался немного над моими чисто-художественными изучениями и советовал, как будуще-

---

* первые плоды (*фр.*).

му редактору журнала, больше всматриваться в практические стремления века – да Бог знает, прав ли он. Я все-таки остаюсь той веры, что все живое вносится в мир только искусством. Может быть, эта вера в искусство есть часть того символа, которого точнейшим определением я мучусь...

Будущая статья, которой "Москвитянин" должен начаться, называется: "Всеобщая переверка", – выведет все из Пушкина и все сведет к Пушкину[5]. Это в самом деле *наше* первое, целостное, синтетическое выражение, хотя выражение в рафаэлевских контурах, очерками. Все *правильное* последующее наполняет только контуры плотью и красками – концы всего в Пушкине.

Правда ли, что *Мицкевич* дозволен?.. Если так, то о нем значит тоже можно говорить – и – (вот что я отсюда издалека лучше вижу) говорить о Пушкине, о нем и проч. несравненно будет полезнее, чем доказывать, что Грановский не был истинный ученый[6] и что Никита Иванович прав, употребляя equestris*[7]. Всем этим только *развращается* публика и подрывается кредит литературного мнения, а дело общее превращается в дело кружка.

Засим кланяюсь Вам до лица земли, прося не забыть иногда хоть строчкою человека, которому строчки Ваши, Бог знает, как дороги. А писать всего лучше: poste restante** – ибо я сам хожу на почту за своими письмами.

P.S. Вот еще верование благоприобретенное: за границей можно учиться и ездить по разным городам. Но надобно быть чем-нибудь от Господа Бога обиженным, чтобы для *удовольствия* жить в каком-либо месте, кроме отечества.

191. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

13 (25) ноября 1857. Флоренция

1857 г. Ноября 13. Флоренция.

Сегодня только получил твое письмо – и сегодня же пишу к тебе, мой бесконечно-дорогой! Не знаю, знаешь ли ты хорошо, как не только сильна, но *нежна* моя привязанность к тебе (я здесь *вдали* нахожусь иногда в слюнепускательно-чувствительном расположении духа – уж извини) – но мне постоянно недостает чего-то и это что-то – ты...

Прежде всего не жди, чтоб это письмо было об Италии, о Флоренции. Предоставляю всем этим умным господам (к коим презрение, как вообще презрение к *голой* учености и к *голой*, бесталанной образованности, во мне увеличилось еще более) благоговеть перед волосами Лукреции Борджии или восторгаться тем, что градоначальник Флоренции называется Gonfaloniere***... Или я ничего не напишу о том, что я видел, вижу, чувствовал и чувствую – или уж напишу что-нибудь очень оригинальное и безобразно-искреннее. Но так как писать – значит печатать, – то никаких результатов моих наблюдений, изучений художественных и проч. ты не получишь до минуты нашего свидания, если до такового Бог приведет дожить...

---

* конный, конский (*лат.*).
** до востребования (*фр.*).
*** знаменосец (*ит.*).

Взамен этого – толк большой о вопросах старых, ибо *существенно* только за их уяснением себе я поехал.

Глубоко говорит Шеллинг, что появление нового Бога выражается первоначально в вакханалиях, неистовстве, юродстве – результатах могущественного, но не уясненного самому себе предчувствия, пламенной, но не проведенной в догматы веры[1]. Этот момент есть и в процессах целых эпох, есть и в процессах отдельных душ, как есть во всем создание, ибо это – процесс космический. Этим я не хочу сказать, чтобы душа моя *прошла* уже эту минуту. Никто из нас *не пройдет* ее совсем... Всем нам суждено только ждать и под конец разве сказать: “Ныне отпущаеши”[2]. Но те сочувствия, те ненависти, которые лихорадочно бились во мне всегда – получают необоримую прочность и крепость.

Помните ли Вы, братие, хорошо то время, когда мы собирались все на издание “Москвитянина” 1851 года, время, когда вы (т. е. ты, Филиппов и Островский и Борис[3]) с комическою – и тогда для меня важностью, с детскою наивностью говорили, что надобно условиться в принципах, – как будто принцип так вот сейчас в руки дастся? Я сказал тогда, что на время, пока – удовольствуемся одним общим: “Демократизмом” и “Непосредственностью”. Оказалось, что только это и было общее, да и от этого пошли в стороны, так что в *строгой* сущности только Островский и я остались верны тому и другой и *в чувстве*, и *в сознании*. Ты, верный невольно в чувстве, – в сознании весьма часто уклонялся и уклоняешься: Борис никогда не имел демократического чувства – и по странной иронии своего юродства – в *сознании* шел дальше всех. Тертий...[4] но если б ты знал, до чего и сколь основательно развилась во мне вражда к официальному православию, в которое он ушел, – и он для меня член окончательно отсеченный – от того, что было, подразумевается.

А *было* много хорошего – и от того, что было, совершилось много постыдных отступничеств – во всех, кроме Островского, Садовского и меня грешного – до мозга костей проникнутого всем вакхическим неистовством новой веры... Все, кроме нас троих, отреклись (слава Богу, в сознании только, а не в чувстве) от существеннейшего, что в нас родилось – от идеи: “жизнь по душе” – но так сильна сама по себе эта идея, что она в Тертие, несмотря на *подлые* (это – настоящее слово) разговоры о графах, князьях и графинях, скажется ёрническим движением и невольным влечением к прошлому, – в тебе, хоть ты в какие хочешь *догмы* себя приводи, симпатией к Ивану Ивановичу Шанину, – в Борисе – враждами. Эта идея столь велика и широка по своему объему, что в ней зерно всего, не только нашего будущего – тщетным исканием ее болен социализм (хоть он при нас есть самое здоровое).

Другое слово наше было *Искусство*, т. е. иными словами, – на нас истина действует образом, красотою, типичностью и только сими средствами в нас входит и нам дается, а не выводами. Этого тоже мы почему-то *устыдились* и всеми мерами стали доказывать себе, что не все прекрасное истинно, т. е. законно, тогда как нужно было только рассмотреть сущность прекрасного, образного и, отделивши в нем типовое от наносного, поверить в типовое. Но видно это чувство было так ново, что даже высший из нас – Островский, и тот – усумнился!.. Т. е. собственно не усумнился, а притаился (пожалуй, сам для самого себя). Это чувство переводится и другим словом – чувство живаго в жизне, любовь к жизни в жизни – и отвращение ко всякой мертвечине, в какой бы сфере она не явилась, ко всякой бездарности, моральной или умственной, какими бы великолепными одеждами учености, образова-

ния и проч. она не облекалась. Одним словом, это есть второе слово: “Непосредственность”.

Искренне, прирожденно (кто в сознании, кто чувством) верим в эти слова только мы (*y compris** Писемского, как крайность критическую, Потехина, как крайность совсем безобразную). Славянофильство есть в сущности раскол, старообрядчество – хотя со временем только *мы* (т.е. наше начало) и *они* (т.е. их начало) останемся на сцене – все прочее выгорит. В сущности – они не имеют права даже на русскую одежду (т.е. демократическую – ибо как *таковую*, а вовсе не как старообрядческую – я ношу ее и буду носить до конца жизни).

От означенных принципов есть три безобразных пути: 1) в “Маяк” – или в официализм и формализм, 2) *в невежество* Потехина и Владыкина, 3) *в славянофильство*, т.е. в сухой, резкий, теоретический пуританизм... Спрашиваю себя *честно*: *шел* ли я в последний (ибо в два первых идти по натуре, со одной стороны, и по многосторонней образованности, с другой, не мог). И честно же отвечаю: *нет*! Если б даже дело повернулось так, что славянофилы были бы мною на время надуты – я бы сам прорвался.

Теперь к практическому:

1) Что Писемский соредактором Дружинина[5], это меня мало радует. Я очень люблю Дружинина и очень ценю Писемского, но ни ты, ни я подчиниться таким головам не можем. Мой журнал был бы все-таки тот, где *целое* составляли бы ты, я и Островский... Таковая откровенность, разумеется, – между нами. В Дружинине нет веры, в Писемском – захвата взгляда и широты образования. Островский – не знаю, что из него будет, может быть, явление допотопное, – есть для меня все так же единственная сила творческая, т.е. не слепая. Кстати (опять с глазу на глаз, как, впрочем, все это письмо), *пишут* мне (разумеется, не отец и не Иван Федоров), что *пьянство* и *хвастня* Писемского и Островского дошли в последние времена до геркулесовых столпов – и что *Толстой* говорит об этом с отвращением. Ага, подумал я, – *графская* природа-таки сказалась (se n’est pas comme il faut!**)... Да поможет тебе Господь не пить, но да сохранит же Господь и тебя и меня от того, чтобы мы когда-либо бросили камень в пьянство и увлечения Островского и Писемского...

2) Вместо того, чтобы острить над “Москвитянином”, лучше бы *съездить* к Погодину и простить ему многое во имя того, что он *многое* видит своим великим умом дальше нас с тобой, и что все-таки у нас с ним больше общего, чем и с Катковым и с Дружининым и с Кошелевым, – и что если *делать* приходит в литературе наше время, так союз его, как писателя и публициста истинного и единственно могущего быть для нас во многом руководителем, – необходим.

Все сие я пишу к тебе после утра в галереях и вечера в театре, пишу по *душе*, ничтоже сумняся. Жене своей (но никому больше) ты можешь прочесть это письмо – она истинно честная душа, честнее и благородней всех нас. Поцелуй у нее руку.

---

* включая (*фр.*).

** это не так, как следует (*фр.*).

Навещай отца, Бога ради. Вспомни, что он и Саша мой для меня равно дороги!

Безобразничать мне, точно, некогда, да без тебя и не с кем. A⟨r⟩riv⟨e⟩derci! т.е. до свидания, mio fanciullo!*

Точно как-будто поговорил с тобою на зеленом диване в купеческом клубе!..

192. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

16 (28) ноября 1857. Флоренция

1857 г. Ноября 16.

Опять, возвращаясь из оперы, принимаюсь писать к тебе, т.е. беседовать на зеленом диване в клубе – ибо, право, никогда мы так душевно и серьезно не говаривали, как на сем приснопамятном диване[1].

Любезный мой Евгений! Не думай, пожалуйста, чтобы "чудное далеко"[2] было в самом деле нечто такое, что *всегда* отвечало бы на сущность нашей души. Если $^1/_3$ моего уважения к Гоголю уплыла вслед за двумя томами переписки (т.е. не старой официальной, а новой, в издании Кулиша[3]), столь искренне разоблачающей всю неискренность этой чисто хохлацкой натуры, то другая $^1/_3$ растаяла от "прекрасного далека". Сколько *дьявольского* эгоизма нужно иметь, чтобы довольствоваться всегда этим "далеко" – несмотря на то, что минутами – оно, памятниками своего великого искусства, отзывами своего громадного прошедшего, способно приводить человека в лихорадочной трепет. Жизнь из одних лирических минут состоять не может – говорю это я, я, способный, однако, постоянно за лирические минуты отдавать все, что угодно... Вне лирических минут, которые дает мне новый все больше и больше мне раскрывающийся мир картинных галерей – со мною бóльшею частию хандра безобразнейшая – и вопросы всякие ставятся все тяжелее и неуклоннее. Потому продолжаю о том же...

Господи Боже мой! Неужели же, спрашиваю я себя много раз, – именно разврат, безобразие и беспутство делали и делают мне столь привлекательным наше общее прошедшее?.. Неужели же я в самом деле такое чадо бунта, каковым тебе было угодно меня представлять?.. Если б это было так, то я был бы давно социалистом – но социализма-то именно и не переваривала никогда моя душа – хотя в нем все чисто плотские и произвольные требования получают законность, догматизируются... Ты можешь на это отвечать мне вот что: ты любишь беспорядок как беспорядок и ненавидишь социализм именно за то, что он определяет беспорядок, приводит его в порядок, в систему?.. а тебе, дескать, просто нужно безобразие... Т.е. что такое? Жизнь, ее бесконечная красота и бесконечные типы? Не так ли... *Типическое* все сглаживается социализмом, – остается одно общее как нормальное отправление... В сущности, идея социализма и идея езуитизма сходятся: та и другая суть водворение мертвого покоя; только способы разные: у одной – *отсечение* всего типового, подчинение его слепою верою, у *другой* – разрешение его от всяких уз и умерщвление бесконечным, догматическим пользованием – обращенным в простое отправление. И езуитизм и социализм равно обращают человека в свинью, т.е.

* мой мальчик (*ит.*).

рылом вниз – авось, дескать, так-то ему будет покойнее... Цель благая и полезная – но две вещи постоянно вопиют на нее в создании – море и душа человека, между которыми, как я убедился личным знакомством с физиономиею первого и с жизнию последней, очень много тождественного... Не шутя... но об этом после или, лучше сказать, с этим припевом о море и душе человека написана уже целая толстая книга – да и не в этом теперь дело... Дело в вопросе о порядке и безобразии или, лучше, сказать, разнообразии...

Пореши ты мне его, да только, Христа ради, не полицейски, как ты иногда охотник его порешать, т.е. не вопросом: а как-то ты струсишь или как-то ты струсил тогда-то, когда придет или пришел квартальный надзиратель?

Argumentum ad hominem* – всегда уловка нехорошая. Человек тогда-то и тогда-то мог и может быть слаб – но как то, что Пeтр зарыдал при крике петуха, так и то, что Иуда удавился на осине, служит великим доказательством в пользу того, что душе человеческой весьма не переносно быть в двойственном сознании, в этом адском противоречии, которое заливается пьянством до бесов или заглушается преферансом с приходским протопопом и частным приставом – этой милейшей утопией, которую с свойственною ей резкостью и благородством – иронически ставила некогда твоя жена... Боже мой! насколько вообще женщины благороднее нас и насколько у них более носа, чем у нас!..

Ты берешь всякую задачу только *логически* и ставишь ее в схемы абсолютного решения. Для тебя, по собственному сознанию, – или уж жизнь схимника афонского старца Арсения – и пугающая и влекущая тебя, – или уж самый узкий прозаизм и консерватизм, то, что я называю *мещанство*. А дело-то в том, что надобно поверить в минуту – безгранично текущей жизни, ее *остановить*, ее *определить*.

Для меня стало ясно, как Божий день, что:

1) Все прогнило, кроме нового начала жизни, которое мы называем *русским*.

2) Что безумно ограничивать его старым идеалом, но что старый идеал, волею исторических судеб, есть для него то же, что было для идеи христианства – еврейство и ковчег Завета, в котором таился неведомый Егова.

3) Что оно, как всякое живое начало, – двойственно, т.е. имеет две силы, стремительную и осаживающую.

Все это не ново, конечно, – все это, более или менее, я говорил прежде... Distinguo**. Но с такою *прочностию* я не боюсь теперь слова: историческая вера, ибо верить в *начала*, в *силы* не значит верить в слепую историю. Да в историю *верить* и нельзя, или слово верить – должно заменить здесь словом: надменно признавать, что такая-то и такая-то теория есть конечное слово разума.

При вере в *начала*, в *силы* мы все боимся за твердость заповедей: *не воруй, не пьянствуй, не шатайся*, и тычем ими в нос всякому верующему, говоря ему почти то же, что Сквозник-Дмухановский говорит Тяпкину-Ляпкину...[4] Но и за них нечего бояться. Новое начало не говорит: *воруй, пьянствуй, шатайся* – а говорит совершенно справедливо, что "Любим Торцов пьяница – а лучше вас всех!"[5] – потому, дескать, что если вы не пьянствуете, не бесчинствуете и не шатаетесь, – то делаете

---

* аргумент к человеку (*лат.*).

** Здесь: Уточняю (*лат.*).

это не по сознанию высших законов, а в уважение чувству эгоистическому и холопскому, которому вы отдали и душу, и жизнь и даже просто ваши внутренние влечения жить по душе ("Оно, положим, хоть и весело – да ведь безобразно" – а почему безобразно, спросить бы у Гордея* Карпыча[6]) – а я, дескать, пьянствую и бесчинствую, и знаю, что это нехорошо – да что ж мне делать то? "Не жить мне по вашему – не могу, душно!"[7]

Не знаю, друг, что ты мне на эти вопросы ответишь... Бьет два часа ночи на башне Palazzo Vecchio – да и лист кончается.

Тоска меня мучит сегодня особенно... Поклонись всем нашим. Да хранит вас всех Господь и да даст он нам всем веры, веры, веры, хотя зерно горушно, – и снова да сплотит нас в единение духа, союз любви и мира... Это было лучшее наше – братство и любовь: Господа и братие, *этому* жертвы нами всеми приносились – кровные, сердечные жертвы.

193. М.П. ПОГОДИНУ

18 (30) ноября 1857. Флоренция

1857 г. Ноября 18. (Дек. 1).

Последнее письмо мое было писано под влиянием весьма невеселых размышлений и еще менее веселых впечатлений. Но статья Ваша в "Норде" 17 ноября, мой достопочтеннейший Михаил Петрович, опять помирила меня с жизнию[1]. Если б Вы знали, как я и поп здешний[2] ей обрадовались – и до какой степени озлились, окрысились, остервенились на нее разные подлецы. Даже консул наш, этот нежнейший из греческих котов, вежливейший, без мыла, как говорится, лезущий всюду – даже и тот пришел (как рассказывал мне поп, при коем случайно произошло первое** прочтение) в ужас и негодование (разумеется, от конца). Мы же – возблагодарили Господа, пославшего и время, и слово.

Да! Благ Господь – он знает срок
И *выслал* утро на восток[3].

Жить хочется в такое время и действовать надобно.

В том, чтобы забыть Россию на время и забыть вопросы, волновавшие меня там, – я Вас, несмотря на усердные старания, не мог и не могу послушаться. О России, о литературе доносятся вести.

Недавно Евгений писал мне, что Писемский стал соредактором Дружинина в "Библиотеке", – и стало быть, наши перейдут туда. Не порадовался я этому, *во-первых*, потому что считаю подчиненность критики литераторам – самым крайним ее падением, *во-вторых*, потому что Писемский для меня далеко не то, что Островский, и *в-третьих*, потому что это лишает меня рук в журнале. С другой стороны, это поставляет и вопрос о журнале иначе. Либо "Москвитянину" вовсе надобно прекратиться – либо выставить на знамени уже неограниченнейшую независимость мнения и стать чисто-критическим во всем, в литературе, политике и проч. Одним

* *Вместо зачеркнутого*: Любима
** *Далее вычеркнуто*: негодов⟨ание⟩

словом – поворот к той же мысли, по которой строил я план “Москвитянина”, в форме и размере добрых покойников “Телеграфа” и “Телескопа”, – с тяжкою лямкою на время, с расчетом на одну правду и смелость, с отсутствием, прямо объявленным, всякой словесности – и мечты о соединении в нем прежних сотрудников разрушены. Что Вы о сем скажете?

Вспомните, 1) что с “Библиотекой”, с Дружининым и с Писемским *я* лично все-таки могу ужиться, не нападая *только* на борзописание Писемского (что – жертва очень малая), что все-таки, как и в “Москвитянине” 1851 года, – я в “Библиотеке” могу сделаться главным, а под конец и единственным органом критики, 2) что появление “Москвитянина” встречено будет на первый раз смехом не только чужих, но теперь и своих, своих самых близких, с которыми ни в чем я не разнюсь, кроме того только, что они непоследовательны и нерешительны, – а я вижу дальше и прямее – и если, взвесивши два этих обстоятельства, Вы все-таки скажете, что надобно издавать “Москвитянин”, то Вы укрепите во мне *веру* – ибо даром Вы слова не скажете.

Теперь другое. Если издавать – то поддержите меня в следующем плане.

Я все делаю, что можно, для воспитания князька, и к университету его поставлю. Но надобно сделать так, чтобы и в университете он *год* остался под моим руководством. Это и ему в нравственном и умственном развитии будет полезно, и меня еще на год обеспечит... Мне не *сласть* жить у них (*порядок* мне смешон, да кроме того, *Бецкого* я видеть не могу без содрогания, как жабу) – но я могу через это обеспечивать домашних и жить, не нарушая пристойности, – вне дома своего – это для меня очень важно на первый год *отчаянной* редакции. Стало быть – действуйте со временем влиянием и словом, а я, с своей стороны, машину эту подвожу: привязанность князька ко мне не ослабевает, а покупается эта привязанность простотой и душевностью моего отношения да верным служением убеждению. *Он*, по крайней мере, понимает, что я занимаюсь с ним всеми данными мне средствами, *весь*, а не как наемник, который “бежит, яко наемник есть”[4]. В Москве же эта подлая тварь, Бецкий – прижмет хвост, – если к тому времени, его *солнца*, т.е., *Закр⟨евский⟩*, *Бер⟨инг⟩* и другая пóгань – потускнеют перед растущим общественным мнением.

Планы!!! О! если б Вы знали, как страшны стали мне, однако, всякие планы – а с другой стороны, *для чего же нибудь* истинно-таинственные силы хранили меня и во время пути, и во время пребывания за границею. Что я *лично* за птица или за праведник? Стало быть...

“On ne va jamais si loin que quand on ne saït où l’on va”* – говорит французская поговорка – и мне хочется ей верить... Если я и не вижу света, то, по крайней мере, у меня есть какое-то собачье чутье на свет и собачья же верность свету.

Я *знаю*, что все эти штуки – и “Библиотека” и проч. – все это – не дело, не настоящее дело, еще меньше дела, чем другая крайность безобразия – “Молва”. Я *знаю*, что хотя успех “Вестника” будет еще колоссальнее – а все-таки ему не жить – ибо внутренних соков жизни в нем нет.

Для меня все яснее и яснее становится мысль, что под покровом разных толков – таятся живые начала: боярское, варяжское или татарское – в одном, *левит-*

---

* Никогда не идешь так далеко, когда идешь, не зная куда (*фр.*).

ское – в другом, земское (промышленное и земледельческое вместе, а не врозь) – в третьем и т.д.[5] Все это *стихийное*, что в нас облекается то тою, то другою оболочкою, со временем выступит резко и ясно... А пока... пока, чему же прикажете следовать, как не темным указаниям этого стихийного?.. Ведь это темное сказывается в душе такими осязательными ненавистями и такими существенными привязанностями.

Есть ненависть ненависти – рознь. За ненависть какого-нибудь Ордынского (хоть и можно ее употреблять в дело) к тому, что Вам, мне или другому *чувствующему* человеку ненавистно, за ненависть цеховую, ученую, – нельзя дать гроша медного. Ведь его *свинская* морда вынюхала в "Одиссее" Жуковского только навоз – и потом поднялась с запачканным рылом тоже переводить (в том смысле, как клопов переводят) "Одиссею"...[6] Что ж у нас с такими союзниками общего?.. С другой стороны, например, эта склизкая жаба Бецкий, ведь он тоже ненавидит неправославие – да во имя чего?! Для него "невидимая церковь" есть тайная полиция.

Все это думаешь, передумываешь и впадаешь иногда в тоску невыносимую... Спасаешься только в "Уффиции" да в "Питти".

Ваш всегда
А. Григорьев.

194. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

24 ноября (6 декабря) 1857. Флоренция

Ноября 24.
Флоренция.

А я все-таки пишу к Вам, прелестный, но *коварный* друг – и пишу в день Вашего ангела... Ну, однако, скажите: Вы не бессовестная? А? Человек Бог знает где, на чужой стороне – и ни строчки, ни строчки, когда он с некоторым замиранием сердца подходил (теперь уж даже не подходит) к окошку флорентийского почтамта. Как хотите – это из рук вон... Положим, что Вы заняты, положим, что прежде всего Вы артистическая (т.е. несколько ветренная) натура – но ведь у меня у самого таковая же, а между тем... Но будет упрекать Вас – я Вас так нежно люблю, что долго упрекать и *язвить* не в силах...

Что Вы у меня (т.е. Вы с Катериной Николаевной Бакст) сделали с моим Максимом?[1] Куда Вы его услали, оторвавши от нежной матери "винной конторы", готовившей его обширной душе по всем вероятностям судьбу Кокорева, если б эта обширная душа не была столько же, как моя, преисполнена *безобразия* и *безалаберщины*?.. Что Вы с ним сделали? Caïn, qu'as tu fait de ton frére?..*

Друг мой Катерина Сергевна! Мне порой невыносимо тоскливо, так тоскливо – что едва вероятно, – а все-таки возврат в любезное отечество мало мне улыбается, хоть там есть (кроме отца и детей) Вы, Евгений, Островский, Садовский, Максим, Иван Федоров, – хоть только в отечестве можно жить и дышать. Но, как

---

* Каин, что ты сделал со своим братом? (*фр.*).

только я подумаю о собственной внутренней разбитости, с одной стороны, да об обер-полицмейстере Беринге, с другой, так нападает на душу апатия, апатия, апатия.

Здесь я все изучаю искусство – да что проку-то? В себя-то, в будущую деятельность-то, во всякое почти значение личной жизни утратил я веру всякую. Все во мне как-то расподлым образом переломано... Нет! глубокие страсти для души хуже всякой чумы – ничего после них не остается, кроме горечи их собственного отсадка, кроме вечного яда воспоминаний.

Женским душам, должно быть, легче это достается. Ведь любила же она меня – т.е. знала, что только я ее всю понимаю, что только я ей всей молюсь, только я на все вопросы ее души отвечу...[2] О, проклятое нравственно-сметанное начало в ее крови, проклятая смесь глубокой страстности с расчетливой холодностью. Есть минуты, впрочем, когда я все проклинаю. Нынче одна из таковых – и самых непереносных.

Откровенно сказать: чего я с собой не делал в течение последних четырех лет. Каких подлостей не позволял я себе в отношении к женщинам, как будто вымещая им всем за проклятую пуританскую или кальвинистскую чистоту одной – и ничего не помогало: даже развеселить меня ни одной не удавалось... Когда я лежал прошлого года больной и две из них ежедневно, а иногда и по два раза на день присылали тайных послов осведомляться о моем столь для человечества драгоценном здравии, я бы отдал все их неистовые послания за одну тень грусти, хоть маленькой грусти на ее лице... Да! от нее я взял бы даже сожаление. Я иногда люблю ее до низости, до самоунижения – хоть она же была единственное, что могло меня поднимать. Но будет...

Мир, которым окружен я, все таков же, как я имел счастие Вам докладывать – т.е. воспитанник мой все так же холодно-умен и внешне даровит; из двух княжен – одна идиотка, у другой – одна из прекрасных женских природ, возвышенных и чистых, – и душа совсем демократическая, но скована она, бедная, по рукам и по ногам *порядком* и нелепостью жизни. Впрочем, к счастию ее – у нее, кажется, чахотка. Я готов молиться, чтобы Бог взял ее: зачем она тут, посреди этого мракобесия, мертвого порядка, смрада узкой нравственности. Есть тут еще господин, который ненавидит меня всею лютостью ханжи, бездарной натуры и подлого хама – и к которому питаю я отвращение, как к лягушке, презрение, как к шпиону тайной полиции. Это некто *Бецкий* (т.е. Трубецкой же, только с левой стороны, за это он и сердится на жизнь), если Вам интересно знать. Есть тут англичанин Бёль – честнейший человек, но которого ⟨за⟩ узкую нравственность я бы повесил. Есть тут француженка, которая по обязанности гувернантки долго враждовала со мной, а по благородству женской природы кончила тем, что чуть на меня не молится. Со всем этим я вел и веду борьбу скрытую и явную, во имя идей, конечно, возвышеннейших – но для кого? Для умного эгоиста мальчика и для девушки, которая не нынче-завтра умрет.

А все-таки: да здравствуют свобода, братство, любовь – и дай Боже, чтобы я и за секунду перед смертью повторил эти святые слова!

195. А.Н. МАЙКОВУ

29 ноября (11 декабря) 1857. Флоренция

1857 г. Ноября 29.
Флоренция.

Ты не можешь себе представить, до какой степени я был поражен первыми строками твоего письма[1]. Когда я писал к тебе – у меня все в голове вертелась мысль писать к *тебе*, а не к *вам* – но я тогда задавил эту мысль... На сколько же ты должен быть и чище и проще меня! Это даже завидно. Во всяком случае – *честь* за тобою.

Ну слушай же – буду отвечать тебе à la hâte* и вовсе не систематически. Я адски расстроен нервами, и потому не требуй от меня какого-либо порядка – в изложении.

Если б ты мне написал казенные похвалы моему чаду, чаду моей плоти и крови, чаду самого безумного страдания, – я бы повесил голову – но ты требованиями своими меня поднял[2]. Ты знаешь, с каким искренним отвращением отношусь я ко всякой своей деятельности, кроме критической, ты знаешь, что это во мне не аффектация, – но уж если это действует раздражительно на тебя, то, значит, тут есть что-то. Что-то, допотопное еще, как весь я – и больше и лучше я дать не могу, хоть с меня живого кожу сдери. Милый мой! Я ведь сам не рад тому мучительному хаосу, который постоянно бунтует во мне и не может улечься, – и не могу совладать с собою, чтобы не пытаться высказать этот хаос... Но об этом довольно. Присылай поскорее денег, если можно.

С чего ты взял, что я сбираюсь как об открытии писать о народности в живописи и вообще о живописи? Живопись для меня только осязательнее подтвердила мысль о том, что человек, кроме себя и своего типического, ничего выражать не может – мысль, против которой, однако, спорят.

С чего ты тоже взял, что я вижу в символистике византийской живописи *искусство* или даже *шаг* к искусству?.. Я хотел сказать только, что религия и искусство – две вещи разные. В Мадоннах я, как ты же, вижу идеалы чистейшей женственности, но земные, а не небесные. Византия умела только в пору – остановиться. Стоит только с глазами и чутьем пройтись по коридору *Уффиции*, чтобы видеть, что первый же шаг от символа к развитию – последовательно ведет к мифам – а от них, этих прелестнейших мифов (от *первых мифов* Сиенской школы и Фра Анджелико до любодеек-Мадонн Тициана), последовательно к музыке Верди в церковном богослужении.

Абсолют, говоришь ты – тебя не беспокоит. Т.е. ты можешь переносить внутреннее раздвоение?.. Высший голос спрашивает нас вовсе не о том, что мы сделали для человечества как художники, критики, лекаря и пр., а как мы установили в себе центр своего малого мира, т.е. как мы слили этот малый мир с великим миром... Да и врешь ты, чтобы абсолют тебя не беспокоил, просто себя тешишь. Мей, по крайней мере, тот ведь может по безобразию и внутренней бессодержательности дойти до возмущающего душу безумия и сказать в одном стихотворении "Про-

---

* наспех (*фр.*).

сти грехи человека за песни певца"[3] – но ведь ты не Мей, не голый, бессодержательный талант, – ты и высокий талант, и возвышенная, жаждущая правды и центра натура.

С чего ты взял, что православие есть какое-то remedium* для моей натуры?.. Чудак-человек! Да то ли я разумею под православием, что поп Матвей и Тертий[4]? Что было *еврейство*, носившее строгого, палящего, неведомого, будущего Егову в отношении к язычеству, то... Помнишь ли ты беседу у Писемского, где я высказался довольно откровенно?

Великие и плодоносные эпохи человечества были не эпохи раздвоения абсолюта с деятельностью, а эпохи *целостные*.

Повторяю тебе, что – не я пишу к тебе, а мои больные нервы – но ты так умен, что дополнишь и поймешь...

Раздвоение-то до сих пор тебя и подрывало. Мы с тобой уж об этом говорили.

А вот тебе и практическое приложение. Из двух твоих стихотворений – одно ("Сон в л⟨етнюю⟩ ночь") – удивительно, потому что ты тут *ясно, целостно, душевно* относишься к делу, другое – фальшиво по тону и по заложенному в него чувству: простая фигура слепого старца заслоняется академическою позою какого-то Савонаролы, и выходит ни Савонарола, ни старец. Это та же история, что в удивительной по концепциям поэме, из которой ты читал мне отрывки, но в которой вдруг нежданно-негаданно является зандовский "Спиридион" вместо типа христианского аскета. Sapienti sat**... Что вторая часть твоих стихов убьет первую – это ясно. Тут ты сам, всей своей личностью в ее правде и простоте.

Что к Мею равнодушны – не удивительно. У него нет – физиономии. Шумиха – внешнего таланта, огромный тенор без всякой личной манеры. У него нет ни твоего лиризма живописца, увлекающегося простодушно образом, и, с другой стороны, твоего краббовского[5] (ибо ты из двух элементов), – ни мелодичности и запаха души Фета, ни тусклой прелести Полонского, ни искренности Огарева – у него ничего нет.

До скорого свидания (письменного пока), мой неоцененный, новейший из *немногих* жильцов моей души, но столь же милый, как все другие. Пожми руку твоей жене и кланяйся Писемскому.

А денег все-таки добывай – правдами и неправдами!

196. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

1 (13) декабря 1857. Флоренция

Флоренция. 1 декабря.

По мере того, как вопросы накопляются, мне все хочется говорить с тобою – именно с тобою, а не с Островским – ибо он годится для другого дела, для указания верстовых столбов мысли.

Прежде я не верил и думал, что все это обычные, казенные фразы – а ведь в самом деле вопросы издали освещаются совершенно особенным светом.

---

* лечебное средство (*лат.*).

** для понимающего достаточно (*лат.*).

Возьму на сегодняшний раз факт и с факта пойду к заключениям.

Я оставил отечество на двух, по наружности мизерных, фактах, но в сущности весьма важных (право, почти столько же важных, как вопрос об эманципации): на споре за Грановского[1] и на споре за Крылова[2]. Естественно, что тут тот и другой только имена, а дело в деле, которое случайно прикрылось именами.

Разберем дело о Грановском. Потому его первое, что в "Уффиции" я часто вижу покойника – не шутя! портрет Соутвелля, одного из министров Генриха VIII, писанный Гольбейном, – совсем поразительно – Грановский. На этом портрете я поверил свое сердце и убедился, что покойник мне так же дорог, как другие покойники, оставившие на нас свой след: Лермонтов, Гоголь, Мочалов, Варламов... В чем тут было дело, в этом споре? Григорьев сказал, что Грановский был только замечательный актер кафедры и не ученый – вещь, которую я сказал Погодину в день похорон Грановского, вещь, которую, по странному стечению обстоятельств, выразил один из близких к покойнику людей, Дмитрий Визар, который говорил мне: "все, что покойник писал, – только бледная тень его души и не стоит печатания: слово его, дух его были дороги" – вещь, которую все знали. Но Григорьев примешал тут элемент поганый, элемент своей, кажется, действительно завистливой и неблаговидной личности, личности из числа все-таки хамских: прикрыл же ее другим, не менее поганым, но более в глазах многих благовидным элементом ученого специализма. Поднялся вопрос, и увлеченные не духом партии, а духом враждебности к другой партии, – мы более или менее стали в отношении к вопросу непрямо и неправо. Мы опустили из виду то обстоятельство, что здесь идет борьба о том – что важнее: сухая ли дельность специализма или непосредственность даровитости? Защищавшие Грановского не думали, конечно, защищать наш принцип или, лучше, наше, столь еще *робкое*, верование – а делали именно это самое... Такова *ирония*, всегдашняя ирония судьбы. Мертвые сухари (Катков, Леонтьев и проч.) защищали живого – а живые стояли на стороне халуя. Грановский стал наш, а не их с тех пор, как умер: Григорьев – умирай он или живи, издавай десять Хондемиров вместо одного[3], – ничего общего с нами не имеет и ничего иметь не может. Наше слово в отношении к этому вопросу должно было быть вот какое: Григорьев прав, что Грановский был не ученый, а актер на кафедре, т.е. оратор, проповедник – но в этом-то и его значение, значение, которое разъясняет живая жизнь, а не монгольские рукописи. Что ж, дескать? Монгольские рукописи – вздор, и не надо ими заниматься? Ничуть не следует – ибо иначе идет широкая дорога к невежеству, но знай, дескать, свое место. Ты сухарь и полезный сухарь – но куда ж тебе гоняться за соколом. Почти Божью силу даровитости, склонись перед нею. Ты, может быть, точно и не пьянствовал и не блядовал, как Грановский в Берлине – да ведь тебе и не из чего было пьянствовать и блядовать: в тебе жизни нет и нет стремления к жизни.

Вот тут-то Островский и решительно верстовой столб. "*Ученым* быть нельзя", – говорил он раз в пьяном образе – и как глубоко это пьяное слово... Талант развивает в себе чутье к известному делу – и все дело решительно в чутье. Какое мне дело до того, где, в погребках ли, театрах и борделях Берлина или в огромных фолиантах – добывал покойник *тон, запах* и *цвет* эпох, отзывавшихся в его блистательном изложении? Кудрявцев и не пьянствует – а мажет, точно х⟨- - -⟩ по секелю, так, что только зудит, а не заходится.

Пора порешить с этим наивным почтением к тому, что такой-то прочел столько-то фолиантов, т.е. пора считать это за то, что это есть на самом деле, за навоз, удобряющий землю. Пора смело и последовательно сказать себе, что мы верим в даровитость, ум, ловкость, силу, энергию – одним словом в Божье, в ком бы* оно и в чем бы ни проявилось, – в пьянстве ли Мочалова, – в ёрническом ли остроумии Ивана Ивановича Шанина, – в ангельской ли доброте сапожника Сергея Арсентьевича и т.д. Сердцем мы давно все это порешили – но потом все старались говорить "ядрена мать", чтобы было и Богу не противно и на "⟨- - - - -⟩ мать" похоже.

Вот здесь на Западе, что ни человек, то и специалист – от того-то здесь люди и представляются мне все маленькими, маленькими муравьями, ползающими с мелочною работою по великим, громадным памятникам прошедшей жизни. От этого-то зрелища я и хандрю ядовито – ибо обаяние камней одно не питает душу.

Поклон всем твоим от далекого, но еще больше любящего их друга!

197. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

5 (17) декабря 1857. Флоренция

1857 г. Флоренция. Дек. 5.

Не знаю, может быть, надоел я тебе, рыжий друг мой, перетрясыванием старых вопросов – но они все до такой степени меня здесь измучили, как тебя черти в известном состоянии... Увы! только до приезда во град Ливорно, т.е. во время дороги, – я мог ото всего этого отвлечься – потом мысль опять пошла колесить по знакомым углам.

Старая Европа – в лице ли социалистов, в лице ли гегелистов левой стороны, во всяком случае в лице добросовестнейших и благороднейших своих представителей – подняла вопрос о правах плоти, в противоречии *якобы* с суровыми требованиями того, что она назвала прежде духом и что в сущности есть только негация, математический знак: $=$, тогда как Дух есть $\pm$. Идеалы ее изжились, испошлились во фразу, в жест, в эффект. Утопиям нечего было делать ино́го, как строить по негативным линиям. Все это – допотопно выразилось в страшной, последовательной и самой себе противоречащей формуле: Liberté, egalité, fraternité – ou *la mort*!..** Ни liberté, ни egalité, ни fraternité нет покаместь – потому взять неоткуда – но la mort действовала достаточно – а все без пользы. Но из этого никак не следует, чтобы первая половина формулы, правильно понятая, была виновата – и не следует отрекаться от оной из-за безобразия второй. Между тем у нас (как лично у нас, в нашем малом кружке, так и кругом) происходило постоянно подобное отречение.

Это – маленькое предисловие к другому делу, которое я оставил, к делу Н. Крылова, к делу безнравственной даровитости, на которую восстали – здесь уже сообразно с своею сухарною природою – *ученые* и *образованные*. В статье Крылова есть два элемента: *гениальный* (c'est le mot propre***), эле-

---

* *Вместо вычеркнутого*: мы

** Свобода, равенство, братство – или смерть! (*фр.*).

*** это точное слово (*фр.*).

мент художества и вдохновения – и *хамский*, при том хамский двух родов: *хамский демократический* и *хамский совсем*[1]. Ученые и образованные восстали именно на элемент гениальный. Что ж делали мы? Или, как *ты*, сомневались – уж верить ли точно гениальности изложения, потому что ведь он же точно наделал грамматических и всяких ошибок – или, как *Борис*[2], принимали все от него без различия, гениальное ли это или хамское, – или, как я, – *юродствовали* во имя тускло-видимого. И здесь опять нужно было честно и смело защищать гениальность, отбросить все гнилое, отбросить явно, пред лицом всех.

В былые времена мы уже достаточно срамились общением с разною гнилью, вроде Шевырева и – главное – Растопчиной, – и это милое качество *терпимости* как будто наследовали мы от отца нашего, старца Михаила[3]. Но старец Михаил, при всем высоком значении своей личности, принадлежит к эпохе, помешавшейся на мысли (на которой помешан был Шиллер), что цель оправдывает все средства, – мы же якшались со всей этой гадостью отчасти из пьяной распущенности, отчасти из молодости, и сим скудельным кумирам приносили в жертву свое демократическое чувство. Наилучшее было то, что, по натуре нашей, везде, где мы являлись, мы более или менее заводили кабаки и погребки. Это я говорю вовсе не шутя – хотя, сознательно и смело, способны всюду проповедывать прелесть кабацкой простоты только я и Писемский, который практически подвизается в сей проповеди в кружках петербургских литераторов... Кабацкое и погребное в нас это – Вакханалии нового, идущего Бога – вакханалии страшные и трагические для тех, которые в них завертелись: вскипавшая пена того, что варится удобно и спокойно в Иване Шанине или в моем приятеле Василье Лёвине.

Что такое это юмористическое отношение к пьянству, безобразию и проч.?.. Эти нежные, шутливые отношения к косой барыне, эти "служи", обращаемые к рюмке, эти искренние восторги от крестообразного положения, до которого закруживает Иван Иванович иногородных? Что это? насмешка надо всем этим, т.е. отношение к старому Богу, или вакханалии нового? Уж конечно последнее... Тут есть скрытая насмешка – да над чем? надо всем, что этой *пене* простоты противоречит... Это все лихорадка смутной, но всю натуру нашу проникающей веры...

Следует ли из этого, что надобно пить и безобразничать? Никак не следует, по крайней мере для тех, которые способны сознать закон этого – ибо сознать – значит *выделиться* из смутного единства с известным миром, значит уже обратить его в нечто прошедшее, т.е. уже найдти своего Бога, очищенного, *идеального*, светоносного – но все-таки этот, а не другой какой мир создавшего и потому Бога живого...[4]

Ты скажешь, что идеи Шеллинга мною юродственно обращаются на безобразие. Я в Шеллинге все меньше и меньше нахожу нового – но понимаю только яснее, почему покойник Киреевский, видя в нем явление тысячелетий, как Платон, – тем не менее придавал ему только отрицательное значение. Отношение мысли Киреевского, впрочем весьма почтенной, к живой мысли Шеллинга точно такое же, как отношение славянофильского чувства к нашему живому чувству.

Они не верят в *искусство*, т.е. что это значит? Они думают, что жизнь должна идти по теории, ибо, как только неверие в искусство, так вера в теорию.

Они не верят в *настоящее* жизни, т.е. любят не народ, по законам бытия своего развившийся, – и естественно развившийся так в *свободных* классах, – а в народ, который еще может пойдти по теории.

Они не верят в силу, т.е. в *двойственность* (Илья Муромец и ёрники: Алеша Попович, Чурила Пленкович), а верят в искусственное *единство*...

Твой

А. Григорьев.

198. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

13 (25) декабря 1857 г. Флоренция

1857.
Дек. 13.
(*Дек. 25*). *Città dei Fiori – сиречь Флоренция.*

Теперь два часа ночи – католической ночи на Р.Х., той ночи, которая в католических землях играет роль нашей ночи на Светлое Воскресенье – ибо тут у них ночное Богослужение. Я сейчас только пришел из Duomo* – значит, пишу о том, что наиболее меня занимало в настоящую минуту.

Начну по обычаю околицей.

Два сорта богопротивной глупости встречаются в русских путешественниках. Первый сорт – "*благоговение*" перед волосами Лукреции Борджиа или восторги от того, что правитель Флоренции называется *Gon-Faloniere***, второй*** – приравнение наших Казанских соборов к великим отсадкам человеческого гения и исполинской мощи в памятниках Запада. Не шутя. Раз гуляли мы с весьма умным господином, сенатором Войцеховичем в садах Боболи. И он, и я как-то были настроены ругать заграничную жизнь и поездки за границу. Вдруг попадается нам холуй-соотечественник, некто г. Васильчиков. Желая, должно быть, попасть в наш тон, из уважения к сенаторству Войцеховича и к моему литераторству – он сгоряча-то и хвать х⟨- - -⟩ по лбу. «Что, дескать, ездить за границу? У нас "Никола Морской" в Петербурге – ничуть не хуже Миланского собора». – Так мы с Войцеховичем и сгорели. Эк его! – нет, значит рано еще желать, чтобы мы, русские, перестали ездить за границу – собачий хвост еще очень виден! И вывез-то ведь что, у⟨- -⟩ его мать!

Это – маленькое предисловие.

Представь ты себе громадного зверя, в который влезут 2 наших Успенских собора + Благовещенский + Архангельский и в котором поместится Иван Великий так, что еще для Спасо-Наливкинской колокольни место останется. Подле этого зверя, красиво покрытого**** снаружи мраморною инкрустациею, а внутри строго-

---

* Собора (*ит.*).

** Знаменосец (*ит.*).

*** *Вместо зачеркнутого:* или

**** *Далее вычеркнуто*: сверху

го и даже голого-мраморного, стоит еще прелестнейшая, изящнейшая, легчайшая и громаднейшая колокольня – вся – инкрустация, как старая итальянская мебель! А ведь это еще ломбардская архитектура – резкая, голая, математическая по идее, изящество только инкрустационное по образу выражения, это еще не воздушная сквозная поэзия венского Стефана, не растительная роскошь миланского собора-сада, не то великое и захватывающее дух, что носится под стрелами Собора Пражского – но и в флорентинском Duomo все-таки дивит грамадность, поражает красота.

Заговорил уж, так не могу не высказаться. Несмотря на все это, византийство (но не "Никола Морской") – *en germe** несет в себе концепции более великие, более захватывающие дух – и ничто не сравнится с внутренностью Архангельского собора, – взятой как ébauche**, выполненная *покаместь* кирпичиком вместо мрамора, вохрой вместо краски, – с трапезною церковью Сергиевской Лавры, с галерейкою Спаса на Новом (можешь себе представить, что я пишу эти святые и милые имена – и слезы так и льются? вот что значит, любезнейший, быть на чужой стороне), – и это я говорю теперь *сознательно*, а не потому только, что русское начало, хоть и романтическое, у меня и в мозгу и в крови.

Но все-таки не в том дело... Дело в том, что я пошел к ночной обедне католиков, к тому, что у них соответствует нашей Великой Заутрене... Накануне праздника – ни следа того, что называется ожиданием праздника, той благоговейной тишины, которая сменяет в Москве суетню и толкотню хлопот, хозяйственных закупок и проч. к вечеру. Напротив, тут-то их и прорывает – продавцы орут, как будто желая запугать тебя, всей страшной силой итальянского горла, мальчишки поют и свистят польки, – базар ночью на всякой улице.

Я пошел к моим добрым приятельницам Мельниковым (славная семья, хоть и петербургские) тащить их в *Duomo*. Куда? Меня же они утащили в модную церковь, Сантиссиму Аннунциату – там де музыка и певчие... Покаместь поорали несколько цыганских песен (нам-то ничего, но доктор, который взялся вести нас в церковь и очень ревностный католик – принимал в нашем пении большой интерес!!! Попели. В Аннунциате все, как следует – толпа народу, разгуливающего как в зале собрания), – орган валяет финалы из опер Верди, – солисты откалывают божественные гимны на голос "Frap<p>on a me ricovero"***. Как *опера* это довольно плохо, ибо у нас во Флоренции (chez nous à Paris****) есть на это театры *Пергола* и *Пальяно* гораздо лучше, как Богослужение... не люблю я както двух дел в одном: е⟨- - - -⟩, так е⟨- -⟩, молишься, так молись!.. Утащил я оттуда моих барынь. Пошли в Duomo.

Было что-то такое страшное и величавое в запустении и отсутствии света (тьмой нельзя этого назвать, ибо белые мраморные стены), в немногих лампадах, в немногих посетителях внутри колосса – что я долго сидел, погруженный в целый огромный мир... С удивительною ясностью представлялось мне время лет за 300 назад, когда *спирт* еще не испарился из католицизма – несмотря на глубокий разврат монахов и Медичисов... Да, а теперь – ты покинут, бедный колоссальный старик, покинут своими

---

* в зародыше (*фр.*).
** набросок (*фр.*).
*** "Дай мне убежище" (*ит.*).
**** у нас в Париже (*фр.*).

детьми, побежавшими слушать плохую оперу в кокетливой Аннунциате... Да!.. страшно мелочно здесь настоящее перед прошедшим – во всем, повсюду...

Но не поделом ли ты покинут, старик?.. Не лежали ли в тебе *en germe* и в эпоху твоего цвета и силы все твои теперешние язвы?.. А! вот кстати и твой хвостик: направо, запертые в огромном стеклянном шкафе (придел совершенно как шкаф), каноники ревут голосами разными что-то, чего никто не слышит, чего они сами не понимают. Не ты ли возжигал костры, когда человеческий разум требовал у тебя отчета? Поделом!..

Все это – мертвые формы и ёрничество. Новое начало идет. Оно соблюдалось покаместь в смирении православием. Широко развернется оно и своими догматами, и своими расколами. Добросовестно я и тем и другим сочувствую – и не пугаюсь уже своего сочувствия к архиерею Андрюшке в рассказе Салтыкова[1]. Я не знаю, какой цвет и какой плод даст это новое, которое во мне, как и во всей великой и богоспасаемой России, растет – но только у нас еще жизнь живет и растет все, от верования до народной песни. Оттого-то "с нами Бог – разумейте языцы и покоряйтеся", ибо Он "несть Бог мертвых, но Бог живых"[2].

Сжать живую силу в определения, хоть и цельные, как все синтетическое, но явно – допотопные, – это так же преступно перед совестью, как и насильно натягивать на себя чужие определения, благо они хорошо выработались... Мало ли что *было* хорошо?.. *Будет* еще лучше – только незачем говорить, что оно уж *есть*, ибо именно в таком-то случае оно и не *будет*. Есть "море великое и пространное", но и "гадов в нем несть числа". Относиться к гадам с мещанским добродушием еще успеют наши потомки.

Вероятно, по свойственной тебе проницательности, схватывая нить моих рапсодий – ты не заподозришь меня в излишнем сочувствии к "судебной литературе", господствующей у нас теперь[3], и к развитию quand même*, хоть с "Миной Ивановной"[4] (NB. Господи! До чего мы дошли? – порядочные, чистые женщины, не только петербургские, – не стыдятся произносить это постыдное имя.) Опять надеюсь и в пуританизме ты меня не обвинишь – но вот тут-то и центр теперь для меня в моем созерцании, – что "Дуня" Беневоленского[5] для меня положительно святая женщина, а Мина Ивановна противна столько же, сколько поборник развития и п⟨- - - -⟩лиз ее Ванька Панаев, что я знаю теперь внýтренно, почему готов поклониться в ноги отцу Парфению и не могу без желчи слышать *имя* Андрюшки Муравьева...

Глубоко, душевно искренне благодарю тебя и Островского и Потехина за 23 ноября[6]. Я этот день провел в хандрище необузданной и отдавался ей с какою-то сластию. Две годовщины этого дня меня терзали – одна, когда читалась "Бедность не порок" и ты блевал наверху, другая, когда читалось "Не так живи, как хочется" и ты блевал внизу в кабинете... Эх!.. много воды уплыло – и жизнь подчас такая тяжелая и безотрадная ноша, что сбросил бы с большим чувством.

В деятельность нашу в "Библиотеке" я все не верю – и, должно быть, прав, как всегда, в моих предчувствиях... В Петербурге *они* все приняли с нами надуватель-

---

* несмотря ни на что (*фр.*).

ную систему, это – факт, подтверждавшийся для меня и имеющий еще подтвердиться рядом многих фактов.

Как же я тебя матерно обругаю, если ты кадишь в своей статье – судебной литературе и хоть частичку художника видишь в Салтыкове... И обругаю основательно: потому, это значит пакоститься. Напиши, чтó за драму навалял Потехин – хоть я, признаться, очень мало его драмам сочувствую – и он существует для того только, чтобы показать, как неблагопристойно утрировать то, что в *меру* берется гениальным чутьем Сашечки...[7]

1858

199. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

3 (15) января 1858. Флоренция

1858 г. Янв. 3(15).

Ну, наконец-то! О, коварный друг, – как много злобы, желчи прибавляли Вы своим методически-упорным молчанием к запасу сих качеств и так уже во мне слишком достаточному. Только что же это за *reticences**? Влюблены Вы, что ли, или полувлюблены – все ж надобно было сказать! Кому ж Вам это сказать, как не мне? Кто ж лучше в Вас это поймет и оценит – и, извините за дерзость, кто ж лучше укажет всему этому место по достоинству в Вашей душе?.. Кому ж это наконец будет так истинно интересно, как мне?.. Что за *гнусное безобразие* умолчаний, намеков за несколько тысяч верст – а главное – какая свирепая, зверообразная жестокость не писать потому, что – не можете себе в чем-то отдать отчета. Чорт знает, что это такое! Только женщины способны к такой белиберде... Да если б Вы хоть в *старца*[1] влюбились – так и для подобной нелепости нашлось бы у меня понимания. Я Вас так много, так *просто* люблю... так, если хотите, страстно – ибо и дружба в отношениях к женщинам принимает всегда страстный характер... *Чего* и *чего* я не передумал вследствие Вашего молчания – каких *подлых* аналитических соображений не приходило мне в голову?.. Злобное, но милое творение, ведь из тона писем Вы должны были понимать, что я хандрю, злобствую, болен душевно – постоянно. Экой противный женский эгоизм, – кокетство – не показаться в моральном дезабилье...

Ну-с! – с чего начать прикажете?.. Начну с того, что теперь два часа ночи (сплю я отвратительно), что во мне какая-то лихорадка хандры, что за то, чтобы проснуться завтра с мыслию, что Вы у нас (как бывало), я отдал бы 2/3 остальной жизни. Глупо-с? не правда ли? А это так! Вы для меня последняя светлая улыбка жизни (ибо улыбка и грамматически – непременно женского рода), что в последние времена наших отношений, я говорил с Вами *так,* как ни с одним из друзей не говорил, давал Вам заглядывать в такие *abymes*** моего бытия, от которых Вы отво-

---

* скрытности (*фр.*).

** бездны (*фр.*).

рачивались с лихорадочным ужасом... Что ж мудреного, что измученный, истерзанный и работою собственной мысли, и пошлостью всего меня окружающего и воспоминаниями – я зову Вас, как сестру, как Ангела, как друга...

Все так неумолимо-окончательно порешилось для меня в душевных вопросах, так последовательно обнажилось до желтых и сухих костей скелета – так суровы стали мои верования, так бесповоротны и так безнадежны все ненависти – что дышать тяжело, как в разряженном и резком воздухе высоких гор.

Долго надобно было бы толковать о том, почему безнадежность обуяла меня во время, исполненное, по-видимому, великих надежд... Дело-то в том, что для меня эти надежды – издали еще больше, чем вблизи – пахнут серою подземной волканической лавы, и есть что-то страшно зловещее в их блеске!

Прибавьте к этому, что я живу в стране, где страшный контраст между громадностью прожитой жизни и мелочностью настоящей (ибо это все – муравьи, а не люди) еще более раздражает нервы... В этой заглохшей тине подчас пробиваются отрыжки старых волканов – то неистовыми порывами Верди, то... мало ли чем... ну, хоть бычачьей грудью теноров и кузнечиков. И все эти силы поражены параличем – поражены навеки, ибо во время оно свое дело делали... И когда знаешь, что все будущее, живое принадлежит нам, но нашему типу, а не личностям – личности наши никуда, никуда не годны, что самые лучшие не те, которые что-либо делают, а которые спиваются, странничают (как Максим[2]) и проч.

Кстати о Максиме. О его *страсти* знал я прежде и не от него, конечно. Боюсь не погубила бы его задаром ваша К⟨атерина⟩ Н⟨иколаевна⟩...[3] Ведь вы все такая запуганная *дрянь*, что жертвы ни одна из вас, из самых лучших, не принесет для человека.

О, милая моя Тётинька – узнаю ее, радуюсь, душевно радуюсь, что она последовательно идет по дороге безобразия! Все вещи должны идти к своему назначению. Я хохотал как сумасшедший – я видел это все, видел эту обстановку, эту Милашку и разные наблаговидные физиономии, видел, как *прельщения* устремляются на Фришмана и, в случае неуспеха, tant bien que mal* – бьют на другую цель... Все это я видел, всем этим наслаждался – всем, даже адскою, но комическою ирониею Вашего присутствия в этом мерзостном Вавилоне, присутствием человеческой личности на этом шабаше ведьм, где

Шумят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают...[4]

Не доставало только Мефистофеля за моим отсутствием!..

Я рад, что Вы сошлись с Фетом[5]. Он пишет: "Да ее (т.е. Вас) и нельзя не любить". А Евгений бывает у вас? Что Вы не бывали у нас, это нимало не удивительно... A propos**. – В припадке хандры и неизбежного донкихотства – я написал два письма проповедей к Лидии – не думайте, чтобы моральных, нет! чистого анализа[6]. Все еще мне и это, совсем падшее в дикое и мелочное самолюбие, создание хотелось бы обратить на путь правды и поднять до понимания. Но это, кажется, тщетно.

До свидания... Всем, всем Вашим поклон и привет издалека. А Вам – все желания, благословения и приветы во имя Бога правды, любви и свободы!

---

* хорошо ли, плохо ли (*фр.*).

** Кстати (*фр.*).

200. А.А. ФЕТУ

4 (16) января 1858. Флоренция

Друг и брат Афанасий! Благодарю тебя и за письма, и главное, за ту привязанность, которая в них видна, хотя за этакие вещи не благодарят. Все, что ты говорил тут о служении черни и проч. – это дело, да только это все стрелы, летящие мимо. Об этом или надобен толк долгий, или вовсе не нужно никакого до времени. Дело покамест не в том, – дело в том, что ты меня понимаешь и я тебя понимаю, и что ни годы, ни мыканье по разным направлениям, ни жизнь, положительно-мечтательная у тебя, метеорски-мечтательная у меня, не истребили душевного единства между нами. Рад твоей *Маниловке*[1], рад твоим стихам, которые прилетают ко мне –

Как май ароматный
В дыханьи весны,
Как гость благодатный
С родной стороны...[2]

– как гласит цыганская песня; и, пожалуйста, не верь ты в отношении к своим стихам никому, кроме Боткина и меня, разве только подвергай их иногда математическому анализу Эдельсона, – это для их здравого смысла, и кроме того, у него есть особенное *яркое* чутье, или чутье на *яркое*, но только на яркое, редко на тонкое и музыкально-неуловимое. Вообще верь только *критикам* в этом деле, а не поэтам, т.е. ни Тургеневу, ни Толстому, ни даже Островскому, по той простой причине, что они всегда смотрят сквозь свою призму. Наилучшее доказательство – несчастное издание второе, тургеневское[3]. Толстой, вглядываясь в его натуру сквозь его произведения, – поставил себе задачею даже с некоторым насилием *гнать* музыкально-неуловимое в жизни, нравственном мире, художестве. В этом пока его сила, в этом его и слабость. Островский шире всех, конечно, но с ним другая беда: он часто *подкладывает* свое и готов предобросовестно восторгаться шумихой Мея. Стихи свежи, благоуханны и, по-моему, даже *ясны*.

Рад за Ивана Петровича[4]. Но не разучился бы он понимать венгерку, которую так *тяжело* и *хорошо* понимал он силою глубокого и долгого душевного страдания? А впрочем нет! От долгого *горя* есть всегда приличный осадок.

Слушай, брат, у меня к тебе опять просьба и большая. К ней неизбежны два предисловия.

1) Ты знаешь или видишь достаточно, что жизнь моя искалечена, запутана, перепутана во всяком отношении. Выйти из этой путаницы даже и надежды мало. Знаю, что по возврате пущусь издавать журнал напропалую, т.е. с глубокою верою в *истинность* своего литературного взгляда, с глубочайшим неверием в успех журнала. При этой адской запутанности дел, у меня отец, к которому я страстно привязался в последние времена, и семья... ну, что тут рассказывать – сам знаешь и видишь. "Quisque fortunae suae faber*" – и я смиренно склоняю голову под топор судьбы, не отдавая ей, впрочем, ничего из своего заветного. Отправляясь, я обрезал се-

---

* "Каждый сам кузнец своей судьбы" (*лат.*).

бе расходы, *здесь* обрезал себя еще больше, до nec plus ultra*, чтобы им доставалось по крайности столько, сколько бы доставалось в моем присутствии. Я оставил себе пять червонцев в месяц, и мне положительно не на что ни одеваться, ни учиться.

2) В это время написано мною много: кончена часть вещи “К друзьям издалека”[5] и часть, носящая название “Море”[6]. Тут весь я, все мои вопросы – философские, исторические, литературные. Но прежде чем отдать эту *дорогую* мне книгу Дружинину, хотел бы отделать ее до точности, до ясности, до известной степени художества. Спаси меня теперь, или лучше спаси мою книгу и дай ей сказаться, как ей надо сказаться. Мне на все это время, т.е. до июня – на платье, ученье, галереи и Париж – нужно восемьдесят червонцев. Прошу тебя именем нашей, ничем нерушимой дружбы выслать мне эту сумму через здешних банкиров, на имя какого-либо флорентийского, и, главное, сохранить глубочайшую *тайну*. Я сам обязуюсь в июне предоставить в твое полное распоряжение отделанную книгу (в ней листов 10 печатных), а в случае смерти – оставить записку, в которой бумаги должны быть предоставлены в твое распоряжение... Милый мой, ты знаешь, – я не подлец, и когда что сказал кому-либо из своих кровных, то это будет так. Во всяком случае: 1) об этом ни слова ни патеру, никому вообще; 2) присылай денег тотчас же по получении сего послания, или тотчас же отвечай отрицательно, ибо тогда я отправлю свое чадо в его грубом и необделанном виде к Дружинину. Главное, пришли денег или отвечай отрицательно без проповедей, в возможной скорости.

Сей неблаговидный наскок на твою дружбу делается по двум причинам: 1) потому что я в тебя верю и 2) потому что хлеб у меня есть, но я продаю его, что говорится, на корню.

Засим будь здрав, кланяйся жене, сестре и ее мужу[7], и пиши хорошие стихи, чем много доставишь мне удовольствия.

Ап. Григорьев.

201. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

6–7 (18–19) января 1858. Сиенна

1858 г. Янв. 6.
Сиенна.

Хандра загрызла меня до того, что стало наконец просто невтерпеж. Вот я воспользовался тремя праздничными днями и уехал в Сиенну испытать хандру уединенную под новым, более *пикантным* соусом. Вот я провел день в Сиенне, осмотрел множество замечательных памятников, проследил всю историю Сиеннской школы живописи на картинах Собора, церквей, Академии degli Belle Arte** – все это со смыслом, с интересом и все-таки кончаю день мыслию, что на мне, должно быть, лежит печать каиновского проклятия... Да, все это прекрасно... но ведь есть же вечер, голые, хоть мраморные стены и память, память, работающая при виде таковых стен с злобою старого прометеевского коршуна.

---

* крайнего предела (*лат.*).
** изящных искусств (*ит.*).

Неужели же мне в самом деле *нет* нигде и ни в чем успокоения?.. А возможность его была... Вот ведь почему, мой коварный и вместе нежный друг, – я не могу расстаться с *неотвязным* образом, хоть Вы меня за это и браните. Это был мой искомый алгебраический *X* – моя Мадонна, Мадонна мурилловской манеры[1]. Мне все в ней было мило, от ее глубины и простоты понимания до ее апатичности и холодности... Я ведь не говорю, что она совершенство, а говорю только, что она была создана совсем по мне, – равно как и я создан был совсем по ней. Без меня – она должна со временем обратиться или в *закись* ее покойного отца или в *raideur maniaque** ее матери[2]. К тому и к другому есть в ней равное количество данных, как в первоначальной Мадонне Сиеннской школы есть залоги и глупо-сонно-добродушной Мадонны Фра Беато Анджелико и к деревянности мадонн позднейших мастеров Сиенны. Можете, однако, представить себе господина, которому тридцать шестой год – и который во все вносит свою дикую манию!.. Но, поверьте мне, друг мой, во всех глубокомысленнейших вещах, которые сказаны об искусстве ли, о другом ли чем-либо, найдется всегда огромная доза сердца сказавших – только они не обнажали его с такою циническою откровенностью, как Ваш покорнейший слуга.

Наши мысли вообще (если они точно мысли, а не баловство одно) суть плоть и кровь наша, суть наши чувства, *вымучившиеся* до формул и определений. Немногие в этом сознаются, ибо и немногие имеют счастие или несчастие *раждать* из себя собственные, а не чужие мысли.

Надобно Вам сказать, что вот уже две недели меня что-то *внешнее* тяготит и давит, как домовой давит. Я и физически даже болен и осунулся, так что вчера испугал своим видом мою милую и добрую младшую княжну[3]. Много надобно, чтобы я о "*княжне*" выразился "милая и добрая", да еще прибавил: "моя". Она точно *моя*, в том смысле, как и Вы "*моя*", только с другой стороны. У Вас, кроме *меня*, есть еще много влияющего на вас благотворно – искусство, мать и брат, – а главное "артистическая натура". На нее же все, кроме меня, действовало *злотворно* – да и натура ее есть только *понимательная,* стало быть, не могущая жить жизнью самостоятельною. Стало быть, с одной стороны – ее душа больше принадлежит мне, чем Ваша, – зато, с другой стороны, меньше. Мы вот с Вами можем и говорить по целым часам и переписываться совершенно свободно. Ей, бедной, можно, по *приличиям,* говорить со мною только тогда, когда я им читаю... Какое самолюбие! подумаете Вы при эпитете: "бедной". Да, любезный друг мой, – себе ли я тут придаю значение, подумайте хорошенько! Нет, а тому – чего я мученик и раб, что я выстрадал и родил, тому, что во мне Божья сила, а не человеческая личность... Мои резкие требования правды и идеала от жизни – столь мучительные для меня, столь часто непереносные, – таковы только для меня – а на других они действуют, как толчок к развитию. Сжигая меня – они только греют тех, для кого они по натуре их нужны. Таково было пока значение мое – и в жизни и в литературе, – да, должно быть, другого и не будет.

А устал я, устал страшно и – смиряясь под крепкую руку Божию – все-таки хотел бы успокоения в жизни или в смерти – это все равно! Помолитесь когда-нибудь

---

* маньяческую крутость (*фр*.).

за усталого странника, мой добрый Ангел! Молитвы таких душ, как Ваша, доходят к Богу. До свидания!

Попробовал было спать. Не спится и на новом месте, как на старом. И потом, мне хочется говорить с Вами и только с Вами. Вы умны, как Евгений – но Вы нежны, как женщина.

Вы не знаете, что есть мучительного в чужой стороне, в одиноком, совсем пустынном отеле, в песнях чужого народа, раздающихся под окнами. Тут дойдешь до такого донкихотского состояния, что с рыданиями говоришь безобразия вроде:

Да! ты умрешь, и я останусь тут
Один, один... года пройдут...
Умру и буду все один... ужасно![4]

А она точно умерла, умерла та Нина, которая – разбитая и едва себя удерживающая, сидела – помните? в углу у фортепьяно, – когда говорились стихи Кольцова или *ожесточенно* – звенела венгерка, эта метеорская, кабацкая поэма звуков безвыходного страдания... Эх!

На горе ли ольха,
Под горою вишня...
Любил барин цыганочку,
Она замуж вышла!..[5]

Когда Вы прочтете это – подойдите к фортепьяно и возьмите заветные аккорды... я их услышу из моего холодного, *морозного* далека. NB. Мороз здесь очень сильный, и дураки – не топят!

Мерзавцы (Островский и Евгений) не пишут ни строки по свойственному им беспутству и грубому, пьяному эгоизму. Воображаю, какую жизнь ведут они. Если Евгений не пьет, это, должно быть, еще хуже – он, значит, весь отдан другим порядкам, не менее растлевающим душу. Даже Ванька Ш⟨естакович⟩ не пишет. Должно быть, все совсем и окончательно спились. А ведь это ‹два первых› – лучшие из лучших – ибо Фет, как ни даровит, как ни умен и ни тонок – но он *узок* в сравнении с нами. Опять гордость – скажете Вы. Основательная, друг мой. Лучше нас не найдете – но горе то, что и мы-то никуда не годимся.

А здесь-то что за народ, кабы Вы посмотрели. Мелочность, сухие теории вместо людей, хоть некоторые связи сближают меня с лучшими.

Максим[6], должно быть, совсем с ума сошел – едет за границу. Нет, видно этого зверя – ничто не уймет – а ведь дал мне слово сидеть у моря. Вот тут и возись – и возись-то сам, больной и разбитый!

Завтра уезжаю во Флоренцию. Тоска все та же и одному в Сиенне. А завтра день весьма курьезный. Воспитанник мой именинник – и наедет всякая флорентийская, а ровно и отечественная пошлость и гадость. Бедная моя Настасья Юрьевна будет задыхаться – а ведь прежде бы задыхалась менее!.. Я все это так успешно умел ей огадить и осмеять, под самыми, впрочем, благоприличными формами отвлеченных рассуждений, что она теперь не может видеть ни консула Чеватти, ни полковника Кётрица, ни генерала Лазарева. О, Дон Кихот Ламанчский – о, мой

благородный прадед! Ты должен радоваться душевно всем безобразиям своего потомка.

До свидания!

Все-таки не спится – хоть два часа. Письмо выходит нечто вроде дневника или скорее *часовика*.

Говорите же наконец – влюблены Вы или нет? В кого? В Шпаковского, что ли? Очень рад – авось он не отымет у меня *моего* достояния в Вас.

А сказать ли Вам, отчего я никогда *не хотел* влюбиться в Вас? Оттого, что по деспотическим наклонностям я не мог бы сносить в Вас привязанности к чему-либо на свете (к матери, брату, к музыке). Опять одна из причин, почему только одна женщина в мире была совсем по мне. В *те* дни – она была *бы* вся моя, без привязанностей к чему-либо другому – но это было бы не рабство. Рабство я тоже не терплю и весьма цинически относился всегда к своим рабам. Одну ее только я бы *не мог* ревновать ни к кому и ни к чему. Я бы беспечно отдался весь ей. Такое это страстно и вместе холодно владеющее собою существо.

Но слушайте! Я помню, Вы относились к ней некогда тоже с каким-то страстным увлечением – а она этого не понимала. Было время, что она серьезно сердилась на Вас: ей почему-то вздумалось ревновать. Видели ли Вы это?.. Так вот что я скажу Вам – моего *теперешнего* чувства к Вам я бы не отдал никому, даже ей – ибо, если б она не поняла его, значит, и меня бы не поняла. Любя меня, надобно любить Островского, Вас, Эдельсона, Фета, Садовского (это – *pour le moins**), так как я все это люблю, т.е. так, что не знаю, кого иногда поставить на первом месте в душе, особенно из трех первых.

Скажи мне просто: Нина,
Брось свет и т.д.[7]

и странное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчали в даль
. . . . Саша! дай мне книжку![8]

Янв. 7.

Письмо приняло решительно вид дневника – ну, essay**!.. На то, что писал вчера ночью в Сиенне, – не хочу и глядеть – даже совестно этого безумного и больного бреда лихорадки. Если б я меньше в Вас верил, я бы его изорвал... Но, была же это ночка хорошая! Вообще – горе тому, у кого память не коротка... и тому, кто во взгляде на долг жизни не сходится с обыкновенным пониманием этого долга.

Радуюсь Вашим успехам, друг мой, – но не удивляюсь им. Вы у меня умная, добрая, даровитая – Вы умеете любить звук для самого звука – а это немногия и немногие даже умеют. В этом Ваша эгида, ваше спасенье, ваше душевное *asyle****!..

Боюсь сказать, что мне как будто лучше, кажется, это лучше – только усталость от неистовств.

---

* как минимум (*фр.*)
** эссе (*англ.*).
*** убежище (*фр.*).

Италия – яд такой натуре, как моя: в ней есть нечто наркотическое, страшно раздражительно действующее на нервы. Можете себе представить, что холод и мороз, – а выйдешь в 11 часов на Lungo l'Arno* – солнце жжет, и палит, и жарит. Эта же наркотическая, хоть благоухающая струя разлита в созданиях великого искусства. Господи! какой это мир, друг мой, – мир Рафаэля и Андрея дель Сарто, мир Фра Бартоломео и Тициана, мир богоравного Мурилльто и Павла Веронеза. Это все держит душу в каком⟨-то⟩ головокружительном состоянии.

Успел утром побывать в *Питти*. Муриллова Мадонна – здорова и приказала Вам кланяться, но смотрела как-то испуганно-болезненно: должно быть, она, как я же, провела бессонную ночь – и, вероятно, ее беспокоила праздными и не совсем приличными речами соседка – жена Павла Веронеза – это безобразие чувственной красоты или красоты безобразия, эта растолстевшая, отъевшаяся ёрница с зобом и двойным подбородком...

Экий мир – Господи Боже мой... Тут чудеса Твои, о Создатель, на каждом шагу... Тут всякий *тип* души получает свой идеальный образ. Знаете ли, что тип Ваш и Вашей матери в Мадонне Алессандро *Боттичелли* (я все это привезу). – Да ведь совсем, понимаете ли – совсем как есть. Экий мир!... Спросите *Афанасия*[9] – он тотчас же припомнит, а не то – его сестру[10].

Да – *всякое* стремление души воплотилось или воплотится на земле... ибо Он сам сказал: "Аз же с вами есмь до скончания века"[11]. Верьте Ему!

Христос с Вами, мой благородный друг!

202. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

9 (21) января 1858. Флоренция

Флоренция
1858 г. Янв. 9.

С подобными ерыгами, как ты, потеряешь всякое терпение. Неужели можно так погрузиться в *улусы*[1], чтобы никогда не почувствовать потребности поговорить с человеком, с которым говаривалось много горького и сладкого.

Недавно я получил известие, что предвещание мое насчет системы ёрничества петербургских журналов – сбылось. Статью тебе прислали назад[2]. Удивительно не то, что ее прислали – а удивительна твоя детская вера в Писемского. Из того, что человек высоко даровит, еще никак не следует, чтобы он имел высокие убеждения. Когда этот искомый, но редкий X соединяется в одно, как в Островском, тогда уж выходит не талант, а гений, хоть, может быть, и допотопной формации.

Но не в том дело. Мы, значит, с тобой опять одни и, с нашими взглядами, не имеем, "яко сын человеческий", где главу преклонити[3]. Это-то, мой любезнейший, – все сильнее и сильнее и убеждает меня в том, что только мы правы.

Fatis volentibus** – я, срамясь или не срамясь – должен по возвращении издавать переданный мне "Москвитянин". *Как* я его буду издавать, я не знаю – но издавать буду. Мои планы в отношении к нему вот какие.

---

* набережную реки Арно (*ит.*).
** Даст судьба (*лат.*).

1.) Испросить позволение переименовать его "Московским телеграфом". Покойник оставил по себе хорошую память.

2.) Исключить *всякую* литературу, кроме переводной – и основать дело на чистой оппозиции журналам – коттериям[4] литераторов. Главная роль – *критике* с знаменем независимости, обусловленной исключением литературы.

3.) Четыре книжки в месяц, в маленькой, даже *серенькой* форме покойника "Телеграфа". В каждой – политика (Погодин – но *никогда* Лешков) и критика, журналистика – полемическая до беспощадности и проч.

Иного средства – нет. Это может, конечно, лопнуть, но может и вывести. Благо, статья уж тобой написана – так отдай мне, на разживу, по старым ценам 25 р. с листа. Что ж ей пропадать-то? Хватим годик – а там... Ну и что тут? Что будет, то и будет. Ведь переделывать свои взгляды по их мерке ты верно не намерен? Что сказать тебе? Нынче я способен больше описывать, чем рассуждать.

Недавно ездил я в город Сиенну, поглядел на тамошние памятники и на картины Сиеннской школы живописи, этого первого еще нерешительного уклонения романского начала от византийского типа... Но, впрочем, об этом деле я поклялся не говорить, пока сам не уясню его себе до определений.

Жизнь моя протекает в уроках, картинах, театрах – и *хандрище* противуестественной. Все, кроме картин и памятников, – стоит настолько ниже нашего уровня, что ты и представить себе не можешь.

Помнишь ли ты в "Невском проспекте" выходку великого ненавистника великорусского начала и племени против разговоров о грошах наших мужиков?[5] А любезные итальянцы его?[6] я еще не слыхал на улицах других разговоров, как о *сольди* (1/2 коп.) и *кваттрино* (1/4 коп.). Мелочная, подлейшая расчетливость, – мизернейшие плотские интересы, – старые картинные жесты без старого, отзвучавшего смысла, комизм в театрах грубый и пошло-глупый, без какого-либо серьезного значения!.. Но в старых памятниках продолжается какая-то гальваническая жизнь – и вспыхивает минутами в заглохшей, но все-таки волканической почве то порывом Верди, то резцом скульптора. Понимаешь ли ты, что именно в этом обнажающем часто контрасте есть нечто судорожное и лихорадочное. Стоят иногда морозы, а выйдешь на Lungo l'Arno* – солнце печет и жарит. Морозам как-то не верится, а солнцу верится. Мудреная страна!

В галереях тоже печет солнце – то южной *СЛОНОВОЙ* (помнишь?) заходкой в глазах Тициановой Нимфы в Вакханалии, за которой стоящий сатир кулаком стискивает х⟨- -⟩, чтоб не *убежал,* – то лицом старика Сальватор Розы, на котором истинное беснование страстей.

На сценах по старой памяти ни одной оперы без заговоров, палачей, маск, звона гитар, "Veder la ⟨e⟩ poi morir"** или "morir, morir per te"*** – мрачные взгляды и страшнейшие вибрации голосов на известных словах "Vendettttttta"****, "Cara patrrrria"***** и проч. и проч.; в жизни – подлость неописанная. В театры все ходят не

* набережную реки Арно (*ит.*).

** "Ее увидеть и потом умереть" (*ит.*).

*** "умереть, умереть за тебя" (*ит.*).

**** "отмщенье" (*ит.*).

***** "Дорогое отечество" (*ит.*).

для театров – а для визитов в ложи – и главное потому, что в театре светло *даром* и тепло *даром же*.

Удобства жизни! Да! для кого *жизнь* в стакане шоколада, чашке кофе и проч. Это все дешево – да и скверно вдобавок. Трактиры и кафе прегрязные. Я, разумеется, хожу в самые грязные из грязных, где народ. Но все и аристократические даже – просто *капказы* наших трактиров.

Опять повторяю – только и хорошего, что церкви и галереи, да старые жесты страстной итальянской натуры, потерявшие всякое значение. Эти жесты окаменели давно. Можешь ты себе представить. Иду я недавно на площадь del gran Duca – толпа народа. Проталкиваюсь. Вижу – тележка, или *бароччa*. На ней ораторствует зубной доктор. То же, буквально то же, что Дулькамора в “Elisir d'amore”[7]. Нового ничего не дает жизнь – судороги, последние, но действующие все-таки сильно.

Думал было много интересу найдти в чисто народных театрах. (NB. Об этом поскладнее напишу на днях к Островскому[8].) Точно, тут есть что-то – но старые типы или маски Пульчинелло, Арлекина, Стентерелло суют в французские водевили и драмы. Одно хорошо – тут и говор в театрах, и отсутствие полиции, к общему удовольствию и спокойствию.

Скажу слова два о женщинах. Нет ничего прозаичнее итальянки: яркость и грубость черт, горловые чувственно-страстные ноты в голосе, совсем мужские, много бабьего и ни на грош женского – узколобие и тупоумие, интересы – *quattrino** и *soldi*** – и во многих даровитость музыкальная и пластическая удивительная. Но опять и тут есть что-то, что к ним тянет... что действует раздражительно, как запах южных растений. Даровитость совершенно мужская и тупость понимания, рассудочность самая кухонная и вместе страстность – вот, кажется, те, чисто *сухие*, элементы, из которых сложена итальянка.

За сим прощай. Пожми руку жене твоей и пади к ногам (за меня) Катерины Ивановны[9]. Всем нашим привет братский и горячий!

203. А.Н. МАЙКОВУ

9 (21) января 1858. Флоренция

Флоренция.
1858. Янв. 9(21).

В том-то напротив и штука, о мой милый поэт, что Пушкин не умрет, а будет жить и развертываться все больше и больше. Пушкин – первое, но цельное очертание нашей типической физиономии.

Вот тут-то и ловлю я тебя. Ты или хочешь во что бы то ни стало – видеть стремления Савонаролы в наших старцах – или бросаешься в другую крайность, в славянофильство “Маяка” и думаешь, что придет какая-то особенная литература, которая с Пушкиным не будет иметь ничего общего. А виною все что? – Живопись? – ты ведь меня понимаешь, несмотря на мою отрывчатость? – столько мы с тобой уж спелись, что можем говорить полутонами. Теперь тебе, внюхивающемуся в ста-

---

* грош (*ит.*).
** копейка (*ит.*).

рое, в памятники – *живописно* кажется другое, чем прежде – и ты готов пожертвовать прежним ради живописности нового, раскрывающегося. Но ведь всякая *жизнь* имеет двойственный лик Януса (потому-то она и жизнь). Ну, как в самом *старом*-то обнажится и другая физиономия?..

Мысль об уничтожении личности общностью в нашей русской душе – есть именно *слабая* сторона славянофильства... *Так* кажется только сначала – и сам Пушкин – притворявшийся иногда Иваном Петровичем Белкиным – понимал этот процесс... но куда же дел бы он те *силы*, которые примеривались к образам Алеко, Дон Жуана и проч. и проч.? Это идет в каждом из нас и в целой нашей эпохе – процесс Ивана Петровича Белкина, смиряющего, безличного начала – а лучше-то, правильнее сказать, критикующего начала, критикующего разные *мундиры*, в которые личность облекалась. Мы лгали, когда облекались в разные хламиды, да лжем и теперь, когда признаем с Толстым один *героизм* капитана его (в кавказских сценах)[1] или, пожалуй, лермонтовского Максима Максимыча. И первый лжет Толстой, лжет упорно, добросовестно, пока не должется до бездны, до поворота. Потом лжет Писемский с своим продергиванием и лжет, язвя самого себя, наконец *тупо* и рабски лжет Потехин в своих, с точки зрения истинного искусства, богомерзких драмах. Не лжет один Островский – а дает часто ex abrupto*, наобум – то, что говорит кровь – ибо этот человек по натуре своей лгать не может.

Народное наше, типическое – не есть одно только старое, но и старое и новое – или лучше та *двойственность*, которая всюду у нас проглядывает в старом и в новом (князья дружинники и охранники и князья промышленники-вотчинники, – святость Ильи Муромца и ёрничество Алеши Поповича, – земледельческое население и купеческое, – покорность семейному началу в одной песне и *загул* в отношении к этому началу в другой и проч., и проч., и проч.).

Это только намеки – но обо всем этом я написал уже вчерне книжицу[2], где беспощадно разоблачил всякую ложь и в себе и во всех вас, друзья мои. Исходные точки этой книжицы – море и Пушкин и конец ее в них же.

Злился я на тебя, читая конец твоего письма. Так и вижу, как ты опять лезешь в вершу[3] книжечки стихотворений в духе "Маяка". Какие надежды? Полумеры, недобросовестность, вздор, мазанье по губам.

Не верь, Христа ради, ни во что, исходящее из Петербурга. Прогресс петербургский – фельетон в "Nord" о петербургских блядях[4], – что вот, дескать и у нас есть "Demi-monde"** да юридическая литература вроде сочинений г. Щедрина и комедии г. Львова[5]. И все это такая гадость, мой милый, что только иронически может быть названо прогрессом...

Верь только в народ, старый и новый вместе. Он велик, и ему принадлежит все будущее мира – ибо кроме его ничего нет живого. Твоя Италия – заглохшая сопка, по старой привычке выбрасывающая иногда то оперу Верди, то могучее сопрано, то талант *живописца*. Здесь хорошо только прошедшее – но хорошо до опьянения. В настоящем же я не знаю, чтó мог ты найти поэтического. Мизерия, мелочность, старые фразы и жесты без старого смысла: в жизни пошлость, отсутствие широты и поэзии – невежество скотское.

---

* внезапно (*лат.*).
** полусвет (*фр.*).

Любезный друг – это письмо все *допотопное*, но ты, пожалуйста, лови в нем не динофериумов, а творящие силы. Допотопное же оно вышло только потому, что мне хочется побольше *набросать* тебе из моего мира мысли.

Твое письмо еще более утвердило меня в мысли, что именно ты-то и принадлежишь к числу личностей, не могущих жить без абсолюта, т.е. без целостного миросозерцания, т.е. без веры. Ищи же абсолюта твердо, честно, не боясь страданий.

В абсолюте, т.е. в вере, есть действительно нечто таинственное – но оно иногда удивительно ясно. Только опять под видом веры – Бога ради, не увлекись православием Андрюшки Муравьева. Это мерзость несодеянная, равно как и народность "Маяка". Я не знаю, что́ для меня отвратительнее: петербургский прогресс, разрешающийся фельетоном в "Nord" о блядях, или дилетантизм православия или, наконец, цинический атеизм Герцена! Все это вещи – равного нумера и достоинства – и "три сия" одинаково происходят от одной причины: от неверия в жизнь, идеалы и искусство. Все это разрешается *утилитарною* утопиею плотского благополучия или духовного рабства и китайским застоем под гнетом *внешнего* единства – за отсутствием единства внутреннего, т.е. Христа, т.е. Идеала, т.е. *Меры*, Красоты, – в которой одной заключается истина и которой одной входит истина в душу человека. Все великое вошло в жизнь воплощением в искусстве – наука была всегда дело черновое, разъяснение искусства. Искусство – это второй мир второго творца...

Велико значение искусства в жизни, но никакого *нового* искусства не будет. Оно вечное – как душа человека. Мечты о *новом* искусстве – судороги истощенного германо-романского мира в его добросовестнейших представителях – Занде, Листе и т.п. Они не видят и не могут видеть того, что *жизнь* истощилась – и *новая* начинается, новая, которая пойдет от толчка *православия* – второй оболочки Христова учения, православия, которое носит en germe* свой протест в себе, ретроградный. В этой-то силе – новый мир и, стало быть, не новое искусство, а гомеровское, дантовское, шекспировское искусство нового мира. Задатки его – рафаэлевский контур без красок – Пушкин и Мицкевич – Вода и огонь, море и горы нового мира... Все жгучее еврейских пророков в певце Валленрода – все широкое, безграничное и вместе женственно-ласкающее в натуре Пушкина. В Пушкине только *мы* в *нашу* меру *впервые* любим, *впервые* верим, *впервые* сознаем себя: это море своим разливом определяет границы нашей *суши*...

Но я устал. До нового письменного, вероятно, скорого свидания!

Твой Ап. Григорьев.

204. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

26 января (7 февраля) 1858. Флоренция

Флоренция.
1858 г. Янв. 26.

Скажите откровенно: надоел я Вам? Но, если и так – то примите во внимание вот какое обстоятельство: мне так необходима беседа с женщиной, что когда, полгода не получая от Вас ни строки, я было отчаялся в Вас, – я принялся писать бесплодные проповеди к моей жене...[1]

---

* в зародыше (*фр.*).

Вчера начался здесь карнавал... Но для того, чтобы Вы поняли *цвет* и *запах* моего ощущения, начну дело издалека...

Вы знаете отчасти мою домашнюю обстановку. Надобно Вам сказать, что вот целую неделю княгиня лается, как цепная собака, на домашних с утра до поздней ночи – и хотя на меня эти *gentillesses** не простираются, но обязанный с ними пить чай и обедать, я дошел до самого *милого* состояния.

В этом-то *милом* состоянии, поддерживаемом звуками гитары, мотивом венгерки и т.п. – вышел я вчера на первое Корсо... Расстройство нерв дошло у меня до того, что я готов был плакать, что со мной бывает редко. Когда на площади Санта Кроче показались два-три экипажа с масками да пробежала с неистовым криком толпа мальчишек за каким-то арлекином, когда потом целые улицы даже покрылись масками и экипажами до самого Собора – мне все это показалось как-то мизерным и вовсе не поэтическим. Не шутя! У меня рисовалась наша Масляница – наш добрый, умный и *широкий* народ с загулами, запоями, колоссальным распутством. В памяти моей оживала зимняя вьюга, Новинское, остроумие разговора фабричных с паяцами, самокаты, песни моей родины, – погребки, в которых мы с Евгением проводили ночи, он в пьянстве и разврате, я – в песнях и разврате – и я был прав. Во всем этом ужасном безобразии даровитого и могучего, свежего племени – гораздо больше живого и увлекающего, чем в последних судорогах отжившей жизни. Мне представлялись летние монастырские праздники моей великой, поэтической и вместе простодушной Москвы, ее крестные ходы и проч. – все, чем так немногие умеют у нас дорожить и что́ на самом деле полно истинной, свежей поэзии – чему, как Вы знаете, я отдавался всегда со всем увлечением моего *мужицкого* сердца... Все это вереницей пронеслось в моей памяти: явственно вырисовывались то Новинское, то трактир, именуемый “Волчья долина”, у бедного, старого, ни за́ что ни про́ что разрушенного Каменного моста, где я, Островский, Кидошенков – все трое мертвецки пьяные – но чистые сердцем – целовались и пили с фабричными, то Симоновская гора, усеянная народом в ясное безоблачное утро, и опять братство внутреннее, душевное с этим святым, благодушным, поэтическим народом... да! все это заслоняло своей свежестью всякую поддельную поэзию подогретых книгами впечатлений. Я углубился в те улицы, где никого не было, я долго ходил с своими сокровищами, с своими милыми воспоминаниями...

Но завечерело. Я очутился на Арно – в толпе, тесноте, давке, писке масок, пронзительном визжаньи итальянского горла... Толпа понесла меня, закружила. Маскерад, как гремучий змей, захватил меня своим хоботом... и понес на Piazza di Gran Duca, по Via Calzaiola, по Via Ghibellina. Мгновенный переход в пестрый фантасмагорический сон совершился во мне... Горловые звуки женских голосов с этим страстным, надоедающим, но иногда сильно действующим металлическим оттенком, розовый-огнистый колорит вечернего неба, полусвет, полутьма, – маски, наследство кровавых и блестящих столетий – что-то кружащее и что-то волканическое... Да! есть возможность жить чужою жизнию, жизнию народов и веков... Голова у меня кружилась – толпа носила меня, – сердце мое стучало... Странное, сладкое и болезненно ядовитое впечатление. Тут живешь не настоящим, которое мелко во Флоренции, а прошедшим, отзывами старых серенад и отблесками улыбок Мадонн Андреа дель Сарто, – волканическими взры-

---

* деликатности (*фр.*).

вами республиканских заговоров и великолепием Медичисов. *Почва* дает свой запах, старое доживает в новом и оно еще способно одурить голову, как запах тропических растений... Страстные, безумные поцелуи Ромео и Юлии звучат из загробного мира... *Жилы* нового напрягаются лихорадочно по старой памяти...

Зато, когда я воротился в свою одинокую, холодную, мраморную комнату, когда я почувствовал свое *ужасное* одиночество – я рыдал целый час, как женщина, до истерики. Да, способность жить двойною жизнию достается тяжело, покупается минутами страдания, тоже двойного, ядовитого, как аккорды шопеновского похоронного марша.

Вы удивляетесь вероятно – не встречая Л⟨еонид⟩ы Я⟨ковлевн⟩ы[2] посреди всей этой горячечной галиматьи? А половина-то рыданий на чью же долю приходилась?.. Половина!.. ибо другая принадлежала и отцу, и Вам и Островскому, и Евгению, и Фету и Ваньке[3] – и всему на великой, прекрасной родине...

От Ваньки между прочим получил я недавно письмо, где он совершенно логически доказывает необходимость *спиваться*!!! Письмо писано в погребке, милом погребке друга нашего Михайла Ефремовича[4] (который тоже допился до бесов) – под звуки венгерки в две гитары... оно дышит этим местом беспутства и поэзии, монологов из Маскерада в пьяном образе, заветными песнями: “Улетает мой соколик”, “Вспомни”, “Дороженька”, “Пряха”, вдохновенными и могучими речами Островского, остроумием Евгения, голосами Филиппова и Михайлы Ефремова, сурьезностью и остервенением Садовского, тонким умом Дмитрия Визара, метеорством покойника Дьякова... всем, всем, что называется молодость, беспутство, любовь, безумие, безобразие, поэзия... И увы – один, последний титан Ванька Шестакович допивает там свою жизнь, медленно отравляя себя напитками, от которых, как говаривал милый, добрый, остроумный, незабвенный Аркаша Эдельсон, – человек “умереть не умрет, но глаз у него с течением времени может лопнуть”, – напитков, которыми он же советовал Михайлу Ефремовичу отравлять турецкое войско (это было во время войны) и от которых сам пошел в могилу – бедное, благородное, неосторожное дитя!.. бедная жертва нашего кружка и кружения!..

Сколько мерзавцев живут же и здравствуют!.. а бедный наш Аркадий давно сгнил на Ваганькове. Эх!

Опять тоска подступила... До свиданья, друг мой – единственная женщина, с которой можно без раскаянья отдаваться всякому безобразию, которая все поймет и все оценит!

205. М.П. ПОГОДИНУ

26 января (7 февраля) 1858. Флоренция

Флоренция.
1858. Янв. 26.

Достопочтеннейший Михаил Петрович.

Опять письмо Ваше оживило несколько меня, начинавшего было уже приходить в отчаяние от Вашего молчания. – Прежде всего поздравляю Вас с Вашею домашнею, теперь уже, вероятно, окончательно совершившеюся радостию[1]. За сим, перехожу à l’ordre du jour*.

---

* к повестке дня (*фр.*).

1) *Нива.* Ради Бога, не воображайте из Вашего далека, чтобы тут, на этой бесплодной ниве можно было сделать что-либо действительно путное. Все, что можно делать, я делал и делаю, т.е. я отдал моему воспитаннику столько моего времени, сколько не всякий отдаст. Делает он что-нибудь только тогда, когда находится со мной. *Здесь* с этими натурами сделать ничего нельзя. Ни одной человеческой мысли не привьешь вовнутрь. Все – один лоск, тщеславие, мелочность души флорентинца с дубовым упрямством русского барича. Если б Вы знали, сколько желчи и тоски доставляет мне каждый урок – Вы бы подивились моему донкихотскому одушевлению в иные минуты.

2) *Домашняя жизнь.* Подчинившись безобразию порядка и, с другой стороны, сохранивши гордую отчужденность от домашнего мирка, я избавлен от прямых *наездов* на мою личность... но тем не менее я эти дни физически – заболел от крика, который я слышу, от духа нестерпимого, бабьего, бессмысленного деспотизма. Истинно по таким бабам палка плачет! Нужно подробное, художественное изображение всей этой богохульной бессмыслицы. Когда-нибудь я его сделаю – и потешу Вас длинным посланием собственно об этом предмете... А между тем, я пребываю тверд в тех намерениях, о которых имел честь писать Вам в последнем письме[2] и которым, как благим и разумным, Вы обещали содействие...[3] Я еще год – вынесу это чистилище, которое все-таки по отношению ко мне лучше моего собственного домашнего ада. Они мной довольны, да и забавно было бы, если б были недовольны!

Единственная человеческая натура это княжна Настасья Юрьевна (младшая), тихая, но благородная, верующая в святое натура, которую Провидение, вероятно, скоро приберет подальше и поближе к себе – от этого хаоса невежества, пошлости, деспотизма и дрязгов. Не думайте, чтобы краски, употребляемые мною, были желты от желчи. Для этого нет красок достаточных. Собачий лай княгини, подлость Бецкого, тщеславие и капризы моего воспитанника, в сущности повелевающего матерью, идиотство старшей княжны, честная, но дикая мораль мистера Бэла – и столкновение, происходящее из этих элементов!.. Друзья, находящие всегда черты Мефистофеля и Сатира в моей физиономии, вероятно, подивились бы теперь особенному развитию этих черт – ибо истинно-злобный смех разбирает меня порою. А вот какая дескать новая нелепость выйдет из такой-то неизбежной коллизии!.. Смех сильный, но мало-успокоительный!

Теперь о себе.

Вы иногда пророк. Советуя мне в Италии заниматься искусством, Вы только предугадывали мою чисто *стихийную* природу. Я отдался *галереям* с неистовством и нанюхался теперь значительно. Все, что Вы говорили, исполнилось. Написавши книжицу различных философских мечтаний о русском начале и другую маленькую книжку лихорадочных сонетов[4], я замолк, не пишу ни строки, все бегаю по галереям и нюхаю. Тут иного и делать, впрочем, нечего. Тут только старое хорошо. Жизнь впереди – наша, наша, наша! Это все изжилось и измельчало. Нужна ужасная ограниченность, чтобы чему-нибудь в их настоящем завидовать... Даже наша жирная, пьющая без просыпу и сопровождаемая загулами до зеленого змия Масляница носит в себе больше, чем их *теперешний* карнавал, семян жизни, широты, братства... Чтобы так поэтизировать Италию и жизнь в ней, в ущерб нашей, как это делал покойник Гоголь, – надобно иметь эгоистическую и притом хохлацкую

душу... Дерзко! скажете Вы – и потом рассмеетесь и скажете: "он прав – только не надобно говорить ему этого"... Так ли?..

Но что такое мы-то (собирательно), это мы, которым принадлежит будущее мира – и которые не справятся с каким-нибудь обедом без скандала... Я говорю это по поводу отсутствия "des Slaves"*, как называет "Норд", на известном обеде[5]. Что это такое? Объясните, Христа ради, хоть одним словом, но Вашим, т.е. метким. И что за статья в "Молве" о "Публике и народе"...[6] Или к *ним* относится известная сказка:

Пошел же дурень,
Пошел же бабин
На Русь гуляти,
Себя казати[7],

со всеми безобразиями дурня, который напевом "Со святыми упокой" приветствует свадьбу и желанием "жену пояти, детей повывесть" встречает старца-монаха.

Были Вы, Кокорев, Островский – стало быть, вопрос об обеде для меня ясен. Почему ж они-то не были? Если по пуританской гордости – то дело опять ясное, но грустное... Еще вот что: Правда ли, что Василий Лешков пишет против словесного судопроизводства?

О, Боже мой, – кабы Вы знали, как я сердцем постоянно с Вами и особенно теперь, когда три единственные силы, в которые я без *ограничений* верю, т.е. Вы, Кокорев, Островский – сблизились, по сообщенным мне известиям.

Запрещение "Доходного места"[8] – когда позволяются вещи Щедрина, комедия Львова и проч. – доказывает для меня только силу истинного искусства, смутно чуемую всякою, всякою грязью и подлостью. Да! "Доходное место" со всеми своими огромными недостатками – все-таки дело живое, художественное, Божеское... и по *инстинкту* они его боятся. Но кто эти *они*?.. Вот ужасный вопрос!

Эдельсона прокатили в "Библиотеке"[9] – как я рад – Вы не поверите! Это отучит его верить в Петербург.

Если статья моя "О современной критике" напечатана в январской книжке "Библиотеки"[10] и если Вы ее пробежали, то сделайте милость, скажите мне о ней свое мнение. В ней есть порок отвлеченной высоты поставления вопросов – но есть и неотвлеченная сторона. Вообще, она – исповедание, долго думанное и, кажется, ясное.

Но в "Москвитянин" не такие статьи надобны. Знаете ли, как мы начнем? Рядом "Литературных мечтаний", т.е. переверкою всей литературы, как некогда Виссарион в блаженной памяти "Молве" 1833 года[11]. Да! с памятью Виссариона *до* его экстравагантностей нужно помириться...

А главное – чтобы Вас я нашел здоровым, бодрым и *веселым* (непременно *веселым*).

Ваш весь
А. Григорьев.

---

* славян (*фр.*).

206. А.А. ФЕТУ

3 (15) февраля 1858. Флоренция

Флоренция.
1858. Февр. 3.

Не то беда, мой милый, что ты отказал мне в деньгах, а то беда, что ты заподозрил во мне способность *за сие* – произвести тебя в *уланские офицеры*. Помни, что я еще больше, чем ты, *исторический* мыслитель и что в твоем таланте и в твоей для меня милой личности, есть стороны, выкупающие все то дурное *стихийное*, что в тебе находится и что в тебе существует *an sich* и "für sich"*, независимо от тебя. По моей исторической философии я даже не называю этого скупостью, а скорее *пугливостью* перед жизнию – тем *сжимающим* началом, которое есть в тебе и как в полу-немце и как в дите орловской Украйны[1], – началом, которого нет в *нас*, детях Поволжья, относящихся к жизни совершенно иначе, чем элементы, прикованные к почве, земледельческие и т.д. – В этом факте мы оба равны своей натуре, оба *искренни*, а те, которые назовут тебя уланским офицером, а меня Хлобуевым[2], будут *лгать* по той или другой книжке. Понял? Спешу успокоить тебя насчет самого себя, ибо все-таки ты меня любишь. В это время я часть своей книжищи обделал и часть ее (листов восемь печатных) сегодня же отправляю к Александру Васильеву. Пусть их кушают на здоровье. За вкус не отвечаю, но горячо состряпано и много насказано. Книжка сия называется "Море" и составляет часть "К друзьям издалека". Вторая часть, которая пишется, – будет "Дорога". Разумеется и о "море" и о "дороге" собственно тут весьма мало – и все состоит из психологического, художественного и исторического анализа. Третья часть, по моему плану, должна быть "Жизнь в чужом краю". Четвертая: "Искусство" и пятая – "Женщины"...

О, искусство, – вечное, божественное, великое... или, лучше сказать, – о, душа человека, зеркало Бесконечного Творца его – в чем бы она ни сказалась, в здоровенном ли захвате мысли Шеллинга, в одном ли из тютчевских или твоих аккордов, в мире ль Шекспировой драмы, в Мадонне ли al Sacco Андрея дель Сарто[3] (которую par parenthèse** – ни одна копия, равно как и Муриллову, передать не может), в восклицании ли Мочалова: "О надежды человеческие, что вы такое?", которое, кажется, отзвучало, а между тем вечно вызывается слухом по воле и желанию... – везде, во всем... Но ведь это "Шекспир велик", скажешь ты. Ну да, пожалуй, – да и чуть ли, братец мой, *Славин* не умнее нас с тобой, анализирующих и дробящих живое, цельное, неделимое. Т.е. distinguo***: он бы точно был умнее, если б воскликнул искренне: "Шекспир велик", а не думал сказать этим новую истину.

Чадом опиума *постоянно* полна моя голова от мира Питти, Уффиции и Академии. Все, что я предугадывал мыслию, приняло для меня плоть и образ, подтвердилось, доказалось – если только истина доказывается. Развиваться полноте взгляда помогает и то, что около меня нет ни одного умного человека, – стало быть, жи-

---

* в себе и "для себя" (*нем.*).
** между прочим (*фр.*).
*** уточняю (*лат.*).

вешь один, не делясь, хандря, но зато и *рождая* (не делая) мысль за мыслию. Окружен я, по обычаю, женщинами – такими отличными, такими прозрачными, что когда-то цельную дружбу мою к Катерине Сергевне[4] принужден разбить на несколько кусков: впрочем, ей остается еще так много, что отсадки этого чувства, т.е. мои письма, ей верно надоели. Но ведь женщинам сообщаешь только цветок, благоухание мысли – и ведь с умным человеком не удержишься от того, чтобы не убить зародыша. Вспомни, что, по словам нашего общего любимца,

Мысль изреченная есть ложь...[5]

Островский погубил величайшую трагедию в "Не так живи, как хочется", нетерпеливо передавая мне и другим зародыши ее прежних колоссальных форм. Высказанные – они теряли *живой* характер и становились для него тряпками декораций. Это одна из многих диковинок души человеческой.

Господи! Вчера был совсем весенний день, да еще какой!.. Сердце от этого отравляющего воздуха так адски ныло, что эта боль нытья переходила в сладострастие наслаждения... Ты бы из этого создал чудный аккорд, а я... но что я из этого сделал, об этом когда-нибудь после, когда я сам себе отдам отчет в том сладко-тревожно-болезненно-фантастическом сновидении, которое целый карнавал во мне самом и вокруг меня совершалось...

До свидания!

207. М.П. ПОГОДИНУ

9 (21) февраля 1858. Флоренция

1858 г.
Февр. 9.
Флоренция.

Достопочтеннейший Михаил Петрович!

Может быть, Вы посердитесь на меня, услыхавши, что я оставил дом княгини и съехал от них на квартиру (не прекращая, разумеется, своих наставнических занятий), но я должен был это сделать по своим нравственным убеждениям и по *духовному* происхождению от общего нашего отца, который "ниже у Господа Бога в дураках быть не хотел"[1]. Уживчивость моя простирается всегда только до первых попыток на мою свободу – единственное благо, которое у меня есть и которого никто у меня отнять не может. Княгиня изъявила неудовольствие, что я не возвращаюсь домой в 10 часов вечера. На первый раз я по своему обычаю отшутился – но между прочим сказал моему воспитаннику, что если еще раз услышу что-либо подобное, то, как не заключавший контракта на свою жизнь и свободу – съеду. В другой раз, когда она, облаявши весь дом, вздумала обратить лай на меня, – я в высшей степени вежливо и тихо попросил позволения съехать – и съехал на другой же день – не имея, по прекрасному обычаю своему, ни гроша в кармане – и несмотря на *засылы* и просьбы. Так было *надобно* сделать, ибо иначе эта баба дойдет до того, что будет наказывать (это, ей-Богу, не шутя), как Бецкого, оставлением без обеда – а Бецким я не хотел бы быть даже за царство небесное. И – viva il popolo!* везде, да-

* да здравствует народ! (*ит.*).

же в растленной Италии. Слуги княгини провожали меня чуть что не со слезами, оказывали всевозможные услуги, за что были, как следственно, обруганы барынею... Но – мы остались в самых лучших отношениях – разница вся только в том, что я мерзну на своей холодной квартире – но это, в сущности, пустяки.

Зато мой воспитанник меня начинает радовать. Сегодня он подал мне такое сочинение, что я в невольном порыве радости перекрестил и поцеловал его. Благородное убеждение и святое чувство свободы проникло-таки наконец в эту, par excellence* критическую, натуру. Москва, университет и общество порядочных людей, авось, окончательно сформуют *человека* из этого умного, внешне даровитого, но мелочного флорентийца. Да – теперь только я понимаю, что Вы мне поручили благородную и святую задачу – и готов бранить себя за то, что впадал в хандру и уныние и называл себя иногда как тургеневский Рудин: "проживальщиком по части упражнения** умственных способностей"[2].

Недавно честный, но крайне невежественный и ограниченный приятель мой, мистер Бэль, в досаде на то, что молодого князька возили на бал к князю Понятовскому – ходил передо мною в трагическом беснований по комнате и восклицал с пеной у рта: Huit ans de mes efforts sont perdus!*** – а я думал – хороши были твои efforts****, любезный мой, когда они могут потеряться – и когда они в воспитаннике произвели только чувство отвращения к тебе. Вообще – сколько, воспитывая, я передумал в это время о воспитании!.. Нет – да не манит никто человеческую душу к правде прикормкою, как рыбу, или сластями, как обжорливое дитя. Маните к ней на лезвие меча. Долго будет душа противиться – но если уж наконец пойдет на это, на голую, прямую, честную правду жизни, то значит, это – человеческая душа!

Видите, избранный мною старец и отец духовный, – что я остаюсь все тем же неизлечимым идеалистом, даже закаляюсь в идеализме – и браните меня, *если можете*.

Из дому моего – вести мне все нехорошие – но в этом деле я хуже всякой бабы – и да простит меня Господь! – никогда не буду в состоянии поступить круто.

Из русских здесь приехал еще Н.А. Жеребцов. Он хочет печатать книгу о России[3] и, с свойственною ему volubilité de parler*****, – успел пересказать мне в два вечера ее содержание. Собственно, этот господин – мельница, перемалывающая чужую муку – но я все не могу решить себе вопроса – вредны или полезны эти мельницы. Задача книги весьма печальная – доказать, что у нас все было, есть и будет лучше, чем на Западе. Я называю такую задачу печальною – потому что, право, мне теперь равно противны восторги от волос Лукреции Борджия и восторги от того, что мы тридцать лет сидели сиднем... Вы, Кокорев, Островский... старая и, я думаю, надоевшая Вам песня, но она во мне *работалась*.

Что значит прекращение "Молвы"?[4] Запрещения так нейдут к благословенному царствованию честного и доброго Александра II. И почему именно "Молва"?

---

* преимущественно (*фр.*).

** *Вместо вычеркнутого*: развития

*** Восемь лет моих усилий потеряно! (*фр.*).

**** усилия (*фр.*).

***** разговорчивостью (*фр.*).

Чудно́ сердце человеческое... Я неистово злился на *них*, читая фёльетон “Норда” об обеде (первый)[5] – а теперь мне их жаль, как родных, как кровных.

И неужели я прав в тех горестных предчувствиях, которые терзали меня, когда я читал *либеральный* и *развязный* фёльетончик “Норда” о петербургских блудницах?

В “Норде” есть неоцененные строчки, что З** veut goûter les douceurs de la vie privée* [6]. Правда ли? Но кого? Неужели С** – с его пристрастием к немцам?[7] Из огня да в полымя, или из куля в рогожку.

У меня физически бьется сердце, когда я вижу новый нумер “Норда”. Да – чем-то болезненно-страстным становится привязанность к родине в чужой земле!

Ваш всегда
Ап. Григорьев.

208. М.П. ПОГОДИНУ

7–10 (19–22) марта 1858. Флоренция

1858 г. Марта 7.

Сегодня мне попался XII № “Современника” за прошлый год и, как нарочно, – уведомление об издании “Атенея”. «”Атеней”, – сказано там, – насчитывает около тридцати имен, – за то в этом ряду мы находим исключительно таких людей, как гг. Анненков, *Бабст, Безобразов*, Буслаев, Галахов, *Ф. Дмитриев, Ешевский*, Забелин, Кавелин, *Каченовский*, Кетчер, *В. Корш, Лонгинов*, Н. Павлов, Соловьев, *Тихонравов*, Чичерин, Щедрин, – посредственность не найдет себе места в “Атенее”»; “*каждый из его сотрудников хорошо известен, как один из первых людей в нашей литературе*”...[1] И все мои старые, затихшие ненависти проснулись до бешенования при чтении этого наглого ёрничества – и опять чувствую я вражду злобную к тем, о существовании которых я было забыл или существование которых затеняет, сглаживает за границей великий и благородный подвиг их главы...[2] Долго ль же это будет, помилосердуйте!

Да! *они* умеют делать дело. Тут не одно бесстыдство – тут последовательность. Тут есть *способность* делать, самопожертвование. Они не жалеют ни капиталов, ни трудов – *они* купили “Московские ведомости”.

Нет, достопочтеннейший Михаил Петрович! Наше дело – пропащее, хоть мы и правее их, – хоть я и положу все-таки за него, за это дело пропащее, все, что мне положить остается. Они друг друга поддерживают, а мы друг друга топим, скверно, глупо топим. Простите меня, я болен хандрою самою злющею и потому наговорю Вам и всем нашим много неприятного.

Начать с того, что ни одна из этих гнусных и пьяных харь не облегчилась отвечать на письма, которые я посылал к ним, письма, в коих передавал все волновавшие меня вопросы. Вон из глаз – вон из сердца!!! А потом, это тупое равнодушие к бездействию; эта подлая мещанская робость перед последовательным проведением мысли. С кем тут работать?

---

* желает попробовать удобства частной жизни (*фр.*).

Да и для кого работать? На чорта воду возить. Принцип наш не по времени. А верность его подтверждается все яснее и яснее. Все для меня связалось теперь цельно, систематически. Принцип народностей не отделим от принципа художественного – и это точно наш символ, только *допотопный.* В этом символе – новость, свежесть жизни, вражда к *теории*, к той самой теории, которая есть результат жизненного истощения в том мире, в который судьба меня бросила. *Теория* и *жизнь*, вот Запад и Восток в настоящую минуту. Запад дошел до мысли, что человечество существует само для себя, для своего счастия – стало быть, должно *определиться* теоретически, успокоиться в конечной цели, в возможно полном пользовании. Восток внутренне носит в себе живую мысль, что человечество существует во *свидетельство* неистощенных еще и неистощимых чудес великого Художника, наслаждаться призвано светом и *тенями* его картин. Отсюда и грань. Запад дошел до отвлеченного лица – человечества. Восток верует только в душу *живу* и не признает *развития* этой души... Но я увлекся своим созерцанием и начал с жалоб.

"Лиси язвины имут и птицы гнезда: Сын же человеческий не имать где главы подклонити"[3]. Так и наше воззрение или лучше сказать наше внутреннее чувство... Никто не знает и знать не хочет, что в нем-то, т.е. в *православии* (понимая под сим *равно* православие отца Парфения и Иннокентия и какого-нибудь раскольничьего архиерея Андрюшки[4] – и исключая из него только Бецкого и Андрюшку Муравьева) заключается истинный демократизм, т.е. не réhabilitation de la chair* – а торжество души, *душевного* начала. Никто этого не знает – всякого от православия "претит", ибо для всех оно слилось с ужасными вещами – а мы, его носители и жрецы – пьяные вакханки, совершающие культ тревожный, лихорадочный новому, неведомому Богу. Так вакханками и околеем. Это горестно, но правда... Горестней же всего то, что этого ничего нельзя говорить, ибо, заговоривши, примыкаешь к официальным опекунам и попечителям православия или подвергаешься нареканию в "Брынской вере"...[5]

Увы! *Новое* идет в жизнь – но мы – его жертвы. Жертвы, не имеющие утешения даже в признании. Жертвы Г** [6] – оценю даже я, православный, а наших жертв никто не признает: слепые стихии, мы и заслуги-то даже не имеем... Вот почему наше дело пропащее.

А своекорыстие одних из нас и полная распущенность других (к числу последних принадлежу я сам). Меня, например, лично никакие усилия человеческие не могут ни спасти, ни исправить. Для меня нет опытов – я впадаю вечно в стихийные стремления... Ничего так не жажду я, как смерти. Еще прошлый год во время тяжкой болезни я испытывал к ней тупейшее равнодушие – а теперь еще более. Ни из меня, ни из нас вообще – ничего не выйдет и выйти не может, – да и время теперь не такое. Мы люди такого далекого будущего, которое купится еще долгим, долгим процессом. Околеем мы бесславно, без битвы – а между тем мы одни видим смутно настоящую цель. Не эти же "*первые люди*", исчисляемые кумом – "Современником" в книжке кума "Атенея"... Сам глава их, хоть и великий человек, – а в сущности борется за то, что плевка не стоит, за то, во что сам не верит[7].

Мне так тяжело, что Вы наверно простите мне мое моральное отчаяние. Право, оно результат таких долгих дум, таких долгих ночей без сна, такого циническо-

---

* реабилитация плоти (*фр.*).

го анализа самого себя, таких раздражений собственными и чужими гадостями... О! какая мы дрянь и как свято то, что мы в груди носим, – как перед этим *носимым* мелко и узко все, что доселе носили другие – *мы*, т.е. народ, народ, свежий и вместе извращенный столетиями неестественной жизни, доведенный до тупости чувства и вместе ко всему относящийся критически...

Не верю я ни во что, что у нас делается – ибо везде вижу шаг вперед да три назад. Кажется бы – завязал глаза и бежал еще за тридевять земель, хоть бы в тридесятом государстве истосковался до беснования по проклятой и вместе милой родине!

Марта 10.

А вот и явный ответ на те больные запросы, которых исполнено письмо от 7 марта, которое отправляю только теперь... Приехал Тургенев, и мы с ним сидим ночи и говорим, говорим[8]. Я читал ему написанное мною за границей. Он, вложивши перст в самое больное место моей личности, в разбросанность мысли, в ее неудержимость разлива – тем не менее сказал, что 1) только у меня в настоящую минуту есть сила, что только во мне есть полнота какого-то особенного учения, которое вовсе не исключительно как славянофильство, т.е. есть не *теория*, не поставленная вперед тема, а философия и жизнь; 2) что для успеха я должен *долбить*, как покойник Виссарион[9], ограничить себя, повторяться без малейшего зазрения совести: одним словом, долбить, долбить, долбить; 3) что долбить мне в настоящую минуту негде, ибо ни к одному из существующих направлений я пристать не могу, т.е. что ни одно меня не примет, и ни одному я не могу по чести и совести сделать уступок, ибо у меня выработано свое крепкое и цельное.

Все это я знал и знаю – и все-то это меня приводит в безобразнейшее состояние. Прибавьте к этому безнадежность домашних дел, – неисцелимую беспорядочность и распущенность во всем житейском – да еще и постороннюю-то обстановку, развивающую в моей и без того озлобленн⟨ой⟩, как цепная собака, душе желчь и ненависть. Влезьте в мою шкуру и поймите вот какую страшную логику.

Я верю только в трех человек, в Вас, Кокорева, Островского – но и в этих трех людей в отношении к деятельности не верю. *Вы* ничем не способны жертвовать*. Кокорев жертвует только для очевидных, осязательных целей, ибо, несмотря на гениальность натуры, не развит философски, чтобы понять, что *кровяные* основы его предприятий – симпатии и антипатии связаны тесно с моими *невинными* историческими и эстетическими принципами, с поклонением искусству, т.е. жизни, а не *теории*, типам и народностям, а не отвлеченному мундирному единству и т.д. Островский – великая, часто пророческая, но совсем стихийная и притом пьяная сила. Это ужасно, повторяю Вам, это ужасно!

А другие?

Тургенев говорит, что готов подписаться под каждым моим началом как началом, а как дошло до последствий, так в сторону – ибо он весь западник по развитию и гегелист по принципу и *светский* человек по воспитанию и манерам.

Писемский понимает только точку зрения губернского правления.

Евгений, это, может быть, самая страстная моя привязанность, весь насквозь пропитался *мещанством* общественным и нравственным!

---

* *Вместо вычеркнутого*: действовать

209. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

19 (31) марта 1858. Флоренция

1858 г.
Марта 19 (22).

Давно я не писал к Вам, добрый друг мой, Катерина Сергевна – давно, именно с *primo corso** флорентийского карнавала. На это было много причин. Расскажу Вам все *безобразия* мои в течение этого периода времени с полною искренностью, что и Вам бы советовал в отношении ко мне и чего Вы, *прелестный,* но *коварный* друг, не делаете.

Не знаю, чем *звучало* мое последнее письмо[1]. Тоскою самой безумной – это наверное. Не послышалось ли в этой тоске какого-то сладострастного упоения тоскою? Есть душевная *боль* такая, которая переходит уже в ощущение блаженства, и такова была именно эта боль...

Моральный опиум – вещь удивительно сладкая, хотя и опасная, – а я *хватил* порядочный приемец этого одуряющего средства...

На другой день после *primo corso*, у меня невольно и искренно вырвался следующий аккорд:

Больная птичка запертая,
В теплице глохнущий цветок,
Печально вянешь ты, не зная,
Как ярок день и мир широк,
Какие тайны открывает
Жизнь повседневная порой,
Как грудь высоко поднимает
Единство братское с толпой...[2]

А я еще никогда не писал стихов без внутреннего душевного побуждения... Сам я не знаю, как это у меня всегда делается, но самые глубокие впечатления были у меня те, которые приходили в мою душу совершенно нежданно – или нет, это не то! – которые долго лежали в душе под спудом и вдруг всплывали на поверхность совсем готовые, полные, всю душу захватывающие.

Но прежде чем говорить Вам о факте, надобно прежде всего очертить Вам всю мою флорентийскую обстановку. *Домашний* (теперь уже не домашний) мир мой я Вам уже отчасти описывал. Но кроме домашнего мирка – я завел свой мир, особенный, в нескольких русских семьях, мир, в который внес я всего себя, т.е. фанатизм демократии, ругательство бесчинное над светскими условиями, "*воспитание кобыльского кабака*" и лихорадку своей страстности – куда я складывал всю свою душевную тревогу. Мирок (наполовину женский) стал жить моею жизнию, заслушиваться моих необузданных речей, хохотать над "ерыжными" выходками и жить со мною вместе наполовину поэзией итальянского искусства, наполовину беснованием цыганских песен... Одним словом, *все в порядке вещей.* В порядке вещей было и то, что один наиболее впечатлительный и больной женский субъект[3] по тому вечному и неотразимому закону, который влечет впечатлительную душу к безобра-

---

* первого хода (*ит.*).

зию, начал особенно сильно подвергаться влиянию и моей хандры, и моей лихорадки... В субъекте этом было все то, что люблю я в женском типе: тихая отзывчивость гитары и гибкость кошки... Ну, да что тут... После первого corso я понял, что я опять влюблен (читайте vlublon с офицерским произношением). Это очень глупо – нет! это даже *подло*, потому что вслед за этим добросовестным сознанием я перестал интересоваться чем бы то ни было на свете, кроме сего *гнусного* и *милого* субъекта – перестал заботиться о нравственном развитии друга моего, княжны Н⟨астасьи⟩ Ю⟨рьевны⟩ – и – подлее еще! перестал писать к Вам... Я опять жил всей полнотою страсти, – жил ежедневно от трех часов на том диване, где полулежала она, "больная киска", как я звал ее, до 11 часов вечера, пока не выходили ее сестры с словами: "Не пора ли вам домой, А. А.?" – жил, любимый целым кругом благородных женских натур, любимый до всего того dévouement*, к которому одни только женщины способны, – упиваясь слабыми звуками ее голоса, кошачьими замашками, упиваясь самою безнадежностью этой новой страсти, страдая ее кашлем, робко, как раб, подстерегая каждое ее движение и, как деспот, управляя ее мыслями, впечатлениями, всем ее моральным существом... Никакого прошедшего и никакого будущего для меня не было. Была только минута, и я ее ловил жадно. Прибавьте к этому карнавал, неистово шумевший под окнами, Veglione, т.е. театральные маскерады, перепутайте все это с апостольскими речами и цыганскими песнями и Вы получите отличный рецепт для самого ядовитого, но восхитительного опиума.

Зато теперь, когда они уехали – опиум отозвался ужасно. Остается одна действительность, гнусная до отвратительности, до полной безотрадности. Более, чем когда-нибудь, я понимаю (да понимал и во время самого питья опиума), что успокоить подобные натуры могут только две вещи: Афонская гора или виселица. То или другое – решит Господь. Никогда столь сильно не сознавал я, с одной стороны, того, что все наше земное бытие есть чисто призрачное и что, с другой стороны: "больше сея любви ничто же есть, аще кто душу свою положит за други своя"[4]. Ужасную эпоху переживаем мы вообще... Поневоле принимаешь опиум, когда вопросы жизни становятся перед сознанием во всей их беспощадной последовательности. Мир и счастье не нам. *Чудеса* же замолкли – пора к этой мысли привыкнуть – или, если хотите, чудеса совершаются только в внутреннем мире души, все более и более отрывая ее от пристрастия к чему бы то ни было земному и преходящему.

Нечего кажется говорить, что письмо это должно остаться *абсолютно* между нами.

Жму Вашу руку!

210. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

14 или 15 (26 или 27) апреля 1858. Рим

Рим.
1858 г.
Апреля 27 (14).

Бесстыдница!.. Всего одно письмо во все время моего долгого странствия – а я-то пишу, пишу к Вам, как дурак какой-нибудь. Что ж это – *лень*, или *безобразие*, или, наконец такого рода *увлечение* чем-либо, которое поглощает собою все человеческие чувства? Что бы то ни было, – вспомните, что есть хоть страшно испор-

* преданности (*фр.*).

ченная, но все-таки не *ординарная* душа, которая в Вас верит и Вас любит и которой Бог знает сколь отрадна всякая Ваша строка. Или, наконец, это – кокетство дружбы?

Ну-с, я в Риме – что, может быть, уже дошло до Вас. После моего последнего сумасшедшего письма к Вам[1], Вы ждете вероятно, что я буду говорить с Вами вовсе не о Риме – и Вы ошибаетесь... Действительно, впечатление цельное, захватывающее всю душу, поглотило меня, – действительно, ради того, чтобы *жить* под влиянием этого впечатления, – пока догорит это бедное больное дитя, – я повернул всю мою жизнь и принял предложение графа Кушелева насчет его журнала – стало быть, покидаю столь жарко любимую мною Москву на столь ожесточенно ненавидимый мною Петербург – все это так (и все это абсолютно между нами: для *всех* других *без исключений – поводы* будут чисто литературные и коммерческие), – но все-таки в моей душе есть место для давящего, поглощающего, лихорадочно-тревожного, грандиозного и приводящего в отчаяние впечатления, называемого: "Рим"! Звучит ли для Вас это слово тем столь потрясающим, чем оно звучит мне? Пульс мой напряженно бился и сердце билось, когда я подъезжал вчера к Вечному Городу, – я нетерпеливо считал мили, я хотел бы выпрыгнуть из дилижанса и полететь птицей... И вот я в Риме. Я стоял под куполом Св. Петра – и я был истинно подавлен и величием всех тех старых, но вечно юных струй, которые скачут, как водометы, на всяком шагу в Риме – и красотою несказанною этого храма и отчаянием, что в десять дней моего пребывания в Риме я только *понюхаю* этой красоты и этого величия. Год, по крайней мере, надобно прожить в Риме, чтобы с ним освоиться. Год!.. А я в сентябре должен быть уже в Петербурге – работать и окунуться всей душой в *ядовитые* вопросы общественные и в тину грязи, называемой русской журналистикой.

А за тем что будет – то будет: мы живем в такую судорожно-напряженную эпоху, что ни за что отвечать невозможно. Отдаюсь всем сердцем той Воле, которая так явно, так осязательно открывалась для меня в последнее время, сколь я – право, друг мой, это не голос ханжества или гордого смирения – ни мало был достоин ее непосредственного участия в судьбе моей.

Как ни много и как ни часто я писал к Вам, но все-таки Вам передавались только одни результаты умственных и нравственных процессов, со мною совершавшихся, или одни судороги переходов из одного процесса в другой. Когда мы увидимся и когда спокойно расскажу я Вам все эти долгие и болезненные процессы, Вы поймете, почему я окончательно убедился, что Тайная Сила не оставляет тех, которые хотя и ропщут и безумствуют – но веруют в нее и неотступно ей молятся.

В мои руки, *может быть*, вручается судьбою человек мягкий, как воск, благородный и доверчивый, как дитя, богатый, как Кокорев, коли не больше. *Может быть*, говорю я, ибо сам же я своей гнусной раздражительностью, с одной стороны, и подлой бесхарактерностью, с другой (ибо *характера* у меня нет, как у всех артистических натур, а есть только *воля,* страстная, упрямая, самолюбивая), могу испортить дело. Помолитесь, мой добрый гений, чтобы Бог послал мне *чистоту* сердца, бескорыстное желание добра... А то ведь, что ж это за гадость такая... Человек может в *два* дни обделать другого человека, *обаять* его своей личностью – и сам же потом все изгадит нетерпеливостью, ленью, распущенностью. Не думайте, чтобы тут скрывался покаятельный псалом за мои отношения к Трубецким.

Нет – тут я поступал, как человек должен поступать, – и если тут я *ничего* не сделал, так уж вина не моя. Вина сухо-эгоистической, мелкой, хотя даровитой и умной натуры того материала, который был мне дан в руки – вина этой проклятой Богом жизни, называемой как бы в насмешку высшим светом. Никакие усилия мои не истребили в кн⟨язе⟩ Иване той губительной мысли, что *они* созданы из другого материала, чем мы грешные – как гоголевская Коробочка бесила Чичикова, так бесила и бесит меня эта, всюду мною поражаемая и отвсюду прыгающая мысль... А княжна Настасья – после всех своих чистых и благородных сочувствий свободе, правде, искусству – обвесилась на первого, правда, доброго, но ужас как пустого малого, и влюбилась в него по уши, равно как и он в нее. Таковые стремления их обоих увенчиваются законным браком – но увы! сей господин скоро проветрится. Бедная девушка, бедная жертва ужасной, богопротивной, богомерзкой среды жизни – отсутствия самостоятельности, – чудовища – матери, бараньей покорности расподлым условиям... Он недолго будет любить – а она, – добрая, покорная, способна любить долго, упорно. Потом, как следует всей породе Трубецких, она впадет в распутство.

Вы, может быть, хотите знать о *той*, которая была для меня новым, светлым сном или новым откровением сердца[2]. Скажу Вам о ней только то, что поставленная судьбою в такую же ужасную среду, она так в ней задохнулась, что занемогла чахоткой... Моя любовь или доконает ее или вырвет из этой жизни. Я считаю тут себя совершенно вправе – иначе ей пожертвуют чудовищному расчету, т.е. она сама под влиянием ложно понятого чувства долга погубит свою душу... Да! *ложно* понятого, говорю это, положа руку на сердце, с твердым убеждением христианина в том смысле, в каком мы с Максимом Афанасьевым понимаем значение браков и проч. Чувство долга – да ведь первый-то долг в отношении к Богу, т.е. в соблюдении чистоты души: поймите это вы все – прелестные, но крайне несамостоятельные творения – из *чувства* долга оскверняющие душу и тело в объятиях нелюбимых или мало любимых лиц!.. Сердце болит у меня за женщин, когда я подумаю, сколько их сквернят себя так из фальшивейших представлений о долге... Недавно в разговоре с одной умной, глубоко страдавшей и до 45 лет прелестной женщиной[3] разбирали мы этот страшный вопрос... Когда Вы будете женщиной, т.е. когда с Вами можно будет разбирать этот вопрос так же логически, неумолимо и нагло?..

Вообще всякая истина – *свободна.* Все несвободное есть софизм или сознательно или бессознательно-подлый. Под всякою защитою *несвободы* скрывается нечто эгоистическое или злобное, или робкое, или *усталое.* Под *всякою* – будет ли это софистическая защита торговых тарифов и таможен, насчет которых разочаруется всякий, кто мало-мальски их вкусил, – будет ли это защита безобразных пожертвований чистотою души и тела, богохульно совершаемых во имя Христа и учения свободы, или защита политических или религиозных инквизиций... Нет! “Идеже Дух Господень – ту и свобода”[4]. – Верю в это глубоко и умру с этою верою...

А как хорошо ночное небо в Риме – удивительно!..

Бессонницы меня измучили, однако – попробую лечь спать.

До свидания... Не забудьте в молитвах далекого, но глубоко преданного Вам друга – за ту страстную дружбу, которой не поглощают в нем никакие впечатле-

ния – да напишите же несколько строк, бессовестное творение! Если Вы напишете *очень* скоро по получении сего послания – пишите на Флоренцию: если через неделько-другую, то на Париж poste restante*.

На конверте:

Moscou. Russie.
Ее высокоблагородию Катерине Сергеевне Протопоповой.
На Калужской улице, близ Калужских ворот,
в Голицынской больнице.

211. М.П. ПОГОДИНУ

15 или 16 (27 или 28) апреля 1858. Рим

Рим.
1858 г. Апр. 28 (15).

Не знаю ничего, что с Вами делается, достопочтеннейший Михаил Петрович – ибо Вы решились, кажется, терзать меня Вашим молчанием. Не знаю, как взглянули Вы на мои отношения к Трубецким – но, кажется, лучшее доказательство того, что я хотел исполнить возложенное на меня Вами поручение, – то, что я и не рассорился с ними окончательно даже до сего времени, хотя после моего выезда из дома, княгиня почти *не удостоивала* меня словом. Наилучшее доказательство *безобразия* этой бабищи то, что князь Иван в университет, кажется, не поступит, ибо – де "университет молодых людей развращает"... А подлая флорентийская жизнь в богомерзком кругу, называемом *светским,* уже так глубоко его развратила, что, кажется, за него опасаться нечего. Все слилось для нравственной погибели этого малого – и его собственная страшно эгоистическая и внешняя даровитость, и безумная гордость матери, и ужасная английская система Беля. Никакие усилия мои не могли уничтожить в этой душе ужасной мысли, что есть какие-то условия выше христианских и человеческих условий, что есть какая-то особая среда общества, уволенная от общечеловеческих мыслей, чувств, движений. Только что я думал, что поборол эту адскую мысль, – она выскакивала, выпрыгивала... Я отдавал ему все, что мог – в последнее время даже *все* свое утро – и видит Бог, как вообще все эти утра мутили во мне желчь. Даже и теперь я не оставлю своего дела и доведу его образование до града Парижа включительно.

Но лично ко мне Провидение пришло на помощь в виде графа Кушелева-Безбородки. По последнему письму моему Вы видели, как мало я верю в наш журнал и видели, вероятно, как *основательно* это неверие. *Не с кем* работать – возобновить прошлый круг наш – мечта. А у кушелевского журнала средства безграничные – редактором его, *по имени*, будет он сам, помощником, тоже только *по имени*, друг мой – поэт Полонский. *Ergo***, без имени редактора, я буду душою журнала. Стало быть, ничто же сумняся, я предложение его принял тем более, что все

---

* до востребования (*фр.*).
** Следовательно (*лат.*).

мною написанное здесь – а в этом написанном с свойственною мне резкостью и безобразием – проведено все, что я передумал – принято им безотговорочно и даже куплено. Не думаю, чтобы человек, как Вы, меня за это упрекнули. Вероятно, Вы уверены, что я лучше буду жить *метеорскою* жизнию, чем отрекусь от сотой доли того, что я купил жизнию мысли. А с другой стороны – мне нечего больше и делать. *Служить* я могу теперь еще менее, чем когда-либо – ибо, признаюсь Вам, плохо верую в наши реформы. Пойти в "Вестник", "Соврем⟨енник⟩" и проч., Вы знаете – я не пойду. А тут мне будет полная свобода – и "болото велико – чертей много будет", то есть бездна денег – сотрудники найдутся. Впрочем, обо всем этом при личном свидании в августе месяце – ибо я намерен из Парижа пробраться в Лондон и постранствовать по Германии, чтобы дополнить свои взгляды на чужие края.

Покаместь же – я взял на две недели *отпуск* и ускакал в Рим... Что я, однако, за юноша до сих пор... Кабы Вы знали, с каким биением сердца я подъезжал к Риму, какое головокружение у меня от двух дней в нем, как он меня давит, раздражает, мучит – мучит своею бесконечностью. Дай Бог здоровья Кушелеву. Я давно не бывал счастлив – а тут я был, как ребенок, счастлив.

И все-таки поклон земной Вам, что Вы услали меня в Италию. Вообще, мне грешно не верить Провидению – и я окончательно отдался Воле Его, слепо, покорно.

Ваш всегда
А. Григорьев.

212. И.С. ТУРГЕНЕВУ

28 или 29 апреля (10 или 11 мая) 1858. Флоренция

Флоренция.
1858 г. Мая 11. (Апр. 28).

Нет, добрейший Иван Сергеевич – не служить мне и не ужиться с службой, – почему, окончательно и тяжело передумав сей вопрос, спешу писать к Вам, чтобы Вы не принимали никаких мер относительно этого. Увы! я не верю, не могу *верить* в нашу службу, мало верю вообще в *statu quo** нашего прогресса и difinitivement** верю, кажется, только в *отрицательную* правоту Герцена, да в *положительную* правоту тех таинственных, еще не раскры⟨в⟩шихся миру сил, которые зовутся *народом* и *православием*. Я хотел решиться на службу, как бы решился на монастырь, потому только, что, как Вы сами согласились, мне *негде* писать и печатать. Представился снова случай писать и печатать, *как* мне угодно и что мне угодно. Кушелев купил мою деятельность для своего журнала. Знаю, что многие из друзей моих в обоих лагерях на это возопиют как на *безобразие* – но ведь так же вопияли некогда на деятельность в "Москвитянине". А потом – мне нет выбора. Ни "Современник", ни "Вестник" – ничего мне уступить не могут из своих убеждений и взглядов, ни я, – как Вы согласились сами, не могу, и, как я чувствую, *не должен* уступать ничего из своего. Ergo, alea jacta est***. Посмотрим, *что* будет тут... Но что будет, то будет, а будет то, что Бог даст.

---

* существующее положение (*лат.*).
** окончательно (*фр.*).
*** Следовательно, жребий брошен (*лат.*).

Скажите Александру Ивановичу[1], что, – сколько ни противны моей душе его цинические отношения к Вере и бессмертию души, – но что я перед ним как пред гражданином благоговею, что у меня образовалась к нему какая-то страстная привязанность. Какая благородная, *святая* книга “14 декабря”!..[2] Как тут все право, *честно*, достойно, взято в меру.

Ну-с – я съездил в Рим – и две недели *блаженствовал* лихорадочно.

А Вы? что Ваш х⟨- -⟩? что Ваша хандра? что пишущие духи и проч.? Если Вы захотите дать о себе весточку – пишите на Париж или оставьте там на почте записочку, которой истинно обрадуете

искренно преданного и таланту
Вашему и милой личности.
А. Григорьев.

213. М.П. ПОГОДИНУ

11 (23) мая 1858. Флоренция

Флоренция.
1858 г.
Мая 11.

Нужно все мое глубокое почтение к Вам, как к гражданину и писателю, чтобы удержать в приличных границах то законное негодование, которое произвело во мне чтение Вашей записки[1], достопочтеннейший Михаил Петрович! Прежде чем упрекать меня в какой-то дури и не верить (как это мило!) тому, что я имел честь описать Вам, надобно было самого себя спросить – *чем* Вы послали к Трубецким человека, который до сорока лет не нашел правды, крова и пристанища, – или, по милым выражениям Никиты Крылова, *копеечки* и земли под ногами, – до сорока лет умел и сумеет остаться всегда самим собою, т.е. *человеком*, и *свободным* – чем Вы его послали: *лакеем* или *учителем*? В *лакеи* я не нанимался – и поэтому-то мой переезд от Трубецких на квартиру считаю одним из *достойнейших* поступков моей жизни, – а как учитель я выполнял, выполняю и выполню честно и даже более чем честно. Вместо того, чтобы за окончательное *созрение* во мне мысли о честности гражданина, за мою отставку, – и такие же мысли о достоинстве литератора и человека, послать мне ободрительное и приветливое слово – Вы, как запившему Василью Дементьеву, посылаете мне увещание *поправить*, что я наделал худого.

Подумайте, на что все это похоже и насколько я был прав в той горькой и искренно излившейся дребедени сомнений в Вас и нашем деле, которую имел честь послать к Вам.

Да! – мы способны только все *топить* друг друга – повторяю это горько сознательно.

Может быть, с точек высших *политических* соображений – всему этому так и надо быть, – но я в последнее время говорил с Вами как с духовником – я имею пошлость плакать, когда пишу сии строки, Вы для меня – часть моих кровных убеждений! Я думаю, *двадцать* раз я Вам в этот год повторил это – из хамства что ли? У меня и в том деле, которое Бог помог мне обделать с Кушелевым, на одном из первых планов – стояло Ваше литературное участие, – я призна́ю себя политически

и общественно учеником Вашим – и, Господи! как образ моего благородного и великого учителя отделяется от того образа, который выглядывает из записки. Может быть, все это от отсутствия земли под ногами.

Ради Христа-Спасителя, напишите мне в Париж, на “poste restante”*, а не на княгиню – что́ мне обо всем этом прикажете думать?

Повинуюсь первому порыву – он всегда лучший.

Все-таки Ваш
Ап. Григорьев.

214. А.Н. МАЙКОВУ

18 или 20 мая (30 мая или 1 июня) 1858.
Флоренция.

1858 г.
(Июня 1).
(Мая 18).
Флоренция.

Ну – вот – все твои желания в отношении ко мне, мой милый поэт, исполнились – я был в Риме и сошелся с Кушелевым, – а потому и был в Риме, что сошелся с Кушелевым. Впрочем, обо всем этом вероятно писал тебе Полонский. *Ultimatum* моей судьбы – то, что я решительно перебираюсь в Петербург, который уж как-то совестно мне теперь называть ненавистным, ибо там будешь ты, Полонский, Писемский, Дружинин, Серов и две семьи, с которыми сошелся я за границей...[1] Но, конечно, ты дозволишь мне на первый же раз обругать тебе *матерно* за то, что ты совсем забыл о существовании в городе Флоренске существа безобразно хандрящего, мучащегося исканием *абсолюта*, и которому Бог знает как дорого живое, человеческое слово из далекой родины.

Начну с того, что я полюбил глубокою и не заказною, не казенною любовью твою Италию, полюбил за то божеское, что в ней осталось цело и нерушимо, за ее природу, за ее искусство, за ее народ с его эффектными драпировками, вспышками волкана и звонким горлом. Она, твоя Италия, – дала мне много – откровение того, что мне не доставало, откровение *пластического*. Это ее дар мне, дар такой драгоценный, за который я непрестанно благодарю ее.

И здесь опять – *абсолют* играет огромную роль. Пока я не убедился *palpablement***, что мир живописи есть тоже *правда* души человеческой, мир ее идеалов, ее *мифология*, а не просто Τεχνη***, – до тех пор – ее явления для меня *не пели*, а чорт ли мне в том, что мне не поет? Когда же все это – и флорентинское, и римское, и венецианское, и неаполитанское, и испанское, и фламандское запело мне свои многоразличные симфонии о душе и ее идеалах – то *скрипкой* Рафаэля, то густыми, темными и глубоко страстными тонами**** *виолончели* Мурильо, то яркою и *чувст-*

---

* до востребования (*фр.*).
** ощутимо (*фр.*).
*** ремесло, техника (*греч.*).
**** *Далее вычеркнуто*: Мурил⟨ьо⟩.

венно-верующей флейтой Тициана, то органом старых мастеров и потерянным, забытым инструментом, стеклянной гармонией фра Беато Анджелико, то листовским, чудовищным фортепьянном Микель Анджиоло, – я отдался этому миру столь же искренне, как мирам Шекспира, Бетховена, Шеллинга.

Поясню тебе мою мысль прозаичнее – если, впрочем, что-либо твоей отзывчивой натуре надобно пояснять.

Главное во всяком искусстве – *вера, вера* и *вера* в создаваемый им мир, – единство миросозерцания с талантом. Наше, современное, – и особенно русское художество *создает* (!!!) идеалы по старым преданиям, идеалы, в которые не верит, но об которых ему сказано, что они идеалы – кроме жанристов – да и из тех мало истинно верующих и способных создавать *точно* идеалы: был Федотов да умер, есть Боклевский да гибнет от отсутствия заказов и от запивания. Остальные в сущности – говно, более или менее яркое.

О наивная и великая смелость Рубенса, дерзнувшего создавать фламандскую Мадонну (даже в костюме фламандки, даже с *брюшком*, при встрече с Елизаветою – помнишь! в галерее Боргесе в Риме?) – и вакханалию, совсем уже пьяную и вместе могучую, – о смелость, не менее наивная, Андрея дель Сарто с сладострастием улыбки его типа – где вы?.. Одна скотина (впрочем, весьма талантливая), Сорокин – написал “Благовещение”. Я как взглянул, так и ахнул: “Господи, какая свинья!..” Взять жидовку-натурщицу, в которую не *верит* (т.е. как в красоту), изукрасить и бархатом, запястьями и поставить перед ней Ангела с обычным профилем римского натурщика и в позе тени отца Гамлета... Да я миллионы их бархатов, даже с папенькой их всех с Брюлловым, – отдам за какое-нибудь распятие Беноццо Гоццоли и за Иоанна, с такою детскою горестью *пригорюнившегося* у этого распятия – за любого из фламандских пьяниц... И Беноццо Гоццоли и фламандцы верят в *душу живу,* а эти господа все верят только в кисти и краски. Понял?

Все истинно великое есть *душевное*, будет ли оно итальянское в разных его оттенках, испанское, фламандское или немецкое. Как скоро изображаемый мир* выше душевной мерки, т.е. чужд ее – выходят фальшь и техника, как скоро ниже – разврат.

Вот, друг мой, тот абсолют, которого я крепко добиваюсь и без цемента которого все представляется в хаотическом распадении. В нем, в этом абсолюте души и ее правды мирятся вещи по-видимому непримиримые: мясистый Вакх Рубенса с светлым Богом – утешителем скорбей, допотопным Христом древнего ваяния; идеализм Рафаэля (т.е. собственно не идеализм, а *юность*, красота) с *кабацким* натурализмом Караваджио. Во имя этого абсолюта всякая *правда* становится уже идеальною, типовою – да потому-то только она и правда. С натурщицами и классическими позами доедешь только до крика красок и до штук. Куда ж тут девать Микель Анджиоло, спросишь ты?.. А куда угодно – сказал бы я, если бы у Микель Анджиоло и у Брюллова *подчас*, вопреки их исключительным показам *сил* – не выражалась *их* личная душевная сторона (так у Микель Анджиоло в его Мадоннах совсем figlio del popolo**).

---

* *Далее вычеркнуто*: выходит

** дитя народа (*ит*.).

К тебе теперь я образую речь,
Наш брат и наш любезный сын Гамлет...[2]

Что ты *почти* доселе показывал только *силы* красок или голоса, что ты молился идеалам, которым не верил, рабствовал перед готовыми формами – об этом мы с тобой уж говорили – и "розы Пестума" послужили тогда таким ярким доказательством!![3] Я назвал тебя тогда *живописцем*[4] – но это тогда в устах моих было почти что бранное слово. Ведь я тогда говорил картинам то, что кто-то говорил сонатам: Sonate, que me veux tu?..* И я был тогда прав. Ни мне, критику, ни массе нет душевного дела до Τεχνη, пока оно только *технэ*.

Тебе дано сил так много, что с тебя и спросится много. Скажу тебе вещь парадоксальную, но** верную. Ты-то именно страждешь тем, что, при твоих огромных силах, *бегал*, как трус, серьезного порешения вопроса об абсолюте – и самоуслаждался часто *видом* порешений – потому, оно покойнее – а огромные силы таланта, дескать, вывезут!

До свидания – пожми руку твоей жене, этому удивительному *обличению* (как твой простой душевный идеал, как твоя правда) всех колоритных и классических замашек и академических поз твоей музы – и пиши мне в Париж, куда я еду на днях.

Твой
А. Григорьев.

215. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

27 октября 1858. Санкт-Петербург

СПБург.
1858 г.
Окт. 27.

О, много, много воды утекло, коварный, ветреный, но все-таки прелестный и дорогой друг мой, Катерина Сергеевна, с тех пор, как я *тщетно* ждал послания от Вас во граде Флоренске и столь же *тщетно* во граде Париже. Целая полоса беспутной и безобразной жизни легла тут пластом – но из нее я вырвался все тем же *диким* господином, который известен Вам со всех его хороших и дурных сторон. И вот я опять на Руси – и делать, делать, делать хочется мне теперь. Будет бесплодно бесноваться, мучиться, враждовать, любить и ненавидеть... Впрочем, когда я говорю: *будет* – Вы мне, конечно, не поверите – да и очень умно сделаете. *Изжиться* я не могу – во мне сидит, должно быть, тысяча жизненных бесов. Как я жил в Париже – об этом лучше и не спрашивайте. Ядовитая хандра, безумные и скверные увлечения, пьянство до видений – вот эта жизнь. Что ж бы Вы думали? Вместо того, чтобы *изжиться*, я так растолстел, что друзья в Петербурге только ахают, смотря на меня. Да-с! натура железная.

Может быть, я скоро увижу Вас, ибо постараюсь приехать на 23 и 24 ноября в Москву – хоть и отравлена мне милая Москва!..

---

* Соната, что ты от меня хочешь?.. (*фр.*).
** *Далее вычеркнуто*: смелую.

Работаю, работаю и работаю – вот теперешнее слово моей жизни... Ну, а Ваше? Да что же наконец с Вами?.. Подайте весточку. Человек воротился в два часа ночи, усталый – и пишет к Вам несколько каракуль для того, чтобы заявить свое *пакибытие* – а Вы неужели *так-таки* и будете продолжать *коварствовать*? Ведь Вы со мной поступаете хуже, чем с *старцем*! А что старец[1], что Фришман, Шпаковский, *неоцененная* тетушка Варвара Сергевна с ее качелями – вообще, весь Ваш мир и общий нам мирок? Если буду в Москве, подарю Вам на память несколько *назидательных* книжонок для душевной Вашей пользы. Я все боюсь, чтобы Вы не *закисли*. Знаете ли Вы, коль скверно *закиснуть*, мой добрый друг... А *раскиснуть* немножко Вы ведь способны!

Поклонитесь всем Вашим.
Ваш старый и ныне толстый друг.

Адрес мой: На Гончарной улице, против Каретной части, дом Яковлева, в квартире Алексея Арсентьева.

P.S. Быт мой теперь чисто студентческий – наполовину деловой, наполовину безобразный.

На конверте:

В Москву.
Ее Высокоблагородию Катерине Сергеевне *Протопоповой*.
На Большой Калужской улице, за Калужскими воротами,
в Голицынской больнице.

216. А.В. СТАРЧЕВСКОМУ

14 ноября 1858. Санкт-Петербург

Милостивый государь,
Альберт Викентьевич!

Имею честь доставить Вам мою *поэмку*[1], которая только что прибыла третьего дня с моими вещами из Флоренции.

Благоволите по условию нашему пробежать оную до понедельника, и в понедельник, когда я зайду к Вам (от 12 часов до двух), сказать мне: угодно ли Вам купить* ее у меня за *96* рублей серебром (по *два* р. сонет – кажется, цена не неумеренная?) и денег дать мне немедленно – ибо у журнала с 13 000 подписчиками денег куры не клюют.

Ваш покорный слуга
Ап. Григорьев.

1858 г.
Ноябрь 14.

---

* *Вместо вычеркнутого*: взять

217. А.С. ИОНИНУ

23 декабря 1858. Санкт-Петербург

Ред⟨акция⟩ “Р⟨усского⟩ сл⟨ова⟩”.
1858 г.
Дек. 23 дня.
№ 1.
С-Пб.

М⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩,

Редакция “Р⟨усского⟩ слова”, прочтя Ваш почтенный и добросовестный труд, – желала бы поместить его в журнале с тем, чтобы, *во-первых,* Вы прибавили к нему введение, в котором познакомили бы нашу публику хотя слегка с жизнию и поэзиею Фердауси[1] – а, во-*вторых*, чтобы Вы исключили из нее все, что не принадлежит самому Фердауси, ибо мы думаем, что метода, Вами избранная*, допуская несколько личный произвол переводчика – не приложима** к классическим произведениям народов.

Редакция просит Вас покорнейше об ответе.

Имею честь быть
Вашим, М⟨илостивый⟩ го⟨сударь⟩,
покорн⟨ым⟩ слуг⟨ой⟩
помощник гл⟨авного⟩ ред⟨актора⟩.

Его высокоб⟨лагородию⟩
Г⟨-ну⟩ А. Ионину,
в Мостар[2].

1858–1859

218. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

Конец декабря 1858 или начало января 1859. Санкт-Петербург

Присылай скорее статью[1], как можно скорее, мой драгоценный! Да уж кстати бы прислал и статью о *Щедрине*[2], коли цела. Все пойдет в дело.

Боклевского дело обломил. Отыщи его и тотчас же гони на железную дорогу. Присутствие его необходимо для заключения условий с графом[3]. Пусть остановится у меня!

Когда ты сам поедешь, то имей *галантерею* позаботиться в дороге о моей жене – ибо она тоже собирается ко мне в побывку.

А главное *статьи* скорей, скорей – на мое имя и на мой адрес.

Жму и цалую руку Катерины Алексеевны и падаю к ногам Катерины Ивановны[4].

---

* *Далее вычеркнуто*: вносит
** *Далее вычеркнуто*: в отношении

1859

219. Д.А. МАСЛОВУ

22 января 1859. Санкт-Петербург

Ред⟨акция⟩ “Русск⟨ого⟩ сл⟨ова⟩”
1859 года. Января 22 дня.
№ 4

Мил⟨остивый⟩ гос⟨ударь⟩
Дмитрий Алексеевич,

по поручению гл⟨авного⟩ ред⟨актора⟩ “Русского слова” графа Григория Александровича, имею честь отвечать на письма Ваши, как к нему, так и лично ко мне, что

1) Мы просили Вас смягчить несколько *тон* Вашей статьи, не смягчая разумеется фактов – и сократить *выписки*, где можно.

2) Что, если Вам угодно отдавать нам Ваши статьи на условиях таких смягчений тона и сокращений выписок, то мы готовы печатать их ценою по 40 р. серебром за печатный лист.

3) Что тотчас же по изъявлении Вами согласия на эти предложения и присылке Вами 1) рукописи о Державине и 2) какой-либо одной из других Ваших рукописей, Вами поименованных, – Вам будут высланы с первою почтою *триста рублей* серебром по желанию Вашему в счет Ваших трудов, впредь до окончательной сметки по количеству печатных листов.

Желая Вам успешно продолжать Вашу полезную и прекрасную деятельность и надеясь в один из приездов моих в Москву познакомиться с Вами лично

имею честь быть
Вашим, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩,
покорнейшим слугою
Пом⟨ощник⟩ гл⟨авного⟩ ред⟨актора⟩ ”Русск⟨ого⟩ слова”.

220. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

26 января 1859. Санкт-Петербург

СПБург.
1859 г. Янв. 26.

Не дивитесь, добрый и нежный до бесконечности друг мой, что я не писал к Вам так долго, не браните меня и за те желчные строки, которые я, лежа больной, диктовал Лидии[1]. Неписание мое к Вам так тесно связано с хаосом моего душевного мира, а этот хаос до того сложен, что потребовались бы долгие, очень долгие объяснения. Все это – при личном, может быть, скором свидании, которое, надеюсь, будет и *дельнее* и *основательнее* прошедшего.

Скажу Вам, что я много работаю, еще больше хлопочу и обделываю много *полезных*, в лучшем и высшем смысле этого слова дел – благодаря Провидению и благородной натуре Кушелева, а между тем – во мне хаос ужаснейший, непримиряемый ника-

кою деятельностью. Так странно-особенно выработались у меня мои верования и мое мышление, что – страшно сказать – около меня стала пустота ужасная.

Не знаю, как Вам это объяснить – ну, да Вы так умны и тонки, что многое поймете из намеков. С исключительно либералами не сойтись мне совсем, потому что я по натуре артист; с исключительно артистами же не схожусь я потому, что каждая жила моя бьется за свободу и ни одна не выносит тупого, спокойного индифферентизма политического и религиозного, к которому все артистические натуры (кроме одного Островского) чрезвычайно способны. Вот и подите тут... Тяжело стоять почти что одному, тяжело верить глубоко в правду своей мысли – и знать вместе с тем, что в *ходу, на очереди* стоит не эта, а другая мысль, которой сочувствуешь только наполовину. Хорошо было Белинскому! В нем и в его эпохе не было этого ужасного раздвоения... А господа *олимпийские* друзья мои, т.е. Писемский, Тургенев, Фет, Анненков, даже Островский, кажется, мечтают, что мне так же легко будет бороться, как покойнику Виссариону Григорьевичу. Бороться в эпоху, когда, что ни человек – то партия, то новый оттенок мнения!!!

Веры, веры нет в торжество своей мысли – да и чорт ее знает теперь, эту *мысль*. По крайней мере, я сам не знаю ее пределов. Знаю себя только отрицательно. Знаю, например, что мысль моя мало мирится хоть с мыслию Максима[2] (т.е. Стеньки Разина или Емельки Пугачева) – так же мало с слепым и отвергающим все артистическое социализмом Чернышевского, с таким же тупым и *безносым,* да вдобавок еще начиненным всякой поповщиной социализмом славянофильства, еще меньше с церковью попа Матвея и Тертия Филиппова, вообще с церковью “иже о Христе Иисусе жандармствующих” – и всего больше с мыслию Г**[3], ибо эта мысль есть не что иное, как смело и последовательно высказанное исповедание того, чем некогда жили как смутным чувством мы все, со включением даже ныне оподлившегося Тертия.

Но будет об этом – это весьма печальная история!

А другие истории также печальны и вдобавок еще глупы.

Ну вот, например, – вздумалось мне поверить, что для личностей, как моя благоверная, есть какое-нибудь спасение... Что же вышло? Мерзость, мерзость и мерзость. Мерзость не в одном только запое, хоть и это вещь ужасная, особенно в женщине, – а мерзость в той же Лжи, в том же неизлечимом, огромном и вместе мелочном эгоизме.

Мерзость, наконец, во мне самом. Я не могу истребить в себе тоски пса по женщине[4], которая, вероятно, отупела уже в покое Пензенской губернии, и между тем, с какой-то бессовестностью отдаюсь всякому впечатлению, похожему на любовь. Как вода рыбе, необходимо мне сильно-страстное отношение к женщине – а в результате всех попыток остается одно, и вечно одно, и глупо одно. Ради Бога, друг мой – не слыхали Вы хоть вести, ну хоть сплетни какой *издалека*? Знаю сам, что это мерзостно – глупо и слабо – да что ж тут прикажете делать?

Сегодня 26 января – число, с которым связано несколько *язвительнейших* воспоминаний.

А ведь странно! Для одной только женщины в мире мог я из *бродяги, бессемейника, кочевника* обратиться в *почтенного* и, может быть (чего не может быть?), в *нdравственного* мещанина!.. Да нет! Зачем хочу я насильственно набросить тень пошлости на то, что было свято, как молитва, полно, как жизнь, – с чем сливалась и вера в борьбу, с чем выросла и окрепла религия свободы?..

Зовите меня сумасшедшим, друг мой, – но я и умирая не поверю, чтобы эта женщина была не то, чем душа моя ее знала...

Будет и об этом!

Петербург мне по-старому гадок. Общество *Олимпийцев* надоедает смертельно – хоть они и оказывают мне величайшую симпатию. И вот я, по обычаю, окружаю себя распутными, но еще верющими в жизнь пьяницами, хотя сам – успокойтесь – пью весьма умеренно, – да студентами... Островский и Фет *за сие* меня упрекают – не знаю, упрекаете ли Вы, всегда понимавшая меня так по-женски глубоко?.. Не думаю. Вы знаете лучше их, что мне никогда постареть не придется!

За тем – до свидания! Не мстите мне молчанием за молчание, если Вы не совсем закружились по вечерам и маскер⟨ад⟩ам.

A propos* маскерадов... Был я и сам раза три в оных – только разумеется – в самых *беспутных* и *безобразных*. "Люблю безобразие, друг мой!" – могу я сказать, как Скотинин Фонвизина говорит: "Люблю свиней, сестрица!"[5]

221. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

5 февраля 1859. Санкт-Петербург

СПБург.
1859 г.
Февр. 5.

Опять я пишу к Вам, мой добрый друг, к Вам, когда *не могу* ни к кому другому писать, даже к отцу.

Но я болен – морально (и отчасти физически, благодаря милому климату) – болен разными душевными недугами – и недугом тоски по Москве и другим еще худшим – недугом тоски по цели жизни.

Куда ни посмотришь, право, все такая мерзость и гниль, а в себе-то самом мерзость в особенности. Говорят, идет *чума* – Вы помните, я ждал много доброго от кометы![1]

А кстати, помните ли Вы это странное лето** моего отъезда за границу? С зловещим красным цветом окраин неба, с чем-то осенним в зелени, с чем-то тяжелым в воздухе?.. Знаете ли, что? (ведь я циник в откровенности). Под влиянием этого мрачно-поэтически тяжелого в воздухе, со всякой другой женщиной, которую бы я уважал менее глубоко и нежно, чем Вас, – можно было в дружбе доиграться до любви – да, может быть, несмотря на глубокое и нежное уважение, я бы и доигрался, по свойственной мне мерзости, если бы Вы не были еще вдобавок Крестом на могиле моего заветнейшего прошлого!!

Все это прекрасно – а цели-то в жизни все-таки нет. Работаю я страшно, хлопочу, как самый *деятельный чиновник* (я ли это?), а все-таки подозреваю, что вожу воду на чорта. Добавьте к этому, что не только работать, а беспрестанно интриговать или, по крайней мере, разбивать чужие подкопы нужно... Ну – пока работа-

---

* По поводу (*фр.*).
** *Далее вычеркнуто:* перед моим

ешь или интригуешь, это и занимает... А потом, потом – желчь да длинная, почти бессонная ночь. Вот и теперь. Досидел до двух...

О, усну ли я хоть раз еще тем молодым сном, от которого с усилием просыпаешься?..

Мерзко, мой добрый, нежный, благородный друг. Я уж наконец ни во что не верю, кроме художественной иронии Творца жизни. Положим, в дальнейшем загробном развитии души, ей и объяснится, что эта ирония есть вместе и Высочайшая Любовь, да когда-то еще объяснится!

Фет оставил меня желчно ругающимся на цензуру. Положим, что на этот раз я сломал зверя-цензора, провел-таки свою мысль в той форме, в какой она родилась, отчитал печатно религиозную Литургию за упокой великой души Виссариона Белинского... да ведь эти гнусные столкновения тоже портят кровь – чорт бы их взял!*

Читайте, Бога ради, теперешние статьи мои: в них кладется вся моя душа, жизнь и кровь. Может быть, недолго маяться-то: тороплюсь все высказать, что нагорело в душе.

Зачем я видел Италию – меня к ней тянет болезненно, – а между тем там я хандрил – да и теперь бы верно хандрил – по России. Любовь ли, мысль ли, впечатление ли (как Италия), – все как-то обращалось и обращается мне в казнь и язву... А все от того, что я – недовершенный Создателем артист, артист, у которого творчество съедено анализом... нет, мало этого: наперед подорвано жаждою жизни...

Ведь я все жить, жить и жить хочу, хоть самому это подчас смешно, – хоть все покушения любить, верить и проч. разрешаются сомнением, разочарованием, даже отвращением.

Хотел было приехать в Москву на Масляницу – нельзя – да и собственно говоря, незачем!!

А все-таки, не прощайте, а до свидания!

222. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

Конец января или начало февраля 1859. Санкт-Петербург

Милый друг! Вот тебе Потехин с повестью[1], а я... ... но, что такое я, ты можешь узнать от него...

А. Григорьев.

223. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

Январь–апрель 1859. Санкт-Петербург

Раз навсегда, мой добрый друг Яков Петрович, – допросись ты от самого себя и разреши мне вопрос: *должен ли* наш журнал носить какой-либо цвет и иметь какое-либо *убеждение*? Если *да* – то *как же* мы можем печатать г. Кулиша, который в отношении к Гоголю то же, что г. Чернышевский в отношении к Пушкину?[1]

---

* *Далее вычеркнуто:* А недавно

Не знаю, как ты, а я читал статью *с негодованием*, – и после ее помещения – *следует* печатать у нас и статьи Чернышевского.

Твой
Ап. Григорьев.

224. М.П. ПОГОДИНУ

11 мая 1859. Санкт-Петербург

СПБург.
1859 г.
Мая 11.

Достопочтеннейший Михайло Петрович!

Письмо г. Мамонтова, переданное Вами моему отцу, подает мне повод писать к Вам – и вот почему: если бы Вы просто прислали письмо г. Мамонтова[1], и он просто подал бы ко взысканию – мне нечего было бы и писать к Вам. Я знаю, что продажею дома г. Мамонтов выручит свои деньги с процентами – quod erat demonstrandum*. Но – Вы призвали моего отца для словесного объяснения – стало быть, Вы сердитесь на меня и не равнодушны ко мне, *quod*, тоже, *erat demonstrandum.*

Вы вправе на меня сердиться – но по старому обычаю Вашему Вы не берете в расчет circonstances atténuantes...** Я написал к Вам из града Флоренска письмо, которое Вас оскорбило[2]. Но, право, оно было больше горько, чем дерзко. Все темное, что у меня на душе накопилось, в нем вылилось... А темного было много, так много, что даже *загул* парижской жизни не мог залить той каинской тоски, которою я терзался. Но об этом – когда-нибудь, если Вам будет угодно, после и подробнее.

Теперь я пишу к Вам по простому влечению сердца. Опять послышался Ваш голос издали, хоть и ругательный, – но все же голос человека, мною глубоко уважаемого и еще больше любимого, человека притом, который сам, видно, не может отделаться от известного рода симпатии – все равно, что симпатия выражается раздражением – к безалабернейшему из многочисленных и многообразных Хлобуевых[3] *Российской Империи.* Да и не за что Вам совсем разлюбить меня. Разве не делаю я честно того же дела, которое делал в "Москвитянине", да и погодите, так ли еще это будет, если Великий Банкир[4] и Покровитель всех Хлобуевых продлит жизнь Кушелева и хорошее состояние дел. Теперь еще, для того, чтобы не запугать, я еще вынужден иногда хвалить существующие факты, как факты признанные – как например, отозваться с *уважением* о труде Соловьева[5]. Будет время – я все яснее и яснее разовью учение "Москвитянина", только, разумеется, очищенное, такое, над которым совершено уже *обрезание честного хвоста.* (Помните, что Вы называли хвостом?) Если Вы имели время пробежать хоть несколько страниц из написанного мною в последнее время – то Вы, вероятно, убедились, что я – все тот же, только стал искреннее и последовательнее. Увы! действительно, верования в формы, какие бы они ни были во мне, *все* подорвались – и я в этом не виноват: мерзкой фигуры Бецкого, глубокой, но софистически-страшной последней фран-

---

* что и требовалось доказать (*лат.*).
** смягчающие обстоятельства (*фр.*).

цузской брошюры Хомякова[6] – и в противуположность ей, этому ловкому разоблачению сущности дела, – богопротивных брошюрок Святейшего Синода, церкви *иже о Христе жандармствующих* – увы! этого более чем достаточно!

Повторяю, кладя руку на сердце, Вам не за что разлюбить меня. Что я Хлобуев и что, с другой стороны, я способен иногда прорваться загулами – это, конечно, скверно, но *мало* для того, чтобы лишить всякой симпатии со стороны человека, как Вы.

Напишите мне несколько строк в ободрение и примирение – и я опять буду доездить Вам письмами!

Что касается до г. Мамонтова, то я прошу Вас передать ему вот что:

Нынешний год я не могу беспокоить более Кушелева. У меня и так много дел денежных и своих, и чужих, ибо я не для одного себя старался извлечь добро из попавшегося мне клада. Если ему угодно будет продлить еще на год и принять в октябре за истекший год 10 или 12 даже процентов с капитала – к 1 октября, контора журнала вышлет их на имя его, и я заочно останусь ему признательным глубоко за то, что не обеспокоют моего старика. А нет – так в старике моем, который знает, что я все возможное делал и делаю – станет довольно мужества.

А главное, перестаньте сердиться на меня, а руководите лучше по-старому Вашими советами в деле, которое все на моих руках.

Ваш душевно и неизменно
Ап. Григорьев.

225. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

Конец мая 1859. Санкт-Петербург

Посылаю тебе, милый Яков Петрович, – письмо графа[1] к тебе и новую инструкцию. Из сей последней – ты усмотришь, что мы на следующий год существуем, как существовали, на старых основаниях. Обо всем этом надобно потолковать, а я не совсем здоров. Если Елена Васильевна еще не... *и проч.*[2], то хорошо бы ты сделал, кабы приехал ко мне сегодня обедать или вечером по благоусмотрению.

Твой
Ап. Григорьев.

226. А.А. КРАЕВСКОМУ

3 июня 1859. Санкт-Петербург

Милостивый государь,
Андрей Александрович!

Всякому человеку порядочному (в человеческом, а не великосветском смысле этого слова) свойственно – рано или поздно – платить свои долги, кому он должен ни состоял, а тем более – человеку столько уважаемому, как Вы.

Вы, вероятно, не забыли, что по старым счетам 1850 года я остался Вам должен 150 р., что со взятыми мною в конторе Вашей в Москве тогда же 15 р. – составляет 165 р.

Желая, хотя и поздно, но возвратить Вам этот долг, я прошу Вас покорнейше назначить мне способ его уплаты – как Вам будет угодно – деньгами или работою – оригинальною или переводною.

Как для разъяснения этого обстоятельства, так и по желанию лично засвидетельствовать Вам мое уважение – позвольте явиться к Вам в субботу, как в день, когда Вы бываете в городе.

Позвольте назваться
истинно уважающим Вас
как литератора и человека,
Ап. Григорьев.

1859 г.
Июня 3.
СПБург.

227. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

Начало июля 1859. Санкт-Петербург

Посылаю тебе, Яков Петрович, письмо твоего, по всей вероятности, непрошенного адвоката[1]. На *подобные* вещи обыкновенно не отвечают – а сообщаю я его тебе, потому что сей *господин* замешал тут без малейшего – как я верю – права твое имя.

Твой
Ап. Григорьев.

228. М.П. ПОГОДИНУ

4 августа 1859. Санкт-Петербург

Петербург.
1859 года.
Августа 4.

Достопочтеннейший
Михаил Петрович!

Прошу Вас во имя старых наших отношений – прочесть прилагаемую у сего статью о “Московском обозрении” – вследствие *искажения* которой в печати г. заведующим, в отсутствие Кушелева, управлением делами редакции, г. *Хмельницким* (известным Вам)[1] – я, если не получу из Парижа удовлетворительного ответа[2], – *протестую* публично в “Современнике” и “Ведомостях” петербургских и московских – и разрываю всякие связи с “Русским словом”.

Статья эта[3], касающаяся отчасти и Вас, и других, столь же или менее дорогих, но во всяком случае уважаемых мною лиц – да покажет Вам, что я все тот же, что я, упорно, как жид – из веси в весь, из страны в страну – понесу всегда мою святыню, мое *убеждение*.

Во имя *этого* – для чего я готов теперь поставить опять на карту *все* материальное благосостояние – я вправе требовать, чтобы Вы простили мне и мою раздражительность и мои безобразия.

Я теперь или накануне крайней погибели или накануне торжества и самого полного тех идей, которые воспитали во мне отчасти Вы и которым останусь я верен до нищенства, до тюрьмы, до чего угодно.

Образуется новое предприятие, новый журнал с большими средствами[4]. Судьба, *кажется*, отдает его организацию в мои руки. Помогите же, подайте наконец и руку, и голос Ваш человеку, который неуклонно видит в Вас главу своего направления, один из источников своих, некогда смутных, но всегда пламенных и твердых верований. Помогите мне в случае нужды собрать под Вашим главенством рассеявшееся по сторонам стадо зеленого “Москвитянина”!

Ведь *Правда* была только там, в этом зеленом “Москвитянине”!

Я два раза был в Москве – последний раз на прошлой неделе и, задумывая предприятие, – не мог, не хотел и – гордитесь! – не *смел* явиться к Вам.

А отчего?

Оттого, что я ходил ушкуйником[5] без Новогородского слова.

Боже мой! Вспомните, что весь этот год я работал *один*, работал с врагами, а не с друзьями. Из друзей, – Эдельсон разразился маленькой статейкой о “Тысяче душах” – да и под ней я должен был сделать примечание[6]: Иван Дмитрич[7], у которого просил его статей, – прислал мне детскую драму какого-то глупого гимназиста с испанскими именами, да еще сердился, что я ее не печатаю, и сердился на то, что я с уважением говорил о труде Соловьева[8], ни понимая при своем абсолютном ученом безносии – ровно ничего в моих целях. *Борис*[9], вероятно, взъелся за разбор “*Утра*”[10], не понимая тоже, что для того, чтобы действовать, мы должны отсечь все прежние наши безобразия формы, принести их в жертву правде основной нашей мысли.

Дело все в том: примете ли Вы живое и деятельное участие Вашими статьями, советами, славянскими связями в новом деле, которое я, *может быть*, организую и о котором сведение должно покамест оставаться тайною для всех, кроме Вас?.. Если *да* – то напишите мне с свойственною Вам краткостью и неразборчивостью почерка...

В сентябре я, *вероятно*, объявлюсь в Москве и объявлюсь у Вас.

Ваш всегда
Ап. Григорьев.

Адрес мой: в Полюстрове, близь дома графа Кушелева-Безбородко, на даче бывшей *Бибикова*.

229. М.П. ПОГОДИНУ

21 августа 1859. Санкт-Петербург

Петербург.
1859 г.
Авг. 21.

Достопочтеннейший Михаил Петрович!

Никакого письма от Вас я не получал – иначе отвечал бы с такою же поспешностью, с каковой отвечаю на только что полученное, коим Вы меня ужасно обрадовали.

А Вы опять-таки неправы и теперь в Ваших предположениях, как были неправы в них по делу с Трубецкой. Потрудитесь сличить печатную статью с присланной Вам письменной и Вы убедитесь, что если я не получу от Кушелева удовлетворения – то буду должен протестовать и бросить журнал[1]. Я 15-ть лет писал то, что – хорошо ли, дурно ли – но *искренне* думал и чувствовал – не стану же я *вилять* на 16-м.

Дело о новом предприятии разрешится в половине сентября. Пожелайте мне успеха или вообще какого-нибудь *конца*. Я устал до изнеможения.

Предлагают мне службу в Смольном монастыре. Вероятно возьму. Независимость – увы! все-таки пока мечта в стране, которая не дозрела еще до того, чтобы в ней всякое честное убеждение имело законное место.

Год жизни в Петербурге не помирил меня ни с ним, ни с его литераторами. Все это – свищи и хлыщи... "Врачу исцелися сам"[2] скажете Вы мне – но справедливо ли?.. Я безобразен в моих частных делах, но *делу*, убеждению служу как фанатик.

И я все-таки *верую*, глубоко *верую*, что Бог даст мне наконец или дело совсем по душе, или пошлет покой смерти.

Весь и всегда Ваш
Аполлон.

230. Г.А. КУШЕЛЕВУ-БЕЗБОРОДКО

Конец августа 1859. Санкт-Петербург

Ни один судья не осуждает окончательно обвиненного, не выслушавши его наперед. Смею надеяться, что и Вы меня выслушаете.

Из письма, полученного мною от Вас, граф, из-за границы в ответ на мое к Вам письмо[1] – я увидал, что напрасно понадеялся на честность моих обвинителей. В письме Вашем Вы говорите, что не желаете делать Вашего журнала органом *отсталых* идей. Явно, следовательно, что статья, из-за которой стало у меня дело, представлена Вам исполненною *отсталых* идей. Простейшее средство поверить справедливость такого донесения будет истребовать корректурные листы ее, *по счастию* уцелевшие у И.Ф. Горбунова. Из корректуры Вы увидите:

I.) что г. Хмельницким, по *личной* ненависти его к Погодину, выпущено место, в котором исчислены заслуги Погодина как историка, публициста и писателя. На таковой отзыв я считал себя уполномоченным 1) потому что уже не раз, в своих статьях, в "Русском" же "слове", начиная с первой же статьи об истории Соловьева – статьи, удостоившейся и Вашего одобрения, и одобрения таких западников, как Кавелин – отозвался о нем так[2]. 2) Потому что Вы сами, прошлого года, во время приезда Погодина в Петербург, хотели с ним познакомиться через А.И. Калашникова[3]. 3) Потому что газета, которая не может уже никак быть названа отсталою, – "Колокол" с уважением перепечатывает его письма[4], – а другая газета из дозволенных, но самых прогрессивных, даже в западном смысле, именно "Русская газета", чуть что не в каждом № печатает его статьи[5], и эти статьи – смелые, живые, производят огромный эффект. 4) Потому что – я желал, наконец, приобрести нашему журналу имя на букву: *П*, позамечательнее и популярнее имени г. *Пот-ебни*, годящегося разве только в матерный *rebus*[6].

II.) Желая, на основании убеждений, – некогда (и давно ли?) нам с Вами общих, – проводить направление *среднее* между западничеством и славянофильством, я отдавал в статье равную честь заслугам по разработке русской истории западников: *Кавелина, Павлова* (П.В.) и восточников: *Беляева, Аксакова* – и назвал серьезными представителями направлений журналы: "Русский вестник" и "Русскую беседу". Г. Хмельницкий, по личным ненавистям, вычеркнул имена гг. Беляева, Аксакова (не оскорбившие, однако, ни одного из благородных западников в моей статье о Соловьеве), вычеркнул слово: "Русская беседа" – и сделал мою статью чисто-западною, чего я никак не хотел.

III.) Я позволил себе жесткий отзыв об "Атенее" и его направлении – потому что над *кружковым иерейством* "Атенея" смеялись и западники, смеялись часто и мы с Вами.

Истребуйте корректуры и Вы увидите, что в этом только состоят мои преступления.

Я обещал повиновение всякому, кого Вы назначите – но в каком смысле? В отношении к *распоряжениям*. В этом отношении я повиновался и Вашему Букину. Личным же враждам и капризам г. Хмельницкого я не считал себя обязанным повиноваться – и *блага* журнала в этом не полагал.

Никакие приятели не поджигали меня. С Погодиным я уже более полутора года в личной ссоре и в приезды мои в Москву не видался ни с ним, ни даже с славянофилами, между которыми у меня даже нет приятелей в настоящем смысле этого слова. Во всем этом Вам также легко убедиться.

Я не протестовал и не буду протестовать нигде из чувства уважения и благодарности к Вам лично. Вы меня *поддерживали* как самый деликатный и нежный друг – и это я готов повторить громогласно хоть на Исаакиевской площади.

Подробно я не излагал Вам дела, потому что – опять повторяю – верил в *историческую точность и честность* господ, донесших Вам о деле. Теперь одной верою меньше – быть так!

В Вас я еще верю – и по-настоящему, и Вы еще должны в меня верить. Мы с Вами слишком во многом сходились, чтобы разойтись из *г. Хмельницкого* et consortes*. Я в Вас любил и люблю не редактора "Слова" и не графа Кушелева, а Григория Александровича, какого я узнал. Что мои привязанности крепки – это доказывает самая история за имя Погодина, к которому справедливого почтения не могла искоренить из меня даже личная ссора...

Без объяснения я дела не мог оставить. Оно вышло письменное – ибо я не знаю, допустили бы меня к словесному.

Что касается до денежных счетов то 1) я готов искупить их какой будет Вам угодно службою, обязанностью, черновою работою – ибо работа моя критическая оказывается неудобною. 2) Отдаюсь совершенно в руки Ваши и не буду в претензии даже в случае тюремного заключения. Мертвая петля, опутывавшая и опуты-

---

* и союзников (*фр.*).

вающая и имеющая опутывать меня, должна же была когда-нибудь затянуться.

Ваш всею душою

Аполлон Григорьев.

Адрес мой: "На Невском проспекте, между Владимирской и Грязной, в доме Логинова, в квартире г-жи Дубровской"[7].

231. М.П. ПОГОДИНУ

26 августа – 7 октября 1859. Санкт-Петербург

Авг. 26. Полюстрово[1].

Не имея покаместь никаких *обязательных* статей под руками, я намерен изложить Вам кратко, но с возможной полнотою, все, что случилось со мной внутренне и внешне с тех пор, как я не писал к Вам из-за границы. Это будет моя исповедь – без малейшей утайки.

Последнее письмо из-за границы я написал Вам, кажется, по возвращении из Рима[2]. Кушелев дал мне на Рим и на проч. 1100 пиастров, т.е. на наши деньги 1500 р. Из них я половину отослал в Москву, обеспечив таким образом, на несколько месяцев, свою семью; до 400 пошло на уплату долгов – остальные промотаны были в весьма короткое время безобразнейшим, но благороднейшим образом, на гравюры, фотографии, книги, театры и проч. Жизнь я все еще вел самую целомудренную и трезвенную, хотя целомудрие мне было физически страшно вредно – при моем темпераменте жеребца; кончилось тем, что я равнодушно не мог уже видеть даже моей прислужницы квартирной, с⟨ин⟩ьоры Линды, хоть она была и грязна, и нехороша. *Теоретическое* православие простиралось во мне до соблюдения всяких постов и проч. Внутри меня, собственно, жило уже другое – и какими софизмами это другое согласовалось в голове с обрядовой религиозностью – понять весьма трудно простому смыслу, но очень легко – смыслу, искушенному всякими доктринами. В разговорах с замечательно восприимчивым субъектом, флорентийским попом[3], и с одной благородной, серьезной женщиной[4] – диалектика увлекала меня в дерзкую последовательность мысли, в сомнение, к которому из 747 $^1/_2$ расколов православия (у comptant* и раскол официальный) принадлежу я убеждением: оказывалось ясно как день, что под православием разумею я сам для себя просто известное, стихийно-историческое начало, которому суждено еще жить и дать новые формы жизни, искусства, в противуположность другому, уже отжившему и давшему свой мир, свой цвет началу – католицизму. Что это начало, на почве славянства, и преимущественно великорусского славянства, с широтою его нравственного захвата – должно обновить мир – вот что стало для меня уже не смутным, а простым верованием – перед которым верования официальной церкви иже о Христе жандармствующих стали мне положительно скверны (тем более, что у меня вертится перед глазами такой милый экземпляр их, как Бецкий – этот пакостный экстракт холопствующей, шпионничающей и надувающей церкви) – верования же социалистов, которых живой же экземпляр судьба мне послала в лице благороднейшего, возвы-

* включая (*фр.*).

шенного старого ребенка изгнанника Демостена Оливье, – ребяческими и теоретически жалкими. Шеллингизм (старый и новый, он ведь все – один) проникал меня глубже и глубже – бессистемный и беспредельный, ибо он – жизнь, а не теория.

Читали Вы, разумеется, брошюру нашего великого софиста: "Derniers mots d'un chrétien ortodoxe"...[5] Она, кстати, попалась тогда мне в руки, и я *уразумел*, как он себя и других надувает, наш милейший, умнейший софист!.. Идея Христа и понимание Библии, раздвигающиеся, расширяющиеся с расширением сознания *общины*, "*соборне*", в противуположность омертвению идеи Христа и остановке понимания Библии в католичестве и в противуположность раздроблению Христа на личности и произвольно-личному толкованию Библии в протестантизме – таков широкий смысл малой по объему и великой по содержанию брошюрки, если освободить этот смысл из-под спуда византийских хитросплетений.

Духовный отец мой, флорентийский священник, увлекаемый своим впечатлительным сердцем к *лжемудрию* о свободе и отталкиваемый им же от *мудрости* Бецкого, – ходил все ко мне за разрешением мучительных вопросов, и я *воочью* видел, сколь нетрудно снискать ореолу православия.

Внешние дела обстояли благополучно. Старуха Трубецкая, как истый тип итальянки[6], как только узнала, что у меня есть деньги, – стала премилая. Князек[7] любил меня, насколько может любить себялюбивая натура артиста-аристократа. Милая и истинно добрая Настасья Юрьевна, купно с ее женихом[8], были моими искренними друзьями.

Готовились к отъезду в Париж. А я уже успел полюбить страстно и всей душою Италию – хоть часто мучился каинскою тоской одиночества и любви к родине. Да, были вечера и часто – такой тоски, которая истинно похожа на проклятие каинское; прибавьте к этому – печальные семейные известия и глубокую, непроходившую, неотвязную тоску по единственной путной женщине[9], которую поздно, к сожалению, встретил я в жизни, страсть воспоминания, коли хотите, – но страсть семилетнюю, закоренившуюся, с которой слилась память о лучшей, о самой светлой и самой благородной поре жизни и деятельности... Дальше: мысль о безвыходности положения, отсутствии будущего и проч. В возрождение "Москвитянина" я не верил, кушелевский журнал я сразу же понял как прихоть знатного барчонка... Впереди – ничего, – позади – едкие воспоминания, – в настоящем одно артистическое упоение, один дилетантизм жизни. Баста! Я закрыл глаза на прошедшее и будущее и отдался настоящему...

Между мной и моим учеником образовывалось отношение весьма тонкое. Совсем человеком я сделать его не мог – для этого нужно было бы отнять у него его девять тысяч душ, но понимание его я *развил*, вопреки мистеру Белю, ничего в мире так не боявшемуся, как понимания, вопреки Бецкому, ненавидевшему понимание, вопреки Терезе, которая вела *свою* политику... Я знал, к чему идет дело, – знал наперед, что возврата в Россию и университета *не будет*, что она свои дела обделает[10]. Воспитанник мой меня часто завлекал своей артистической натурой: он сразу – верно и жарко понял "Одиссею", он критически относился к Шиллеру, что мне и нравилось, и не нравилось – ибо тут был и верный такт художника, но вместе и подлое себялюбие аристократа, холодность маленького Печорина. Страстность развивалась в нем ужасно – и я не без оснований опасался онанизма, о чем тонко, но ясно давал знать княгине Терезе. Тут она являлась истинно умной и простой, здравой

женщиной. Вообще я с ней примирился как с типом цельным, здоровым, самобытным. Она тоже видела, что я не худа желаю, и только уже шутила над моей безалаберностью.

Рука устала писать, да и уже два часа ночи. Кончаю на сегодня...

Сент. 19. Петербург.

Принимаюсь продолжать – почти через месяц, – ибо все это время истинно минуты свободной, т.е. такой, в которую можно сосредоточиться – не было.

Море было удивительное во все время нашего плавания от Ливорно до Генуи и от Генуи до Марселя... Я к морю вообще пристрастился, начиная еще с пребывания в Ливорно. В Генуе дохнуло уже воздухом свободы. Портреты Мадзини и Гарибальди в трактире немало изумили меня и порадовали... Во Флоренции – я в *одном* отношении как будто не покидал отечества. Наш генерал Лазарев-Станичников[11], или, как прозвал я его, – Штанишников, был совершенно прав, избравши Флоренцию местом успокоения от своих геройских подвигов: он мог дышать воздухом герцогской передней и в Светлый день[12] проходить по Duomo* во время обедни строем солдат в своих красных штанах и во всех регалиях...

Второй раз увидал я красавицу Genova** – но с той разницей, что в первый раз я видел ее[13] как свинья – а в этот с упоением артиста, – бегая по ней целый день, высуня язык, отыскивая сокровищ по ее галереям. В своих розысках я держался всегда одной методы: никогда не брать с собой указателей, стало быть, отдаваться собственному чутью... Ну, да не об этом покаместь речь. Я Вам не путешествие свое рассказываю, а историю своего нравственного процесса...

Стало быть, прямо в Париж.

Приехал я, разумеется, *налегке*, т.е. с одним червонцем, – и поселился сначала в 5 этаже Hôtel du Maroc (rue de Seine), за 25 франков в месяц. И прекрасно бы там и прожить было... Не стану описывать Вам, как я бегал по Парижу, как я *очаровал* доброго, но весьма слабоумного Николая Ив⟨ановича⟩ Трубецкого и его больше начитанную, чем умную половину[14], как вообще тут меня носили на руках...

На беду, в одну из обеден встречаю я в церкви известного Вам (но *достаточно* ли известного?) Максима Афанасьева... Я было прекратил с ним и переписку и сношение по *многим* причинам – главное потому, что меня начало *претить* от его страшных теорий. Этот человек умен, как народ (т.е. гораздо всех нас умнее), а беспутен больше, чем самый беспутный из нас. Я делал для него всегда все, что мог, даже больше чем мог – делал по принципу христианства и по принципу служения народу. Не знаю, поймете ли Вы – но чего Вы не поймете, когда захотите? – почему *вид* этого человека, один *вид* разбил во мне последние оплоты всяких форм. Ведь уж он в *православии*-то дока первой степени.

Ну-с! и пустились мы с ним с первого же дня во вся тяжкая! И шло такое кружение время немалое. Повторю опять, что все к этому кружению было во мне подготовлено язвами прошедшего, бесцельностью настоящего, отсутствием будущего – злобою на Вас[15] и на всех наших, этой злобой любви глубокой и искренней.

Увы! Ведь и теперь скажу я то же... Ведь *те*[16] поддерживают своих – посмот-

---

* Собору (*ит.*), т.е. по соборной площади.
** Геную (*ит.*).

рите-ка – Кетчеру, за честное и безобразное оранье, дом купили[17]; Евгению Коршу, который везде оказывался неспособным даже *до сего дне*, – постоянно терявшему места – постоянно отыскивали места даже *до сего дне*[18]; ведь Солдатенкова съели бы живьем, если бы Валентин Корш (бездарный, по их же признанию) с ним поссорился, *не входя в разбирательство причин...*[19] А вот Вам, кстати, *фактец* в виде письма, которое дал мне Боткин, на случай его смерти[20].

Простите эти выходки злобной грусти человеку, который служит и будет служить всегда одному направлению, зная, что в *своих-то* – он и не найдет поддержки.

Максим мне принес утешительные известия о том, как ругал меня матерно Островский за доброе желание пособить Дриянскому насчет его "Квартета", продажей этого "Квартета" Кушелеву[21], – о том как пьет, распутствует моя благоверная...[22]

Опять сказал я: баста! и, очертя голову, ринулся в омут.

Но если б знали Вы всю адскую тяжесть мук, когда придешь, бывало, в свой одинокий номер после оргий и всяческих мерзостей. Да! Каинскую тоску одиночества я испытывал. – Чтобы заглушить ее, я жег коньяк и пил до утра, пил один, и не мог напиться. Страшные ночи! Веря в Бога глубоко и пламенно, видевши Его очевидное вмешательство в мою судьбу, Его чудеса над собою – я привык обращаться с ним запанибрата, я – страшно вымолвить – ругался с Ним, но ведь Он знал, что эти стоны и ругательства – вера. Он один не покидал меня.

Как нарочно, в моем № висела гравюра с картины Делароша, где Он изображен прощающим блудницу.

Сент. 29.

Дикую и безобразно хаотическую смесь представляли тогда мои верования... Мучимый своим неистовым темпераментом, я – иногда в Лувре молил Венеру Милосскую, и чрезвычайно искренне (особенно после пьяной ночи), послать мне женщину, которая была бы жрицей, а не торговкой сладострастия... Я Вам рассказываю все без утайки. Венера ли Милосская, демон ли – но *такую* я нашел: это – факт – факт точно так же, как факт то, что некогда, в 1844 году, я вызывал на распутии дьявола и получил его на другой же день на Невском проспекте в особе Милановского...[23]

Кстати замечу, что в Венере Милосской *впервые* запел для меня мрамор, как в Мадонне Мурильо во Флоренции впервые ожили краски. В Риме я, в отношении к статуям, был еще слеп – изучал, смотрел, но не понимал, не любил; нечто похожее на любовь и, стало быть, на понимание пробудилось у меня там в отношении к Гладиатору[24] – но еще очень слабо.

Возвращаюсь опять к рассказу.

Время свадьбы сближало меня с Трубецкими все более и более. План старухи Терезы оставить Ивана Юрьича флорентийским князьком высказывался яснее. Кстати – старшая дочь Софья, и так уже идиотка, доведенная еще до последних степеней идиотства Бецким, – от зависти ли, от нимфомании ли – начала впадать в помешательство.

Князек давно уже ничего не делал, а только видимо изнывал томлением.

Положение мое в отношении к нему было самое странное... Я, по-старому, упо-

треблял на него часа по четыре, выносил снисходительно (даже *слишком* снисходительно) праздную болтовню, чтобы хоть на четверть часа сосредоточить его внимание на каком-либо человеческом вопросе и двинуть его мысль вперед. Положение – адски тяжелое! Сергей Петрович Геркен, муж Настасьи Юрьевны – отличнейший малой, но истинный российский гвардеец (а впрочем, он тут был прав!), без церемонии гнал его к девкам... Ужасные результаты гнета системы мистера Бэля тут только вполне обнаружились. Вот она, эта бессердечная, холодная, резонерская система дисциплины без рассуждения, гнета без позволения возражений.

Я делал *свое* дело, дело расшевеливания, растревожения... Я делал его смело, но, может быть, тоже пускался в крайности. Впрочем, в крайности ли?.. Раз ездили мы в коляске по Bois de* Fontainebleau** с его теткой[25]. Между прочим разговором – она, отчаянный демагог и атеист в юбке, спросила меня, *как* я рассказываю князьку о революции и проч. – “В точности, подробности и всюду правду”, – отвечал я. “И вы не боитесь?” – спросила она. – “Чего, княгиня? Сделать демагога из владельца девяти тысяч душ?..” И я, и она, мы, разумеется, расхохотались. После этой прогулки она объявила княгине Терезе, “qui cet homme a infiniment d’ésprit: il ne tarit jamais”***.

Вообще я с ними обжился и – cela va sans dire**** – занял у князя Николая Иваныча две тысячи франков, которым весьма скоро, как говорится, *наварил ухо*.

И вот – учитель и ученик – вместе в Jardin ⟨de⟩ Mabille, в Château des Fleurs[26]. Тереза это знала и только шутя говорила, что за учителем следовало бы так же иметь гувернера, как за учеником.

Тут-то она наконец объявила, что мы едем не в Россию, а назад, во Флоренцию, и предложила мне ехать тоже.

Я согласился. Я полюбил “cara Italia, s⟨u⟩olo beato”*****, как родину, а на родине не ждал ничего хорошего – как вообще ничего хорошего в будущем.

О, строгие судьи безобразий человеческих! Вы строги – потому что у вас есть определенное будущее, – вы не знаете страшной внутренней жизни – русского пролетария, т.е. русского развитого человека, этой *постоянной* жизни накануне нищенства (да не собственного – это бы еще не беда!), накануне долгового отделения или третьего отделения, этой жизни каинского страха, каинской тоски, каинских угрызений!.. Положим, что я виноват в своем прошедшем, – да ведь от этого сознания вины не легче, – ведь прошедшее-то опутало руки и ноги, – ведь я в кандалах. Распутайте эти кандалы, уничтожьте следы этого прошедшего, дайте вздохнуть свободно, и тогда, но только тогда, – подвергайте строжайшей моральной ответственности.

Это не оправдание беспутств. Беспутства оплаканы, может быть, кровавыми слезами, заплачены адскими мучениями. Это вопль человека, который жаждет жить честно, по-божески, по-православному и не видит к тому никакой возможности!

---

* *Вместо:* Fontainebleau *было* Boulogne

** Лесу Фонтенебло (*фр.*).

*** что этот человек бесконечно остроумный: он никогда не истощается (*фр.*).

**** само собою разумеется (*фр.*).

***** “дорогую Италию, край блаженный” (*um.*).

Я кончаю эту часть моей исповеди таким воплем потому, что он у меня вечный. Особенно же теперь он кстати.

Я дошел до глубокого сознания своей бесполезности в настоящую минуту. Я – честный рыцарь безуспешного, на время погибшего дела. *Все* соглашаются внутренне, что я прав, – и потому-то – упорно *молчат* обо мне... Те, кто упрекают меня в том, что я в своих статьях не говорю об интересах минуты, – не знают, что эти интересы минуты для меня дороги не меньше их, но что порешение вопросов *по моим* принципам – так смело и ново, что я не смею еще с неумытым рылом проводить последовательно свои мысли... За высказанную мысль надобно отвечать перед Богом. Я всюду вижу повторение эпохи междуцарствия – вижу воровских людей, клевретов Сигизмунда[27], мечтателей о Владиславе – вижу шайки атамана Хлопки (в лице Максима Аф⟨анасьева⟩ et consortes*), не вижу земских людей, людей порядка, разума, дела.

Брожения – опять отлетели – да и в брожениях-то я никогда не переставал быть православным по душе и по чувству, консерватором в лучшем смысле этого слова, в противуположность этим тушинцам[28], которые через два года – не больше – огадят и опозорят название либерала! Ведь только *выблядок* мог такою слюною бешеной собаки облевать родную мать, под именем обломовщицы, и свалить все вины гражданской жизни на самодурство "Темного царства"[29]. Стеганул же *их* за первую выходку лондонский консерватор[30]: не знаю, раскусит ли он всю *прелесть* идеи статей "Темное царство"!..[31]

Да, через два года все это надоест и огадится, все эти обличения, все эти узкие теории... Через два года!.. Но будем ли мы-то на что-нибудь способны через два года? Лично я за себя не отвечаю. Православный по душе, я по слабости могу кончить самоубийством.

II

Сент. 30.

Итак, я решился ехать в Италию – сумел заставить скупую Терезу накупить груду книг по истории, политической экономии, древней литературе, убежденный, что в промежутках блуда и светских развлечений – князек все-таки нахватается со мною образования.

Я совершенно уже начал привязываться к ним. Достаточно было Терезе по душе, как с членом семейства, поговорить о болезни Софьи Юрьевны и о прочем, чтобы я помирился с нею душевно – уже не как с типом, а как с личностью – хотя твердо все-таки решился жить в городе Флоренске на своей квартире[32]. А *чем* жить – об этом я не думал. Со всем моим безобразием, я ведь всегда думал не о себе, а о своей семье, хоть, по безобразию же неисходному – часто оставлял семью ни с чем!.. Притом же я был тогда избалован Тем, Кого звал великим банкиром...[33]

Ветреный неисправимо – я в кругу Трубецких совершенно и притом *глупо* распустился... Правда, что и поводов к этому было немало. Я в них поверил. В кружке Николая Ивановича – *известные* издания[34] привозились молодым князем О**[35] и читались во всеуслышание – разумеется, с выпущением строк, касавшихся князя О⟨рлова⟩-*папеньки*. Князь Николай[36] пренаивно и пресерьезно проповедовал que le

---

* и соучастников (*фр.*).

catholicisme et la liberté* – одно и то же, а я пренаивно *начинал* думать, что хорошая душевная влага не портится даже в гнилом сосуде католицизма. В молодом кружке молодых Геркенов я читал свои философские мечтания – и наивно собирался читать всей молодежи лекции во Флоренции...

На беду, на одном обеде, на который притащили меня больного, в Пале Рояле, у Fréres provençaux** – я напился как сапожник – в аристократическом обществе... На беду ли, впрочем?

Я знал твердо – что *Тереза* этого не забудет!.. Тут она не показала даже виду – и другие все обратили в шутку – но я чувствовал, что – *упал*.

Отчасти это, отчасти и другое было причиною перемены моего решения.

30-го августа нашего стиля я проснулся после страшной оргии с демагогами из наших, с отвратительным чувством во рту, с отвратительным соседством на постели цинически бесстыдной жрицы Венеры Милосской... Я вспомнил, что это 30 августа, именины Остр⟨овского⟩ – постоянная годовщина сходки людей, крепко связанных единством смутных верований, – годовщина попоек безобразных, но святых своим братским характером, духом любви, юмором, единством с жизнию народа, богослужением народу...

В Россию! раздалось у меня в ушах и в сердце!..

Вы поймете это – Вы, звавший нас – “чадами кабаков и б**”[37], но некогда любивший нас...

В Россию!.. А Трубецкие уж были на дороге к Турину и там должен я был найдти их.

В мгновение ока я написал к ним письмо, что по домашним обстоятельствам и проч.

В Париже я, впрочем, провалandался еще недели две, пока добрый приятель[38] не дал денег***.

Окт. 6-го.

Я зачеркиваю не потому, чтобы что-либо хотел скрыть, а потому, что решаюсь развить более подробности.

Денег у меня было мало, так что со всевозможной экономией стало едва ли бы на то, чтобы доехать до отечества. С безобразием же едва стало и до Берлина. Моя надежда была на ящик с частию книг и гравюр, который, полагал я, – в *ученом* городе Берлине можно заложить все-таки хоть за пятьдесят талеров какому-нибудь из книгопродавцев****.

Вечера стояли холодные, и я, в моем коротеньком парижском пиджаке, сильно продрог, благополучно добравшись до города Берлина. *Теплым* я – как Вы можете сами догадаться – ничем не запасся. Денег не оставалось буквально ни единого зильбергроша.

---

* что католицизм и свобода (*фр.*).

** Провансальских братий (*фр.*).

*** *Далее вычеркнуто*: Денег стало только до Берлина. В Берлине я написал к Кушелеву о высылке мне денег и там пробыл три недели, в продолжение которых Берлин мне положительно огадился.

**** *Далее вычеркнуто*: Ночи

"Zum Rothen Adler – Kurstrasse!"* – крикнул я геройски вознице экипажа, нарицаемого Droschky и столь же мало имеющего что-либо общее с нашими дрожками, как эластическая подушка с дерюгой... Это я говорю, впрочем, теперь, когда Господь наказал уже меня за излишний патриотизм... А тогда, еще издали – дело другое, тогда мне еще

И дым отечества был сладок и приятен[39].

Я помню, что раз, садясь с Боткиным[40], садясь в покойные берлинские *Droschky*, я пожалел об отсутствии в граде Берлине наших пролеток. Боткин пришел в ужас от такого патриотического сожаления – а я внутренно приписал этот ужас аффектированному западничеству, отнес к категории *сделанного* в *их* души. Дали же знать мне себя *первые* пролетки, тащившие меня от милой таможни до Гончарной улицы[41], и вообще давали знать себя целую зиму, как Немезида – петербургские пролетки, которые, по верному замечанию Островского, самим небом устроены так, что на них вдвоем можно ездить только с блудницами, *обнямшись*, – пролетки, так сказать, *буколические*.

"Zum Rothen Adler!" – велел я везти себя потому, что там мы с Бахметевым[42] останавливались en grands seigneurs** – вследствие чего, т.е. вследствие нашего гран-сеньорства, и взыскали с нас за какой-то чайник из польского серебра, за так называемую Tee-maschine, которой дну мы, заговорившись по русской беспечности, допустили растопиться – *двадцать пять* талеров. Там можно было, значит, без особых неприятностей велеть расплатиться с извозчиком.

Так и вышло. "Rother Adler", несмотря на мой легкий костюм, принял меня с большим почетом, узнавши сразу одну из русских ворон.

Через пять минут я сидел в чистой, теплой, уютной комнате. Передо мной была Tee-maschine (должно быть, та же, только в исправленном издании) – а через десять минут я затягивался с наслаждением, азартом, неистовством русской спиглазовской крепкой папиросой. Враг всякого комфорта, я только и понимаю комфорт в чаю и в табаке (т.е., если слушать во всем глубокочтимого мною отца Парфения, в самом-то диавольском наваждении[43]).

Никогда не был я так похож на тургеневского Рудина (в эпилоге), как тут. Разбитый, без средств, без цели, без завтра. Одно только – что в душе у меня была глубокая вера в промысл, в то, что есть еще много впереди. А чего?.. Этого я и сам не знал. По-настоящему – ничего не было. На родину ведь я являлся *бесполезным* человеком – с развитым чувством изящного, с оригинальным, но несколько капризно-оригинальным взглядом на искусство, – с общественными идеалами прежними, т.е. хоть и более выясненными, но рановременными и, во всяком случае, несвоевременными, – с глубоким православным чувством и с страшным скептицизмом в нравственных понятиях, с распущенностью и с неутомимою жаждою жизни!

Окт. 7.

Писать эту исповедь сделалось для меня какою-то горькою отрадою. Продолжаю.

---

* «К отелю "Ротер Адлер" ⟨Красному орлу⟩ – на Курштрассе» (*нем.*).

** важными господами (*фр.*).

В *ученом* городе Берлине *либеральный* книгопродавец Шнейдер дал мне – ни дать ни взять, как бы сделал какой-нибудь Матюшин на Щукине дворе[44] – только двадцать талеров под вещи, стоящие вчетверо более.

С *двадцатью* талерами недалеко уедешь, а ведь кое-как надо было прожить от вторника до субботы[45], т.е. до дня отправления Черного ⟨...⟩[46].

232. П.А. ПЛЕТНЕВУ

13 октября 1859. Санкт-Петербург

Ваше превосходительство,
милостивый государь,
Петр Александрович!

Без рекомендаций и писем – хотя я и мог бы иметь их, обращаюсь я к Вам как к поэту, как к другу Пушкина, как к литератору великой пушкинской эпохи – обращаюсь на том единственно основании, что я – один из немногих верных и преданиям этой эпохи и ее направлению. Ни славянофил, ни западник, я пятнадцать лет своей литературной деятельности вел честную борьбу за художественные и общественные начала великого покойника.

Если труды мои как критика и как поэта-переводчика Шекспира и Байрона удостоились милостивого внимания Вашего, то они должны послужить мне лучшею к Вам рекомендациею, ибо, во всяком случае, это – труды честные.

Просьбу мою[1] я желал бы изложить Вам в словесной беседе, если таковой Вы меня удостоите.

В назначенный Вами день и час я буду иметь честь лично к Вам представиться.

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
и искренний почитатель
Аполлон Григорьев.

Адрес мой: Аполлону Александровичу Григорьеву, на Невском проспекте, между Владимирской и Николаевской улиц, в доме Логинова, в квартире г-жи Дубровской[2] (Московской части, 1-го квартала, № 26/60).

233. Барону М.А. КОРФУ

7 декабря 1859. Санкт-Петербург

Литератор Аполлон Григорьев имеет честь покорнейше просить Его Высокопревосходительство Господина Директора Императорской Публичной библиотеки допустить его, Григорьева, к занятиям в отделениях: 1) полиграфии и истории литературы и 2) в отделении изящных художеств[1]. В занятиях сих имеет он необходимость по принимаемому им участию в издании Энциклопедического лексикона[2].

1859 года.
Дек. 7. № билета моего 3731[й].

1859–1860

234. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

Декабрь 1859 – январь 1860. Санкт-Петербург

Чем сильнее любишь человека – тем чувствительней от него оскорбление, – это ты сам как психолог должен хорошо знать. Придти по праву дружбы колотить обухом по больному месту – дойдти хоть и пьяному до того, чтобы как пьяный кучер обратиться как к бляди к женщине, которая (по крайней мере тебе) не подала на такое *предложение* ни малейшего повода – и все это – из-за кого? Из-за подлой и настоящей бляди, прикрытой названием моей законной супруги... Не говори мне, что из-за отца... Отец с Аполлоном Майковым прислал уж мне и привет и чуть что не извинение: видимое дело, что и его и тебя это адское чудовище настроило!

Посылаю тебе письмо, полученное мною от Фета[1]. В последнее время – я, доведенный до крайности озлобления, видел над собою столько явных опытов милосердия Божия, судящего меня, человека "без совести", и иным судом, чем ты, – и видящего "тайная" сердца, – что письмо уже меня и не удивило. Итак – по милости моего Господа – я не буду подлецом перед тобою и твоей женой. Да и вообще – теперь нужна только энергия: есть средства вынырнуть.

Деньги отцу – *пятьсот* рублей – посланы во вторник. Хорошо было бы, если бы я вертелся, как флюгер, по манию моих друзей!.. *Высоконравственно* было бы бросить женщину, которую я люблю и в которой есть еще искра Божья, – ради *законных* отношений к экстракту всяческой лжи, гнусности и мерзостей, называемому Лидией Федоровной...

Нет – любезные друзья! Я вам отдал некогда Лидию Федоровну, потому что этим совершал над нею законный суд за все ее пакости – но я руками, ногами и зубами схвачусь за женщину, которую я люблю и которая меня любит, хоть она не образована и не говорит на разных диалектах.

А главное: "Господь, заступник мой – кого убоюся?.."[2] Он знал и видел, что, несмотря на все мои безобразия, я честно и искренне служил и служу тому, что считаю моим верованием – и Он, по великой благости своей, – спасает меня.

У меня в душе такая смесь и злобы и любви к тебе, что мне не хочется кончать письма.

Ну, мир что ли?.. Да отрешись ты в воззрениях на меня от *индравственности* и помирись с отсутствием ее во мне как с органическим недостатком...

Ведь нам все-таки жить и идти рука об руку вместе. Больше ни тебе не с кем, ни мне не с кем... Возьми же меня как факт!

1860

235. К.К. СЛУЧЕВСКОМУ

2 января 1860. Санкт-Петербург

Виноват перед Вами невольно, Константин Константинович! Я Вам обещал сегодня, т.е. в субботу вечером, быть дома – но оказывается, что я за неделю еще дал слово на 2-е января быть в гостях. Жду Вас с Вашим Клавдием[1] завтра.

Ваш

Ап. Григорьев.

На обороте: Его высокоблагородию
м⟨илостивому⟩ г⟨осударю⟩
Константину Константиновичу
Случевскому.

236. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

17 февраля 1860. Санкт-Петербург

В Санктпетербургский Цензурный комитет
Коллежского асессора Аполлона Александрова сына Григорьева

Прошение.

Принимая под свою редакцию издаваемый г. коллежским асессором Раппопортом журнал "Драматический сборник", покорнейше прошу Цензурный комитет утвердить меня редактором означенного журнала и вместе с тем дозволить мне изменить название "Драматического сборника" в название "Драматической библиотеки".

1860 года 17 февраля.

Коллежский асессор Аполлон Григорьев.

Жительство имею: Московской части, 1-ого квартала, на Невском проспекте в доме Логинова под № 59[1].

237. М.П. ПОГОДИНУ

Около 10 марта 1860. Санкт-Петербург

Вы здесь уже несколько дней, достопочтеннейший Михаил Петрович, – и между тем я не могу решиться идти к Вам. Мне это больно и глубоко прискорбно – а не могу. Судите меня, как хотите.

В последний раз хочу я говорить с Вами прямо, как перед Богом. Вы должны меня выслушать во имя наших прежних отношений – и во имя того, что, кажется, показалось Вам донкихотством (история с "Русским словом"), но что было в сущности только служением старому принципу.

В Вас до сих пор столько энергии, что Вы вот скачете из Москвы биться за своих норманнов[1] – а не хотите понять того простого факта, что человек может, Бог знает как, безобразничать в своей личной жизни... но предпочесть безвыходность, вечные долги, долговое отделение – потере самостоятельности и чистоты своего взгляда, измене старым привязанностям и верованиям... Что Вы этого не хотите понять, я прямо умозаключаю из того, что Вы не посылаете за мной. Мне к Вам идти без позыва тяжело... Черкните мне, что Вы хотите меня видеть не для того, чтоб рассуждать о моей погибшей личности, а о деле, некогда нам с Вами общем, и я приду.

Я ведь столько еще наивен – что, по-старому, верю 1) в силу и торжество этого дела, 2) в то, что в конце концов – ни Вам, ни мне не сойтись вполне с другими *делами* – потому что эти дела или 1) *Тушинский стан* ("Современник"), или 2) *Владислав* ("Русский вестник"), или 3) *Михайло Глебович Салтыков* с товарищи ("Атеней", "Наше время"), или 4) уж наконец просто атаман Хлопка или Стенька Разин... *Вам*, конечно, открыты теперь настежь двери всякого петербургского или московского журнала, да *как* открыты? совсем ли и надолго ли? Да ведь и мне они не закрыты – но ни с одним я долго ужиться не могу.

1) "Москвитянин" *победил* во многом, почти во всем (новые таланты, идея народности, имеющая и здесь из молодого поколения жарких поборников) – но над "Москвитянином", втихомолку признавая его положения, – постоянно издеваются. Это Вас не бесит?

2) Вам не ясно, что победу-то вырвали у нас из рук *безмолвным* заговором, разъединяя нас, отвлекая то того, то другого – то лестию, то фальшивым примирением? Ведь у меня есть факты на это.

3) Сам я, глубоко веря в истину и *единственную* правоту нашего направления, – совершенно убежден, что *никто*, кроме меня, не верит в его практическую возможность. В начале осени я задумывал дело без всяких средств – и опять обратился к Вашему другу – но предпочел *умолчать* о затеваемом деле – а просил его прямо помочь моей личности[2]. Хоть это и смешно – но все-таки в глазах такого практического человека, как В⟨асилий⟩ А⟨лександрович⟩, менее забавно, чем просить на наше осмеянное, оплеванное дело.

4) У меня земля всюду уходила из-под ног. Вы, говорят, бранили меня, что я ввел Хмельницкого к Кушелеву. Не Хмельницкий, так кто бы нибудь другой – целая шайка (кроме моей собственной распущенности: это у compris*). Схватился я за "Русский мир" – успел снять с него фигуру Петра[3], написал статью, от которой приходили в восторг люди порядочные, статью, которой *ясно* вызывал на ответ тушинцев[4]. Мне никто *не отвечал*. Стал было в шутовской форме фёльетонов "Сына отечества" катать разные современные безобразия мысли[5]. После второго же фёльетона Старчевский возопил в ужасе: "не надо, не надо!"... Вот что такое – направление "Москвитянина".

5) А между тем, я верю только в него и как сумасшедший убежден, что начнись опять издание, которое бы прямо и смело заявило, что оно будет продолжать дело "Москвитянина" (исчисливши в программе все прежним изданием сделанное) – оно бы, поборовшись энергически с год, – восторжествовало, т.е. вступило бы в колею

---

* включительно (*фр.*).

существующего, необходимого. Мало того – что *я* верю фанатически. У меня есть силы для этого дела – силы, готовые работать с яростью, работать бескорыстно, в ожидании будущих благ – силы 1) для борьбы за идею народности в жизни, искусстве, науке (А.С. Гиероглифов, В. Крестовский); 2) для борьбы против философского материализма во имя идеализма и православия как идеи (Н.Н. Страхов[6]); 3) для смелой борьбы за свободу против деспотизма, с одной стороны, и против тушинского фурьеризма, с другой (профессор Шилль[7]) и т.д. Все это – силы свежие, молодые, благородные, убежденные. Все их я мог бы Вам представить. Не говорю о *наших* коренных: Евгении, Алмазове, Мее, Колошине (с держанием сего последнего в руках), которые все проснутся, подымут голоса и головы, как только дело станет на ноги – но не прежде, *одни* по их подлому *мещанству*, другие по безвыходности их положения.

По каким же нибудь предначертаниям воли Божьей – я служу всегда, со всем моим безобразием, со всею безвыходностью положения – центром для разных однородных сил. По каким же нибудь тайным законам я храню упорно веру в наше старое дело.

Михайло Петрович! Я теперь так сошелся с редактором "Отеч⟨ественных⟩ записок" Дудышкиным, и сам Андрей Краевский поет теперь такую бесцветную песню, – что, стань я только бесцветен, как они, – личные дела мои, несмотря на всю запутанность, еще могут поправиться в течение нескольких лет.

Но за что же победа-то вырвана у нас из рук? Подумайте об этом!

Прошу у Вас беседы не лично до меня, а до дела касающейся.

Что до моей личности – то прилагаемые у сего тетрадки[8] могут, если Вы когда-нибудь их пробежите, удостоверить Вас, что я считал святым долгом быть с Вами откровенным, как с Богом.

Адрес мой: на Невском проспекте, между Владимирской и Грязной (Николаевской), дом каретника Логинова.

Ваш всегда
Аполлон.

238. В КОМИТЕТ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ (ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА)

30 апреля 1860. Санкт-Петербург

Милостивые государи!

Я не инвалид – у меня есть и голова и руки, но именно потому-то, что у меня есть голова и руки, – я смело обращаюсь с просьбою к литературным собратиям. Я прошу у вас вспоможения, потому что могу его возвратить впоследствии с лихвою, могу сам сделаться полезным членом вашего общества, если вы дадите мне средства распутать несколько мои крайне запутанные дела.

Литературный фонд – не трибунал совести, перед которым я должен был бы объяснять, нáсколько я сам, нáсколько обстоятельства – виною запутанности моих дел. Перед Литературным фондом – литератор, – дурно ли, хорошо ли, – но всегда *по убеждению* работавший с 1845 года и находящийся в крайне стесненном положении.

Литературный фонд должен знать ту простую истину, что тяжкие положения в особенности тяжки тем, что отнимают у человека даже возможность работать, т.е. возможность выйдти из них.

Я прошу моих собратий выдать мне заимообразно *восемь сот* рублей[1] – сумму, достаточную для того, чтобы я мог спокойно работать и работою сам привести дела мои в порядок.

Сумму эту, для бóльшей вероятности уплаты, я прошу на четырехлетний срок, обязуясь ежегодно уплачивать по *двести пятидесяти* рублей, – считая *пят⟨ь⟩десят* рублей ежегодным процентом этой неприкосновенной, не частным лицам, а обществу принадлежащей суммы.

Обеспечить уплату я могу, естественно, только работою.

Свободно переводя с языков французского и немецкого (с последнего даже сочинения философские), – я предлагаю в этом отношении свои услуги всем издателям журналов или издателям вообще, участвующим в фонде. Неужели же у всех них, в совокупности взятых, не найдется переводной работы на *двести пят⟨ь⟩десят* рублей в год?

Предлагаю же я работу *переводную*, как такую, в которой нет возможности разойтись в убеждениях и которая, следственно, вернее обеспечивает платеж суммы.

Уверен, что без важных причин Литературный фонд не откажется помочь человеку, которого деятельность была и будет всегда *честною* литературной деятельностью.

Аполлон Григорьев.

1860 года.
Апреля 30.
СПБург.

239. В КОМИТЕТ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ (ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА)

3 мая 1860. Санкт-Петербург

Из Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым *триста* рублей серебром получил Аполлон Григорьев. 1860 г. Мая 3 дня.

240. Н.Н. СТРАХОВУ

10 июня 1860. Санкт-Петербург

10 июня
1860 года.

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Я сегодня только воротился из Москвы, откуда приехал я помощником редакции “Русского вестника” и, пока еще я здесь, – уполномоченным Каткова на разные сношения с гг. сотрудниками журнала.

Михайла Никифорович поручил мне передать Вам, что он искренне уважает Вас и глубоко Вам сочувствует – и что, все что Вы ни напишете, будет с возможною скоростию помещаемо в “Вестнике”.

Насчет полемики надобно нам с Вами сговориться и основательно побеседовать.

Нельзя ли Вам, милейший, обедать у меня в воскресенье или – если не можете, то во вторник. В оба эти дня я буду Вас ждать.

Душевно Вам преданный
Ап. Григорьев.

В Полюстрове, пройдя минеральные воды, последняя дача к лесу.

241. Н.Н. СТРАХОВУ

17 сентября 1860. Москва

Москва.
1860 г.
Сент. 17.

Видишь ли, как скоро я собрался писать к тебе, мой милый и постоянно одинаковый ко мне друг, – доказательство: 1) моей любви к тебе и 2) моего отличного *поведения.*

А между тем, все-таки, и к тебе хотел бы я писать желчью, а не чернилами! “Маловер! почто усумнился еси?”[1] Что ты *несешь* о торжестве теорий “Современника”? В чем эти теории? Допрашивал ли ты себя хорошенько о концах концов этих теорий? Кажется, что нет: иначе ты не побоялся бы бросить в хари тушинской черни твое дивное стихотворение!

Пойми ты раз навсегда, что

I) Отвергать значение Пушкина в нашей жизни значит одно из двух:

a) или полагать, что есть действительно какая-то особенная жизнь, таинственная, неведомая у нашего племени, т.е. что мы не люди, а либо ангелы, либо орангутанги. В таковое безобразие впал друг наш Степан[2] или идет к этому;

b) или полагать, что есть так называемый *прогресс* и что конец этого прогресса – падение или, лучше, уничтожение искусства, науки, вообще *стремления*, практичность, человечество в покое, ergo* – человечество на четвереньках – идеал Чернышевского и Недоё⟨-ова⟩. Согласись, что из этой печальной дилеммы нет выхода.

II) Полагать, что в нас, как в племени, кроме абсолютной гнусности, ничего нет, значит подавать руку централизации, т.е. деспотизму – все равно николаевскому или робеспьеровскому, что *равно* гадко.

III) Полагать, что государственная свобода, политические права, наука – вздор и побрякушки, что главное дело – есть, пить и еть – значит, ты сам знаешь, что.

О каком *торжестве* ты говоришь, о мой маловерный пророк?.. Торжество зла, плоти, греха (в смысле учения идеализма) всегда бывало и всегда будет...

---

* следовательно (*лат.*)

Что мы на время *ненужные* люди, это надобно переварить. То, чему мы служили, во что веруем, т.е. Дух, истина, прекрасное, стремление – поверь мне, неиссякаемо и еще не раз поднимется к небу, если не стройным целым Парфенона и не стрелами готических соборов – то чем-нибудь другим, равно прекрасным, равно свидетельствующим о борьбе и силе духа. Не созданы же народы (ты знаешь, что я не верю в человечество) только срать (конечный результат *практической* жизни).

Теперь слетаю с облаков и поведу речь о себе, ибо я знаю, что мой субъект тебя интересует.

Я удрал из Петербурга, потому что там я был абсолютно ненужным человеком. Здесь я хоть с успехом занимаю место литературного чиновника по особым поручениям, веду разные книги, просматриваю входящие рукописи, составляю внутренние известия и т.д. Статья же моя о Пушкине, в ответ на безобразие Степана[3], которой зрелостью и ясностью ужасно довольна редакция "Вестника" (и что всего важнее – сам я, что редко со мною бывает), пролежит еще, может быть, до января – и винить их не могу. У "Вестника" – задачи *политические*, главным образом, а не философские и не эстетические. Политическим их задачам смело может подать руку каждый честный гражданин, и посему я готов быть говночистом "Вестника". Пусть в отдаленнейших результатах, т.е. в вере в славянство, в народ и т.д., – я с ними и разойдусь, да *покаместь*-то они более других правы служением идее self-government*, ненавистью к централизации, культом мира, свободы, законности.

Я удрал сначала один. Я хотел испытать, что́ сделает женщина, когда она любит. Что мне это стоило – это знает Бог, а что ей это стоило – знает доктор Захарьин, который едва-едва оправил теперь кое-как ее разбитый организм.

Изо всего Петербурга, поистине, мне жаль только тебя да Серова – две единственные души, в одно со мною верующие и не преследующие *практических* целей. Фуй – братец ты мой, какая погань или ветошь все остальное. Это я – говорю, я, чуть что не подлец в практической жизни, говорю потому, что в конце концов – безобразия мои по смерти забудутся, а уцелеет образ человека, честно верившего и служившего *идее*, предпочитавшего губить скорее свое честное (граждански) имя, чем хоть на иоту отступиться от своих верований.

Какая погань и ветошь (в хронологическом порядке) и *Яков Полонский*, из мелочного самолюбия соперничествовавший со мною, будучи сам и по невежеству и по лени неспособен к делу; и *Алексей Филатыч* (помнишь "Ипохондрика"?), и благородный джентльмен *Дружинин*, монополист водяных статей, не пускавший других в пределы своего откупа[4]. А это еще лучшие. А другие-то?.. А все те, подававшие руку *Хмельницкому*...

Да! и с тех пор, как исчезла святая *нетерпимость* кружка Белинского и Герцена, – с тех пор можно отлично плевать в рожу и быть оплеванным и жить все-таки припеваючи. Чувство чести, чувство нетерпимости зла пропало в передовых людях развития, – и результаты нашей гласности – взаимное и безнаказанное мордобитие, привычка общественного мнения к матерщине и т.д. Неужели ты будешь иметь дух сказать, что я *преувеличиваю*?.. А эта милая "Искра", каждый № преследующая *великое* общественное зло – талант Случевского, и *явно* продавшая "Современнику"

* самоуправления (*англ.*).

Кокорева, которого прежде не смела коснуться, пока не выплатила занятых у него на издание денег?.. А этот “Свисток”, по появлении которого вы все, олимпийцы, соберетесь, посетуете жалобно и разойдетесь*. Погань и ветошь!..

Не думай, чтобы я идеализировал Москву. Москва страждет другим недостатком – фарисейскою гордостью: но ведь это все-таки лучше.

То, что ты пишешь о Крестовском – меня не удивляет. Малому *учиться* надобно, а *ужасное* отсутствие средств к жизни сделало из него *писателя*. Он постоянно в ложном положении – мой бедный, добрый, но безосновный ребенок!.. Я вот и теперь заплакал горькими слезами (что со мною редко случается), подумавши об нем!..

Скажи Случевскому, когда воротится, чтобы написал ко мне. Это изо всех *молодых* – единственная *Личность*, пусть немножко и холодная, пусть и страшно самолюбивая, но *личность*.

Крепко пожми руку Серову и, главное, – пиши сам. Отвечать я буду всегда. К тебе я не ленив писать.

Твой всегда
Аполлон Григорьев.

242. М.П. ПОГОДИНУ

Между 17 и 28 сентября 1860. Москва

De profundis clamavi
ad Te, Domine!**[1]

Из присовокупляемого к сему отрывка, который прошу Вас прочесть внимательно, Вы можете убедиться, что нисколько не в розовом свете смотрю я на положение свое и многих в настоящую минуту нашей общественной жизни.

Еще более убедила меня в справедливости моей печальной мысли – та странная роль, которую судьба дала мне в “Р⟨усском⟩ в⟨естнике⟩”. Что я сошелся с “Р⟨усским⟩ в⟨естником⟩” – это Вы, конечно, понимаете. По крайней мере *они* – отрицательно-честные люди, не тушинские воры. Но вместо того, чтобы *тут* делать *свое, настоящее* дело, т.е. быть критиком, – я, как Дементьев, *составляю* внутренние известия, читаю вступающие в редакцию статьи, веду книги и т.д. – одним словом, сделан каким-то чиновником по особым поручениям и, *кажется*, исполняю мою обязанность *честно* и *аккуратно*. Статья же моя: “Пушкин – народный поэт”[2], в ответ на дикую статью Дудышкина, под тем же заглавием[3], – статья, которая редакторам весьма нравится и с которой они во всех пунктах согласны – лежит и пролежит, должно быть, до второго пришествия. Потому: литературные интересы – дело *НЕНУЖНОЕ*.

Стало быть, мне негде и не о чем писать. Я не могу писать в “Современнике”, ибо тут центр тушинцев, не могу писать в “Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исках⟩”, ибо это

---

* А эта история с “Псковитянкой” Мея, вещью, все-таки, по словам даже Тургенева, – исполненною первоклассных достоинств. Ведь хотели вы ее читать на литературном вечере – и продали, ⟨- -⟩ вашу мать! ⟨*Примечание Г.*⟩.

** Из глубины взываю к Тебе, Господи! (*лат.*).

тоже тушинцы, только вялые и робкие, не могу писать в "Библиотеке", ибо там разводит воду Дружинин и *сего* для "Библиотеки" достаточно. Вообще я не могу писать нигде – а где могу, там моего рода деятельности – не нужно. Да и это самое место, где я *могу* работать, выбрал я только как *le pis aller**. Ведь дело-то в том, что под моим чисто по-видимому литературным исповеданием кроется (и не скроешь его никак!) наше общее с Вами политическое, религиозное и общественное исповедание – *много* расходящееся и с славянофильством, и с самим "Русским вестником", и с поповщиной – исповедание, может быть, неуясненное окончательно ни для Вас, ни для меня, ни для О**[4] (который *внешне* и довольно *подло* отдался тушинцам), ни для Э**[5] (который отупел от праздности), ни для А**[6] (который один уцелел, как был) – но тем не менее глубокое и ничем не искоренимое.

Победа и завоевание прочного значения были в наших руках в 1851, 1852, и даже в 1853 годах. *Вы* и *мы* равно виноваты** в том, что выпустили ее из рук. Затем со стороны разных господ (*может быть,* целой корпорации) воспоследовало приложение правила: "Divide et impera"***. Это все Вы столь же хорошо знаете, как и я. Видимое дело – что Вам самим тошно без деятельности и без распущенного знамени. В этом я убедился из письма Вашего к А** о газете – но и тут я узнал Вас в *удивительном*, противуестественном *совокуплении* Б. А⟨лмазова⟩ и Никиты Гилярова. Помилосердуйте, отец и голова нашего *несуществующего* направления – чтó тут общего? Для Вас, меня, Б. А⟨лмазова⟩ – один из краеугольных камней цельного верования – Пушкин, неотделимый от всяких и политических и общественных наших взглядов. Для Гилярова, равно как для тушинцев и равно как для попов, и равно как для славянофилов, – вообще для всех теоретиков, Пушкин – скорее предмет ненависти, чем любви и почтения. Поймите Вы это! Вы долго занимались любимым Вашим коньком – мыслию соединения всех партий против будочника. Чем Вам на нее отвечали? Да мысль-то самая – ложна по существу своему, как всякий эклектизм. Будет Вам с этим бессемянным вздором возиться! Пора встать честно и прямо.

Теперь я поведу речь о себе, зовущем Вас на деятельность – в предупреждение всяких обвинений.

Я пил – с каннского, адского отчаяния – но я больше *не пью*, и те, которые с злорадством распространяли, *как* я пью, – должны знать так же, *как* я умею не пить.

Я *держу* любовницу. В переводе на человеческий язык это значит вот что: я несчастливо женат, я, отец чужих детей[7], таскаемых по кабакам матерью их, – встретился с женщиной, которая готова со мной в огонь и в воду, которую я честно полюбил за ее же честную любовь. Естественное дело, что я ни за что в мире ее не брошу – да и незачем, говоря только без предрассудков. Если бывают исключительные положения, то уж мое – одно из первых. Я было попробовал, стиснув сердце, – помириться с женой по возврате из-за границы. Чудовище осталось чудовищем, и с тех пор я вполне прав перед Богом, совестью и настоящими людьми.

---

* на худой конец (*фр.*).

** *Далее вычеркнуто*: равно

*** "Разделяй и властвуй" (*лат.*).

Я в долгах. Но в сущности – один только долг важен, ибо по заемному письму – да и тот не велик. (Продажа дома очищает как заклад, так и некоторые долги.) За остальные можно *на время* стерпеть эпитет подлеца.

*Ergo**, ничто не препятствует мне с энергией и фанатизмом отдаться делу.

Какому?

Или восстановлению "Москвитянина".

Или...

О последнем: *Или*: перетолкуем с Вами, когда Вы меня позовете.

Ваш всегда и единственно *Ваш*
Аполлон.

Адрес мой: Каткову для передачи мне.

243. М.П. ПОГОДИНУ

28 сентября 1860. Москва

Сент. 28.

Еще пишу к Вам, потому что факты приходят в ясность. Дом мой продается за *шесть* тысяч – ergo, я квит с Вами или с Мамонтовым или с Теряевым – не знаю, право, с кем.

Но дело не в том.

Дело в том, что и Вам и мне нужна *деятельность*. Мне нужна она так, что либо в петлю, либо в Лондон, либо *что-нибудь* делать.

Из остатка суммы я могу употребить на дело *тысячу* рублей и годовой свой труд. *Может быть* еще, с некоторым трудом – добуду у Каткова и Леонтьева типографию, по крайней мере, на полгода.

Что газету Вам не разрешат, это – почти верно.

Мой проэкт вот какой: 1) Или взять "Московский вестник", который, кажется, провалится[1]. Условия предложить – наше издание и вознаграждение их убытков из будущих выгод. Испросить на заднем листке каррикатуры. Если можно, втянуть в наше издание кого-либо из музыкальных торговцев и давать музыкальные приложения.

2) Или начать маленькое издание в формате "Домашней беседы" Аскоченского (но не во вкусе ее)[2]. Я с Аскоченским говаривал о его издании: он мне говорил, что издание стоит ему *до* шести тысяч.

Есть одна – откуда взять *пять*?

Пожертвуйте *тремя* способом отрицательным, т.е. употребивши на дело те деньги, которые получатся за мой дом в уплату, т.е. около *трех*.

Типографии у К⟨аткова⟩ и Л⟨еонтьева⟩ избегнуть бы лучше, ибо, взявши типографию у них, мы не можем взять уже Сергея Колошина – а он *сила*. Еще не достанет ли он? Я еще и не видался с ним и не увижусь, пока с Вами не столкуюсь.

Выгоды и убытки на основаниях *акций*.

Я вношу трудом и капиталом 2200 рублей. – Вы – *три*. Колошин – трудом и капиталом остальное и т.д.

---

* Следовательно (*лат.*).

Если – “*Вестник*”, то из него (я не говорю о направлении) надобно сделать, насчет удобств дешевизны и проч. московский “Сын отечества”.

Жду Ваших решений.
Ваш всегда
Аполлон.

244. М.П. ПОГОДИНУ

20 октября 1860. Москва

Я во вторник у Вас не был да и не буду всю эту неделю, потому что занят окончательной продажей дома.

Был в Комитете и видел бумагу, при коей отправлена просьба[1]. По тону бумаги – трудно отказать. Если Вы послали письма, то это еще более будет содействовать успеху.

Между прочим – *пишу*.

1860.
Окт. 20.

Ваш всегда
Аполлон.

На обороте:
Его превосходительству
м⟨илостивому⟩ г⟨осударю⟩
Михаилу Петровичу Погодину.
На Девичьем Поле,
в приходе Саввы священного,
в собственном доме.

245. П.А. ПЛЕТНЕВУ

24 октября 1860. Москва

Ваше превосходительство,
милостивый государь
Петр Александрович!

В прошлом году я обращался к Вам с покорнейшей просьбой[1] обратить на меня Ваше милостивое внимание и помочь мне – содействием ли к определению меня на службу, другим ли чем-либо – сохранить в целости те литературные и общественные убеждения, которыми я принадлежу гораздо более к пушкинской, чем к современной эпохе.

Храня как святыню свои убеждения, я во имя их осмеливаюсь вновь обратиться к Вам по делу чисто литературному.

Михаил Петрович Погодин еще в 1857 году передал мне редакцию “Москвитянина”, а ныне в 1860 году подтвердил эту передачу.

Московский цензурный комитет отнесся насчет возобновления журнала и допущения в нем политических известий – разрешенных, впрочем, “Москвитянину” в 1856 году, – в Главное управление цензуры.

Ваше слово и Ваш отзыв, без сомнения, могут иметь большой вес в этом деле. А что это дело – честное, Вы, смею надеяться, – не сомневаетесь.

Я лично также не сомневаюсь в том, что, если Вам будет возможно – Вы замолвите доброе слово в пользу честного дела.

Позвольте назваться
Вашего превосходительства
усердным почитателем
Аполлон Григорьев.

Москва,
1860 г.
Окт. 24.

246. А.Н. МАЙКОВУ

24 октября 1860. Москва

Москва,
1860 г.
Окт. 24.

Вот я опять пишу к тебе, милый тезка, хоть от тебя еще ни строки на мое первое послание[1], пишу, потому что никаким злокозниям не приписываю твоего молчания, потому что в тебе уверен, как в слишком немногих.

Ну, “jacta est alea”*[2]. Мы, т.е. я и Погодин, поднимаем старое знамя. Программа “Москвитянина” под моей редакцией послана на прошлой неделе в Главное управление цензуры при такой бумаге здешнего Цензурного комитета, по которой гораздо труднее отказать, чем пропустить[3]. Если ты можешь *там* что-либо, похлопочи. Дело по убеждениям – почти общее.

Явно, что это, с самого же начала, будет самая дерзкая борьба за поэзию, народность, идеализм против всякого социалистического и материалистского безобразия. Формы – долой. В настоящую минуту мы не имеем уже более нужды прикрывать себя ни официальным православием, ни тому подобным.

Рассчитываем мы не на барыши, а прямехонько на убыток – на год и даже на полтора... Издание – еженедельное: формат, разнообразие содержания и цена “Сына отечества”. Главный отдел, конечно, – критический и полемический, но будет и всякое забирательное, даже карикатуры (с язвой).

Может быть, я сам на той неделе приеду звать лично к соучастию немногих совсем честных и одномыслящих людей: тебя (хоть к *безыменному*), Розенгейма, Н.Н. Страхова, смелого до наглости М. Загуляева, Мейку и... еще кого ты не укажешь ли? Деньги есть, *ergo*** плата будет не меньше “Сына”. Батюшки! А Серова-то и забыл?

---

* “жребий брошен” (*лат.*).
** следовательно (*лат.*).

А propos*, какие вы там "*Искусства*" затеяли?[4] Безмудое это или с мудами? Имя Дружинина, ярко сиявшее в объявлении, значительно говорит о безмудости, – но участие Серова показывает, что хоть одно яйцо есть.

На безыменное участие многих из вас (тебя, Фета, Тургенева) я надеюсь. Я, ей-Богу, никому не скажу, господа, – и вы можете *спокойно* уважать наружно Недоё⟨-⟩ова с компанией. А между тем и вы, беззлобивые иногда (потихоньку, чтоб не проведали!), сообщите хорошую *язву*!

Вот они там и в "Свистке" и в "Искре" целые печатные листы глумятся над поэтами, под видом плохих (Крест⟨овский⟩, Куск⟨ов⟩), которыми не стоит заниматься, глумясь в сущности над лиризмом. А как это вот в такое *дельное* время – то и дело, что появляются певцы и песни – и ведь не о квартальных, даже не о крестьянском вопросе, а все о том же, о чем испокон века пела душа человеческая!.. Недавно в глуши Замоскворечья отыскал я не бог знает какого, но с свеженьким талантом лирика, по прозванию Бабикова. Посылаю тебе на пробу три штуки (у него тетради – в коих бездна вздора), рекомендуя твоему вниманию в особенности первое. Тисни их куда-нибудь в приличное место для хода и для поощрения, если найдешь, что это недурно. Первое-то (песня), право, очень хорошо!

А что мой орленок?[5] Воротился ли и если воротился, то что он делает? почему не пишет ко мне? По гнусному эгоизму, что ли?.. И это ничего! Эгоизм – не мелочное самолюбьице.

Опамятуется ли Крестовский? Таланта лирического в нем нет: повести его пока – *сочинение*, т.е. вздор – но хоть хороший бы боец за честное дело из него вышел! Для этого нужно только отречься от самолюбьица и иметь веру.

Любезные друзья! "Антихрист народился" в виде материального прогресса, религии плоти и практичности, веры в человечество как в genus** – поймите это вы все, ознаменованные печатью Христовой, печатью веры в душу, в бе⟨з⟩граничность жизни, в красоту, в типы – поймите, что даже (о ужас!!!) к церкви мы ближе, чем к социальной утопии Чернышевского, в которой нам останется только повеситься на одной из тех груш, возделыванием которых стадами займется улучшенное человечество. Поймите, что испокон века были два знамени. На одном написано: "Личность, стремление, свобода, искусства, бесконечность". На другом: "Человечество (человечина, по остроумному переводу юродствующего Аскоченского), материальное благосостояние, однообразие, централизация" и т.д.

Твой
Аполлон.

Адрес: А.А. Григорьеву, на Полянке, в приходе Спаса в Наливках (Якиманской части, V-го квартала), в собственном доме[6].

* Кстати (*фр.*).
** род (*лат.*).

247. М.П. ПОГОДИНУ

30 октября 1860. Москва

Видно, без Вас, мой добрый, хотя часто сердитый (и иногда понапрасну), Михаил Петрович, не обойдется у меня никакое дело.

Впрочем то, о чем я теперь хочу просить Вас, так резонно и просто, что я уверен, Вы не откажете в содействии.

Наивернейший покупщик для дома моего, дающий за оный *шесть* тысяч, не может заплатить всего чистыми. Ежели Теряев по записке от Вас согласится получить *проценты* и снова сейчас же, вместе* с совершением купчей, написать закладную в *2400 р.* на год, никак не более (да если б и более, то он не в накладе) – мы с *праздником*. Проценты по 6-ти, как и в 1857 году условливались – будут ему выплачены тотчас же за все истекшее время, при свершении купчей. Прошу Вас об этом, вполне резонном деле, единственно потому, что, хотя и нетрудно заложить дом, стоящий 6000, за 2400, но с Теряевым – скорее.

Я *самолично* нахожусь в наилучшем нравственном и физическом здоровье, полон бодрости, ярости на врагов и надежд на “Москвитянин”, – но в состоянии, которое один очень умный человек называл absence momentanée, mais totale de capitaux**, – так что в сухую и *холодную* погоду не мог являться на Девичье Поле за отсутствием зимнего туалета, в более же теплую и влажную, за отсутствием калош – да и потому еще, чтобы не впасть в гнусное *искушение* (какое – Вы, вероятно, догадываетесь).

Сегодня приходили ко мне от Вас фактор Бахметевской типографии и Смирнов. Дорого просят, 20 р. сер⟨ебром⟩ за завод и 3 надбавки за другой. Во *вторник* я у них буду – и надобно устроить по 17 за завод с надбавкой $1^1/_2$ рубля за $^1/_2$ завода. Бумагу по 2 р. 75 к. у братьев Кошеверовых достанем отличную.

Ради Бога, отвечайте мне с сим посланным насчет моей просьбы, чтобы я заранее мог принять меры до завтра.

Завтра, т.е. в понедельник, я во всяком случае постараюсь прибыть на Девичье Поле.

Ваш до мозга костей
Аполлон.

1860 г.
Окт. 30.
*Воскресенье****.

248. М.П. ПОГОДИНУ

31 октября 1860. Москва

Как будто знал я, что у меня столько приятелей, которые пускают про меня, буквально сидящего в берлоге, нехорошие слухи? Какие? 1) В рот я не беру хмельного – и если уж не беру, то совсем. 2) С женой я не могу жить под одной крышей, потому что нельзя же жить с женщиной, которая только и делает, что награждает

---

* *Вместо зачеркнутого*: заложить

** отсутствие капиталов временное, но полное (*фр.*).

*** *Первоначально было*: 29. Суббота.

меня детьми, мне не принадлежащими, и которую не далее как вчера вечером подняли у суконных бань и привезли мертва-пьяную какие-то *милосердные* души.

Понятно, что *подлая* и *бесчестная* семья Коршей чернит меня всячески – ибо знает, что тотчас же по продаже дома я выживу гнусную тварь из дома моего отца.

Еще что же? – Т.е. что *такого*, о чем бы я заранее Вас не предуведомил, даже письменно? Да и каким образом мои *семейные* дела или мои отношения с женщинами вообще относятся к нашему *делу*?

Кроме Коршей – да разве г. *Боруцкого*[1], успевшего поссорить меня на время с редакцией "Вестника", – я не знаю никого, кому бы была охота про меня вздор говорить. Разве из друзей кто не пустил ли, *юмора* ради, слух, что я загулял.

Насчет *дела*, о котором я Вас просил, я уж, право, и не знаю, как яснее написать. Попробую.

1) За дом дают *шесть тысяч*.

2) Заложен он за *две тысячи четыреста*. С процентами (не за 5 лет, а с июля 1857 года – значит, за $3^1/_2$ года) следует отдать 2904 р. (по 6-ти процентов).

3) Проценты будут при самом совершении купчей взнесены сполна – и покупщик просит только оставить на год дом в закладе, т.е. перезаложить его за те же 2400 р.

4) Этой несложной и нехитрой операцией спасается у меня 400 р. без малейшего вреда Мамонтову, ибо с другим покупщиком, покупающим на чистые деньги, надобно кончить дело на 5600 р. – с этим же на 6000.

Впрочем, если этого и нельзя, то ничего.

Ради Бога, не будьте так вспыльчивы, добрейший Михайло Петрович – а главное еще: положите конец гнусным сплетням – не слушая их. Вы ведь одно знаете – что я слишком горд для того, чтобы скрывать в себе даже *мерзости* – и особенно от Вас! Завтра я приду к Вам.

249. М.П. ПОГОДИНУ

5 ноября 1860. Москва

Боюсь, чтобы Вы, достопочтеннейший Михаил Петрович, опять не заподозрили какого-нибудь загула.

Неудачи сыплятся на меня за неудачами, с каким-то остервенением. Самое верное меня обманывает. Покупщик отказался, и приходится отдавать другому за 5500 р. – что для меня расчет весьма чувствительный.

Право, уж я наконец начинаю твердо верить ⟨в⟩ один "Москвитянин". С получением дозволения – я другой человек и нет мне тогда дела ни до чего, кроме журнала.

Ваш всей душой

Аполлон.

1860 г.
Ноября 5.

250. М.П. ПОГОДИНУ

Первая половина ноября 1860. Москва

Покойный Хомяков говорил раз, что без надежды на победу не бывает, да и не может быть, борьбы – и он был прав.

Я верю в возможность победы нашего направления, верю глубоко и вере этой отдавал и готов отдать все, что только могу отдать. Но вместе с тем, я верю, по многим жизненным и душевным опытам, в противодействие злой силы того господина, который в наше время, чтобы удобнее действовать, притворился, что его *нет* – и часто вижу воочью его поганый хвост. Всякий раз, когда я его увижу, я Вам – сердитесь Вы на меня или нет – буду указывать, а из указаний моих делайте, что хотите.

Сила вовсе не в том, что мы с Борисом люди непрактические и даже *гулящие* (впрочем *гульба*, собственно, делу у нас с ним не вредила) – сила не в том, что в глазах нескольких *вполне* и даже с избытком обеспеченных господ я буду подлецом на несколько времени, – все ведь это, сами Вы знаете – вздор! – сила в том, что со всеми другими Вы, рано или поздно – но в чем-нибудь да разойдетесь – и только с нами (из молодого, подразумевается, поколения) можете делать дело вполне общее. Это не самохвальство во мне говорит, а вера и убеждение, добытые, гефсимански-выстраданные в моей скитальческой жизни. Говорит еще тут еще* личная страстная привязанность к Вам, в которой Вы ни поводов, ни прав сомневаться не имеете.

Не верю я ни в Вашего Гилярова, купно с его 5000 попами, ни в Вашего Ордынского. В попов как в деятелей я вообще мало верю – а в Гилярова верить Вы меня ничем не заставите (относительно нашего дела). Ордынский же – *ученый*, и с меня этого довольно. Он просто сердит на тех и раздражен, а убеждений наших не имеет – да и неоткуда было их ему взять!

Все это не значит, чтобы мы не подчинились хоть Гилярову, хоть Ордынскому. Нам доро́га наша заветная мысль. Но я для Вас говорю и для дела. Поверьте в нас, как мы в Вас верим. Положим, что мы чада погребков, как Вы некогда нас звали – да что же с этим делать, что только нам, чадам погребков, Бог послал несокрушимую веру?

Вы знаете сами, что без нас, т.е. *пока* без меня и Бориса, не из-за чего и не с кем начина́ть дело. Направление “Русской беседы” – пало и не восстанет, – направление 5000 попов и без Вас имеет средства и органы. Направление же “Москвитянина” было не Кошелев, не Гиляров, не 5000, а Вы и мы.

Все это Вы знаете – и не хотите видеть, что при самом начале дела известный господин распускает уже свой хвост.

Михайло Петрович, отец мой по духу, – подумайте, что блудный, но всегда горячий к добру сын Ваш говорит Вам все это не из мелочного самолюбьица, не из расчетов. Ведь мы на великое дело, на дело порядка и правды сбираемся: ведь у меня от всякого виденного мною в жизни консервативного ли, либерального ли безобразия душа наболела. Весело ли мне думать, что дьявол и тут может распустить свой хвост.

---

* *В авт. зачеркнуто* и *заменено словом*: еще

В 1853, 1854 и отчасти 1855 году – я просил у Вас *Диктатуры* – конечно, не потому, что "у Добчинского зуб со свистом"[1]. Вы мне ее не дали тогда. В 1860 году – воля судьбы приводит опять к тому же – а Вы нам суете Ордынского и 5000. Не спорю, что и от Ордынского и от 5000 выйдет дело, да оба эти дела будут не Ваше и не наше дело. Кажется, все это ясно, как алгебраические уравнения 1-й степени.

И в заключение – "Москвитянин", засмеянный, оклеветанный, а не что-либо другое. Нам ведь нечего стыдиться этой фирмы: она была знаменем *честного* дела, дела, у которого чорту раз удалось вырвать из рук победу! – и неужели удастся еще?

Вот Вам вместо статьи, которую не труднее написать, нежели несколько писем к Вам. Что Вы сомневаетесь в статьях? Вспомните 1851 год. Когда мы крепко верили, мы и крепко и много работали. А вера в нас та же – да и силы, слава Богу, в нас те же, благодаря тому, что мы *жили* и верили в *жизнь*, а не в книжки!

Ваш
Аполлон.

P.S. Во вторник я к Вам приду утром.

251. М.П. ПОГОДИНУ

Апрель – июнь 1857 или октябрь – ноябрь 1860 ⟨?⟩ Москва

Ваше превосходительство
Михаил Петрович!

Прежде чем *говорить* с Вами, считаю долгом изложить Вам наше дело письменно.

Я достиг своей цели. У меня в руках человек энергический и к *нашему* делу способный. Он пойдет с *нами* на всякий риск и ни перед чем не остановится. *Нужно* поддержать этого господина – и *этим* внушить доверие к *нам*, к нашему *делу*.

Неужели же Вы, т.е. старый вождь, остановитесь тут в недоумении, остановитесь там, где Ваш раб не остановился?

Наше дело – единственное *святое* и *честное* дело. Оно одно должно победить. Помогите же! Ведь я теперь "не на вольнодумней химере юности"[1] его основываю, а на капитале.

Сын ваш
Аполлон.

252. Князю В.Ф. ОДОЕВСКОМУ

14 декабря 1860. Санкт-Петербург

Князь Владимир Федорович!

Вы – один из немногих уцелевших литераторов Пушкинской эпохи и этого для меня, человека, по убеждениям своим и взгляду на общественное развитие и искусство гораздо более принадлежащего к Пушкинской эпохе, чем к современной, – достаточно, чтобы я обратился к Вам с просьбою о приеме и покровительстве.

Смею надеяться, что имя мое не вовсе Вам безъизвестно. О том, что я в нескольких критических статьях моих выражал мое искреннее уважение и жаркое сочувствие к Вашему глубокому и уединенно стоящему таланту, – распространяться я не считаю нужным. Ни Ваша личность, ни Ваш талант не нуждаются в каждениях.

Если Вам будет угодно принять меня и выслушать, о чем именно я буду просить Вас, – я ожидаю только Вашего позволения, но обязан предупредить Вас, что в настоящее время не могу явиться к Вам даже в приличном костюме.

Позвольте назваться, князь, усердным почитателем Вашим
Аполлон Григорьев.

1860 г.
Дек. 14.
Среда.

253. М.П. ПОГОДИНУ

30 декабря 1860. Санкт-Петербург

Ваше превосходительство
милостивый государь, Михаил Петрович!

Позвольте просить Вас передать подателю сего письма г. Ленгольду находящуюся у Вас мою рукопись "Записки ненужного человека"[1].

С глубоким уважением,
имею честь быть
Ваш, милостивый государь,
покорнейший слуга
Аполлон Григорьев.

1860 г.
Дек. 30.
С.-Петербург.

254. А.П. МИЛЮКОВУ

31 декабря 1860. Санкт-Петербург

Александр Петрович!

Я кончаю два довольно больших стихотворения Байрона[1] – и заеду к Вам с ними сегодня в *семь* часов. Ради Бога (если они Вам, разумеется, понравятся), дайте мне за них *нынче же*, т.е. как я к Вам приеду и прочту, – денег (по четвертаку за стих, как прежние). От этого зависит – посадят ли меня завтра, т.е. в новый год, в долговое или нет!

Ваш
Ап. Григорьев.

1860 г.
Дек. 31.

1861

255. А.П. МИЛЮКОВУ

11 января 1861. Санкт-Петербург

Добрейший Александр Петрович!

Я *сажусь*.

Будьте столько милы и добры, как всегда Вы ко мне были в это последнее время, – а именно 1) Отдайте вручительнице этой записки 2 р. 75 к., которые по счету мне приходились; 2) Отошлите листки статьи, которые она вручит Вам, М.М. Достоевскому – и 3) Навестите меня как-нибудь в Тарасовом доме[1].

Искренне Вас уважающий

Аполлон Григорьев.

1861 г.
Янв. 11.

256. М.А. ЗАГУЛЯЕВУ

26 января 1861. Санкт-Петербург

Михайло Андреевич!

Так как Вы были человек всегда мне симпатизировавший, равно как и я Вам, то Вы не откажетесь, конечно, посетить меня в близком от Вас *долговом* отделении (в доме Тарасова). Если бы Вы могли зайдти на несколько минут хоть сегодня вечерком, от 6 до 8 часов.

Ваш

Аполлон Григорьев.*

Генв. 26. Четверг.

Весьма и весьма нужно с Вами повидаться. Пожалуйста, навернитесь вечерком.

257. М.П. ПОГОДИНУ

30 января – 13 февраля 1861. Санкт-Петербург

СПбург
1861 г.
Янв. 30.
Февр. 13.

Я пишу к Вам из долгового отделения – но, прежде всего, не за тем, чтобы о чем-либо Вас просить, не за тем, чтобы Вам что-либо предлагать, не за тем даже, чтобы себя самого оправдывать... Судьба моя решена. По выпуске из “благотворительного” заведения – ибо находятся еще добрые люди, которые меня выкупают –

---

* *Далее вычеркнуто*: Янв. 23. Понедельник. Янв. 25. Середа.

я уеду, кажется, на службу в Оренбургский кадетский корпус, что даст мне возможность: 1) иметь определенное содержание и стало быть обеспечение в городе, где жизнь дешевле Петербурга и Москвы; 2) воспитать двух детей, носящих мое прозвище*[1]. Цели, как видите, – законные. Так – на три года, а там что Бог даст.

Но под конец всего позвольте мне досказать Вам старую песню.

Опять в руках Ваших и моих было наше дело и опять оно ускользнуло из рук – вероятно, уже навсегда. Извините, что я говорю с такой самоуверенностью. Вы сами знаете, что, кроме меня и Бориса, Вам взяться не за кого. На Гильфердингах Вы далеко не уедете; других пока не предвидится – или эти другие – уже дети иного поколения, которые нашего старого дела делать вполне не могут.

В настоящую минуту мне стоило бы сделать шаг в Тушинский лагерь[2] – и я поднялся бы очень с материальной стороны. Как я материально ни упал – чуть что не до метеорского звания, – моими статьями, сколько я мог убедиться, дорожат. Стоит, следственно, только сделать некоторые, по-видимому, незначительные уступки – и могу Вас уверить, что Тушинский стан прикроет меня своим всемогущим авторитетом. Тушинский стан тем и хорош, что, во-первых, – единодушен и *своих* не выдает, во-вторых, все прикрывает. В нем не станут слушать сплетен или даже правдивых рассказов о том, что человек, *нужный* для известных целей, иногда запивает, что он должает или живет блудно. Там Евгений Корш имеет право и должать и менять тысячу мест, не лишаясь ни доверия, ни имени порядочного человека: там друзья Огарева не брали никогда сторону его распутной жены[3], – там Некрасов безнаказанно и напоказ имеет право жить с женой приятеля под одной кровлей[4]. Там вообще – *нравственностию* не измеряется способность человека к делу. От того-то там и делалось и делается дело, – ибо никакое дело немыслимо в мире без единодушия и крепкого стояния одного за всех и всех за одного, стояния даже вопреки условной справедливости и условной нравственности...

Начать с того впрочем, что я ото всех Вас и справедливости-то, даже условной, не видал в последнее время. Все вы знали – что жить с таким чудовищем, как моя жена, невозможно даже, я полагаю, и святому – да не только Вы это знали, а вероятно и те будочники, которые таскали ее пьяную из банек. Все вы знали тоже, что я далеко не святой, – и еще то знали, что мои привязанности – все без изъятия, слепы, упорны и сильны. Прямая обязанность всех Вас была, следовательно, если я годен на дело (и кто же, позвольте еще раз спросить, и годен-то на него, кроме Бориса и меня?) – принять факт как факт и даже взять этот факт под *возможное* покровительство. Вместо этого – я встретил в ближайших мне людях или слабость и двоедушие, как в отце, или прямые воззвания к *нравственности* со стороны Эдельсона, некогда, со всеми другими (в 1852 и до 1857 г.), признававшего все права мои на разрыв, или наконец со стороны Вашей старчески-наставительный тон, который между прочим к Вам вовсе и не шел. Насколько все это мне было и горько и, с позволения сказать, – гадко, – можете судить по моей привязанности к Вам, по моей бывалой дружбе к Эдельсону, по моей бывалой же вере в наше дело... Знаю, что мог бы сказать мне хоть, например, Эдельсон, с его “мещански-нравственной” точки зрения. “Ты, дескать, хочешь, чтобы в сношениях кружка забывались личные понятия о справедливости, личные нравственные требования?” Конечно! отвечу я,

---

* *Далее вычеркнуто*: и 3)

нисколько не колеблясь, ибо без этого никакое дело на свете не делалось, не делается, да вероятно и делаться не будет. Я, с своей стороны, скажу прямо – что в ту пору, когда я пламенно верил и в наше дело и в нашу братскую связь – если бы Эдельсон разорвался с своей вполне честной, благородной и достойной женой, – я бы не позволил себе даже с ней видаться, ибо *нужным* звеном считал бы я его, а не ее. И мне кажется, что я был бы правее Эдельсона, который являлся прошлый год ко мне, в ужасную по обстоятельствам пору моей жизни, – когда у меня больна была женщина, мною страстно любимая, умирал *мой* собственный ребенок[5] – с семейственными упреками – за отца, которому сколько ни посылай, все как в бездонную бочку, по безалаберности жизни с проклятой и обладающей им дворней – да за жену, которая в то время была беременна от учителя ее собственных детей... Заметьте, что пока я был в силе у Кушелева и получал довольно денег, все мои друзья не считали мое сожитие с другою женщиной чем-либо ненормальным. Стало быть – и для тех, кого я Бог знает как любил, вся сила – в деньгах. Да вразумит же их когда-нибудь Тот, кто не отверг блудницу и жену самарянина, как суд их надо мною был жесток – но не дай им Бог перестрадать те адские муки, какие вынес я в последние 10 дней моего пребывания в Москве, когда я – и то, слава Богу, спьяну, иначе бы я себе не простил этого – решился было пожертвовать отвлеченной (для меня лично, по моим обстоятельствам) идее семейного долга – а главное – отцу и *друзьям* – тем, что, может быть, сам Бог, сжалившись над моим душевным адом, послал мне, чтобы легче нес я жизнь.

Все вы знали, с другой стороны, как запутаны мои дела – но *мерзость* всех отношений наших дошла до того, что – с Вами я и не заикнулся бы тогда сказать, что каких-нибудь *ста* рублей на поездку в Петербург достаточно для распутания дел по изданию “Драматического сборника”, и*, стало быть, для позволения “Москитянина” – что Эдельсон, собственно для того, чтобы *потешиться* своей силою, приезжал напоминать мне о долге, что отец, который знал очень хорошо по всем предшествовавшим многократным опытам мою всегдашнюю готовность делиться с ним всем, что я приобретал – тянул дело о продаже дома, дело которое кончить мне самому, юридически – единственному хозяину дома – запрещало чувство почтения и любви к нему. Между тем, вследствие обманов с его стороны и доверчивости с моей – разрыв мой с Катковым[6] принимал в городских слухах колоссальные размеры. Разрыв же этот буквально воспоследовал, как я Вам рассказывал. Если бы я имел возможность, продавши дом в сентябре, придти к Каткову и возвратить ему *деньгами* 400 р. на том основании, что мы не сходимся в наших понятиях о достоинстве литературных произведений – я бы утвердил только за собою мою репутацию человека с упорными и непреклонными убеждениями.

И посмотрите, как все это легко могло обделаться... Кто же этого не хотел? Вы? Я? Эдельсон?.. увы! может быть, ни тот, ни другой, ни третий. Сделалось все это *так*, через пособие таких низких органов – как городские сплетни, действовавшие на Вас, – сводничество моей жены, вовлекшее в симпатию к ней Эдельсона, – дармоедство челяди, окружающей моего отца и т.д. и т.д. Весьма поучительно – а главное, напоминает то, что Вы сами писали во вступлении к статье о** Хомякове – о тьме и о взаимном толкании[7].

---

* *Далее зачеркнуто*: для

** *Далее вычеркнуто: смерти*

Ведь того, конечно, что, при вере в дело, я некогда был и мог быть опять сильным двигателем дела – равно как и того, что кроме имен: Вашего и Островского в прошлой борьбе – одно мое имя всплыло на поверхность – Вы, конечно, не отвергнете. Не отвергнете также Вы и того – это сто раз уже толковано и перетолковано, – что только одно наше бывалое дело было совсем чистое и правое. А какие же, в действительности, вышли результаты этих посылок?

Повторю в заключение, что я пишу к Вам, не прося Вас ни о чем, не предлагая более Вам ничего. Просить у Вас могу я теперь только разве благословения на скромный и честный уголок деятельности в Оренбурге да на уединенную деятельность по временам в литературе. – Такого благословения я действительно и прошу у Вас, потому что мне не у кого его больше просить. В Вас я не разочаровался. Вы для меня то же, что и были, т.е., со всеми Вашими недостатками, – единственно верный в общественном служении руководитель – и человек, широко способный понимать другого человека.

Ваш всегда
Аполлон.

Адрес мой: "На углу Малой Мещанской и Екатерининского канала, в доме Остафьева, в редакции журнала "Время" – Михайлу Михайловичу Достоевскому, для передачи А.А. Григорьеву".

258. Ф.М. ДОСТОЕВСКОМУ

1 февраля 1861. Санкт-Петербург

Федор Михайлович!

Мне крайне нужно видеть Михайла Михайловича завтра *утром* до 2-х часов! Статья пишется[1]. Жму Вашу руку.

Ваш
Ап. Григорьев.

1861 г.
Февр. 1.
Середа.

На обороте: Федору Михайловичу Достоевскому в 3-й роте, дом Палибина.

259. А.П. МИЛЮКОВУ

25 февраля 1861. Санкт-Петербург

Добрейший Александр Петрович!

Обещанная статья об "идеализме и реализме по поводу изданий сочин⟨ений⟩ Тургенева и Писемского" – благополучно начата, благополучно продолжается и, вероятно, благополучно кончится к *середе*[1].

Ежели Вам угодно получить ее – то прошу Вас прибыть ко мне в *середу* вечером или в *четверг* утром. Я ее Вам прочту – а Вы, если найдете ее соответствую-

щею Вашему журналу, – *вручите* мне, *впредь* до окончательного расчета по напечатании, *пятьдесят* рублей, так как она выходит более одного листа с четвертью. *Четвертью* придется доплатить за то, чего мать наша цензура не пропустила в "Прометее"[2].

Потрудитесь *кратчайшею* запискою уведомить меня 1) когда именно Вы у меня будете, т.е. в середу или четверг и 2) можете ли Вы* дать мне в середу вечером или в четверг утром вышеозначенную сумму.

Знать это *определенно* мне *крайне* необходимо.

Позвольте просить Вас прислать мне *вторую* книжку "Светоча".

Жму Вашу руку
Ваш душевно
Ап. Григорьев.

1861 год.
25 февр.
Суббота.

На обороте:
Его высокородию Александру Петровичу Милюкову.
На Офицерской улице, в доме Якобса, в третьем этаже, квартира № 14.

260. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

Около 11 марта 1861. Санкт-Петербург

Евгений Николаевич!

Очень благодарен тебе за предложение, переданное мне Майковым насчет совершения доверенности – но прежде чем им воспользоваться, позволь мне попытаться совершить доверенность в середу на те деньги, которые я имею надежду получить от "Русского мира"[1].

Очень жалею, что отказательство полиции дать мне для определения на службу свидетельство *по долговым искам* (не иску, но искам) заставило меня подозревать сначала и твое участие в моем арестовании, предположить, что таковое считал ты необходимым для *образумления* меня. Впрочем, тем немногим лицам, которым сообщил я свое предположение, я уже давно счел долгом объявить, что ты к делу моего арестования нисколько не причастен.

Я не воспользуюсь ни одной копейкой из суммы, имеющей быть вырученной вследствие продажи дома (сумму 400 р., за которую я сижу, соглашается уплатить начальство военно-учебных заведений, и стало быть, она не падает на дом) – но я желаю только простой формальности, а именно того, чтобы покупщик дома обратился ко мне с письмом, как к юридическому и притом единственному хозяину дома – и вследствие такого послания немедленно выслана будет доверенность (приготовлена, пожалуй, раньше). Это – за ту жалкую роль *Купидоши*[2], которую я играл при совещаниях с покупателями.

---

* *Далее вычеркнуто*: достать

Цели мои весьма просты и, кажется, – *законны*. Я уеду в Оренбург и, по правам этой службы, могу определить детей – одного в Корпус, другого в Уфимскую гимназию, освободя таким образом отца от обязанности о них заботиться, а их от цинизма похабства наверху, от разврата и пьянства внизу и от ругательств за Ваську...

В два месяца моего пребывания здесь я все-таки *отсидел* 400 р. Если в самом деле есть выгодный покупатель – то, за уплатою тебе, все-таки останется и отцу на расплату с его долгами и на годовой наем квартиры. А там, что Бог даст. В многоразличные моменты моей жизни доказывал я ему, что первые получаемые мною так или иначе деньги – на половину посылались ему. Вольно ж было унизить меня до роли Купидоши, заставить меня нерешительностью – прожить даже то, что я уже не себе считал принадлежащим – и потом утешаться присловьем, что "не у бо прииде час воли Божией"[3].

Все это, с свойственною тебе деликатностью, можешь ты изобразить письменно в Москву.

Отыскавши службу в Оренбурге, я сделал только то, что необходимо было сделать, чтобы куда-нибудь приклонить свою голову и куда-нибудь пристроить Петра и Александра – ибо надеюсь, что в отношении к "младенцу" Федору я не имею *особенных* обязанностей[4]. Другу же своему хоть бы ты постарался внушить, что наконец нельзя же блядовать со всеми и непременно желать жить насчет одного, что она одна, – ибо Александр и Петр будут определены, – может найдти какое-либо занятие.

Не могу не прорваться в конце этого печального послания – что во всей этой истории мне ничего не жаль (по самой чистой совести), кроме потери тебя... Эти слова, впрочем, не попытки к реставрации отношений. Глубокое оскорбление промена меня на Лидию Федоровну легло так поперек нас, что реставрация невозможна – чувствую это искренне в душе. Ты можешь сказать, что и я променял тебя. Да ведь я-то на *страсть* – а ты на что?.. На чисто-условные понятия!

Увы! – это уж обращение не к тебе одному – так ли поступали друзья Огарева в истории весьма похожей на мою с тем различием, что у Огарева денег много, а у меня их нет[5].

Нет, господа! Ничего и никогда не мог сделать наш кружок и должен был распасться. Один из нас кто сделал и сделает много, Островский – как сильный талант ни к какому кружку не принадлежит. А мы все – говно, да еще какое! Вот за то-то, что мы – говно, мы не будем иметь в старости даже печального удовольствия сказать, как Огарев,

И грустно мы остались между нами,
Сплетаясь тихо голыми ветвями![6]

В середу я уведомлю о том, могу ли я сам совершить доверенность или вынужден буду совершать ее на твои средства?*

---

* *Далее вычеркнуто*: Прошу также тебя спросить: возвратят ли мне *белье*, которого не удержали ⟨?⟩.

261. Н.Н. СТРАХОВУ

18 июня 1861. Оренбург

Оренбург.
1861 года.
Июня 18.

В словах так называемого *Писания* есть, мой милый, действительно какая-то таинственная сила. Вдумывался ли ты серьезно в книгу Иова, в эти стоны, с глубоким сердцеведением вырванны⟨е⟩ из души человеческой? Там, между прочим, в этом апокалипсисе Божественной иронии, есть слова: "*Страх, его же убояхся, найде на мя*"[1] – страшный смысл которых рано или поздно откроется и тебе, искателю истины, как давно уже раскрылся он мне. Да! чего мы *боимся* – то именно к нам и приходит...

Ничего не боялся я столько (между прочим), как жить в городе без истории, преданий и памятников.

И вот – я (это – один из многих опытов) именно в таком городе. Кругом – глушь и степь, да близость Азии, порядочно отвратительной всякому европейцу. Город – смесь скверной деревни с казармою. Ни старого собора, ни одной чудотворной иконы – ничего, ничего...

Может быть, ты один, – узнавши меня в последнее время достаточно, понимаешь, что причины более глубокие, чем личные невзгоды и разочарование, заставили меня осудить себя на добровольную ссылку, что главная вина, causa causalis* моего решения была – сознание своей *ненужности.* В сознании этом много, коли ты хочешь, и гордости. Я дошел до глубокого презрения к литературе *Прогресса.* Да иначе и быть не могло. Искатель абсолютного, – я столь же мало понимаю рабство перед минутой, рабство демагогическое, как рабство перед деспотами. Лучше я буду киргизов обучать русской грамоте – чем *обязательно* писать в такой литературе, в которой нельзя подать смело руку хоть бы даже Аскоченскому в том, в чем он прав, и смело же спорить – хоть бы даже с Герценом, в чем он не прав. Цинизм мысли, право, дошел уже до крайних пределов. Слова человека очень честного и хорошего, каков М. Достоевский: "*Какие же глубокие мыслители Киреевский, Хомяков, о. Феодор?*"[2] – для человека *действительно* мыслящего – термометр довольно ужасающий.

"Время" могло сделаться честным, самостоятельным и по тому самому в конце концов первенствующим органом – но для этого нужно было 1) принять лозунгом абсолютную *правду*; 2) не заводить срамной дружбы с "Современником"; 3) подать руку славянству (не славянофильству, а славянству); 4) не пускать малафьи Кускова и блевотины Минаева, не печатать немецких х⟨- -⟩вин вроде драмы Гербеля[3], по рекомендации хорошего человека, Плещеева; 5) отыскать для политического отдела не *Стеньку*, то бишь Алексея Разина, а человека нового и свежего, человека с стремлениями к правде и самобытности воззрения, а не к либерализму quand m⟨ê⟩me**... 6) не загонять, как почтовую лошадь, высокое дарование Ф. Достоев-

---

* причина причин (*лат.*).
** во что бы то ни стало (*фр.*).

ского[4], а холить, беречь, его и удерживать от фельетонной деятельности, которая его окончательно погубит и литературно и физически...

Благодарю Бога, что я не предался обольщениям и устоял в своей решимости. Да! *честнее* гораздо обучать киргизов, чем свирепствовать с *Тушинцами*. Пока не пропердятся Добролюбовы, не прорыгаются Ерошки[5], не проблюются Минаевы и не продрачатся Кусковы – честному и уважающему свою мысль писателю нельзя *обязательно* литераторствовать. Негде! Рано или поздно – мысль его или форма его мысли встретят сильный толчок.

Кажется, я – Достоевскому, если и останусь должен, то очень немного. Во всяком случае, я скоро напишу статью о Толстом[6], которую я обещал и которая будет без загогулин. Во всяком случае, я вышлю ее на твое имя, с полномочием поступить с ней, как знаешь.

Что же касается до продолжения статей о народности в литературе[7], то прошу тебя, мой милый, передать кому следует, что

1) я не могу и не хочу отречься от признания *глубоким* мышления Хомякова, Киреевского и о. Феодора.

2) что я не могу и не хочу отречься *даже* от права перед именем Погодина выставлять буквы: М.П., т.е. Михаил Петрович, – и от права говорить с уважением о трудах Шевырева, свободно говоря и о его недостатках и смешных сторонах.

3) что если б мне случилось в чем-либо признать историческую важность мысли *Бурачка*, я ее признаю.

Conditio sine qua non* – для продолжения моих статей.

Чтобы кончить разом о *делах* – скажи Ивану Алексеевичу (Шестакову) – что ж это Штаб бумаг-то моих не выслал? Ведь без этого мне денег не дают – и без истинно-доброго В.В. Григорьева мне пришлось бы сесть на голые муде и выть волком. У меня же, *кстати*, М⟨арья⟩ Ф⟨едоровна⟩ родила преждевременно и лежит больная. О треклятая централизация!

Я намерен писать к тебе еженедельно. Письма мои целиком можешь сообщать при свиданиях и Серову – ибо то с тобою, то с ним хотел бы я издали перебрасываться разными вопросами.

На первый раз вкратце расскажу тебе наше странствие. *Тверь* я видел два раза и прежде – но никогда не поражала она меня так, как в этот раз своею мертвенностью. Точно сказочные города, которые заснули. А у нее была *История* – куда ж она подевалась? Только великолепный по стилю иконостас испакощенного местным усердием собора напоминает еще о бывалой жизни. *Щедрин*, как все Калиновичи, сначала поярился во имя абстрактного закона, потом, как Калинович, в сущности добрый, – перекидывает, говорят, в картишки с теми самыми, на кого метал перуны[8]. Уньковский – впал в апатию! А ведь он – вспомнил: "человек он был!"...[9]

Ярославль – красоты неописанной. Всюду Волга и всюду история. Тут хотелось бы мне – так как Москва мне по личным горестным разочарованиям опротивела – хотелось бы мне покончить свое земное странствие. Тут, кстати, чудотворная икона Толгской Божией Матери – которой образом благословила меня покойница мать. Четыре дня прожил я в Ярославле и все не мог находиться по его церквам и

---

* необходимое условие (*лат.*).

монастырям, налюбоваться на его Волгу. Да! вот настоящая столица Поволжья с даровитым, умным, хоть и ёрническим народом, с торговой жизнью.

Между Тверью и Ярославлем заходил я вечером в *Корчеву* искать отца Феодора. Увы! он уже уехал, как объявил мне сизоносый протопоп, не мало, кажется, удивившийся, что я разыскиваю человека, находящегося, по его мнению, под справедливою опалою *Святейшего* (⟨- -⟩ его мать!) Синода...[10]

Казань мне не понравилась. Татарская грязь с претензиями на Невский проспект.

От Казани Волга становится великолепна – но я, романтик, жалел о ее разбойниках – тем более, что их грабительство en grand* разменялось на мелочь – на грабительство гостиниц, извозчиков и проч., а крик "Сарынь на кичку" разменялся на бесконечные крики: "на водку!" С Казанью кончаются города и начинаются *сочиненные* правительственные притоны в роде Самары, Бузулука и Оренбурга. Да, мой друг, – это *притоны* в полном смысле.

На первый раз довольно.

Вместе с статьею[11] (хотя прежде оной ты получишь от меня еще письмо) – возложу на тебя некоторые комиссии.

Кланяйся Серову, Воскобойникову, Шестакову и проч.

Возьми, если можешь, в руки Крестовского. А Серову я завещал взять в руки *Вильбую*. Кстати, познакомься с этою даровитою, доброю и погибающею от безвыходного положения и от пиянства скотиною. Скотина весьма милая.

Твой А. Григорьев.

М⟨арья⟩ Ф⟨едоровна⟩ тебе кланяется.

Адрес: "Учителю Неплюевского кадетского корпуса N.N., в Оренбург".

262. Н.Н. СТРАХОВУ

18 июля 1861. Оренбург

Оренбург.
1861 года.
Июля 18.

Сейчас получил твое письмо и, разумеется, ужасно ему обрадовался.

Что ты там выдумал *уважать* такие натуры, как моя? Уважать растение за то, что у него такие, а не другие, листья, такие, а не другие, плоды? Помнится, я говорил тебе, что я *не могу* органически сказать ничего противного моему убеждению. *Не могу* – стало быть, это уже не достоинство. Ну, да ⟨- -⟩ их мать, мои *достоинства*! В особенности – ⟨- -⟩ ее мать – мою проницательность! Увы – я проницателен только на зло и горе...

О много, много невозможного или почти невозможного нужно для того, чтобы жизнь хоть на минуту перестала представляться мне с ее черных сторон!..

Самая горестная вещь – что я решительно – один, без всякого знамени. Славянофильство также не признавало и не признает меня своим – да я не хотел никогда

---

* крупного размера (*фр.*).

этого признания. Один человек, с кем у меня *все* общее, – Островский, да ведь и о нем, по самолюбию подавшем руку Тушинцам, – я, по отношению к себе, могу сказать:

А тот, чей острый ум тебя и понимал,
В угоду им тебя лукаво порицал[1].

Только, пожалуйства, не подумай, что я себя в Барклаи-де-Толли произвел.

Погодин – единственный мой политический вождь, так гнусно падок до популярности, что из рук вон.

Подумай-ка – много ли людей *серьезно* ищущих правды?

Есть вопрос и глубже и обширнее по своему значению всех наших вопросов – и вопроса (каков цинизм?) о крепостном состоянии, и вопроса (о ужас!) о политической свободе. Это – вопрос о нашей умственной и нравственной *самостоятельности*. В допотопных формах этот вопрос явился только в покойнике "Москвитянине" 50-х годов – явился молодой, смелый, пьяный, но честный и блестящий дарованиями (Островский, Писемский и т.д.)... О, как мы тогда пламенно верили в свое дело – какие высокие пророческие речи лились, бывало, из уст пьяного мертвецки Островского, как безбоязненно принимал на себя тогда старик Погодин ответственность за свою молодежь – как сознательно, несмотря на пьянство и безобразие, шли мы все тогда к великой и честной цели!..

Пуста и гола жизнь после этого сна...

В том, что это допотопное бытие возродится в новых стройных формах, – я убежден крепко, да ведь утешения-то в этом мне мало. Постарайся, если ты хочешь увидать эти элементы, сойтись покороче с Островским.

Глубокий и честный мыслитель Ренан говорит не раз с отчаянием: "Il n'y a que des pensées étroit⟨e⟩s qui regissent le monde"...*[2] Судьба мыслей широких – жить для будущего, выполняться мало-помалу, по частям.

Что тебе сказать о себе? Хандра – вот почти одно, что выражает мое душевное состояние, – хандра полнейшей безнадежности с неутолимой жаждой какой-либо веры!..

Ангелу Сардийской церкви[3]. Мне пришло в голову вот что, на что ты мне должен отвечать добросовестно. Ты разложил, например, Бетховена[4] – так что на основании известных, одинаково в разных местах повторяющихся, мотивов угадываешь его мысль. Прекрасно – но ты идешь слишком далеко – ты хочешь музыку лишить ее самостоятельности и поэзию тоже. Вся задача музыки – в том *vague***, которое дает она субъективному пониманию, в таинственности и неопределенной безъязычности ощущений.

За сим – Dominus vobiscum***, друзья мои!

Житие веду я трезвое.

NB. Нет ли сведений 1) о Мее 2) Крестовском 3) Вильбуе и 4) Случевском?

---

* "Только узкие мысли управляют миром" (*фр.*).

** неопределенном (*фр.*).

*** Господь с вами (*лат.*).

263. Н.Н. СТРАХОВУ

12 августа 1861. Оренбург

Авг. 12.
Оренбург.

Только что получил сейчас твое письмо[1], мой милый, – и спешу отвечать. Только я нынче и все эти дни куда в каком не философском настроении духа – а в жёлчно практическом... Потому принимаюсь за литературу.

Роман Полонского[2] произвел на меня приятное впечатление – но только приятное, и это скверно. Во-первых – это не роман, а рассказ, повесть. Не укоряй меня в педантизме. Роман в стихах, чтобы быть романом, должен быть картиною целой эпохи, картиной *типической*. Ни в герое, ни в круге жизни "*Свежего преданья*" нет типического захвата. Жизнь той, т.е. нашей с Полонским, эпохи далеко не исчерпывал кружок зеленого "Наблюдателя", а жизнь Москвы – эту *большую* жизнь тоже далеко не исчерпывал салон баронессы[3]. Герой той эпохи – покрупнее *Ключникова* (т.е. Камкова)[4]. Герой той эпохи даже не Рудин, по крайней мере не двойственный ⟨тур⟩геневский* Рудин. Герой той эпохи, герой вполне, т.е. тип наилучший – в лице Огарева. Камков весь сделанный, а у героя – Онегин ли он, Печорин ли в художестве, Огарев ли в жизни – всегда есть *кряжевая* натура. Это первое – да и главное. Мелок захват и оттого все вышло мелко – и Москва мелка, да и веяния могучей мысли эпохи хвачены мелко. Оно впрочем и понятно. Припомни Филаретов Катихизис (насчет того: не может произведение быть выше своего художника). *Второе.* В тоне – самая лучшая сторона – наивность и простодушие. Как только тон становится эпиграмматическим – не выгорает *чего-то*, а лиризму недостает пустяков – огня. Боже мой! отчего, читая появление княгини на балу, я припоминал небрежные (как всегда), но лиризмом дышащие стихи Огарева про ту, которая шла

Как Норма, вся в одежде белой[5].

Отчего Москва так мелка? Просто оттого, я думаю, что Полонский никогда не знал Москвы, народной, сердцевинной Москвы – ибо передние или же, все равно, салоны разных бар – это не жизнь, а мираж, а он в них только и жил.

Le morale de la chose** вот какая: восхитительно написать "Кузнечика"[6] еще не значит приобрести право на "Онегина"... Да! еще третье – рифму на *и* (союз) хорошо было употребить раз, но три или четыре раза – ведь это нимало не остроумно. Место о Тургеневе – просто непристойно, – кроме того уж, что фигура Тургенева – если б она попала в рапсодию о Камкове – убила бы эту несчастную фигуру, одну из тех, которые в "женских пансионах" учили и внушали "обожание", одну из тех фигур, которые добродушный в жизни и ужасно злой в эпиграммах Тургенев заклеймил стихом (эпиграмма на Кудрявцева)

Педант, вареный на меду[7].

И откуда взял наш милый Кузнечик, что такие фигуры, как его Камков, могут попасть в *острог*? Разве из того в сущности комического факта, что Плещеев в острог попал?[8] О Белинский, Белинский, – вспомнил я по прочтении *романа* Полон-

---

* В автографе часть слова – на оторванном крае листа. – *Ред.*
** Мораль этого дела (*фр.*).

ского стихи Кантемира, коими он заключил свою рецензию на его первые опыты, т.е. "Уме недозрелый" и проч[9]. В этом – увы! была и правда!

Ты найдешь мой взгляд, может быть, слишком строгим – но ведь вспомни, что "Время" заявило об этом манкированном Кузнечике как о *событии*. Ты, может быть, даже попрекнешь меня что я, когда-то так *наивный* в отношении к Случевскому[10], так строг к человеку бесспорно талантливому?.. Увы! *там* – опять повторю – была оригинальная натура, *характер*, особенность, – а тут явилась жопа, или жепа, как некоторые произносят.

Впрочем, и хорошо, коли мой молодой орленок[11] не сделает *ничего, ровно ничего*. Это ведь *лучше*, чем сделаться Всеволодом Крестовским. То, что ты сообщаешь мне о сем юноше, меня не удивляет. Хандрю я, правда, вот целый вечер – да ведь я предсказывал ему, что если он пойдет *так*, то, пожалуй, даже и водевили для Александрынского театра станет писать. Среда такая – а натуры в нем нет и гордости нет. Старая блядь Милюков окончательно его допортил[12]. Если ж он женился, как мне писал Рюмин, – то погиб совсем... пиши пропало!..

На вопрос о самостоятельности я пока (говорю тебе, что я не в философском настроении духа) отвечу тебе вот каким вопросом. В сфере науки, например, что мы предъявим на суде истории, как ты думаешь? Вероятно, не "Судьбы Италии" Кудрявцева, и не "Аббата Сугерия" Грановского – даже не философские статьи Каткова – а ведь: 1) объяснение Геродотовой Скифии и другие вещи Надеждина[13]; 2) громадную ученость и оригинальнейшие взгляды на мифы и историю *Сенковского*[14]; 3) уединенное мышление *И. Киреевского*; 4) религиозные брошюры и записки о всемирной истории *Хомякова*[15] да 5) Погодинские письма к покойному Николаю в сфере политики[16].

Ну – а следствия из сего, равно как и из того, что *ничего* этого *нигде* нельзя теперь сказать (ведь *нигде*, не правда ли?) – выведи сам по отношению к важности вопроса. Вопрос этот – в настоящую минуту, как и прежде, – гонимая истина. Это не славянофильство – все, что я исчислил. Славянофильство еще может быть допущено к праву гражданства.

Твою статью о *Чернышевском*, сведенном с *Д. Писаревым*[17], читал я два раза – и лично я ей крайне доволен, но вместе с тем убежден в том, что это им – к стене горох! Минута принадлежит им. Минута эта пройдет – но увы! и мы пройдем! А как хочешь – мудрено отрешиться от судеб своей личности, тяжело умереть, видя кругом себя

> трупы хладные
> Иль бессмысленных детей[18].

Материализм ты выводишь на свежую воду – да этим им теперь не повредишь.

Взгляд мой на "Время" ты знаешь. Передай его, если сочтешь приличным.

Предложение Ф. Достоевского – довольно странно. Я, слава Богу, еще не Ф.В. Булгарин, чтобы мое имя компрометировало журнал. С другой (приватной) стороны – если б я даже был известный шулер, как Н.Ф. Павлов, – то все-таки, как он же, подписывал бы свое имя. Ни то, что Павлов сидел в *яме*, ни то, что я сидел в долговом, к литературе не относится. Поэтому до получения от тебя ответа Достоевских: *угодно ли им печатать статьи с моим именем*? останавливаюсь посылать половину статьи о Толстом[19].

За сим тороплюсь кончить и жму твою руку. Поклон Шест⟨акову⟩, Воск⟨обойникову⟩, Аверк⟨иеву⟩, Щеглову[20] (молодец, у⟨- -⟩ горбача Леонтьева – да и как у⟨- -⟩!), Серову, если его увидишь.

P.S. Что за смесь удивительной силы чувства и *детских* нелепостей роман Достоевского?[21] Что за безобразие и фальшь – беседа с князем в ресторане (князь – это просто книжка), что за детство, т.е. детское сочинение – княжна Катя и Алеша, сколько резонерства в Наташе и какая глубина в создании Нелли. Вообще, что за мощь всего мечтательного и исключительного и что за незнание жизни!

264. Н.Н. СТРАХОВУ

21 августа 1861. Оренбург

Оренбург.
1861 г. Авг. 21.

Имеешь ли ты, мой милый философ, понятие о книге великого политика Алексея Разина: "Мир Божий"? – книге, между прочим, предназначенной для приготовительных классов военно-учебных заведений? Если нет – то советую познакомиться с этим чудовищем нравственно-умственного разврата и безмыслия. Да что там познакомиться! Нет! Ты встреться с этой милой книжкою в жизни, в деле, которым бы ты дорожил, как я дорожу теперь своим *честным* делом!.. Я – как ты, конечно, догадаешься – зову эту книгу чудовищем разврата не за то, что она вся пропитана дешевым материализмом – а за то, что она *бессмысленна*, что в ней страницы не найдешь понятной для ребенка, а если что в ней и понятно, так понятное-то пошло и ни ребенка, ни даже собаку интересовать не может. Единственно понятное, что я рывшись, рывшись, мог найти в ней, это 144 страница, гласящая о том, что человек не может быть зимой без шубы и должен убивать овец и т.п. Не говорю уже о том, что в "Мир Божий" попало искусство убивать себе подобных (артиллерия и фортификация). Экая дубина – ети его мать – дубина нагло-развратная! Эта книжка – крайний предел реализма последних 15 лет, погубившего гуманное и классическое образование – даже в гимназиях. Нет, друг! с реалистами пожалеешь даже о семинарской схоластике.

Из сего можешь ты усмотреть, что я уже снова донкихотствую – с азартом и упоением. Книжку Разина я выгнал и заменил ее историческим чтением. Верхним классам читаю вместо уроков лекции, в средние ввел славянскую грамматику. *Начальство* ходит почти на каждую мою лекцию – и так как оно, т.е. начальство, инспектор и директор – люди добрые и честные, то *пока* мне wohlbehaglich*, как рыбе в воде... И, вечный Дон Кихот, я готов уже видеть перст Незримого в моем Патмосе. Перст-то и есть – без сомнения – но ведь уж я себе целый мир создаю, мир, в котором я плаваю вроде пророка гуманизма и борца за него. Вот потому-то я и Ламанчский герой. Но – как фанатизм убеждения и природное красноречие импровизатора – всегда заразительны – то слушателей моих я уже увлек и начинаю настраивать. Что эта роль – одно из моих жизненных призваний – в этом я и прежде мог *раз* несколько убеждаться... А что из этого будет... *fiat voluntas Tua***.

---

* в свое удовольствие (*нем.*).
** да будет воля Твоя (*лат.*).

Не знаю, поймешь ли ты всю мою глубокую, хоть, может быть, устарелую ненависть к реализму? Ты моложе меня – стало быть, можешь спокойней видеть результаты. Однако вот ты ведь не перевариваешь Бенеке (как это кстати меня порадовало!). Ради Бога – взгляни на книгу Стеньки Разина и *честно* (Geh und bete* – помнишь?[1]) скажи мне, прав ли я в моем яростном омерзении?

Из моих сотоварищей *серьезный* человек, кажется, один поп. Ближайший мой товарищ Лебедев – дельный и отличнейший учитель языка и словесности, но птенец школы Иринарха Введенского. Рационализм и нелюбовь к *преданию* – качества, которые до цинизма расцвели в нашем приятеле, в старой бляди Милюкове.

"Время" я еще не получаю и побираюсь у других. Последняя книжка с твоей статьею о Писемском[2] до нас еще не достигла. Видел только оглавление – что там *наворотил* П.А. Кусков?..[3] Господи! Уж не ответ ли "Русскому вестнику"?.. Да наймите вы ему, господа, *коллегиально* хоть девку, что ли – авось он уймется!.. Право, это будет в конце концов выгоднее, хоть сначала покажется, может быть, и убыточно довольно расчетливому Михаилу Михайловичу.

Ну, за сим – до свидания. Я пишу к тебе, когда у меня что-нибудь в голове кипит и возится.

Твой
Аполлон.

265. Н.Н. СТРАХОВУ

23 августа 1861. Оренбург

*1861 г. Авг. 23**. Оренбург.*

Опять я к тебе письмо и посылку. Посылка – комические и, как увидишь ты, весьма забавные и даровитые, хоть несколько чересчур натуральные сцены. Передай их Достоевским, а если им не понравится – Милюкову. За вещь эту автор желает не гонорария, а высылки этого журнала, в коем она помещена будет (т.е. не № журнала, а журнала за нынешний год) – по следующему адресу: Его благородию, Николаю Акимовичу Середе 2-му, в Оренбург. Прочти вещь сам и убедись, что она имеет достоинства[1].

Твой Аполлон.

О результатах уведомь поскорее.

266. М.П. ПОГОДИНУ

16–17 сентября 1861. Оренбург

1861 г. Сент. 16. Оренбург.

Принимаюсь отвечать на письмо Ваше, мой *все-таки* единственный (quand même***) и всегда одинаково**** глубоко-чтимый вождь и отец – *спокойно* и *спокойный*.

---

* иди и молись (*нем.*).
** *Вместо вычеркнутого*: 22
*** во что бы то ни стало (*фр.*).
**** *Вместо*: всегда одинаково *было*: все-таки

1) Из писем Ваших, адресованных в редакцию “Времени”, получил я *одно*, когда сидел в долговом. Отвечать на него я не *хотел*, потому что в нем, что ни слово – то несправедливость, непонимание вещей и нежелание понять вещи... Так и хотел я молчать до встречи в том мире, в котором каждый “познает, яко же познан бе”[1]... в котором известный *хвост* известного мошенника перестанет вилять между людьми.

2) Но Вы опять ко мне пишете – и так сказать, вызываете к ответу. Будь по Вашему! Должно быть, Бог строит к лучшему. – Слушайте же меня так, как бы я говорил в смертный час мой, перед Страшным судом Того, у Кого “несть на лица зрения”...[2]

Прежде всего о моих семейных делах, если уж Вы в них впутаны.

Отца моего – я не мог никогда (с тех пор, как только пробудилось во мне сознание, а оно пробудилось очень рано) уважать – ибо, к собственному ужасу, видел в нем постоянный грубый эгоизм и полнейшее отсутствие сердца – под внешнею *добротою*, т.е. слабостью, и *миролюбием*, т.е. гнусною ложью для соблюдения худого мира. Сначала (еще не очень давно – лет 18 назад) – деспот до зверства; потом игрушка своих людей, – раб первого встречного, – он был бы постоянно моим рабом, если бы мне постоянно везло счастье. Не говорите, что взгляд мой жесток – а поразговоритесь-ка лучше с Фетом о временах нашего с ним студенчества, имея только в виду, что все действовавшее на Фета, как на постороннего человека комически, на меня действовало *иначе*. В эпоху лучшей поры моей жизни, эпоху зеленого и серого “Москвитянина”, я *насильственно, по идее* способен был уверять себя в том, что он человек действительно добрый – а в сущности, доброта его заключалась в том, что, видя во мне какую ни на есть поддержку, он подчинился мне, моему образу жизни, моим друзьям и моим вкусам. Подчинение это простиралось до *гадости* в *блистательную* эпоху (денежно) первых семи месяцев, по возвращении из-за границы. Будь у меня постоянно деньги – я мог бы делать все, что угодно, с полнейшим одобрением и ободрением...

Вот то, что я думаю в холодно-желчные минуты и думаю *верно*, а сколько еще у меня в душе моей боли по этом старике, который тем и жалче, что верил всю жизнь в один маммон, и что теперь жизнь его, действительно, незавидна – про это знаю я сам да мои седые волосы.

Об отношениях к жене едва ли и Вы даже станете говорить серьезно. Во всякой другой стране, церковь и государство давно бы освободили меня от этой барыни – да даже и в нашем отечестве, если только на меня с ее стороны будет подана жалоба – то мы еще увидим *последствия. Мне терять нечего*. По множеству причин, я так уже искренне и просто разочарован в благах мира сего, что покаяние ли в монастыре, ссылку ли на поселение – приму я весьма равнодушно – но так ли примет она?

Из детей моих – одного, т.е. крестника Драшусова[3], я положительно своим считать не могу. Он рожден, когда мать его была во французской болезни от Бородина. В другом я сомневаюсь и не без оснований. Вот Вам хронологический ряд:

1. *Бородин* 1848–1849.
2. Сергей *Островский* (1851 – т.е. год рождения Александра[4]).
3. *Корарумин*⟨*?*⟩. 1853.
4. *Страхов*[5] 1855, 1856, 1857.

5. NN (Бог с ним – он не виноват, ибо завлечен как юноша) 1859 и 1860, производитель *третьего* моего сына[6]. Я исчислил только несомненных. Отец же мой, который воспевал их в матерных идиллиях, насчитает и более.

В отношении к Александру, я сомневаюсь только потому, что верю в Сергея Островского и в его слова мне в пьяном виде.

Знаю, что теперь все на меня, все, которые еще в 1851 году говорили, что по всяким божеским и человеческим правам, я могу считать себя развязанным нравственно с этой женщиной... да Бог-то не на меня. Он казнит меня моим внутренним адским миром (у меня истинно нет ни одной минуты спокойной в душе) за мою явно беззаконную жизнь, за нарушение Его закона – а* не за это, т.е. не за жену мою.

Итак, и по отношению к отцу, и по отношению к детям все дело в деньгах.

Рассмотрим теперь хладнокровно и этот вопрос.

Ваша несправедливость в письме, которое я получил в "Долговом", простерлась до того, что Вы́ упрекнули меня даже размолвкой с Кушелевым, т.е. что я ни с кем не уживаюсь.

А я вот что Вам скажу. "Время" очень дорожило и дорожит моими статьями – а я чуть было и с "Временем" не рассорился – и опять из-за *того же*. Я не позволю себе, позволяя себе спорить с Погодиным, Шевыревым, с Хомяковым в частностях, – написать: *г.* Погодин, г. Шевырев, г. Хомяков, не позволю себе слегка отозваться о дорогих мне личностях, – не потому только, чтобы *личности* были мне дороги, а потому, что я честный раб идей, которых личности служат представителями – я не позволю себе даже о *принципах* (т.е. православно-христианских) Бурачка отозваться слегка, не щадя мрачных последствий, им выводимых из святых принципов. Так, 1) могу ли я с кем-либо из журналистов ужиться, 2) могу ли я *постоянно* получать деньги?.. Или Вы не видите – в какой-то странной слепоте, – что *наше* дело есть "Сын Человеческий, иже не имать, где главу приклонити"?..[7] Сделайте милость – пошлите какую-либо Вашу, *вполне искреннюю* статью во "Время"! Убедитесь.

Вы хоть бы то только подумали, что

1) в *шести* книжках "Русского слова" – моих около 15 листов,

2) в *пяти* книжках "Времени" – до 18-ти.

Могу же я писать – а коли не пишу, так, значит, причина лежит не во мне.

Нет! за то, что я не *уживаюсь*, что предпочитаю занимать без отдачи, быть подлецом в глазах большинства – за то, что не продал я, среди унижений, лишений, мук душевных, превосходивших временами всякую меру – *слова*, с которым "надобно обращаться честно"[8], – за то что слово для меня не "слова, слова, слова", Господь Истины еще и поддерживал и спасал меня Своей, по истине всеприсущей Десницей.

И тяготение на себе этой Десницы и помощь ее – таинственную и чудесную – я испытал.

"Время" идет хорошо, платит хорошо, "Время" мной дорожило и дорожит. Но "Время" имеет наклонность очевидную к Чернышевскому с компанией – и я не остался в Петербурге.

---

* *Вместо вычеркнутого*: да

Там я большею частию ненужный человек. Здесь, в Оренбурге, уча русскому языку, честно и ревностно стараясь будить любовь к народности, к преданию, к церкви, к изящному – я, по крайней мере, не бесполезный рабочий.

Доверенность вышлется с этим же письмом.

Билет барыне – весьма скоро.

Что возможно, а именно по 20 р. в месяц с января 1862 года, я буду высылать на Ваше имя для Александра. Возьмите его *Христа ради!*

Доверенность не высылал я потому, что был слишком озлоблен... Ведь в прошлом октябре и ноябре – собаку бы так не бросили, как меня!

А ведь пока можно было – я же не бросал. Ведь в этот несчастный для меня 1860 год – отцу переслано 1) единовременно 500 р.; 2) по приезде в Москву – передано в разные времена до 300 р. (от Каткова в июне 100, в июле 80 – да в июле же от Кокорева 80...).

Кстати о Кокореве. Он хотел сделать мне добро – а у меня вышла *скверность*. Эту скверность я желаю поправить. Для этого нужно, чтобы мне возвращена была черновая рукопись для отделки...

С В.В. Григорьевым мы стали искреннейшими приятелями с первого же дня моего приезда в Петербург[9]. Теперь он в степь уехал и воротится к 15 октябрю.

Вас лично остается мне просить 1) о том, чтобы Вы были ко мне такой же, как всегда; 2) о том, чтобы Вы как-нибудь – не *уладили*, а *замазали* московские дела. Из 57 р. жалованья в месяц немного сделаешь – особенно в Оренбурге, граде вовсе не дешевом. К январю у меня будут еще уроки в киргизской школе – рублей на 25, – да напишу что-нибудь. А теперь и писать некогда, да еще и не пора, хотя Достоевские пристают (им я, слава Богу – не должен). Пусть их прочахнут и протрезвеют немного от симпатий "Современника". *Там* у меня есть верный глаз, молодой философ-идеалист Николай Николаевич *Страхов*. А пока – прощайте! Если Вы будете отвечать мне на это послание, то получите раппорт о граде Оренбурге и о моей в оном деятельности.

Доверенность я посылаю без письма к отцу. Не могу – еще слишком цельно во мне раздражение!

Ваш всегда
Аполлон.

P.S. *17. сент.*

Вспомнил, что за одно уж платить двойную цену за письмо, я хочу вкратце донести Вам о моем настоящем положении.

Служба здесь – вещь менее пакостная, чем где-либо. Здесь еще дорожат людьми, свое дело знающими, да и начальство (дир⟨ектор⟩ и инсп⟨ектор⟩) – честные, хоть, конечно, и мало сведующие люди. Безобразие, коли хотите, – общее всем военно-учебным заведениям; и есть еще безобразие специальное, *сочиненное* Катениным: разделение корпуса на два эскадрона: *дворянский* и *недворянский* (!!!) – но безобразие умеряется отсутствием строгости формализма и *страхом* (ей Богу!) *гласности*. Вот то-то и дело! Над мелочностью нашей *кабацкой* гласности нельзя не смеяться, но в нашем жалком быту и она полезна.

“Норманский период”[10] я прочел по его выходе. Скажу Вам то, что всегда говорил: только с Ваших основ можно идти к чему-нибудь. В другие, Вы знаете, я плохо верую.

Я-то Вас читаю – но Вы-то меня читали ли, т.е. читали ли мои статьи во “Времени”? В особенности статьи о Белинском?[11] Ведь я тут подрывал *централизацию* в учении самого даровитого из ее пророков!

Ради Бога и Создателя, черкните, правда ли слух, пущенный “Сев⟨ерной⟩ пчелою”, что Островский кончил “Минина”[12] и притом в стихах?

267. Н.Н. СТРАХОВУ

23 сентября 1861. Оренбург

Сент. 23.
1861 г.
Оренбург.

Ты можешь быть уверен, что давно уже – со времен юности – ни к кому в мире я не писал так много и так часто, как к тебе, мой всепонимающий философ…

В эти две недели воспоследовали опять Каинская тоска, приливы желчи и, стало быть… прилив служения Лиэю[1], не вредивший, однако, делу классов. А теперь, разумеется, я разбит, как старая кобыла.

Да и право, я не больше, как старая, никуда уже не годная кобыла. Так мне иногда все, что зовется деятельностью, представляется ничтожным, пустым и мелким в сравнении с тем, что “едино есть на потребу”[2] – все, и Чернышевский, и “Русский вестник”, и я сам par dessus le marché*…

Увы! как какой-то страшный призрак – мысль ⟨о⟩ суете суетствий, мысль безотраднейшей книги Экклезиаста – возникает все явственней и резче, и неумолимей перед душою.

Боже мой! Неужели же и ты дойдешь до этого? Сумасшедший ты человек! Жалуешься на то, что не жил? А имеешь ли ты конкретное понятие о тех мрачных Эринниях[3], которых жизнь насылает на своих конкретных любителей?.. О, да хранит тебя Бог от жизни… Муки во всем сомневающегося ума – вздор в сравнении с муками во всем сомневающегося сердца, озлобленного и само на себя, и на все, что оно кругом себя видало.

Да! я все это видал над собою и от этого виденного у меня в одну ночь вырастали в бороде и на висках седые волосы… Помню я особенно одну такую *милую* ночь и помню, каким ужасом поразил меня утром белый, как лунь, волос, – ужасом перехода морального в физическое.

Что ты мне толкуешь о значении моей деятельности, о ее несправедливой оценке? Тут никто не виноват – кроме жизненного веяния. Не в ту струю попал – струя моего веяния отшедшая, отзвучавшая – и проклятие лежит на всем, что я ни делал.

Начал было я свой *курс* в “Русском слове” – вел свою мысль к полнейшему ее разъяснению – длинными, длинными околицами. Сорвалось!

---

* в придачу (*фр*.).

"Гроза" Островского вновь было расшевелила меня. Смело и решительно начал было я новый курс в несчастном "Русском мире" 1859 года[4] – взял другой прием, кратчайший. Не только сорвалось – но никто даже не отозвался.

После долгих мук рождения, с новою верою и энергиею, с новых пунктов, облегчив даже, кажется, по возможности формы – начал я опять тот же курс во "Времени". Господи! И тут дождался только упрека* Стеньки Разина[5] за то, что я пишу так, что его жена не понимает – нагло-намеренного непонимания, выразившегося в бойком ответе фельетончика "Русского инвалида" на мои "Заметки ненужного человека"[6], – и наконец добродушных шуточек М. Достоевского, что я в "Светоч" даю статьи гораздо интереснее, – шуточек, перешедших в прямое уже неудовольствие на мою последнюю статью…

А омерзительное отношение ко мне "Искры"?[7] а еще более омерзительное обвинение меня человеком серьезным, как Катков, в фальшивом поступке из-за его говенного перевода "Ромео и Юлии"?.. А отрицательство от меня всех старых друзей?.. А *убеждение* дурьей головы Якова Полонского, что я интриговал против него у Кушелева?.. Да, право, и не перечислить всего того скверного, что я над собою видел… В пьяном образе я приподнимал для тебя немного душевную завесу…

Так что тут рассуждать, когда явное проклятие тяготеет над жизнию?

Ну, и опускаются руки – и делать ничего не хочется на бывалом поприще. Не знаю, право, скоро ли допишу я и даже допишу ли даже статью о Толстом…[8]

Что за дикое, ложное смирение заставляет тебя с каким-то странным недоверием относиться к своей собственной критической деятельности? А я так тебе говорю, положа руку на сердце: кому ж и писать теперь, как не тебе? Я читал статью о Писемском…[9] И тонко и ловко схвачена сторона бездвижности в его произведениях – в статье есть и глубокий прием и *единство* мысли, бьющей наверняка.

Известие, сообщенное "Сев⟨ерной⟩ пчелою", об окончании Островским "Кузьмы Минина"[10] – вот это *событие*. Тут вот прямое *быть иль не быть* положительному представлению народности, – может быть, такой толчок вопросу *вперед*, какого еще и не предвиделось.

Одна из идей, в которые я пламенно верил, – порешается. Но это только одна сторона моего верования. Если б я верил только в элементы, вносимые Островским, – давно бы с моей *узкой*, но относительно верной и торжествующей идеей, я внесся бы в общее веяние Духа жизни… Но я же верю и знаю, что одних этих элементов недостаточно, что это все-таки только membra disjecta poetae**, – что полное и цельное сочетание стихий великого народного духа было только в Пушкине, что могучую одно⟨сто⟩ронность исключительно народного, пожалуй, земского, что скажется в Островском, должно умерять сочетание других, тревожных, пожалуй, бродячих, но столь же существенных элементов народного духа в ком-либо другом. Вот когда рука об руку с выражением коренастых, крепких, *дубовых* (в каком хочешь смысле) начал пойдет и огненный, увлекающий порыв иной силы – жизнь будет полна, и литература опять получит свое *царственное* значение.

---

* *Далее вычеркнуто*: в

** разбросанные части поэта (*лат.*).

А этого, Бог знает, дождемся ли мы! Шутка – чего я жду? – я жду того стиха, который бы

Ударил по сердцам с неведомою силой[11],

того упоения, чтобы "журчание этих стихов наполнило окружающий нас воздух"...[12] Шутка! Ведь это – вера, любовь, порыв, лиризм...

Не говори мне, что я жду невозможного, такого, чего время не дает и не даст. Жизнь есть глубокая ирония во всем. Во времена торжеств *рассудка* она вдруг показывает оборотную сторону медали, посылает Кальостро и проч., в век паровых машин – вертит столы и приподнимает завесу какого-то таинственного, иронического мира духов странных, причудливых, насмешливых, даже похабных...

Ну, да бросим все это. Давай о положительном. Ты просишь, чтобы я написал тебе, *как* я и *что* я, что Марья Федоровна и т.д. Живем мы очень мирно и смирно. Марья Федоровна по *подлости* характера хочет написать тебе, что я пил две недели – но это – клевета самая гнусная. Жизнь в Оренбурге не очень дешева... да какое тебе, впрочем, философу – дело до дороговизны или дешевизны жизни?

Знаешь, когда я всего лучше себя чувствовал? В дороге. Право, если бы я был богат, я бы постоянно странствовал. В дороге как-то чувствуешь, что ты в руках Божиих, а не в руках человеческих. О корпусе и своей в нем деятельности я тебе писал. Общество здешнее я мало знаю, да и знать-то не хочу. Мать его в подпупие – как говаривал покойный Лермонтов! Город прескучный, в особенности для меня. En fait de villes, как говорит один из самых симпатичных мне поэтов, Гюго, – j'aime les vieilles*. Мне старый собор нужен, – старые образа в окладах с сумрачными ликами, – следы истории нужны – нравы нужны, хоть, пожалуй, и "жестокие", да типические. Мало ли что мне нужно?.. А иногда так ничего не нужно – и даже большею частию...

Ну, до свиданья!

Марья Федоровна велит тебе написать, что ей в городе тоже скучно – но ведь это в сущности вздор, – что хоть три года проживет, а все не привыкнет (и это тоже вздор)[13].

Твой
Ап. Григорьев.

268. Н.Н. СТРАХОВУ

19 октября 1861. Оренбург

Оренбург.
1861 года.
Окт. 19.

Сегодня только получил твое письмо от 8 октября. Из него увидел я, что до тебя еще не дошло мое последнее, весьма мрачное послание[1]. Да! что мне делать с собою? Мрак и хандра одолевают меня временами до апатии – *где бы то ни было*. Не думай, чтобы град Оренбург, хотя поистине это самая тинистая трущоба во всей

* Что касается городов... я люблю старые (*фр.*).

Российской Империи, – был исключительною этому делу причиною. Нет! уж мне на роду написано хандрить. Во мне есть неумолимые заложения аскетизма и пиэтизма, ничем земным не удовлетворяющиеся. Если б я был богат – я бы, вероятно, вечно странствовал и, конечно, преимущественно с религиозными целями, к великому горю и, может быть, даже смеху вас всех!

Жду я с нетерпением книжки "Времени". Меня ужасно интересует статья твоя из Куно Фишера о Спинозином Боге и другая, по всей вероятности, твоя же, об индюшках и Гегеле[2].

События, о которых ты пишешь[3], нам более или менее здесь известны. Не могу я им, разумеется, не сочувствовать – но что из этого будет, не знаю. По моему взгляду политическому, я, как ты несколько знаешь, – был и остаюсь славянофилом. Народ, земский собор – да (необходимый) собор Вселенский[4] – вот во что я поверю. Дело иное – сочувствие и дело иное – вера. Согласись, что ведь в сущности и ты только сочувствуешь, а веришь еще плохо! Да и верить-то пока не во что. В конституции и Запад уже изверился.

Прежде всего, время, в которое мы живем, – смутно, не полно, не цельно. Односторонне резко выдвинулись одни вопросы и совсем ушли на задний план другие, столь же существенные. Чернышевские, Щегловы, даже Разины – люди очень честные и истинные продукты нашего времени, но… А уж о Каткове и английской школе загнешь, *но* еще похуже!.. В сущности мы бродим пока во тьме тьмущей! Порывы к свету важны, толко как заявления нужды света.

Если М⟨ихайлов⟩ отравился, как прошел у нас слух, то вот один из самых оскорбительных и компрометирующих фактов. Ведь не отравлялись же ни патриарх Гермоген, ни Прокопий Ляпунов, ни, наконец, Рылеев! Отравился Радищев, да ведь в нем столь же мало было фонда, как в этих господах. Да будет мир душе М⟨ихаила⟩ И⟨лларионовича⟩[5] – а все-таки, не спросясь броду, не суйся в воду.

Одно меня радует – что протестации, судя по твоим словам, имели безоружный, гражданский, почти легальный характер.

Я к тебе пишу без всякой задней мысли – суди, как знаешь. Я не консерватор, но и не революционер – как и ты тоже. Хотелось бы быть гражданином…

Хотелось бы! мало ли чего бы хотелось?..

Статья о Толстом[6] пишется, но очень медленно. Руки отнимаются. Кому теперь нужда до Толстого?.. Он и сам-то как будто убоялся высоты того тона, который так искренне забрал было в "Люцерне", "Альберте", "Трех смертях", "Семейном счастии"! Не разобщаются люди с современностью безнаказанно, как бы искренне ни было разобщение.

От "Отцов и детей"[7] не жду я многого в отношении к содержанию. Тургенев *весь* сказался и больше сказать ему, право, нечего. Мы ведь им балуемся, балуемся его поэтическою струею… Действительно, самая поэтическая жопа, какую я знаю, но жопа!..

Не многого (кроме разъяснения) жду я и от новооткрытых сочинений Гоголя[8]. В противуположность Тургеневу, это был ярый, скопческий х⟨- -⟩ без яиц. Чем более я в него на досуге вчитываюсь, тем более дивлюсь нашему бывалому ослеплению, ставившему его не то что в уровень с Пушкиным, а пожалуй, и выше его. Ведь

Федор-то Достоевский – будь он художник, а не фельетонист – и глубже и симпатичнее его по взгляду – и, главное, гораздо проще и искреннее. Ведь прямое, хоть несколько грубое последствие Гоголя – Писемский, а косвенное – Гончаров…

Что и сколько я жду от Островского – ты знаешь по моему последнему письму, знаешь, что мне и этого мало. Но единственный коновод надежный и столбовой, это все-таки Островский. В нем только нет, к сожалению, примеси африканской крови к нашей великорусской.

А ты себе пиши и пиши "ничтоже сумняся"[9]. Кроме тебя в настоящую минуту и писать здраво некому.

Пока до свидания. Жму твою руку, равно как и М⟨арья⟩ Ф⟨едоровна⟩. Кланяйся всем хорошим людям.

Твой
Ап. Григорьев.

269. Н.Н. СТРАХОВУ

23 октября 1861. Оренбург

Оренбург.
1861 г. Окт. 23.

Вот тебе еще статья для "Времени" – статья, как ты сам увидишь, *зело дельная*: прочти, пожалуйста. Местах в двух-трех редакция может не согласиться с ее автором, смотрящим на дело чисто практически – но он предоставляет редакции право оговориться в примечании. Автор ее – некто Я.А. Сахаров. Его смелая статья о воспитании в духе народности была напечатана в покойнице "Молве" аксаковской 1857 года[1]. В посылаемой – многие вещи, как, например, организация приходских училищ, рассуждения о чиновническом классе, куреве и проч., мне кажутся вещами великолепными. Условия обыкновенные, т.е. *пятьдесят* р. за лист. Деньги по напечатании выслать на мое имя. Если статья понравится – он напишет еще две, о которых говорит в конце. Да кроме того, у него готовится преинтересная статья "Поездка по Оренбургскому краю", которого он великий знаток – тоже во "Время", если оно захочет.

Статья о *Толстом*[2]*, кажется*, приводится к окончанию и скоро вышлется.

Твой А. Григорьев.

270. Н.Н. СТРАХОВУ

12 декабря 1861. Оренбург

Оренбург.
1861 г. Дек. 12.

Твое долгое молчание меня сильно беспокоило. Я начинал уже думать: не арестован ли и ты за присутствие на сходках? Чего доброго!.. Ну да – к делу.

Медленно идут мои работы – да и понятно, почему, кроме моего "легковерного" мнения насчет своей необходимости в Российской словесности. Кроме четверга, я занят *по вся дни живота моего* от 9 до 12 утром и от 4 до 7 после обеда в кор-

пусе. Согласись, что тут поневоле представляет человек измученную кобылу. Но, так или иначе – а статья о Толстом[1], и большущая, поспеет к февральской книжке – *непременно*! В эту субботу отправится на имя твое посылка с отделанною ее частию, даже тщательно переписанною. Вся статья *непременно* (conditio sine qua non*) должна итти под заглавием "Явления, пропущ⟨енные⟩ нашею критикою: Граф Л. Толстой и его сочинения". Первый отдел ее – общий и называется: "Взгляд на отношение современной критики к литературе – vox clamantis in deserto**..."[2] Тут я рассмотрел *все* направления – не щадя ни одного. Вещью этой я *сам* доволен – вероятно, будешь и ты тоже. *Переменить* в ней нельзя ни единой иоты – с тем, конечно, и посылается. Другое, что ты найдешь в посылке (авось к субботе перепишется) – половина 1-й песни "Чайльда Гарольда"[3]. – На Святках надеюсь кончить всю первую песню и дослать конец. Прочти – пожалуйста – с оригиналом: об этом я тебя*** прошу – для оценки *честности* этого дела. Как видишь – я-таки работаю, медленно, но работаю.

Я нисколько не в претензии за то, что ты показываешь мои письма Ф. Дост⟨оевскому⟩. Я его, и вообще обоих братьев, – очень люблю – хоть схожусь с ними не во всем, а во многом расхожусь совершенно. По моему мнению – и они со временем согласятся со мною – нельзя "работати Богу и Маммоне"[4], нельзя *признавать* философию, историю и поэзию и дружиться с "Современником", нельзя, уважая себя и литературу, печа⟨та⟩ть *драчбу* Кускова и начать фельетоны *блевотиной* Минаева, – нельзя ради дешевого либерализма держать в политике Стеньку Разина, нельзя печатать как нечто *хорошее* драму Гейбеля[5] и т.д. В последней книжке я был изумлен неприятно статьей о Державине[6]. История этой статьи прекурьезная. В 1859 году она валялась в редакции "Русского слова" и возвращена мной автору; в 1860 г. она валялась в редакции "Русского вестника", и мною же – отринута. А оба раза отринута, потому что, кроме *опиума чернил, разведенных слюною бешеной собаки*, я ничего в ней не видал и до сих пор не вижу. Ты знаешь, что я не Лонгинов и не имею ни малейшего пристрастия к "литературе выдуманных сочинений", – но эта вечная история о Радищеве – эта единственная мерка, прилагаемая к деятелям былого времени, – не знаю как другим, а мне противна хуже *драчбы* Кускова и *блевотины* Минаева. В настоящую минуту – великая и честная заслуга журнала была бы *уметь* в оценке литературы прошедшей *остановиться* на учении Белинского до 1844 года, потому что оно (с некоторыми видоизменениями) – единственно правое. Пердеть в лужу – скверно, и воняет.

"Времени", чтобы быть самостоятельным, нужно или 1) окончательно изгнать меня и тебя и постараться переманить Чернышевского, или 2) быть последовательным в своей вере в поэзию и жизнь, в идею народности вообще (в противуположность абстрактному человечеству), – воспользоваться ошибками славянофильства, как всякой теории, и встать на его место.

Впрочем, имеющая быть посланною статья должна решить дело окончательно. Все эти намеки развиты в ней с возможною для меня ясностию.

Кстати... Подлые выходки блядской "Искры" против "Дня"[7] не показывают ли, до какого цинизма мы дошли? С "Днем" можно и *должно* спорить, – но бросать

---

* необходимое условие (*лат.*).

** глас вопиющего в пустыне (*лат.*).

*** *Далее вычеркнуто*: не

в него грязью – бесчестно. В моей далекой глуши это меня раздражает и мутит. Горячий кровный спор – спор до ножей надо вести с "Днем", – потому что в конце концов он тоже теория, как Черныш⟨евский⟩ и К°, – но ни над той, ни над другой из этих двух теорий нельзя упражняться в матерном цинизме. О Воскобойникове! Скажи ему, что многое на том свете отпустится ему за его дикую, но честную выходку[8]. Подлее того *смеха*, какой подымает в последнее время "Российская словесность" (ибо ведь это словесность!!!), едва ли что и выдумаешь. Знаешь ли – что даже за Аскоченского в состоянии рассердиться честный человек по поводу одного из последних *стихотворений* "Искры", в котором *вскрывают* его частную жизнь, блудодеяния и проч.[9] Вот чего я не пойму и не могу до сих пор забыть, это – неудовольствие на меня редакции "Времени" за то, что я *серьезным* тоном говорил о направлении *Мракобесия*. Стало быть (для меня всегда все ставится в +а или –а), она может вот этому блядскому тону сочувствовать?..

Да – я не деятель, Федор Михайлович! (предполагаю, что и Вы будете читать это письмо) и признаюсь Вам, я горжусь тем, что я не деятель в этой луже – что я не могу пердеть в нее купно с Курочкиным. – Я горжусь тем, что во времена хандры и омерзения к российской словесности я способен пить мертвую, *нищаться* – но не написать в жизнь свою ни одной строки, в которую бы я не верил от искреннего сердца… Вы на меня *яритесь* за то, что я уехал, оставил-де свой пост, как Вы называете. Увы! в прочности этого поста я весьма мало убежден и теперь. Вот киргизов русской грамоте обучать – это хоть и скучная адски вещь, да зато прочная и главное – всегда одинаково удобная для исполнения.

После сей апострофы – опять обращаюсь к тебе, мой философ… С чем бишь? Да! Что за *пустошь* роман Полонского?[10] Для меня просто каким-то внутренним *холодом* веет от этих прекрасных стихов. Потому – тупоумным от природы людям не следует приниматься за картины *исторические* (в широком смысле этого понятия)…

А поэзия – уходит из мира. Вот я теперь с любовью перевожу одного из трех последних настоящих поэтов[11] (т.е. с Мицкевичем и Пушкиным купно), – я переживаю былую эпоху молодости – и *понимаю*, с какой холодностью отнесется современное молодое поколение к этим пламенным строфам (все равно, хоть читай оно их по-английски), к этой лихорадочной тревоге, ко всему тому, чем мы *жили*, по чему мы *строили* свою жизнь… Все это – *не нужно*. Нужны блевотины Минаева, некрасовский откуп народных слез, статьи Добролюбова и "Искра". Вот что нужно…

А все сдается, что нужно это только до тех пор*, пока новый могучий стих

Ударит по сердцам с неведомою силой[12]

и повлечет за собою неистощимую жажду человеческого сердца… и опять туда же, *in das Idealen Reich***…

Я всегда заговорюсь с тобой, так что для практических дел остается мало места… – да и лучше отложу их до субботы, когда стану посылать посылку.

Федоров (Ст. Ник.) шлет вам вещь истинно-хорошую[13]. В этом малом есть действительный талант. Тебя самого удивит эта вещь с ее смелым и глубоко верным

---

* *Далее вычеркнуто*: только

** в царство идеалов (*нем.*).

концом – с ее замечательною выдержанностию формы. Сильные надежды подает мне *сей* юноша, что скоро *Буки-Ба* исчезнет из "Искры"… А что же вещь *Середы*? Ты мне о ней ни слова. Если не хочет "Время", сунь ее в какой-нибудь бардак вроде "Светоча", "Русского мира". Ведь ничего – живет. Не хуже же прежних вещей Федорова. До субботы!

Твой
А. Григорьев.

271. Н.Н. СТРАХОВУ

15 декабря 1861. Оренбург

Оренбург.
1861 г.
Дек. 15.

Посылаю обещанные в прошлом письме вещи и еще одну, которой объяснение найдешь в моей приложенной при ней записке[1].

Как продолжение и окончание первой песни "Гарольда", так продолжение и окончание статьи[2] буду высылать теперь с каждою *легкою* почтою, по мере отделки и переписания.

Статья, как ты сам увидишь, должна быть *решительною* в моих отношениях с "Временем"! Не удивляйся, читая ее, – что я сам окончательно сжег за собою несколько старых кораблей. Кажется, ясно из нее, что я столь же мало славянофил, сколько мало западник, столько же далек от Аскоченского, сколько и от Добролюбова. Что же я такое? Этого я пока еще и сам не знаю. Прежде всего, я – критик, за сим – человек, верующий только в жизнь. Вся статья, – как можешь заключить по вступлению, которое разрослось на 1 1/4 печатных листа, – будет листа в четыре с небольшим[3]. За нею – если она примется *безусловно,* воспоследует продолжение начатого курса, т.е.

Глава V. *Белинский* как установитель нашего литературного сознания.

Глава VI. *Лермонтов и Гоголь* и т.д.[4] Потому что меня опять *прорвет* на несколько месяцев – будет еще, между прочим, несколько небольших статей за подписью "Ненужного человека"[5].

Что касается до "Гарольда", то первая песнь переведена начерно вся – и постепенно отделывается. Если не захотят его Достоевские – то уведомь меня. Я тогда попрошу тебя передать ее Некрасову, который возьмет с радостью – ибо он сам вызывал меня на перевод "Гарольда" после "Паризины"[6]. Поправок и переделок – тоже вдали я допустить не могу.

Если, как статей моих, так "Гарольда" "Время" хочет, то 1) за эту песню "Гарольда" – так как она в полтора раза больше "Паризины" (за которую Некрасов дал мне *полтораста* рублей, о чем можно там справиться) – цена 200 рублей (с Некрасова же 225, ровно в полтора раза), 2) за статью цена обыкновенная.

А главное вот что. Если я действительно "Времени" нужен – то оно должно мне помочь в настоящую минуту. Достойная и добродетельная супруга моя прислала на меня к Безаку жалобу, и по духу российского законодательства я обязан высылать этой барыне на блядню и пьянство ее часть моего жалованья – чем опять

финансовые дела мои расстроились. Мне нужно в возможной скорости, даже если можно – немедленно, – *четыреста* рублей; если “Гарольд” понравится “Времени” – то в этой сумме мы сквитаемся первою же песнию и статьею – разве малость какая останется, по старым счетам. Кстати, счеты сведите там – да не забудьте вписать последнюю партию книг, взятых у Базунова, – кажется, они в книгу Михайла Михайлыча не вписаны. Вообще в этих счетах я гораздо более полагаюсь на него, чем на себя.

Эта посылка пойдет по тяжелой. Продолжения пойдут с каждой легкой. Теперь скоро Святая – *ergo** времени переписывать и отделывать будет больше. Самому Михайлу Михайлови⟨чу⟩ я не пишу только потому, что все равно писать-то – к нему или к тебе.

И так – скорее *денег*, если я работаю во “Времени”, – и скорее *ответ* – если мы не сойдется.

Твой
Ап. Григорьев.

272. Н.Н. СТРАХОВУ

21 декабря 1861. Оренбург

1861 г.
Дек. 21.
Оренбург.

Посылка послана в прошлую субботу – но это письмо ты, вероятно, получишь скорее – и потому немало удивишься, найдя тут продолжение строф “Гарольда”[1] прежде его начала.

А я пишу затем, чтобы ругаться, ругаться блядски, сквернословно, матерно. Недавно я прочел октябрьский № “Записок” и в них великолепное начало статей Щапова: “Великорусские области во времена междуцарствия”[2] – начало фактического оправдания всего того, что думает о Руси и ее истории Островский, что думал и гадательно высказывал я по своей чуткости. Что же вы (т.е. “Время”) ловите слюню бешеных собак вроде г. Маслова[3] – и не залучите такого человека, как Щапов, который носит в себе целое, совсем *новое* и вполне народное направление? Как это журналу, толкующему непрерывно, хоть и крайне неопределенно, о народности, не сойтись с ним и с Платоном Павловым? Или глаза у вас в жопе? – и вы увидите только то, что будет уже позади вас? Стыдно! А время еще есть. Я уверен, что Щапов так, случайно, печатается у Андрея...[4] Вот эта статья да статья Платона Павлова в новом календаре[5] – эпохи, а не говенное повествование в водяных стихах о “чювствиях” какой-то ученой жопы! – Тут, в этих статьях, – новым веет и пахнет. Оно идет, это новое, – и в этих статьях и, может быть, в “Минине” Островского – идет на конечное истребление блядословия “Вестника”, празднословия западников, суесловия “Дня”, хохлословия Костомарова и буесловия “Современника”. А вы зевайте – да печатайте *буйство* Масловых и грошовый либерализм

---

* следовательно (*лат.*).

Стеньки Разин⟨а⟩ – да уж дайте в виде приложения его "Мир Божий" – хороший будет подарок.

Ругательство в сторону. Ведь какую же нибудь цель, кроме коммерческой, хочет иметь "Время". Какую же?.. Иной, кроме знамени *народности* в широком смысле, – ему и иметь нельзя. Все другие цели: социализм, английское устройство, узкая народность и проч. и проч. – разобраны…

Еще вопрос: где будет "Минин"? В "Современнике" быть ему неприлично; в "Дне" невозможно; в "Блевотике"??[6] Отчего же не у вас? Денег что ли не хватает при *пяти* тысячах подписчиков?.. Андрей, вероятно, купил бы его на вес золота. И хорошо бы сделал. Пусть Островский положит его на весы, как Бренн меч, и скажет: *Vae victis*!*[7] Устранивши глупую вражду с Островским, "Записки" с Щаповым опять станут самым передовым органом. А вы – зевайте!

Ведь *пять* тысяч подписчиков результат чего?.. 1) Таланта Федора Достоевского, 2) его изгнания и 3) пресыщения старыми органами и упадка "Р⟨усского⟩ вестника"!.. Ведь это все еще в ожидании будущих благ от свежей новинки. Поймите это, "господа и братие"… Нужна прочная основа – определенность взгляда и борьба за взгляд.

Неужели бы я в самом деле уехал, если б верил прочно в действительное *направление*… Тогда бы мной дорожили и я бы сам дорожил своим делом, не боясь, что дело это в одно прекрасное утро разрушит замечание жены Стеньки Разина или неудовольствие Платона Кускова??

Ну, пока прощай! Я изблевал всю желчь, какая во мне была.

Твой Ап. Григорьев.

Рукой М.Ф. Дубровской:

Пока вы еще не уехали за границу, и не совсем загордились, *беру смелость* вам кланяться.

1862

273. Н.Н. СТРАХОВУ

19 января 1862. Оренбург

Оренбург.
1862 года.
Янв. 19.

Не могу я на тебя пенять за твое долгое молчание – ибо знаю, что ты страшно занят, но все-таки не раз пошлешь тебе мысленно ⟨- - - - -⟩мать. Завтра отправляется посылка *почти* с концом статьи о Толстом и с строфами "Гарольда" до 78-й включительно[1].

Ты спросишь, конечно, почему я не кончил всего на праздниках? Прилагаемая у сего афишка[2] послужит тебе пояснением.

---

* Горе побежденным! (*лат.*).

Курьезная вышла история с этими лекциями. Я хотел читать их в пользу "Литературного фонда", желая отплатить этому обществу за помощь, мне раз оказанную[3]. И точно, отплатил бы с процентами. Мои лекции собрали для здешних бедных 320 рублей серебром. Не знаю, принесут ли столько *чтения*, которые мы с Федоровым хотим теперь устроить в пользу Фонда. Дело в том, что здесь плохо понимают, что такое Литературный фонд. Генерал-губернатор[4] *просил* меня (т.е. приказал) читать лекции в пользу бедных города Оренбурга.

Что тебе сказать о них? Идеи мои о Пушкине ты более или менее знаешь, – импровизаторская способность во мне как-то с летами укрепляется, – презрение мое ко всякой публике, не только к оренбургской, – чрезвычайно прочно. Стало быть, я достигал тех результатов, каких сам хотел. Первая лекция, направленная преимущественно против теоретиков, – а здесь как и везде, все, кто читают, их последователи, – привела в немалое недоумение. Вторая кончилась сильнейшими рукоплесканиями. В третьей защитою Пушкина как гражданина и народного поэта я озлобил всех понимавших до мрачного молчания. В четвертой я спокойно ругался над поэзией "о Ваньке ражем" и о "купце, у коего украден был калач", обращаясь *прямо* к поколению, "которое ничего, кроме Некрасова, не читало", а кончил насмешками над учением о соединении луны с землею и пророчеством о победе Галилеянина, о торжестве царства Духа – опять при сильных рукоплесканиях. Что ни одной своей лекции я заранее не обдумывал – в этом едва ли ты усумнишься. Одно только и было мною заранее обдумано – заключение.

Народу было у меня постоянно много, но, конечно, было бы вдвое более, если б я объявил, что буду х⟨- -⟩ показывать или слона приведу.

За лекциями воспоследовали, конечно, обычные почести, каковы суть зов на вечер и на обед к Безаку, который щеголял передо мною своей памятью, читая целые тирады из "Бахчисарайского фонтана" и "Онегина". Впрочем, он точно умный и простотою обхождения замечательный человек.

Для чего же я читал эти лекции? – вправе ты спросить наконец. А так! Во-первых – себя потешить излиянием любимых мыслей, во-вторых – убедиться на факте в силе теоретиков и во временном падении наших начал; в-третьих – мне это ни х⟨- -⟩ не стоило, кроме двух пар перчаток.

Через полторы недели попечительница Комитета о бедных M-me Дандевиль спрашивала нашего инспектора, чем меня *поблагодарить*. Федоров вызвался отвечать за меня, что я не беру ни деньгами, ни вещами, а телом, да и то через жопу, а при *киксе* в *титьки*.

Провинциальная жизнь, которую, наконец, я стал понимать, внушит мне, кажется, книгу вроде "Reisebilder"* [5], под названием "Глушь". Подожду только весны, чтобы пережить годовой цикл этой жизни. Сюда войдут и заграничные мои странствия, и первое странствие мое по России, и жажда старых городов, и Волга, как она мне рисовалась, и Петербург издали, и любовь-ненависть к Москве – подавившей собою вольное развитие местностей, семихолмной, на крови выстроившейся Москве, – вся моя нравственная жизнь, может быть… В самом деле – хоть бы одну путную книгу написать, а то все начатые и неконченные курсы!

---

* "Путевых картин" (*нем.*).

А что, кстати? Тебя заинтересовала как-то одна из моих идеек – о заявке нами нашей самостоятельности в науке в лице Надеждина, перевернувшего вверх дном Геродотову географию, Сенковского с его взглядами на *ветхий* мир Ниневии и проч. и *древний* мир старика Гомера, Хомякова с его новым пониманием средневековой истории?.. Ты бы читнул этих господ. Они дороги как допотопные заявки, а может быть, и более…

О, мой старый "Москвитянин" зеленого цвета, – "Москвитянин", в котором мы, тогда крепко общинно соединенные, так смело выставляли знамя самобытности и *непосредственности*, так честно и горячо ратовали за единственно правое и святое дело, – о время пламенных верований, хотя и смутных – время жизни по душе и по сердцу… Боже мой! обновится ль когда юность моя "*яко орля*"?

Мрачна лежит теперь передо мною жизнь, почти что без значения. Гласность, свобода – все это, в сущности, для меня слова, слова, слова, бьющие только слух, слова вздорные, бессодержательные. Гласность бордельной "Искры", свобода "Русского вестника" или теоретиков… неужели ты в серьезные минуты самоуглубления веришь в эти штуки. "Едино есть на потребу", друг, и "иде же Дух Господень – ту свобода"…[6] А где Он, Дух Господень?.. Увы! "Се зде Христос или инде!"[7]

274. Н.Н. СТРАХОВУ

12 марта 1862. Оренбург

Оренбург.
1862 г.
Марта 12.

Пишу к тебе наскоро и по крайней необходимости. Этот месяц весь происходила во мне и вокруг меня страшная ломка. Во мне стало силы разорвать, наконец, отношение, которое губило меня и все более и более становилось невыносимо морально. За сим остается горькое сожаление – отчего это не смог я сделать за год? Зачем я не с вами и не работаю дружно?.. Зачем я уехал?..

Скоро ты получишь от меня длинное послание.

А теперь – расчет на всю твою дружбу. Вот тебе "Гарольд"[1], отделанный, как только я могу. Продай его, *кому хочешь*, за 200 или даже за 150 р. (ведь 1000 стихов!) и скорее, как можно скорее, вышли деньги. Я все продал, что у меня было, забрал жалованья столько, сколько можно было – лишь бы кончить. Пойми всю адскую крайность моего положения и действуй в возможной скорости.

Писать я теперь буду много. Сажусь за статью о "Минине"[2].

Денег, денег и денег!

Весь твой
Ап. Григорьев.

275. Н.Н. СТРАХОВУ

20 марта 1862. Оренбург

Оренбург.
1862 г.
Марта 20.

Ну – с чего же начать? С той ли казенной фразы, что сердце у меня все разбито? Глупо!.. Очевиднее и проще то, что виски мои побелели, что в бороде прибавилось две новых белых нитки… Да и это, собственно, к чему я говорю? Ты достаточно вызнал меня в последние недели моего жития в Петербурге… Все прежнее – нелепо, пьяно и нескладно, но я тебе тогда рассказывал… Напрасно не послушал ты меня тогда, когда я говорил тебе: Geh und bete!* Может быть, стена бы и разверзлась.

Невыносимость положения пришла, впрочем, не оттуда, откуда ты пророчил. "Начальство" очень удобно переварило мое незаконное сожитие. Одного простого и откровенного объяснения** по поводу жалобы моей жены достаточно было, чтобы это дело юридически покончить. Но нравственно мне нисколько не стало от этого легче. Что это за несчастная судьба моя сталкиваться вечно с несчастными и навек погибшими (так или иначе) женскими натурами, с которыми ничего, ровнотаки ничего не поделаешь, хоть ты себе и им кол на голове теши.

Зачем я ехал в Оренбург – и поехал бы – видит Бог – в Камчатку? Мне надоело, опротивело нищиться, должать безысходно… А тут стало повторяться то же самое… Почему? Что я – прокучиваю, что ли, много? Самые страшные загулы, девятидневия до скачущих из-под руки чортиков и растягивающихся в углу харь – не обходились мне дорого, ибо водка скверная, но сравнительно дешевая вещь. Бесхозяйство и самолюбие несчастной устюжской "барышни"[1] – проклятая претензия жить не хуже других – да моя слабость все так же и так же тянули меня в омут. Слабость? Нет! я не был бы слаб, если бы она была моей женой… (Я ведь непременно бы сделал эту пошлость, если бы стал вдовцом.) Жену можно ограничить – но ограничить любовницу воспретит всегда гнусная деликатность развитого человека. Тут ведь всякое ограничение – упрек в падении – а она, бедная, и так постоянно страдала от своего падения.

Страдала? но почему страдала? О! если б в этом страдании была хоть частица нравственного чувства. Три года жизни со мною не могли сделать того, чтобы она перестала говорить наивно мерзости – например, что она бы никогда не пошла замуж за человека, живя с которым, сама должна бы была стряпать. Да ведь не потому, чтобы она ленива была – нет! а потому, что это – *стыдно*.

Ну, представь ты мою жизнь. Нахватал я уроков гибель – вот уж первое бесчестное дело, а ведь я ехал для того, чтобы стать и внешне-то честным человеком. Возвращение в 12 часов – чай, кофе, вечное нытье, безобразные ревности до того, что она раз возревновала меня к 12-летней девчонке. Зайдет кто-нибудь – сидишь

---

* Иди и молись (*нем.*).

** *Далее вычеркнуто*: со сторо⟨ны⟩

с хорошим человеком, как на иголках, потому что, наверное, она уже в спальне ревет как оставленная и покинутая... Затем обед; затем опять на уроки, и в 7 часов опять возвратишься домой хуже всякой разбитой на ноги клячи... Сядешь за работу – опять нытье или капризы. От праздности, разумеется, – да что ж ты думаешь, не пытался я что ли вырвать ее из этой праздности? Все, брат, было в течение этих несчастных трех лет моей жизни. И Вильбуя (спроси Вильбую) принимался учить ее музыке, и я-то сам, исполняя ее желание, пытался учить ее по-французски (очень вишь нужно!). Да ведь учиться могут только те, которые находят смак в самом *деле*, а не потому только, что какая-то скуреха устюцкая на фортепьяно играет и по-французски говорит – а я, дескать, нет.

Как-то удалось мне подстрекнуть ее самолюбие на то, чтобы актрисой сделаться. Ну, мол (думаю), плохая актриса будет, да все-таки хоть какая-нибудь. Хоть умру поспокойнее. И здесь помешала робость – да не робость таланта, а робость самолюбия мелкого, тщеславия. Господи! какую я внешне жалкую и смешную, а внутренне страдальческую роль играл в ее дебюты. Ну! кончилось все только тем, что разыгрывала она сцены за кулисами: перессорила меня с немалым количеством разных лиц...

Друг! я ведь истинный Дон Кихот был какой-то. На моих публичных лекциях – ведь я при всей светской массе града Холопска ходил с ней по зале до начатия и под руку выходил с ней по окончании – а она все-таки ревновала меня ко всякой размалеванной закулисной физиономии и ко всякой изъ⟨- -⟩шейся светской барыне, которая подавала мне руку.

Присоедини к этому противучеловеческие отношения к служащему нам люду, какое-то постоянное озлобление на людей и свет, неумеренную материнскую привязанность к собачонке...

Все это переваривалось вследствие одного убеждения: Любит.

Да, она любила меня, любила всей той силою, какой может любить эгоистическое и лишенное всякого света существо, любила точно меня одного – ибо к тем, "кто были до меня", не питала ровно никакого чувства.

А ведь ты-то вспомни: мне 40 лет, – а по моей истасканной и взрытой всякими бурями физиономии – дадут мне, пожалуй что, и с большим походцем. Плохи уж надежды на то, чтобы кто-нибудь еще меня полюбил... И я руками, ногами, зубами держался за эту последнюю привязанность.

Знаешь ли? Я даже насильственно заглушал самые светлые воспоминания – и когда порой под аккорды гитары вставали они в душе все так же светлые, не потерявшие никаких своих прав над душою[2] – мне становилось страшно... и я чувствовал, что увы! одно только глубокое, болезненное сожаление приковывает меня к моему настоящему миру, лишенному всякого разумного и нравственного значения...

Чего я не отдавал этому сожалению? Про людское мнение и говорить нечего... про семейный долг? Какой? К жене – с ее неисправимо лживой, развратно-холодной и наглой в пороке натурой? К детям?.. Я имею все поводы сомневаться в том, что они мои дети... К отцу?[3] Я его люблю – но ведь он, по своей распущенности – холодно мог видеть, что я адски терзаюсь, холодно мог рассчитывать.

Нет – я про такие вещи говорю, как дружба Островского и Эдельсона.

Ну, одним словом, покоя мне не было в душе ни на минуту. Ведь ты знаешь, что только что написанную тираду я проговорил сейчас в поднявшемся со дна души озлоблении, что мне и жены жаль, и отца жаль, и детей жаль...

Три раза в Оренбурге уже хотел я все это порешить и *мог* тогда порешить. Да выйдешь бывало из дома – перекрестишься на церковь и вдруг скажешь себе: Нет, потерплю еще, пострадаю еще – за нее пострадаю. Больше сея любви ничто же есть, аще кто душу свою положит за други своя…[4] А на душе от такого решения легче все-таки не становилось.

Понятно, почему… Я знал, что живя так дальше, я влекусь неминуемо к гибели, не физической, а нравственной, к жизненным подлостям, к потере самого дорогого – моих убеждений.

Мысль зрела, зрела – тоска грызла, грызла – и, разумеется, воспоследовал загул…

Я решился, бесповоротно решился – и чтоб у самого себя отнять всякую возможность поворота, написал письмо к жене… и сказал ей об этом.

Что затем было – определить трудно. Все кругом меня завертелось и, кажется, самая жизнь сошла с ума.

Но прежде я должен рассказать тебе анекдот. Играл раз пьяный офицер с приятелем в штос и без различия бил каждую его карту, ложилась ли она направо или налево. Когда тот заметил ему это, он отвечал, рыгая: нет тебе ни правой, ни левой.

Было время – зимою 1859 года в декабре – в холодной нетопленной квартире моей в доме Логинова[5] на кровати лежала бедная, еще не оправившаяся от родов женщина – а в другой комнате стонал без кормилицы бедный, умирающий ребенок, и добрый, великодушный Евгений Эдельсон являлся ко мне проповедником семейных обязанностей. Он, на глазах которого чуть что не е⟨- - - -⟩ мою жену, – приходил советовать мне бросить все это[6] – удивлялся, что не брошен в воспитательный дом и не отнят у матери первый плод ее первой сколько-нибудь человеческой привязанности.

Была пора – в ноябре 1860 года, когда оборванный, гнусно пьяный шатался я в Москве по квартирам приятелей, ища где-нибудь водки и омертвения сил – и когда все удивлялись, как это я без копейки не брошу женщину, подло водили меня за нос продажею дома...

Это значило: нет тебе правой. Ну, хорошо!.. Вот другая пора. Человек отдает все, что может, готов испродаться до последних штанов, женщина буйствует, безумствует, бьет стекла в квартире и зовет полицию, обвиняя меня в буйстве, бегает к властям и все смотрят на меня как на какого-то злодея. Женщина лжет, что ее оставляют без копейки, лжет, что я увез ее от родителей... Все это, разумеется, до первого призыва к властям. Власти видят, что я отдаю все, что имею, и все-таки не понимают, в чем дело. А оно очень просто. Когда эта несчастная убедилась, что нет поворота – она со всей дикостью своей натуры захотела мстить...

И все это я понимаю... И в конце концов – в душе стонет только одно слово: *жаль*!

Жаль, и ничего не поделаешь. Так должно было. Вот я нынче услыхал, что перед отъездом три часа она выла бедная – и пошел на урок. Хожу по классу и диктую грамматические примеры – а что-то давит грудь, подступает к горлу и того и гляди, прорвется истерическими рыданиями!

Кабы не глубокая привязанность ко мне моего бывшего ученика, актера Алюева, да не “Минин”[7], – башка бы моя треснула.

Прибавь к этому ненависть ко мне барабанного начальства, интриги подлецов

товарищей, из которых только татары – истинно порядочные люди – и вот тебе соус ко всему этому.

За то – во всякое свободное время моя тесная квартирка набита страстно-преданными мне учениками, и то посвящаю я их слегка в философские вопросы, то читаю "Минина", – и я плачу, и все кругом меня плачет, и до ночи верится, что в жизни есть что-нибудь повыше личного страдания. До ночи!..

Ну, во всяком случае душевный процесс завершился. Теперь – работать.

Денег, денег и денег за "Гарольда"[8]. Не купит ли "Пчела" за 240 с вычетом моего ей долга?[9]

P.S. Прежде этого письма ты должен был получить всего "*Гарольда*", 1-ю песню, окончательно отделанную и чисто переписанную. А, может быть, по теперешним дорогам – и вместе получишь. Оно послано неделю назад[10].

276. А.А. КРАЕВСКОМУ

2 июня 1862. Санкт-Петербург

Милостивый государь
Андрей Александрович!

Хоть я и немало должен Вам, но, вероятно, Вы не сомневались, что когда-нибудь, даже просто из практического желания сохранить хорошие отношения с человеком как Вы, – я постараюсь поискать средств литературно с Вами, оказывавшим мне добро, – сквитаться. Чем богат – тем и рад. Во граде Оренбурге я занимался переводом Байронова "Чайльда Гарольда" – и окончательно отделал 1-ю песню[1], представляющую, как Вы знаете, довольно замкнутое целое (Португалия и Испания).

Моим переводам из *Байрона* все отдавали справедливость. Этот же перевод я имел возможность отделать *con amore** и с особенною заботливостью.

Если Вы скажете, что уже печатаете поэму Мицкевича "Тадеуш"[2], то я отвечу Вам, что никак не связываю Вас необходимостью печатать "Гарольда" непременно в этом году. Дело в том только, чтобы сдать его Вам на следующих основаниях.

За "Паризину", которая много меньше первой песни "Гарольда", "Современник" заплатил мне *сто пятьдесят* рублей. За *сто пятьдесят* же рублей пойдет и 1-я песня "Гарольда" (в ней 998 стихов) – с тем, чтобы *сто* были отчислены в уплату долга – а *пятьдесят* выданы мне немедленно, так как противуцензурного в этой вещи нет ничего. О постоянно мало красивом состоянии финансовых дел нашего брата Вам толковать нечего. В Вашей доброте я лично никогда не имел поводов сомневаться.

Позвольте, между прочим, лично Вас видеть завтра, т.е. во вторник.

Глубоко уважающий Вас
Ап. Григорьев.

1862 г.
Июня 2.
Понедельник.

---

* с любовью (*ит.*).

277. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА “ВРЕМЯ”

8 сентября 1862. Санкт-Петербург

Отцы мои! Изо всех сил хлопочите, чтобы статью не испохабила цензура[1].

Я *дорвался* до такого дела, в которое вношу весь свой жар и которое действительно может быть полезно.

Хоть бы у *Ерошки*[2] горла призанять для цензурного комитета!

В понедельник принесу конец.

Ваш
Ап. Григ⟨орьев⟩.

1862 г.
Сент. (Нощь).
Суббота.

1863

278. Л.Н. ТОЛСТОМУ

6 января 1863. Санкт-Петербург

Граф Лев Николаевич!

Хоть и виделись мы всего в жизни только раз – у Боткина в Кунцеве, но не знаю как Вам, а мне эта ночь наших с Вами разговоров весьма памятна, и кроме того, принадлежа к числу самых искренних и жарких поклонников Вашего таланта, я считаю себя вправе обратиться к Вам в качестве уполномоченного от того журнала, с которым я связан *плотию* и кровию.

Дело вот в чем. Мы слышали, что у Вас есть роман[1], – и думая, что Ваши убеждения в существенных пунктах не расходятся, а сходятся с нашими – желали бы приобрести его, на условиях, какие Вы сами, разумеется, положите. Если Вам нужны деньги – Вам будет стоит только написать, сколько именно, и они немедленно будут Вам высланы. О том, что журнал наш сочувствует Вашей деятельности как деятельности весьма немногих, распространяться, кажется, нечего. Жду Вашего ответа на мое имя по адресу: *Ап. Ал. Григорьеву*. В редакцию журнала “Время”...

Ваш усердный поклонник
Ап. Григорьев.

1863 года.
Янв. 6.

Пишу точнее адрес: Аполлону Александровичу Григорьеву, в редакцию журнала “Время”, в СПБурге.

На обороте:

Его сиятельству Графу Льву Николаевичу Толстому *в собственные руки*. В контору “Ясной Поляны”, что при типографии г. Каткова и К° *в Москве*.

279. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

До 14 февраля 1863. Санкт-Петербург

В Санктпетербургский Цензурный комитет.
Коллежского асессора Аполлона Александрова сына Григорьева

Прошение.

Редактор соединенного журнала “Театральный и музыкальный вестник с драматическим сборником”[1], войдя с прошением о переименовании издания в журнал “Якорь” и представивши в Цензурный комитет программу, предложил мне редакцию этого издания.

Принимая предложения г. Стелловского, я имею честь покорнейше просить Цензурный комитет утвердить меня редактором журнала “Якорь”, причем считаю нужным присовокупить, что в 1860 году 10 июля я был уже утвержден редактором журнала “Драматический сборник” – и при прошении, которое подавал я по этому поводу в апреле месяце 1860 года, были представлены мною в Цензурный комитет надлежащие документы. 1863 года февр. дня.

Коллежский асессор Аполлон Григорьев.

280. В РЕДАКЦИЮ “ВРЕМЕНИ”

27 февраля 1863. Санкт-Петербург

Редакция
журнала
“Якорь”.
На Вознесенском проспекте,
близ Измайловского моста,
в доме Соболевской № 49,
квартира № 4.

В С.-Петербурге.

В Редакцию “Времени”

Февраля 27 дня.
1863 г.

Редакция журнала “Якорь” имеет честь предложить редакции “Времени” обмен журнала на ее издание, с музыкальными приложениями.

В случае согласия покорнейше просим о доставлении по нижеследующему адресу:

На Вознесенском проспекте, близ
Измайловского моста, против Питейной
конторы, в дом Соболевской, № 49, квартира № 4.
Редактор Ап. Григорьев.
Издатель Стелловский[1].

281. Н.Н. СТРАХОВУ

7 марта 1863. Санкт-Петербург

Я еду в Москву, мой милый! Пожелай мне от души успеха в моих делах. Я играю в последнюю серьезную игру жизни. Право. Или опять дело с полною верою, или уже рутина и полумеры навсегда!.. Что успеешь приготовить, пришли в воскресенье утром до 12 часов, на имя Федора Тимофеевича Стелловского, а лучше зайди к нему сам с этим. Кабы к воскресенью и Федор Михайлович припас что-нибудь.

Твой Аполлон.

1863 г. Марта 7.

282. Н.Н. СТРАХОВУ

14 или 21 марта 1863. Санкт-Петербург

Любезный друг! С судьбой ничего не поделаешь. Единственное, что в настоящую минуту можно сделать, это платить небольшими суммами – по 10 рублей в две недели – да и то не прежде, как с субботы. Думал продать мебель – но за это дерьмо, накупленное для того, чтобы поскорее удовлетворить капризам Марьи Федоровны – дают даже со столом 25 рублей. Все это, конечно, очень неприятно, но опять повторяю – ничего не поделаешь. Письмо это можешь показать. *Скандалов* я не боюсь, ибо здесь не Оренбург, а я и там их не боялся.

Твой
Ап. Григорьев.

Четверг.

283. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

30 мая или 1 июня 1863. Санкт-Петербург

В Санктпетербургский Цензурный комитет
Редактора журнала: “Якорь”
Коллежского асессора Аполлона Григорьева.

Желая серьезный отдел редактируемого мною журнала “Якорь” сделать возможно полным, интересным и цельным по содержанию – покорнейше прошу Цензурный комитет: 1) дозволить мне соединить юмористическую часть журнала с рисунками в особый отдел под названием: “Оса” и 2) разрешить мне Иностранное обозрение, крайне необходимое для иногородних подписчиков. Обозрение это будет составляемо по источникам, допущенным уже к печати в других русских газетах Правительством. 1863 года. Июня 1 дня.

Редактор журнала “Якорь” Аполлон Григорьев.

284. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

27 июня 1863. Санкт-Петербург

В С.-Петербургский Цензурный комитет
Редактора журнала "Якорь" Коллежского
асессора Аполлона Григорьева и издателя-
собственника того же журнала
С.-Петербургского 2-ой гильдии купца
Федора Стелловского

Прошение.

Предстоящие мне, Григорьеву, по семейным делам частые и продолжительные отлучки из С.-Петербурга побуждают меня покорнейше просить С.-Петербургский Цензурный комитет, – во избежание могущих произойти остановок в издании журнала "Якорь", – утвердить соредактором моим по этому изданию, бывшего с утверждения С.-Петербургского Цензурного комитета, редактором журналов: "Театральный и музыкальный вестник" и "Драматический сборник", – С.-Петербургского 2-ой гильдии купца Федора Стелловского с предоставлением ему всех определенных законом прав, на что я, Стелловский, со своей стороны изъявляю полное согласие[1].

Коллежский асессор Аполлон Григорьев[2].
С.-Петербургский второй гильдии купец Федор Тимофеев Стелловский.

С.-Петербург.
27 Июня. 1863 г.

285. В.Р. ЗОТОВУ

16 августа 1863. Санкт-Петербург

Редакция журнала "Якорь"
На Вознесенском проспекте,
близь Измайловского моста,
в доме Соболевской № 49,
квартира № 4.
В С.-Петербурге.
Авг. 16 дня. 1863 г.

Милостивый государь,
Владимир Рафаилович!

Возвращая Вам присланную Вами корреспонденцию, как совершенно излишнюю для "Якоря", имею честь вместе с тем уведомить Вас, что Федор Тимофеевич Стелловский никаких писем от Вас не получал и, не зная их содержания, не может дать Вам никакого ответа.

Имею честь быть
Вашим, М.г.,
покорным слугою
Ап. Григорьев.

P.S. Покорнейше просим прилагаемое при сем объявление напечатать в "Иллюстрированной газете" в замен чего, как было условлено, мы напечатаем объявление о Вашей газете, в таком же объеме.

286. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

До 18 сентября 1863. Санкт-Петербург

В Санктпетербургский Цензурный комитет

Редактора журнала: "Якорь" и сатирического листка: "Оса"
коллежского асессора Аполлона Григорьева и дворянина Всеволода Крестовского.

Прошение.

Желая, я, Григорьев, по необходимости частых отлучек в Москву иметь соредактора в журнале моем, а я, Крестовский, принять такое соредакторство, – покорнейше просим Комитет об утверждении Крестовского соредактором Григорьева, при чем имеем честь объяснить, что документы Крестовского были уже представлены им при прошении об утверждении его редактором журнала: "Русский мир".

1863 года. Сентября дня.

Редактор журнала: "Якорь"
и сатирического листка: "Оса"
Аполлон Григорьев.
Дворянин Всеволод Крестовский.

287. Ф.Т. СТЕЛЛОВСКОМУ

20 октября 1863 г. Санкт-Петербург

Тысяча восемьсот шестьдесят третьего года октября двадцатого дня я, нижеподписавшийся коллежский асессор Аполлон Александров Григорьев, дал сию расписку С.-Петербургскому второй гильдии купцу Федору Тимофееву Стелловскому в том, что продал ему, Стелловскому, за условленную нами и сполна полученную мною, Григорьевым, сумму собственно мне одному принадлежащие, мною переведенные на русский язык нижеследующие либретто опер[1], а именно: 1) "Роберт-Дьявол", музыка Мейербера. – 2) "Севильский цирюльник" Россини. – 3) "Эрнани" Верди. – 4) "Фиделио" Бетговена. – 5) "Бал-маскарад" Верди. – 6) "Лучия-де-Ламмермур" Доницетти. – 7) "Осада Гента" Мейербера. – 8) "Сила судьбы" Верди. – 9) "Фауст" Гуно. 10) "Ченерентола" Россини. 11) "Фаворитка" Доницетти. – 12) "Фиорина" Педротти. – 13) "Вильгельм Тель" Россини. 14) "Анна Болена" Доницетти. – 15) "Дон Пасквале" Доницетти и 16) "Граф Ори" Россини с правом издания и с правом собственности в полное владение его, Стелловского, с тем, что я, Григорьев, отказываюсь как за себя, так и за наследников моих от всякого притязания на вышепоименованные либретто, и что он, Стелловский, властен с сего же числа печатать оные в стольких изданиях и количестве экземпляров, сколько по его, Стелловского, усмотрению понадобится, и продавать оные в свою, Стелловского, пользу или передать право собственности, кому пожелает, в чем и подписуюсь[2].

Коллежский асессор Аполлон Григорьев руку приложил и следуемые деньги получил. А. Григорьев.

288. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

30 октября 1863. Санкт-Петербург

В С.-Петербургский Цензурный комитет
Издателя-собственника журнала “Якорь” с
сатирическим листком “Оса”, С.-Петербургского
2-й гильдии купца Ф.Т. Стелловского и
редактора помянутого журнала коллежского
асессора Аполлона Григорьева

Объявление.

Во избежание недоразумений со стороны Цензурного комитета в отношении ответственности пред Правительством по предмету издавающегося журнала “Якорь”, с принадлежащим к нему сатирическим листком “Оса”, честь имеем объявить, что право собственности на журнал “Якорь” с листком “Оса” принадлежит из нас Стелловскому; редакция же означенного журнала поручена Стелловским г-ну Аполлону Александровичу Григорьеву, на особых между нами условиях.

Редактор журнала: “Якорь” и сатирического листка: “Оса” коллежский асессор Аполлон Александров Григорьев.

Издатель-собственник журнала “Якорь” и сатирического листка “Оса” С.-Петербургской второй гильдии купец Федор Тимофеев Стелловский.

“30” октября
1863 года.

289. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

1 декабря 1863. Санкт-Петербург

В Санктпетербургский Цензурный комитет
Редактора принадлежащего Ф.Т. Стелловскому
в собственность журнала “Якорь” с сатирическим
листком “Оса”, коллежского асессора Аполлона
Григорьева и Надворного Советника Ивана Бочарова

Прошение.

Из нас я, коллежский асессор Аполлон Григорьев, по домашним обстоятельствам моим, имею надобность предпринимать временные поездки из С.-Петербурга; а сверх того многочисленность литературных занятий моих не дозволяет мне постоянно посвящать достаточно времени для редактирования принадлежащего Ф.Т. Стелловскому в собственность журнала “Якорь” и сатирического листка “Оса”. Потому имею честь покорнейше просить Цензурный комитет об утверждении моим соредактором надворного советника Ивана Бочарова, бывшего редактора политической и литературной газеты “Золотое Руно”; я же, Бочаров, на принятие на себя обязанности соредактора изъявляю мое согласие.

Коллежский асессор Аполлон Григорьев. Надворный советник Иван Бочаров.

“1” Декабря
1863 г.

290. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

31 декабря 1863. Санкт-Петербург

В Санкт-Петербургский Ценсурный комитет

На отношение Канцелярии Комитета от 28 декабря за № 937 и от 30 дек⟨абря⟩ за № 938 редакция журнала "Якорь" имеет честь ответствовать, что в объявлении об издании "Осы", напечатанном в № 285 "Русского инвалида", пропущены совершенно случайно слова "*При политическом и литературном журнале:* "*Якорь*" – *сатирический листок:* "*Оса*" *прилагается бесплатно.*", постоянно печатавшиеся во всех других объявлениях и явно показывающие принадлежность листка к журналу, – каковой недосмотр, конечно, уже более не повторится.

Редактор журнала: "Якорь" и сатирического листка: "Оса"

Аполлон Григорьев.

1863 года.
Декабря 31 дня.

1864

291. Ф.Т. СТЕЛЛОВСКОМУ

5 февраля 1864. Санкт-Петербург

1864 года 5 февраля я, нижеподписавшийся, дал сию росписку С.-Петербургскому второй гильдии купцу Федору Тимофееву Стелловскому в том, что продал ему за условленную и сполна полученную сумму за мой собственный *перевод* с итальянского на русский язык *двух* опер: "Линда де Шамуни", музыка Доницетти[1], – и "Белая дама", музыка Боэльдье[2], которые Стелловский может печатать по его усмотрению в стольких изданиях и количестве экземпляров, сколько ему понадобится, и продавать в его, Стелловского, пользу или передать право на вышеозначенный перевод кому пожелает, в чем и подписуюсь.

Коллежский асессор Аполлон Григорьев.

292. И.Ф. ГОРБУНОВУ

1862 (сентябрь) или 1864 (апрель). Москва

Стервец!

Мне нужно с вами повидаться для толку о деле и для получения от вас разных сплетен для второй статьи о театре, которая должна быть у меня к субботе.

Ваш А. Григорьев.

293. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

23 мая 1864. Санкт-Петербург

В Санктпетербургский Цензурный комитет
Редактора политического и литературного журнала: "Якорь"
и сатирического листка: "Оса" Аполлона Григорьева

Прошение.

Так как соредактор мой Иван Петрович Бочаров, имея надобность ехать за границу, не может более разделять со мною трудов по редакции – я же, с своей стороны, по домашним делам моим предвижу необходимость в отлучках в Москву и потому нуждаюсь в товарище по редакции, то прошу утвердить соредактором моим, исправляющим обязанности мои во время моих отлучек – издателя журнала Федора Тимофеевича Стелловского, изъявляющего на это свое согласие. 1864 года Мая 23 дня.

Коллежский асессор Аполлон Григорьев.

Сим имею честь изволить, что принять соредакторство по журналу "Якорь" и сатирическому листку "Оса" согласен. Ф. Стелловский[1].

294. Н.Н. СТРАХОВУ

8 июня 1864. Санкт-Петербург

Милый Спиноза![1]

Вчера все-таки толковали мы как-то неопределенно.

Ну, хорошо – если редакция рада, что я сел в Тараску, чему я и сам рад отчасти, то

1) должна *определительно* назначить мне темы занятий (кроме "Записок"[2]). Я бы вот хотел написать *хорошую*, основательную статью *о Щедрине и обличительной литературе вообще*[3] – для чего мне, конечно, нужны *erstens** – сочинения Щедрина, т.е. "Губ⟨ернские⟩ оч⟨ерки⟩" и "Сатиры в прозе"[4], а потом, вероятно, еще несколько книг.

2) Должна *сразу же* несколько успокоить меня насчет *буар, манже* и *сортир*** (*буар* не в опасном смысле), т.е., прежде всего и паче всего, поручительством своим постепенной уплаты возвратить мне скудное достояние мое, находящееся у известной тебе, весьма отвратительной и глупой п⟨- - - -⟩ Натальи, что может быть легко сделано через Ваньку – и что *крайне* необходимо, ибо 1) непьяный я крайне опрятен и без белья жить не могу. 2) Гитара служит мне всегда в трезвой жизни лучшею подругою в часы отдохновения. Затем мне нужно пока не более *трех* рублей в неделю.

---

* во-первых (*нем.*).

** пить, есть, выходить (от *фр. boire, manger, sortir*).

Вот и все. Письмо это покажи Федору Михайловичу, хоть он – е⟨- -⟩ его душу – и считает меня лишенным совести и сердца.

Твой
Безобразник.

1864 г.
Июня 8.

Вот на всякий случай реестр вещей:
1) Гитара.
2) Чайник металлический, стакан с поддонником и ложкой.
3) Чайница китайская.
4) Партитура "Роберта" и мой печатный экземпляр его перевода[5] с письменными вставками – да несколько книг.
5) Белье (ad libitum*, без поверки) и красная фуфайка.

295. Н.В. МИХНО

Июнь или июль 1864. Санкт-Петербург

Волею судеб и, пожалуй, собственного безобразия и безалаберности я попал в долговое отделение, что, впрочем, ныне мало меня печалит, ибо я сижу и работаю, пишу статьи для "Эпохи" и отделываю для вас "Ромео и Джульетту"[1], так что теперь несомненно она поспеет к августу. Но, кроме того, по поводу драмы надумалась мне в это время лихая статья в виде дружининского послесловия к "Лиру"[2].

296. А.Н. ОСТРОВСКОМУ

7 июля 1864. Санкт-Петербург

1864 г.
Июля 7.

Насколько посылаемый к тебе с сим письмом "младый вьюношь" – дельный – в этом ты убедишься после беседы с ним. Насколько ему нужны твои советы в деле – ты тоже это поймешь сразу же. Зовут его Дмитрий Васильевич Аверкиев.

За сим остаюсь
По-старому верующий в тебя как в путеводную звезду
Аполлон.

---

* сколько угодно (*лат.*).

297. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

10 июля 1864. Санкт-Петербург

Евгений!

Получил я – *Беляева* и *Костомарова*, хотя и весьма недавно – но, как я сказал тебе, нужен мне еще *Кавелин* и (это я забыл тогда) – статья *Павлова* (П.В.), напечатанная в календаре прошлого года[1]. – Она есть и отдельно, но вероятно, у тебя найдется прошлогодний календарь.

Заезжай между прочим в свободную минуту.

Твой
Аполлон.

1864 г.
Июля 10.

P.S. Да вот еще что: Нельзя ли мне книжку "Боборыкиниады", где помещен "Отелло" в переводе Вейнберга. Любопытно. Там же, говорят, три твоих статьи[2].

298. Н.Н. СТРАХОВУ

26 июля 1864. Санкт-Петербург

Добрый друг!

Что же наконец это такое? Узна́ю ли я наконец решительно – нужен я журналу или статьи мои помещаются из милости, чего я при всей моей бедности вовсе не хочу...

Покойник[1] заказал мне статью о Григоровиче под рубрикою: "Отжившие писатели"[2]. Написал я ее по крайнему разумению – и, мне кажется, довольно хлестко (по крайней мере, я уверен, что формою своею она понравится читающему люду и даже будет иметь эффект). Федор Мих⟨айлович⟩ посмотрел Вступление и говорит Аверкиеву – что это как-то *вяло* (уж именно в вялости-то тут меня, как ты увидишь, трудно попрекнуть) – и чтобы я поскорее писал письмо об органической критике[3].

Господи! *Один*[4] находит, что письмо *об* органической критике стыдно бы печатать. *Другой* – требует об отживших писателях, *третий* – находит и это вялым.

И все это тогда, как человек нездоров, без гроша денег и только по своейственной всякому порядочному человеку гордости *представляет* себя очень веселым в долговом отделении.

А главное-то, Вы все, господа, кажется, ошибаетесь, требуя от меня все чего-то нового. Новое как *критик* я могу сморозить разве что-нибудь во вкусе Варфоломея Зайцева – и вам, видимо, нужен публицист. Так так бы и говорили...

Еще вот что... Под статьею о театре я подписал “Дача Тарасовка”[5]. Неприлично! (что за мещанство такое напало?) Большинству читателей ведь эта шутка непонятна – а меньшинству театральному я нарочно хотел, чтобы это было понятно, равно как и моим литературным приятелям.

А покойный Михайла Михайлович прямо хотел, чтобы я написал “Записки о долговом отделении” и прямо начал их так: “Я – русский литератор, немудрено поэтому, что в одно прекрасное утро я попал в долговое отделение”.

Понятно, вероятно, тебе, почему тебе, а не Федору Михайловичу пишу я все это. Я сам болен и могу понимать других больных. Но ты выбери безопасную минуту показать ему сие.

Что же мне делать, коли я так болезненно устроен?.. Сообщенное мне Аверкиевым отняло у меня энергию, с которой начинал я второе письмо об органической критике.

И вот еще что. Повторяю прежнюю мою просьбу. Узнай при свидании с Шестаковым об оренбургских делах. Ради Бога. Чувствую, что *этим* опять должно кончиться. Всякие нерешительные отношения мне глубоко надоели.

Во всяком случае – мне нужно просмотреть корректуры.

Твой

Ап. Григорьев.

1864 г.
Июля 26.
Воскресенье вечером.
Дача Тарасовка.

299. Н.Н. СТРАХОВУ

30 или 31 июля 1864. Санкт-Петербург

Любезный друг!

Чёрт знает, как это случается, что собираюсь придти к тебе поговорить толком, а прихожу либо больной, либо пьяный[1].

Во всяком случае – пишу, чтобы тебя успокоить. Вчерашний *пассаж* остался без продолжения.

Пишу статью[2]. Как сказано (а сказал ли я?), в понедельник во втором часу принесу в редакцию. Прошу быть там тебя, для выслушания. Надеюсь, что хоть *эта* понравится.

А все-таки упорно засела во мне известная мысль. И потому – прошу тебя в здравом уме и твердой памяти – при первом свидании с Иваном Алексеевичем разъяснить оренбургские дела[3].

Твой

Безобразник.

1864 г.
Июля 31.
Четверг.

300. И.Д. БЕЛЯЕВУ

22 августа 1864. Санкт-Петербург

1864 г. Авг. 22.
Петербург.

Досточтеннейший наставник Иван Дмитриевич!

Вот Вам тот самый Дмитрий Васильевич Аверкиев, о котором я писал Вам – дитя моего сердца и один из неведомых Вам Ваших учеников.

Прошу любить и жаловать!

Ваш всегда
Ап. Григорьев.

На обороте:

Ивану Дмитриевичу Беляеву от Ап. Григорьева.

301. Ф.М. ДОСТОЕВСКОМУ

23 августа 1864. Санкт-Петербург

Добрый друг,
Федор Михайлович!

Вследствие вчерашнего нашего разговора, – вот тебе *роспись* моих долгов.

1) *Лаздовскому* – 200 рублей. Можно платить в течение *года* рублей по *двадцати* в месяц.
2) Лавочнику *Беляеву* – 35 рублей. Тоже можно разложить месяца на три.
3) Портному *Степанову* рублей до ста. Платить по 15 р. в месяц.
4) В *долговом отделении* 19 р., в том числе, – смотрителю десять и его помощнику пять.

Вообще же, история освобождения меня и какого-либо инсталлирования[1] будет стоить тебе сразу *сто* целковых, т.е.

Лаздовскому....... 20
Беляеву........... 10
Степанову......... 25 (ибо я NB положительно без штанов.)
В долговое 19*
да мне на инсталлирование** двадцать четыре.

Если я для “Эпохи” нужен, то принеси эту жертву. В *долговом* я подчас с ума схожу от тоски – и кроме того, геморрой развивается с ужасающею силою.

Поселюсь я где-нибудь близ тебя – и вообще, совершенно отдаю себя в твои руки. Спаси и выручи!..

Твой
Аполлон.

1864 г.
*Авг. 23****.

---

* *Вместо вычеркнутого*: 15

** *Далее вычеркнуто*: тридесять

*** *Вместо вычеркнутого*: 22

302. Ф.М. ДОСТОЕВСКОМУ

24 или 25 августа 1864. Санкт-Петербург

Любезный друг!

Коли книжка вышла, то, ради Бога, пришли денег. Первое дело, что я обещал (на основании твоих же слов) портному Степанову – мне не в чем выйдти; второе, что без денег в Тарасовке – жить нельзя. Третье письмо об органической критике надеюсь принести и прочесть сам вам всем в четверг[1].

Твой
Аполлон.

303. Н.Н. СТРАХОВУ

3 сентября 1864. Санкт-Петербург

1864 года.
Сент. 3.

Добрый друг!

В последний раз обращаюсь посредством тебя с просьбою, затем – окончательно замолкаю и отдаюсь своей участи.

Дело в том, что если уже нельзя мне освободиться, – то так и быть. По крайней мере – мне нужны обещанные *сто* рублей, если уж не совсем я стал не нужен редакции. Да совсем-то все-таки не могу я сделаться ненужным. “Записки” мои считал все-таки достаточно интересными покойник – ну я их и буду писать...[1]

Неужели же, друзья мои, – так трудно понять, что не получавши аккуратно даже по пяти обещанных рублей в неделю – и что просивши эти несчастные *сто* рублей еще до задержания в долговом отделении и, конечно, не получившему их – человеку вообще беспорядочному, как я – легко было привести себя уже в безвыходно-гнусное положение...

А с другой стороны, что (не говорю уж о непереносной пище и недостатках в табаке и чае) – задолжавши кругом тут же людям, беспрестанно вертящимся на глазах, – протухши от пота, – ибо белье не отдает прачка, – не имея какого-либо костюма, можно чтó-либо думать?

Положим, – что у Вас есть теперь критик[2], который вас не окомпрометирует *крайностями*, которому я сам охотно, любя его всей душой, сдаю все свои обязанности – но хоть за прежние-то заслуги и за “Записки” – не третируйте меня хуже щенка, покидаемого на навозе.

Повторяю – все это говорится *в последний раз.*

Твой и ваш всегда
Григорьев.

Сегодня буду сновать из угла в угол по приемной в ожидании.

304. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

15 сентября 1864. Санкт-Петербург

В Санктпетербургский Цензурный комитет
Редактора журнала "Якорь" и
сатирического листка "Оса"
Аполлона Григорьева
Прошение.

По причине частых отлучек моих в Москву, не имея возможности заниматься делами редакции, покорнейше прошу утвердить вместо меня редактором лицо, избранное издателем означенных журнала и сатирического листка, г. Стелловским.

Коллежский асессор Аполлон Григорьев.

Сентября 15 дня.
1864.

305. Д.Н. БЛУДОВУ

Без даты

Черновое

Вы были, граф, одним из ближайших друзей Николая Михайловича Карамзина, которого русская литература считает одним из своих отцов, – и в течение всей жизни Вашей Вы доказывали, что любимое дело* Вашего покойного друга Вам так же, как и ему, дорого. Оставивши, к сожалению, поприще писателя, Вы тем не менее употребляли постоянно Ваше государственное влияние на покровительство русской литературы и не раз оказывали ей услуги, которых не видит бóльшая часть современников, но зато тем более ценит и благословляет потомство.

Позвольте же и мое дело, и мой посильный труд на пользу отечественной словесности передать на Ваше благосклонное внимание и поручить Вашему благородному покровительству ⟨...⟩[1]

---

* *Далее вычеркнуто*: которому покойный друг Ваш посвятил жизнь –

ПРИЛОЖЕНИЯ

Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров

ЖИЗНЬ ГРИГОРЬЕВА В ПИСЬМАХ

"Что ты мне толкуешь о значении моей деятельности, о ее несправедливой оценке? Тут никто не виноват – кроме жизненного веяния. Не в ту струю попал – струя моего веяния отшедшая, отзвучавшая – и проклятие лежит на всем, что я ни делал".

Н.Н. Страхову,
23 сентября 1861 г.

У Аполлона Григорьева три биографии: жизнь Григорьева-поэта (частично и жизнь прозаика) отличается от жизни Григорьева-критика, а жизнь Григорьева в его письмах во многом отличается от поэтической и критической. Внутренняя жизнь юного поэта и автора зрелых лирических произведений отличается и в чувствах и в тематике от умственной жизни критика 1850-х – начала 1860-х годов. В критических статьях и рецензиях Григорьева почти полностью отсутствуют ссылки на его стихи, а в стихах почти не затрагиваются основные положения "органической критики". В письмах поэт и критик ссылается на отдельные свои сочинения, но редко обсуждает суть своих критических статей и художественных сочинений. Письма Григорьева не повторяют, а заменяют его статьи и стихи, особенно когда он находится в отдаленных от дома местах, например, в Италии или в Оренбурге, и мало печатается. Из этих далеких мест Григорьев смотрит на себя и на свою жизнь с непривычного расстояния, поэтому возникают новые художественные и критические мысли, которые появляются потом в его статьях. А из "домашней" переписки, московской и петербургской, вырисовывается необычный образ Григорьева, прежде всего в связи с практическими, почти всегда неудачными делами. Все три области – художественное творчество, критика, письма – отражают, конечно, жизнь и взгляды одного человека, но каждая область освещает нам особые грани личности Григорьева; и без учета всех трех аспектов его образ был бы весьма односторонним и неполным.

Сохранившиеся письма Григорьева (их более трехсот) охватывают период с декабря 1842 г. до последнего месяца жизни, сентября 1864 г., т.е. немногим более двух десятилетий. Этот период отражает не только обилие стремительных перемен в короткой жизни критика и поэта, но и различные, в том числе весьма бурные этапы русской истории: относительную замороженность, стагнацию 40-х годов; "мрачное семилетие" 1848–1855 гг.; начало александровской эпохи и ожидание перемен; реформы 60-х годов, революционное движение, польское восстание 1863 г. Хотя в письмах Григорьева не представлены его детство и студенческие годы, но как раз об этих начальных шагах своей интеллектуальной жизни он рассказал в воспоминаниях, озаглавленных "Мои литературные и нравственные скитальчества". Письма Григорьева служат как бы продолжением этой богатой хроники 20-х и 30-х годов. К сожалению, почти не сохранились письма григорьевских адресатов, вообще письма к нему. Полная безалаберность в быту не дала возможности Григорьеву сохранить архив: не осталось ни одного рукописного листочка, ни одной книги из собственной библиотеки.

* * *

Короткая жизнь Григорьева сложилась таким образом, что на протяжении почти всех своих 42 лет он искал для себя законное, по всем правам ему принадлежащее место. Родился он в Москве 16 июля 1822 г., вне брака, и через несколько дней после рождения родители передали его в Александровский Императорский сиротский дом. По отцу Григорьев происходил из дворян, недавно достигших этого звания благодаря деду, который приобрел потомственное дворянство по службе в Москве. Как незаконнорожденный, Григорьев стал мещанином, и только по окончании университета получил личное дворянство. В молодые годы Григорьев чувствовал особенную близость к деду, к его сильной личности и независимым взглядам. Семья деда – включая и отца Григорьева, дядю Николая, теток Елизавету и Александру – обосновалась в собственном доме в Москве, где они жили до 1812 г., когда двухэтажный каменный дом на Малой Дмитровке выгорел (осталось маленькое семейное имение за Владимиром). Отец Григорьева, Александр Иванович, окончив Благородный пансион при Московском университете, был определен на службу в Правительствующий Сенат. По неизвестным причинам в 1818 г. он был оттуда уволен, лишившись таким образом хорошей, даже блестящей карьеры. Как о возможной причине семейное преданье гласило (так вспоминал А.А. Фет), что отец Григорьева "увлекся дочерью кучера и, вследствие препятствия со стороны своих родителей к браку, предался сильному пьянству"[1]. Дочь семейного кучера, Татьяна Андреевна, впоследствии и стала матерью Аполлона. Незадолго до рождения сына Александр Иванович был определен на службу в Московскую Казенную Палату (по отделению Питейного сбора).

Родители жили недалеко от Тверской улицы, на углу Б. Палашевского и Б. Козихинского переулков, в приходе Иоанна Богослова, что в Бронной. В этой церкви Григорьев был крещен, здесь венчались через полгода его родители, и только спустя четыре месяца, 17 мая 1823 г., отец признал и принял из сиротского дома своего сына. Судя по оставшимся письмам Григорьева и по его воспоминаниям, между отцом и сыном лежала пропасть непонимания. Создается впечатление, что сын никогда не мог простить отцу свое положение незаконнорожденного. Роль духовного и интеллектуального отца выполнял позднее профессор Московского университета Михаил Петрович Погодин, к которому адресовано большинство сохранившихся писем.

Григорьев остался единственным сыном (брат Николай, прожив месяц, умер в 1823, сестра Мария, прожив три месяца, – в 1827 г.). Семья, которая жила в Б. Палашевском переулке, несколько раз переезжала, пока не нашла себе прочного места. Сначала она переехала в дом на М. Палашевском переулке с видом на Тверские ворота, а потом обосновалась в Замоскворечье, в приходе Спаса на Болвановке (в Малом Спасоболвановском переулке, ныне 2-м Новокузнецком), потом на Малой Полянке в приходе Спаса на Наливках. Воспитало и образовало Григорьева Замоскворечье: «Быть может, силе первоначальных впечатлений обязан я развязкою умственного и нравственного процесса, совершившегося со мною, поворотом к го-

---

[1] *Фет А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 119.

рячему благоговению перед земскою, народною жизнью ⟨...⟩ Жизнь, которая окружала меня в детстве, была наполовину жизнь дворянская, наполовину жизнь "стрюцких", ибо отец мой служил, и служил в одном из таких присутственных мест, в которые не проникал уровень чиновничества, в котором бражничало, делало дела и властвовало подьячество...»[2] Родители баловали сына, дали домашнее образование по-дворянски и подготовили его к поступлению в Императорский Московский университет, где он учился с 1838 по 1842 г. Однако из Григорьева не получился представитель высшего света московского дворянства. Замоскворечье как бы подтверждало условия его рождения: бывший мещанин Григорьев выражал в критике и стихах, как и в письмах, близость к городскому среднему классу, к купечеству, мелкому чиновничеству, к городским крестьянам, т.е. к дворне. В воспоминаниях о жизни в Замоскворечье Григорьев оправдывает свои зрелые взгляды тем, что они выросли именно из этого самого чистого источника русской народной культуры и народного творчества, понимаемых в широком, общенародном, а не узко крестьянском смысле.

Григорьев изобразил себя в стихах, созданных в Италии и в Оренбурге, как "странствующего романтика", и поздние поэмы этих лет он мысленно объединил общим названием "Одиссея о последнем романтике". Именно московский романтизм 30-х годов, стихи Лермонтова и Огарева, журналистика Полевого, критика Белинского, театральная игра Мочалова являлись направляющей силой, под влиянием которой он сформировался и дома, и в Московском университете. Для Григорьева эти три явления – критика и журналистика Белинского и Полевого, стихи Лермонтова, игра Мочалова – представляли собой главные течения "могучего веяния" русского романтизма. Он справедливо считал себя представителем этого романтизма и, хотя он смотрел на себя как на "последнего", на самом деле являлся связующим звеном между романтизмом "золотого века" русской поэзии и романтизмом ее "серебряного века" – между Пушкиным и Блоком. Казался он себе "последним" потому, что был чуть ли не единственным представителем русского романтизма в 50-е и 60-е годы. Философский идеализм, философия позднего Шеллинга, вера в органическое происхождение творчества и мышления, вера в искусство как высшее откровение – вот главные принципы Григорьева-романтика середины века. Ярый противник примитивного материализма и социализма писателей "натуральной школы" и позитивизма молодых революционных демократов, Григорьев отстаивал высокое познавательное и нравственное значение искусства и исключительную силу красоты. В его письмах из Италии широко обсуждаются вопросы эстетики, на которых основывались лучшие его критические статьи, написанные после 1858 г.

Источники своего романтизма Григорьев выводит в "Скитальчествах" из духа Московского университета 30-х годов. До поступления в университет он испытал влияние романтически настроенных студентов, которых его родители приняли в дом в качестве учителей. В университете Григорьева увлекли не либеральные профессора вроде Т.Н. Грановского или К.Ф. Рулье, представлявшие новые европей-

---

[2] *Григорьев Ап.* Мои литературные и нравственные скитальчества // Григорьев Ап. Воспоминания / Издание подготовил Б.Ф. Егоров. М.: "Наука", 1988 ("Литературные памятники"). С. 10, 21.

ские течения, а консервативные М.П. Погодин, С.П. Шевырев, Н.И. Крылов. Готовясь к карьере на государственной службе по стопам отца и деда, он был примерным студентом, настолько хорошо учившимся, что по окончании его оставили в университетской библиотеке. Влияние Замоскворечья и домашнего быта, как и поэтического романтизма, оказалось сильнее радикальных течений. Вокруг Григорьева собрался кружок друзей (среди них будущие поэты Афанасий Фет и Яков Полонский), который пренебрегал общественно-политическими традициями знаменитых предшественников, студенческих кружков Сунгурова и Герцена и предпочитал философские и особенно – поэтические занятия. Фет жил у Григорьевых, и тесная дружба двух студентов выражалась во взаимной тяге к стихотворству, в изучении современных поэтов, русских и европейских, и во взаимном чтении своих стихов. Известны только два письма Григорьева к Фету, хотя, безусловно, их переписка была гораздо шире, так как дружба продолжалась почти четверть века, несмотря на то, что их жизненные пути разошлись вскоре после окончания университета. Среди близких к Григорьеву студентов оказался и Сергей Соловьев, молодой историк, принявший в 1844 г. кафедру Погодина. Их дружба, отраженная в письмах 40-х годов (№ 1, 11, 15) и, видимо, продолжавшаяся до середины 50-х годов (№ 115), потом прекратилась: шеллингианец Григорьев увидел в своем друге гегельянца и западника.

В университете завязались близкие отношения Григорьева с М.П. Погодиным, консервативным историком и мыслителем, хорошо знавшим Пушкина и Гоголя, членом бывшего общества любомудров и издателем журнала "Москвитянин". Погодин – самая влиятельная личность во всей жизни Григорьева, исполняющая роль духовного отца и политического руководителя. Григорьев часто так и обращался к нему – "отец и командир". Письма к Погодину составляют больше половины всех сохранившихся писем Григорьева. В них часто отражаются материальные нужды Григорьева: ему никогда не хватало денег, и в Москве в 50-е годы он постоянно обращался к Погодину за финансовой поддержкой.

Григорьев познакомился с Погодиным на лекциях по русской истории, стал ходить к нему, бывать на вечерах у профессора, и очень скоро, как только окончил университет, начал участвовать в "Москвитянине". Он уважал в Погодине крестьянское происхождение, ценил личные знакомства, часто близкие, с лучшими писателями и мыслителями XIX в. и страсть к документам русской старины, собранным в его знаменитом древлехранилище. Григорьев уважал Погодина как историка, но не со всеми его теориями был согласен, хотя приходилось их и защищать (см. письма к гр. Г.А. Кушелеву-Безбородко и Н.Н. Страхову, № 230 и 261). Григорьев разделял общие взгляды Погодина на русскую народность и, в отличие от славянофилов, на Петра Великого как на необходимый и законный этап в русской истории, но не соглашался ни с погодинской теорией Норманского периода, ни с его официальной народностью, ни с его панславизмом. На основании писем Григорьева к Погодину создается впечатление, что проблемы философии, искусства, истории и вопросы политические и общественные ими редко обсуждались. Напротив, главные предметы их переписки, так же, наверное, как и разговоров, составляли вопросы нравственности, особенно поведения самого Григорьева, и практические вопросы журналистики, связанные с "Москвитянином". Не исключено, что их отношения остались такими тесными и долгими именно потому, что проблемы политические

или идеологические играли в них малую роль. Эта переписка имеет более бытовой, чем интеллектуальный характер.

Окончив Московский университет в 1842 г., Григорьев получил место сначала в университетской библиотеке, а потом место секретаря Ученого совета. Он начал печататься в "Москвитянине", подписываясь "А. Трисмегистов" (см. также письма № 4 и 6) в знак уважения к своеобразной смеси мистицизма и социализма, представленной в романах Ж. Санд "Консуэло" и "Графиня Рудольштадт", герой которых Альберт тоже пользовался псевдонимом, происходящим от имени Гермеса Трисмегиста, мифического автора египетско-греческих "герметических" книг (III–IV вв.) оккультно-мистического содержания. В конце февраля 1844 г. Григорьев вдруг покинул родной дом, Замоскворечье и Москву, тайно убежав в Петербург от несчастной любви к Антонине Корш, а также от обилия долгов. В столице он устроился чиновником в Управе благочиния, потом в Сенате, а в 1845 г. подал просьбу в Санкт-Петербургский университет держать экзамен на степень магистра по уголовному праву. В том же году он бросил чиновническую карьеру – как он объяснил Погодину, "для этого полезного дела со временем изобретутся машины" (№ 13), – чтобы посвятить себя полностью искусству и журналистике. Познакомившись с В.С. Межевичем, он переехал жить к этому журналисту и редактору (в его изданиях "Театральная летопись" и "Репертуар и пантеон" Григорьев печатал свои стихи, прозу и первые критические статьи), а вскоре, в начале 1846 г., вышли в свет "Стихотворения Аполлона Григорьева", единственная книга, которая появилась за всю его жизнь. Участвовал он и в разных петербургских кружках, не только Межевича, но даже Петрашевского. Имеются косвенные сведения о масонстве Григорьева. Вероятно, уже в эти годы он пристрастился к алкоголю. Слухи о буйной жизни в Петербурге дошли до Москвы, чем объясняются оправдания в единственном сохранившимся письме Аполлона к отцу (№ 16). Григорьев так и не смог укорениться в Петербурге и в начале 1847 г. вернулся в Москву к родным, чтобы продолжить там свою карьеру в литературе и журналистике.

С февраля 1847 г. рецензии и критические статьи Григорьева начали появляться в "Московском городском листке", где потом он печатал и прозу до конца года, пока газета не закрылась. С этого времени он снова сотрудничает в "Москвитянине". Завоевав определенное место в московской журналистике, он в ноябре 1847 г. (см. № 23) женился на Лидии Корш, сестре Антонины. Их брак, основанный на мнимом сходстве сестер, оказался глубоко несчастным, и вскоре супруги отказались от совместной семейной жизни. Работа журналиста, особенно в качестве помощника скупого Погодина, не давала нужных средств для жизни, и осенью 1848 г. Григорьев вынужден был вернуться на государственную службу, теперь в качестве преподавателя законоведения в Александринском сиротском институте. В 1850 г. в связи с ликвидацией института он был переведен учителем в Московский воспитательный дом; в следующем году стал старшим учителем законоведения Первой московской гимназии. Завершил же свою педагогическую карьеру Григорьев в 1857–1858 гг. частным учителем молодого князя Ивана Трубецкого за границей, в Италии. Работа учителем, как государственным, так и частным, давала только материальные средства и не имела ничего общего с настоящим призванием Григорьева как критика и журналиста. Иногда, впрочем, одна карьера способствовала другой: например, познакомившись в Сиротском институте с А.Д. Галаховым, москов-

ским членом редакции “Отечественных записок”, Григорьев стал в 1850 и 1851 гг. писать московскую театральную хронику для ведущего петербургского журнала.

Сотрудничество с Погодиным, начавшееся еще в 1843 г. и возобновившееся с конца 1847 г., оказалось самым длительным и значительным для Григорьева. Занимаясь вначале разными редакционными делами, он должен был составлять для “Москвитянина” отдел “Европейское обозрение” (№ 23–33). Из-за событий 1848 г. сотрудничество оборвалось на три года.

Среди писем Григорьева конца 1840-х годов особое место занимают три письма (№ 34–36), адресованные Гоголю, жившему в это время у Погодина. Возможно, они предназначались для опубликования. Эти письма как бы служат продолжением сочувственной критической статьи Григорьева по поводу книги Гоголя “Выбранные места из переписки с друзьями”[3]. В этих письмах, не похожих на другие московские письма Григорьева из-за содержащейся в них критики, молодой автор пытался объяснить бурную реакцию на эту книгу – и свою, и Белинского, и русских читателей вообще. Кончаются эти письма тем, что Григорьев объясняет Гоголю, каково жалкое нравственное положение русской женщины среднего и низшего круга.

Некоторое время Григорьев печатал свои статьи почти исключительно в петербургских журналах, а в 1851 г. вернулся к работе у Погодина. В это время при “Москвитянине” образовалась “молодая редакция”. В этой среде сформировалась его зрелая литературная критика, которую он назвал сначала “исторической”, а потом “органической”. В эту группу входили Александр Островский, чьи пьесы наш автор объявил “новым словом” русской литературы; Тертий Филиппов – довольно консервативный критик и любитель народных песен; Евгений Эдельсон – тоже критик, больше тяготевший к эстетическим проблемам, и близкий друг Григорьева; Борис Алмазов – талантливый молодой фельетонист – и многие другие писатели, поэты, критики, артисты Москвы. Эта группа, которую сначала возглавлял Островский, а потом, с 1852 г., Григорьев, все надеялась, что Погодин отдаст под их контроль отделы критики, художественной литературы и “смеси” в “Москвитянине”.

История взаимоотношений “молодой редакции” с Погодиным за пять лет ее существования описывается в ста письмах Григорьева к Погодину (№ 43–146). Вначале, в 1851 г. , когда Погодин объявил, что молодые “редакто́ры” будут для “Москвитянина” обозревать журналы[4], эта группа еще не являлась единомыслящим коллективом. В письмах к Погодину Григорьев тогда сообщал главным образом о журнальной текучке, “казенщине”, т.е. об очередных разборах журналов и книг. Отразились в письмах и трения, которые возникали среди молодых сотрудников (например, по поводу рецензии на шекспировского “Короля Лира” – № 67), особенно когда коллеги самовольно редактировали григорьевские рецензии (№ 68). Собственное направление образовалось только в начале 1852 г., когда Григорьев написал обзор русской литературы за прошлый год[5] от имени всей группы – “за всех *нас*” (№ 85). С тех пор письма Григорьева стали выражать их общие мнения и просьбы (№ 96); либеральное направление “молодой редакции” сталкивалось теперь с пого-

[3] “Гоголь и его последняя книга” // Московский городской листок. 1847. 10, 17–19 марта. № 56, 62–64.

[4] См.: Москвитянин. 1851. № 1. Отд. 1. С. 213.

[5] “Русская литература в 1851 году” // Москвитянин. 1852. № 1–4.

динским консерватизмом. В феврале 1853 г. Григорьев выразил протест против своевольных изменений в статьях, выражающих направление "молодой редакции", в частности, возражал, когда в списке исторически значительных писателей Погодин заменил некоторые имена своими любимыми, как, например, М.А. Дмитриевым (№ 102).

В начале 1855 г. отношения между "молодыми редакторами" и Погодиным дошли до кризисного состояния: число подписчиков падало, и редактору хотелось избавиться от журнала. Григорьев послал Погодину требования от имени "молодых редакторов", число которых сократилось до шести (№ 116). Шли переговоры, появлялись разные предложения, сводящиеся к тому, чтобы Погодин назначил Григорьева "вице-редактором" и дал ему право вето над всеми критическими статьями в области искусства и общественных наук. В это время Григорьев писал для "Москвитянина" принципиальные критические статьи об Островском, о русской критике, о русской литературе[6], хотя понимал, что время журнала подходит к решительному моменту, охарактеризованному им, как "наш литературный Севастополь" (№ 130). Уже в самом начале 1856 г. Григорьев стал понимать, что "Москвитянин" обречен. В связи с этим он писал Погодину: «Я – погиб вместе с "Москвитянином"» и с тоской вспоминал о ранних 50-х годах молодого "Москвитянина" – "зеленого цвета" (№ 140). Когда он затем, с февраля-марта 1856 г., обращается к Погодину с новыми предложениями и условиями относительно возрождения "Москвитянина", он говорит уже от своего имени – "молодой редакции" больше нет.

В 1856–1857 гг. Григорьев ищет для себя новое место и журнал; эти поиски отражаются в его письмах к А.И. Кошелеву, В.П. Боткину и А.В. Дружинину. Впервые в его письмах детально излагаются те принципы литературной критики и теории искусства, которые Григорьев выработал в годы «молодого "Москвитянина"». Сначала велись переговоры со славянофилами, которые предложили Григорьеву участвовать в их новом журнале "Русская беседа". Он написал для них основательную теоретическую статью о народности в искусстве[7], но отказался от дальнейшего сотрудничества с ними. В письме к Кошелеву (№ 147) Григорьев объясняет свои принципиальные расхождения со славянофилами; он утверждает исключительно самостоятельное значение искусства, и то, что "в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу, видим старую извечную Русь, с ее дурным и хорошим, с ее самобытностью и, пожалуй, с ее подражательностью". Весной 1856 г. Григорьев вступил также в переговоры с редакцией "Современника" по поводу места главного критика: в письме к Боткину он предлагал свою кандидатуру, но при условии, что будет просматривать все критические статьи – включая и статьи Чернышевского, "оскорбляющие всякое эстетическое и историческое чувство" (№ 148). К этому письму Григорьев приложил два эссе в виде писем к Боткину, в которых обсуждал отношение журнала к православию и к русской истории и русскому быту (№ 149). Здесь предельно ясно изложены взгляды Григорьева на актуальные вопросы русской истории и религии. Конечно, эти принципы оказались

---

[6] "О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене" (1855. № 3), "Замечания об отношении современной критики к искусству" (1855. № 13–14), "Обозрение наличных литературных деятелей" (1855. № 15–16).

[7] "О правде и искренности в искусстве" // Русская беседа. 1856. № 3.

прямо противоположными направлению “Современника”. Переговоры с Дружининым об участии в “Библиотеке для чтения”, которые продолжались и в 1857 г., не привели к получению работы, но тем не менее увенчались успехом: в журнале Дружинина Григорьев не только поместил свой перевод комедии Шекспира “Сон в летнюю ночь”[8], но и напечатал принципиальную статью, в которой он впервые объяснил сущность новой своей “органической критики”[9].

Пока Григорьев писал статьи для Дружинина (не все они появились в печати), продолжались его переговоры с Погодиным о возобновлении “Москвитянина”. В письмах, отправленных весной 1857 г., главная цель которых – получить журнал в свои руки, он предлагал сотрудников, объяснял главные отличия своего направления от взглядов западников и славянофилов (№ 167) и даже детально описал финансовый план возобновления издания нового формата, включая деньги, полученные с будущей продажи родительского дома в Замоскворечье (№ 169). Наконец после мучительных переговоров в июне 1857 г. он получил согласие Погодина передать ему “Москвитянин”, но вдруг через месяц Григорьев отправляется в Италию (№ 180). Уехал он по соглашению с Погодиным, который сам предложил Григорьева в качестве учителя для пятнадцатилетнего князя Трубецкого, и который, по-видимому, согласился договориться с его кредиторами.

Григорьев отсутствовал в России больше года, вернулся в Петербург в октябре 1858 г. Находясь в Италии, он не создавал критических статей, но писал много стихов и прозы. Из задуманной, но реализованной лишь частично книги, которую он назвал “К друзьям издалека” (о ней см. ниже), он напечатал только цикл сонетов “Venezia la bella”[10]. Сохранилось 35 писем, обращенных тоже “к друзьям издалека” и содержащих в себе, наверное, те же мысли и впечатления, которые он включил бы в свою книгу. В этих письмах обсуждаются различные предметы в зависимости от адресата: письма к Погодину, Эдельсону, Майкову, Протопоповой резко отличаются друг от друга по тематике. О личной жизни, об интимных чувствах и о внутренних переживаниях он писал исключительно в письмах к Екатерине Протопоповой, подруге и учительнице музыки Леониды Визард, в которую Григорьев был страстно влюблен в период “молодой редакции”. В его письмах она появилась здесь впервые. Более подробно безнадежную любовь к ней он описал в циклах “Борьба”[11] и “Venezia la bella”. Григорьев писал Протопоповой и об итальянской культуре, и о быте, жизни, сравнивая, например, итальянские народные гулянья с русскими (№ 204). Особенно пронзительно впечатление, произведенное “Мадонной” Мурильо, в облике которой Григорьев находил сходство с Леонидой Визард, но и видел идеал женственности (№ 186, 187, 201).

Письма Григорьева к Аполлону Майкову представляют собой серию эссе об эстетике, в частности о живописи. Писал он о других мадоннах, сравнивал отношения религии – католичества и православия – к искусству (№ 188, 203). Григорьев уточнял и свои мысли о русской народности, о ее двойственности, о типичном в ис-

---

[8] Библиотека для чтения. 1857. № 8.

[9] “Критический взгляд на основы, значения и приемы современной критики искусства” // Библиотека для чтения. 1858. № 1.

[10] Современник. 1858. № 12.

[11] Сын отечества. 1857. № 44–49.

кусстве (№ 203). Те же идеи, которые были впервые представлены в его "москвитянинских" статьях – о типах, типичности, двойственности, – он обсуждал в письмах к Евгению Эдельсону (№ 184, 191). Но в письмах к старому другу Григорьев позволяет себе больше откровенности о "тупости" итальянцев и о бедности их религиозных праздников по сравнению с русскими православными (№ 184, 198). Самая главная тема в письмах к Эдельсону – принципы "молодой редакции", основные идеи молодого "Москвитянина": демократизм, непосредственность (№ 191, 196). Обсуждается также литературная и журнальная политика Москвы и надежды Григорьева возобновить "Москвитянина" (№ 197, 198, 202). Из переписки с Афанасием Фетом уцелело только два письма Григорьева из Италии, в которых он детально описывает свою книгу "К друзьям издалека" и обсуждает современную литературу (№ 200, 206). В Италии Григорьев познакомился с И.С. Тургеневым, написал ему о своей независимости и убеждениях (№ 212), и впоследствии создал статью в виде писем к нему[12]. По-видимому, длинная статья о "Дворянском гнезде" (1859) восходит еще к Италии, к неделям после знакомства с Тургеневым.

Переписка с Погодиным продолжалась с такой же интенсивностью, как и раньше. В каждом письме Григорьев описывал свое положение в доме Трубецких, впечатления о разных лицах в доме и трудности своей учительской задачи. В каждом письме обсуждались также литературные дела в Москве, общее направление деятельности Григорьева и Погодина, планы возобновленного "Москвитянина". Несколько раз Григорьев характеризовал статьи, которые он пишет для журнала, в том числе и обширную статью о Пушкине (№ 190), никогда не напечатанную. В предпоследнем письме к Погодину из Италии он рассказывает о своей встрече с графом Г.А. Кушелевым-Безбородко, который пригласил Григорьева участвовать в новом журнале "Русское слово" (на что тот и согласился; за готовые статьи граф заплатил ему сразу же), и объясняет, почему он решил работать в Петербурге и почему сомневается в "Москвитянине" (№ 211). На это письмо последовал резкий ответ, судя по последнему письму Григорьева к Погодину из-за границы (№ 213), после которого их переписка обрывается на год (№ 224), а дружеские отношения на полтора (№ 231).

Критические статьи, написанные им для "Русского слова", Григорьев не обсуждал в письмах, кроме общих мест в одном письме к Протопоповой (№ 220). Наоборот, некоторые крупные статьи Григорьева, в которых он проводил принципы своей "органической критики", можно считать частью его эпистолярного наследия: такова, например, основательная статья о Тургеневе и "Дворянском гнезде", которая написана в виде писем к Кушелеву-Безбородко[13]. Работа Григорьева в качестве помощника главного редактора графа Кушелева-Безбородко была полна конфликтов, что ярко отразилось в его письмах; с другим помощником, своим старым знакомым Яковом Полонским, Григорьев работать не мог, и их плохие отношения, по-видимому, дошли до скандального разрыва (№ 227). Кризис в его отношениях с другими членами редакции "Русского слова" достиг кульминации в августе 1859 г. – первого года издания, когда новый заместитель главного редактора А.И. Хмель-

[12] «После "Грозы" Островского. (Письма к И.С. Тургеневу)» // Русский мир. 1860. № 5, 6, 9, 11.

[13] «И.С. Тургенев и его деятельность по поводу романа "Дворянское гнездо". Письма к г. Г.А.К.Б.» // Русское слово. 1859. № 4–6, 8.

ницкий решил исправить некоторые фразы в григорьевской статье; в связи с этим критик написал Кушелеву-Безбородко письмо-ультиматум (№ 230). Григорьев вынужден был уйти, не получив поддержки графа, и остался без места и работы. В течение следующих полутора месяцев он написал длинное примирительное письмо к Погодину в виде дневника-воспоминаний (№ 231) – "моя исповедь – без малейшей утайки". Здесь он объяснял свою жизнь с тех пор, как получил первые деньги от Кушелева в Риме, приводил колоритные детали проживания в Париже и возвращения в Россию. От этого письма-исповеди сохранились только первые части; оно обрывается на Берлине, а, наверное, включало эпизоды из петербургской жизни Григорьева до момента написания письма, но следующие его части, увы, потеряны.

С осени 1859 г. началась темная полоса в жизни Григорьева, когда он мало писал и не мог устроиться ни в одном петербургском издании. В тяжелых, бедственных условиях он жил у Марьи Дубровской, бывшей проститутки, ставшей его гражданской женой. Об одном особенно трагическом событии, чуть ли не предвещающем тематику Достоевского, Григорьев написал и в своей поздней поэме "Вверх по Волге": старый друг Эдельсон неожиданно появился в его доме при только что родившей Дубровской как заступник законной жены. Этот болезненный инцидент вызвал горькое письмо к другу (№ 234, см. также № 275), первое в серии писем, отстаивающих права Григорьева на счастье и защищающих Дубровскую. Начиная с 1860 г. Григорьев печатал по статье, а иногда еще и стихи в "Русском мире", "Сыне отечества", "Светоче", "Отечественных записках", но ни к одному из этих журналов примкнуть не мог. Его отношения с самыми популярными изданиями и главными направлениями эпохи оставались враждебными, и в письмах, как и в статьях, он выражал свою независимость от направления "Современника", "Русского вестника", "Атенея" и других (№ 237). В тяжелом материальном положении он обращался за помощью в Литературный фонд (№ 238, 239). В мае 1860 г. он наконец устроился редактором специального издания, "Драматического сборника", где напечатал переводы и несколько рецензий. Но такое издание не могло удовлетворить его мечты о своем журнале.

Григорьев отказался от участия в петербургских журналах, надеясь найти место для своих идей в каком-либо московском издании. В сентябре 1860 г. он писал новому знакомому Николаю Страхову, что, определив свои отношения к петербургским критикам и писателям, надеется устроить свою анти-позитивистскую статью о Пушкине в "Русском вестнике", где его приняли в качестве помощника редактора (№ 241). А в одновременном письме к Погодину Григорьев предлагал возобновить "Москвитянин" (№ 243). Вскоре он поссорился с Катковым и ушел из "Русского вестника", позднее посвятив себя целиком задаче возобновления старого "Москвитянина" в новом, более современном виде. Несмотря на финансовые планы (опять же продать свой дом), на письма к знакомым с просьбами помочь найти поддержку у цензуры (№ 246, 247) и на попытки Погодина укрепить в глазах чиновников кандидатуру критика, цензура отказалась утвердить Григорьева редактором по той причине, что он уже являлся редактором другого издания, "Драматического сборника". Этот удар, полученный в ноябре 1860 г., был решающим для Григорьева: он бросил Москву и вернулся в Петербург.

Там (при помощи кн. В.Ф. Одоевского – см. № 252) Григорьев в начале 1861 г. сблизился с братьями Достоевскими, издателями журнала "Время". Начались са-

мые плодотворные, но тем не менее непростые отношения Григорьева с этими редакторами-издателями. Он не сразу начал сотрудничать во "Времени", а продолжал еще печатать в "Светоче", журнале А.П. Милюкова, приятеля Достоевских, не только стихи, но и критические статьи (чем Михаил Достоевский был недоволен – см. № 261). Григорьев напечатал стихи также во "Времени", а критические статьи стал публиковать в нем только во время отсидки в долговой тюрьме[14]. Многочисленные долги и хроническое отсутствие денег – постоянная тема всех писем – привели к первому из двух сроков заключения в известном Тарасовом Доме (второй раз он сидел там в 1864 г., в последние месяцы перед смертью).

Хотя Григорьев писал большие и основательные статьи и рецензии исключительно для "Времени" и стал настолько ценной фигурой для издания, что Федор Достоевский, по-видимому, считал, что он занимает пост главного критика, тем не менее Григорьев смотрел на эту свою деятельность как на временную. В письмах к Погодину и Эдельсону он заявлял, что уедет в Сибирь, в Оренбург как можно скорее, чтобы занять там пост учителя русской словесности (№ 257, 260). Следует учесть, что его участие в редакционных делах было очень ограничено, из-за отсидки в долговом отделении.

Письма из Оренбурга, как и из Италии, являлись для Григорьева некоторой заменой критических статей. За исключением одной статьи, которую он прислал во "Время" (первую из двух статей о Л.Н. Толстом[15]), свои критические наблюдения о русской литературе и культуре с июня 1861 г. по март 1862 г. Григорьев выражал в письмах. Сохранилось 15 таких писем, из которых все, кроме одного (к Погодину, № 266), адресованы молодому другу и единомышленнику в редакции "Времени" Николаю Страхову. Адресату эти письма показались настолько ценными для понимания "органической критики", что он многие из них опубликовал в виде статьи-воспоминаний вскоре после смерти Григорьева в 1864 г.[16] Необычность публикации и нарушение приватности переписки можно оправдать тем, что сам Григорьев часто публиковал статьи в виде писем: в свою очередь эти письма опубликованы как бы в виде критической, даже полемической статьи. Страхов сопроводил публикацию своими комментариями, но, к сожалению, он редактировал письма (три коротких письма, чисто деловых, он не напечатал – № 265, 269, 274). Купировались не только интимные места и нецензурные слова, но также и жесткие выражения, характерные для бескомпромиссности Григорьева, которая была чуждой Страхову.

Тем не менее сохранилось ярко выраженное журналистское и критическое кредо Григорьева, высказанное сильнее, чем в любой его статье, напечатанной в журналах Достоевских или в изданиях, им самим редактированных. В нескольких письмах он пытался определить свое место в русской журналистике 60-х годов. Григорьев то называл себя славянофилом и признавался: "Погодин – единственный мой политический вождь" (№ 262, 266), то утверждал, что он не славянофил и не западник (№ 271). Об абсолютном неприятии направления "Современника" и его со-

---

[14] Посадили его около 11 января, а первая статья для "Времени" имеет цензурное разрешение 9 февраля 1861 г. (Народность и литература. № 2).

[15] "Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения. Статья первая" // Время. 1862. № 1.

[16] "Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве" // Эпоха. 1864. № 9.

трудников – "тушинцев", как он их называл, – он говорил почти в каждом письме (например, № 261, 262, 270). Григорьев писал Страхову о своих прежних критических статьях, о новом цикле ("курсе") статей и о его продолжении (№ 267, 271), об оренбургских лекциях о Пушкине (№ 273), о современных писателях – Полонском, Л. Толстом (№ 263, 268), о надеждах на Островского, об ожидании его новой пьесы "Минин" (№ 262, 266, 268, 275).

В оренбургских письмах нашли отражение конфликты Григорьева с Достоевским (эти письма опровергают общепринятые представления об их личной и идейной близости). В единственном письме к Погодину из Оренбурга Григорьев обвинил "Время" в "наклонности очевидной к Чернышевскому с компанией". В письмах к Страхову он выражал недовольство направлением "Времени" и перечислял требования, при выполнении которых журнал стал бы приемлемым для него (№ 261, 263). В расчете на то, что братья Достоевские тоже читают его письма к Страхову, Григорьев детально излагал свои несогласия с редакционными решениями, сознаваясь: "Я ⟨...⟩ обоих братьев – очень люблю – хоть схожусь с ними не во всем, а во многом расхожусь совершенно" (№ 270). Те же темы звучали потом в его последних статьях о парадоксах "органической критики", оформленных в виде писем к Федору Достоевскому[17]. Вернувшись из Оренбурга в Петербург в мае 1862 г., Григорьев продолжал печатать свои статьи во "Времени", а с 1864 г., после запрещения "Времени", писал для "Эпохи", но его участие в изданиях Достоевских сопровождалось частыми несогласиями. Эти расхождения проявились даже после его смерти: Федор Достоевский не удержался, чтобы не оспорить в редакторском примечании мысли Григорьева, опубликованные в письмах к Страхову.

Наконец Григорьев получил свой собственный журнал: в феврале 1863 г. он был утвержден редактором еженедельника "Якорь" с приложением "Оса" (№ 279). Это издание по формату и по содержанию стало похожим на то, какое Григорьев предлагал Погодину, пытаясь возобновить "Москвитянин": похожим на "Сына отечества" "насчет удобств, дешевизны", и с карикатурами и музыкальным приложением (см. № 246, 283). Издателем журнала являлся Федор Стелловский, известный впоследствии своим жестким договором с Федором Достоевским. В отличие от последнего, Григорьеву, по-видимому, не удалось благополучно освободиться из-под его влияния, и договоры со Стелловским, возможно, ускорили смерть критика. Григорьев был редактором "Якоря" и "Осы" один год; после нескольких неудачных попыток формально передать редакцию другому, ему наконец, удалось уйти из еженедельника только в декабре 1863 г., назначив себе заместителя в виде соредактора (см. № 284, 286, 289). Григорьев продолжал работать у Стелловского в 1864 г. не редактором, а переводчиком: известны григорьевские переводы либретто почти двух десятков опер для издательства Стелловского (см. № 287, 291). Курьезным документом является последнее письмо Григорьева (№ 304): обращение в Санкт-Петербургский Цензурный Комитет с просьбой назначить нового редактора "Якоря" и "Осы". Оно датировано 15-м сентября и было принесено в комитет 23 сентября (нового редактора назначили только 23 октября). Скончался Григорьев 25 сентября, и подпись на прошении настолько не похожа на григорьевскую, что наверное

---

[17] "Парадоксы органической критики. (Письма к Ф.М. Достоевскому)" // Эпоха. 1864. № 5–6.

подписались за него, или держали руку. О самой смерти Григорьева в одном некрологе говорилось, что он умер от апоплексического удара во время горячего объяснения с одним издателем[18]. Невольно думается, что собеседником Григорьева был Стелловский.

В новом журнале братьев Достоевский, "Эпоха", Григорьев участвовал с начала 1864 г., со второго номера, перенеся свою литературную и театральную критику из "Якоря". Печатал он не только статьи о петербурском театре, но возобновил публикацию и своих воспоминаний – "Мои литературные и нравственные скитальчества", печатавшихся два года назад во "Времени", начал новую серию статей ("Парадоксы органической критики"), обращенных в виде писем к Федору Достоевскому. В июне его опять посадили в долговое отделение (№ 294, 295); после Оренбурга он вернулся к жизни "безобразия и безалаберности", т.е. запоя, а теперь в умеренных условиях Тарасова дома надеялся вести трезвый образ жизни и много писать и переводить. Хотя он сидел в долговом доме до середины сентября, в дневное время он был на свободе, занимался своими литературными делами и даже заходил в редакцию "Эпохи" читать свои статьи. Несмотря на мнительность и на разногласия с членами редакции, Григорьев примирился со своим местом главного критика и готов был даже "отдать себя в руки" Федора Достоевского (№ 301). Он написал третью статью-письмо о парадоксах органической критики, собирался ее читать в редакции в начале сентября, но по неизвестным причинам после его смерти статья в печати не появилась.

В "Эпохе" был опубликован сочувственный и откровенный некролог, написанный другом Григорьева Дмитрием Аверкиевым от имени редакции, которая поддержала мнение автора о выдающихся способностях критика. Однако самые яркие эпизоды из жизни Григорьева не в некрологах, а в собрании его личных писем, напечатанных Страховым. Оренбургские письма Григорьева, о которых говорилось выше, появились в воспоминаниях Страхова в девятом номере "Эпохи" за 1864 г. Письма Григорьева публиковались также и в последнем номере журнала, до его закрытия, во втором номере за 1865 г. Страхов собрал и прокомментировал 12 писем Григорьева к Екатерине Протопоповой, с сентября 1857 г. по февраль 1858 г. – все, кроме трех последних, присланы из Италии.

Итак, последнее слово Григорьева в печати 1860-х годов произнесено было в его личных письмах.

* * *

Если бы не сохранились письма Григорьева, очень многие его представления, идеалы, положительные и негативные пристрастия, оценки ближних и автохарактеристики были бы навсегда потеряны для потомков, ибо в подцензурных статьях автор не мог откровенно выразить и малой доли своих нестандартных социально-политических взглядов, а заветное, выстраданное, душевное опять же лишь в незначительной степени отражено в его автобиографической прозе и стихах. Воспоминаний же о Григорьеве создано немного, да и посвящены они, главным образом, внешней стороне его жизни. Поэтому для понимания Григорьева как человека и мыслителя собрание его писем представляет уникальную ценность.

---

[18] *Михно Н.В.* А.А. Григорьев // Русская сцена. 1864. № 9. С. 70.

Начнем с идеалов. Они лишь частично обозначены в печатных трудах нашего автора, а в письме к А.Н. Майкову от 24 октября 1860 г. они прозрачно противопоставлены антиидеалам в основной своей совокупности: «Любезные друзья! "Антихрист народился" в виде материального прогресса, религии плоти и практичности, веры в человечество как в genus – поймите это вы все, ознаменованные печатью Христовой, печатью веры в душу, в безграничность жизни, в красоту, в типы – поймите, что даже (о ужас!!!) к церкви мы ближе, чем к социальной утопии Чернышевского, в которой нам останется только повеситься на одной из тех груш, возделыванием которых стадами займется улучшенное человечество. Поймите, что испокон века было два знамени. На одном написано: "Личность, стремление, свобода, искусство, бесконечность". На другом: "Человечество 〈...〉, материальное благосостояние, однообразие, централизация" и т.д.» (№ 246).

Григорьев никогда не был силен в классификационной точности (например, в ученой статье Н.И. Крылова он усматривает два элемента: "гениальный" и "хамский", а хамский, в свою очередь, подразделяет на "*хамский демократический*" и "*хамский совсем*" – № 197), поэтому и в приведенной цитате не следует искать буквальной антиномии терминов в том порядке, как они перечислены, тем более здесь нет шкалы ценностей по убывающей от начала списка к концу значимости: для нашего мыслителя перечисленные понятия располагаются не по вертикальной шкале, а в художественно диффузном объединении, размывая границы и вливаясь друг в друга. Однако это касается лишь понятий одного списка, понятия же двух враждебных рядов не сливаются, не соприкасаются, они находятся в противоположных группах.

Впрочем, антиномичны здесь лишь первые слова: личность противополагается абстрактному человечеству. А контрастные антиподы к остальным понятиям могут быть добавлены на основании наших знаний о мировоззрении Григорьева. Романтическим "стремлению" и "бесконечности" должна противостоять социалистическая утопия "конечной цели", построения гармонического общества на земле; "свободе" – зашоренный фанатизм в борьбе за эту конечную цель; "искусству", художественному отношению к миру – рационалистическое, рассудочные мышление. Соответственно понятиям враждебного лагеря должны быть противопоставлены свои собственные: "материальному благосостоянию" – духовные интересы (а отнюдь, разумеется, не бедность), "однообразию" – богатство и многоцветие жизни, "централизации" – автономность личностей и географических регионов.

В этих списках почему-то отсутствуют национальные категории, очень важные для Григорьева, настолько важные, что уж если и строить его вертикальную шкалу ценностей, то эти категории окажутся *над* социально-политическими проблемами. Таков смысл его откровенного признания в письме к Н.Н. Страхову от 18 июля 1861 г.: "Есть вопрос и глубже и обширнее по своему значению всех наших вопросов – и вопроса (каков цинизм?) о крепостном состоянии, и вопроса (о ужас!) о политической свободе. Это – вопрос о нашей умственной и нравственной *самостоятельности*" (№ 262).

Национальная самобытность и самостоятельность, характерные черты русского народа (да и других народов мира) – эти проблемы постоянно привлекали внимание Григорьева, они разрабатывались им и в художественных произведениях, и в критике, и в публицистике. Немало место занимают они и в письмах.

Именно в письме 1857 г. Григорьев впервые определил в русском национальном характере две противоположные "силы, стремительную и осаживающую" (№ 192). Потом это более подробно будет развито в критических статьях: осаживающее – это смиренное, "растительное", податливое начало, а стремительное – "разинское", буйное, страстное, "хищное". Обе крайности Григорьев очень любил, видел, например, в Пушкине воплощением обеих ипостасей и чуть ли не серьезно горевал, что чрезвычайно близкому ему Островскому не хватает активности, страстности: "В нем только нет, к сожалению, примеси африканской крови к нашей великорусской" (№ 268).

Россию, русский народ Григорьев любил глубоко и страстно, особенно ясно осознав это за рубежом: "*Жить* (хоть иногда и премилая жизнь) можно только в России, даже, *специальней* говоря, в Москве" (№ 184); "За границей можно учиться и ездить по разным городам. Но надобно быть чем-нибудь от Господа Бога обиженным, чтобы для *удовольствия* жить в каком-либо месте, кроме отечества" (№ 190). В большом письме к М.П. Погодину (№ 231) Григорьев колоритно рассказывает про свою парижскую жизнь: обсуждение герценовских изданий, споры в кругу русской молодежи, музеи, оргии, сборы в Италию, чтобы продолжать учить молодого князя Трубецкого, – и описывает, как 30 августа по старому стилю он вдруг вспомнил, что это день именин А.Н. Островского, день бурных попоек, "святых своим братским характером, духом любви, юмором, единством с жизнию народа, богослужением народу... В Россию! раздалось у меня в ушах и в сердце!.." – и тотчас же, написав Трубецким отказ "по домашним обстоятельствам", отправился на родину.

Россия ассоциировалась в душе Григорьева с Москвой: "...Покидаю Москву, которую я люблю всею страстию русского человека и коренного москвича" (№ 148). Немало поэтических страниц посвятил Григорьев воспеванию Москвы в своих воспоминаниях, в "Моих литературных и нравственных скитальчествах", но и в письмах есть не менее возвышенные строки: «Мне представлялись летние монастырские праздники моей великой, поэтической и вместе простодушной Москвы, ее крестные ходы и проч. – все, чем так немногие умеют у нас дорожить и чтó на самом деле полно истинной свежей поэзии – чему, как Вы знаете, я отдавался всегда со всем увлечением моего *мужицкого* сердца... Все это вереницей пронеслось в моей памяти: явственно вырисовывались то Новинское, то трактир, именуемый "Волчья долина", у бедного, старого, ни зá что ни прó что разрушенного Каменного моста, где я, Островский, Кидошенков – все трое мертвецки пьяные – но чистые сердцем – целовались и пили с фабричными, то Симоновская гора, усеянная народом в ясное безоблачное утро, и опять братство внутреннее душевное с этим святым, благодушным, поэтическим народом...» (№ 204).

"Народная" Москва всегда противопоставлялась Григорьевым казенному, имперскому, чиновничьему, нерусскому Петербургу.

Однако любовь Григорьева к Москве омрачалась исторической судьбой столицы, выросшей на централизованном завоевании других русских княжеств, поэтому у него возникала "любовь-ненависть к Москве, – подавившей собою вольное развитие местностей, семихолмной, на крови выстроившейся Москве" (№ 273).

Человек крайностей, Григорьев иногда доводил свое преклонение перед русскими чертами до приподымания русских над другими народами, т.е. до появления

элементов шовинизма: “Скажи Медведю Прову или Прову Медведевичу ⟨Садовскому⟩, что он *непосредственно* прав в том, что нагло плюет на все не русское” (№ 184).

В письмах из Италии неоднократно будет проводиться мысль о величии, о всемирном значении ее средневековой и ренессансной культуры, – но, дескать, современные итальянцы мелки, мещанисты, невежественны... Однако в очерке “Великий трагик” (1859) Григорьев не только создал восторженный дифирамб молодому Сальвини, но и опоэтизировал современную итальянскую народную массу. В ней он находил, видимо, нечто родственное и русскому характеру. А как он восхищался музыкой Верди! (№ 187) Недаром он так однажды отозвался о родине Возрождения: “Италия – яд такой натуре, как моя: в ней есть нечто наркотическое, страшно раздражительно действующее на нервы” (№ 201).

Григорьевские чувства и впечатления часто настолько запутаны или односторонни, что их можно понять лишь в соединении *всех* высказываний на данную тему, да и то при этом неясность снимается не всегда. Приведем для примера суждения нашего автора по поводу еврейского национального характера, обильно рассыпанные по письму к Е.С. Протопоповой от 20 октября 1857 г. (№ 187).

После подробного анализа “Мадонны” Мурильо: “...Тут есть аналогия с бетховенским творчеством, которое тоже выходит из бездн и мрака, и также своей простотою уничтожает все кричащее, все жидовское”. Если здесь остановиться, то можно решить, что Григорьев достаточно пренебрежительно, даже уничижительно отзывается о еврействе (надо, однако, учесть, что до 60-х годов в русской печати еще не установилась окончательно оценочная антитеза “еврей–жид”, тем более она еще не существовала в просторечии, в письмах). Впрочем, тут же автор письма оговаривается: “...(хоть *жидовское*, т.е. Мейербера и Мендельсона, – как Вы знаете, я страстно люблю)”. Правда, совершенно непонятно в данном контексте, почему при рассуждении о Мурильо и Бетховене вдруг всплывает “кричащее” и “жидовское”. Оказывается, Григорьев полон впечатлений от постановки во флорентийском театре Пальяно оперы Мейербера “Гугеноты”, о чем пойдет речь несколькими строками ниже: «А в Пальяно – ревут и орут “Гугенотов”, и все жидовски-сатанинское, что есть в музыке великого маэстро, выступает так рельефно – что сердце бьется и жилы на висках напрягаются. Меня пятый раз бьет лихорадка – от четвертого акта до конца пятого... Это вещь *ужасная*, буквально *ужасная* ⟨...⟩ Повторяю, это вещь ужасная с ее фанатиками, с ее любовью на краю бездны, с ее венчанием под ножами и ружейным огнем. А все-таки – жид, жид, и жид. Марсель, это не гугенот: это жидовский мученик – Боже мой, да разве не слыхать этого в оркестровке его финальной арии: эти арфы – только ради благопристойности – арфы, а в сущности это – оркестровка жидовских цимбалов и шабаша...»

В патриотических тирадах Григорьева почти всегда возникает тема народа: симпатия к народу, общение с народом. Более того, Григорьев *отождествлял* себя и своих друзей с народом: “Мы не ученый кружок, как славянофильство и западничество: мы – народ” (№ 167). Здесь, кстати сказать, находится основная межа, отделяющая “молодую редакцию” “Москвитянина” от “теоретиков”-славянофилов, да и под народом они, члены редакции, понимали не крестьянство, которое плохо знали, а городское простонародье. Григорьев точно сформулировал это отличие в письме к А.И. Кошелеву от 25 марта 1856 г.: “Убежденные, как вы же, что залог

будущего России хранится только в классах народа, сохранившего веру, нравы, язык отцов, – в классах, не тронутых фальшью цивилизации, мы не берем таковым исключительно одно крестьянство: в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу, видим старую извечную Русь" (№ 147).

А Погодину он писал еще более откровенно: "...Славянофильство видит *народное* начало только в одном крестьянстве (потому что оно у *них* связывается с старым боярством), совсем не признавая бытия чисто великорусской промышленной стороны России". Потому славянофильство становится Григорьеву "отчасти смешно, отчасти ненавистно как *барство* с одной стороны и пуританство с другой" (№ 167). Все барское, как и все аристократическое, Григорьев не любил.

В другом месте мы находим еще один аспект критики славянофильства: "Мысль об уничтожении личности общностью в нашей русской душе – есть именно *слабая* сторона славянофильства..." (№ 203). Григорьев, конечно, преувеличивает: славянофилы не "уничтожали" личность, а считали, что она добровольно подчиняется "общности", но в целом и здесь водораздел намечен реальный. Для Григорьева раскрепощение личности является одним из приоритетных дел; личность не подчиняется и не принижается перед народом – именно из личностей и составляется народ.

Социальный идеал Григорьева – свободно живущие и общающиеся личности, общающиеся без всяких сословных и классовых перегородок. Главные принципы, которые он провозглашал, – "Демократизм" и "Непосредственность" (№ 191). И в христианстве он подчеркивал "его плебейский характер, его *вседоступность*" (№ 1).

Уместно здесь остановиться на отношении Григорьева к религии. В свете крайних его противопоставлений и предпочтений, в свете традиционного воспитания, он среди христианских конфессий выделял православие: "Под православием разумею я сам для себя просто известное, стихийно-историческое начало, которому суждено еще жить и дать новые формы жизни, искусства, в противуположность другому, уже отжившему и давшему свой мир, свой цвет началу – католицизму. Что это начало, на почве славянства, и преимущественно великорусского славянства, с широтою его нравственного захвата – должно обновить мир – вот что стало для меня уже не смутным, а простым верованием". А далее следует резкое противопоставление такого истинного православия – казенному, бюрократическому: "Верованием – перед которым верования официальной церкви иже о Христе жандармствующих стали мне положительно скверны" (№ 231). В другом месте, в письме к Е.Н. Эдельсону: "Если б ты знал, до чего и сколь основательно развилась во мне вражда к официальному православию" (№ 191).

А "настоящее", стихийное, народное христианство возникло естественно, и оно не отталкивает, а вбирает в себя древние языческие верования: "Православие народное *выросло* как растение, а не *выстроено* по русской земле: оно не тронуло даже языческого быта, когда он радикально ему не противодействовал: оно только новые имена придало старым на почве выросшим поклонениям (Св. Власий, Флор и Лавр, Святки, Масляница и т.д.). Все, что было в язычестве старом существенно-народного, праздничного, живого, даже веселого без резкого противоречия духу Того, Кто Сам претворил воду в вино на браке в Кане галилейской – все уцелело под сенью этого растения, в противуположность давившему и уничтожавшему все католицизму" (№ 149). Любопытно, что католичеству отказано в похвале и за на-

личие языческих элементов: "...Во всем католичестве все более и более вижу язычество, мифологию, а не христианство" (№ 188).

Но в иных случаях он готов бранить словом "раскольники" (за фанатизм, за сектантство) славянофилов: "Славянофильство есть в сущности раскол, старообрядчество ⟨...⟩ В сущности – они не имеют права даже на русскую одежду (т.е. демократическую – ибо как *таковую*, а вовсе не как старообрядческую – я ношу ее и буду носить до конца жизни)" (№ 191). Григорьев в самом деле ничуть не менее постоянно, чем Хомяков или К. Аксаков, щеголял в народной одежде.

Политический идеал Григорьев видел в народном правлении, в земском соборе (№ 268). Здесь он сходился со славянофилами. Но сильнее, чем славянофилы, критиковал деспотический строй николаевской России, отождествляя с этим строем и социалистические утопии: "Разве социальная блуза лучше мундиров *блаженной памяти* И⟨мператора⟩ Н⟨иколая⟩ П⟨авловича⟩ незабвенного, и фаланстера лучше его казарм? В сущности, это одно и то же" (№ 167).

В другом месте Григорьев сближает социалистов с иезуитами: "...Но социализма-то именно и не переваривала никогда моя душа ⟨...⟩ *Типическое* все сглаживается социализмом, – остается одно общее как нормальное отправление... В сущности, идея социализма и идея езуитизма сходятся: та и другая суть водворение мертвого покоя; только способы разные: у одной – *отсечение* всего типового, подчинение его слепою верою, у *другой* – разрешение его от всяких уз и умерщвление бесконечным, догматическим пользованием – обращенным в простое отправление. И езуитизм и социализм равно обращают человека в свинью, т.е. рылом вниз" (№ 192).

Категория типического для Григорьева – одна из самых центральных в его социологии и эстетике. Типическое – это прежде всего самобытное, оригинальное, характерное не только для определенного места и времени, но и выходящее за рамки узкого региона и момента. Поэтому часто типическое отождествляется с общенациональными чертами. Обязательными его признаками является относительная массовость явления, укорененность его в почву и в традицию. Типическое Григорьев находил и в реальной жизни, и в искусстве.

В письмах Григорьева проблемы искусства занимают, естественно, весьма значительное место. Ведь письма принадлежат литературному и театральному критику, влюбленному не только в литературу, но и в живопись и музыку. Как и в статьях, в письмах Григорьева искусство объявляется самым важным из всех жизненных ценностей: "...Все живое вносится в мир только искусством" (№ 190). Для таких, как Григорьев, "истина действует образом, красотою, типичностью и только сими средствами в нас входит и нам дается, а не выводами" (№ 191). Искусство оказывается ценнее науки.

Национальные, народные, демократические проблемы, дорогие Григорьеву, тоже тесно связываются им с искусством: "Принцип народностей не отделим от принципа художественного" (№ 208). Искусство, однако, не только не отождествляется с религией, но и противопоставляется ей: "...Религия и искусство – две вещи разные. В Мадоннах я ⟨...⟩ вижу идеалы чистейшей женственности, но земные, а не небесные" (№ 195).

Творец произведений искусства не Бог, а человек, его душа[19] – поэтому искусство творится по душевной мере художника и должно ей соответствовать: "Все истинное великое есть *душевное*, будет ли оно итальянское в разных его оттенках, испанское, фламандское или немецкое. Как скоро изображаемый мир выше душевной мерки, т.е. чужд ее – выходят фальшь и техника, как скоро ниже – разврат" (№ 214).

Подобно критическим статьям, художественные произведения рассматриваются Григорьевым и в письмах, прежде всего как отражение субъекта, натуры создателя, его духовной и душевной сущности. Вот анализ "Мадонны" Мурильо: "И есть тайна – полутехническая, полудушевная в ее создании. Мрак, окружающий этот прозрачный, бесконечно-нежный, девственно-строгий и задумчивый лик, – играет в картине столь же важную роль, как сама Мадонна и Младенец, стоящий у нее на коленях ⟨...⟩ Для меня нет ни малейшего сомнения, что мрак этот есть мрак души самого живописца, из которого вылетел, отделился, улетучился божественный сон, образ, весь созданный не из лучей дневного света, а из розово-палевого сияния зари..." (№ 187).

Субъективное, личное, однако, всегда соразмеряется с вечным, абсолютным: нация, народ, божественные заветы. Это есть и в стихах. В письмах оригинально появляется и еще одна интересная непреходящая "космическая" категория, о которой Григорьев предполагал написать если не книгу, то большую главу из задуманной книги, но даже никаких набросков до нас не дошло, остался один замысел (№ 192, 200). Речь идет о *море*.

Широко известна григорьевская формула: "Пушкин – наше все". А оказывается, эта формула образно представлялась автору в виде моря: "Пушкин и Мицкевич – Вода и огонь, море и горы нового мира... Все жгучее еврейских пророков в певце Валленрода – все широкое, безграничное и вместе женственно-ласкающее в натуре Пушкина. В Пушкине только *мы* в *нашу* меру *впервые* любим, *впервые* верим, *впервые* сознаем себя: это море своим разливом определяет границы нашей *суши*..." (№ 203). "Суша" здесь – скорее остров, чем континент, островок посреди бескрайного моря. С другой стороны, Григорьев так высоко ставил обычную человеческую душу, что она тоже у него приобретала грандиозные размеры и отождествлялась с морем (№ 192).

Подобные сближения "далековатых" предметов вообще характерны для художественного мышления Григорьева. Очень интересны его "синэстетические" сопоставления различных видов искусств. До отъезда за границу он часто соединял литературу, театр, музыку – области, хорошо ему знакомые. Живопись тогда не участвовала в анализах и рассуждениях, видимо, она тогда не очень его интересовала. Италия, как он сам неоднократно признавался (№ 188, 201, 214), впервые открыла ему колоссальную значимость живописи и скульптуры в истории мирового искусства, заставила более глубоко понять – в сравнении – отечественную живопись,

---

[19] Соотношение Бога и художника, однако, не совсем прояснено в концепции Григорьева. Например, понятие романтиков "художественная ирония" он прилагает к деяниям Бога, причем, кажется, выходит за рамки искусства и применяет эту категорию к жизнестроительству в целом: "Я уж наконец ни во что не верю, кроме художественной иронии Творца жизни" (№ 221). В другом месте, в связи с библейской книгой Иова, он говорит об "апокалипсисе Божественной иронии" (№ 261).

особенно – иконопись, а иногда и чисто литературные произведения (скажем, "Дворянское гнездо" Тургенева) рассматривать как большую живописную картину.

Любопытно, однако, что живопись Григорьев воспринимал через музыкальную стихию; он признавался Майкову: для того, чтобы вникнуть в сущность искусства, ему нужно, чтобы произведения "пели" – "а чорт ли мне в том, что мне не поет?" Зато вникнув, он создал удивительно яркую, именно "синэстетическую" музыкально-живописную картину: "Когда же все это – и флорентинское, и римское, и венецианское, и неаполитанское, и испанское и фламандское запело мне свои многоразличные симфонии о душе и ее идеалах – то *скрипкой* Рафаэля, то густыми, темными и глубоко страстными тонами *виолончели* Мурильо, то яркою и *чувственно-верующей* флейтой Тициана, то органом старых мастеров и потерянным, забытым инструментом, стеклянной гармониею фра Беато Анджелико, то листовским, чудовищным фортепьяном Микель Анджиоло, – я отдался этому миру столь же искренне, как мирам Шекспира, Бетховена, Шеллинга" (№ 214).

Размеры данной статьи не позволяют подробнее останавливаться на всех ценных высказываниях Григорьева об искусстве. Добавим лишь, что в свете своих профессиональных интересов он неоднократно рассматривал роль критика (главным образом, литературного) и болезненно, страстно боролся за его самостоятельность. Критик должен быть совершенно независимым от писателей: "...Считаю подчиненность критики литераторам – самым крайним ее падением" (№ 193). В оценках художественных произведений Григорьев отдает приоритет критикам, а не писателям. Он убеждает Фета: "...Верь только *критикам* в этом деле, а не поэтам, т.е. ни Тургеневу, ни Толстому, ни даже Островскому, по той простой причине, что они всегда смотрят сквозь свою призму" (№ 200). Григорьев даже мечтал создать такой журнал (хотел назвать его, вспоминая заслуги Н. Полевого, "Московский телеграф"), в котором почти не было бы художественной литературы, а главная роль отводилась бы критическому отделу (№ 200, 202).

Эти суждения о критике существенно дополняют методологические идеи из печатных статей Григорьева.

Чрезвычайно интересны откровения Григорьева о своем творческом процессе: "...Я еще никогда не писал стихов без внутреннего душевного побуждения... Сам я не знаю, как это у меня всегда делается, но самые глубокие впечатления были у меня те, которые приходили в мою душу совершенно нежданно – или нет, это не то! – которые долго лежали в душе под спудом и вдруг всплывали на поверхность совсем готовые, полные, всю душу захватывающие" (№ 209).

Некоторые высказывания Григорьева являются замечательными комментариями к эстетическим идеям критика. По его статьям широко известно противопоставление "мысли головной" и "мысли сердечной": только последняя имеет право на жизнь в настоящем искусстве. В письме к Е.С. Протопоповой этот принцип находит более подробное истолкование: "Наши мысли вообще (если они точно мысли, а не баловство одно) суть плоть и кровь наша, суть наши чувства, *вымучившиеся* до формул и определений. Немногие в этом сознаются, ибо и немногие имеют счастие или несчастие *раждать* из себя собственные, а не чужие мысли" (№ 201).

* * *

Один из самых ценных из всех разнообразных аспектов собрания писем – это раскрытие личности Григорьева. Ни воспоминания, ни лирика, ни статьи не могут сравниться по богатству черт, фактов, а также по откровенности с его письмами. Конечно, априорно можно было предположить, что натура нашего автора будет выглядеть крайне противоречивой. Так оно и есть. Сам Григорьев прекрасно понимал свою противоречивость и как бы узаконил это в письмах.

Он много раз, возводя в идеал, ратовал за "абсолют", за слияние своего "малого мира" с "великим миром", подчеркивал, что "великие и плодоносные эпохи человечества" были эпохами "*целостными*" (№ 195), что ненавидит "раздвоение мышления и жизни" (№ 14). Но практически-то он оправдывал разлад, раздвоение, да не только применительно к себе и друзьям, а и по отношению ко всей русской истории и культуре! "Народное наше, типическое – не есть одно только старое, но и старое и новое – или лучше та *двойственность*, которая всюду у нас проглядывает в старом и в новом (князья дружинники и охранники и князья промышленники-вотчинники, – святость Ильи Муромца и ёрничество Алеши Поповича, – земледельческое население и купеческое, – покорность семейному началу в одной песне и *загул* в отношении к этому началу в другой и проч., и проч., и проч.)" (№ 203).

Григорьев считает, что двойственность лучше унификации, например, подавления личности ради общего, в чем он упрекает славянофилов. Эту двойственность он даже отождествляет с силой. Славянофилы, подчеркивает он, "не верят в силу, т.е. в *двойственность* (Илья Муромец и ёрники: Алеша Попович, Чурила Пленкович), а верят в искусственное *единство*..." (№ 197).

Если даже по отношению ко всей России Григорьев готов был санкционировать (не скажем: воспевать!) раздвоение, то что же говорить о нем самом?! "В моей натуре странно перемешаны бесхарактерность с упорством и энергиею" (№ 119). "...*Характера* у меня нет, как у всех артистических натур, а есть только *воля*, страстная, упрямая, самолюбивая" (№ 210). "Как истинно русский человек, т.е. как смесь фанатика с ёрником ⟨...⟩ я не стал в борьбу с тем, с чем нельзя бороться" (№ 189). Последняя автохарактеристика наиболее точна, ибо воли-то как раз Григорьеву недоставало: скорее можно говорить о воле-свободе, тяге к свободе, стремлении убежать от неприятностей, а не бороться с ними. Тем более, что жизненные трудности обычно парализовали в Григорьеве упорство и энергию, в самом деле ему присущие: "Чем больше судьба гнетет меня – тем больше я морально падаю" (№ 119). И недаром он так часто буквально убегал от кризисных обстоятельств: из Москвы в Петербург, из Петербурга в Москву, затем в Италию, в Оренбург...

Он рано пристрастился к алкоголю. Как он при запоях умудрялся все же преподавать и писать статьи – уму непостижимо. Даже, признавался он Погодину, "пьянствовал", когда сдавал в Петербурге, в Штабе военно-учебных заведений экзамен на учителя истории. И выдержал экзамен благополучно! (№ 119). Но, конечно, беспорядочная, безалаберная жизнь постоянно ввергала его в нужду, в безденежье, так что он оказывался без приличной одежды и даже без белья. Весь запутывался в долгах, в просрочивании платежей, попадал в долговую тюрьму...

Однажды он благородно сформулировал нравственный тезис: "Всякому человеку порядочному ⟨...⟩ свойственно – рано или поздно – платить свои долги"

(№ 226). Это теоретически. А практически не получалось! Григорьев, правда, лихорадочно пытался зарабатывать, брал дополнительные уроки, занимался мало интересными переводами, брал всюду деньги вперед... Как он образно выражался, "*отвратительная бедность*" (слова Писемского) "заставляет всегда продавать хлеб на корню" (№ 162). Письма Григорьева полны просьб о деньгах, проектов, как заработать деньги, многолетних мечтаний о продаже собственного дома (неясно, как ему представлялась будущая судьба старого отца и жены с детьми, проживавших в этом доме; в письме № 248 он мечтает после продажи дома "выжить" оттуда жену: значит, с детьми вместе? а куда деться отцу?).

Но интересно, что еще более, чем на займы и на работу, он уповал на чудо, на помощь – буквально! – Господа Бога: он его кощунственно, но любя, неоднократно называл "Великим Банкиром".

Четких представлений о реальных суммах и их реальной значимости у Григорьева, похоже, не было. То он утешает себя и отца: долги его "не превышали годового оклада" (№ 16). Ничтожные, дескать, долги! То просит Погодина о займе в 2500 руб. под залог дома. "Не скрою от Вас, что из 2500 рублей, пятьдесят, даже *семьдесят пять*, пошли бы на гульбу ⟨...⟩ что дней с пять Марьина роща, заведение на Поварской и заведение у Калужских ворот поглощали бы существование Вашего покорнейшего слуги и его друзей" (№ 130). Наивный человек! И ведь, поди, искренне полагал, что 75 рублей ему хватит на пять дней гульбы! Хорошо, что Погодин отказался: ухнули бы в цыганских таборах Марьиной рощи и в ресторанах все полученные тысячи...

Насколько неадекватно Григорьев оценивал свои финансовые способности, показывает его предложение Погодину передать ему, Григорьеву, бухгалтерскую книгу и деньги, чтобы он единолично совершал все платежи по "Москвитянину". Что бы было, мы хорошо знаем по эпизоду с участием Григорьева в редакционной жизни журнала "Русский вестник" в 1860 г.: Катков, проявив совершенно не свойственную ему беспечность, командировал Григорьева в Петербург для привлечения к сотрудничеству питерских литераторов и выдал ему на авансы несколько сотен рублей. Конечно, никакие литераторы этих денег не видели, вся сумма была растрачена Григорьевым, разразился громадный скандал...

В конце концов Григорьев стал подводить под свою распущенность теоретическую базу: «Новое начало не говорит: *воруй, пьянствуй, шатайся* – а говорит совершенно справедливо, что "Любим Торцов пьяница – а лучше вас всех!" – потому, дескать, что если вы не пьянствуете, не бесчинствуете и не шатаетесь, – то делаете это не по сознанию высших законов, а в уважение чувству эгоистическому и холопскому ⟨...⟩ – а я, дескать, пьянствую и бесчинствую, и знаю, что это нехорошо – да что ж мне делать-то?» (№ 192). Хочется возразить: а почему антиподами берутся только эгоисты и холопы? почему же люди не могут жить по органическому тяготению к нормальной жизни и по сознанию высших законов? почему за образец берется лишь персонаж драмы Островского "Бедность не порок"?

Трудно сказать, что бы ответил Григорьев на такие возражения, но для взаимоотношений со своими ближними, которые постоянно упрекали его за "метеорскую" жизнь, за гульбу, за долги, он подготовил еще более опасный фундамент, ибо стал развивать мысль о практической необходимости пренебрегать этическими законами ради общего дела. «Знаю, что мог бы сказать мне хоть, например, Эдельсон, с

его "мещански-нравственной" точки зрения. "Ты, дескать, хочешь, чтобы в сношениях кружка забывались личные понятия о справедливости, личные нравственные требования?" Конечно! отвечу я, нисколько не колеблясь, ибо без этого никакое дело на свете не делалось, не делается, да вероятно и делаться не будет" (№ 257).

Красной нитью сквозь письма Григорьева проходит мысль, что человека надо принимать целиком, таким, каков он есть: "Возьмите же меня и Вы таким, каким уж Бог меня создал" (№ 27); "Надобно брать людей, каковы они есть" (№ 102). Но ближние не желали поступать столь толерантно и пытались исправлять непутевого человека – конечно, совершенно безрезультатно. Это создавало напряженность в отношениях.

Григорьев любил своих друзей, романтизировал братство, благородно считал дружеский круг неразрывным (декларировал Е.С. Протопоповой: "Любя меня, надобно любить Островского, Вас, Эдельсона, Фета, Садовского ⟨...⟩ так как я все это люблю" – № 201), и все же постоянно жаловался на одиночество, на хандру, на отсутствие стимулов к творчеству. Он был достаточно высокого мнения о своей личности и как журналиста, и как преподавателя ("Я – единственный в настоящую минуту орган правого дела во всех четырех гимназиях" – № 139), но чаще он был склонен грызть себя, углубляться в самокритику: "Для меня нет опытов – я впадаю вечно в стихийные стремления... Ничего так не жажду я, как смерти" (№ 208); "Прибавьте к этому безнадежность домашних дел, – неисцелимую беспорядочность и распущенность во всем житейском – да еще и постороннюю-то обстановку, развивающую в моей и без того озлобленной, как цепная собака, душе желчь и ненависть" (№ 208). Интересно самонаблюдение о любовании своей хандрой, безысходностью: "Не послышалось ли в этой тоске какого-то сладострастного упоения тоскою?" (№ 209).

Во всем этом было что-то нетвердое, хаотичное, "женственное". В юные годы слабовольность характера проявлялась особенно заметно. Это видно, например, по дифирамбам товарищу студенческих лет С.М. Соловьеву: "Да! я – твое творение, с гордостию скажу я, что я твое творение, что вся лучшая половина моего бытия создана *твòим* влиянием" (№ 1). В то же студенческое время и чуть позднее в Петербурге Григорьев был в нравственном подчинении у проходимца К.С. Милановского. Впоследствии он стал более самостоятельным, находил даже в себе черты деспота, по крайней мере, по отношению к любимой женщине. Он признавался Е.С. Протопоповой, что не мог бы сносить у любимой "привязанности к чему-либо на свете (к матери, брату, к музыке)", оговариваясь при этом, что и рабского подчинения он тоже бы не перенес (№ 201). Недаром он любил в женщине "тихую отзывчивость гитары и гибкость кошки" (№ 209). Он в женских натурах выделял "собачье" начало, т. е. рабскую преданность (такое он не ценил) и "кошачье", т. е. неподчиненность, ускользание – и при этом ласковую, красивую гибкость.

Элементы деспотизма, конечно, были в его характере, особенно это проявлялось в журналистике, в критической деятельности. Когда редакция "Современника" через В.П. Боткина пригласила его в 1856 г. сотрудничать, то он поставил главное условие – удалить Чернышевского, "потому, что два медведя, т. е. два воззрения, в одной берлоге, т.е. в одном журнале, не уживаются" (№ 149). Чуть ранее, в 1855 г. Григорьев требовал от Погодина дать ему в "Москвитянине" пост "диктатора", диктующего "дух и направление журнала" (№ 116, 117). В 1858 г. он наивно

мечтал, что будет идейным хозяином "Русского слова": "...Редактором его, *по имени*, будет он сам ⟨граф Г.А. Кушелев-Безбородко⟩, помощником, тоже только *по имени*, друг мой – поэт Полонский. *Ergo*, без имени редактора, я буду душою журнала" (№ 211). Все осуществилось совсем не по плану: заведовать редакцией Кушелев назначил некоего А.И. Хмельницкого; как уже отмечалось выше, он вздумал исправить статью Григорьева, чего тот терпеть не мог, – и дело кончилось уходом критика из журнала...

Сообщая В.П. Боткину свое требование "об изгнании г. Чернышевского" из "Современника", Григорьев писал: «Вы находите справедливо сходство в моей натуре (не в таланте – Бог видит, сколько далек я от ложного самолюбия) с натурой покойного Виссариона Григорьевича: я сам знаю это очень твердо; потому и хочу того же положения в отношении к "Современнику", какое было у него в отношении к "Запискам"» (№ 149). Называя себя "Белинским нового направления", Григорьев, правда, оговаривался, что "в меньшей – увы! степени энергии и таланта" (№ 170). Сходство его с Белинским отмечали и беспристрастные люди, например, Тургенев.

В самом деле, энергичная страстность натуры выливалась в яркие, пусть и хаотичные, критические статьи. Еще на заре своей критической деятельности, в 1843 г., Григорьев уже сообщает о "четырех архи-неистовейших статьях" (№ 4) – такое продолжалось потом всю жизнь. Сближала Григорьева с Белинским и фанатическая честность, убежденность в истинности проповедуемых на данный момент идей. И, соответственно, глубокая ненависть ко всему мешающему истолковывать эти идеи, ко всему чуждому им, противоположному. Еще в молодые годы (1845) он писал С.М. Соловьеву: "...Жаль одного только, что полный теперь одной ненависти, я не могу вполне ее высказать" (№ 11). Возможно, тогда речь шла о самодержавном строе России или о Петербурге; впоследствии, с начала 50-х годов, главным объектом ненависти стали западники, во всем своем пестром диапазоне от умеренных либералов до революционных демократов.

Образцовый бюрократ николаевской выучки, московский генерал-губернатор граф А.А. Закревский считал, что все не-казенные, не-официальные группы, в том числе и славянофилы, – на самом деле являются тайными революционерами, мечтающими уничтожить существующий строй, и задача правительственных органов – внимательно следить за всеми и в нужный момент поймать с поличным. Подобную настороженность и уверенность в тайных умыслах захвата власти высказывал Григорьев по отношению к западникам, хотя, разумеется, он ничего общего не имел ни с Закревским, ни с бюрократическим миром: "...Я предполагаю у них ⟨западников⟩ формальный государственный и литературный заговор с Строгановым во главе" (№ 167). Это граф-то С.Г. Строганов – заговорщик! Не очень ясно, что понимал Григорьев под "литературным заговором": старания не пускать в печать славянофильскую продукцию, что ли?

Ненависть к чужим отражалась озлоблением на своих: плохо сплочены, плохо помогают соратникам. "Они друг друга поддерживают, а мы друг друга топим, скверно, глупо топим" (№ 208). Еще более яростная, чем кружковая, ненависть выливалась Григорьевым на неполюбившихся ему личностей. В Италии, в доме князей Трубецких он почему-то взъелся на бедного родственника, побочного сына кого-то из старших князей – И.Е. Бецкого: "...Какая это гнусная гнида с неприличных

мест графа Закревского!.. Вот, если когда-нибудь душа моя способна к ненависти, так это в отношении к подобным мерзавцам. Хамство, ханжество, нравственный и, кажется, даже физический онанизм, подлое своекорыстие, тупоумие и вместе пронырливость – вот элементы подобных натур" (№ 185). На самом деле Бецкий не был такой отвратительной фигурой, Григорьев сильно преувеличил его грехи.

Или другой объект ненависти, гувернер у Трубецких, Бель, видимо, недалекий, но вполне добропорядочный... Григорьев готов жестоко с ним расправиться: "Есть тут англичанин Бёль – честнейший человек, но которого за узкую нравственность я бы повесил" (№ 194).

Пристрастия и антипатии Григорьева, его ослепляюще-страстные суждения, пожалуй, были еще более крайними и иногда жутковатыми, чем "экстремистские" высказывания Белинского, хотя и тот иногда доходил до геркулесовых столпов...

Негативы, отрицательные мнения, конечно, ярко характеризуют личность Григорьева, но еще более ценными являются его позитивы, например, самоанализы отношения его к друзьям и анализы характеров друзей (С.М. Соловьев, А.А. Фет, Е. Н. Эдельсон, Е. С. Протопопова). Замечательны историософские рассуждения о городе, о важности для него преданий и памятников старины (№ 261), и характеристики конкретных городов: Тверь, Ярославль, Прага, Венеция, Берлин (№ 261, 181, 183), не говоря уже о многочисленных характеристиках Флоренции и ее музеев, а также менее подробных – Рима и Парижа.

Не будь писем Григорьева, мы бы ничего не знали о двух его интересных книгах, вернее о замыслах, хотя, похоже, одна из них в некоторых разделах уже была создана: «...Я часть своей книжищи обделал и часть ее (листов восемь печатных) сегодня же отправляю к Александру Васильеву ⟨Дружинину⟩. Пусть их кушают на здоровье ⟨...⟩ Книжка сия называется "Море" и составляет часть "К друзьям издалека". Вторая часть, которая пишется, – будет "Дорога". Разумеется, и о "море" и о "дороге" собственно тут весьма мало – и все состоит из психологического, художественного и исторического анализа. Третья часть, по моему плану, должна быть "Жизнь в чужом краю". Четвертая: "Искусство" и пятая "Женщины"...» (№ 206). Ни строчки из этой книги не сохранилось. Как и из другой, задуманной в Оренбурге, под названием "Глушь" (№ 273).

Много чего мы не знали бы, если бы не было этих трехсот писем. Спасибо, что они есть!

В заключение статьи еще несколько слов о жанровых и стилевых аспектах григорьевских писем.

Классицистский XVIII век предлагал строгие жанровые границы для разного рода писем: официальные, семейные, дружеские, любовные... Выделялись просительные и благодарственные, родительские и сыновние, утешительные и рекомендательные. Для каждого жанра наставительные "Письмовники" давали образцы, объясняли основные особенности каждого из них. Весьма строго регламентировалась форма писем: определенные формы обращения и подписи, их место, место даты, величина всех четырех полей страницы, и т. д.[20]

---

[20] Содержательный очерк формальных законов тогдашнего письма см. в статье: *Дмитриева Е.Е.* Русские письмовники середины XVIII–первой трети XIX в. и эволюция русского эпистолярного этикета // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1986. № 6. С. 543–552.

Но уже приход сентиментализма, т. е. период конца XVIII–начала XIX в., стал сильно разрушать жанровые каноны писем, а в пушкинскую эпоху они почти целиком исчезли, хотя, разумеется, официальные письма всегда будут отличаться от интимно-дружеских. Пушкинское время на первый план выдвинуло не жанровую специфику, а индивидуальные отличия адресата (и, естественно, автора писем): Пушкин блистательно демонстрировал совсем разные принципы организации письма и его стиль в зависимости от того, к кому он обращался.

Григорьев начинал свою эпистолярную деятельность еще в русле классических канонов, примешивая стандарты сентименталистско-романтического дружеского письма: "Друг мой, брат мой! мой милый, мой добрый Сергей! Благодарю тебя, тысячу раз благодарю тебя за твои письма..." (№ 1) – обращался он в 1842 г. к товарищу студенческих лет С.М. Соловьеву.

Затем Григорьев будет освобождаться от этикетных оболочек и некоторой романтической рисовки, его письма на протяжении 40-х годов прямо на наших глазах становятся более простыми и искренними. Недаром, комментируя публикуемые им письма Григорьева к Е.С. Протопоповой, Страхов отмечал их особенную искренность: "Искренность – дело мудреное; она не всегда соответствует старанию быть искренним и даже часто бывает испорчена такого рода старанием. Это замечание любил повторять сам Григорьев"[21].

Именно откровенной и глубокой честностью ценно подавляющее большинство его писем, ведь иным способом мы никак бы не узнали и поразительных автохарактеристик, и оценок других людей, например, И.Е. Бецкого. Или приведем тираду о Гоголе, бывшем кумире, относящуюся к 1857 г., когда Григорьев ознакомился с вышедшими в свет письмами писателя: «Если $^1/_3$ моего уважения к Гоголю уплыла вслед за двумя томами переписки ⟨...⟩ столь искренне разоблачающей всю неискренность этой чисто хохлатской натуры, то другая $^1/_3$ растаяла от "прекрасного далека". Сколько *дьявольского* эгоизма нужно иметь, чтобы довольствоваться всегда этим "далеко"» (№ 192).

Правда, иногда, особенно в письмах к Протопоповой, остаточные элементы рисовки находятся. Он может хохотать над немецкой "аффектированной наивностью и наивной аффектацией", но сам тут же превращается в чрезвычайно уж разочарованного жизнью человека: "В Италии мне так же гадко, как будет в Париже через два дня по приезде, как было и будет в Москве..." (№ 183). Соседние по датам письма к Погодину и Эдельсону демонстрируют совсем разные тональности и настроения. С другой стороны, Григорьев не мог иногда избежать, так сказать, культурного лицемерия. В письмах Погодину, например, он, насколько мог, сдерживался при характеристиках семьи Трубецких, зная о давних связях с ней Погодина. Зато с друзьями изъяснялся без всяких обиняков: "Живу я – надобно Вам сказать, с скотами и идиотами княжеского звания и достоинства" (№ 183). Это из письма к Протопоповой. А в другом письме к ней, наоборот, он, как и обращаясь к Погодину, готов был проявить культурное лицемерие, сглаживая свою неприязнь к домашним: "...Все-таки тянет к той стороне, где есть много такого, что любишь – както: отец, дети, друзья..." (№ 186).

Впрочем, в оправдание Григорьева, следует учесть и его искренние зигзаги чувства, возможно, он и в самом деле потеплел к своим домашним, находясь в Италии.

---

[21] Эпоха. 1865. № 2. Отд. IV. С. 153.

Ведь почти одновременно он пишет Фету: "...У меня отец, к которому я страстно привязался в последние времена, и семья... ну, что тут рассказывать – сам знаешь и видишь" (№ 200). Однако по возвращении из-за границы Григорьев окончательно расстается с семьей, причем не только с женой и детьми, но и с отцом, давая ему в письме к Погодину от 16-17 сентября 1861 г. явно преувеличенную по негативности характеристику: "Отца моего – я не мог никогда 〈...〉 уважать – ибо, к собственному ужасу, видел в нем постоянный грубый эгоизм и полнейшее отсутствие сердца – под внешнею *добротою*, т.е. слабостью, и *миролюбием*, т. е. гнусною ложью для соблюдения худого мира" (№ 266).

В таких крайностях – до несправедливости – суждений Григорьев очень похож на Белинского. Как и в других крайностях стиля: вспомним отзывы о Бецком или, например, дикие слова о друзьях: "...Ни одна из этих гнусных и пьяных харь не облегчилась отвечать на письма" (№ 208). Или в нецензурных, непечатных выражениях, когда душа полна гнева и ярости (впрочем, Григорьев еще нецензурнее Белинского!).

В чем Григорьев совсем не похож на Белинского – это во вспышках отчаяния, приводивших к жалобным мольбам. В 1851 г. он пишет Погодину: "Не киньте же меня хоть Вы – пригожусь еще" (№ 75). И в последний месяц жизни, в сентябре 1864 г. в письмах к Страхову, умоляет его и Достоевского: «Хоть за прежние-то заслуги и за "Записки" – не третируйте меня хуже щенка, покидаемого на навозе» (№ 303). Белинский ни при каких обстоятельствах не мог бы писать в такой тональности.

Письма Григорьева отображают трудный отрезок времени в жизни России, но еще более – трудный и запутанный характер талантливого автора. Какие-то трудные и запутанные черты можно отнести за счет среды, но значительно больше их следует оценивать как индивидуально ему принадлежавшие, наряду с оригинальными же, ни от какого времени и места не зависящими свойствами его таланта. Вероятно, в любую эпоху, при любом строе Григорьеву было бы плохо. Как всегда было бы плохо Лермонтову – совсем уже по другим критериям и личным особенностям. Как всегда было бы хорошо Алексею Николаевичу Толстому... Каждому – свое.

ПРИМЕЧАНИЯ

Более ста лет собираются и издаются письма Григорьева (далее в "Примечаниях" фамилия Григорьева приводится в сокращении), тем не менее лишь настоящее издание является первым полным научным собранием сохранившихся писем.

Первые публикации писем Г. служили более злободневным, нежели научным или историческим целям. В 1864 г. Н.Н. Страхов с полемическим подтекстом (шли журнальные споры) напечатал свои воспоминания о Г., которые в сущности являлись публикацией 12 писем Г. к нему из Оренбурга, с комментариями (*Страхов I*).

Несмотря на отрицательную, а иногда и издевательскую реакцию критиков, Страхов решил продолжить публикацию писем друга. В 1865 г. он напечатал 12 писем Г. к Е.С. Протопоповой, главным образом, из Италии; они были предоставлены ему самой адресаткой (*Страхов II*). Эти публикации не были полными, многие купюры оправдывались не только полемической направленностью сопроводительных статей, но и тем, что в письмах характеризовались еще живые лица. Последующие дореволюционные публикации писем Г. были единичными. Из них выделяется многотомный труд Н.П. Барсукова (*Б*), где напечатаны (впрочем, часто в отрывках и с большими купюрами) свыше 50 писем Г. к М.П. Погодину.

Лишь в 1917 г. появилось первое научное издание писем Г. – *Материалы*. В.Н. Княжнин включил сюда все опубликованные ранее 95 писем Г. и, кроме того, 46 напечатал впервые. Он сверил многие письма с автографами, но не во всех случаях напечатал полные тексты – и вообще небрежно отнесся к первопубликациям, воспроизводил многие автографы с ошибками, с неверными прочтениями. Остается загадкой, почему он не сверил тексты писем Г. к Погодину с подлинниками (может быть, в 1917 г. ему был недоступен московский архив?): в письмах Г. к его самому постоянному адресату очень много ошибок.

Указанные недостатки частично были исправлены только спустя полвека в публикации писем к Погодину за 1855-1863 гг. в *ТГУ 306* и *ТГУ 358*, где напечатаны 69 писем Г. Из-за ограниченности места там не удалось воспроизвести полностью тексты 26 исправленных писем; к этим письмам, ранее опубликованным Княжниным, даны только поправки (новые письма, естественно, напечатаны полностью).

После 1917 г. обнародование писем Г. продолжалось постоянно; упомянем следующие наиболее важные публикации: Р.В. Иванов-Разумник в *Воспоминаниях I* заново перепечатал письма к Страхову, восстановив все места, пропущенные Страховым и Княжниным, за исключением нецензурных выражений; П.С. Попов в *Летописях* научно опубликовал семь писем Г. к А.В. Дружинину; Б.Ф. Егоров обнародовал еще 10 писем к Страхову, не включенных тем в свои воспоминания (*ТГУ 167*); Л.А. Розанова извлекла из семейного архива родственников Г. два его письма[1]. Р. Виттакер опубликовал шесть писем Г.[2]

Настоящее собрание 305 писем Г. добавляет к предыдущим публикациям 92 совсем новых письма и 49 публикуемых впервые полностью, а не в отрывках. В числе данных 305 писем Г. содержатся и официальные его послания и записки: они освещают важные детали его жизни. К сожалению, до сих пор не обнаружен личный архив писателя (ходили слухи, что ар-

---

[1] К биографии Аполлона Григорьева // Учен. зап. Ивановского гос. пед. ин-та. 1973. № 115.

[2] Неопубликованные письма Аполлона Григорьева // Вестник МГУ. Филол. 1971. № 2; 1981. № 6.

хив находится в частном владении), поэтому нет ответных писем адресатов к Г., сохранились лишь единичные черновики.

Все письма Г. впервые публикуются полностью (по настоянию академиков Д.С. Лихачева и Н.И. Балашова в непечатных словах буквы заменены дефисами в угловых скобках).

Тексты сверены с автографами, за редкими исключениями, когда автографы остаются неизвестными. Письма печатаются по современной орфографии, но сохраняются архаичные написания слов и особенные случаи каламбуров. Угловыми скобками обозначаются все редакторские конъектуры. Своеобразные орфографические привычки Г. (например, "руский", "искуство", "Филлипов"), а также его описки исправляются без оговорок. Буквы и слова, вычеркнутые Г. и имеющие существенный смысл, приводятся в прямых скобках или под строкой. Имеющийся в письмах разнобой в написании слов "вы" и "ваши" (прописная и строчная буквы), как правило, устраняется и предпочтение отдается прописной букве. Сохраняются разнобой в написании собственных имен и некоторые особенности пунктуации Г.

Примечания Г. и переводы иностранных слов и выражений даются подстрочно. Все переводы принадлежат составителям, за исключением большой французской цитаты в письме № 149, перевод которой заимствован у первого публикатора С. П. Мельгунова.

Редакторские даты писем приводятся по старому стилю, включая и письма, написанные из-за рубежа. В тех случаях, когда отсутствует авторская дата письма (или она неполна), в примечаниях дается обоснование предлагаемой даты или периода написания.

Много коллег помогало готовить эту книгу. Особенно горячую благодарность выражаем С.Г. Блинову, А.Л. Осповату, И.В. Поздеевой, С.К. Романюку.

1842

1. С.М. СОЛОВЬЕВУ

20 декабря 1842

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 285 (С.М. Соловьев). К. 1. Ед. хр. 22. Л. 1–2.

Впервые опубликовано: Вестник МГУ. Филол. 1971. № 2. С. 67–68. Дата парижского штемпеля: "Janv. 13".

Это самое раннее из обнаруженных писем Г. Всего известно три письма Г. к Сергею Михайловичу Соловьеву (письмо 1846 г. – в отрывке).

Будущий знаменитый историк, профессор и ректор Московского университета С.М. Соловьев – друг студенческих лет Г., участник его литературного и философского кружка. Он в те же 1838–1842 гг. учился в университете, но не на юридическом факультете, как Г., а на историко-филологическом отделении философского факультета. Соловьев был замечен попечителем Московского учебного округа графом С.Г. Строгановым и по окончании в 1842 г. университета получил от графа лестное предложение стать за границей домашним учителем детей брата графа, бывшего министра внутренних дел А.Г. Строганова, а попутно готовиться к профессорскому званию. В 1844 г. М.П. Погодин ушел в отставку, освободив кафедру русской истории, которую в 1845 г. и занял Соловьев. Он защитил затем магистерскую и докторскую диссертации, стал писать, том за томом, свою грандиозную "Историю России с древнейших времен", не вошел в круги ни славянофилов, ни западников; был убежденным "государственником", сторонником правового государства, однако усложнял свои концеп-

ции идеей органического развития страны и общности исторических путей России и Западной Европы.

Взаимоотношения Г. и Соловьева мало исследованы. См.: *Носов С.Н.* Аполлон Григорьев об "Истории России" С.М. Соловьева // История и историки. Историографический ежегодник. 1981. М., 1985. С. 222–241.

[1] *Но в день печали... где живу я.* – Последняя строфа стихотворения А.С. Пушкина "Что в имени тебе моем" (1830).

[2] *...влиянием женщины...* – Возможно, Г. имеет в виду свою "крестовую сестру" (кто-то из родителей Г. был ее крестным), которую звали Лизой. Ей Г. посвятил стихотворение "Е.С.Р." (1842); с ней связаны события, послужившие основой для рассказа Г. "Офелия. Одно из воспоминаний Виталина" (1846). В *Воспоминаниях II* (С. 403–404) приведены сведения о возможной фамилии Лизы.

[3] *...к Св. Сергию...* – Имеется в виду Троице-Сергиева лавра под Москвою, с мощами св. Сергия Радонежского.

[4] *...переводит... "Герман и Доротея"...* – Поэма И.В. Гёте (1797) в переводе А.А. Фета опубликована: Современник. 1856. № 7. С. 5–56.

[5] *...ее Поэту...* – Т.е. В. Гюго, автору романа "Собор Парижской Богоматери" (1831).

[6] *...в Общество...* – Очевидно, в Императорское Московское общество истории и древностей российских, секретарем которого был М.П. Погодин.

[7] *...граф...* – С.Г. Строганов.

[8] *...назначает, говорят, Калачева...* – Речь идет о давнем желании Погодина временно оставить кафедру русской истории в Московском университете и посвятить себя научной и собирательской деятельности, но он осуществил эту мечту лишь в 1844 г. Однако его преемником (с 1845 г.) стал не Н.В. Калачов, а С.М. Соловьев.

[9] *...у Толстых...* – Возможно, подразумевается семья гр. А.П. Толстого, с которым был знаком Погодин с 1830 г. В начале 1840-х годов Толстой жил в Москве и, судя по дневнику Погодина, часто встречался с ним, давая различные советы, касающиеся деятельности журнала "Москвитянин". Г. мог познакомиться с Толстыми через Погодина.

[10] *Was ist wirklich, ist vernunftlich...* – Такое написание в автографе Г. Ср. у Гегеля: "Was vernünftig ist, das ist wirklich; und was wirklich ist, das ist vernünftig" (*Hegel G.W.F.* Grundlinien der Philosophie des Rechts ⟨Основы философии права⟩ (1821)". 4-te Ausgabe. Hamburg, 1955. S. 14).

[11] Здесь и дальше Г. сбивается в нумерации.

[12] *Видел ли ты "Роберта"... выше Ферзинга нельзя себе ничего представить...* – Имеется в виду опера Дж. Мейербера (либретто Э. Скриба и К. Делавиня) "Роберт-дьявол" (1831). Рецензия Г. на спектакль "Роберт-дьявол" гастролировавшей тогда в Москве петербургской немецкой оперной труппы была напечатана в 1846 г. (см. *Воспоминания II.* С. 177–187, 406). О впечатлении Г. от певца Ферзинга см. также в воспоминаниях А.А. Фета (Там же.С. 320).

[13] *..."я познаю все яко познан бых".* – Ср. 1 Кор. 13.12: "Тогда же познаю, якоже и познан бых".

1843

2. В СОВЕТ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

18 августа 1843

Печатается по подлиннику: *ЦИАМ*. Ф. 418. Оп. 12. Д. 209. Л. 3. Дела архива Императорского Московского университета, 1843 года. № 209: Дело Совета Императорского Московского университета. Об увольнении секретаря *Назимова* от настоящей должности и об определении на его место кандидата Григорьева. Началось 16 августа. Решено 6 окт. На 13 листах.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 322.

Прошение написано рукой писаря. Последняя фраза, со слов "К сему прошению...", приписана, очевидно, Г.

3. ПОПЕЧИТЕЛЮ МОСКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА ГРАФУ С.Г. СТРОГАНОВУ

6 сентября 1843

Черновое

Печатается по подлиннику: *ЦИАМ*. Ф. 418. Оп. 12. Д. 209. Л. 10–10 об. Дела архива Императорского Московского университета, 1843 года. № 209... (см. предыдущее письмо). Черновик, написан рукой Г., без подписи.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 323.

В связи с этим решением документы "Журналов заседаний Совета Императорского Московского университета 1843 года" (*ЦИАМ*. Ф. 418. Оп. 249. Д. 31), на протоколах от 6 октября (л. 280 об.) по 15 декабря (л. 387 об.), и "Журналов заседаний Совета Императорского Московского университета 1844 года" (*ЦИАМ*. Ф. 418. Оп. 249. Д. 32), на протоколах от 12 января до 1844 г. (л. 1–43) имеют заверяющие подписи Г.

[1] *...просить об утверждении...* – Г. был утвержден в должности секретаря Совета 25 сентября 1843 г., а 27 сентября приведен к присяге (см. *Материалы*. С. 323).

4. М.П. ПОГОДИНУ

Октябрь 1843

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 36. Л. 28–29.

Впервые опубликовано: Вестник МГУ, Филол. 1971. № 2. С. 69. Отрывок (со слов "вчера, приехавши от Вас", кончающийся словами "за это Бог") напечатан в *Б* VIII. С. 37, и *Материалы*. С. 101 (№ 1).

Датируется предположительно: судя по упоминанию о замысле четырех статей «для первой книги "Москвитянина" на 1844 год», письмо может относиться лишь к концу 1843 г.; отправка стихотворений для публикации в "Москвитянине" позволяет предположить, что речь идет о тех, которые были напечатаны в № 11 за 1848 г. (см. примеч. 1 к настоящему письму).

Письма М.П. Погодину – самая обширная часть дошедшего до нас эпистолярного наследия Г. (их сохранилось 167). Очевидно, и в самом деле Погодин был для Г. наиболее постоянным адресатом в течение 20 лет (с 1843 и почти до самой смерти Г.): ни с кем он так долго не переписывался.

Михаил Петрович Погодин, профессор русской истории Московского университета, известный ученый, академик, был достаточно яркой и своеобразной фигурой среди московских ученых и журналистов. Умный, хитрый, тщеславный, одновременно лакействующий перед графом С.С. Уваровым реакционер и ненавидящий аристократию плебей, активно и щедро привлекающий в свой дом и в журнал молодежь – и в то же время до патологии скупой, требовавший от других аккуратности, но сам очень хаотичный и как ученый, и как человек, он мог у всех вызывать к себе весьма противоречивые чувства. Но Г., быть может, был единственным из знакомых и учеников Погодина с таким громадным диапазоном, спектром симпатий и антипатий: он и глубоко чтил и даже любил его, но и страстно протестовал против многих очень непривлекательных черт в характере и мировоззрении учителя и "наставника".

Еще на 2-м курсе юридического факультета Московского университета (1839/40 учебный год) Г. слушал лекции Погодина по русской истории; вскоре по окончании университета, в 1843 г., стал сотрудничать в погодинском журнале "Москвитятин"; с 1847 г., снова обосновавшись в Москве, стремится занять ведущее место в журнале, однако это удалось Г. лишь в 1850 г., когда вокруг него создалась так называемая "молодая редакция" "Москвитянина". Следующие пять лет проходят в непрерывных распрях с Погодиным, что ярко отражено в письмах. Наконец, 1855–1857 гг. – самый интенсивный период борьбы Г. с Погодиным за журнал, за руководство им и даже за самое существование журнала (под редакцией Погодина к 1855 г. "Москвитянин" дошел до кризисного состояния и на глазах организаторов и публики умирал).

Многолетняя борьба закончилась как будто бы победой Г. – Погодин вынужден был, спасая погибающий "Москвитянин", отдать его в июне 1857 г. в руки Г.; состоялось и официальное утверждение последнего редактором. Но, измученный жизненными неудачами, Г. не воспользовался плодами такой трудной победы и в июле 1857 г. уехал за границу, откуда по инерции интенсивного общения писал Погодину громадные письма, целые исповедальные очерки о своей жизни. В дальнейшем переписка Г. с Погодиным затухает, лишь частично оживившись в 1859–1860 гг. Письма Г. к Погодину – не только первоклассный материал для историка русской литературы, журналистики, общественной мысли середины XIX в., но и уникальный источник для изучения биографии, характера, взглядов автора. Будучи вообще достаточно открытым и откровенным, в письмах к Погодину Г. подробно рассказывает о своей интимной жизни (только отсюда, например, становится известно о глубоких драматических причинах семейного конфликта с Л.Ф. Корш-Григорьевой), не стесняется самых резких слов для характеристики высшего "света", Святейшего Синода и т.д.

Впервые большие отрывки из писем Г. к Погодину были опубликованы Н. Барсуковым в его 22-томной монографии "Жизнь и труды М.П. Погодина" (*Б* в кн. VIII–XVI, XVIII). Затем их перепечатал В. Княжнин в изданной им книге "Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии" (*Материалы*), добавив к 57 опубликованным ранее письмам еще 6, впервые вводимых в научный оборот (5 – из *РГБ*; 1 – из *РНБ*). Странно, что, имея доступ к архиву Погодина в *РГБ* и даже указывая на произвольный и компилятивный характер публикаций Барсукова, Княжнин не только не дал полный текст писем, но даже не удосужился исправить грубые ошибки предшественника и восстановить цензурные купюры.

В дальнейшем были опубликованы три письма 1843–1844 гг. и одно 1860 г.: *Виттакер Р.* Неопубликованные письма Аполлона Григорьева // Вестник МГУ. Филол. 1971. № 2. С. 69–70; 1981. № 6. С. 45–46. В публикациях Б.Ф. Егорова – *ТГУ 306* и *ТГУ 358* – исправляются и дополняются 28 писем из *Материалов* и полностью приводится еще 41 письмо (общий их интервал: 1855–1861). В настоящем издании публикуется впервые 51 письмо Г. к Погодину.

[1] *...стихотворения Трисмегистова.* – В "Москвитянине" 1843 г. были опубликованы, под псевдонимом "А. Трисмегистов" следующие стихотворения Г.: "Доброй ночи" (№ 7; ц.р. 8 августа 1843 г.), "Нет, никогда печальной тайны...", "Волшебный круг", "О, сжалься надо мной!.. Значенья слов моих..." (№ 11; ц.р. 6 ноября 1843 г.).

[2] ..."*Комету" и "Молитву"*. – Оба стихотворения опубликованы лишь в 1844 г. в "Репертуаре и пантеоне" (№ 8. С. 183; № 10. С. 3).

[3] *...1) рецензии о книге Крылова, 2) рецензии стихотворений моего Фета – 3) статьи о настоящем состоянии философии на Западе – и 4) о немецком театре в Москве.* – Такие статьи в "Москвитянине" не появились.

[4] *...книги Крылова...* – О какой книге идет речь, неизвестно. Н.И. Крылов, как можно судить по началу постскриптума, лишь собирался писать какую-то книгу. Возможно, Г. подразумевал "Басни" И.А. Крылова (СПб., 1843). В "Москвитянине" (1844. № 4) появилась небольшая заметка о выходе этой книги, явно не принадлежавшая Г.

1843–1844

5. М.П. ПОГОДИНУ

Ноябрь 1843–февраль 1844

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 25. Л. 1–2 об.

Впервые опубликовано: Вестник МГУ, Филол. 1971. № 2. С. 69–70.

Датируется предположительно, по содержанию: письмо написано несомненно до отъезда Г. в С.-Петербург (выехал из Москвы 27 февраля 1844 г. – см. в наст. изд. "Расписку..." от 26 февраля 1844 г., № 8); упоминание о том, что "статья о Фете готова и отдана переписываться" позволяет предположить, что письмо могло быть написано вскоре после предыдущего письма (№ 4) к Погодину, в котором сообщалось, что "статья о Фете в отрывках написана почти вся".

[1] *...держу экзамен...* – Г. намеревался сдавать магистерский экзамен (см. примеч. 5 к письму Погодину от 29 октября 1845 г. – № 14) и готовился к преподавательской деятельности в университете.

[2] *...граф...* – С.Г. Строганов.

[3] *...мое детище, которое я посвящаю Вам...* – Речь идет о ранней редакции драмы "Два эгоизма" (носившей первоначально название "Современный рок"), которая появилась только в 1845 г. (Репертуар и пантеон. № 12. С. 661–743), и в дальнейшем была посвящена не Погодину, а А.Ф. Корш.

[4] *Статья о Фете... статья о будущем "семейственном праве" пишется...* – О статье об А.А. Фете см. предыдущее письмо (№ 4) и примеч. 3 к нему. Статья о "семейственном праве" остается неизвестной.

6. М.П. ПОГОДИНУ

Ноябрь 1843–февраль 1844

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 36. Л. 30–31.

Впервые опубликовано: Вестник МГУ, Филол. 1971. № 2. С. 70.

Датируется предположительно, по непосредственной связи с предыдущим письмом, где также сообщалось о работе над драмой (см. примеч. 3 к письму № 5).

[1] *В монахи... В монастыре...* – По-видимому, стихи из ранней редакции драмы Г. "Два эгоизма". В известных редакциях пьесы нет ни "завязки на масонстве", ни цитированных здесь строк.

[2] *"Бывалый трепет"...* – Возможно, неточная цитата из "Героя нашего времени" ("Княжна Мери") Лермонтова: в момент неожиданной встречи с Верой Печорин, глубоко взволнованный, почувствовал, как "давно забытый трепет пробежал по его жилам" (*Лермонтов М.Ю.* Соч. в 6 тт. М.; Л., 1957. Т. 6. С. 278).

1844

7. РЕКТОРУ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А.А. АЛЬФОНСКОМУ

25 февраля 1844

Печатается по подлиннику: *ЦИАМ.* Ф. 418. Оп. 13. Д. 78. Л. 1. Дела архива Императорского Московского университета. 1844 г. № 78. Дело Совета Императорского Московского университета об увольнении секретаря *Григорьева* от настоящей должности и об определении на место его *Соловьева.* Началось 3 апреля. Решено 3 июня. На 26 листах. Л. 1.

Впервые опубликовано: *Материалы.* С. 325.

Попечитель Московского учебного округа гр. С.Г. Строганов отпуск разрешил 26 февраля 1844 г. (см. *Материалы.* С. 325).

8. РАСПИСКА В ПОЛУЧЕНИИ ПРОЕЗДНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА

26 февраля 1844

Печатается по подлиннику: *ЦИАМ.* Ф. 418. Оп. 13. Д. 78. Л. 3. Дела архива Императорского Московского университета. 1844 г. № 78. Дело Совета Императорского Московского университета об увольнении секретаря *Григорьева* от настоящей должности и об определении на место его *Соловьева.* Началось 3 апреля. Решено 3 июня. На 26 листах.

На оборванной четвертушке листа. На листе только текст расписки.

Впервые опубликовано: *Материалы.* С. 325.

9. РЕКТОРУ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А.А. АЛЬФОНСКОМУ

2 марта 1844

Печатается по подлиннику: *ЦИАМ.* Ф. 418. Оп. 13. Д. 78. Л. 5. Дела архива Императорского Московского университета. 1844 г. № 78. Дело Совета Императорского Московского университета об увольнении Секретаря *Григорьева* от настоящей должности и об определении на место его *Соловьева.* Началось 3 апреля. Решено 3 июня. На 26 листах.

Впервые опубликовано: *Материалы.* С. 325.

10 марта дано разрешение на новый отпуск (см. *Материалы.* С. 325).

10. В ПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

21 марта 1844

Печатается по подлиннику: *ЦИАМ*. Ф. 418. Оп. 13. Д. 78. Л. 8. Дела архива Императорского Московского университета. 1844 г. № 78. Дело Совета Императорского Московского университета об увольнении секретаря *Григорьева* от настоящей должности и об определении на место его *Соловьева*. Началось 3 апреля. Решено 3 июня. На 26 листах.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 326.

1845

11. С.М. СОЛОВЬЕВУ

27 января 1845

Печатается впервые, по рукописной копии в тетради Н.А. Попова "Материалы для биографии С.М. Соловьева (1820–1879)": *РГБ*. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 10. Л. 16. Страница с письмом помечена 1845 г.

Местонахождение автографа неизвестно.

12. КСЕНОФОНТУ ТИМОФЕЕВИЧУ

Вторая половина 1844 – сентябрь 1845

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. 3884. XIII. с. 2.

Впервые опубликовано: Вестник Европы. 1917. № 1. С. 67–68. См. также *Материалы*. С. 364 (с датой "1845").

Датируется условно: судя по содержанию, письмо написано в Петербурге, куда Г. приехал в первые дни марта 1844 г., но не сразу по приезде. Вторая граница датировки определяется временем работы Г. над пьесой "Два эгоизма" (см. примеч. 3 к письму Погодину, написанному от ноября 1843 до февраля 1844 г. – № 5): в октябре 1845 г. она уже была закончена. На рукописи драмы в *ИРЛИ* на обложке надпись "№ 387. 23 октября 1845 г." и на титульном листе: "Препроводить на рассмотрение г. цензора Никитенко. 23 октября 1845 г."

Адресат – лицо не установленное. Неясно также, где он постоянно живет – в Петербурге или же в Москве, однако, судя по содержанию письма Г. к отцу от 23 июля 1846 г. (№ 16), Г. познакомился с Ксенофонтом Тимофеевичем в Петербурге, и он близкий друг отца Г. Настоящее письмо Г. написал вскоре после свидания с адресатом, перед его отъездом в Москву, где он должен был увидеться с отцом Г. По предположению В.Н. Княжнина, адресат выведен Г. в автобиографической повести "Другой из многих" (1847) в образе Степана Никифоровича Похорцева, который по просьбе отца героя (Чабрина) пытается нравственно повлиять на "опустившегося" Чабрина и получает от него дневник (*Материалы*. С. 396).

[1] *О моей страсти... к каким бы то ни было надеждам...* – Речь идет об А.Ф. Корш-Кавелиной.

[2] *ни слова о моей драме...* – См. примеч. 3 к письму Погодину, написанному от ноября 1843 до февраля 1844 г. (№ 5).

[3] *Дневник мой...* – Дневник Г. неизвестен.

13. М.П. ПОГОДИНУ

9 октября 1845

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Пог./II, 9, 25. Л. 3–4 об.

Впервые опубликовано (с пропусками): *Б* VIII. С. 38–40. См. также *Материалы*. С. 101–103 (№ 2, без даты, не полностью).

[1] *Я оставил службу...* – Г. был уволен от службы чиновника 2-го департамента С.-Петербургской Управы благочиния 7 декабря 1845 г. якобы из-за болезни, но он уже и ранее почти перестал являться в департамент (см. *Материалы*. С. 331, 336).

[2] *...сборник... представить Вам в печати...* – Сборник "Стихотворения Аполлона Григорьева" (СПб., 1846) имеет ц. р. 31 октября 1845 г.

[3] *... романа, которого половина напечатана уже в "Репертуаре"...* – Имеются в виду рассказ "Человек будущего" // Репертуар и пантеон. 1845. № 6. С. 550–590; ц. р. 31 мая 1845 г.; рассказ "Мое знакомство с Виталиным" // Там же. № 8. С. 493–515; ц. р. 31 июля 1845 г.

[4] *... песни Беранже... выйдут книжкою...* – Переводы песен Беранже появились не отдельным изданием, а в журналах: Репертуар и пантеон. 1845. № 1. С. 273–274; 1846. № 4. С. 92; № 11. С. 233–235; Финский вестник. 1846. № 7. С. 58; Невский альманах. 1846. С. 42–45, 139–141, 158 (ц. р. 22 декабря 1845 г.). Позднее переводы Г. из Беранже появились в "Петербургском вестнике" (1861. № 21, 24–26).

[5] *..."L'École de Vie⟨i⟩llards" Делавиня, в стихах...* – Перевод комедии Делавиня "Школа стариков" был напечатан в "Пантеоне" (1850. № 1. С. 1–90).

[6] *..."Louis XI" его же, в стихах...* – Перевод трагедии Делавиня "Людовик XI" был напечатан в "Репертуаре и пантеоне" (1846. № 4. С. 229–328).

[7] *...Lemercier – в прозе, "Минну фон Барнгельм" Лессинга в прозе...* – Эти переводы Лемерсье и Лессинга неизвестны. Произведение Лемерсье "La journée d'Alcibiade" ("День Алкивиада") неизвестно; есть у него драма "L'ostracisme ou la comédie grecque" (1828), главный герой которой – Алкивиад. Возможно, Г. перевел какую-то часть этой комедии, произвольно ее озаглавив.

[8] *...написал драму, которая выйдет вместе с стихотворениями.* – Пьеса "Два эгоизма. Драма в четырех действиях, в стихах" была дозволена цензурой 31 октября 1845 г. одновременно со сборником; была опубликована отдельно в "Репертуаре и пантеоне" (1845. № 12. С. 661–743).

[9] *...письмом, хотя столько же лаконическим, как предшествующее.* – Письмо Погодина неизвестно.

[10] *"...Близь Большого театра... в квартире редактора".* – Дом О.И. Гюбеня – Никольская, 5 (теперь ул. Глинки, 6) – сохранился.

14. М.П. ПОГОДИНУ

29 октября 1845

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Пог. / II, 9, 25. Л. 5–6 об.

Впервые опубликовано: *Б* VIII. С. 40–42. См. также *Материалы*. С. 103–105 (№ 3, не полностью).

[1] *...Василий Степанович берет на себя оправдать меня...* – Письмо В.С. Межевича к Погодину от 14 ноября 1845 г. (*РГБ*. Пог./II, 20, 73) напечатано (без даты) в *Б* VIII (С. 42–43) и в *Материалах* (С. 378).

[2] *Одно мое заблуждение была слишком сильная вера в душу человека...* – Возможно, намек на эпизод с К.С. Милановским, о котором Г. писал отцу 23 июля 1846 г. (№ 16, см. примеч. 1) и Погодину от 26 августа – 7 октября 1859 г. (см. № 231 и примеч. 23 к нему).
[3] *Делавиня я переводил для сцены, а перевести Беранже...* – См. предыдущее письмо (№ 13) и примечания к нему.
[4] *...примусь и за древних.* – Вскоре Г. перевел трагедию Софокла "Антигона" (напечатана в "Библиотеке для чтения". 1846. № 8. Отд. I. С. 99–148).
[5] *...я сбираюсь держать магистерский экзамен.* – В мае 1845 г. Г. попросил разрешения держать экзамен на степень магистра уголовного права у Совета Санкт-Петербургского университета (см. *Материалы.* С. 328); о желании сдать экзамен на магистерскую степень он писал ранее Погодину (см. письмо от ноября 1843 – февраля 1844 г. – № 5). Однако экзамена Г. не сдавал.
[6] *Грановскому я писал отсюда два раза еще в прошлом году...* – Письма Г. к Т.Н. Грановскому неизвестны.

1846

15. С.М. СОЛОВЬЕВУ

Февраль 1846

Отрывок из письма, посланного С.М. Соловьевым М.П. Погодину. Печатается по тексту первой публикации: *Б* VIII. С. 298. См. также *Материалы.* С. 105 (№ 4).

Местонахождение автографа неизвестно.

Датируется по содержанию: упоминание о будущей публикации статей в мартовском и майском номерах "Финского вестника" (см. примеч. 2 и 3).

[1] *...издатель "Репертуара"...* – В.С. Межевич.
[2] *...1) о проповедях Филарета, 2) о романе Вельтмана "Емеля"...* – Статьи Г. "Слова и речи синодального члена Филарета, митрополита московского" и "Новый Емеля, или Превращение. Роман А.Ф. Вельтмана" были напечатаны в "Финском вестнике" (1846. № 3. Отд. V. С. 1–21, 55–67; ц. р. 28 февраля).
[3] *...Сперанского о законах...* – Рецензия Г. "Руководство к познанию законов. Сочинение графа Сперанского" была напечатана в "Финском вестнике" (1846. № 5. Отд. V. С. 1–12; ц. р. 30 апреля).

16. А.И. ГРИГОРЬЕВУ

23 июля 1846

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* 3883. XIII. с. 1. Впервые опубликовано: Вестник Европы. 1917. № 1. С. 85–89. См. также *Материалы.* С. 365–367 (№ 132).

Единственное известное письмо Г. к отцу Александру Ивановичу, московскому чиновнику, с которым сына связывали сложные и меняющиеся отношения. Довольно объективный образ адресата воспроизведен в воспоминаниях Г. и Фета.

[1] *Связь моя с Милановским...* – См. *Воспоминания II.* С. 412–413, где собраны сведения о К.С. Милановском. О нем см. примеч. 2 к письму от 29 октября 1845 г. (№ 14) и примеч. 23 к письму Погодину от 26 августа – 7 октября 1859 г. (№ 231).
[2] *...у дяди...* – Н.И. Григорьева.
[3] *...ее мужа...* – А.Ф. Корш стала женой К.Д. Кавелина.

1847

17. М.П. ПОГОДИНУ

1 марта 1847

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Пог./II, 9, 25. Л. 7–8 об.
На обороте л. 8 почтовый штемпель: “Марта 1. Моск. гор. почты, 2-го отд.”.

[1] ...*Пращицею, которую дочитываю*. – Вероятно, сочинение неизвестного автора.

18. М.П. ПОГОДИНУ

5 марта 1847

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Пог. / II, 9, 25. Л. 9–10 об.

19. М.П. ПОГОДИНУ

7 марта 1847

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 850. № 824. Л. 1–2.

Впервые опубликовано (ошибочно как письмо к С.П. Шевыреву): Письма А.А. Григорьева к С.П. Шевыреву – 2 // “Рукописный отдел ИПБ. Отчет за 1892 г.”. С. 185. См. также *Материалы*. С. 105–107 (№ 5, с неточностями).

[1] ...*слово Гоголя: “с словом надобно обходиться честно”*... – Ср. у Гоголя: “Обращаться с словом нужно честно” (“Выбранные места из переписки с друзьями” – *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Л., 1952. Т. 8. С. 231).

[2] ...*"Листка"*... – В “Московском городском листке” с февраля 1847 г. Г. печатал свои рецензии, критические статьи и повесть “Другой из многих”.

[3] ...*делаю еще разные работы для детских книжонок Наливкина*... – Известна одна такая работа Г. – драматическая легенда “Олег Вещий. Сказание русского летописца” // Петербургский сборник для детей. СПб., 1847. С. 1—27; ц. р. 1 марта). Возможно, издатель Ф.Н. Наливкин – инициатор этой книги.

20. М.П. ПОГОДИНУ

20 июня 1847

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Пог. / II, 9, 25. Л. 11.

Впервые опубликовано (последнее предложение): *Б* VIII. с. 592. См. также *Материалы*. С. 107 (№ 6).

[1] ...*"перепиской"*. – “Выбранные места из переписки с друзьями” Н.В. Гоголя (1847).

21. М.П. ПОГОДИНУ

Июль – ноябрь 1847

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Пог. / II, 9, 25. Л. 23–23 об.

Датируется предположительно, по содержанию: во второй половине 1847 г. Г. работал для Погодина и для Владимира Николаевича Драшусова, редактировавшего тогда "Московский городской листок".

22. С.П. ШЕВЫРЕВУ

23 октября 1847

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 850. № 216. Л. 3.

Впервые опубликовано: Письма А.А. Григорьева к С.П. Шевыреву – 2 // Рукописный отдел ИПБ. Отчет за 1892 г. С. 185. См. также *Материалы* С. 107–108 (№ 7).

Это – единственное сохранившееся письмо Г. к Степану Петровичу Шевыреву, профессору русской словесности Московского университета. И в студенческие годы, и позднее Г. не был близок к Шевыреву; он уважал его заслуги, но мог в письме к Е.Н. Эдельсону от 5 декабря 1857 г. заявить: "В былые времена мы уже достаточно срамились общением с разною гнилью, в роде Шевырева... и это милое качество *терпимости* как будто наследовали мы от отца нашего, старца Михаила ⟨Погодина⟩". В 1840-х годах Шевырев даже побаивался, что бывшего студента Г. могут воспринимать как его ученика. В ответ на запрос П.А. Плетнева (о теме "Плетнев и Г." см. примеч. к письму Плетневу от 13 октября 1859 г. – № 232) Шевырев писал ему 13 июня 1847 г.: «*А.Г.* "⟨Московского⟩ городского листка" есть тот же самый Аполлон Григорьев, которого стихи и прозу Вы, может быть, читали в петербургских журналах, особенно в "Репертуаре". Это питомец здешнего юридического факультета, в образовании которого я, впрочем, ни одною мыслию не участвовал. Григорьев созрел без меня в то время, как я был за границею. Обыкновенно юристы слушают меня на первом курсе, но Григорьев меня не слушал. Вот все, что могу сказать в свое оправдание относительно образования его в Московском университете» (Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 728). В самом деле, в 1838–1840 гг. Шевырев был за границей, и Г.-первокурсник (1838/39 учебный год) не слушал лекций профессора.

1 ...*я осмеливаюсь прибегнуть*. – С какой просьбой обращался Г. к Шевыреву – неизвестно. Любопытно, что 8 сентября 1847 г. (н. ст.) Гоголь написал Шевыреву о том, чтобы тот помог Г. заплатить долг Погодину и рекомендовал его в сотрудники журнала, который намеревался издавать Ф.В. Чижов (см. *Гоголь Н.В*. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 386).

23. М.П. ПОГОДИНУ

15 ноября 1847

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Пог. / II, 9, 25. Л. 13 – 13 об.

1 ...*только в середу женился*. – Г. женился на Лидии Федоровне Корш 12 ноября 1847 г.

2 ...*попытаемтесь же занять ее чем-нибудь более интересным, нежели сухой перечень политических известий*... – В анонсе «Возобновленный "Москвитянин", учено-литературный журнал на 1848 год», напечатанном в ч. III "Москвитянина" за 1847 г. (ц. р. 23 октября), Погодин сообщил, что редактором намеченного "Европейского обозрения" будет Г. (иници-

алы Г. указаны ошибочно: А.И. – отд. “Смесь”. С. 124). При этом отмечалось: «Обязанность редактора “Европейского обозрения” состоит в сообщении известий о важнейших современных явлениях по части гражданственности, промышленности, учености, искусства (музыки, живописи, ваяния, о театре), и проч.» (там же. С. 126). Этот же анонс был повторен в ч. IV (в этом году было всего 4 книги) “Москвитянина” за 1847 г. (ц. р. 1 декабря). Однако замысел этот не был осуществлен. К первым номерам “Москвитянина” за 1848 г. “Европейское обозрение”, очевидно, не было подготовлено, а февральская революция во Франции и начавшиеся в связи с нею цензурные репрессии в России заставили Погодина отказаться от замысла.

[3] *По началу, составленному по двум весьма дельным статьям “Revue”* ... – Текст статьи, составленной по материалам “Revue de Deux Monde”, остается неизвестным.

24. М.П. ПОГОДИНУ

3 декабря 1847

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Пог. / II, 9, 25. Л. 15 – 15 об.

[1] *...доставить Португалию – продолжение вступления в Испанию...* – Речь идет о статьях Г., которые были назначены для “Европейского обозрения”, отдела политических известий в “Москвитянине”, но не были напечатаны и остались неизвестными. См. также письма Погодину, написанные 7, 28 декабря 1847 г. и до 10 января 1848 г. (№ 25, 27, 28).

25. М.П. ПОГОДИНУ

7 декабря 1847

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Пог. / II, 9, 25. Л. 25– 26 об.

Датируется на основании почтового штемпеля на об. л. 26: “7 декабря. Моск. гор. почты, 2-го отд.”.

[1] *...первую статью из жирондистов...* – Такая работа Г., о которой идет речь также в письме Погодину, написанном до 10 января 1848 г. (№ 28), неизвестна.

[2] *Португалию доставлю завтра...* – См. примеч. 1 к письму Погодину от 3 декабря 1847 г. (№ 24).

26. М.П. ПОГОДИНУ

16 декабря 1847

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Пог. / II, 9, 25. Л. 17–18.

27. М.П. ПОГОДИНУ

28 декабря 1847

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Пог. / II, 9, 25. Л. 19–20 об.

Впервые опубликовано (не полностью и с неточностями): *Б* XI. С. 440–441. См. также *Материалы*. С. 108–109 (№ 8, не полностью).

[1] *...в двухаршинных листах Дебатов...* – Имеется в виду "Journal de Débates".
[2] *...в переписке статей В.П. Боткина... которых я... не читал.* – Речь идет о "Письмах об Испании". В.П. Боткина, первые три из которых были опубликованы в "Современнике" (1847. № 3, 10, 12).
[3] *...в Португалии...* – Речь идет о неизвестной статье Г. (см. примеч. 1 к письму Погодину от 3 декабря 1847 г. – № 24).

1848

28. М.П. ПОГОДИНУ

До 10 января 1848

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Пог. / II, 9, 26. Л. 1–2 об.

Впервые опубликовано (без обращения): *Б* IX. С. 442. См. также *Материалы*. С. 109–110 (№ 9).

Датируется по содержанию: обзор Испании обсуждается также в письмах от 10, 11 и 13 января 1848 г. (№ 29, 30, 31).

[1] *...историю жирондистов...* – См. примеч. 1 к письму Погодину от 7 декабря 1847 г. (№ 25).
[2] *..."Consuélo", "Comtesse de Rudolstadt"...* – Переводы романов Ж. Санд "Консуэло" (1842–1843) и "Графиня Рудольштадт" (1843–1844) Г. осуществлены не были.

29. М.П. ПОГОДИНУ

10 января 1848

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Пог. / II, 9, 26. Л. 4.

Датируется по содержанию: письмо написано за день до следующего письма (№ 30); суббота в 1848 г. приходилась на 10 января.

[1] *...Испании нет...* – См. примеч. 1 к письму Погодину от 3 декабря 1847 г. (№ 24).

30. М.П. ПОГОДИНУ

11 января 1848

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Пог. / II, 9, 25. Л. 21. Впервые опубликовано (без начала и заключения): *Б* IX. С. 251. См. также *Материалы*. С. 110 (№ 10).

Датируется по содержанию и по связи с письмами Погодину от 10 и 13 января 1848 г. (№ 29 и 31). Поскольку Г. обещает быть у Погодина "завтра, т.е. в понедельник", постольку письмо было написано в воскресенье (в 1848 г. приходилось на 11 января). В подлиннике карандашом, неизвестной рукой, помечено: "1847".

[1] *...с Испанией...* – См. примеч. 1 к письму Погодину от 3 декабря 1847 г. (№ 24).
[2] *...поздравить Вас помощником попечителя и Университет с новым бытием.* – Погодин давно мечтал о должности помощника попечителя Московского учебного округа, но особую "просительную" активность проявил в последние недели 1847 г. В ноябре попечитель граф С.Г. Строганов подал в отставку, на его место был назначен помощник попечителя

Д.П. Голохвастов, а последняя должность осталась вакантной. Судя по дневнику Погодина, он до 27 января 1848 г. еще надеялся получить место помощника (см.: *Материалы.* С. 380), однако петербургские власти не удовлетворили его желание.

31. М.П. ПОГОДИНУ

13 января 1848

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ.* Пог. / II, 9, 26. Л. 3.

Датируется на основании прямого упоминания, что письмо написано 13 числа; датировка подтверждается тем, что пятница в 1848 г. приходилась на 16 января.

[1] *Испанию имею честь доставить пересмотренную, для Италии...* – См. примеч. 1 к письму Погодину от 3 декабря 1847 г. (№ 24).

[2] *...сказали Дмитрию Павловичу, что "живет де в таком-то городе... Добчинский".* – Г. просит обратиться к Д.П. Голохвастову. Ср. у Гоголя: "живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский" (*Гоголь Н.В.* Ревизор // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 67.)

32. М.П. ПОГОДИНУ

19 января 1848

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ.* Пог. / II, 9. 26. Л. 6 – 6 об.

Датируется по содержанию: февральская книжка "Москвитянина" имеет ц. р. 27 января; понедельник приходился на 19-е; та же пятница, наверное, упомянута в этом и в предыдущем письме (№ 31).

[1] *...конец статьи...* – Статья неизвестна.

[2] *Книга Арнольда Руге.* – Очевидно, имеется в виду книга: *Ruge A.* Zwei Jahre in Paris. Leipzig, 1846.

33. М.П. ПОГОДИНУ

До 27 января 1848

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ.* Пог. / II, 9, 26. Л. 7.

Датируется условно, по некоторой связи с письмами Погодину от 10 и 11 января 1848 г. (№ 29 и 30), где речь идет о той же корректуре для февральской книжки "Москвитянина" (ц. р. 27 января).

[1] *На зуб поднять...* – Т.е. высмеять.

34. Н.В. ГОГОЛЮ

Вторая половина октября – первая половина ноября 1848

Печатается по авторской копии: *РГБ.* Ф. 74 (Н.В. Гоголь). К. 8. Ед. хр. 19.

Местонахождение автографа неизвестно.

Впервые опубликовано под заглавием «Письма к Н.В. Гоголю. По поводу его "Переписки с друзьями"» в "Русском архиве" (1907. № 10. С. 281–283). См. также *Материалы.* С. 110–113 (№ 11).

Датируется предположительно: письмо написано, очевидно, когда Гоголь уже был в Москве (приехал 14 октября 1848 г. и поселился у Погодина, судя по его дневнику – см. *Материалы*. С. 380), и по непосредственной связи со вторым письмом Г. к Гоголю от 17 ноября 1848 г. (№ 35).

Происхождение авторской копии настоящего письма, а также копий двух последующих писем Г. к Гоголю (№ 35 и 36), – неизвестно (но то, что это – авторские списки, а не подлинники, доказывается авторским заглавием "Письма к Н.В. Гоголю по поводу его последней книги"; письма пронумерованы автором: I, II, III). Вряд ли эти копии были посланы Гоголю: в его архивный фонд они поступили лишь в 1930-х годах; возможно, что до этого они находились в каком-то частном собрании (шесть листов копий пронумерованы: 223–228, следовательно, они могли входить в какую-то объемистую папку рукописей). Можно предположить, что Г., по примеру Белинского, предполагал знакомить публику со своими письмами к Гоголю и готовил их к распространению в копиях.

Три письма Г. к Н.В. Гоголю развивают идеи, высказанные Г. в цикле статей "Гоголь и его последняя книга" (см. примеч. 8). Находясь в первой половине 1847 г. в Италии, Гоголь получил от С.П. Шевырева эти статьи с восторженной оценкой книги "Выбранные места из переписки с друзьями" и вообще творчества Гоголя (он был кумиром Г. в 1840-х годах). В письме к Шевыреву от 25 мая 1847 г. н. ст. Гоголь сочувственно отозвался о Г.: "Он, без сомнения, юноша очень благородной души и прекрасных стремлений. Временный гегелизм пройдет, и он станет ближе к тому источнику, откуда черплется истина" (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 314–315; под "истиной" подразумеваются христианские заветы). Неизвестно, был ли Гоголь к этому времени лично знаком с Г.; документально удостоверена лишь встреча, которая произошла 15 октября 1849 г. в доме М.П. Погодина (зафиксирована в дневнике последнего – *Б* X. С. 326).

В начале 1850-х годов, когда кумиром Г. стал А.Н. Островский, отношение Г. к Гоголю и его творчеству сделалось более прохладным, а во второй половине 1850-х годов даже враждебным, по крайней мере, по отношению к Гоголю-человеку (Г. стал отрицательно отзываться о его нравственных качествах: эгоизм, учительный тон и т.п.).

[1] *...Шевырева, например...* – Имеется в виду рецензия С.П. Шевырева "Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя" (Москвитянин. 1848. № 1. Отд. II. С. 1–29).

[2] *...о покойном Б**...* – В.Г. Белинском.

[3] *Не судите, да не судимы будете...* – Из Евангелия от Мф. 7.1.

[4] *...ея же мир не может прияти...* – Ср.: "Дух истины, его же мир не может прияти" (Иоан. 14.17).

[5] *...Иудеем соблазн. Еллином – безумие...* – Ср.: "иудеем убе соблазн, еллином же безумие" (1 Кор. 1.23).

[6] *...Искандер сравнивает где-то последний... шаг мышления – с... шагом игрока, который самого себя ставит на карту.* – Имеется в виду мысль, высказанная А.И. Герценом в статье "Буддизм в науке" из цикла "Дилетантизм в науке" (*Герцен А.И.* Собр. соч. в 30 тт., М., 1954. Т. III. С. 68).

[7] *...как-то П⟨а⟩вл⟨о⟩ва...* – Н.Ф. Павлов опубликовал три "открытых" письма к Гоголю: Московские ведомости. 1847. 6 и 29 марта; 17 апреля. Перепечатаны: Современник. 1847. № 5, 8.

[8] *...статья моя по поводу Вашей книги в "Моск⟨овском⟩ городск⟨ом⟩ листке...* – Статья "Гоголь и его последняя книга" опубликована в четырех номерах "Московского городского листка": 1847. 10 марта. С. 225–226; 17 марта. С. 249–250; 18 марта. С. 254; 19 марта. С. 255–256.

[9] *...Вы, говорят, отозвались о ней благосклонно...* – См. письмо Гоголя к С.П. Шевыреву от 25 мая 1847 г. (н.ст.) (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 315).

[10] ..."*обращаться с словом нужно честно*"... – Цитата из книги "Выбранные места из переписки с друзьями" (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 231).

[11] ...*Ш⟨евырев⟩ был прав, назвавши ее стремлением сочувствовать Гоголю.* – В статье Шевырева (см. примеч. 1), с. 2.

[12] ..."*Нужно подумать... Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит и т.д.*" – "Выбранные места из переписки с друзьями" (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 225).

35. Н.В. ГОГОЛЮ

17 ноября 1848

Печатается по авторской копии: *РГБ*. Ф. 74 (Н.В. Гоголь). К. 8. Ед. хр. 19.

Местонахождение автографа неизвестно.

Впервые опубликовано: Письма к Н.В. Гоголю. По поводу его "Переписки с друзьями" // Русский архив. 1907. № 10. С. 283–285. См. также *Материалы.* С. 113–116 (№ 12).

[1] ...*я говорю о "Кто виноват?"* – Г. в то время полагал, что А.И. Герцен в романе "Кто виноват?" (1847), да и вообще представители "натуральной школы" утверждают фатальную зависимость от среды и поэтому как бы снимают с человека ответственность за его поступки.

[2] ...*в безмолвном и гордом страданьи, как выразился поэт этого направления...* – Из первой строки второго катрена стихотворения Лермонтова "Они любили друг друга так долго и нежно" (1841) – вольного перевода стихотворения Г. Гейне "Sie liebten sich beide, doch keiner" (1827).

[3] ...*в своих сценах "разъезда после представления"*... – Так Г. называет трактат Гоголя "Театральный разъезд после представления новой комедии" (1842).

[4] *Es liebt die Welt ... in den Staub zu ziehn...* – Из стихотворения Шиллера "Орлеанская дева" (Das Mädchen von Orleans. 1800–1805).

[5] ..."*Замирает от ужаса душа... от них подымутся*"... – Цитата из книги "Выбранные места из переписки с друзьями" ("I. Завещание" – *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч., т. 8. С. 221).

[6] ...*господину Голядкину-старшему!..* – Яков Петрович Голядкин-старший – герой повести Ф.М. Достоевского "Двойник" (1846).

[7] ...*в доме вдовы священника Воздвиженской.* – Современный адрес: Спиридоньевский пер., д. 11; не сохранился (указано С.К. Романюком).

36. Н.В. ГОГОЛЮ

Конец ноября – первая половина декабря 1848

Печатается по авторской копии: *РГБ*. Ф. 74 (Н.В. Гоголь). К. 8. Ед. хр. 19.

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые опубликовано: «Письма к Н.В. Гоголю. По поводу его "Переписки с друзьями"». Русский архив. 1907. № 10. С. 285–288. См. также *Материалы.* С. 116–119 (№ 13).

Датируется предположительно: письмо написано после получения ответа Гоголя (неизв.) на письмо Г. от 17 ноября (№ 35) и пока Гоголь был в Москве, где прожил с 14 октября около двух месяцев.

[1] ...*Ральф и Индиана... Фиамма, являющаяся Симону... Изёльта... Консюэло... с Трисмегистом-Альбером.* – Герои романов Ж. Санд: Ральф и Индиана в романе "Индиана" (1832), Фиамма и Симон в романе "Симон" (1836), Изёльта и Гюгенен в романе "Странствующий подмастерье" (1840), Консуэло и Альбер в дилогии "Консуэло" (1842–1843) и "Графиня Рудольштадт" (1843–1844).

2 ...*русский семейный быт... далеки от Христова идеала.* – Ср. инвективу Г. по поводу русского семейного быта в гл. 5 его поэмы "Олимпий Радин" (1845).
3 ...*матушку в "Отрывке"...* – Имеется в виду Марья Александровна в драматическом произведении Н.В. Гоголя "Отрывок" (1842).
4 ...*вложил в уста Чичикова горькое размышление при встрече с блондинкою.* – Имеется в виду начало гл. 5 т. I "Мертвых душ" Н.В. Гоголя.
5 ...*из Круциферских.* – Любовь Александровна Круциферская – героиня романа А.И. Герцена "Кто виноват?" (1847).
6 ...*чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту...* – Г. имеет в виду гл. XXIV из "Выбранных мест из переписки с друзьями" – "Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России" (1846).
7 ...*житие наше в небе...* – Ср.: "создание от Бога имами, храмину нерукотворену, вечну на небесех" (2 Кор. 5.1).
8 ...*похожи на Марфу, пекущуюся и молвящую о мнозе...* – Ср.: "Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе" (Лк. 10.41).
9 ...*долго и нежно... страстью безумно-мятежной...* – Конец первой и вторая строка стихотворения М.Ю. Лермонтова "Они любили друг друга так долго и нежно" (см. примеч. 2 к предыдущему письму к Гоголю от 17 ноября 1848 г., № 35). У Лермонтова: "С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной".
10 ...*кометы в кругу расчисленном светил...* – Из стихотворения Пушкина "Портрет" (1828).
11 ...*Миранды...* – героиня драмы В. Шекспира "Буря" (1609).
12 ...*Миньйоны...* – героиня романа И.В. Гёте "Годы учения Вильгельма Мейстера" (1795–1796).
13 ...*Аннунциаты.* – героиня повести Н.В. Гоголя "Рим" (1842).

1849

37. А.А. КРАЕВСКОМУ

28 февраля 1849

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 391 (А.А. Краевский). Ед. хр. 301. Л. 1–2.

Впервые опубликовано: Рукописный отдел ИПБ. Отчет за 1889 г. СПб., 1893. С. 354. См. также *Материалы.* С. 119–120 (№ 14).

В архиве издателя "Отечественных записок" Андрея Александровича Краевского сохранилось 6 писем к нему Г. Познакомились они (очевидно, благодаря московским соратникам Краевского по журналу П.Н. Кудрявцеву и А.Д. Галахову) в конце 1848 или в начале 1849 г. Из большого количества предлагавшегося Г. материала Краевский опубликовал в своем журнале лишь "Заметки о Московском театре" (июль 1849 – сентябрь 1850 г.), а также статью "Стихотворения А. Фета" (1850. № 2) и некоторые разделы в коллективном обзоре "Русская литература в 1849 г." (1850. № 1). Несмотря на неоднократные попытки Г. возобновить сотрудничество, Краевский относился к нему прохладно; лишь в 1860 г. в "Отечественных записках" (№ 4, 5) была опубликована статья Г. "Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны".

1 ...*как драма, так и комедия, из которых состоит этот "Спектакль", уже переведены мною.* – "Спектакль..." А. де Мюссе не появился в "Отечественных записках", и перевод Г. остается неизвестным. Имеется в виду драматическая поэма Мюссе "Le spectacle dans un fauteuil" (1832).
2 ...*статьи о Дидро...* – Статья Г. о Дидро неизвестна.

38. А.А. КРАЕВСКОМУ

4 мая 1849

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 391 (А.А. Краевский). Ед. хр. 301. Л. 4.

Впервые опубликовано: Рукописный отдел ИПБ. Отчет за 1889 г. СПб., 1893. С. 354. См. также *Материалы*. С. 120–121 (№ 15).

1 *...отзыв о моем переводе Мюссе.* – Письмо Краевского с отзывом о переводе Г. – неизвестно.

2 *...получите... окончание всего перевода.* – Этот перевод неизвестен. Имеется в виду драматическая поэма А. де Мюссе "A quoi revent les jeunes filles" (1833).

3 *...позвольте поручить... небольшую статейку о театре.* – Статья Г. о театре появилась в № 7 "Отечественных записок" за 1849 г. (Отд. VIII. С. 82–86) под названием "Заметки о московском театре. Взгляд на состав труппы и репертуар в 1848–1849 году". В 1849 г. было напечатано всего пять статей-писем Г. о театре и четыре – в 1850 г.

4 *Повесть "Нерешенный вопрос", которую послал Вам Алексей Дмитриевич...* – Посланная через А.Д. Галахова рукопись рассказа Г. "Нерешенный вопрос" нигде не была напечатана. Находится в настоящее время в фонде Погодина (*РГБ*. Пог./III, 3, 57); носит подзаголовок "Отрывок из дневника одного темного человека".

39. М.П. ПОГОДИНУ

22 ноября 1849

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 26. Л. 9–10 об.

Впервые опубликовано: *Б* X. С. 293–294. См. также *Материалы*. С. 121–122 (№ 16).

Дата определяется по содержанию и на основании почтового штемпеля: "Ноября 22. 2-го отд. Моск гор. почты".

1 *...полтора года... жизни семьянина и столько же времени... службы в звании наставника...* – Г. был женат уже два года (см. письмо Погодину от 15 ноября 1847 г. – № 23), а с августа 1848 г. занимал место учителя гражданских и межевых законов в Александринском сиротском институте в Москве.

2 *Вы поручили мне отдел политики...* – Имеется в виду отдел "Европейское обозрение", вести который Погодин поручил Г. (см. примеч. 2 к письму Погодину от 15 ноября 1847 г. – № 23). Статьи, которые готовил Г. для этого отдела, в печати не появились из-за наступившего (после февральской революции 1848 г. в Париже) цензурного террора: Погодин понял, что любое упоминание революционных событий не будет пропущено в печать. Г. же обрадовался запретам: ему не хотелось заниматься политикой.

3 *...представить меня А.Ф. Вельтману...* – А.Ф. Вельтман служил в это время редактором "Москвитянина". См. отзыв Г. о его работах "Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея" (Отечественные записки. 1849. № 6. Отд. VI. С. 89–95).

4 *...в Полуэктовском переулке. В доме артистки Сабуровой.* – Ныне Сеченовский пер., д. № 3. Здесь находился небольшой одноэтажный деревянный на каменном фундаменте дом, принадлежавший ранее актрисе Императорского московского театра А.Т. Сабуровой (она построила его в 1837 г.); дом снесен в 1960-х годах (указано С.К. Романюком).

40. А.А. КРАЕВСКОМУ

16 декабря 1849

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 391 (А.А. Краевский). Ед. хр. 301. Л. 5.
Впервые опубликовано: Рукописный отдел ИПБ. Отчет за 1889 г. СПб., 1893. С. 354. См. также *Материалы*. С. 122–123 (№ 17).

1 *...поместить... полный перевод "Вильгельма Мейстера", по крайней мере, "Lehrjahre"*. – Свой перевод романа Гёте "Годы учения Вильгельма Мейстера" (Wilhelm Meisters Lehrjahre. 1795–1796) Г. печатал в "Москвитянине" в течение 1852 г. (см. письмо Краевскому от начала ноября 1851 г. – № 69 и примеч. 2 к нему, и примеч. 1 к письму Погодину от 30 ноября 1851 г. – № 71).

2 *...пришлю Вам в скором времени статью о последних книжках 1849 года*. – Появилась в "Отечественных записках" как часть статьи "Русская литература в 1849 году" (1850. № 1. Отд. V. С. 15–31).

3 *...Алексея Дмитрича...* – А.Д. Галахова.

4 *...мнениям иногородных подписчиков...* – Имеется в виду А.В. Дружинин, который публиковал свои статьи под общим названием «Письма иногороднего подписчика в редакцию "Современника" о русской журналистике» (см. статью Г. "Русская литература в 1849 году" // Отечественные записки. 1850. № 1. Отд. V. С. 20–21).

1850

41. Ф.А. КОНИ

8 марта 1850

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. 2490. Х.с. Л. 1–2.
Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 123–124 (№ 18).

Сохранившиеся два письма Г. водевилисту, театральному критику, журналисту Федору Алексеевичу Кони не отражают их интенсивного общения в журнале "Репертуар и пантеон" 1840-х годов. Знакомство состоялось, наверное, в самом начале сотрудничества Г. в этом журнале, на грани 1844 и 1845 гг., когда Кони был одним из его ведущих авторов. С января 1847 г., став редактором журнала, Кони взял в свои руки театральные обзоры, главный жанр Г. (возможно, это обидело Г. и послужило одной из причин его переезда из Петербурга в Москву в начале 1847 г.), и их общение, по-видимому, прекратилось. Письма к Кони свидетельствуют о попытках Г. возобновить свое участие в журнале весной 1850 г.

1 *...помещение Вами двух моих юношеских грехов в "Пантеоне"...* – Перевод пьесы Делявиня "Школа стариков, комедия в 5-и действиях" (L'École des vieillards. 1823), осуществленный Г. в 1845 г. (см. письмо к Погодину от 9 октября 1845 г. – № 13), появился в "Пантеоне" в январе 1850 г. (№ 1. С. 1–90). Какой второй "грех" – неизвестно.

2 *...чтобы я занялся дельным переводом "Короля Лира"...* – Этот перевод трагедии Шекспира неизвестен.

3 *...не хотите ли Вы, чтобы я перевел... в стихах пьесу или фантазию... де Мюссе: "Les Marrons au feu"...* – Перевел ли Г. пьесу Мюссе "Каштаны из огня" – неизвестно.

[4] *Посылаю Вам несколько переводов из Гёте...* – Только перевод Г. "Лесного царя" Гёте (Erlkönig. 1782) появился в "Пантеоне" (1850. № 8. С. 49–50).
[5] *... хороший приятель... взялся бы за это дело с удовольствием.* – Речь идет о П.Е. Басистове (см. письмо Г. к Кони от 19 апреля 1850 г. – № 42).

42. Ф.А. КОНИ

19 апреля 1850

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. 2490. X. с. Л. 3–4.
Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 125 (№ 19).

[1] *Спешу доставить... статью...* – Участие П.Е. Басистова в "Пантеоне" 1850 г. не обнаружено.
[2] *... для Вас лично докончить "Les Marrons au feu"...* – См. примеч. 3 к предыдущему письму (№ 41).
[3] *... "от росы небесной и тука земного"...* – Бытие 27.28.
[4] *... напечатано... одно: "Auf dem See" в моей статье о Фете в "Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исках⟩"*. – Г. имеет в виду свой перевод стихотворения Гёте "Auf dem See" (На озере. 1775), напечатанный в его статье "Стихотворения А. Фета. Москва 1849" (Отечественные записки. 1850. № 2. С. 52). Г. ошибся, обозначая в статье год выхода сборника "1849". На самом деле "Стихотворения А. Фета" вышли в начале 1850 г.
[5] *Посылаю Вам его элегии: напечатанные вычеркнуты, ненапечатанные – Ваши.* – Очевидно, Г. послал тетрадь копий произведений А.А. Фета, где были вычеркнуты 11 элегий, недавно напечатанные в книге: "Стихотворения А. Фета". М., 1850. С. 78–85 (книга вышла в январе). Вскоре Кони опубликовал еще 4 элегии Фета (Пантеон. 1850. № 5. С. 71–72).

43. М.П. ПОГОДИНУ

30 декабря 1850

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 26. Л. 11.

Датируется условно, на основании пометы Погодина в конце письма: "30 д⟨екабря⟩" и упоминая о статье "ко второй книжке" "Москвитянина" (см. примеч. 1).

[1] *... статья поспеет ко второй книжке да выйдет порядочная.* – Возможно, рецензия Г. "Современник в 1850 году" (Москвитянин. 1851. № 2. Отд. I. С. 213–242; ц. р. 16 января). Окончание статьи (за подписью: *Г.*) было напечатано в № 3 "Москвитятина" (Отд. I. С. 386–421; ц. р. 31 января).

1851

44. М.П. ПОГОДИНУ

19 февраля 1851

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 27. Л. 1–2 об.
Впервые опубликовано (частично): *Б* XI. С. 34. См. также *Материалы*. С. 126 (№ 21).
На л. 2 об. почтовый штемпель: "1-ое отд. Моск. гор. почты. Февраля 20".

[1] *Был у Корша насчет статьи о Кудрявцеве.* – Судьба этой статьи неизвестна.
[2] *...я взял "Ричарда III-го" – и статью о нем доставлю в возможной скорости...* – Статья Г. "Жизнь и смерть короля Ричарда третьего. Драма В. Шекспира. Перевод с английского в

стихах, с критическим предисловием... г. Данилевского. 1850" была напечатана в "Москвитянине" (1851. № 5. Отд. I. С. 89–100; ц. р. 28 февраля).

3 ... *"Geneviève", par A. de Lamartine...* – Речь идет о сборнике рассказов А. де Ламартина "Geneviève, histoire d'une servante" (1851).

4 *...другая: "Monk et la restauration", par Guizot.* – Г. не совсем точно называет появившееся в 1851 г. сочинение Ф.П.Г. Гизо – "Monk, chute de la République et rétablissement de la monarchie en Angletterre, en 1660, étude historique, par M. Guizot" (Монк, падение республики и восстановление монархии в Англии в 1660 г., исторический очерк г-на Гизо; в 1851–1852 гг. вышло еще два издания).

5 *...но написать об оной статейку... не мешает, что я и сделаю...* – Рецензию на "Женевьеву" А. де Ламартина написал не Г., а В.Ф. Корш (см. письмо Погодину от 30 мая 1851 г. – № 54 и примеч. 3 к нему).

6 *...статью под... заглавием: "Рётшер как критик искусства и его сочинения".* – Статья Г. о Г.Т. Рётшере неизвестна; однако он отзывался о нем в статье "Русская литература в 1851 году. Статья первая" (Москвитянин. 1852. № 1. Отд. V. С. 1–9).

45. М.П. ПОГОДИНУ

5 марта 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 27. Л. 3.

Датируется по содержанию: Погодину посылаются статьи для № 6 "Москвитянина" с датой ц.р. 14 марта 1851 г. (см. примеч. 1 и 2); письмо написано в понедельник, который приходился в 1851 г. на 5 марта.

1 *...с статьей о "Библиотеке".* – Рецензия Г. на журнал "Библиотека для чтения" за 1850 г. была опубликована в "Москвитянине" (1851. № 6. Отд. I. С. 257–270).

2 *...имею честь доставить о "Репертуаре".* – Рецензия Г. «"Пантеон и репертуар русской сцены", издаваемый под редакцией Ф. Кони. 1851. № 1. Январь» была опубликована в "Москвитянине" (1851. № 6. Отд. I. С. 270–278).

3 *...в пятницу после восьми уроков...* – В это время (с 24 мая 1850 г.) Г. служил учителем в Московском воспитательном доме, а 15 марта 1851 г. был утвержден старшим учителем законоведения 1-й Московской гимназии, хотя начал проводить там занятия с 1 февраля (см. письмо Погодину от 19 или 20 марта 1851 г. – № 47).

46. М.П. ПОГОДИНУ

14 марта 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 27. Л. 4–5 об.

Год написания определяется по содержанию и по непосредственной связи с письмами Погодину от 19 или 20 и 24 марта 1851 г. (№ 47 и 48).

1 *...близкой к гимназии и к Вам квартиры.* – 1-я Московская гимназия помещалась на Волхонке (ныне № 16, 18).

2 *..."Сон в летнюю ночь"... надеюсь... отделать весною.* – Перевод комедии Шекспира "Сон в летнюю ночь" ("A Midsummer Night's Dream", 1595) был опубликован в "Библиотеке для чтения" только в 1857 г. (№ 7. Отд. I. С. 195–266).

3 *... благодаря чину и благодаря сношениям округа с министерством...* – Г. иронизирует над бюрократической замедленностью прохождения документов Московского учебного округа относительно официального зачисления его старшим учителем законоведения в 1-ю Мо-

сковскую гимназию, где он уже преподавал, оставаясь учителем и в Воспитательном доме (см. примеч. 3 к письму Погодину от 5 марта 1851 г. – № 45); чин титулярного советника Г. получил еще 12 апреля 1850 г. (см. *Материалы*. С. 336).

47. М.П. ПОГОДИНУ

19 или 20 марта 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 27. Л. 10–11 об.

Датируется по содержанию и непосредственной связи с письмами от 14 и 24 марта 1851 г. (№ 46 и 48): написано между этими двумя письмами, но несомненно после 15 марта, когда Г. был утвержден в должности учителя законоведения 1-й Московской гимназии. Просьба "добыть денег к концу недели" позволяет предположить, что письмо написано в начале недели, в понедельник 19 или во вторник, 20 марта 1851 г.

1 *...за лист печатный о комедии Менщикова "Причуды" в 1850 г. ...* – Рецензия Г. на пьесу П.Н. Менщикова "Причуды" напечатана в "Москвитянине" (1850. № 17. Отд. IV. С. 21–34).

2 *...Заработано... Итого около 8½ листов.* – Объемы известных статей и рецензий Г. в "Москвитянине": в № 2 – 30 с., в № 3 – 36, в № 4 – 15, в № 5 – 28, и в № 6 – 36 с. (что составляет 9 печатных листов). Г. не совсем точно подсчитал общий объем написанных им листов.

48. М.П. ПОГОДИНУ

24 марта 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 27. Л. 6.

1 *...доставить половину статьи о "Современнике"... ровно столько же... привезу во вторник.* – Рецензия Г. на № 3 "Современника" за 1851 г. была напечатана в № 7 "Москвитянина" (Отд. I. С. 414–423. Подпись: *Г.*; ц. р. 1 апреля 1851 г.).

2 *О "Сотрудниках"... пришлю в понедельник.* – Рецензия Г. на пьесу В.А. Соллогуба "Сотрудники, или Чужим добром не наживешься" (Москвитянин. 1851. № 7. Отд. I. С. 386–387. Подпись: *Г.*).

49. М.П. ПОГОДИНУ

Апрель–май 1851

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 28. Л. 23.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 134 (№ 35).

Датируется условно, по связи с письмом к Погодину от 28 мая 1851 г. (№ 53), в котором Г. пишет о Н.И. Шаповалове уже как о сотруднике-коллеге.

50. М.П. ПОГОДИНУ

Около 21 мая 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 27. Л. 17.

Датируется по содержанию: письмо написано, очевидно, в день окончания посылаемой статьи, которая имеет дату 21 мая (см. примеч. 3). Г. обещает быть у Погодина "в середу", а 21 мая приходилось на понедельник.

[1] *... последние представления Самойловой.* – Речь идет о московских гастролях В.В. Самойловой, артистки Петербургского Александринского театра, проходивших с 17 апреля по 15 мая 1851 г.

[2] *Портрет снят и вышел удачен...* – Литографированный портрет В.В. Самойловой был изготовлен с фотографии, сделанной у фотографа Вейнгартнера (см. письмо Погодину, написанное около 31 мая 1851 г. – № 55), и приложен к № 13 "Москвитянина". Кроме того, портрет продавался отдельным листом.

[3] *Посылаю Вам "Театральную летопись".* – Речь идет о статье Г. "Летопись московского театра" (Москвитянин. 1851. № 13. Отд. II. С. 39–63), фактически целиком посвященной гастролям В.В. Самойловой в Москве. Статья напечатана под рубрикой "Московские известия" и датирована 21 мая. О ее цензурной истории см. письмо Г. к Погодину от 27 июня 1851 г. (№ 57).

[4] *Если Арнольди не был у Вас... возложить упование только на собственные средства и силы.* – Возможно, Л.И. Арнольди предлагал свое посредничество в издательских делах (например, Д.В. Григорович сообщал Погодину позднее, 25 февраля 1852 г., что Арнольди брался напечатать его повести, предварительно получив, пользуясь знакомством с цензором кн. В.В. Львовым, разрешение – см. *Б* XII. С. 241–242).

51. М.П. ПОГОДИНУ

22 или 23 мая 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 27. Л. 18.

Датируется по содержанию, на основании того, что упоминаемая здесь статья – очевидно, та "Театральная летопись", о которой идет речь в предыдущем письме, а посылаемый роман – тот "Замок в пустыне", о котором Г. сообщил в письме от 28 мая 1851 г. (№ 53). Письмо несомненно написано до четверга, приходившегося между 21 и 28 мая на 24 мая; следовательно, его можно датировать 22 или 23 мая.

[1] *Вот Вам статья... сохранить ее по возможности.* – Вероятно, речь идет о статье Г. "Летопись московского театра" (см. примеч. 3 к предыдущему письму).

[2] *Роман посылаю.* – Имеется в виду роман Жорж Санд "Замок в пустыне" (Château des déserts. 1851), перевод которого, осуществленный Н.И. Шаповаловым с помощью Г. (см. его письмо от 28 мая 1851 г. – № 53), печатался в "Москвитянине" начиная с № 10. Ч. 3 и 4 были напечатаны в № 11 (с. 253–372).

52. М.П. ПОГОДИНУ

Между 21 и 28 мая 1851

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 27. Л. 12–13 об.

Впервые опубликовано (частично): *Б* XI. С. 395–397, 400. См. также *Материалы*. С. 128 (№ 24); С. 126–127 (№ 22).

Датируется по содержанию: письмо написано после 21 мая 1851 г. – даты первой "Летописи московского театра" (см. примеч. 3 к письму Погодину, написанному около 21 мая 1851 г. – № 50) и до упомянутого в письме "4 числа", т.е. 4 июня 1851 г. (ср. письмо от 27 июня 1851 г. – № 57, в котором говорится о получении ответа от А.И. Гедеонова). По всей вероятности, письмо могло быть написано после предыдущего (№ 51) и до письма от 28 мая – № 53. Слова о "листках", оставленных Погодину "в воскресенье", скорее относились к 20, а не к 27 мая.

[1] *... листки театральной летописи, хорошо бы... отправить завтра же к Верст⟨овскому⟩ для посылки к директору.* – Датированная 21 мая первая "Летопись московского театра"

(см. примеч. 3 к письму, написанному около 21 мая 1851 г. – № 50), посланная директору московских театров А.Н. Верстовскому, была отправлена им директору императорских театров А.М. Гедеонову, которому она очень не понравилась из-за якобы оскорбительных выпадов против некоторых московских артистов. См. *Материалы*. С. 381.

2 *Статью о "Современнике"... доставлю... к 4 числу*. – Рецензия была напечатана в "Москвитянине" (№ 13. С. 60–70; ц. р. 1 июля).

3 *Статью о "Репертуаре и пантеоне"... до следующей книжки*. – Рецензия была напечатана в "Москвитянине" (№ 14. С. 196–209; ц. р. 23 июля).

4 *... в пансионе...* – Не исключено, что этот пансион держала мать Леониды Визард.

5 *... герою "Медного всадника": Ведь... жизнь куда легка...* – Размышления Евгения. У Пушкина: "Что ведь есть/ Такие праздные счастливцы, / Ума недальнего ленивцы,/ Которым жизнь куда легка!" (Медный всадник. I. 36–39).

53. М.П. ПОГОДИНУ

28 мая 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 27. Л. 14–15 об.

Год написания устанавливается на основании упоминаний статей Г., напечатанных в № 11 "Москвитянина" за 1851 г. (ц. р. 5 июня 1851 г.).

1 *Сегодня... привезу статью об "Антонине" и "1-ое апреля"*. – Рецензии Г. на произведения Евгении Тур "Первое апреля" и "Антонина" содержались в его статье «Еще о "Комете", учено-литературном альманахе, изданном Н. Щепкиным» (Москвитятин. 1851. № 11. С. 317–326. Подпись: *Г.*).

2 *... посылаю окончание о "Пантеоне и репертуаре"...* – Рецензия Г. "Пантеон и репертуар русской сцены" (на номера за февраль, март и апрель) напечатана в № 11 "Москвитянина" за 1851 г. (с. 360–372).

3 *... доставил Вам лично 4-ю часть*. – Речь о переводе романа Жорж Санд "Замок в пустыне" (см. примеч. 2 к письму Погодину от 22 или 23 мая 1851 г. – № 51).

4 *Портрет готов будет в четверг...* – Речь идет о портрете В.В. Самойловой, выход которого ожидался в четверг 31 мая (см. письмо Погодину, написанное около 31 мая 1851 г. – № 55).

5 *... в праздники...* – Семик, Троица и Духов день – в 1851 г.: 24, 27 и 28 мая.

54. М.П. ПОГОДИНУ

30 мая 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 27. Л. 16.

1 *Простите... что задержал... "Антонину"*. – См. примеч. 1 к предыдущему письму (№ 53).

2 *О "Разговоре" Тургенева – лучше бы написать Вам... замечания к нашим статьям*. – Отзыв Г. о "сцене" И.С. Тургенева "Разговор на большой дороге", опубликованной в альманахе "Комета", содержался в рецензии Г. на эту драму (Москвитянин. 1851. № 11. С. 326–329). Погодин согласился с мнением Г. о "Разговоре...", дополнив его рецензию своим примечанием (Там же. С. 329–330).

3 *... статью Корша о "Geneviève" Ламартина*. – Статья В.Ф. Корша (за подписью: *В*) о рассказе А. Ламартина «Geneviève, par A. de Lamartine. 1850. "Женевьева", рассказ А. Ламартина» напечатана в "Москвитянине" (1851. № 13. С. 87–96).

55. М.П. ПОГОДИНУ

Около 31 мая 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 28. Л. 12–13.

Датируется предположительно, по непосредственной связи с письмом к М.П. Погодину от 28 мая (№ 53), в котором говорилось, что литографированный портрет В.В. Самойловой "готов будет в четверг" (приходился на 31 мая 1851 г.). Возможно, именно в этот день появился "первый оттиск". Тираж ждали "в понедельник" (4 июня), однако из-за отсутствия необходимой бумаги его выход, очевидно, задержался (см. письмо от 6 июня – № 56).

[1] ... *Николаю Васильевичу*... – Н.В. Бергу.

56. М.П. ПОГОДИНУ

6 июня 1851.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 27. Л. 19–19 об.

Впервые опубликовано (без начала и конца): *Б* XI. С. 438–439. См. также *Материалы*. С. 128 (№ 23). К письму приписка конторщика: "По этому письму и жалобе я нисколько не виновен, разве тем, что денег дал! И они тут же Вас и обманывают: говорят, что деньги уплатили Мартынову, неправда! Купили бумаги, которую и испортили!" (л. 19 об.).

[1] ... *уведомьте меня, пришла или нет статья*? – Очевидно, Г. спрашивает о "Летописи московского театра", которая была отправлена в Петербург на просмотр А.М. Гедеонову (см. письмо Погодину, написанное между 21 и 28 мая 1851 г. – № 52 и примеч. 1 к нему). См. также письмо к Погодину от 27 июня 1851 г. (№ 57).

57. М.П. ПОГОДИНУ

27 июня 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 27. Л. 20.

Год написания устанавливается по содержанию (см. примеч. 1 и 2).

[1] *Посылаю... вторую статью о театре*... – "Летопись московского театра. II", датированная 20 июня 1851 г., была напечатана в "Москвитянине" (1851. № 15. Отд. II. С. 233–248).

[2] ... *1) О "Пантеоне", 2) О "Современнике", 3) О "Легенде о Монтрозе", 4) О "Ярмарке тщеславия"*. – Все четыре рецензии были напечатаны в "Москвитянине" за 1851 г.: на кн. V и VI "Пантеона и репертуара" – в № 14, на № 6 и 7 "Современника" и на роман В. Скотта – в № 15, на роман У.М. Теккерея – в № 19–20 (ц.р. 23 июля, 8 августа и 15 октября).

58. М.П. ПОГОДИНУ

Около 4 июля 1851

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 27. Л. 24–24 об.

Впервые опубликовано (только первый абзац): *Б* XI. С. 403. См. также *Материалы*. С. 129 (№ 26).

Дата определяется на основании того, что письмо написано после получения цензурного разрешения № 13 "Москвитянина" (1 июля 1851 г.) и вскоре после выхода номера (запоздал не более как "двумя днями").

[1] *Из прилагаемого письма Голубинского Вы усмотрите... необходимость... заместить стихотворение Мея – другими.* – Известно одно стихотворение Л.А. Мея, запрещенное духовной цензурой. Об этом свидетельствует сохранившееся в архиве Погодина (Пог./II, 8, 62, 2) письмо цензора Ф.А. Голубинского от 29 июня 1851 г., в котором подробно изложены причины запрещения уже набранного стихотворения Мея "Отойди от меня, сатана!" (в нем "нет шутовского, но есть языческое. Итак, безопаснее им ⟨стихам⟩ остаться в рукописи". – *Б* XI. С. 405). Вместо стихотворения Мея в № 13 "Москвитянина" за 1851 г. (ц.р. 1 июля) были напечатаны переводы Г.: «Отрывок из "Паризины" Байрона» и "Единого, Лилли, кого ты любить могла" (стихотворения Гёте "An Lida"), подпись: А. Григорьев (с. 3–7); а также "Сон и Пазифая" А. Фета и "Греческая песня" Н. Берга (с. 7–8). При публикации уцелело редакторское примечание о стихотворении Мея (см. *Материалы.* С. 381). В архиве Погодина сохранилось письмо Мея от 12 августа (1851) по поводу его стихотворения (очевидно, именно о "Отойди от меня, сатана!"): "С сокрушенным сердцем, исправив печальные стихи и уничтожив многопоминаемое *мимо*, спешу доставить Вам, почтеннейший Михаил Петрович, корректурный листок моего стихотворения. Надеюсь, что Вы употребите зависящие от Вас средства к напечатанию этих стихов в следующих №№. Такая поспешность необходима и будет большим одолжением для искренно преданного вам Л. Мея ⟨...⟩" (Пог./II, 20, 75. Л. 12). Стихотворение "Отойди от меня, сатана!" под заглавием "Картины древнего мира. Видение" было напечатано в "Москвитянине" (1852. № 8. С. 245) без 15 начальных строк и 4 строк в конце (они заменены по цензурным соображениям строкой отточий). Комментатор К.К. Бухмейер отметила: "Сняв начало и концовку, Мей уничтожил связь стихотворения с евангельским сюжетом (искушение Христа сатаною, Ев. от Луки, гл. 4), на который оно написано" (*Мей Л.А.* Избр. произв. "Библиотека поэта". Большая серия. Л., 1972. С. 629–630).

[2] *"Уста и чаша"...* – В июне 1851 г. перевод Г. произведения А. Мюссе "La Coupe et les levres" был запрещен цензурой (см. следующее письмо – № 59). Он был напечатан только в статье Г. о французском поэте (Москвитянин. 1852. № 12. Отд. VI. С. 52–72; ц.р. 15 июня).

[3] *... о "Пантеоне" за май...* – См. следующее письмо (№ 59) и примеч. 5 к нему.

[4] *Статья о Гасфельде...* – Рецензия Н.Н. Роговского-Рожавского "Опыт о преподавании, Ивана Гасфельда" была напечатана в № 14 "Москвитянина" за 1851 г. (с. 152–165).

[5] *... две статейки в "Смесь"... и "Записок игрока" на 1 лист печатный.* – "Мелочи", "Журнальные заметки" и "Отрывки из записок игрока, рукопись неизвестного, издан. П. Вистенгофом" были напечатаны в отделе "Смесь" в № 14 и 15 "Москвитянина" за 1851 г.

[6] *... мною статью о "Легенде Монтроза"...* – Рецензия Г. "Легенда о Монтрозе. Исторический роман Вальтера Скотта" появилась в № 14 "Москвитянина" за 1851 г. (с. 166–174).

[7] *... зайду к Эдельсону поторопить статьею о "Записках"...* – Рецензия Е.Н. Эдельсона на "Отечественные записки. № 6 и 7, 1851 г." была напечатана только в № 15 "Москвитянина" за 1851 г. (с. 350–360; ц.р. 8 августа).

[8] *... писанием статьи о "Современнике".* – Рецензия Г. на "Современник. № 6. Июнь. № 7. Июль" была напечатана в № 15 "Москвитянина" за 1851 г. (с. 337–350).

[9] *... статью о Полтавцеве.* – Имеется в виду вторая статья Г. "Летопись московского театра", напечатанная в № 15 "Москвитянина" за 1851 г. (с. 233–248).

59. М.П. ПОГОДИНУ

25 июля 1851

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 27. Л. 22–23 об.

Впервые опубликовано (в отрывках): *Б* XI. С. 439, 417, 438. См. также *Материалы.* С. 128–129 (№ 25); с. 130 (№ 28, № 29).

[1] *"Уста и чаша" – не прошли...* – См. примеч. 2 к письму Погодину, написанному около 4 июля 1851 г. (№ 58).

[2] ... *пропало несколько глав "Копперфильда"...* – Перевод романа Диккенса "Давид Копперфильд" начал печататься в "Москвитянине" с № 1 за 1851 г.

[3] ... *Полонский... читал... драму "Дареджана"... запродана уже им почти в "Библиотеку для чтения" – но... он готов продать ее нам.* – Стихотворная драма Я.П. Полонского "Дареджана, царица Имеретинская" напечатана в № 7 "Москвитянина" за 1852 г.

[4] *Театральная летопись послана в корректуре, готова совсем третья статья...* – О второй статье "Летопись московского театра" см. примеч. 1 к письму Погодину от 27 июня 1851 г. (№ 57); третья статья этого цикла напечатана в № 18 "Москвитянина" за 1851 г.

[5] ... *соединил вместе два N-os "Современника" (июнь и июль), как в 14-м №... два № "Пантеона".* – Имеются в виду рецензии Г.: "Современник. № 6. Июнь. № 7. Июль" (напечатана в № 15 "Москвитянина" – см. примеч. 8 к предыдущему письму – № 58) и "Пантеон и репертуар русской сцены. Май. (Июнь). Книжка пятая и шестая" (Москвитянин. 1851. № 14. С. 196–209).

60. М.П. ПОГОДИНУ

1 августа 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 27. Л. 25.

[1] *Из Спасского я возвращусь...* – Вероятно, из знаменитого Ново-Спасского мужского монастыря в Москве (близ Таганской площади); 1 августа – день первого Спаса, церковного праздника.

61. М.П. ПОГОДИНУ

Конец августа–начало сентября (до 5) 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 15.

Датируется приблизительно, по содержанию: впервые "Объявление о подписке...", которое упоминает Г. (см. примеч. 3), опубликовано в № 17 "Москвитянина" (ц. р. 8 и 13 сентября). Четверг в начале сентября приходился на 6 число.

[1] *Напечатана в 1844 году "Отеч⟨ественных⟩ записок".* – О какой статье и о каком отрывке из нее идет речь, неизвестно. Г. ошибся: В.Н. Майков начал печатать статьи в "Отечественных записках" только с № 5 за 1845 г. (см.: *Боград В.Э.* Журнал "Отечественные записки". 1839–1848. Указатель содержания. М., 1985. С. 303 и сл.).

[2] *Продолжение статьи Амедея Тьерри.* – "Продолжение" здесь, очевидно, означает какую-то часть начального раздела статьи "Аэций и Бонифаций. Эпизод из истории V-го века, Амедея Тьерри", печатавшейся в двух номерах "Москвитянина" за 1851 г. (№ 17. С. 119–147; № 18. С. 297–320).

[3] *Проэкт объявления и программы "Москвитянина".* – «Объявление о подписке на "Москвитянин" 1852 года» было приложено к № 17 и 19-20 журнала за 1851 г.

[4] *Пишу о "Современнике"...* – Видимо, речь идет об обзоре Г.: "Современник. № VIII. Август" (Москвитянин. № 17. С. 156–172).

62. М.П. ПОГОДИНУ

3 сентября 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 10.

Датируется по содержанию: водевиль П.С. Федорова "Архивариус" шел на сцене Малого театра в Москве два раза по понедельникам – 6 февраля 1850 г. и 3 сентября 1851 г. Вечер на даче в феврале невероятен.

[1] *Садовский сегодня играет в водевиле "Архивариус"...* – Одноактный водевиль П.С. Федорова "Архивариус" был издан в С.-Петербурге в 1838 г. и впервые поставлен в Москве 4 октября 1840 г.

[2] *... адрес дачи графа Блудова...* – Возможно, речь идет о визите к дочери графа Д.Н. Блудова: графиня Антонина Дмитриевна Блудова, мемуаристка и публицист, по взглядам и духовным интересам была близка к славянофилам.

63. М.П. ПОГОДИНУ

19 сентября 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 27. Л. 26.

[1] *Посылаю Вам первую порцию "Мольера"...* – Драма Ж. Санд "Мольер" (Molière. 1851) в переводе Г. была напечатана в № 19-20 "Москвитянина" (С. 460–512; ц.р. 15 октября 1851 г.).

[2] *... статью о "Современнике"... об этом № надобно написать серьезную.* – Очевидно, речь идет о будущей статье Г. "Современник. № IX. Сентябрь" (Москвитянин. 1851. № 19-20. С. 646–659).

[3] *О Самойловой – пишу.* – Четвертая "Летопись московского театра", посвященная В.В. Самойловой, появилась в № 21 "Москвитянина" за 1851 г. (см. примеч. 1 к следующему письму – № 64).

64. М.П. ПОГОДИНУ

2–3 октября 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 27. Л. 29.

[1] *... статья пойдет как по маслу...* – Возможно, речь идет о статье Г. "Летопись московского театра. А. Григорьева. IV. Г-жа Самойлова 1-я" (Москвитянин. 1851. № 21. С. 44–52; ц.р. 1 ноября).

[2] *... его не изменяйте...* – См. письмо Г. к Погодину от 1 ноября 1851 (№ 68).

[3] *Такого мерзостного представления "Ревизора"...* – О постановках "Ревизора" в московском Малом театре в сезон 1851/52 г. Г. подробно написал в статье "Летопись московского театра. Обозрение зимней поры" (Москвитянин. 1852. № 8. Отд. VII. С. 143–158). Высоко оценив игру М.С. Щепкина (Городничий) и П.М. Садовского (Осип), Г. критиковал остальных исполнителей за чрезмерную карикатурность (в том числе и С.В. Шумского–Хлестакова).

65. М.П. ПОГОДИНУ

10 октября 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 18.

Датируется по содержанию: трагедия Шекспира "Отелло" (см. примеч. 1) шла в Москве в четверг только 11 октября 1851 г.

[1] *Завтра... в театре "Отелло"...* – "Дездемона и Отелло, или Венецианский мавр", драма в 5 д. В. Шекспира, в переводе с франц. И.И. Панаева. Она была издана под названием "Отелло, венецианский мавр" (СПб., 1836); ставилась в Малом театре с 14 мая 1837 г. по 11 ноября 1851 г.

[2] *О Садовском я писать не буду, о Шумском и его бенефисе написано... имел честь вам доставить...* – О П.М. Садовском написал Т.И. Филиппов (статья "Бенефис г. Садовского" – см. примеч. 1 к письму Погодину от октября 1851 г. – № 67). Статья о бенефисе С.В. Шумского в "Москвитянине" в 1851 г. не появилась; не исключено, что статья Г. действительно затерялась. Бенефис Шумского состоялся в Большом театре 21 сентября 1851 г. Ставились пьесы: "Старички", комедия-водевиль П.С. Федорова; "Цикута, или Дружба и любовь" (La Ciguë), комедия в одном действии Э. Ожье (перевод В.Р. Зотова); "Взаимное обучение" (L'Enseignement mutuel), водевиль в одном действии Т. Баррьера и Ш.А. Декурселя (перевод К.А. Тарновского и Ф.М. Руднева).

[3] *Конец статьи о "Современнике"...* – Статья "Современник. № IX. Сентябрь" (см. примеч. 2 к письму Погодину от 19 сентября 1851 г. – № 63).

66. М.П. ПОГОДИНУ

17 или 24 октября 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 27. Л. 27.

Датируется приблизительно: упомянутая статья о театре появилась в № 21 "Москвитянина" за 1851 г. (ц.р. 1 ноября); среда приходилась в октябре на 17 и 24.

[1] *... о недавнем, лучшем жильце моего домашнего мира...* – Вероятно, у Г. умер ребенок.

[2] *... конец статьи о театре...* – "Летопись московского театра. А. Григорьева. IV. Г-жа Самойлова 1-я" (см. примеч. 1 к письму Погодину от 2–3 октября 1851 г. – № 64).

[3] *... перевод из "Debats".* – Статьи на французские темы – "Театры в Париже", "Страсть к альманахам в Париже", "Предстоящие выборы во Французской Академии" – опубликованы анонимно в "Москвитянине" за 1851 г. (№ 21).

67. М.П. ПОГОДИНУ

Октябрь 1851

Печатается по подлиннику: *РГИА*. Ф. 1108. Оп. 1. Ед. хр. 88.

Впервые опубликовано (не полностью): *Лакшин В.* Александр Николаевич Островский. М., 1976. С. 172–173.

Датируется приблизительно, на основании того, что письмо написано после бенефиса П.М. Садовского (26 сентября 1851 г., см. примеч. 1), до цензурного разрешения "Москвитянина" со статьей Т.И. Филиппова (1 ноября). В.Я. Лакшин датирует письмо сентябрем 1851 г.

[1] *Дело мое в толках о "Лире" – сторона...* – Упомянутые толки о "Короле Лире" вызваны бенефисом П.М. Садовского, состоявшимся 26 сентября 1851 г., в котором артист играл главную роль в трагедии Шекспира. А.Н. Островский опубликовал хвалебное объявление о предстоящем бенефисе, обещая зрителю "славную борьбу актера с бессмертным драматургом" (Москвитянин. 1851. № 17. Отд. "Московские известия"; ц.р. 8 и 13 сентября); перед публикацией он дал заметку Е.Н. Эдельсону на рассмотрение. Садовский оказался совершенно не способен играть трагическую роль: в "Литературных воспоминаниях" Д.В. Григорович написал, что Садовский "в этой роли оказался ниже всякой критики" (М., 1961. С. 135). После бенефиса Т.И. Филиппов опубликовал сочувственную Садовскому статью "Бенефис г. Садовского" (Москвитянин. 1851. № 21). О ней и идет речь в письме. В своей отрицательной оценке игры Садовского Г. разошелся с мнениями друзей.

[2] *... прошу Вас присовокупить к статье примечаньице...* – К статье Т.И. Филиппова "Бенефис г. Садовского" (см. выше), примечаний нет.

[3] *... который ходит рыкая, искай кого поглотити...* – 1 Петр. 5.8.

68. М.П. ПОГОДИНУ

1 ноября 1851

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 1–2.

Впервые опубликовано (частично): *Б* XI. С. 400–401, 403. См. также *Материалы*. С. 130–131 (№ 30).

[1] *А⟨лександр⟩ Н⟨иколаевич⟩... поправил... в моей статье о Самойловой!..* – А.Н. Островский, вероятно, внес исправления в статью Г. "Летопись московского театра", посвященную В.В. Самойловой (см. примеч. 1 к письму Погодину от 2–3 октября 1851 г. – № 64).

[2] *... не согласен с статьею Филиппова...* – Очевидно, речь идет о статье Т.И. Филиппова "Бенефис г. Садовского" (см. предыдущее письмо – № 67 и примеч. 1 к нему).

[3] *... привезу половину статьи о "Современнике".* – Статья "Современник. № X. Октябрь" была напечатана в № 22 "Москвитянина" (ц. р. 15 ноября 1851 г.).

69. А.А. КРАЕВСКОМУ

Начало ноября 1851

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 391 (А.А. Краевский). Ед. хр. 301. Л. 9.

Впервые опубликовано: Отчет Имп. публич. библиотеки за 1889 г. СПб., 1893. С. 34–35. См. также *Материалы*. С. 129–130 (№ 27).

Датируется приблизительно, по непосредственной связи с письмом к М.П. Погодину от 30 ноября 1851 г. (№ 71), в котором Г. предлагает ему для публикации уже полученный от Краевского перевод "Вильгельма Мейстера".

[1] *О статье об А. де Мюссе я не имею... известий...* – Г. предложил Краевскому переводы из Мюссе в письмах от 28 февраля и 4 мая 1849 г. (№ 37 и 38). Цикл статей Г. о Мюссе под общим названием "Современные лирики, романисты и драматурги" напечатан в "Москвитянине" в 1852 г. (№ 12, 13 и 14).

[2] *... насчет продолжения перевода "Мейстера"... не отвечали.* – В письме от 16 декабря 1849 г. (№ 40) Г. предложил Краевскому перевод "Вильгельма Мейстера" Гёте. Перевод Г. печатался в "Москвитянине" в течение 1852 г. (см. примеч. 1 к письму Погодину от 30 ноября 1851 г. – № 71).

[3] ... *погибшие письма о театре...* – Г. печатал "Заметки о московском театре. 1850" в "Отечественных записках" начиная с № 3 за 1850 г. (статья имеет дату 8 февраля); последние его "Заметки о московском театре. V" появились в № 9 за 1850 г. (статья датирована 14 июля).

70. М.П. ПОГОДИНУ

26–27 ноября 1851

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 3–4 об.

Впервые опубликовано (частично): *Б* XI. С. 397–398. См. также *Материалы*. С. 131–132 (№ 31).

[1] ... *к попечителю...* – Е.П. Ковалевскому.

[2] *Статью о "Современнике" доставлю завтра.* – Г. не выполнил своего обещания, а закончил рецензию на ноябрьский номер "Современника" только к 16 декабря (см. его письмо к Погодину от 15 декабря 1851 г., № 74). Статья "Современник. № XI. Ноябрь" была напечатана в "Москвитянине" (1851. № 24; ц. р. 19 декабря).

71. М.П. ПОГОДИНУ

30 ноября 1851

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 5–5 об.

Впервые опубликовано (частично): *Б* XII. С. 92. См. также *Материалы*. С. 132 (№ 32).

[1] ... *отдаю его "Москвитянину"... чем в "Записках".* – См. письма к А.А. Краевскому от 16 декабря 1849 г. и от начала ноября 1851 г. (№ 40 и 69). Перевод романа Гёте "Годы учения Вильгельма Мейстера" Г. печатал в "Москвитянине" (1852. № 1–3, 5, 8, 10, 21–23).

[2] ... *статья об А. де Мюссе.* – По-видимому, первую статью о Мюссе не разрешила к печати цензура из-за включенных в нее стихотворений Мюссе. Статья появилась в "Москвитянине" (1852. № 12).

[3] ... *моего кредитора-ракалии...* – Очевидно, Занфтлебен, о котором Г. писал в предыдущем письме (№ 70).

72. М.П. ПОГОДИНУ

5 декабря 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 7.

[1] ... *начало статьи о "Современнике"* – См. примеч. 2 к письму Погодину от 26–27 ноября 1851 г. – № 70.

[2] ... *прислать... "Revue", где – статья Мериме о Гоголе.* – Свой отклик – «Статья Проспера Мериме о Гоголе, в "Revue de Deux Mondes"» – Г. напечатал в "Москвитянине" (1851. № 24. С. 607–614).

73. М.П. ПОГОДИНУ

14 декабря 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 14.

Дата определяется по содержанию: упомянутая статья о Гоголе напечатана в "Москвитянине" с датой ц. р. 19 декабря 1851 г.; пятница приходилась на 14 декабря.

[1] ... *конец статьи о Гоголе...* – См. примеч. 2 к предыдущему письму (№ 72).

74. М.П. ПОГОДИНУ

15 декабря 1851

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 8–9 об.

[1] *Завтра утром – Вы получите статью о "Современнике"*. – Рецензия Г. на "Современник. № XI. Ноябрь" (см. примеч. 2 к письму Погодину от 26–27 ноября 1851 г. – № 70).

[2] ... *заменить повесть графини?* – Речь идет о романе графини Е.П. Ростопчиной "Счастливая женщина"; в "Москвитянине" (1851, № 23) уже было опубликовано начало, но продолжения не последовало; о цензурных гонениях на роман см. Б XI. С. 367–373.

[3] ... *ткните мой рассказ...* – О каком своем произведении пишет Г. – неизвестно, может быть, "Нерешенный вопрос".

[4] *Новый поэт расхвалил "Адама Адамыча"...* – Повесть М.Л. Михайлова (Москвитянин. 1851. № 18, 19–20) похвалил И.И. Панаев в статье "Заметки нового поэта о русской журналистике. Ноябрь. 1851" (Современник. № 12. Отд. VI. С. 152–153; ц. р. 6 декабря).

[5] ... *дневник барышни: "Он"*. – Очевидно, имеется в виду рассказ М.Л. Михайлова "Он (Из дневника уездной девушки)", который появился в № 6 "Москвитянина" за 1852 г. (с. 54–75).

75. М.П. ПОГОДИНУ

Конец декабря 1851

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 16–17 об.

Впервые опубликовано (только окончание): *Б* XI. С. 397–398. См. также *Материалы*. С. 132 (№ 31).

Дата определяется приблизительно, по содержанию: письмо написано до января 1852 г., вероятно, в последние дни декабря.

[1] ... *не нынче-завтра – жена моя родит...* – Судя по письму Г. к Погодину от 3 января 1852 г. (№ 77) сын Александр родился 2 января 1852 г. (умер в 1898 г.). См. также примеч. 1 к письму Погодину от 19 января 1852 г. (№ 80).

76. М.П. ПОГОДИНУ

1851 ⟨?⟩

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 11.

Датируется условно.

[1] *Младший Островский...* – Младший брат А.Н. Островского, очевидно, Михаил.

1852

77. М.П. ПОГОДИНУ

3 января 1852

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 1–1 об.

[1] ... 2 *янв⟨аря⟩... родила сына*. – См. примеч. 1 к письму Погодину от конца декабря 1851 г. (№ 75).

78. М.П. ПОГОДИНУ

8 января 1852

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 2.

В подлиннике год проставлен ошибочно – 1856. Датируется по указанию на оригинальную трактовку Лермонтова, которая содержалась именно в статье, названной в примеч. 1. Г. отдает дань уважения Лермонтову, но считает, что его герои во главе с Печориным, взятые не из русской жизни, а из западных образцов, и вообще метод устарели, а первое место в русской литературе теперь занимает Гоголь.

[1] *Вот Вам статья*... – "Русская литература в 1851 году. Статья вторая" (Москвитянин. 1852. № 2. С. 13–28; ц. р. 15 января).

79. М.П. ПОГОДИНУ

Начало января 1852

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 18.

Дата определяется приблизительно, по содержанию: именно за октябрь, ноябрь и декабрь 1851 г. Г. напечатал в "Москвитянине" статьи и рецензии в 4, 5 листа (73 страницы). Праздник, упомянутый в письме, мог быть или Рождество-Святки (до 7 января) или Масленица (4–10 февраля); последняя вряд ли возможна: из январских публикаций (23 стр. статей и рецензий и 46 стр. перевода "Вильгельма Мейстера" Гёте) Г. упоминает (без указания, что опубликовано) лишь "Вильгельма Мейстера". Поэтому наиболее вероятно, что письмо написано в конце праздничных дней около Нового Года.

[1] ... *записка ко мне*... – Записка Погодина неизвестна.

80. М.П. ПОГОДИНУ

19 января 1852

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 4–4 об.

Впервые опубликовано (частично): *Лакшин В*. Александр Николаевич Островский. М., 1976. С. 203–204.

[1] ... *многоуважаемый кум*... – Погодин, судя по его дневнику, крестил у Г. сына Александра 16 января 1852 г. (см. *Материалы*. С. 383).

[2] ... *составление этой самого меня измучившей статьи...* – Речь идет о третьей статье цикла "Русская литература в 1851 году" (см. примеч. 1 к письму Погодину от 20 января 1852 г. – № 81).

81. М.П. ПОГОДИНУ

20 января 1852

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 3.

В подлиннике цифра "15" в дате письма вписана другими чернилами и, возможно, другой рукой на том месте, где Г. обычно ставит число. Так как по смыслу (работа над статьей и ее завершение – см. примеч. 1) данное письмо следует непосредственно за письмом от 19 января (и учитывая, что Погодин стал "кумом", т.е. крестным отцом сына Г., 16 января), следует считать вписанное число "15" ошибкой и датировать письмо 20 января (приходилось на воскресенье).

[1] ... *сказано, как я хотел.* – Имеется в виду статья "Русская литература в 1851 году. Статья третья" (Москвитянин. 1852. № 3. С. 53–68; ц. р. 1 февраля 1852 г.).

82. М.П. ПОГОДИНУ

27 января 1852

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 24.

Датируется по содержанию и непосредственной связи с письмом от 28 января. В комментируемом письме Г. обещает послать конец рецензии на "Библиотеку для чтения" "завтра" и 28 января выполняет свое обещание (см. следующее письмо – № 83).

[1] ... *что можно сказать о "Библиотеке" до отдела "Смеси"*. – Г. отправил Погодину обзор "Библиотеки для чтения", не успев отрецензировать "Смесь". О "хвостике" обзора, посвященном "Смеси", Г. говорит в следующем письме. Рецензия Г. на "Библиотеку для чтения. Январь. 1852" была напечатана в "Москвитянине" (1852. № 3. Отд. V. С. 88–94).
[2] ... *"Письма Иногородного Подписчика"...* – Полное название статьи А.В. Дружинина: "Письма Иногороднего Подписчика о русской журналистике".

83. М.П. ПОГОДИНУ

28 января 1852

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 5–5 об.

[1] ... *хвостик статьи о "Библиотеке"*. – См. примеч. 1 к предыдущему письму (№ 82).
[2] ... *четвертую статью о литературе...* – Последняя, четвертая статья обзора "Русская литература в 1851 году" напечатана в № 4 "Москвитянина" за 1852 г. (С. 95–108; ц. р. 19 февраля).
[3] ... *потом надобно написать большую статью о театральном полугодии...* – "Летопись московского театра. А. Григорьева. Обозрение зимней поры (сезона)" появилась в № 8 "Москвитянина" за 1852 г. (Отд. VII. С. 141–158; ц. р. 15 апреля).
[4] ... *начало статьи об "Отелло" и продолжать.* – Статья неизвестна.

84. М.П. ПОГОДИНУ

Декабрь 1851 – январь 1852

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 6.

Датируется условно, по связи с письмом Погодину от 25 или 26 февраля 1852 г. – № 89 (упоминание статьи о Гейне – см. примеч. 2).

[1] ... *Ерунду, не похожую на повесть или рассказ...* – Неизвестно, о каком произведении Г. идет речь. Возможно, это рассказ "Нерешенный вопрос" (см. примеч. 4 к письму Краевскому от 4 мая 1849 г. – № 38).

[2] ... *конец статьи о Гейне...* – Судя по письму Г., написанному 25 или 26 февраля 1852 г. (№ 89, см. примеч. 6), статья предназначалась для серии о "Современных поэтах, драматургах и повествователях". В этой серии были напечатаны статьи о Мюссе (Москвитянин. 1852. № 12–14) и о Мериме (Там же. 1854. № 11). Статья о Гейне опубликована гораздо позже, в "Русском слове" (1859. № 5).

85. М.П. ПОГОДИНУ

4 февраля 1852

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 20–20 об.

Дата упомянута в тексте письма.

[1] ... *в отношении к статье.* – Речь идет о четвертой статье обзора "Русская литература в 1851 году" (см. примеч. 2 к письму Погодину от 28 января 1852 г. – № 83).

[2] ... *с Митей...* – Может быть, Д. Калошиным.

86. М.П. ПОГОДИНУ

8 февраля 1852

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 6–6 об.

Впервые опубликовано (частично): *Б* XII. С. 210–211. См. также *Материалы*. С. 135 (№ 36).

Год написания письма устанавливается по содержанию (см. примечания). В 1852 г. 8 февраля приходилось на пятницу. В автографе цифра "8" проставлена другими чернилами и, возможно, другой рукой; написана перед словом "февр.".

[1] ... *несмотря на Масляницу...* – Масленица в 1852 г. закончилась 9 февраля.

[2] *Окончил... свою бесконечную статью... вывод сохранился в целости.* – В конце статьи "Русская литература в 1851 году" (см. примеч. 2 к письму Погодину от 28 января 1852 г. – № 83) Г. впервые заявил о том, что в пьесе А.Н. Островского "Бедная невеста" прозвучало "новое слово" (пьеса появилась в том же номере, что и окончание статьи Г., см. следующее примеч.).

[3] *Раз напечатанная... перестает быть достоянием партии.* – "Бедная невеста" Островского впервые была напечатана в № 4 "Москвитянина" за 1852 г. и почти одновременно (во второй половине февраля) вышла отдельным изданием.

[4] ... *Вы же один из первых... поклонились Гоголю в свое время.* – Действительно, Погодин один из первых выступил в печати с восторженным отзывом о творчестве Гоголя: *М.П.* Письмо из Петербурга (Московский наблюдатель. 1835. Март. Кн. 2. Отд. VII. С. 445).

87. М.П. ПОГОДИНУ

12 февраля 1852

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 10–10 об.

Впервые опубликовано (частично): *Б* XII. С. 89. См. также *Материалы*. С. 135 (№ 37).

[1] ... *исключить выходку против "Денщика"*. – "Денщик" – историческая драма Н.В. Кукольника в 5 д., в стихах ("Сын отечества". 1852. № 1, 2) в Москве впервые поставлена 15 января 1852 г. См. примеч. 2.

[2] *Вспомните "Телеграф" и "Руку Всевышнего"*. – Речь идет о статье Погодина "По два слова историку и поэту", которая появилась в "Москвитянине" (1852. № 4. Отд. VIII. С. 106–110). Цензор Д.С. Ржевский одобрил статью 19 февраля. В ней Погодин возмущается пренебрежительными строками Кукольника в драме "Денщик" о Петре I и перечисляет основные заслуги Иоанна IV и первых царей Романовых (с. 110). Напоминание Г. истории с драмой Кукольника "Рука Всевышнего отечество спасла" (1834) и отзывом о ней Н. Полевого в "Московском телеграфе" (1834. № 3), в результате которого журнал был запрещен, было вполне оправдано. А.В. Никитенко записал в дневнике 20 апреля 1852 г.: «Погодина велено отдать под надзор полиции за статью, напечатанную в "Москвитянине" на пьесу Кукольника "Денщик", и за то еще, что он выпустил пятый нумер своего журнала с черным бордюром на обложке, по случаю смерти Гоголя» (*Никитенко А.В.* Дневник. В 3-х томах. Л., 1955. Т. 1. С. 350).

[3] *Не надейтеся на князи и на сыны человеческия*. – Пс. 145. 3.

88. М.П. ПОГОДИНУ

Около 19 февраля 1852

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 8–9 об.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 136 (№ 38).

Датируется приблизительно, по содержанию: написано вскоре после того, как Г. сдал в печать последнюю статью из обзора "Русская литература в 1851 году" (ц. р. № 4 "Москвитянина" 19 февраля 1852 г.).

[1] *Для статьи о Кукольнике...* – Статья Г. о Н.В. Кукольнике появилась почти год спустя как рецензия на "Библиотеку для чтения. № 1" (Москвитянин. 1853. № 3. Отд. V. С. 121–142; ц. р. 1 февраля).

[2] ... *с последнею статьею...* – Возможно, последняя – четвертая – статья обзора "Русская литература в 1851 году" (см. примеч. 2 к письму Погодину от 28 января 1852 г. – № 83).

89. М.П. ПОГОДИНУ

25 или 26 февраля 1852

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 21–22.

Впервые опубликовано (частично): *Б* XII. С. 221–222. См. также *Материалы*. С. 136 (№ 39).

Датируется по содержанию: письмо написано до 4 марта, так как в нем говорится о посылке начала рецензии на "Библиотеку для чтения" (см. примеч. 1). Поскольку Г. обещает прислать окончание статьи в четверг (в 1852 г. до 4 марта приходился на 28 февраля), письмо могло быть написано в понедельник или вторник до 28 февраля, т.е. 25 или 26.

1 *... начало статьи о "Библиотеке"... что сказано о стихах г. Долина или Сушкова...* – Рецензия на "Библиотеку для чтения 1852 года. № 2, февраль" была напечатана в "Москвитянине" (1852. № 5. Отд. V. С. 35–30; ц. р. 4 марта). В ней Г. пишет о стихотворении Долина "Амур-игрок" (с. 36–37); о стихах Н.В. Сушкова ничего нет (или не осталось).

2 *... вся статья будет мерою в лист печатный...* – В рецензии Г. 15 страниц, т.е. около листа.

3 *... в статье моей я настроил только крыльца?* – Речь идет о серии статей "Русская литература в 1851 году" (Москвитянин. 1852. № 1–4).

4 *... Филиппов сделает это при разборе "Современника"...* – С 1852 г. "Современник" стал рецензировать в "Москвитянине" Т.И. Филиппов.

5 *... насчет средств изучения... для меня важно.* – Г. попросил Погодина помочь ему достать все книжки "Библиотеки для чтения" (см. предыдущее письмо, № 88).

6 *... моих "Современных поэтов, драматургов и повествователей", т.е. Гейне и Мюссе...* – В "Москвитянине" Г. удалось напечатать только статьи о Мюссе, в № 12–14 за 1852 г. Статья о Гейне появилась значительно позднее, в "Русском слове" (1859. № 5).

90. М.П. ПОГОДИНУ

28 февраля 1852

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29, Л. 23.

Датируется по содержанию: окончание рецензии на "Библиотеку для чтения" Г. обещал послать "в четверг" (см. предыдущее письмо – № 89): до 4 марта четверг приходился на 28 февраля.

1 *... окончание о "Библиотеке".* – Рецензия на "Библиотеку для чтения 1852 года. № 2, февраль" (см. примеч. 1 к предыдущему письму – № 89).

2 *... статья о Тамарине.* – О М.В. Авдееве и его "Записках Тамарина" (Современник. 1850. № 1, 2) Г. написал еще в рецензии на «"Современник" в 1850 году» (Москвитянин. 1851. № 2. С. 214–226). О романе Авдеева "Тамарин" (СПб., 1852) отдельная статья в "Москвитянине" не появилась.

91. М.П. ПОГОДИНУ

До 18 марта 1852

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 24–25 об.

Впервые опубликовано: *Б* XII. С. 222–223. См. также *Материалы*. С. 132–133 (№ 33).

Датируется приблизительно, по содержанию: 18 марта 1852 г. Л.А. Мей был определен инспектором 2-й Московской гимназии (см. *Материалы*. С. 382) – Г. ошибочно называет ее третьей.

1 *... Инспектор 3-й гимназии Оглоблин...* – В.Н. Аглоблин был инспектором 2-й Московской гимназии.

2 *... на графиню...* – Е.П. Ростопчину.

3 *... на Степана Петровича...* – Шевырева.

92. М.П. ПОГОДИНУ

До 18 марта 1852

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 30. Л. 3.
Датируется по связи с предыдущим письмом (№ 91).

93. М.П. ПОГОДИНУ

До 18 марта 1852

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 30. Л. 4.
Датируется по связи с предыдущими письмами (№ 91 и 92).

94. М.П. ПОГОДИНУ

Начало апреля (до 8) 1852

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 16–17 об. Приписка Г. на об. л. 17 расположена под адресом.

Датируется по содержанию: Г. собирался уезжать в Петербург 8 апреля 1852 г.

[1] ... *на дорогу и на прожитие в Петербурге.* – Г. уехал в Петербург 8 апреля 1852 г. держать экзамен на учителя истории при Штабе военно-учебных заведений (см. *Материалы*. С. 397).

95. Н.Ф. ЩЕРБИНЕ

6 апреля 1852

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. 7019. XXXVI б. 3.
Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 368 (№ 134).
Датируется на основании почтового штемпеля от 7 апреля и того, что 6 апреля в 1852 г. приходилось на воскресенье.

Сохранилось одно письмо Г. к Николаю Федоровичу Щербине, поэту, в начале 1850-х годов близкому к "Москвитянину", хотя и не входящему в круг "молодой редакции". К 1854 г. Щербина порвал с журналом, стал резко враждебно относиться к группе Г. Известны эпиграммы Щербины на Г. и грубо отрицательное стихотворение «После чтения одной "Элегии-оды-сатиры"» (1854), т.е. критика программного стихотворения Г. "Искусство и правда". Г. ответил на нападки Щербины малоизвестной эпиграммой (при жизни Г. и Щербины не опубликована):

Полу-еврей и полу-грек,
Но нежинский, а не милетский,
Скажи, зачем ты злобой детской
Свой юный коротаешь век?

(*Багрий А.В.* Литературный семинарий. I. Баку, 1926. С. 28).

[1] ... *я уезжаю в Петербург...* – См. примеч. к предыдущему письму (№ 94).

96. М.П. ПОГОДИНУ

18 октября 1852

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 11.

Год написания определяется тем, что в 1852 г. Г. часто обращается к Погодину как к куму; кроме того, в № 20 "Москвитянина" (ц. р. 22 октября 1852 г.) появилась заметка о бенефисе С.В. Шумского, которую, очевидно, и предлагает Г. (см. примеч. 1).

[1] ... *известие в имеющий выйдти № "Москвитянина"*. – Речь идет о заметке-объявлении "Бенефис г. Шумского" (Москвитянин. 1852. № 20. Отд. VIII. С. 81–82; возможно текст принадлежит Г-ву). Бенефис состоялся в Большом театре 5 ноября 1852 г. Ставились три пьесы: "Купец-лабазник, или Выгодная женитьба" М.Н. Владыкина; "Где тонко, там и рвется" И.С. Тургенева; "Дилетант 5-ого яруса. Шутка в одном действии с куплетами" М.А. Сомина.

[2] ... *Пров Михайлович...* – Садовский.

97. М.П. ПОГОДИНУ

Конец октября 1852

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 13–13 об.

Датируется приблизительно, по содержанию: написано незадолго до начала ноября 1852 г.

[1] ... *я получаю место в одной школе...* – На какое место здесь рассчитывал Г., неизвестно.

98. М.П. ПОГОДИНУ

13 декабря 1852

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 12–12 об.

Впервые опубликовано (частично, с датой "Март? 1852"; Княжнин ошибся в месяце, прочитав вместо "Редвице" – "Ревизоре"): *Материалы*. С. 367–368 (№ 133).

Датируется на основании пометы, написанной другими чернилами и рукой не Г.: "13. Д.". Возможно, Погодин пометил так дату получения письма. 13 декабря приходилось в 1852 г. на субботу. Статья, о которой идет речь, вероятно, "Русская изящная литература в 1852 году" (опубликована в № 1 "Москвитянина" за 1853 г., ц. р. 9 января).

[1] ... *для статьи о Редвице*. – Статья Г. о О.Ф. Редвице неизвестна.

99. М.П. ПОГОДИНУ

15 декабря 1852

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 14.

Впервые опубликовано (частично): *Материалы*. С. 125 (№ 20).

Датируется по непосредственной связи с предыдущим письмом (№ 98): если письмо о предстоящей "аудиэнции" "во вторник" было написано 13-го, то это письмо – о необходимости увидеться "завтра" – написано в понедельник, 15 декабря. В подлиннике другими чернилами и другой рукой помечено "Д. 15". Возможно, это помета Погодина о получении письма.

[1] *... окончить статью...* – Вероятно, статья "Русская изящная литература в 1852 году" (см. комментарий к предыдущему письму – № 98).

[2] *... О Редвице – пусть во второй номер.* – См. примеч. к предыдущему письму (№ 98).

100. М.П. ПОГОДИНУ

Декабрь (до 20) 1852

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 21–22 об.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 133–134 (№ 34).

Поскольку на обороте письма в адресе обозначено "Его высокородию", оно написано не позже 20-го декабря, когда Погодин был произведен в действительные статские советники (см. *Материалы*. С. 383).

101. М.П. ПОГОДИНУ

Конец 1852

Печатается впервые, по подлиннику: : *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 19.

Датируется условно, на основании ссылки на просьбу, "изложенную в письме" к Погодину; возможно, имеются в виду письма Погодину от 13 и 15 декабря 1852 (№ 98 и 99).

1853

102. М.П. ПОГОДИНУ

23 февраля 1853

Печатается по подлиннику: : *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 30. Л. 1–2 об.

Впервые опубликовано (с ошибочной датой: 25 февраля 1853 г.): *Б* XII. С. 291–293. См. также *Материалы*. С. 137–138 (№ 40).

В дневнике Погодина от 24 февраля 1853 г. записано: "Предосадное письмо от Григорьева – и расстроился" (*Б* XII, 293).

[1] *... с моей статьею о 1-м № "Библиотеки" и о литературе тридцатых годов? – статьею... которая имела... целью показать наше отношение к предшествовавшему.* – Рецензия Г. "Библиотека для чтения. № 1. Январь" (Москвитянин. 1853. № 3) посвящена почти целиком Н.В. Кукольнику и русской литературе 30-х годов.

[2] *... не хотим видеть связи между нами и М.А. Дмитриевым... вследствие того, упомянутых.* – Возможно, Г. имеет в виду фразу, где он перечислял "благородных деятелей на поприще науки и искусства, которые принадлежали к пушкинскому кругу, каковы Вяземский, Дмитриев, Глинка, Плетнев, Одоевский, покойный Языков, Хомяков, Шевырев, Киреевский и некоторые другие, которые доселе еще со славою подвизаются на благородном поприще" ("Библиотека для чтения. № 1. Январь" // Москвитянин. 1853. № 3. С. 123–124).

103. М.П. ПОГОДИНУ

Январь–март 1853

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 29. Л. 15.

Датируется условно, по содержанию: рецензировать "Библиотеку для чтения" Г. начал с 1852 г., но в том году Г. интенсивно, без "апатии" работал; в 1853 г., до смерти И.Т. Кокорева (июнь), Г. публиковал обзоры журнала в "Москвитянине" (№ 3, 5, 7; ц. р. № 7–2 апреля 1853 г.). Возможно, однако, что в настоящем письме идет речь о статье Г. "Библиотека для чтения. № 1. Январь" (Москвитянин. 1853. № 3 – см. предыдущее письмо, № 102).

[1] ... *не Сергей Павлович*... – Отзывы о С.П. Колошине см. в письмах Г. к Погодину 1860 г.: около 10 марта (№ 237) и 28 сентября (№ 243).

[2] ... *не Иван Тимофеич*... – Кокорев упомянут в "Моих литературных и нравственных скитальчествах" Г. (*Воспоминания II*. С. 43) и статье "Русская изящная литература в 1852 году". См. о нем "Некролог" Г. (Москвитянин. 1853. № 12; ц. р. 22 июня).

1854

104. М.П. ПОГОДИНУ

Между 11 и 15 января 1854

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 30. Л. 6–7.

Впервые опубликовано (частично): *Б* XII. С. 310. См. также *Материалы*. С. 138–139 (№ 41).

Датируется по содержанию: письмо написано, очевидно, сразу же после отъезда М.Н. Каткова в Петербург (уехал 10 января 1854 г., судя по его письму к Погодину от того же числа – см. *Материалы*. С. 383), но не позднее 15 января, так как сообщая в письме об успехе "известных стихов", т.е. стихотворения "Искусство и правда. Элегия-ода-сатира", Г. имеет в виду хождение произведения в рукописных списках (под названием "Рашель и правда"), без имени автора, которое, конечно, сразу же стало известно в литературных кругах ("говорят уже и с именем автора"); последнее Г. не написал бы, если бы № 2 "Москвитянина" (ц. р. 15 января 1854 г.), где стихотворение появилось (отд. VIII. С. 76–82) за подписью "А. Григорьев", уже вышел из печати.

[1] ... *насчет выхода Каткова*. – Речь идет о желании Каткова бросить "Московские ведомости". Г. мечтал занять это место главного редактора.

[2] ... *газета, имеющая 13000 подписчиков*... – "Московские ведомости", редактором которой в 1850–1855 гг. был Катков, а в 1856–1862 гг. В.Ф. Корш.

[3] *Об известных стихах говорят уже и с именем автора*. – Имеется в виду большое стихотворение Г., направленное против Рашели (см. выше обоснование датировки письма).

105. М.П. ПОГОДИНУ

Середина марта 1854

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 30. Л. 13.

Дата устанавливается условно, на том основании, что в письме скорее всего идет речь о рецензии на "Библиотеку для чтения", опубликованной в № 6 "Москвитянина" за 1854 г.

(ц. р. 24 марта): эта рецензия единственная настолько длинная, чтобы сдавать ее по частям.

[1] *... окончание статьи о "Библиотеке"*. – Вероятно, статья «Взгляд на "Библиотеку для чтения" в прошлом году» (Москвитянин. 1854. № 6. Отд. V. С. 81–112).

106. М.П. ПОГОДИНУ

29 марта 1854

Печатается впервые, по подлиннику: : *РГБ*. Ф. Пог. / III, 27, 33. Л. 3.

[1] *В критике: "Древние грамоты Ряз⟨анского⟩ края*. – "Древние грамоты и акты рязанского края, собранные А.Н. Пискаревым. Издание книгопродавца В.А. Терскова. С.-Петербург. 1854 г. 8° – VIII и 171 с." (Москвитянин. 1854. № 6. Отд. V. С. 53–63; ц.р. 24 марта).
[2] *В журналистике: "Библиотека для чтения"...* – «Взгляд на "Библиотеку для чтения" в прошлом году» (Москвитянин. 1854. № 6. Отд. V. С. 81–112).
[3] *Получить следует 26 р. 24 коп. серебром*. – Помета карандашом, рукой Погодина: "Послать Григорьеву 25".

107. М.П. ПОГОДИНУ

Конец марта 1854

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 30. Л. 10.
Дата определяется условно, на том основании, что письмо написано вскоре после встречи Г. и его отца с Погодиным (о предстоящей встрече идет речь в предыдущем письме – № 106).

108. М.П. ПОГОДИНУ

Около 4 мая 1854

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / III, 27, 33. Л. 4.
Датируется на том основании, что это счет за № 8 "Москвитянина" за 1854 г. (его ц. р. 4 мая).

[1] *Статья от стран⟨ицы⟩ 170 до стран⟨ицы⟩ 188*. – "Библиотека для чтения. Январская, февральская и мартовская книжки" (Москвитянин. 1854. № 8. Отд. V. С. 171–188).

109. М.П. ПОГОДИНУ

13 мая 1854

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 37. Л. 52–53 об.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 360 (п. 11, где оно датируется 1855 г.).
Год устанавливается по содержанию: ц. р. "Москвитянина" с последней рецензией Г. на "Пантеон" (см. примеч. 2) 1 марта 1854 г. Рецензия на "Библиотеку для чтения" за январь, февраль и март опубликована в № 8 "Москвитянина" (ц. р. 4 мая 1854 г.), а рецензия на книги за апрель–июль напечатана только в сентябре 1854 г. (см. примеч. 1). На л. 53 об. почтовый штемпель: "13 ⟨мая⟩".

[1] ... *не доставлены... "Библиотека" за апрель и май...* – Рецензия на "Библиотеку для чтения" за апрель–июль опубликована в "Москвитянине" (1854. № 17; ц. р. 8 сентября).
[2] ... *"Пантеон" за январь, февраль, март, апрель.* – После рецензии, которая появилась в № 5 "Москвитянина" за 1854 г. («"Пантеон". Журнал литературно-художественный, издаваемый Федором Кони. Взгляд на прошлый 1853 год журнала и обозрение 1-й книжки 1854 года»), Г. больше о "Пантеоне" не писал.

110. М.П. ПОГОДИНУ

Начало июня 1854

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 28. Л. 19.

Датируется предположительно по содержанию: статья о П. Мериме напечатана в № 11 "Москвитянина" (ц. р. 15 июня 1854 г.).

[1] *Статья о "Мериме"... четыре листа.* – Статья "Современные лирики, романисты и драматурги. Проспер Мериме. Théâtre de Clara Gazul – suivi de la Jacqerie et de la Famille Carvajai. 1 vol. Paris. 1845. Chronique du règne de Charles IX suivi de la double mépris et de la Guzla. 1 vol. Paris. 1847. Le Faux Démétrius, scènes dramatiques. – Revue des Deux Mondes. 1852. 15 décembre, 6-e livraison" занимает в № 11 "Москвитянина" за 1854 г. (Отд. III. С. 131–152) 22 страницы, т.е. меньше 1 1/2 листов (см. следующее письмо, № 111).
[2] *Статью о Cyprien Robert... статья в "Revue" о Крылове.* – Г. не опубликовал ни статьи о Сиприэне Роберте, ни статьи о Крылове. Статья о Крылове, возможно: *Ch. de Saint-Julien.* Jean Andréevitch Krilof, poète russe (Revue de Deux Mondes. 1852. 1 sept.).
[3] ... *до нового сочинения Мериме: "Le Faux Démétrius... – Mérimée Prosper.* Le Faux Démétrius, scènes dramatiques (Revue des Deux Mondes. 1852. 15 déc).

111. М.П. ПОГОДИНУ

Вторая половина июня 1854

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / III, 27, 33. Л. 5.

Датируется на основании того, что это счет за № 11 "Москвитянина" за 1854 г. (ц. р. 15 июня).

[1] *Статья А. Григорьева. Проспер Мериме* – См. примеч. 1 к письму № 110.
[2] *Статья А.И. Дюбюка.* – "Приезжие музыкальные знаменитости" (Москвитянин. 1854. № 11).

112. М.П. ПОГОДИНУ

28 июня 1854

Печатается впервые, по подлиннику: : *РГБ*. Ф. Пог. / III, 27, 33. Л. 1.
Год устанавливается на основании схожих счетов за тот же год.

113. М.П. ПОГОДИНУ

Июль 1854

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 30. Л. 12–12 об.

Дата определяется по содержанию: “огромная статья”, о которой пишет Г., объемом 50 страниц, имеет авторскую дату: “Июль, 1854”, но была дозволена цензурой только 13 августа (см. примеч. 1). Упомянутое “7-е число”, очевидно, относится к августу.

1 *... огромная статья до сих пор не пущена в ход.* – “Русские народные песни. Критический опыт А. Григорьева. (Посвящается А.Н. Островскому, П.М. Садовскому и Т.И. Филиппову). Статья первая” (Москвитянин. 1854. № 15. С. 93–142; ц. р. 13 августа), датированная июлем 1854 г., вероятно, лежала около месяца.

2 *Другая статья о “Библиотеке” – готова тоже.* – Имеется в виду статья “Библиотека для чтения. Апрель, май, июнь, июль”, напечатанная позже “огромной статьи” (Москвитянин. 1854. № 17; ц. р. 8 сентября).

3 *... статья о гимназии.* – Статья Г. о гимназии неизвестна.

114. М.П. ПОГОДИНУ

6 сентября 1854

Печатается впервые, по подлиннику: : *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 30. Л. 15.

115. М.П. ПОГОДИНУ

Середина декабря 1854

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. /II, 9, 30. Л. 8–8 об.

Впервые опубликовано: *Б* XIII. С. 302–303. См. также *Материалы*. С. 139 (№ 42).

Датируется на том основании, что рецензия на сочинение П.Е. Медовикова напечатана в № 23 “Москвитянина” (ц.р. 22 декабря 1854 г.).

1 *Dimidium animae meae...* – Цитата из Горация (Оды. Кн. 1. Ода 3).

2 *... позвольте статье о Медовикове явиться в том виде, в каком я желаю... готов подписать под нею имя и фамилию.* – Статья Г. “Историческое значение царствования Алексея Михайловича. Сочинение П. Медовикова. Москва. 1854 года” появилась в № 23 “Москвитянина” за 1854 г. без подписи Г., с тремя примечаниями (на с. 91, 97, 98), тоже не подписанными.

1855

116. М.П. ПОГОДИНУ

21 января 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 31. Л. 1–4.

Впервые опубликовано: *Б* XIV. С. 226–230. См. также *Материалы*. С. 140–143 (№ 43).

Дата устанавливается на основании записи в дневнике Погодина от 21 января 1855 г.: «Приятн⟨ое⟩ письмо от Гр⟨игорьева⟩ об участии в “Моск⟨витянине⟩”» (*Материалы*. С. 384).

Письмо написано в пятницу ("явлюсь к Вам... завтра, т.е. в субботу вечером"); в 1855 г. 21 января – пятница.

1 ... *Александр Николаевич...* – Островский.
2 ... *с гнусной... статьей Тихонравова...* – Статья «"Мелочи из запаса моей памяти" Мих. Дмитриева» Н.С. Тихонравова (Отечественные записки. 1854. № 1. Отд. III. С. 1–20).
3 ... *с подлейшей статьей Дудышкина о Гоголе...* – Имеется в виду рецензия С.С. Дудышкина на книгу П.А. Кулиша "Опыт биографии Н.В. Гоголя. Сочинение Николая М*. СПб., 1854" (Отечественные записки. 1854. № 11. Отд. III. С. 1–34).
4 ... *с двумя пошлейшими и бесстыднейшими статьями в "Записках" и "Современнике" о труде Берга.* – Обе рецензии на "Песни разных народов" Н.В. Берга (1854) написаны Н.Г. Чернышевским: Современник. 1854. № 11. Отд. III. С. 1–32; Отечественные записки. 1854. № 12. Отд. IV. С. 53–59.
5 ... *выходя из первого представления новой драмы Островского...* – Премьера драмы "Не так живи, как хочется" состоялась 3 декабря 1854 г. в московском Малом театре.
6 ... *в статьях гг. Любецких, Пановских и иных...* – С.М. Любецкий – автор поверхностных очерков о московской жизни (например, обширной статьи в 4 частях: "Московские старинные и новые гулянья и увеселения" // Москвитянин. 1854. № 18–20). Н.М. Пановский вел в "Москвитянине" рубрику "Заграничные известия".
7 ... *напишу большую вступительную статью.* – Возможно, эта статья вышла под названием "О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене" в № 3 "Москвитянина" за 1855 г. (ц. р. 11 марта).
8 *Новая драма должна быть напечатана в "Москвитянине".* – Драма А.Н. Островского "Не так живи, как хочется" была напечатана в "Москвитянине", № 17-18, который появился в середине ноября 1855 г.

117. М.П. ПОГОДИНУ

29 января 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 31. Л. 5–6.

Впервые опубликовано: *Б* XIV. С. 230–231. См. также *Материалы*. С. 143–144 (№ 44).

Дата устанавливается на основании непосредственной связи с предыдущим письмом (от 21 января 1855 г. – № 116), а также записью в дневнике Погодина от 29 января 1855 г.: "Григ⟨орьев⟩ о журн⟨але⟩" (*Материалы*. С. 384).

1 ... *о напечатании "Не так живи, как хочется"...* – См. примеч. 8 к предыдущему письму (№ 116).
2 ... *но даже если напечатает отдельно...* – Драма "Не так живи, как хочется" в 1855 г. отдельным изданием не выходила.
3 ... *"Бедность не порок" вышла отдельно...* – Пьеса А.Н. Островского "Бедность не порок" была опубликована отдельным изданием в 1854 г. (Москва, типография В. Готье; ц. р. 23 декабря).
4 ... *автор "Мечтателя"...* – В. Лихачев (рассказ опубликован: Москвитянин. 1854. № 13, 14).

118. М.П. ПОГОДИНУ

6 февраля 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 31. Л. 7–8 об.

Впервые опубликовано (частично): *Б* XIV. С. 231–232. См. также *Материалы*. С. 144 (№ 45). Исправления и дополнения: *ТГУ 306*. С. 355 (п. 2).

1 ... *насчет печатания его драмы...* – В предыдущем и настоящем письмах Г. писал, как И.С. Тургенев и Д.В. Григорович добивались, чтоб А.Н. Островский отдал пьесу А.А. Кра-

евскому, т.е. в "Отечественные записки", и как вели переговоры с Островским Н.А. Некрасов и И.И. Панаев от имени "Современника" (см. *Коган Л.Р.* Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. М., 1953. С. 62, 64), тем не менее "Не так живи, как хочется" была напечатана в № 17-18 "Москвитянина" в середине ноября 1855 г.

2 *... к известному Вам окружному посланию.* – Очевидно, имеется в виду неизвестный нам ранний вариант программного труда Г. «Окружное послание о правилах отношений критики "Москвитянина" к литературе русской и иностранной, современной и старой». Более поздний вариант "послания" (после 22 марта 1855 г.) опубликован: Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 98. 1960. С. 227–229.

3 *... за страшную дрянь, за "Ветерана-Новобранца"?* – "Ветеран и новобранец" А.Ф. Писемского опубликован в "Отечественных записках" (1854. № 9. Отд. I. С. 97–122).

4 *Земля велика и обильна, а наряду в ней нет.* – Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871. С. 11.

5 *... для иллюстраций "Ночного"...* – "Ночное (летняя сцена из русского быта)" М.А. Стаховича напечатано было в № 3 "Москвитянина" за 1855 г. (ц. р. 11 марта).

119. М.П. ПОГОДИНУ

17 февраля 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 31. Л. 9–12.

Впервые опубликовано (частично): *Б* XIV. С. 241–243. См. также *Материалы*. С. 145–146 (№ 46). Исправления и дополнения: *ТГУ 306*. С. 356 (п. 3).

1 *Порцию статьи об Островском... листа по два в каждый.* – Статья Г. "О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене" напечатана в "Москвитянине" (1855. № 3. С. 97–118) (1 1/3 листа); вторая статья была запрещена цензурой. Впервые опубликована: *Спиридонов В.* "О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене. Статья 2-я" // Ежегодник петроградских гос. театров, 1918–1919. Пг., 1922. С. 157–196. Третья и четвертая статьи, по-видимому, написаны не были.

2 *... статья о них поспеет тоже к 3-му №.* – Рецензия на "Библиотеку для чтения. Январь и февраль" опубликована в № 3 (с. 119–132) и 4 (с. 107–128) "Москвитянина" за 1855 г.

3 *... две недурные повести (Григоровича и Михайлова)...* – Повесть Д.В. Григоровича "Свистулькин" (Библиотека для чтения. 1855. № 1. С. 1–108) и повесть М.Л. Михайлова "Изгоев" (Там же. № 2. С. 109–142). Г. посвятил всю вторую часть рецензии на "Библиотеку для чтения" (см. предыдущее примеч.) исключительно повести Григоровича "Свистулькин".

4 *... превосходнейшая поэмка Мея: "Цветы".* – Почти вся первая часть рецензии на "Библиотеку для чтения" (см. примеч. 2) посвящена поэме Мея (с. 123–132).

5 *... о Берге... поспеет скоро.* – Статья о Н.В. Берге неизвестна.

6 *... по старому распределению...* – См. распределение рецензий между сотрудниками журнала (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 98. 1960. С. 221–226).

7 *Комедию Дрианского буду слушать вместе с Островским завтра!* – Речь идет о чтении "Комедии в комедии" Е.Э. Дрианского, возможно, автором (опубликована в № 6 "Москвитянина" за 1855 г.; ставилась на сцене только в СПб. в апреле и мае 1856 г.).

8 *... преподавая предмет для меня чуть что не отвратительный...* – Г. занимал место старшего учителя законоведения.

9 *... как Любим Торцов...* – Герой пьесы Островского "Бедность не порок", которого Г. идеализировал как истинно русский тип.

10 *... тогда были у меня три места и уроки до 8 часов вечера!* – Г. преподавал в Воспитательном доме, в 1-й Московской гимназии и в пансионе. См. перечень его занятий в письме к Погодину, написанном между 21 и 28 мая 1851 г. (№ 52).

[11] *Назябся уж я, наголодался уж я...* – Ср. у Островского, в речи Любима Торцова "Назябся уж я, наголодался" ("Бедность не порок", д. 3, явл. 15).

120. М.П. ПОГОДИНУ

Около 22–24 февраля 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 37. Л. 41.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 357 (п. 4).

Датируется приблизительно, на том основании, что пьесу А.Н. Островского Погодин купил в понедельник, 28 февраля (см. *Б* XIV. С. 232; см. также следующее письмо, № 121).

[1] ... *продолжение статьи.* – Вторая статья об Островском, запрещенная цензурой (см. примеч. 1 к предыдущему письму – № 119).

[2] *Я привезу пьесу.* – "Не так живи, как хочется" (см. примеч. 8 к письму Погодину от 21 января 1855 г. – № 116).

[3] ... *комедию Дрианского.* – См. примеч. 7 к предыдущему письму (№ 119).

[4] ... *статья Дементьева...* – Статья неизвестна.

121. М.П. ПОГОДИНУ

Около 25–26 февраля 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 37. Л. 44–45 об.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 357 (п. 5).

Дата определяется на основании дневниковой записи Погодина от 28 февраля (понедельник) о покупке, по инициативе Г., пьесы Островского "Не так живи, как хочется" (*Б* XIV. С. 232).

[1] *Островский... поправил драму.* – "Не так живи, как хочется" (см. примеч. 8 к письму Погодину от 21 января 1855 г. – № 116).

[2] *По нашим условиям...* – См. письмо Г. к Погодину от 21 января 1855 г. (№ 116).

122. М.П. ПОГОДИНУ

28 февраля 1855

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / III, 27, 33. Л. 7.

123. М.П. ПОГОДИНУ

Февраль 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 31. Л. 13–16.

Впервые опубликовано (частично): *Б* XIV. С. 365–366. См. также *Материалы*. С. 149–150 (№ 48). Исправления и дополнения: *ТГУ 306*. С. 357–358 (п. 6).

Датируется весьма приблизительно: в подлиннике неизвестной рукой (Погодина?) карандашная помета "1855. Февр.".

124. М.П. ПОГОДИНУ

Конец февраля – начало марта 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 30.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 355 (п. 1).

Дата определяется по содержанию и непосредственной связи с письмом от 17 февраля 1855 г. – № 119 ("Порцию статьи об Островском... сдал в типографию"). Первая статья об Островском опубликована в № 3 "Москвитянина" (ц. р. 11 марта 1855 г.). Возможно, что "предсмертное состояние цензуры" означает надежду на ее уничтожение после смерти Николая I 18 февраля 1855 г.

125. М.П. ПОГОДИНУ

Начало марта 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. /II, 9, 37. Л. 54–54 об.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 358 (п. 7).

Датируется условно, на том основании, что начало рецензии на "Библиотеку для чтения", о которой, может быть, идет речь, опубликовано в "Москвитянине" с датой ц.р. 11 марта 1855 г. (см. примеч. 1).

1 *... получаете не всю статью о "Библиотеке", а начало.* – Очевидно, речь идет о первой части рецензии на "Библиотеку для чтения. Январь и февраль" ("Москвитянин". 1855. № 3).

2 *Статью доставить не замедлю.* – Вторую часть рецензии на "Библиотеку для чтения. Январь и февраль" ("Москвитянин". № 4; ц.р. 31 марта).

126. М.П. ПОГОДИНУ

Около 19 марта 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 31. Л. 17.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 359 (п. 8).

Дата определяется на том основании, что Вербная суббота в 1855 г. приходилась на 19 марта. Неизвестной рукой (Погодина?) в подлиннике карандашная помета: "1855/III".

1 *... совсем свежи.* – Здесь в подлиннике следует 2 1/4 густо вычеркнутых строки, которые читаются: "Если ж до пятницы Страстной буду выпытать ⟨?⟩ деньги...".

127. М.П. ПОГОДИНУ

20–22 марта 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*, Ф. Пог./II, 9, 31. Л. 21–21 об.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*, С. 359 (п. 9).

Дата определяется приблизительно, на том основании, что Страстной четверг в 1855 г. – 24 марта.

1 *... до Фоминой – а на дворе праздник...* – Г. имеет в виду приближающуюся Пасху (27 марта 1855 г.); Фомина неделя – следующая после Пасхальной, в 1855 г. она начнется с воскресенья 3 апреля.

128. М.П. ПОГОДИНУ

27 марта 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. Пог. /I1, 9, 31. Л. 18–18 об.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306.* С. 359 (п. 10).
Дата определяется по содержанию: Воскресение Христово в 1855 г. – 27 марта.

1 ... *оконченный отдел ее представлю... в понедельник.* – Возможно, речь идет о второй статье "О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене", которая была запрещена цензурой (см. примеч. 1 к письму Погодину от 17 февраля 1855 г. – № 119).
2 ... *представить Вам...одного из...членов...Владыкина.* – В это время М.Н. Владыкин уже был помолвлен с Л.Я. Визард (*Материалы.* С. XXIII), о чем, по-видимому, Г. пока еще не знал: будучи сам в нее влюблен, он здесь еще не смотрит на Владыкина как на соперника.

129. М.П. ПОГОДИНУ

29 марта 1855

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ.* Ф. Пог./III, 27, 33. Л. 9.
Год устанавливается условно: настоящая расписка помещена в единице хранения после расписки, которая имеет дату 28 февраля 1855 г. – № 122.

1 *Neigebauer 1 том...* – Имеется в виду сочинение (на латинском языке) немецкого историка С. Нейгебауэра "История Московской Руси": *Neugebauer Solomon.* Moscovia hoc est, de origine, situ, regionibus, moribus, religione, ac Republ. Moscoviae commentarius. Gedani, 1612.

130. М.П. ПОГОДИНУ

Середина 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 21–26 об.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306.* С. 361–364 (п. 13).
Дата письма определяется весьма приблизительно по содержанию: вероятно, написано между разрушением Севастополя в марте и падением города в конце августа 1855 г.

1 ... *Корша...* – Е.Ф. или В.Ф. Корша.
2 ... *Никита Иванович... обработывал...систему римского права...* – Профессор римского права Н.И. Крылов был талантливым лектором, но за всю жизнь не создал ни одного научного труда. Несмотря на родственные связи (Г. и Крылов были женаты на сестрах Корш), Г. не был близок к своему бывшему профессору, весьма нечистоплотному в нравственном отношении.
3 ... *повапленные гробы...* – окрашенные гробы (Мф. 23.27).
4 ...*басня о "белке, которой прислали в старости целый воз орехов"...* – Имеется в виду басня И.А. Крылова "Белка" (1830).
5 ... *"довлеет бо дневи злоба его"...* – Мф. 6.34. В современном переводе: "довольно для каждого дня своей заботы".
6 ... *Петр Ильич новой драмы Островского.* – "Не так живи, как хочется", которую читали Погодину 27 февраля 1855 г.
7 *Итого: – 5100...* – Г. здесь ошибся, написав 5100 вместо 6100. Соответственно следующие "итого" должны быть увеличены на 1000 р.

131. М.П. ПОГОДИНУ

5 или 12 августа 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*, Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 32–33 об.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 364–365 (п. 14).

Дата определяется условно, на том основании, что письмо написано до следующего письма (13 августа 1855 г., № 132) и в пятницу (приходилось на 5 и 12 августа).

1 ... "*хоть в маркеры ступай*"... – Слова Вихорева из пьесы А.Н. Островского "Не в свои сани не садись" (1851), д. 3, явл. 2.

132. М.П. ПОГОДИНУ

13 августа 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 37, Л. 38.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 365 (п. 15).

Датируется на том основании, что Успенье празднуется 15 августа и что А.В. Дружинин написал о Пушкине в 1855 г.

1 ... *статья Дружинина о Пушкине*. – "А.С. Пушкин и последнее издание его сочинений" ("Библиотека для чтения". 1855. № 3, 4).

2 ...*дописать мою статью цельно и полно – Бога ради!* – В конце статьи "Замечания об отношении современной критики к искусству" (Москвитянин. № 13–14; ц.р. 27 сентября 1855 г.) Г. хвалит критику Дружинина.

133. М.П. ПОГОДИНУ

Сентябрь 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 31, Л. 22.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 365 (п. 16).

Датируется приблизительно, по содержанию (см. примеч.) и на основании того, что на нем рукой написано "Сентябрь 1855 г.".

1 ...*начал две статьи*... – Возможно, одна из этих статей – "Обозрение наличных литературных деятелей" (Москвитянин. 1855. № 15-16; ц.р. 13 октября).

2 *Нашли же Вы время разъезжать*!.. – Возможно, имеется в виду намерение Погодина отправиться в Николаев, чтобы получить аудиенцию у царя и изложить ему свои планы ближайших преобразований России. (Александр II в сентябре 1855 г. был в Николаеве для свидания с военачальниками: еще шла Крымская война.)

134. М.П. ПОГОДИНУ

17 октября 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 31. Л. 23.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 365 (п. 17).

Датируется по содержанию: упоминаемые Г. именины П.М. Садовского – 12 октября (приходилось на среду в 1855 г.); ответ Г. написан на листке с запиской Погодина: на л. 23 об.

рукой Погодина: "М.г. Аполлону Александровичу Григорьеву"; на л. 24: "Мне нужно вас видеть – прошу вас ныне или завтра. МП. Понед⟨ельник⟩". Понедельник, следующий за 12 октября, приходился на 17 октября.

135. М.П. ПОГОДИНУ

29 октября 1855

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 30. Л. 16.

Датируется на основании того, что внизу на л. 16 другими чернилами и другой рукой (возможно, Погодина) написано "29 О.".

1 *Статья о гимназии...* – Такая статья в печати не появилась.

2 *Писалась большая статья...* – Неизвестно, какая это статья: возможно, о "поэтах-самородках", о которой Г. пишет в статье "Обозрение наличных литературных деятелей" ("Москвитянин". 1855. № 15-16. С. 185) и которая не была напечатана.

3 *Статью о Гоголе...* – Такая статья в "Москвитянине" не печаталась. Скорее всего речь идет об исправлении чьей-то статьи.

136. Н.И. ГРИГОРЬЕВУ

31 октября 1855

Печатается по подлиннику: Гос. архив Ивановской области. Ф. 913. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1–2 об.

Впервые опубликовано (с ошибками): *Розанова Л.А.* К биографии Аполлона Григорьева (из материалов Гос. архива Ивановской области) // Уч. зап. Ивановского гос. пед. института. 1973. Вып. 115. С. 133–137.

Сохранилось лишь одно письмо Г. к дяде, Николаю Ивановичу Григорьеву, пехотному офицеру, не чуждому литературной деятельности (писал стихи и рассказы) и, видимо, оказавшего некоторое влияние на юного Г. Ценные сведения о жизни и деятельности Н.И. Григорьева, основанные на архивных материалах, приведены в указанной статье Л.А. Розановой (с. 134–145). См. также содержательное письмо Н.И. Григорьева к дочери Варваре от начала сентября 1860 г., опубликованное в статье: *Егоров Б.Ф.* Новые материалы об Ап. Григорьеве // Уч. зап. Тартуского университета. Вып. 369. 1975. С. 158–160.

1 *...статья, благодаря опаздывающему всегда "Москвитянину", еще не выходила...* – Возможно, речь идет о рецензии на "Зурну. Закавказский альманах", опубликованной в № 13-14 (ц. р. 27 сентября).

2 *Ваши письма – оттуда...* – Н.И. Григорьев, очевидно, был в действующей армии в Крыму или на Кавказе.

3 *... в Аринках...* – Аринки (Иринки) – деревня близ г. Владимира (входила в Оликовскую волость Владимирского уезда), имение Григорьевых.

137. М.П. ПОГОДИНУ

2 ноября 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 31. Л. 26.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 366 (п. 18).

Для своего письма Г. использовал листки с письмом Погодина, в котором тот пишет (л. 25):, “Вы здоровы и являетесь в гимназии – отчего же не показываетесь ко мне после даже моего призывания и своего обещания. Теряюсь в догадках. Прошу вас непременно пожаловать ко мне до обеда. Середа.” на л. 26 об. рукой Погодина: “М.г. Аполлону Александровичу Григорьеву”. Г. ответил, очевидно, в ту же среду, каким датировано письмо Погодина, и до следующего письма от 9 ноября 1855 г. Среда приходилась на 2 ноября.

138. М.П. ПОГОДИНУ

9 ноября 1855

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 31. Л. 27–28.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 366–367 (п. 19).

[1] *...но возможность эта тянется, как видите, пять месяцев.* – Речь идет о тяжелом финансовом положении Г. и о его попытке продать дом. Только осенью 1856 г., после серии неудач, А.И. Кошелев выручил Г. ссудой (см. письмо Г. к Дружинину от 19 сентября 1856 г., № 156).

1856

139. М.П. ПОГОДИНУ

Около января 1856

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 31. Л. 19–20 об.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 360 (п. 12).
Датируется условно. Судя по словам “нынешних Святок”, письмо написано после Святок 1855–1856 г. На письме карандашная помета неизвестным почерком: “1855/V”.

[1] *... особенно... с спектакля...* – Г. поставил силами воспитанников 1-й гимназии “Не в свои сани не садись”; когда пьеса была поставлена на вечере в честь уходящего в отставку попечителя В.И. Назимова, вышел скандал. См.: *Никольский А.А.* Закулисная хроника. Изд. 2-е. СПб., 1900. С. 210.

140. М.П. ПОГОДИНУ

6 или 13 января 1856

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 32. Л. 1–6 об.
Впервые опубликовано (частично): *Б* XIV. С. 360–363. См. также *Материалы*. С. 147–149 (№ 47, с купюрами). Исправления и дополнения: *ТГУ 306*. С. 367–369 (п. 20).
Дата устанавливается на том основании, что письмо написано после выхода № 1 “Русского вестника” за 1856 г., а также благодаря указанию в приписке на завтрашнюю субботу (пятница в первой половине января 1856 г. приходилась на 6 и 13).

[1] “*И ближние мои далече от меня стаху!..*” – Пс. 37.12.
[2] *...проэкт циркуляра ко всей братьи.* – См. письма от 21 и 29 января 1855 г. (№ 116, 117) и примеч. 2 к письму от 6 февраля 1855 г. (№ 118).

[3] *...неудобозабываемый...* – Николай I.

[4] *...Ваши послания к нему.* – Во время Крымской войны Погодин отправлял политико-публицистические письма-статьи Николаю I. Многие из них были затем изданы автором – см. *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874.

[5] *...как в соловьевской статье...* – Имеется в виду статья С.М. Соловьева "Древняя Россия" (Русский вестник. 1856. Т. 1. Кн. 1. С. 11–31).

[6] ... *"лиси язвины имуть и птицы гнезда, Сын же Человеческий не имать где главу подклонити"*. – Лк. 9.58. В оригинале – "птицы небесныя".

[7] ... *Евгений...* – Вряд ли Г. имеет в виду дядю своих детей (Евгения Корша), а скорее всего Евгения Эдельсона, заботы которого потом стали раздражать Г. (см. письмо Погодину от 30 января – 13 февраля 1861 г. – № 257).

[8] *...какую важность в отношении ко всему последующему имел этот факт*! – Намек на разногласия и конфликты между членами "молодой редакции" "Москвитянина" (наиболее откровенно Г. сказал о них в письме к Е.Н. Эдельсону от 13 ноября 1857 г. – № 191). Возможно, имеется в виду и история публикации стихотворения Г. "Искусство и правда", когда Погодин, зная о негативном отношении к стихотворению в славянофильских кругах, не решался печатать его; опубликовав же (Москвитянин. 1854. № 2), он в № 3 поместил две грубые эпиграммы М.А. Дмитриева на это стихотворение.

[9] *...Хлобуева...* – Хлобуев – персонаж 2-го тома "Мертвых душ" Н.В. Гоголя.

[10] ... *"всякое стремление рано или поздно, благодатию или чудом Божьим – получает себе выход"*. – Такая фраза в сочинениях и письмах Гоголя не обнаружена, но сходные его мысли известны. См., например, в его письме к Н.М. Языкову от 21 марта (2 апреля) 1844 г.: "Все стремится к тому, чтобы привести человека в то светлое состояние..."

[11] *Что приходил взыскать погибших Он.* – Ср. Пс. 9.13.

[12] ... *"Просите, дастся вам"*. – Мф. 7.7.

141. М.П. ПОГОДИНУ

Около 14 февраля 1856

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 27–29.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 369–370 (п. 21).

Дата определяется на основании упоминания февральского номера "Современника" (ц.р. 31 января и 5 февраля), вышедшего в свет 9 февраля 1856 г., и записи в дневнике Погодина (см. примеч. к след. письму – № 142).

[1] *...кому бы этот отзыв ни принадлежал – Тургеневу, Дружинину или иному кому...* – Отзыв принадлежал Н.А. Некрасову в коллективной статье (вместе с В.П. Боткиным и Н.Г.Чернышевским) "Заметки о журналах" (Современник. 1856. № 2. Отд. V. С. 211–213; ср. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 9. С. 375–378).

[2] ... *за что они прежде надо мною глумились.* – См. высказывания Н.Г. Чернышевского о критике и о "странных обольщениях" Г. в рецензии на "Бедную невесту" (Современник. 1854. № 5. Отд. IV. С. 14–15) и в "Очерках гоголевского периода русской литературы" (Современник. 1856. № 1. Отд. III. С. 28). Ср. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 232–233; т. 3. С. 44.

[3] *...форма статей в виде писем к Тургеневу, человеку...ко мне оказывающему много симпатии.* – Г. осуществил идею о статье в форме писем к Тургеневу только через четыре года: см. «После "Грозы" Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу» (Русский мир. 1860. № 5, 6, 9, 11).

[4] ... *как Вы известному лицу.* – Имеются в виду письма Погодина к Николаю I (см. примеч. 4 к предыдущему письму – № 140).

[5] ... *предложенной мною программы...* – Программа, представленная Г. Погодину 22 января 1856 г., и условия, представленные в феврале, но не принятые Погодиным, напечатаны: Б XIV. С. 363–365; см. также: *Материалы.* С. 312–313 (автограф в *РГБ.* Пог./II, 27, 29).

[6] ... *так в последней – позорится несчастный С.П. Шевырев.* – Имеется в виду вторая статья Чернышевского из серии "Очерки гоголевского периода русской литературы" (Современник. 1856. № 2), которая начинается с обсуждения критики Шевырева (см. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч., М., 1947. Т. 3. С. 43–45).

[7] *Статью "об эклектизме" доставлю скоро.* – Такая статья неизвестна. С конца 1855 г. Г. в "Москвитянине" больше не печатался.

142. М.П. ПОГОДИНУ

Около 15 февраля 1856

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. Пог./II, 9, 37, Л. 46–48 об.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306.* С. 371–372 (п. 23).

Датируется по содержанию, непосредственной связи с предыдущим письмом и на основании дневниковой записи Погодина от 15 февраля 1856 г. о получении от Г. "нового досадного письма" (см. примеч. 1 к следующему письму – № 143).

143. М.П. ПОГОДИНУ

Вторая половина февраля 1856

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. Пог./II, 9, 32. Л. 7.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306.* С. 373 (п. 26).

Датируется приблизительно, по непосредственной связи с двумя предыдущими письмами – № 141 и 142 (см. также записи в дневнике Погодина – примеч. 1).

Для своего письма Г. использовал лист с письмом неизвестного лица: "М.г. Аполлону Александровичу Григорьеву. От Захарова коррект⟨ура⟩ не получена, дома благополучно, кланиются" (л. 7 об.).

[1] ...*что нашли Вы дерзкого в моих предшествующих письмах.* – См. записи в дневнике Погодина от февраля 1856 г.: «14. Предосадительное письмо от взбалмошного Григорьева, и "Москв⟨итянин⟩", кажется, надо бросить. 15. Новое досадн⟨ое⟩ письмо от дурн⟨ого⟩ Григор⟨ьева⟩» (*Материалы.* С. 384).

144. М.П. ПОГОДИНУ

Конец февраля 1856

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 17–18.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306.* С. 370–371 (п. 22).

Датируется приблизительно, на основании упоминания 1 марта.

[1] ... *окончательно заключимте и подпишемте наши условия...* – Имеется в виду составленный Г. официальный документ – "Условие" сотрудничества Г. и Погодина по изданию "Москвитянина" (см. примеч. 5 к письму, написанному около 14 февраля – № 141).

145. М.П. ПОГОДИНУ

Начало марта 1856

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 50–51 об.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 372–373 (п. 24).
Датируется приблизительно, с учетом намерения Г. «о начатии “Москвитянина” с апреля».

[1] ***О подписании ...условий, предоставляя Вам даже изменить их в том или другом пункте.*** – См. примеч. 5 к письму, написанному около 14 февраля 1856 г. (№ 141) и примеч. к предыдущему письму (№ 144). Подписание “Условия” не состоялось.

146. М.П. ПОГОДИНУ

Середина марта 1856

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 34–34 об.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 375 (п. 25).
Датируется приблизительно, по содержанию (упоминание апреля) и по связи с другими письмами марта 1856 г.

[1] ***... в проэкте программы, который, надеюсь, стоит статейки.*** – Эта новая программа неизвестна; вероятно, она представляла собой более расширенный вариант программы, представленной Погодину 22 января 1856 г. (см. письмо, написанное около 14 февраля 1856 г. – № 141, примеч. 5).

147. А.И. КОШЕЛЕВУ

25 марта 1856

Печатается по тексту первой публикации, где напечатано с датой “25 марта 1856 г.”: *Колюпанов Н.* Биография А.И. Кошелева. М., 1892. Т. 2. С. 260–261. См. также *Материалы*. С. 150–152 (№ 49).
Местонахождение автографа неизвестно.

Единственное известное письмо Г. к Александру Ивановичу Кошелеву, одному из создателей и руководителей журнала “Русская беседа”, характеризует начальный период существования этого журнала, первый номер которого появился именно в 1856 г. Славянофильская редакция сама пригласила Г. к сотрудничеству, но не согласилась на его ультимативные требования безраздельно господствовать в критическом отделе. Участие Г. в журнале ограничилось статьей “О правде и искренности в искусстве” (1856. Т. 3). Письмо ценно не только четким изложением социальной и эстетической программы, отличающей Г. от славянофилов, но и сообщением о возможных переговорах с Кошелевым (может быть, вообще со славянофилами) относительно редактирования “Москвитянина”. Вполне вероятно, что эти переговоры Г. вел без согласования с Погодиным.

148. В.П. БОТКИНУ

26 апреля 1856

Печатается по подлиннику: *ГМТ*. Ф. В.П. Боткина. П. 2. Инв. № 60707. Л. 1–4 об.
Впервые опубликовано: Голос минувшего. 1922. № 1. С. 129–131.

Сохранилось три письма Г. к Василию Петровичу Боткину, критику и очеркисту: данное, важное идеологическое приложение к нему (№ 149), а также небольшое письмо от 3 сентября 1856 г. (№ 155). К убежденному западнику, коим Боткин был в 1840–1850-х годах, Г. относился с изрядной долей отчуждения и иронии, но ценил его любовь к искусству и к идеалистической философии. В 1856 г. произошло их временное сближение: Боткин как москвич оказался посредником в переговорах Г. с владельцами "Современника" Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым. В "Кратком послужном списке на память моим старым и новым друзьям" (1864) Г. так охарактеризовал этот эпизод: «"Современник" начал заискивать Островского – и, как привесок, – меня, думая, что поладим. Факты. Наехали в Москву Дружинин и Панаев. Боткин (дотоле враг, оттоле приятель) свел меня с ними» (*Воспоминания II*. С. 309). Но нормативные требования Г. не были приняты редакцией "Современника"; сотрудничество ограничилось публикацией поэтических переводов Г., а не его критических статей, однако знакомство с Боткиным после этого эпизода продолжалось. В мае–июне 1856 г. Боткин вместе с А.В. Дружининым живет на даче в Кунцеве под Москвой и часто видится с Г. (см. примеч. к письму Дружинину от июля 1856 г. – № 151). В сентябре 1858 г. Г. встречался с Боткиным в Берлине, о чем вспоминал, не называя его имени, в статье "Стихотворения Н. Некрасова" (1862): "Это был не только страстный, но даже сладострастный знаток и ценитель изящного, развивший до крайней чуткости свой от природы тонкий вкус, таявший буквально перед Корреджио; чистейший пантеист ⟨...⟩, сохранивший, несмотря на то, что развился в яром западничестве и в таковом остался, всесторонность русского ума, то есть равно отзывчивый на все прекрасное и великое во всех школах и все ра́вно тонко оценявший, да вдобавок еще сохранивший здравый практический толк и остроумие, несколько ерническое, великорусского купечества, к которому он принадлежал и которого никогда не чуждался, несмотря на свою громадную начитанность и глубокое философское развитие" (*Григорьев Ап*. Литературная критика. М., 1967. С. 476).

[1] *... хоть о "Семейной хронике"...* – Цикл очерков С.Т. Аксакова "Семейная хроника" (1856).

[2] *... ряд статей некоего г. Чернышевского...* – Первые четыре "Очерка гоголевского периода русской литературы" Н.Г. Чернышевского печатались в "Современнике" (№ 12 за 1855 г. и в № 1, 2 и 4 за 1856 г.). Свое отрицательное мнение о первых "Очерках..." Г. сообщил в письме к Погодину, написанном около 14 февраля 1856 г. (№ 141).

[3] *... легкомысленный отзыв о книге, какова, например, книга отца Парфения...* – Имеется в виду опубликованная в "Современнике" (1855. № 10) рецензия Чернышевского на книгу: "Сказание о странствовании и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святые Горы Афонские инока Парфения". В 4-х чч. М., 1856.

[4] *... милые мысли своей диссертации...* – Диссертация Чернышевского – "Эстетические отношения искусства к действительности". СПб., 1855.

[5] *... как один из последних могикан, по удачному выражению тургеневского Лежнева.* – В "Эпилоге" романа И.С. Тургенева "Рудин" (1855).

149. В.П. БОТКИНУ

Конец апреля (после 26) 1856

Печатается по подлиннику: *ГТМ*. Ф. В.П. Боткина. П. 7. Инв. № 61049 и 61050.
Впервые опубликовано: Голос минувшего. 1922. № 1. С. 131–134.
Датируется на основании непосредственной связи с предыдущим письмом к Боткину

(№ 148, от 26 апреля), которое Г. в заключительной фразе называет как "прежнее письмо".

1 ... *в виде книги о. Парфения...* – См. примеч. 3 к предыдущему письму (№ 148).
2 ... *когда игумен Даниил повесил, с позволения Годфрида Бульйонского, у гроба Господня кандило за землю русскую...* – Игумен Даниил, описывая свое паломничество в Святую Землю, подробно рассказывает о том, как он, с разрешения князя Балдвина, поставил "кандило" к гробу Господню (см. Путешествия русских людей по Святой Земле. СПб., 1839. Ч. 1. С. 111–113).
3 ... *во времена Мстиславов...* – Т.е. в XI–XIII вв. при разных князьях Мстиславах: Мстислав Великий (Владимирович), великий князь Киевский; Мстислав Храбрый (Владимирович), великий князь Тмутараканский; Мстислав II Изяславич, князь Волынский и вел. кн. Киевский; Мстислав Удалой (Мстиславич), князь Новгородский и Галицкий; Мстислав Добрый (Романович), великий князь Смоленский; и т.д.

150. М.П. ПОГОДИНУ

Июнь (до 12) 1856

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог/II, 9, 33. Л. 5–6.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 374 (п. 27).

Дата определяется на основании того, что А.В. Дружинин стал редактором "Библиотеки для чтения" в 1856 г. и что 12 июня Погодин уехал за границу на четыре месяца (см. *Б* XIV. С. 567).

1 ... *1-ю полемическую статью...* – Неизвестно, какая это статья. Возможно, Г. начал уже писать статью "О правде и искренности...", которая была опубликована в "Русской беседе" (1856. № 3; ц.р. 25 октября).

151. А.В. ДРУЖИНИНУ

Июль 1856

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 167 (А.В. Дружинин). Оп. 3. Ед. хр. 150. Л. 13–17 об.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 154–157 (№ 51). См. также *Летописи*. С. 97–99.

Дата определяется на том основании, что в письме Г. к А.В. Дружинину от 19 сентября 1856 г. (№ 156) оно упоминается как написанное в "июле", после отъезда Дружинина, который уехал из Москвы в Петербург 15 июня 1856 г., согласно его дневнику (*Дружинин А.В.* Повести. Дневник. М., 1986. С. 395).

Сохранилось 7 писем Г. к Александру Васильевичу Дружинину, писателю, критику, журналисту западнического направления. Несомненно, что и Г. и Дружинин имели представление о творчестве друг друга еще с конца 1840-х годов, но поскольку они находились в противоположных общественных лагерях, то и отзывались друг о друге почти одинаково негативно, правда, с уважением к таланту (сводку обоюдных высказываний см. в кн.: *Григорьев Ап.* Полн. собр. соч. Пг., 1918. Т. 1. С. 320–321 (примеч. В.С. Спиридонова), и в примеч. П.С. Попова: *Летописи*. С. 99). Отношение друг к другу изменилось после личного знакомства, состоявшегося, согласно дневниковой записи Дружинина, 2 мая 1855 г. (*Дружинин А.В.* Повести. Дневник. С. 335). Дружинин, став редактором журнала "Библиотека для чтения" с 1856 г., пригласил Г. к сотрудничеству; оно состоялось, о чем и повествуют письма Г.

Особенно интенсивно общались Г. и Дружинин в мае–начале июня 1856 г., когда последний находился в Москве и на подмосковной даче в Кунцеве, которую снимал В.П. Боткин (см. примеч. к письму от 26 апреля 1856 г. – № 148). Судя по дневнику Дружинина, Г. неод-

нократно приходил к ним на дачу, принимал их у себя в городе, водил их в трактиры и в еще более злачные места, делал безуспешные попытки организовать осмотр монастырей и соборов (см. *Дружинин А.В.* Повести. Дневник. С. 391–394). На даче велись продолжительные беседы и споры; 18 мая 1856 г. в них принял участие Л.Н. Толстой (см. примеч. 10 к письму от 19 сентября 1856 г. – № 156). Дружинин записал 30 мая 1856 г.: «Вечером являются Григорьев и Эдельсон. Глубокомысленные беседы и водка. Сила воли. Деизм, атеизм и православие. "*Нюхание высокого*". Славяне у нас ночуют» (*Дружинин А.В.* Повести. Дневник. С. 393). В последующие годы отзывы Г. о Дружинине стали более сдержанными, но не враждебными. Сохранились не все письма Г. к Дружинину (последнее известное – от 22 марта 1857 г., № 162). Так, 29 сентября 1858 г. Дружинин писал А.Н. Островскому: "От Ап. Григорьева я получил письмо, пополненное всякого недоразумения, – кажется, он совсем погиб и проку от него никакого не будет" (*Летописи*. С. 106).

[1] ... *"Сна"* ... – Имеется в виду осуществленный Г. перевод комедии Шекспира "Сон в летнюю ночь", который был опубликован Дружининым через год (Библиотека для чтения. 1857. № 8. С. 195–266; ц.р. 31 июля).
[2] ... *"Статьи о Парфении"* ... – Такая статья Г. в печати неизвестна, хотя он вполне мог бы ее написать, так как высоко ценил "Сказание о странствовании...инока Парфения" (см. примеч. 3 к письму от 26 апреля 1856 г. – № 148). Об этой книге Дружинин писал Тургеневу 19 сентября 1858 г., что только "поврежденный" Г. и "московские ханжи" оценили эту "великую поэтическую фантасмагорию, переданную оригинальнейшим художником на оригинальнейшем языке" и ее автора – "высокий талант" на уровне Гоголя (Тургенев и круг "Современника". М., 1930. С. 217).
[3] ... *"не вольнодумною химерой юности"* ... – Слова Чичикова из "Мертвых душ" Гоголя (т. 1, гл. 7).

152. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

Конец июля 1856

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 1205 (Е.Н. Эдельсон). Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1–4.
Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 152–154 (№ 50).
Датируется по содержанию: обсуждаются, как и в предыдущем письме, попытки заложить дом.

Сохранилось 12 писем Г. к литературному критику Евгению Николаевичу Эдельсону, хотя их должно было быть значительно больше: Эдельсон, еще ранее Г. вместе с А.Н. Островским и Т.И. Филипповым создавший в 1850 г. ядро "молодой редакции" "Москвитянина", стал в москвитянинский период Г. самым близким его другом; Г. очень ценил его статьи, хотя и иронизировал над некоторой рационалистичностью товарища, над увлечением психологией немецкого ученого Ф.Э. Бенеке, эмпирика, предтечи позитивистов. Попытка Эдельсона в 1859 г., в самый неподходящий момент, журить Г. за безалаберную жизнь, за уход от семьи (а "незаконная" жена Г., М.Ф. Дубровская, была в это время тяжело больна после родов, в доме царили холод и голод) вызвало озлобление Г., отразившееся и в его письмах (см. письмо Погодину от 30 января–13 февраля 1861 г. – № 257), и в художественном творчестве (поэма "Вверх по Волге"). Однако их приятельские отношения сохранились до смерти Г. О жизни и творчестве Эдельсона см.: *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л., 1991. С. 264–302.

[1] .... *выражаясь словами Чичикова, не на вольнодумной химере юности.* – См. примеч. 3 к предыдущему письму (№ 151).
[2] ... *А⟨лександру⟩ Н⟨иколаевичу⟩*... – А.Н. Островскому.
[3] *Документов, пожалуйста, не затеряй.* – При письме документов нет.

153. Н.В. ГЕРБЕЛЮ

Август 1856

Печатается впервые, по подлиннику: *РГИА*. Ф. 777. Оп. 2. 1857 г. Д. 61. Л. 17.

Датируется на следующем основании: письмо находится в архиве вместе с письмами, отправленными в интервале от 30 июня по 9 августа 1856 г. другими участниками предполагаемого издания 9-томного собр. соч. Шиллера в переводе русских писателей, под ред. Н.В. Гербеля (СПб., 1857–1861). Хотя письмо подписано именем А. Григорьева и содержание соответствует его манере и стилю, оно написано и подписано чужим почерком (может быть, в связи с болезнью глаз Г. мог в это время лишь диктовать письма?).

Данное письмо Г. к поэту и издателю Николаю Васильевичу Гербелю является единственным. Гербель, вероятно, не очень высоко ценил Г. как переводчика: из трех переводов Г. из Шиллера (см. примеч. 1) он включил только один, "Тайну воспоминания" (Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов. СПб., 1857. Т. 1. С. 142–144), возможно, потому, что других переводов этого стихотворения тогда не было. Издавая в 1860-х годах (совместно с Н.А. Некрасовым) 4-томное собрание соч. Шекспира, Гербель включил все три драмы, в свое время переведенные Г. ("Сон в летнюю ночь", "Венецианский купец", "Ромео и Джульетта"), в переводах других поэтов. Впрочем, при издании русского Гёте Гербель включил четыре стихотворения в переводе Г.: "Песня художников", "Певец", "Божественное", "Молитва Парии" (*Гёте*. Собр. соч. в переводах русских писателей, изданных под ред. Н.В. Гербеля. СПб., 1878. Т. 1. Лирические стихотворения и поэмы. С. 23–24, 39–40, 68–70, 394–395).

1 *Мои переводы из Шиллера, хоть отчасти и грехи молодости, да так и быть.* – Известны три григорьевских перевода произведений Шиллера: "Надежда" ("Hoffnung"); опубл. в "Стихотворениях Аполлона Григорьева" (СПб., 1846. С. 47–48); "Текла, голос духа" ("Thekla"); опубл. в "Московском городском листке" (1847. № 247. С. 989); "Тайна воспоминания" ("Des Geheimnis der Reminiscenz (An Laure)", опубл. там же (№ 258. С. 1033).

2 ... *не отстану от Мина, Миллера, Дмитриева и Шевырева...* – Письма к Гербелю от Дмитрия Мина (14 июля), Ф. Миллера (9 июля), Мих. Дмитриева (12 июля) и С.П. Шевырева (9 августа) того же 1856 г. также извещают о желании участвовать в издании (см. то же дело, л. 3–14).

154. А.В. ДРУЖИНИНУ

Август (после 13) 1856

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 167 (А.В. Дружинин). Оп. 3. Ед. хр. 150. Л. 18–19 об.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 157–158 (№ 52). См. также *Летописи*. С. 100.

Датируется по сопоставлению фразы Г. «Дрианский послал Вам "Квартет"» с письмом Е.Э. Дриянского к Дружинину от 13 августа 1856 г., при котором была послана ему повесть "Квартет" (*Летописи*. С. 119–120).

1 *"Сна" отделываю пятый акт и начал введение: оно будет листа в два печатных... вопросы.* – Перевод Г. комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь" появился с предисловием переводчика: "Письмо к А.В. Дружинину, по поводу комедии Шекспира: "Сон в летнюю ночь" и ее перевода. (1856 год)» (Библиотека для чтения. 1857. № 8. С. 182–194).

2 ... *статья попадает в октябрьскую, а не в сентябрьскую книжку.* – Статья Г. о кн. "Сказание о странствовании... инока Парфения" (см. примеч. 3 к письму от 26 апреля 1856 г. – № 148) остается неизвестной.

3 ... *Тургенева прозевал...* – Г. не удалось повидать И.С. Тургенева, когда тот был проездом (на пути из Спасского в Петербург, перед отъездом за границу) в Москве между 12 и 14 июля 1856 г. и два дня провел у В.П. Боткина в Кунцеве. См. письмо Тургенева к А.В. Дружи-

нину от 20 июля 1856 г. (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 2. М.; Л., 1961. С. 378).

[4] ... *ходил в Берлюковскую пустынь.* – Николаевская-Берлюковская пустынь Богородского у. Московской губ.

[5] *Дрианский послал вам "Квартет"*. – 13 августа 1856 г. Е.Э. Дриянский послал Дружинину повесть "Квартет", которая была опубликована только в 1858 г. (Библиотека для чтения. № 9, 10).

[6] ... *помещением в серьезном журнале горевской комедии.* – «Сцены из представления в пяти действиях "Сплошь да рядом"» Д.А. Горева-Тарасенкова были опубликованы в "Отечественных записках" (1856. № 7). В 1856 г. Горев заявил о своем до тех пор негласном соавторстве с А.Н. Островским в написании комедии "Свои люди – сочтемся!" (в действительности Горев был соавтором Островского лишь в нескольких ранних черновых сценах комедии). Островский отвергнул претензии Горева.

[7] "*Si votre enfant est né boiteux, ne lui faites pas des jambes de bois*". – В примечании к изданию 1832 г. "Собора Парижской Богоматери" В. Гюго объяснил, почему не изменил текст первого издания романа: "Votre drame est né boiteux? Croyez-moi, ne lui mettez pas de jambe de bois".

[8] *"Паныча"*... – Повесть Е.Э. Дриянского "Лихой сосед" напечатана в "Библиотеке для чтения" (1856. № 11).

155. В.П. БОТКИНУ

3 сентября 1856

Печатается впервые, по подлиннику: *ГМТ*. Ф. В.П. Боткина. П. 2. Инв. № 60708. Л. 1–1 об.

[1] ... *первый том Шеллинга...* – *Schelling F.* Sämtliche Werke, 2-te Abt., Bd. 1. Stuttgart und Augsburg, 1856. В нем – "Введение в философию мифологии", фразы из которого Г. употребил как эпиграф к своей статье "Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства" (Библиотека для чтения. 1858. № 1. Отд. V. С. 1). В мемуарных очерках "Мои литературные и нравственные скитальчества" (1862–1864) Г. отметил, что книгой Шеллинга его снабдил именно Боткин: «...Один из добрых старых могиканов, знаменитый Дон Базилио Педро, прислал в утешение только что вышедший вступительный том в "Философию мифологии" Шеллинга. Приехать благородный Дон побоялся, потому что я был болен запоздавшей оспой, но книгу прислал с запиской и в записке, между прочим, упоминал, что он уже нюхал и что хорошо как-то пахнет...» (*Воспоминания II*. С. 45).

[2] ... *пождите еще дня с два, пока сыпи и следов не останется, и приезжайте!* – 9 октября 1856 г. Боткин писал А.В. Дружинину: "Григорьева давно не видал, – но какие он себе сочинил славянофильские костюмы – удивление! Он – велик. Кроме щегольского зипуна носит он какую-то поддевку с голубыми плисовыми отворотами, – чорт знает что такое. У него было что-то вроде оспы, и поэтому я не был у него" (*Летописи*. С. 50).

156. А.В. ДРУЖИНИНУ

19 сентября 1856

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 167 (А.В. Дружинин). Оп. 3. Ед. хр. 150. Л. 1–4.
Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 158–159 (№ 53). См. также *Летописи*. С. 101–102.

[1] ... *несмотря на язву эпитета.* – Судя по окончанию письма и по следующему письму (№ 157), Дружинин назвал Г. "беспутным".

[2] ... *со вступлением на трон.* – Имеется в виду назначение Дружинина редактором "Библиотеки для чтения".

[3] ... *большую статью, которую Вы и прочтете в третьем нумере "Беседы"*. – "О правде и искренности в искусстве, по поводу одного эстетического вопроса. Письмо к А.С. Х-ву" (Русская беседа. 1856. № 3. С. 1–77).
[4] ... *она уже написана, но я ею недоволен*. – См. примеч. 2 к письму Дружинину от конца июля 1856 г. (№ 151) и примеч. 2 к письму к нему же, написанному в августе (после 13) 1856 г. (№ 154).
[5] *Вопрос о великой книге смиренного монаха*... – См. примеч. 3 к письму Боткину от 26 апреля 1856 г. (№ 148).
[6] ... *в "Беседе" статья об о. Парфении Гилярова появится только в будущем году*. – Статья Гилярова появилась сразу, в "Русской беседе" (1856. № 3. Отд. III. С. 1–45; ц.р. 15 октября).
[7] *Островский приехал*... – 30 августа 1856 г. А.Н. Островский приехал в Москву из Калязина (Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. М., 1953. С. 78).
[8] .... *он в Воробине, а я в Наливках*... – Островский жил в Москве около Серебряных бань, близ церкви Николы, что в Воробине, а Г. – у Спасо-Наливкинской церкви.
[9] ... *Ивану Ивановичу*... – И.И. Панаеву.
[10] ... *мы провели раз препоэтическую ночь в Кунцове и пределах оного*. – В Кунцеве в ту ночь – 18 мая 1856 г. – присутствовал Л.Н. Толстой, в дневнике которого записано: "Дружинина первого встретил в саду, потом Боткина, вечером пришел Григорьев, и мы болтали до 12-ти весьма приятно" (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. в 90 томах. М., 1937. Т. 47. С. 73).
[11] *Алексея Степановича*... – А.С. Хомякова.

157. А.В. ДРУЖИНИНУ

12 декабря 1856

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 167 (А.В. Дружинин). Оп. 3. Ед. хр. 150. Л. 5–6 об.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 160–161 (№ 54). См. также *Летописи*. С. 102–103.

[1] ... *отзыв о нашем направлении*. – Вероятно, статья Дружинина "Военные рассказы графа Л.Н. Толстого. СПб., 1856 г. Губернские очерки Н. Щедрина. – Русский вестник № 16 и 18", где он хвалит А.Н. Островского, А.Ф. Писемского, В.А. Кокорева, С.Т. Аксакова (Библиотека для чтения. 1856. № 12. Отд. V. С. 29–46).
[2] *Статью о Парфении докончу я Великим постом*. – См. примеч. 4 к предыдущему письму (№ 156).
[3] *Предисловие будет в форме письма к Вам, по поводу этой комедии*. – См. примеч. 1 к письму, написанному в августе (после 13) 1856 г. (№ 154).
[4] *Два рода статей задуманы мною для "Библиотеки"*... – Из задуманных Г. статей, о которых он пишет далее, напечатана была только одна статья – "Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства" (в № 1 "Библиотеки для чтения" за 1858 г.; ц.р. 4 января). Не был осуществлен, очевидно, и замысел цикла статей под названием "Письма москвитянина" (см. письмо от 5 января 1857 г. – № 159, и примеч. 3 к нему).
[5] ... *у нас с Вами и Толстым в Кунцове*. – См. примеч. 10 к предыдущему письму (№ 156).
[6] ... *статью одного моего хорошего приятеля, Николая Алексеевича Страхова*. – Статья неизвестна.
[7] *Ткните куда-нибудь в "Библиотеку" прилагаемые при сем стиходеяния, если они не очень дики. Только без моего имени*. – Г. свои стихи в "Библиотеку для чтения", очевидно, не послал, а потому и вычеркнул этот текст.

1857

158. М.П. ПОГОДИНУ

1856 или начало 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 36.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 374 (п. 28).
Датируется условно, по упоминанию собрания сочинений Гоголя (см. примечание).

1 ... *статьею о Гоголе и для сей цели одолжите меня новым изданием его сочинений*... – Неизвестно, какое из двух изданий имеется в виду: одно собрание сочинений Гоголя вышло в 1855–1856 гг. (изд. Н.П. Трушковским), другое – в 1857 г. (изд. П.А. Кулишем). Статья Г. о Гоголе неизвестна.

159. А.В. ДРУЖИНИНУ

5 января 1857

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 167 (А.В. Дружинин). Оп. 3. Ед. хр. 150. Л. 7–8.
Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 161–162, (№ 55). См. также *Летописи*. С. 103–104.

1 ... *начало статьи*... – Речь идет о статье о В.А. Соллогубе (см. письмо к Погодину от 22 января 1857 г. – № 160).
2 *Вы ее будете получать по частям... Через две недели все будет готово*. – Дружинин 17 января 1857 г. в своем ответе на это письмо написал Г., что он получил "начало статьи о Сологубе", т.е. о В.А. Сологубе. Дружинин продолжал: «Но как мы ее будем печатать? У меня на несколько месяцев вперед идет ряд статей Сологуба "Год войны за Кавказом". Я знаю и понимаю, что о Сологубе нельзя говорить очень приветливо; несмотря на многие качества, этот господин заслуживает критики сильной, а между тем есть обстоятельство, по которому я не хочу его трогать даже и тогда, когда печатание его статей кончится. Нападать на Сологуба после "Вестника", "Современника" и т.д. я не могу по одной безумной причине, лежащей в основании моего характера. На него напала *вся* литература, и с этой минуты я скорей соглашусь пустить камнем в своего друга, чем в него. ⟨...⟩ Вы этого не думайте, что тон Вашей статьи мне не нравится. Она чрезвычайно умна, прилична и умеренна; будь я редактором "Современника", я бы смотрел на нее, как на вещь, которую надо принять с радостью. Боткин и предлагает мне это самое, ручаясь, что ⟨...⟩ "Современник" напечатает ее скоро и заплатит исправно. Уведомьте меня, согласны ли Вы на это» (*ТГУ 306*. С. 375, примеч. 2).
3 ... *Вы получите "Первое письмо москвитянина"*... – Ни "Первое письмо москвитянина", ни другие статьи с таким названием неизвестны.
4 ... *по поводу много наделавшего у нас шума диспута молодого ученого Чичерина*... – 21 декабря 1856 г. убежденный "западник" Б.Н. Чичерин защитил магистерскую диссертацию ("Областные учреждения России в XVII веке") перед оппонентами, профессорами славянофильских убеждений: Н.И. Крыловым, В.В. Лешковым и И.Д. Беляевым. Первоначально диссертация не была принята Московским университетом.
5 *"Сном" меня не торопите: чем позднее Вы его получите, тем это будет здоровее*. – Над переводом комедии Шекспира "Сон в летнюю ночь" Г. начал работать еще в 1856 г., а окончил в основном в феврале 1857 г. (см. письмо от 22 февраля 1857 г. – № 161). О публикации см. примеч. 1 к письму от июля 1856 г. (№ 151).
6 ... *экземпляра "Лира"... предисловие всех нас привело в восторг неописуемый*. – Речь идет о дружининском переводе "Короля Лира" Шекспира и об "Этюде" к нему (напечатаны в "Современнике", 1856, № 12). В ответном письме Дружинин писал: «Благодарю за весточку о "Лире" – отдельных экземпляров я еще пока не взял из типографии» (*ТГУ 306*. С. 375, примеч. 2).

[7] *... без статьи об отце Парфении...* – См. примеч. 2 к письму, написанному в августе (после 13) 1856 г. (№ 154).
[8] *... о Василье Петровиче...* – В.П. Боткине.

160. М.П. ПОГОДИНУ

22 января 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 33. Л. 1–2.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 375 (п. 29).

[1] *Из прилагаемого при сем письма Дружинина...* – См. примеч. 2 к предыдущему письму (№ 159), где приведено с сокращениями письмо Дружинина от 17 января 1857 г. Оно напечатано полностью в *ТГУ 306*, с. 375, примеч. 2.
[2] *... распорядитесь статьею в две книжки догорающего... "Москвитянина"*. – Статья о В.А. Соллогубе в "Москвитянине" не была напечатана, и текст ее остается неизвестным.

161. А.В. ДРУЖИНИНУ

22 февраля 1857

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 167 (А.В. Дружинин). Оп. 3. Ед. хр. 150. Л. 9–10 об.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 162–164 (№ 56). См. также *Летописи*. С. 104–105.

[1] *... многолетний (хотя не постоянный) труд, кончил по душе, как хотел*. – Речь идет о переводе Г.: «"Сон в летнюю ночь", комедия Шекспира»; опубликован только в августе (Библиотека для чтения. 1857. № 8. С. 195–266; ц.р. 31 июля). В этом же номере журнала были напечатаны примечания Г. к его переводу (с. 266–274).
[2] *... перевод "Лира"*. – См. примеч. 6 к письму от 5 января 1857 г. (№ 159).
[3] *Вступительную же этюду... через две недели*. – Вступительная статья Г. к переводу в виде «Письма к А.В. Дружинину по поводу комедии Шекспира "Сон в летнюю ночь" и ее перевода», датированная 20 марта 1857 г., была напечатана в № 8 "Библиотеки для чтения" за 1857 г. (с. 182–194).
[4] *Я не отвечал Вам ничего насчет предложения о помещении статьи о Соллогубе в "Современнике"...* – См. примеч. 2 к письму Дружинину от 5 января 1857 г. (№ 159).
[5] *... Василий Петрович...* – В.П. Боткин.
[6] *Еще статья, и большая, мною пишется...* – Возможно, речь идет о статье Г.: "Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства. (Посвящено А.Н. Майкову)", которая появилась только через 10 месяцев (Библиотека для чтения. 1858. № 1; ц.р. 4 января).
[7] *... дело об Островском и Гореве, дело о "Беседе" и... переводе "Лира"*. – О претензии Д.А. Горева-Тарасенкова к соавторству с Островским в пьесе "Свои люди – сочтемся!" см. примеч. 6 к письму, написанному в августе (после 13) 1856 г. (№ 154); о полемике между только что появившимся славянофильским журналом "Русская беседа" и "Русским вестником" см. в кн.: *Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. М., 1929. С. 172–173; в письме к Тургеневу от 25 января 1857 г. Дружинин написал, что А.А. Краевский обвинил его в том, что он "сдал весь свой ничтожный хлам", т.е. "Короля Лира", в "Современник" (Тургенев и круг "Современника". М., 1930. С. 205).
[8] *... комедию Островского Вы скоро прочтете в 1 № "Беседы"*. – Комедия "Доходное место" (Русская беседа. 1857. Т. 1. Кн. 5. С. 5–116).
[9] *... прелесть маленькая в "Современнике"...* – Пьеса Островского "Праздничный сон – до обеда, картины из московской жизни" была напечатана в "Современнике" (1857. № 2. С. 273–311).

[10] ... *статьи о Писемском и Тургеневе.* – Статьи Дружинина "Очерки из крестьянского быта Писемского" и "Повести и рассказы Тургенева" напечатаны в "Библиотеке для чтения" (1857. № 1 и 2).

162. А.В. ДРУЖИНИНУ

22 марта 1857

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 167 (А.В. Дружинин). Оп. 3. Ед. хр. 150. Л. 11–12.
Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 164 (№ 57). См. также *Летописи*. С. 106.

[1] *Статья будет мое... литературное исповедание.* – Возможно, статья Г. "Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства. (Посвящено А.Н. Майкову)" (см. примеч. 6 к предыдущему письму – № 161).
[2] ... *статьею о Мериме...* – Какая это статья – неизвестно. Возможно, Г. обрабатывал свою статью о Мериме "Современные лирики, романисты и драматурги. Проспер Мериме", которая появилась в "Москвитянине" еще в 1854 г. (№ 11. С. 131–152).
[3] ... *Филатыча...* – Так сокращенно звали А.Ф. Писемского.

163. М.П. ПОГОДИНУ

25 марта 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 27. Л. 8–9.
Впервые опубликовано: *ТГУ 358*. С. 354 (п. 36а).

[1] *Слухи здесь – столь противоречивые, что не знаешь, какому духу верить.* – Возможно, слухи об освобождении крестьян.
[2] *Ждал от Вас Петра тщетно.* – Речь идет о трагедии Погодина "Петр I", запрещенной в 1831 г. николаевской цензурой; в 1857 г. Погодин пытался с помощью редакции журнала "Современник", желавшей опубликовать пьесу, провести ее сквозь либеральную цензуру нового царствования, но пьеса все равно была запрещена. Возможно, Погодин предполагал передать пьесу в Петербург при посредничестве Г.
[3] *Пробуду здесь до понедельника Страстной.* – Т.е. до 1 апреля.

164. М.П. ПОГОДИНУ

Около апреля 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 37.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 376 (п. 30).
Датируется весьма приблизительно: это одно из семи писем (№ 164–170), написанных скорее всего весной 1857 г. (до мая) после возвращения Г. в Москву (см. предыдущее письмо, № 163). В них шла речь о продаже или закладке дома и возобновлении "Москвитянина".

165. М.П. ПОГОДИНУ

Около апреля 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 19–19 об. и л. 15–16 об. ("краткая записка" о доме).
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 376 (п. 31).

Датируется весьма приблизительно, на том же основании, что и предыдущее письмо (№ 164).

1 ... *дайте мне уехать*... – В Италию, в качестве учителя молодого князя И.Ю. Трубецкого.
2 ... *к попечителю*... – Попечителем Московского учебного округа в это время был Е.П. Ковалевский.

166. М.П. ПОГОДИНУ

Около апреля 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 13–14.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 377 (п. 32).
Датируется по содержанию и непосредственной связи с предыдущим письмом.

1 ... *о деле, которое Вы начали... не знаю, как благодарить Вас!* – Речь идет, возможно, или о месте учителя в семье Трубецких или о продаже-закладе дома.
2 *Попечитель*... – См. примеч. 2 к предыдущему письму (№ 165).
3 *Директор наш*... – В 1856–1863 гг. директором 1-й Московской гимназии был Г.К. Виноградов.
4 ... *мне прислали чин коллежского асессора*... – "Высочайшим приказом 12 февраля 1857 г." Г. "за выслугу лет произведен в коллежские асессоры со старшинством с 1856 г." (см. "Аттестат" 1860 г. – *Материалы*. С. 336).

167. М.П. ПОГОДИНУ

Около апреля 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 1–10 об.
Впервые опубликовано частично: "Учен. зап. Тартуского гос. ун-та". Вып. 98. С. 198–199. Примеч. 22. См. также *ТГУ 306*. С. 377–380 (п. 33).
Датируется приблизительно, на основании предполагаемой поездки в Италию, издания журнала с июля.

1 *"Лиси язвины имуть и птицы гнезда; Сын же Человеческий не имать где главы подклонити"*. – Лк. 9.58. Ср. в оригинале "птицы небесныя" и "главу подклонити".
2 ... *б*..... – Многоточие в оригинале.
3 ... *К.С. Аксаков торопится извиниться перед Соловьевым за ловкую статью Ярополка!* – Ярополк – С.П. Шевырев. Г. преувеличивает "уважение" славянофилов к западникам, скорее речь должна идти об отмежевании славянофилов от не всегда к ним близкого Шевырева: когда последний, под псевдонимом "Ярополк", опубликовал полемическую статью "Два слова о новой неисторической школе г-на Соловьева" (Молва. 1857. № 5), то К.С. Аксаков, отнюдь не жаловавший исторические труды С.М. Соловьева, вступился за достоинства историка и полемизировал с Шевыревым (*Имрек*. Письма к редактору // Молва. 1857. № 6).
4 *Ив⟨ан⟩ Дм⟨итриевич⟩*. – И.Д. Беляев.
5 ... *втащить в участие Кокорева, ибо этот совсем наш*... – Г. рассчитывал прежде всего на финансовую поддержку В.А. Кокорева, который в это время был дружен с Погодиным.
6 *"Библиотека" печатает... мою статью*... – Речь о статье Г. "Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства. (Посвящено А.Н. Майкову)" (см. примеч. 6 к письму А.В. Дружинину от 22 февраля 1857 г. – № 161).
7 ... *нашему директору*... – Г.К. Виноградову.
8 *Вы писали и пишете послания... великим мира сего... советов Ваших не исполняют*. – Г. имеет в виду пренебрежительное отношение царя и его приближенных к политико-публицистическим письмам-статьям Погодина, которые он отправлял во время Крымской вой-

ны Николаю I, а также к гр. Д.Н. Блудову, гр. А.Д. Блудовой, Я.И. Ростовцеву, Ф.И. Тютчеву; в начале 1857 г. – к кн. А.М. Горчакову. См. *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. См. также примеч. 4 к письму от 6 или 13 января 1856 г. (№ 140).

9 *Борису Николаевичу...* – Б.Н. Алмазову.

168. М.П. ПОГОДИНУ

Около апреля 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 39–40 об.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 380–381 (п. 34).

Датируется по содержанию, на основании непосредственной связи с предыдущими письмами № 164–167.

1 *... при теперешней установленности его в известном отношении подают самую крепкую надежду*. – Возможно, Г. имеет в виду "установленность" Е.Н. Эдельсона против запоя.

2 *За Бориса...* – Б.Н. Алмазова.

3 *... наши старшие...* – Т.е. старшие славянофилы.

169. М.П. ПОГОДИНУ

Около апреля 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 11–12 об.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 381–383 (п. 35).

Датируется по содержанию, на основании непосредственной связи с предыдущими письмами, в которых идет речь о редактировании "Москвитянина".

1 *... рынок и эклектизм...* – Г. понимает "рынок" как низкопробную коммерческую литературу и "эклектизм" как западничество.

2 *Дрианского "Квартет" (на 3 книжки)...* – Повесть Е.Э. Дриянского была напечатана не в "Москвитянине", а в "Библиотеке для чтения" (см. примеч. 5 к письму № 154). Подробности об истории публикации повести см.: *Летописи*. С. 124–125.

3 *Владыкина комедию "Кузнец-Лабазник"...* – Пьеса М.Н. Владыкина "Купец-Лабазник, или Выгодная женитьба" была опубликована в кн.: Драматические очерки М.Н. Владыкина. М., 1857.

4 *... ряд моих статей о всех деятелях, начиная с Соллогуба...* – См. письма Г. от 5 января 1857 г. к А.В. Дружинину (№ 159) и от 22 января 1857 г. к Погодину (№ 160), в которых Г. предлагал статью о В.А. Соллогубе (осталась ненапечатанной).

5 *... Страхов...* – Неизвестный молодой москвич Страхов, возможно Николай Алексеевич.

170. М.П. ПОГОДИНУ

Около апреля 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 37. Л. 42–43 об.

Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 383–385 (п. 36).

Датируется по содержанию и по связи с предыдущими письмами № 164–169.

1 ... *"Athenaeum...* – Французский еженедельник "L'Athenaeum française".

2 ... *"Квартет" Дрианского...* – См. примеч. 2 к предыдущему письму (№ 169).

3 *... Железнова "Очерки казацкого быта"...* – Возможно, эти очерки вошли в книгу И.И. Железного "Уральцы – очерки быта уральских казаков" (1858).

4 ... *"Филогена Питальца"*. – Название неизвестное.

171. М.Н. ПОГОДИНУ

1 мая 1857

Печатается по тексту первой публикации: *Материалы*. С. 368 (№ 135).
Автограф неизвестен.
Год определяется на основании того, что 1 мая приходилось на среду в 1857 г.

172. М.П. ПОГОДИНУ

10 мая 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 33. Л. 10.
Впервые опубликовано: *ТГУ 358*. С. 353 (п. 68).
Дата установлена на том основании, что на письме другой рукой помета: “Май 10”.

1 ... *сильные мира сего*. – Намек на пренебрежительное отношение царя и его приближенных к публицистическим статьям и письмам Погодина. См. примеч. 8 к письму, написанному около апреля 1857 г., № 167. Какой текст сопровождает это письмо, неизвестно.

173. М.П. ПОГОДИНУ

18 мая 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 33. Л. 3–4.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 385 (п. 37).

1 ... *на Тверской в доме Дубицкого*... – Дом был занят гостиницей, принадлежал первой гильдии тверскому купцу Ивану Тимофеевичу Дубицкому: старый его номер 26, а новый – 6 (указано С.К. Романюком).
2 ... *в школу межевых топографов, на Пречистенке в доме Лаврентьева*... – Дом на участке, принадлежавшем “чиновнику 5-го класса Ивану Васильевичу Лаврентьеву”, ул. Пречистенка, № 19 (указано С.К. Романюком).

174. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

1856–июнь 1857

Печатается впервые, по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. PI. Оп. 5. Ед. хр. 132. Л. 33.
Датируется письмо весьма приблизительно: написано, несомненно, до отъезда Г. за границу в июле 1857 г.; возможно, в письме речь идет о спектакле, о котором Г. вспоминает в письме к Протопоповой от 1 сентября 1857 г. (№ 183), т.е. “Маскарад” Лермонтова.

Сохранилось 14 писем Г. к Екатерине Сергеевне Протопоповой; учитывая ее аккуратность, можно предположить, что это – весь комплект; по количеству он занимает третье место в эпистолярии Г., после писем к М.П. Погодину и Н.Н. Страхову. Согласно воспоминаниям Е.Я. Визард (см. *Материалы*. С. 386), Е.С. Протопопова брала уроки французского языка у жены сослуживца Г. по Московскому Воспитательному дому Я.И. Визарда (Г. познакомился с его семьей в 1850 г. – см. *Материалы*. С. XIII) и одновременно учила музыке их дочь Леониду Яковлевну, бывшую предметом долгой и безнадежной любви Г. Протопопова, многолетняя свидетельница этой драматической истории, стала как бы конфиденткой Г., ко-

торой он откровенно описывал свои чувства, идеалы, замыслы. В 1863 г. Е.С. Протопопова вышла замуж за А.П. Бородина, будущего известного химика и композитора.

Откликнувшись на призыв Н.Н. Страхова, собиравшего материалы о Г., Е.С. Бородина прислала ему весь комплект писем Г. к ней; Страхов опубликовал 12 из них, но с большими купюрами (*Страхов II*); эти же письма (с некоторыми восстановленными строками) напечатаны в *Материалах*. В настоящем издании впервые печатается весь комплект писем, без купюр.

175. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

1856–июнь 1857

Печатается впервые, по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. PI. Оп. 5. Ед. хр. 132. Л. 34.
Датируется весьма приблизительно, по связи с предыдущим письмом (№ 174).

[1] ... *Соколовского*. – Возможно, известный гитарист Конрад Соколовский.

176. В ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

7 июня 1857

Печатается впервые, по подлиннику: *РГИА*. Ф. 772. Оп. 1. 1857 г. Д. 4164. Л. 1.

М.П. Погодин приписал к прошению: «Занятый окончанием исторических своих трудов, я не имею времени заниматься редакцией “Москвитянина”, учено-литературного журнала, мною с 1841 ⟨г.⟩ издаваемого, и прошу покорнейше Главное правление цензуры о дозволении поручить оную в следующем 1858 году учителю 1 Московской гимназии коллежскому асессору Аполлону Александровичу Григорьеву. Академик, действительный статский советник и кавалер Михаил Петрович Погодин. 1857. Июнь 8 дня».

В деле имеется запрос товарища министра народного просвещения кн. П.А. Вяземского от 20 сентября (!) в III отделение е. и. в. канцелярии: “... Не встретится ли по делам III Отделения ⟨...⟩ каких-либо препятствий к дозволению...” (л. 10–10 об.) и ответ 23 сентября: “... Не встречается...” (л. 11); 24 октября министр А.С. Норов дал разрешение (л. 14–14 об.).

177. В.Н. ГРИГОРЬЕВОЙ

Конец июня 1857

Печатается по подлиннику: Гос. архив Ивановской области. Ф. 913. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 2.

Впервые опубликовано (с ошибками): *Розанова Л.А.* К биографии Аполлона Григорьева (из материалов Гос. архива Ивановской области) (Учен. зап. Ивановского гос. пед. ин-та. 1973. Вып. 115. С. 149).

Датируется приблизительно, на основании пометы адресата на письме: “Получила 30 июня и ответила 4 июля” (ответ неизвестен). Письмо свидетельствует о том, что до конца июня 1857 г. Г. все еще колебался, едет ли он или нет в Италию.

Сохранилось одно письмо Г. к кузине Варваре Николаевне Григорьевой (постоянно жившей в дер. Аринки близ Владимира), хотя их должно было быть немало: Г., как старший брат, следил за воспитанием и обучением сестры, присылал ей свои статьи. Варвара Нико-

лаевна была образованной девушкой: регулярно читала основные русские журналы, знала немецкий и французский языки, училась музыке у композитора А.И. Дюбюка, друга Г. (по-видимому, она какое-то время жила в Москве). Сведения о ней, а также отрывки из черновиков двух ее писем к Г. (1858–1859) опубликованы в статье Л.А. Розановой (с. 146–148).

1 ... *Вас⟨илию⟩ Андр⟨еевичу⟩ и Анне Серг⟨еевне⟩.* – Неизвестные лица, возможно знакомые соседи.

178. М.П. ПОГОДИНУ

1 июля 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 33. Л. 7–8.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 385 (п. 38).

179. М.П. ПОГОДИНУ

4 июля 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 33. Л. 9.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 386 (п. 39).
Датируется по содержанию: написано не ранее 4 июля (приходится на четверг) 1857 г., когда Г. получил отпуск от 1-й Московской гимназии (см. *Материалы*. С. 337); а в понедельник 8-го, как видно из следующего письма (№ 180), Г. уже был в Петербурге. Следовательно, он уехал из Москвы в субботу, 6 июля.

180. М.П. ПОГОДИНУ

12 июля 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 33. Л. 11–12.
Впервые опубликовано: *ТГУ 306*. С. 386 (п. 40).
Год устанавливается на том основании, что в 1857 г. 12 июля приходилось на пятницу.

181. М.П. ПОГОДИНУ

10 (22) августа 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 33. Л. 13–14 об.
Впервые опубликовано: *Б* XV. С. 339–341. См. также *Материалы*. С. 165–166 (№ 58, с пропусками). Исправления и дополнения: *ТГУ 306*. С. 386–387 (п. 41).

1 ... *безобразие...* – Так Г. называл свою страсть к спиртным напиткам, запой.
2 *Душа моя была совсем разбита и не было в ней ни одного места, которое бы не наболело.* – Речь идет о страстной любви Г. к Л.Я. Визард.
3 "*Да иссохнет десница моя, если я забуду тебя, о Иерусалим*" – Пс. 136.5.
4 ... *угла искать и ездить так далеко.* – Искаженная (нарочито?) цитата из "Горя от ума" А.С. Грибоедова (слова Софьи, д. 1, явл. 5). В подлиннике: "... ума искать...".
5 *Певец любви... что такое слава?* – Слова Алеко из поэмы Пушкина "Цыганы" (1824).

[6] *... княгини...* – Княгиня Леопольдина Юлия Тереза Трубецкая, дочь французского капитана Морена, мать ученика Г., князя Ивана Юрьевича.

182. М.П. ПОГОДИНУ

26 августа (7 сентября) 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 33. Л. 15–16 об.

Впервые опубликовано (с купюрами): *Б* XV. С. 341–344. См. также *Материалы*. С. 166–168 (№ 59, с купюрами). Исправления и дополнения: *ТГУ 306*. С. 387–388 (п. 42).

[1] *... воспитываю молодого князька...* – Князя И.Ю. Трубецкого.

[2] *Б*** – И.Е. Бецкий.

[3] *... остаться при моем костюме...* – Г. очень любил “русский” костюм, который он часто носил в чудаческих вариантах.

[4] *... родится... книга дум под названием: “Друзьям издалека”.* – Этот замысел не был осуществлен, хотя Г. часто о нем писал (иногда с названием “К друзьям издалека”). Возможно, стихотворные части задуманной книги были потом напечатаны. См. письма Г. от 1 сентября 1857 г. к Е.С. Протопоповой (№ 183), Е.Н. Эдельсону от 11 сентября и 16 ноября 1857 г. (№ 184 и 192), А.Н. Майкову от 24 октября 1857 г. (№ 188), М.П. Погодину от 8 ноября 1857 г. (№ 190) и А.А. Фету от 4 января 1858 г. (№ 200).

183. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

1 (13) сентября 1857

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. PI. Оп. 5. Ед. хр. 132. Л. 1–2 об.

Впервые опубликовано: *Страхов II*. С. 153–155 (п. I); *Материалы*. С. 168–171 (№ 60).

[1] *... старца...* – Кого в круге знакомых Г. и Протопоповой назвали “старцем”, неизвестно.

[2] *...отец показал Вам письмо, писанное прямо после дороги.* – Письмо неизвестно; по-видимому, не сохранилось.

[3] *... “К друзьям издалека”.* – Об этой книге см. предыдущее письмо (от 26 августа 1857 г. – № 182), примеч. 4.

[4] *... Florence... poste restante.* – Г. провел два месяца – август и сентябрь – на вилле Трубецких недалеко от города Лукка, после чего он со всей семьей переехал в город Флоренцию в 65 км на восток от Лукки. Возможно, Г. уже пользовался почтовыми услугами Флоренции: следующее письмо (№ 184) отправлено оттуда (см. комментарий к нему).

184. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

11 (23) сентября 1857

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 1205 (Е.Н. Эдельсон). Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 6–7 об.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 171–172 (№ 61, с неточностями).

На конверте (л. 5) почтовый штемпель: “24 Set. 1857. Firenze”.

[1] *Пишу... книжищу “Друзьям издалека”...* – См. письмо к М.П. Погодину от 26 августа 1857 г. (№ 182), примеч. 4.

[2] *... странную поэму, состоящую из сонетов.* – Речь идет о поэме «Venezia la bella. Дневник странствующего романтика. (Отрывок из книги: “Одиссея о последнем романтике”)», которая была напечатана в “Современнике” (№ 12 за 1858 г.).

[3] ... *"что я немец, и у меня есть король в Германии", как гоголевский сапожник Шиллер.* – Сапожник не Шиллер, а Гофман, который говорит: "Я швабский немец; у меня есть король в Германии" (повесть "Невский проспект" Н.В. Гоголя, 1835).
[4] ... *до́мами...* – т.е. duomo, по-итальянски "собор".
[5] ... *Апияннины...* – т.е. Апеннины.
[6] ... *с англичанином...* – Имеется в виду Бель, гувернер кн. И.Ю. Трубецкого.
[7] *Скажи Медведю Прову или Прову Медведевичу...* – П.М. Садовскому.
[8] ...*пожми руку Катерины Алексеевны...* – Жены Эдельсона, Е.А. Эдельсон.
[9] ... *скажи Катерине Иванов⟨не⟩...* – Двоюродной сестре Е.Н. Эдельсона – Е.И. Соколовской.

185. М.П. ПОГОДИНУ

18 (30) сентября 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 33. Л. 17–18 об.

Впервые опубликовано (с купюрами): *Б* XV. С. 344–345. См. также *Материалы*. С. 172–173 (№ 62). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 336 (п. 43).

[1] *Великая весть... сообщил мне об этом.* – Может быть, это известия о докладе "Особого комитета" 18 августа, в котором участвовал вел. кн. Константин Николаевич и который объявил план разделить крестьянскую реформу на три периода. 20 ноября появился известный "рескрипт" Александра II. Священик во Флоренции – П.П. Травлинский.
[2] *Б*** – И.Е. Бецкий.
[3] ... *англичанином...* – Белем.
[4] ... *Макьявелли "Storie Fiorentina".* – "История Флоренции" Макиавелли (Storie Fiorentine. Roma, 1532).

186. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

25 сентября (7 октября) 1857

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. РI. Оп. 5. Ед. хр. 132. Л. 3–4 об.

Впервые опубликовано: *Страхов II*. С. 155–156 (п. II). См. также *Материалы*. С. 173–175 (№ 63).

[1] ... *Мурилловой Мадонны...* – Картина Б.Э. Мурильо, изображающая Богоматерь с Младенцем, выставлена в Галерее Питти во Флоренции.
[2] ... *выпали на долю Островского...* – Такое письмо А.Н. Островскому неизвестно.
[3] ... *черты моей неотвязной мучительницы...* – Картина Мурильо напомнила Г. о Леониде Яковлевне Визард.
[4] ... *обера Беринга.* – См. в письме к Протопоповой от 1 сентября 1857 г. (№ 183) о московском обер-полицмейстере А.А. Тимашеве-Беринге.
[5] ... *рыжую половину души моей...* – Так Г. называл Е.Н. Эдельсона (см. письма к Протопоповой от 1 сентября 1857 г. и к Эдельсону от 11 сентября 1857 г. – № 183 и 184).

187. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

20 октября (1 ноября) 1857

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. РI. Оп. 5. Ед. хр. 132. Л. 5–6 об.

Впервые опубликовано: *Страхов II*. С. 156–158 (п. III). См. также *Материалы*. С. 175–177 (№ 64).

[1] ... *Мадонны Мурильо*... – См. предыдущее письмо (№ 186), примеч. 1.
[2] ... *оперу Верди*: "*Les vêpres siciliennes*"? – Опера Дж. Верди "Сицилийская вечерня" написана в 1855 г.
[3] ... "*Гугенотов*"... – Опера Дж. Мейербера "Гугеноты" (1836).
[4] ... *старец*. – См. примеч. 1 к письму от 1 сентября 1857 г. (№ 183).

188. А.Н. МАЙКОВУ

24 октября (5 ноября) 1857

Печатается впервые полностью, по подлиннику: *ИРЛИ*. 16772. CVII. б. 11.

Опубликовано (в отрывках): *Избр. произв*. С. 566; *Егоров Б.Ф.* Материалы об Ап. Григорьеве из архива Н.Н. Страхова (Учен. зап. ТГУ. 1963. Вып. 139. С. 347).

В настоящем издании публикуется пять писем Г. к поэту Аполлону Николаевичу Майкову, из них четыре были известны ранее, одно (от 18 или 20 мая 1858 г. – № 214) публикуется впервые. Знакомство двух поэтов произошло, возможно, еще в Петербурге в середине 1840-х годов, но более тесная дружба возникла в период "молодой редакции" "Москвитянина", в 1853–1855 гг., когда Майков, прежний западник, стал сближаться с кругом А.Н. Островского–Григорьева. Перед отъездом за границу в июле 1857 г. Г. в Петербурге виделся лишь с И.Ф. Горбуновым и Майковым (см. письмо от 12 июля 1857 г. – № 180). Подробнее об отношениях Г. и Майкова см. *Материалы*. С. 388–389; письма Майкова 1864 г. к жене (*ЛН*. Т. 86. С. 397–398); *Ямпольский И.Г.* Из заметок историка литературы. 3. Молодая редакция "Москвитянина", А.Н. Островский, Ап. Григорьев в письмах А.Н. Майкова к родным (Русская литература. 1992. № 2. С. 81–83).

[1] ... *Ваша отличная барыня и отличная же синьорина*... – Жена Майкова, Анна Ивановна.
[2] ... *написал уже нечто вроде целой книги... не о путешествии*. – О книге Г. см. письмо к Погодину от 26 августа 1857 г. (№ 182), примеч. 4.
[3] ... "*Лукреции Борджиа*"... – Опера Доницетти (1833).
[4] ... *В деревушке A Ponte Moriano*... – Деревня Ponte a Moriano находится в 7 км на север от Лукки.
[5] ... *едва ли Вы сбыли вещь А. де Мюссе*... – По-видимому, речь идет о переводе какого-то произведения А. де Мюссе, но неизвестно какого. Не исключено, что это – переделанная версия статьи 1852 г., которая появилась в 1860 г. в "Драматическом сборнике" (№ 5) под названием "Альфред де Мюссе".
[6] *Сей отрывок потрудитесь продать* (*всего лучше в* "*Современник*")... – Очевидно, Г. послал Майкову свой цикл сонетов (или поэму) «Venezia la bella. Дневник странствующего романтика. (Отрывок из книги: "Одиссея о последнем романтике")», которая была опубликована в "Современнике" только в 1858 г. (№ 12).
[7] ... *напечатан другой* "*лирический дневник*" *из этого романа*. – Речь идет о стихотворном цикле "Борьба", который вскоре появился в "Сыне отечества" (№ 44–49 за 1857 г., ноябрь – декабрь). Примечание о принадлежности цикла к "Одиссее о последнем романтике" впервые появится лишь в 1862 г., при публикации поэмы Г. "Вверх по Волге".

189. М.П. ПОГОДИНУ

27 октября (8 ноября) 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 33. Л. 19–20 об.

Впервые опубликовано (с купюрами): *Б* XV. С. 345–348. См. также *Материалы*. С. 177–180 (№ 65). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 377 (п. 44).

Письмо датировано ст. стилем: день препод. Нестора-Летописца отмечается 27 октября ст. ст.

[1] ... *я целовал в нем те строки, где говорите Вы: "Утро встает, заря занимается..."* – В этом неизвестном письме Погодина, очевидно, шла речь о будущем освобождении крестьян.

[2] ... *как Чичиков с Коробочкой, дó поту лица, до желчи.* – См.: *Н.В. Гоголь.* Мертвые души (т. 1, гл. III).

[3] ... "*удобее есть вельбуду сквозе уши иглиные проити, неже богату внити в царствие небесное*"... – Ср. Мф. 19.24: "удобее есть велбуду сквозе иглине уши проити, неже богату в царствие Божие внити".

[4] ... *в письмах Грановского...* – Имеется в виду публикация писем Т.Н. Грановского в очерке В.В. Григорьева "Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве" (Русская беседа. 1856. № 3. Отд. V. С. 17–46; № 4. Отд. V. С. 1–57). Слово "ёрник" упоминается в коллективном письме Грановского, Н.В. Станкевича и Я.М. Неверова к В.В. Григорьеву от 21 ноября 1837 г. (№ 4. С. 20), однако эта часть письма написана не Грановским, а Станкевичем.

[5] ... "*Пути Черноморцев*"... – В "Русской беседе" статья В.А. Кокорева называется "Путь севастопольцев" (1858. № 1. Отд. IV. С. 77–137). Г., наверное, или читал рукопись или слышал в Москве чтение этого текста.

[6] *В деревне A Ponte Mariano...* – См. примеч. 4 к предыдущему письму (№ 188).

[7] ... "*не у явися, что будем*". – 1 Иоан. 3.2.

190. М.П. ПОГОДИНУ

8 (20) ноября 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. Пог./II, 9, 33. Л. 21–22 об.

Впервые опубликовано: *Б* XV. С. 349–352. См. также *Материалы.* С. 180–183 (№ 66). Исправления и дополнения: *ТГУ 358.* С. 337 (п. 45).

[1] ... *один фёльетончик из Петербурга...* – Петербургский "полусвет" описывался в заметке "Chronique de Saint-Pétersbourg", за подписью: "i" (Le Nord. Bruxelles. 4 nov. 1857).

[2] *Целую книгу исписал я уже мечтами по его поводу и анализом самым бесстрашным...* – Речь идет, возможно, о неосуществленной книге "Друзьям издалека" (см. письмо Погодину от 26 августа 1857 г., № 182, примеч. 4).

[3] "*заря занимается*" – *пишете Вы...* – См. письмо Г. к Погодину от 27 октября 1857 г. (№ 189), примеч. 1.

[4] ... "*дадеся ми пакостник иже пакости ми деет*". – Ср. 2 Кор. 12.7: "дадеся ми пакостник плоти, ангел сатанин, да ми пакости деет, да не превозношуся".

[5] *Будущая статья, которой "Москвитянин" должен начаться, называется: "Всеобщая переверка" – выведет все из Пушкина и все сведет к Пушкину.* – Такая статья неизвестна, однако формула "все из Пушкина" через год и два месяца появилась в несколько измененном виде – "Пушкин наше все" – в статье "Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая. – Пушкин, Грибоедов, Гоголь, Лермонтов" (напечатана в "Русском слове", № 2 за 1859 г.). Оценка Пушкина, данная в настоящем письме, почти дословно повторена в статье Г.

[6] ... *доказывать, что Грановский не был истинный ученый...* – Подразумевается статья В.В. Григорьева "Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве" (Русская беседа. 1856. № 3, 4), где образ Грановского – ученого и человека – намеренно принижался. Это вызвало резкие протесты в печати. См. также: *Никитенко А.В.* Дневник в 3-х томах. М., 1955. Т. 1. 1826–1857. С. 456, 534.

[7] ... *Никита Иванович прав, употребляя equestris.* – В начале 1857 г. шла длительная полемика между близким к славянофилам Н.И. Крыловым (его статьи в "Русской беседе" и

"Молве") и авторами "Русского вестника" (М.Н. Катков, П.М. Леонтьев), в частности, по поводу ошибочного падежа в латинском слове, употребленного Крыловым. (Слово "equestris" – менее употребляемая форма именит. падежа "equester" и обычная форма род. падежа.)

191. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

13 (25) ноября 1857

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 1205 (Е.Н. Эдельсон). Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 8–9 об.
Впервые опубликовано (с неточностями): *Материалы*. С. 183–186 (№ 67).

1 *Глубоко говорит Шеллинг... не проведенной в догматы веры.* – Подобные мысли Шеллинг развивал во вступительном томе к "Философии мифологии", изданном посмертно в 1856 г.
2 ... "*Ныне отпущаеши*". – Лк. 2.29.
3 ... *Борис*... – Б.Н. Алмазов.
4 ... *Тертий*... – Т.И. Филиппов.
5 *Что Писемский соредактором Дружинина*... – 6 октября 1857 г. А.Ф. Писемский написал А.Н. Островскому: «На этих днях со мной совершился важный казус: я вместе с Дружининым делаюсь редактором "Библиотеки для чтения"...» (*Писемский А.Ф.* Письма. М., 1936. С. 110).

192. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

16 (28) ноября 1857

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 1205 (Е.Н. Эдельсон). Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 10–11 об.

Впервые опубликовано (с неточностями): *Материалы*. С. 186–189 (№ 68).

Судя по качеству бумаги и одинаковым сгибам, настоящее письмо было отправлено вместе с предыдущим письмом к Эдельсону от 13 ноября 1857 г. (№ 191).

1 ... *на сем приснопамятном диване*. – В Купеческом клубе в Москве (см. предыдущее письмо – № 191).
2 ... "*чудное далеко*"... – Ср. "чудное, прекрасное далеко" – выражение Н.В. Гоголя из "Мертвых душ" (т. 1, гл. XI).
3 ... *не старой официальной, а новой, в издании Кулиша*... – Под "официальной" перепиской Г., очевидно, подразумевает "Выбранные места из переписки с друзьями" (1847). Издание Кулиша: *Гоголь Н.В.* Сочинения и письма, тт. 5 и 6 (письма). СПб., 1857 – первое издание, содержащее основное эпистолярное наследие Гоголя.
4 ... *почти то же, что Сквозник-Дмухановский говорит Тяпкину-Ляпкину*... – В "Ревизоре" Городничий говорит Аммосу Федоровичу: "Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я, по крайней мере, в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются" (д. 1, явл. 1).
5 ... "*Любим Торцов пьяница – а лучше вас всех!*" – Неточная цитата из пьесы А.Н. Островского "Бедность не порок" (д. 3, явл. 12).
6 ... "*Оно, положим, хоть и весело – да ведь безобразно*"... *спросить бы у Гордея Карпыча*... – Контаминация из двух фраз Гордея Карповича Торцова ("Бедность не порок", д. 1, явл. 7 и д. 3, явл. 8).

[7] “*Не жить мне по вашему – не могу, душно!*” – Источник цитаты не обнаружен. Возможно, говорилось в сценическом исполнении пьесы “Бедность не порок” Любимом Торцовым (д. 3, явл. 15), но в изданном тексте отсутствует.

193. М.П. ПОГОДИНУ

18 (30) ноября 1857

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 33. Л. 23–24 об.

Впервые опубликовано: *Б* XV. С. 103, 352–354. См. также *Материалы*. С. 189–192 (№ 69 и 70). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 338 (п. 46).

Г. допустил ошибку при переводе даты ст. стиля на новый.

[1] ... *статья Ваша в “Норде”... помирила меня с жизнию.* – Имеется в виду письмо Погодина в газете “Le Nord” от 17 ноября 1857 г. (№ 321), посвященное восстанию в английских колониях Индии. Автор возмущался жестокой эксплуатацией индусов и считал, что обвинять надо не только англичан, но и голландцев, испанцев, итальянцев, а также и русских, т.е. Погодин приравнивал Россию к колониальным державам, имея в виду крепостное рабство внутри страны. В конце статьи-письма автор возносил хвалу Александру II и ликовал по поводу “блистательной зари” для русских крестьян: эти строки и примирили Г. с жизнью.

[2] ... *и поп здешний...* – Протоиерей П.П. Травлинский.

[3] *Да! Благ Господь... выслал утро на восток.* – Неточная цитата из стихотворения В.А. Жуковского “Деревенский сторож в полночь” (1816).

[4] ... “*бежит, яко наемник есть*”. – Иоан. 10.13.

[5] ... *боярское, варяжское или татарское – в одном... земское... в третьем и т.д.* ... – Видимо, под “боярским, варяжским или татарским” началом Г. подразумевает славянофилов, под “левитским” (т.е. под кланом священнослужителей) – православных идеологов, под “земским” – народное начало.

[6] ... *в “Одиссее” Жуковского... тоже переводить... “Одиссею”...* – Г. ошибается: Б.И. Ордынский переводил не “Одиссею”, а “Илиаду” (“Илиада” Гомера. Опыт перевода в прозе народным языком. Рапсодии I–XIII // Отечественные записки. 1853. № 1, 2, 3, 5). Одиссей там, впрочем, упоминается как один из героев. Критику перевода “Одиссеи” В.А. Жуковским (за субъективизм, за элементы меланхолии, сентиментализма, христианской морали) см. в рецензиях Ордынского: Отечественные записки. 1849. № 8. Отд. V. С. 1–36; Современник. 1850. № 3. Отд. III. С. 1–16; № 4. Отд. III. С. 27–44. Подробнее о переводах Гомера и полемике вокруг них см.: *Егунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л., 1964.

194. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

24 ноября (6 декабря) 1857

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. PI. Оп. 5. Ед. хр. 132. Л. 7–8 об.

Впервые опубликовано: *Страхов II*. С. 160–162 (п. IV). См. также *Материалы*. С. 192–194 (№ 71).

[1] ... *моим Максимом?* – Речь здесь идет, очевидно, об одном из московских знакомых Г., Максиме Афанасьеве, служащем винной конторы, проповеднике идей Разина и Пугачева (см. *Воспоминания II*. С. 415). О нем см. в письмах Г. к Протопоповой от 3 и 6–7 января и 14 или 15 апреля 1858 г. (№ 199, 201, 210), 26 января 1859 г. (№ 220) и в письме к Погодину от 26 августа – 7 октября 1859 г. (№ 231).

[2] ... *только я на все вопросы ее души отвечу...* – Речь идет о Л.Я. Визард.

195. А.Н. МАЙКОВУ

29 ноября (11 декабря) 1857

Печатается по подлиннику: *ЦНБ*. III. 17102.

Впервые опубликовано: *Егоров Б.Ф.* Материалы об Ап. Григорьеве из архива Н.Н. Страхова (Учен. зап. ТГУ, 1963. № 139. С. 345–347).

[1] ... *твоего письма.* – Письмо Майкова неизвестно.
[2] ... *ты требованиями своими меня поднял.* – По-видимому, Майков писал о цикле сонетов Г. "Venezia la bella", который Г. послал ему с письмом от 24 октября (см. примеч. 6 к этому письму, № 188).
[3] ... "*Прости грехи человека за песни певца*"... – Неточная цитата из стихотворения Л.А. Мея "Не верю, Господи, чтоб ты меня забыл..." (1857). В подлиннике: И Ты простишь грехи раба и человека / За песни Красоте свободного певца.
[4] *Тертий* – Т.И. Филиппов.
[5] ... *твоего краббовского*... – В автографе – примечание, написанное И.П. Матченко: "Георг Крабб, знаменитый английский поэт (1754–⟨18⟩32), создатель реалист⟨ического⟩ направл⟨ения⟩ в англ⟨ийской⟩ литер⟨атуре⟩". Семья И.П. Матченко владела архивом Н.Н. Страхова, которой позднее попал в Публичную библиотеку АН УССР.

196. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

1 (13) декабря 1857

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 1205 (Е.Н. Эдельсон). Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 12–13 об.

Впервые опубликовано (с неточностями): *Материалы*. С. 194–196 (№ 72).

Год устанавливается по содержанию.

[1] ... *на споре за Грановского*... – См. примеч. 6 к письму М.П. Погодину от 8 ноября 1857 г. (№ 190).
[2] ... *на споре за Крылова.* – См. примеч. 7 к письму М.П. Погодину от 8 ноября 1857 г. (№ 190).
[3] ... *издавай десять Хондемиров вместо одного*... – В.В. Григорьев, будучи студентом, перевел труд иранского историка: История монголов от древних времен до Тамерлана, соч. Хондемира. СПб., 1834.

197. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

5(17) декабря 1857

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 1205 (Е.Н. Эдельсон). Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 14–15 об.

Впервые опубликовано (с неточностями): *Материалы*. С. 196–198 (№ 73).

[1] *В статье Крылова есть два элемента: гениальный... и хамский совсем.* – Имеется в виду статья Н.И. Крылова «Критические замечания, высказанные на публичном диспуте в Московском университете 21 декабря 1856 г. на сочинение г. Чичерина "Областные учреждения в России в XVIII в."» (Русская беседа. 1857. № 1, 2; отд. изд.: М., 1857)
[2] ... *Борис*... – Б.Н. Алмазов.

[3] ... *от отца нашего, старца Михаила.* – Т.е. от М.П. Погодина.
[4] ... *ибо сознать – значит... потому Бога живого...* – Г. развивает здесь идеи Шеллинга; ср. письмо к Эдельсону от 13 ноября (№ 191) и примеч. 1 к нему.

198. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

13 (25) декабря 1857

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 1205 (Е.Н. Эдельсон). Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 16–19 об.

Впервые опубликовано (с неточностями): *Материалы*. С. 199–202 (№ 74).

[1] ... *к архиерею Андрюшке в рассказе Салтыкова.* – Имеется в виду глава "Матушка Мавра Кузьмовна" из цикла М.Е. Салтыкова-Щедрина "Губернские очерки" (впервые опубликована: Русский вестник. 1857. Апрель. Кн. 2. С. 509–570). Речь идет о раскольничьем архиерее Андрюшке Прорвине.
[2] ... *"несть Бог мертвых, но Бог живых"*. – Ср. Мф. 22.32; Мк. 12.27; Лк. 20.38.
[3] ... *в... сочувствии к "судебной литературе", господствующей у нас теперь...* – Так Г. называет очерки, повести, рассказы, разоблачающие жульничество в чиновничьем мире; после смерти Николая I стало возможно относительно свободно говорить о таких махинациях; к поверхностно "обличительной" литературе враждебно-иронически относилась и редакция "Современника".
[4] ... *с "Миной Ивановной"...* – Имеется в виду М.И. Буркова, фаворитка гр. В.Ф. Адлерберга, министра императорского двора (фамилия Буркова, вероятно, восходит к немецкой: Burghof – именно этой фамилией ее называет гр. О. Бисмарк, тогдашний прусский посланник в Петербурге // Исторический вестник. 1905. № 3. С. 1037–1038). В подцензурной печати, естественно, ее имя невозможно было упоминать негативно; Г. далее связывает ее имя с И.И. Панаевым, наверное, из-за любви последнего описывать салоны дам петербургского полусвета. А.И. Герцен в "Колоколе" 1857 г. часто иронизировал над Миной Ивановной, за взятки помогавшей просителям добиваться благополучного решения дел. Возможно, именно статьи Герцена и послужили поводом к упоминанию этой дамы Г.
[5] ... *"Дуня" Беневоленского...* – См. "Бедную невесту" А.Н. Островского.
[6] ... *за 23 ноября.* – 23 ноября день св. Александра Невского, именины А.Н. Островского.
[7] ... *Сашечки...* – т.е. А.Н. Островского.

1858

199. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

3 (15) января 1858

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. РІ. Оп. 5. Ед. хр. 132. Л. 9–10 об.

Впервые опубликовано: *Страхов II*. С. 163–163 (п. V). См. также *Материалы*. С. 202–205 (№ 75).

[1] ... *в старца...* – См. примеч. 1 к письму Протопоповой от 1 сентября 1857 г. (№ 183).
[2] ... *Максим...* – М. Афанасьев.
[3] ... *ваша К⟨атерина⟩ Н⟨иколаевна⟩...* – Е.Н. Бакст.
[4] *Шумят и... с лягушкою венчают...* – Цитируется стихотворение А.С. Пушкина "Гусар" (1833); у Пушкина: "Свистят и в мерзостной игре".

[5] *Я рад, что Вы сошлись с Фетом.* – Протопопову познакомил с А.А. Фетом – Г. После женитьбы Фета на М.П. Боткиной, Протопопова стала их часто навещать. – См. *Фет А.А.* Мои воспоминания. 1848–1889. М., 1890. Ч. I. С. 216.
[6] ... *два письма проповедей к Лидии... чистого анализа.* – Эти письма к жене неизвестны.

200. А.А. ФЕТУ

4 (16) января 1858

Печатается по тексту первой публикации: *Фет А.А.* Мои воспоминания. 1848–1889. М., 1890. Ч. I. С. 222–225. См. также *Материалы.* С. 205–207 (№ 76).

Автограф неизвестен. Дата указана Фетом.

Известны всего два письма Г. к Афанасию Афанасьевичу Фету-Шеншину (второе – № 206, от 3 февраля 1858 г. – публикуется впервые), хотя их должно было быть значительно больше, учитывая многолетнюю дружбу двух литераторов. Познакомились они на первом курсе Московского университета в 1838/39 учебном году; в начале 1839 г. по просьбе А.Н. Шеншина, отца поэта, семья Григорьевых сдала Фету комнату с пансионом, и таким образом молодые люди прожили рядом в мансарде григорьевского дома пять лет, до отъезда Г. в Петербург в начале 1844 г. Эти годы подробно описаны Фетом в мемуарной книге “Ранние годы моей жизни” (отрывки, касающиеся дома Григорьевых, опубликованы: *Воспоминания II.* С. 312–327). Неоднократно встречались товарищи и в дальнейшем: см. описание их похода “к цыганам” (Москва, 1856) в рассказе Фета “*Кактус*” (*Воспоминания II.* С. 328–334). В поэме Фета “Студент” (1884) и в рассказе Г. “Офелия” (1846) описана драматическая история их любви к “крестовой сестре” Г. – Лизе, относящаяся к их студенческой поре. Г., чрезвычайно высоко ценивший поэзию товарища, опубликовал статью “Стихотворения А. Фета” (Отечественные записки. 1850. № 2). Фет более сдержанно, даже с оттенком иронии, относился к художественному творчеству Г.

[1] ... *Маниловке...* – Намек на женитьбу Фета на М.П. Боткиной (1857) и, возможно, на мечты о приобретении имения (на приданое жены он купит усадьбу в Орловской губ. в 1860 г.).
[2] *Как май ароматный... С родной стороны...* – Печатный источник этой цыганской песни не обнаружен.
[3] ... *несчастное издание второе, тургеневское.* – Сочинения поэта – *Стихотворения.* СПб., 1856. Т. 1–2 – изданные И.С. Тургеневым и предваренные его же предисловием, были не вторым, а третьим изданием стихотворений Фета.
[4] ... *Ивана Петровича.* – И.П. Борисова.
[5] ... *“К друзьям издалека”...* – См. письмо Г. к Погодину от 26 августа 1857 г. (№ 182), примеч. 4.
[6] ... *часть, носящая название “Море”.* – Судя по письму к Фету от 3 февраля 1858 г. (№ 206), “Море” стало первой частью работы “К друзьям издалека”.
[7] ... *кланяйся жене, сестре и ее мужу...* – М.П. Фет (Шеншиной), Н.А. и И.П. Борисовым.

201. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

6–7 (18–19) января 1858

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. Р I. Оп. 5. Ед. хр. 132. Л. 11–15 об.

Впервые опубликовано: *Страхов II.* С. 163–168 (п. VI). См. также *Материалы.* С. 207–212 (№ 77).

[1] ... *мой искомый алгебраический X... Мадонна мурилловской манеры.* – Речь идет о Л.Я. Визард.
[2] ... *ее покойного отца... ее матери.* – Отец Л.Я. Визард – Яков Иванович Визард; мать – Евгения Визард, урожд. Railin de Belval.
[3] ... *младшую княжну.* – А.Ю. Трубецкую, в замужестве Геркен.
[4] *Да! ты умрешь, и я останусь тут... Умру и буду все один... ужасно!* – Цитата из "Маскарада" М.Ю. Лермонтова (д. 3, сцена 2, слова Арбенина).
[5] *На горе ли ольха... Она замуж вышла!..* – Куплеты из "Цыганской венгерки" Г., которые не появились в печатном варианте ("Борьба. XVIII стихотворений Аполлона Григорьева" // Сын отечества. 1857. № 48. С. 1181), но которые приводит А.А. Фет при описании исполнения Г. венгерки в своем рассказе "Кактус" (*Воспоминания II.* С. 331).
[6] ... *Максим...* – М. Афанасьев.
[7] *Скажи мне просто: Нина... Брось свет и т.д.* – Цитата из "Маскарада" (д. 1, сцена 3, слова Нины).
[8] *и странное стремленье... Саша! дай мне книжку!* – Неточная цитата из "Маскарада" (д. 3. сцена 2, слова Нины; вместо "странное" нужно "чудное").
[9] ... *Афанасия...* – А.А. Фета.
[10] ... *его сестру.* – Н.А. Борисову.
[11] ... *"Аз же с вами есмь до скончания века"*. – Ср. Мф. 28.20: "Аз с вами есмь во вся дни до скончания века."

202. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

9 (21) января 1858

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 1205 (Е.Н. Эдельсон). Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 20–22 об.

Впервые опубликовано (с неточностями): *Материалы.* С. 212–215 (№ 78).

[1] ... *улусы...* – селения кочевников; имение Эдельсона было в Самарской губернии, в Заволжье.
[2] *Статью тебе прислали назад.* – Речь идет, по-видимому, о неизвестной статье, которую Эдельсон послал в "Библиотеку для чтения".
[3] ... *"яко сын человеческий", где главу преклонити.* – Ср. Лк. 9.58 (и Мф. 8.20): "сын же человеческий не имать, где главу подклонити".
[4] *коттерия* – кружок (от *фр.* coterie).
[5] *Помнишь ли ты в "Невском проспекте" выходку... против разговоров о грошах наших мужиков?* – Гоголь в повести "Невский проспект" (1835) пишет: "Русский мужик говорит о гривне, или о семи грошах меди, старики и старухи размахивают руками или говорят сами с собою, иногда с довольно разительными жестами, но никто их не слушает и не смеется над ними, выключая разве мальчишек в пестрядевых халатах с пустыми штофами, или готовыми сапогами в руках, бегущих молниями по Невскому проспекту".
[6] ... *любезные итальянцы его?..* – Намек на романтическую идеализацию итальянцев в очерке Гоголя "Рим" (1842).
[7] ... *Дулькамара в "Elisir d'amore"*. – Доктор Дулькамара путешествует из города в город и продает свои лекарства, в том числе напиток, который покупает герой в опере Г. Доницетти "Любовный напиток" (1832).
[8] ... *напишу на днях к Островскому...* – Такое письмо неизвестно.
[9] ... *Катерины Ивановны.* – Е.И. Соколовской.

203. А.Н. МАЙКОВУ

9 (21) января 1858

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 3028. XII. С. 73.
Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 215–217 (№ 79).

1 *... признаем с Толстым один героизм капитана его (в кавказских сценах)...* – Капитан Хлопов в рассказе Л.Н. Толстого “Набег“ (1853).
2 *... вчерне книжицу...* – Речь идет о книге Г. “Друзьям издалека” (см. примеч. 4 к письму Погодину от 26 августа 1857 г. – № 182), часть которой носила название “Море” – см. письмо Г. – Фету от 3 февраля 1858 г. – № 206.
3 *верша* – рыболовная снасть.
4 *... фельетон в “Nord” о петербургских блядях...* – См. письмо Г. к Погодину от 8 ноября 1857 г. (№ 190) и примеч. 1 к нему.
5 *... вроде сочинений г. Щедрина и комедии г. Львова.* – Имеются в виду “Губернские очерки” М.Е. Салтыкова-Щедрина (1856–1857) и пьеса Н.М. Львова “Свет не без добрых людей” (1857).

204. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

26 января (7 февраля) 1858

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. Р I. Оп. 5. Ед. хр. 132. Л. 16–18 об.
Впервые опубликовано: *Страхов II*. С. 168–170 (п. VII). См. также *Материалы*. С. 218–220 (№ 80).

1 *... бесплодные проповеди к моей жене...* – Такие письма к Л.Ф. Григорьевой неизвестны.
2 *... Л⟨еонид⟩ы Я⟨ковлевн⟩ы...* – Л.Я. Визард.
3 *... Ваньке...* – Возможно, Ивану Шестаковичу.
4 *... Михайла Ефремовича...* – М.Е. Соболева.

205. М.П. ПОГОДИНУ

26 января (7 февраля) 1858

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 34. Л. 1–3 об.
Впервые опубликовано (с купюрами): *Б* XV. С. 355–358. См. также *Материалы*. С. 220–222 (№ 81). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 338–339 (п. 47).

1 *... с Вашею домашнею... радостию.* – 19 января 1858 г. была свадьба дочери Погодина Александры и А.К. Зедергольма (сына пастора К.А. Зедергольма).
2 *... имел честь писать Вам в последнем письме...* – См. письмо Г. к Погодину от 18 ноября 1857 г. (№ 193).
3 *... Вы обещали содействие...* – Письмо Погодина неизвестно.
4 *... книжицу различных философских мечтаний... маленькую книжку лихорадочных сонетов...* – Первая – неизвестная книга “Друзьям издалека” (см. письмо Г. к Погодину от 26 августа 1857 г. – № 182 – и примеч. 4 к нему). Вторая книжка – цикл “Venezia la bella” (см. примеч. 2 к письму Е.Н. Эдельсону от 11 сентября 1857 г. – № 184).
5 *... на известном обеде.* – 28 декабря 1857 г. состоялся обед московских деятелей в честь будущих реформ в залах Купеческого собрания, на котором присутствовали все “партии”,

кроме сотрудников "Русской беседы" (см. *Б* XV. С. 477–484). В корреспонденции из Москвы от 30 декабря/11 января сообщалось об этом обеде в газете "Le Nord" 22 января 1858 г.

[6] *... статья в "Молве" о "Публике и народе"...* – Статья К.С. Аксакова "Публика – народ. Опыт синонимов" ("Молва", 1857. № 36). См. примеч. 4 к письму Погодину от 9 февраля 1858 г. (№ 207).

[7] *Пошел же дурень... Себя казати...* – Цитата из шутливой песни "Про дурака" из сб. "Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым" (М., 1804; М., 1818).

[8] *Запрещение "Доходного места"...* – Пьеса А.Н. Островского, опубликованная в "Русской беседе" (т. 1 за 1857 г.; вышел в начале марта), была запрещена театральной цензурой 16 декабря 1857 г. Она была поставлена в Москве впервые только 14 октября 1863 г.

[9] *Эдельсона прокатили в "Библиотеке"...* – См. письмо Г. к Е.Н. Эдельсону от 9 января 1858 г. (№ 202).

[10] *... статья моя "О современной критике" напечатана в январской книжке "Библиотеки"...* – Статья Г. "Критический взгляд на основы, значения и приемы современной критики искусства. (Посвящено А.Н. Майкову)" была опубликована в № 1 "Библиотеки для чтения" за 1858. Отд. III. С. 1–42.

[11] *Рядом "Литературных мечтаний"... как некогда Виссарион в... "Молве" 1833 года.* – Статья В.Г. Белинского "Литературные мечтания" появилась в еженедельнике "Молва" в 1834 г. (№ 38–52, сентябрь–декабрь).

206. А.А. ФЕТУ

3 (15) февраля 1858

Печатается впервые, по подлиннику: *ГИМ*. Ф. 281 (Коллекция по истории культуры). Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 1–2 об.

Адресат письма устанавливается по непосредственной связи с письмом к Фету от 4 января 1858 г. (№ 200), содержащим просьбу послать денег (Фет в неизвестном письме ответил отказом), и на основании упоминании о "полунемецком" происхождении адресата.

[1] *... орловской Украйны...* – Г. считал местности Курской и Орловской губерний окраинными для России, "Украйной".

[2] *Хлобуев* – персонаж из второго тома "Мертвых душ" Н.В. Гоголя.

[3] *... в Мадонне ли al Sacco Андрея дель Сарто...* – Мадонна, прозванная "дель Сакко" – фреска в монастыре С.-Аннунциата.

[4] *... к Катерине Сергевне...* – Е.С. Протопоповой.

[5] *Мысль изреченная есть ложь...* – Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева "Silentium" (не позднее 1830 г.).

207. М.П. ПОГОДИНУ

9 (21) февраля 1858

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 34. Л. 4–5 об.

Впервые опубликовано (с купюрами): *Б* XV. С. 358–360. См. также *Материалы*. С. 223–224 (№ 82). Исправления и дополнения: *ТГУ,358*. С. 339 (п. 48).

[1] *... "ниже у Господа Бога в дураках быть не хотел".* – Неточная цитата из письма М.В. Ломоносова к гр. И.И. Шувалову 19 января 1761 г.

[2] *... "проживальщиком по части упражнения умственных способностей".* – Неточная цита-

та из романа И.С. Тургенева "Рудин". Про себя Рудин говорит: "Я заметил, наконец, что состою у господина помещика в качестве приживальщика по части умственных упражнений" (Эпилог).

3 *... книгу о России...* – Книга Н.А. Жеребцова: "Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie" (Paris, 1858), 2 тт. См. критику ее в статье Н.А. Добролюбова "Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым" (Современник. 1858. № 10, 11). Подробнее о Жеребцове см.: *Egorov B.* Tourguéniev et Nikolai Jérebtsov (Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot et Marie Malibran. Paris, 1986. T. 10. P. 179–183).

4 *... прекращение "Молвы"?* – "Молва" закрылась 27 декабря 1857 г.: ее редактор, К.С. Аксаков, получив предупреждение цензуры за свою статью "Публика – народ. Опыт синонимов" (1857, № 36), отказался от издания.

5 *... фёльетон "Норда" об обеде (первый)...* – См. письмо Г. к Погодину от 26 января 1858 г. (№ 205) и примеч. 5 к нему.

6 *В "Норде" есть... строчки, что З** veut goûter les douceurs de la vie privée.* – Неточная цитата из газеты "Le Nord" от 15 февраля 1858 г. В корреспонденции из Москвы, за подписью N., сообщалось: "Граф Закревский, наш генерал-губернатор, только что купил дом. Ходят слухи, что он имеет намерение оставить службу, чтобы насладиться наконец отдыхом и прелестями частной жизни" (в переводе с фр.).

7 *Неужели С** – с его пристрастием к немцам?* – В самом деле, графа А.А. Закревского на посту московского военного генерал-губернатора сменит граф С.Г. Строганов, но лишь в 1859 г.

208. М.П. ПОГОДИНУ

7–10 (19–22) марта 1858

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 34. Л. 6–8 об.

Впервые опубликовано (без начала, с пропусками): *Б* XV. С. 360–364. См. также *Материалы*. С. 225–228 (№ 83 и 84, как два самостоятельных письма). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 339–340 (п. 49 и 50).

Судя по содержанию, а также по одинаковым сгибам в подлиннике, письма от 7 и 10 марта составляют единое письмо и отправлены одновременно. Конец письма не сохранился.

1 *... "каждый из его сотрудников... известен... в нашей литературе"...* – Г. довольно точно цитирует рекламные строки об издании журнала "Атеней" из анонимного "Современного обозрения", написанного Н.Г. Чернышевским ("Современник". 1857. № 12. Отд. V. С. 286).

2 *... их главы...* – Вероятно, имеется в виду А.И. Герцен. См. примеч. 7.

3 *"Лиси язвины имут и птицы гнезда: Сын же человеческий не имать где главы подклонити".* – Лк. 9.58. Там "птицы небесные гнезда" и "где главу подклонити".

4 *... архиерея Андрюшки...* – См. письмо к Е.Н. Эдельсону от 13 декабря 1857 г. (№ 198), примеч. 1.

5 *Брынская вера* – вера раскольников; в лесах Калужской губ. вокруг реки Брынь были раскольничьи скиты.

6 *Г*** – А.И. Герцен.

7 *Сам глава их... сам не верит.* – Вероятно, имеется в виду А.И. Герцен. См. примеч. 2.

8 *Приехал Тургенев и мы... говорим.* – Приехавший во Флоренцию около 6 (18) марта И.С. Тургенев, уезжая, в письме В.П. Боткину, б.д. (от 15–25 марта 1858 г.), сообщил адрес Г., по которому тот жил, покинув дом Трубецких (см. письмо к Погодину от 9 февраля 1858 г., № 207): "Borgo SS. Apostoli. primo piano № 1169 – appartements meublés chez Santi Falossi" (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 28 тт. Письма. Т. 3. М.; Л., 1961. С. 203).

9 *Виссарион* – В.Г. Белинский.

209. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

19 (31) марта 1858

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. Р. I. Оп. 5. Ед. хр. 132. Л. 19–20 об.

Впервые опубликовано: *Страхов II*. С. 171–173 (п. VIII). См. также *Материалы*. С. 228–231 (№ 85).

1 ... *мое последнее письмо*. – Письмо от 26 января 1858 г. (№ 204).

2 *Больная птичка запертая... Единство братское с толпой...* – Ранний вариант первого стихотворения из цикла "Импровизации странствующего романтика" (опубл. в "Русском мире", 1860, № 11 с датой 25 января 1858 г.). В печатном варианте следующие разночтения: стих 2 – "В теплице сохнущий цветок", стих 3 – "Покорно вянешь ты, не зная", стихи 5–6 – "Как небо блещет, страсть пылает / Как сладко жить с толпой порой". Третий вариант стихотворения, с другими разночтениями – в альбоме О.А. Тютчевой, урожд. Мельниковой (*РГАЛИ*. Ф. 505. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1), под названием "Аккорд in La# major" и с датой: "Флоренция, 1858 г., первый день Corso".

3 ... *один наиболее впечатлительный и больной женский субъект...* – Речь идет об О.А. Мельниковой.

4 ... *"больше сея любви ничто же есть, аще кто душу свою положит за други своя"*. – Ср. Иоан. 15.13: "болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя".

210. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

14 или 15 (26 или 27) апреля 1858

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. Р I. Оп. 5. Ед. хр. 132. Л. 21–24, 24а об.

Впервые опубликовано: *Страхов II*. С. 173–175 (п. IX). См. также *Материалы*. С. 232–235 (№ 87).

На конверте почтовый штемпель г. Рима от 29 апреля 1858 г. В дате несоответствие: должно быть или 14 (26) или 15 (27) апреля. Г. часто допускал ошибки при переводе одного стиля на другой.

1 ... *последнего сумасшедшего письма к Вам...* – Письмо от 19 марта 1858 г. (№ 196).

2 ... *о той, которая была для меня... новым откровением сердца*. – Речь идет об О.А. Мельниковой.

3 ... *с одной умной... прелестной женщиной...* – Вероятно, имеется в виду В.А. Ольхина (см. примеч. 4 к письму М.П. Погодину от 26 августа – 7 октября 1859 г. – № 231).

4 *"Идеже Дух Господень – ту и свобода"*. – Ср. 2 Кор. 3.17: "а идеже дух господень, ту свобода".

211. М.П. ПОГОДИНУ

15 или 16 (27 или 28) апреля 1858

Печатается по подлиннику *РГБ*. Ф. Пог.//II, 9, 34. Л. 9–10 об.

Впервые опубликовано (с купюрами): *Б* XV. С. 364; XVI. С. 376–377. См. также *Материалы*. С. 231–232 (№ 86). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 340 (п. 51).

В авторской дате явное несоответствие: должно быть или 15 (27) или 16 (28) апреля.

212. И.С. ТУРГЕНЕВУ

28 или 29 апреля (10 или 11 мая) 1858

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. 5786. XXX. б. 75.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 236а (№ 89).

В дате несоответствие: Г. ошибся при переводе даты с одного стиля на другой; должно быть или 11 мая (29 апреля) или 28 апреля (тогда 10 мая).

Это единственное сохранившееся письмо Г. к Ивану Сергеевичу Тургеневу. Г.-критик писал о его творчестве, начиная с 1840-х годов, прежде всего как о самобытном поэтическом таланте, авторе поэм "Параша" и "Помещик", но подражающем Пушкину и Лермонтову; в "Москвитянине" Г. рассматривал произведения писателя как принадлежащие к натуральной школе; к ней критик относился тогда весьма негативно за изображение мелких событий и ничтожных людей, "фатально" заеде́нных средой. В середине и в конце 1850-х годов, в связи с появлением первых романов Тургенева, Г. в корне изменил свое отношение к писателю.

Познакомились они в первой половине 1850-х годов. В письме к А.Н. Островскому от 7 (19) ноября 1856 г. Тургенев признавался, что Г. напоминает ему Белинского (см. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 28 тт. Письма, т. 3. М.; Л., 1961. С. 39). В том же году Тургенев хлопотал перед Н.А. Некрасовым о привлечении Г. в "Современник" в качестве постоянного сотрудника; переговоры закончились безрезультатно, так как Г. требовал полного распоряжения критическим отделом, по примеру Белинского, но Некрасов отверг этот ультиматум.

В марте 1858 г. Г. интенсивно общался с Тургеневым во Флоренции (см. письмо к Погодину от 7–10 марта 1858 г. – № 208); они горячо спорили, Тургенев многое принимал в концепциях Г., но все же был, по мнению Г., неисправимым западником. Сущность споров нашла отражение в большом цикле статей Г. – «И.С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа "Дворянское гнездо"» (Русское слово. 1859. № 4–6, 8). Этот цикл тоже стал предметом споров Г. и Тургенева в 1859 г., о чем критик сказал в статье «После "Грозы" Островского» (Русский мир, 1860, № 5, 6, 9, 11); статья имеет подзаголовок "Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу". Более чем вероятно, что Тургенев во время флорентийских бесед узнал многие факты из личной жизни Г. и использовал их, а также некоторые черты характера Г. при создании образа Лаврецкого в "Дворянском гнезде" (скандальная история женитьбы отца на простой девушке, некоторые особенности воспитания в детстве, трагическое потрясение при обнаружении измены жены); высказывалось также предположение, что некоторые черты Г. послужили Тургеневу для создания образа Михалевича из того же романа (см. *Бродский Н.Л.* И.С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах. Ч. 2. М., 1924. С. 75). См. также статью: *Носов С.Н.* Тургенев и Аполлон Григорьев // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 32–45.

[1] ... *Александру Ивановичу*... – А.И. Герцену.

[2] ... *книга "14 декабря"!..* – «14 декабря 1825 и император Николай. Издано редакцией "Полярной звезды" по поводу книги барона Кофра». Лондон, 1858. См. *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30 тт. М., 1958. Т. 13. С. 35–46, 67–70; Т. 26. С. 394.

213. М.П. ПОГОДИНУ

11 (23) мая 1858

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 34. Л. 11–12 об.

Впервые опубликовано: *Б* XV. С. 364–365; XVI. С. 377. См. также *Материалы*. С. 236–237 (№ 88). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 340–341 (п. 52).

[1] ... *Вашей записки*... – Письмо Погодина неизвестно.

214. А.Н. МАЙКОВУ

18 или 20 мая (30 мая или 1 июня) 1858

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. 439 (В.А. Десницкий). К. 26. Ед. хр. 9. Л. 1–4 об.

Адресат определяется по содержанию (в архивном описании значится как письмо к неустановленному лицу) и по обращению "мой милый поэт" (ср. письмо к А.Н. Майкову от 9 января 1858 г. – № 203).

В дате явное несоответствие; в каком стиле Г. допустил ошибку, решить трудно: 1 июня н. ст. соответствует 20 мая ст. ст., а 18 мая ст. ст. – 30 мая н. ст.

1 ... *две семьи, с которыми сошелся я за границей...* – Одна из них, вероятно, семья Мельниковых: О.А. Мельниковой Г. посвятил несколько лирических стихотворений.

2 *К тебе теперь... сын Гамлет...* – В. Шекспир. Гамлет, акт 1, сцена 1 (ср. у Н. Полевого: "Мой брат и мой любезный сын, Гамлет").

3 ... *"розы Пестума" послужили тогда таким ярким доказательством!!* – Стихотворение А.Н. Майкова "Розы" ("Вся в розах – на груди, на легком платье белом"), 1852 г.

4 *Я назвал тебя тогда живописцем...* – Речь идет об отзыве Г. о Майкове в статье "Русская изящная литература в 1852 году" (Москвитянин. 1853. № 1. Ч. 8-я статьи).

215. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

27 октября 1858

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. Р I. Оп. 5. Ед. хр. 132. Л. 25–26 об.

Впервые опубликовано: *Страхов II*. С. 175–176 (п. X). См. также *Материалы*. С. 237–238 (№ 89).

На конверте почтовый штемпель: "СПб., 29 октября" и московский штамп: "Получено 30 октября 1858".

1 ... *старец...* – См. примеч. 1 к письму Протопоповой от 1 сентября 1857 г. (№ 183).

216. А.В. СТАРЧЕВСКОМУ

14 ноября 1858

Печатается впервые, по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 583 (архив А.В. Старчевского). № 388. Л. 1.

Известно лишь одно письмо Г. к Адальберту Викентьевичу Старчевскому, редактору-издателю петербургского еженедельника "Сын отечества". В этом журнале, отражавшем эклектические, с западническим оттенком взгляды редактора, угождавшего вкусам массового читателя, Г. печатался эпизодически: в 1857 г. Старчевский опубликовал цикл стихотворений Г. "Борьба" (Сын отечества. № 44–49), в 1860 – публицистический фельетон "Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности и о многих других вызывающих на размышление предметах" (№ 6, 7). Эта статья кончалась обещанием "в следующий раз" передать беседу о Некрасове, но продолжения не последовало – Старчевский явно не хотел далее печатать фельетон. В "Кратком послужном списке..." Г. писал: "У Старческого не сошлись" (*Воспоминания II*. С. 310).

1 ... *мою поэмку...* – Поэма "Venezia la bella", которая состоит из 48 сонетов, была напечатана не в "Сыне отечества", а в "Современнике" (1858, № 12).

217. А.С. ИОНИНУ

23 декабря 1858

Печатается впервые, по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 408 (собр. А.К. Кареевой). № 32. Л. 1. Письмо не на бланке (черновое).

Известно только одно письмо Г. к Александру Семеновичу Ионину, дипломату, будущему министру-резиденту России в Черногории.

[1] *... познакомили бы нашу публику... с жизнию и поэзиею Фердауси...* – Никаких статей о Фирдоуси в "Русском слове" не обнаружено.
[2] *Мостар* – тогдашняя столица Герцеговины.

1858–1859

218. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

Конец декабря 1858 или начало января 1859

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 1205 (Е.Н. Эдельсон). Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 23–23 об.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 238 (№ 90).

Приписка некоего Ив.П., опубликованная в *Материалах,* в автографе отсутствует.

Датируется приблизительно, по содержанию: статья о "Тысяче душ" имеет ц.р. 14 января 1859 г. (см. примеч. 1).

[1] *Присылай скорее статью...* – Имеется в виду, очевидно, статья Эдельсона о "Тысяче душ" А.Ф. Писемского, которая была напечатана в "Русском слове" (1859, № 1; ц. р. 14 января).
[2] *... статью о Щедрине...* – Статья Эдельсона "Н. Щедрин и новейшая сатирическая литература" была опубликована в альманахе "Утро" (М., 1859. С. 351–366).
[3] *Боклевского дело обломил... для заключения условий с графом.* – Речь идет об иллюстрациях П.М. Боклевского, изданных при содействия гр. Г.А. Кушелева-Безбородко, к пьесам Островского "Свои люди – сочтемся!" (1859) и "Бедная невеста" (1860).
[4] *... Катерины Алексеевны и... Катерины Ивановны.* – Е.А. Эдельсон и Е.И. Соколовской.

1859

219. Д.А. МАСЛОВУ

22 января 1859

Печатается впервые, по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 408 (собр. А.К. Кареевой). № 33. Л. 1. Черновое письмо.

Письмо, очевидно, обращено к Д.А. Маслову, автору статьи о Г.Р. Державине, опубликованной впоследствии во "Времени" (см. письмо к Н.Н. Страхову от 12 декабря 1861 г. – № 270 – и примеч. 6 к нему; судя по этому письму, Г. относился к творчеству Маслова весьма негативно).

220. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

26 января 1859

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. Р. I. Оп. 5. Ед. хр. 132. Л. 27–30 об.
Впервые опубликовано: *Страхов II*. С. 176–178 (п. XI). См. также *Материалы*. С. 238–241 (№ 91). Частично: *Избр. произв*. С. 542.

1 *Лидия* – Л.Ф. Григорьева, жена Г.
2 *Максим* – М. Афанасьев.
3 *Г*** – А.И. Герцен.
4 *... по женщине...* – Речь идет о Л.Я. Визард.
5 *... как Скотинин Фонвизина говорит: "Люблю свиней, сестрица!"* – Цитата из комедии Д.И. Фонвизина "Недоросль" (1782), д. 1, явл. 5.

221. Е.С. ПРОТОПОПОВОЙ

5 февраля 1859

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. Р I. Оп. 5. Ед. хр. 132. Л. 31–32 об.
Впервые опубликовано: *Страхов II*. С. 178–179 (п. XII). См. также *Материалы*. С. 241–242 (№ 92).

1 *... от кометы!* – Комета Донати (названная именем итальянского астронома Джамбаттиста Донати, 1826–1873), одна из самых замечательных комет XIX в., появилась в сентябре 1858 г., достигла самой большой яркости 10 октября (по нов. ст.), когда находилась на самом близком расстоянии от Земли. Для зрителя без телескопа она исчезла в начале ноября.

222. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

Конец января или начало февраля 1859

Печатается впервые, по подлиннику: *ИРЛИ*. 12040. LXIX, б. 8. Л. 3.
Датируется приблизительно, по содержанию (см. примеч. 1).

Ранее не было известно ни одного письма Г. к Якову Петровичу Полонскому, хотя они, несомненно, существовали: Полонский был сокурсником Г. по Московскому университету в 1838–1842 гг. (правда, он на 3 и 4 курсах оставался на второй год), входил в студенческий кружок Г., поэтический и философский (о тех годах см.: *Полонский Я.П.* Мои студенческие воспоминания // Ежемесячные приложения к "Ниве". 1898. № 12. С. 641–688); впоследствии, в 1846–1848 гг., находясь на Кавказе, Полонский в письмах к Фету интересовался судьбой Г. и запрашивал его адрес (см. *Материалы*. С. 338).

В настоящем издании впервые публикуются 4 записки Г., относящиеся к периоду интенсивной совместной деятельности Г. и Полонского в журнале "Русское слово": оба они были тогда заместителями графа Г. А. Кушелева-Безбородко, редактора-издателя журнала. Г. ревниво относился к распоряжениям товарища, спорил с ним, а когда Полонский попытался делать стилистические исправления в статьях самого Г., то тот добился снятия его с поста (см. об этом в письме Полонского к Фету от ноября 1889 г. – *Материалы*. С. 340; подробнее об участии Г. и Полонского в "Русском слове" см. публикацию Г. В. Прохорова "Г. Е. Бла-

госветлов, Я.П. Полонский, Г.А. Кушелев-Безбородко. Письма и документы" // Звенья. I. М.; Л., 1932. С. 296–344). В дальнейшем отношения между бывшими товарищами стали натянутыми; в период участия в журналах Достоевских "Время" и "Эпоха" Г. весьма кисло отзывался о творчестве Полонского (см., например, письмо к Н.Н. Страхову от 12 августа 1861 г. – № 263). Доброжелательный Полонский, даже зная эти отзывы, не изменил своего в целом положительного мнения о Г. (см. его письма к Фету 1889 г. – *Материалы*. С. 338–340).

1 ... *Потехин с повестью...* – Возможно, "Бесталанный. Повесть из простонародного быта" А.А. Потехина (Русское слово. 1859. Февраль. Отд. I. С. 278–336; ц. р. 25 февраля 1859 г.)

223. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

Январь–апрель 1859

Печатается впервые, по подлиннику: *ИРЛИ*. 12040. LXIX, б. 8. Л. 1.

Датируется условно, по содержанию: Г. и Я.П. Полонский вместе работали помощниками Г. А. Кушелева-Безбородко в редакции журнала "Русское слово" в первой половине 1859 г.

1 ... *печатать г. Кулиша... в отношении к Пушкину?* – Статья П.А. Кулиша не была напечатана в "Русском слове". Возможно, это был ранний вариант его статьи "Гоголь как автор повестей из украинской жизни" (опубликована: Основа. 1861. № 4, 5, 9, 11-12). Кулиш считал, что Гоголь-художник, изображая украинскую деревню, отступал от исторической и этнографической правды (это, наверное, и вызвало раздражение Г.). Чернышевский в своих статьях приуменьшал значение Пушкина в истории русской литературы.

224. М.П. ПОГОДИНУ

11 мая 1859

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 35. Л. 1–2 об.

Впервые опубликовано (с пропусками): *Б* XVI. С. 390–391. См. также *Материалы*. С. 243 (№ 94). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 341 (№ 53).

1 ... *письмо г. Мамонтова...* – Письмо И.Ф. Мамонтова неизвестно.

2 ... *письмо, которое Вас оскорбило.* – Письмо, написанное Погодину ровно год назад, 11 мая 1858 г. (№ 213).

3 *Хлобуев* – персонаж из второго тома "Мертвых душ" Н.В. Гоголя.

4 ... *Великий Банкир...* – Так Г. именовал Господа Бога, уповая на "чудо" какой-либо материальной помощи.

5 ... *отозваться с уважением о труде Соловьева.* – Речь идет о рецензии Г. "Взгляд на историю России, соч. С. Соловьева", которая была напечатана в № 1 "Русского слова" за 1859 г. (ц. р. 14 января).

6 ... *последней французской брошюры Хомякова...* – Речь идет о брошюре А.С. Хомякова "Encore quelques mots d'un chrétien orthodoxe sur les confessions occidentales, à l'occasion de plusieurs publications religieuses, latines et protestantes". Leipzig, 1858. См. примеч. 5 к письму Погодину от 26 августа – 7 октября 1859 г. (№ 231).

225. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

Конец мая 1859

Печатается впервые, по подлиннику: *ИРЛИ*. 12040. LXIX. б. 8. Л. 2.
Датируется по содержанию (см. примеч. 2).

[1] ... *письмо графа...* – Письмо гр. Г. А. Кушелева-Безбородко неизвестно.
[2] ... *Елена Васильевна еще не... и проч.* – Г. намекает на скорое разрешение от бремени жены Полонского (его сын Андрей родился 4 июня 1859 г.).

226. А.А. КРАЕВСКОМУ

3 июня 1859

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 391 (А.А. Краевский). Ед. хр. 301. Л. 6.
Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 244 (№ 95).

227. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

Начало июля 1859

Печатается впервые, по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 405 (Я.П. Полонский). Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 1.

Датируется на основании упоминания письма П.П. Чубинского от 1 июля 1859 г. (см. примеч. 1).

[1] ... *непрошенного адвоката...* – Письмо П.П. Чубинского от 1 июля 1859 г., адресованное Григорьеву, жестоко критикует его отношения к гр. Г. А. Кушелеву-Безбородко и к Я.П. Полонскому (см. *Материалы*. С. 340–342).

228. М.П. ПОГОДИНУ

4 августа 1859

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 35. Л. 3–6.

Впервые опубликовано: *Б* XVI. С. 392–393, 391. См. также *Материалы*. С. 244–245 (№ 96); С. 242 (№ 93). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 342 (№ 54).

[1] ... *г. Хмельницким (известным Вам)...* – А.И. Хмельницкий, знакомый Г. и Погодина еще с середины 40-х годов. См. письмо Г. к Погодину, написанное около 10 марта 1860 г. (№ 237).
[2] ... *из Парижа удовлетворительного ответа...* – В Париже находился гр. Г. А. Кушелев-Безбородко; очевидно, Г. отправил ему письмо-протест (см. письмо Г. от конца августа 1859 г. – № 230).
[3] *Статья эта...* – Речь идет о статье Г. “Московское обозрение. Кн. I – 239 и 34 страниц. Книга II – 268 и 35 стран., 8°. Москва, 1859. В типографии Лазар⟨евского⟩ Инст⟨итута⟩ Вост⟨очных⟩ яз⟨ыков⟩”, которая была напечатана в “Русском слове” (1859. № 8; ц.р. 4 августа).
[4] ... *новое предприятие, новый журнал с большими средствами.* – Не исключено, что речь

идет о “Драматическом сборнике” или о другом издании Ф.Т. Стелловского, чьи средства могли бы тогда казаться Г. безусловно большими.

[5] *ушкуйник* – новгородский речной разбойник (ушкуй – лодка). А “новогородское слово” – очевидно, слово руководителя (М.П. Погодина?).

[6] *... Эдельсон разразился... статейкой о “Тысяче душах”... под ней я должен был сделать примечание...* – К статье Е.Н. Эдельсона о романе А.Ф. Писемского “Тысяча душ” (Русское слово. 1859. № 1. Отд. II. С. 49–66) придано довольно обширное примечание за подписью “Ред.”, которое, как теперь ясно, принадлежит Г. Соглашаясь в целом с рецензентом, Г. оговаривался, что редакция не согласна с ним в похвалах целостности и гармоничности романа, а, напротив, видит в нем “некоторую сухость и искусственность”; не признает в Калиновиче “героя нашего времени”; считает натуральную школу и современную обличительную литературу “исторической необходимостю” (с. 49).

[7] *Иван Дмитрич...* – И.Д. Беляев.

[8] *... я с уважением говорил о труде Соловьева...* – См. примеч. 5 к письму Погодину от 11 мая 1859 г. (№ 224).

[9] *Борис* – Б.Н. Алмазов.

[10] *... за разбор “Утра”...* – Речь идет о рецензии Г. на “Утро. Литературный сборник. С эпиграфом: Утро вечера мудренее. Москва, 1859 г. 8°. 434 с.” (Русское слово. 1859. № 2; ц. р. 25 февраля).

229. М.П. ПОГОДИНУ

21 августа 1859

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 35. Л. 7–8.

Впервые опубликовано (без начала): *Б* XVI. С. 393. См. также *Материалы*. С. 245–246 (№ 97). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 342 (п. 55).

[1] *... если я не получу... бросить журнал.* – Речь идет о конфликте в редакции “Русского слова”, о котором см. следующее письмо (к гр. Г. А Кушелеву-Безбородко от конца августа 1859 г. – № 230).

[2] *“Врачу исцелися сам”...* – Лк. 4.23.

230. Г.А. КУШЕЛЕВУ-БЕЗБОРОДКО

Конец августа 1859

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 160 (А.А. Григорьев). Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1–2 об.

Впервые опубликовано: Вестник Московского университета. Сер. 9. Филол. 1981. № 6. С. 41–42.

Датируется по содержанию: из письма Г. к Погодину от 21 августа 1859 г. видно, что Г. еще не получал ответа, о котором идет речь в настоящем письме. В письме к А.Н. Островскому от 3 октября 1859 г. И.Ф. Горбунов описал плохое состояние Г. после того, как он получил ответ на настоящее письмо (см. Неизданные письма к Островскому. М.; Л., 1932. С. 668).

Граф Григорий Александрович Кушелев-Безбородко, бездетный потомок двух знаменитых и богатых дворянских родов, был дилетантом-писателем и основателем журналов, из которых особую известность получило “Русское слово” (журнал выходил в Петербурге с января 1859 г.). Близкий в 1858 г. к графу Я.П. Полонский рекомендовал пригласить в “Русское слово” Г., своего товарища по Московскому университету, и в первой половине 1859 г. По-

лонский и Г. стали помощниками графа в издании журнала; все объявления “От редакции” подписывались тремя именами: “Граф Г. Кушелев-Безбородко. Я. Полонский. Ап. Григорьев”. Но вскоре между Полонским и Г. начались трения (см. комментарий к письму от конца января или начала февраля 1859 г. – № 222), Полонский был оттеснен, но занявший должность “заведующего редакцией” еще один сокурсник Г. по Московскому университету А.И. Хмельницкий (кстати, принятый в журнал именно по рекомендации Г.!), видимо, начал представлять графу Г. как выразителя отсталых идей; граф принял сторону Хмельницкого, и Г. был отстранен от журнала. Настоящее письмо, единственное известное к данному адресату, характеризует именно заключительный этап пребывания Г. в “Русском слове”: последние статьи его опубликованы в августовском номере за 1859 г.

[1] *Из письма, полученного... в ответ на мое к Вам письмо...* – Ни письмо Кушелева, ни письмо Г. не известны.

[2] *... статьи об истории Соловьева... отозвался о нем так.* – См. отзывы Г. о М.П. Погодине в рецензии “Взгляд на историю России, соч. С. Соловьева” (Русское слово. 1859. № 1. С. 8, 19, 31, 36).

[3] *... хотели с ним познакомиться через А.И. Калашникова.* – Дважды А.И. Калашников предлагал Погодину познакомить его с Кушелевым-Безбородко, однако встреча эта, по-видимому, не состоялась. См. *Б* XVI. С. 389–390.

[4] *... “Колокол” с уважением перепечатывает его письма...* – В “Колоколе” было напечатано только одно письмо Погодина – от 7 февраля 1859 г. к министру народного просвещения Е.П. Ковалевскому, в составе статьи “Бешенство ценсуры” (лист 45 от 15 июня 1859 г., с. 368–370).

[5] *... “Русская газета”, чуть что не в каждом № печатает его статьи...* – Еженедельная “Русская газета”, выходившая в Москве под редакцией С. Поля в 1858–1859 гг. и примыкавшая к славянофильскому направлению, опубликовала ряд статей Погодина на исторические и злободневные темы. См. *Б* XVI. С. 532–591.

[6] *... П, позамечательнее и популярнее имени г. Пот-ебни, годящегося разве только в матерный rebus.* – Не исключено, что речь идет о будущем известном филологе Александре Потебне, хотя печатные его работы известны лишь с 1860 г. (м. б., он прислал какую-то статью для “Русского слова”?). Под “П” Г., очевидно, подразумевал Погодина. Что именно его участие хотел “приобрести” Г. для журнала “Русское слово”, видно из его письма к Погодину от 11 мая 1858 г. (№ 213).

[7] *... в квартире г-жи Дубровской.* – Первое упоминание Г. о Марье Федоровне Дубровской. Г. поселился в квартире М.Ф. Дубровской в доме каретника И.Л. Логинова (Невский пр., 60; дом не сохранился; ныне здесь стоит дом № 61). См. письмо к Погодину, написанное между 17 и 28 сентября 1860 г. (№ 242).

231. М.П. ПОГОДИНУ

26 августа – 7 октября 1859

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 35. Л. 9–16 об.

Впервые опубликовано (с ошибочным отнесением к 1858 г., с сокращениями и искажениями): *Б* XVI. С. 378–389. См. также *Материалы*. С. 246–255 (№ 98, с исправлением даты, но с новыми искажениями). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 342–344 (№ 56). Впервые полностью: *Воспоминания II*. С. 300–308.

Год устанавливается по содержанию.

Конец письма не сохранился.

[1] *Полюстрово.* – Дачная местность под Петербургом (теперь в черте города).

[2] *Последнее письмо... из Рима.* – Последнее письмо Г. к Погодину из-за границы было написано 11 мая 1858 г. из Флоренции, после возвращения из Рима (№ 213).

[3] *... флорентийским попом...* – П.П. Травлинский, протоиерей; в 1856–1863 гг. во Флоренции – священник домашней церкви А. Демидова, князя Сан-Донато.

[4] *... благородной, серьезной женщиной...* – Вероятно, В.А. Ольхиной, женой адвоката А.А. Ольхина. О знакомстве Г. с ней см. письмо И.С. Тургенева к В.П. Боткину б. д. (от 15–25 марта 1858 г.) из Флоренции (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 28 тт. Письма, т. 3. М.; Л., 1961. С. 203–204).

[5] *"Derniers mots d'un chrétien ortodoxe"...* – Имеется в виду брошюра А.С. Хомякова "Encore quelques mots d'un chrétien orthodoxe sur les confessions occidentales, à l'occasion de plusieurs publications religieuses, latines et protestantes". Leipzig, 1858. В сочинениях Хомякова на русском языке это заглавие переводилось так: "Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях, по поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры". Оттенок полемичности в отзыве Г. связан с тем, что он был недоволен недостаточным разрывом Хомякова с официальной церковью, хотя последняя и не принимала за "свои" религиозные трактаты славянофилов: Хомяков вынужден был свои труды печатать на французском языке в Париже и Лейпциге, так как церковная цензура России их запрещала.

[6] *Старуха Трубецкая, как истый тип итальянки...* – Г. считал, что княгиня Леопольдина Юлия Терезия (Тереза) Трубецкая – итальянка, но она – дочь французского капитана Морена.

[7] *Князек...* – И.Ю. Трубецкой.

[8] *... ее женихом...* – Сергей Петрович Геркен, в конце письма уже именуемый мужем княжны Анастасии Юрьевны Трубецкой.

[9] *... тоску по единственной путной женщине...* – Т.е. по Л.Я. Визард.

[10] *... университета не будет... она свои дела обделает.* – Мать И.Ю. Трубецкого добивалась с помощью юридических ухищрений восстановления прав ее сына на наследственные участки во Флоренции; для этого необходимо было пребывание семьи в Италии, что очень огорчало Г., желавшего обучения его воспитанника в Московском университете.

[11] *Наш генерал Лазарев-Станичников...* – Генерал-лейтенант артиллерии П.А. Лазарев-Станищев.

[12] *... в Светлый день...* – Т.е. в Пасху.

[13] *... в первый раз я видел ее...* – Первый раз Г. был в Генуе в конце июля 1857 г. по пути из Германии во Флоренцию.

[14] *... его больше начитанную, чем умную половину...* – Княгиня А.А. Трубецкая.

[15] *... злобою на Вас...* – Г. был глубоко обижен скупостью и общественной ретроградностью Погодина, приведшими к краху "Москвитянина" и его "молодой редакции".

[16] *... те...* – Имеются в виду западники, круг Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина, Коршей; Г. явно несправедлив в оценке Н.Х. Кетчера и Е.Ф. Корша.

[17] *... Кетчеру... дом купили...* – Друзья Кетчера собрали около 3000 руб. и купили ему дом в Москве, на 3-й Мещанской ул. (ныне ул. Щепкина). См. об этом: *Гершензон М.* Образы прошлого. М., 1912. С. 320–325; *Станкевич А.В.* Николай Христофорович Кетчер. Воспоминания. М., 1887.

[18] *... до сего дне...* – Пс. 118.91.

[19] *... ведь Солдатенкова съели бы... не входя в разбирательство причин...* – В конце 1850-х – начале 1860-х годов К.Т. Солдатенков издавал собрание сочинений В.Г. Белинского; главным редактором был Кетчер, ему помогали Е.Ф. и В.Ф. Корши и др. "западники".

[20] *... письма, которое дал мне Боткин, на случай его смерти...* – О чем идет речь, неясно; возможно, мнительный и в то же время трусливый В.П. Боткин дал в руки Г. какой-то ре-

альный факт своей обиды на западнический кружок, но не желал его скорого разглашения.

[21] ... *продажей этого "Квартета" Кушелеву, ...* – Г. ранее хлопотал о публикации повести Е.Э. Дриянского "Квартет" в "Библиотеке для чтения" (см. письмо к А.В. Дружинину, написанное после 13 августа 1856 г. – № 154; в нем Г. писал о достоинствах повести), но Дружинин вернул рукопись автору. Позже Г. уже предлагал "Квартет" Погодину для возобновляемого "Москвитянина" (см. письма, написанные около апреля 1857 г. – № 169 и 170), но журнал не возродился. Не исключено, что во время встречи в Италии в марте 1858 г., Г. предложил повесть Дриянского и Г.А. Кушелеву-Безбородко для создаваемого "Русского слова". Однако повесть "Квартет" была опубликована не в "Русском слове", а в "Библиотеке для чтения" (1858. № 9, 10). О сложной истории публикации повести Дриянского см. *Летописи*, с. 124–125.

[22] ... *как пьет, распутствует моя благоверная...* – Жена Г. Лидия Федоровна в самом деле не отличалась благонравным поведением; см. также письмо к Погодину от 16–17 сентября 1861 г. (№ 266).

[23] ... *на Невском проспекте в особе Милановского...* – О встрече с К.С. Милановским см. письмо Г. к отцу от 23 июля 1846 г. (№ 16).

[24] ... *Гладиатору...* – Античная скульптура (неизвестного автора) "Умирающий гладиатор" в Риме (в Капитолийском музее).

[25] ... *по Bois de Fontainebleau с его теткой.* – Недалеко от Фонтенбло, близ Парижа, находилось поместье Н.И. Трубецкого, дяди ученика Г. *Тетка* – Александра Ивановна, жена князя Н.И. Мещерского.

[26] ... *Jardin ⟨de⟩ Mabille... Château des Fleurs.* – Увеселительные заведения Парижа; были расположены близ Елисейских полей на ул. Монтеня. Согласно путеводителю Бедекера (1867), именно в этих местах бывают самые "знатные" лоретки.

[27] ... *воровских людей, клевретов Сигизмунда...* – Так Г. обобщенно называл деятелей радикальной журналистики, усматривая в них "западничество", отсутствие национальных корней.

[28] ... *тушинцам...* – Т.е. сторонники "тушинского вора", Лжедмитрия II; так Г. именовал радикалов, особенно – сотрудников "Современника".

[29] ... *облевать родную мать... "Темного царства".* – Речь идет о Н.А. Добролюбове и о его статье "Луч света в темном царстве".

[30] ... *лондонский консерватор...* – Т.е. А.И. Герцен. Имеется в виду его статья "Very dangerous!!!" (Колокол. 1859. 1 июня), где Герцен оспаривал некоторые положения статей Н.А. Добролюбова (прежде всего – насмешку над "лишними людьми", которых Герцен оправдывал в качестве жертв николаевского режима; затем – издевку над "обличительной" литературой, в которой Добролюбов усматривал либеральную беззубость, робость, а Герцен – ростки настоящей критики).

[31] ... *статей "Темное царство"!..* – Речь идет о двух частях статьи Н.А. Добролюбова "Темное царство".

[32] ... *на своей квартире.* – В начале 1858 г. Г. рассорился с княгиней Трубецкой, требовавшей от учителя соблюдения домашнего режима (возвращаться домой не позже 10 часов вечера), и переехал на частную квартиру (см. письмо к Погодину от 9 февраля 1858 г. – № 207). См. примеч. 8 к письму Погодину от 7–10 марта 1858 г. (№ 208).

[33] ... *великим банкиром...* – Так Г. называл Господа Бога.

[34] ... *известные издания...* – Т.е. лондонские издания Герцена.

[35] ... *молодым князем О**...* – Имеется в виду Николай Алексеевич Орлов, сын известного николаевского вельможи, только что женившийся на дочери Н.И. Трубецкого княжне Екатерине Николаевне. О нем и его женитьбе см.: *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы, 1848–1896. Л., 1929. С. 48–59.

[36] *Князь Николай...* – Имеется в виду не Н.А. Орлов, а его тесть – князь Н.И. Трубецкой, католик.

[37] ... *"чадами кабаков и б**"* ... – Так в оригинале.

[38] ... *добрый приятель...* – Я.П. Полонский (см. его письмо к Фету от ноября 1889 г. – *Материалы.* С. 340).

[39] *И дым отечества был сладок и приятен.* – Неточная цитата из комедии Грибоедова "Горе от ума" (д. 1, явл. 7).

[40] ... *с Боткиным...* – Встреча могла состояться на пути Г. из Парижа в Россию: В.П. Боткин находился в Берлине по крайней мере с 19 по 22 сентября 1858 г. (н. ст.), а затем через Штеттин, морем, прибыл в Петербург (возможно, Г. и Боткин вернулись на родину вместе). См. *Егоров Б.Ф.* В.П. Боткин – литератор и критик. Статья 1 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1963. Вып. 139. С. 23).

[41] ... *до Гончарной улицы...* – В Петербурге.

[42] ... *мы с Бахметевым...* – Речь идет о Павле Александровиче Бахметеве, известном радикале, прототипе образа Рахметова в романе Чернышевского "Что делать?". Встреча Г. с Бахметевым могла состояться в третьей декаде июля 1857 г.: Г. отправился из Петербурга в Италию 13 июля по маршруту Кронштадт – Штеттин – Берлин – Прага – Венеция – Ливорно. О Бахметеве см.: *Рейсер С.А.* "Особенный человек" П.А. Бахметев (Русская литература. 1963. № 1. С. 173–177); *Эйдельман Н.Я.* Павел Александрович Бахметев. (Одна из загадок русского революционного движения) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1965. С. 387–398). Бахметев ехал в Лондон к А.И. Герцену.

[43] ... *в самом-то диавольском наваждении.* – Книга отца Парфения "Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле". Ч. 1–4. М., 1856. В ней содержится нравоучение отца Серафима Саровского: "... Винное питие и табак употреблять отнюдь никому не позволяй; даже, сколько возможно, удерживай и от чаю" (ч. 1, с. 193). Книга была популярна в кругу Г.

[44] ... *на Щукине дворе...* – Дешевый рынок в Петербурге, находился недалеко от Сенного рынка.

[45] *С двадцатью талерами... до субботы....* – О некоторых подробностях берлинской жизни Г. в 1858 г. см. его статьи: "Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности и о многих других вызывающих на размышление предметах" (Сын отечества. 1860. № 6, 7; *Воспоминания I.* С. 308–312) и "Стихотворения Н. Некрасова" (Время. 1862. № 7; *Григорьев Аполлон.* Литературная критика. М., 1967. С. 475–477).

[46] ... *до дня отправления Черного* ⟨...⟩ – По сведениям "СПб. ведомостей", 7 октября 1858 г. (вторник) в Кронштадт из Штеттина прибыл почтовый пароход "Прусский орел", шедший 4 суток; среди приехавших – коллежский асессор Григорьев (№ 221. 10 октября. С. 1288; № 223. 12 октября. С. 1301); вероятно, это и был Г.; тогда "суббота", день его отправления из Штеттина, – 4 октября ст. стиля.

232. П.А. ПЛЕТНЕВУ

13 октября 1859

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 234 (П.А. Плетнев). Оп. 3. Ед. хр. 183. Л. 1–2.

Впервые опубликовано: *Марчик А.* Неизвестные письма Ап. Григорьева (Вопросы литературы. 1965. № 7. С. 254–255).

Датируется на основании пометы П.А. Плетнева на подлиннике: "П⟨олучено⟩ и о⟨твечено⟩ 13 октября 1859".

Петр Александрович Плетнев, известный литератор пушкинской эпохи (поэт, критик, журналист), в 1850-х годах был ректором Петербургского университета и академиком. Как видно из двух публикуемых писем Г. к Плетневу, они ранее не были лично знакомы, хотя Плетнев еще в 1846–1847 гг. обратил внимание на стихи и статьи Г., особенно на отзыв о "Выбранных местах из переписки с друзьями" Н.В. Гоголя; Плетнев писал другу 16 апреля 1847 г.: «Читал ли в "Московском городском листке" разбор книги Гоголя? Это из всего виденного и читанного мною достойнее внимания, исключая то, что содержится в начале статьи. А какую дичь несет этот же критик А.Г. (говорят, какой-то Григорьев) в обозрениях журналов!» (Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 53; см. также т. 2. С. 763; *Плетнев П.А.* Соч. СПб., 1885. Т. 2. С. 534). Просьба, на что намекает Г. в настоящем письме, относительно его устройства на государственную службу (см. письмо Эдельсону, написанное около 11 марта 1861 г. – № 260), осталась невыполненной: видимо, Плетнев не смог (или не захотел) помочь. Во втором письме Г. обращается к Плетневу, надеясь на его влияние в Главном управлении цензуры (хотя формально Плетнев не был его членом). Но и здесь Плетнев не помог: см. примеч. 1 к письму М.П. Погодину от 20 октября 1860 г. (№ 244). Однако Плетнев ходатайствовал перед генералом Путятой, как это видно из письма Плетнева к кн. В.Ф. Одоевскому от 15 декабря 1860 г. (см. *ЛН*. Т. 22–24. С. 268–269), о назначении Г. учителем русской словесности в Оренбургский кадетский корпус.

[1] *Просьбу мою...* – О сути просьбы см. письмо к Плетневу от 24 октября 1860 г. (№ 245).

[2] *... в квартире г-жи Дубровской...* – См. примеч. 7 к письму от конца августа 1859 г. (№ 230).

233. Барону М.А. КОРФУ

7 декабря 1859

Печатается по подлиннику: Архив *РНБ*. Ф. 1. Оп. 1. 1859. Ед. хр. 60. Л. 62.
Впервые опубликовано М.Д. Эльзоном: Русская литература. 1995. № 2. С. 163.

Барон М.А. Корф был директором Императорской Публичной библиотеки (ныне – РНБ) в 1849–1861 гг. Личные связи Г. с ним неизвестны. Неизвестно также участие Г. в "Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами", который начал выходить в Петербурге в 1861 г. (ц.р. 1-го тома – 20 марта). Нельзя согласиться с предположением М.Д. Эльзона в предисловии к публикации письма (с. 162), что Г-ву может принадлежать рецензия на 1-й том "Словаря..." в ж. "Время" (1861, № 6): содержание и стиль рецензии совершенно не григорьевские, да и мало вероятно, чтобы Г., фактически рассорившись с братьями Достоевскими и готовясь к отъезду в Оренбург, мог в мае 1861 г. писать рецензию для "Времени".

На письме Г. резолюция карандашом: "Согласен. 7 дек.".

[1] *... в отделении изящных художеств.* – О структуре библиотеки см.: История Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 15. Имеется в виду литература по эстетике и филологии, в том числе на иностранных языках. (Примеч. М.Д. Эльзона.)

[2] *... в издании Энциклопедического лексикона.* – Речь идет об "Энциклопедическом словаре" (1861–1863).

1859–1860

234. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

Декабрь 1859 – январь 1860

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 1205 (Е.Н. Эдельсон). Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 25–26 об.
Впервые опубликовано: *Княжнин В.Н.* Литературная мысль. Альманах. № 2. 1923. С. 145–146.

Датируется приблизительно, по содержанию. О посещении Эдельсона см. в письмах Г. к М.П. Погодину от 30 января – 13 февраля 1861 г. (№ 257) и к Н.Н. Страхову от 20 марта 1862 (№ 275). У М.Ф. Дубровской в декабре 1859 г. родился ребенок и вскоре умер. О визите Эдельсона см. также в поэме Г. "Вверх по Волге", гл. 8.

1 ... *письмо, полученное мною от Фета.* – Письмо от А.А. Фета неизвестно.
2 "*Господь, заступник мой – кого убоюся?..*" – Ср. Пс. 58.10.

1860

235. К.К. СЛУЧЕВСКОМУ

2 января 1860

Печатается по подлиннику: *ГИМ*. Ф. 359 (К.К. Случевский: из собр. Щукина). Ед. хр. 54. Л. 1–2 об.
Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 256 (№ 99).
Датируется по содержанию: в 1860 г. 2-е января приходилось на субботу.

Хотя первые публикации поэта Константина Константиновича Случевского появились еще в 1857 г., фактически его вывел в литературный "свет" Г. Об этом писал сам поэт в статье "Одна из встреч с Тургеневым (Воспоминание)" (Денница. Альманах 1900 года. СПб. С. 200–202). Приятель Случевского, тоже молодой поэт, В.В. Крестовский в 1859 г. познакомил Г. со стихотворениями друга и с самим автором; Г. со свойственным ему увлечением увидел в Случевском гениального поэта, через Тургенева передал подборку стихотворений в "Современник", где первая группа из шести произведений была опубликована в январском номере за 1860 г. (вышел в свет 27 января). Г. в статье "Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности и о многих других вызывающих на размышление предметах" (Сын отечества. 1860. № 6, 7 февраля) восторженно отозвался о подборке "Современника", сравнил Случевского с Лермонтовым. Позднее Г. несколько стыдился своего восторга (см. письмо к Н.Н. Страхову от 12 августа 1861 г. – № 263), но не отказался от высокой оценки поэтического таланта Случевского.

1 ... *Вашим Клавдием...* – Возможно, В.В. Крестовский (см. *Материалы*. С. 390).

236. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

17 февраля 1860

Печатается впервые, по подлиннику: *РГИА*. Ф. 772. Оп. 1. 1860 г. Д. 5268. Л. 3.
На л. 7 сообщается, что дозволение получено.

1 ... *на Невском проспекте в доме Логинова под № 59.* – См. примеч. 7 к письму от конца августа 1859 г. – № 230. Г. ошибся, указывая дом № 59; нужно: № 60; нечетные номера тогда были на противоположной (северо-восточной) стороне Невского проспекта.

237. М.П. ПОГОДИНУ

Около 10 марта 1860

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. // II, 9, 36. Л. 1–2 об.

Впервые опубликовано: *Б* XVIII. С. 427–429. См. также *Материлы*. С. 256–258 (№ 100). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 345 (№ 57).

Датируется на основании слов Г., что Погодин "уже несколько дней" в Петербурге (приехал 6 марта 1860 г., а выехал в Москву 23 марта).

1 ... *биться за своих норманнов....* – Погодин приехал из Москвы в Петербург, чтобы принять участие в публичном диспуте с Н.И. Костомаровым о происхождении Руси. Диспут состоялся 19 марта 1860 г. в актовом зале Санкт-Петербургского университета.

2 ... *просил его прямо помочь моей личности.* – Речь идет, очевидно, о просьбе к В.А. Кокореву.

3 ... *успел снять с него фигуру Петра...* – На обложке журнала "Русский мир" вначале фигурировало изображение памятника Петру I (Медного всадника), потом оно было снято.

4 ... *статью, которой ясно вызывал на ответ тушинцев.* – Статья Г. – «После "Грозы" Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу», письма I–II (Русский мир. 1860. № 5, 6, 9, 11).

5 ... *в... форме фёльетонов... катать... современные безобразия мысли.* – "Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности и о многих других вызывающих на размышление предметах", статьи I и II (Сын отечества. 1860. № 6, 7).

6 ... *Н.Н. Страхов...* – См. "Воспоминания об А.А. Григорьеве" Н.Н. Страхова (*Воспоминания I*. С. 435–436).

7 ... *профессор Шилль...* – См. *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских "Время". М., 1972. С. 97–99.

8 ... *прилагаемые у сего тетрадки...* – О каких тетрадях идет речь, неизвестно.

238. В КОМИТЕТ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ (ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА)

30 апреля 1860

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 155 (Литфонд). Папка с делами за 1859–1860 гг. Л. 541–542 об.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 258–259 (№ 102). Наверху написано "№ 205, *19-ое заседание*, 1-го мая 1860".

1 ... *восемь сот рублей...* – См. расписку от 3 мая 1860 г. (№ 239).

239. В КОМИТЕТ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ (ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА)

3 мая 1860

Печатается впервые, по подлиннику: *РНБ*. Ф. 438 (Литфонд). Т. IX. Л. 30.

240. Н.Н. СТРАХОВУ

10 июня 1860

Печатается по подлиннику: *ЦНБ*. III. 17092.
Впервые опубликовано: *ТГУ 167*. С. 164 (№ 1).

Николай Николаевич Страхов, идейный ученик Г. в сфере литературной критики, был самым близким другом учителя в 1861–1864 гг. (познакомились они, очевидно, в начале 1860 г., но наиболее тесно сблизились в период совместного участия в журналах Достоевских). Страхов был очень аккуратным человеком, в порядке и полноте содержавшим архив; в нем и сохранились 22 письма Г., очевидно, полный их комплект; это наиболее крупное собрание писем Г., если не считать 167 писем к М.П. Погодину. Ответные письма Страхова не сохранились. Известны только черновики двух писем Страхова к Г., 1860 и 1862 гг. (опубликованы: *ТГУ 167*. С. 170–171). Обнародовав вскоре после смерти учителя "Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве" (Эпоха. 1864. № 9. Отд. VIII. С. 1–55), Страхов включил в их текст 12 писем Г. к нему, но с большими сокращениями. В.Н. Княжнин в *Материалах* восстановил некоторые купюры, но весьма ограниченно; более полно, фактически лишь с изъятием нецензурных слов, напечатал эти 12 писем Р.В. Иванов-Разумник (*Воспоминания I*. С. 440–507); эти письма, очевидно, бывшие в редакции "Эпохи", ныне хранятся в *ИРЛИ*. Однако Страхов опубликовал далеко не все письма Г. к нему, утаив у себя 10 писем: это самые драматические и страстные письма Г. Сейчас они хранятся в киевской части архива Страхова (опубликованы: *ТГУ 167*. С. 167–170). В настоящем издании все 22 письма впервые печатаются без купюр.

О творческих взаимоотношениях и о различиях взглядов двух литераторов см.: *Горбанев Н.А.* Ап. Григорьев и Н.Н. Страхов (Филологические науки. 1988. № 1. С. 19–25).

241. Н.Н. СТРАХОВУ

17 сентября 1860

Печатается по подлиннику: *ЦНБ*. III. 17093.
Впервые опубликовано: *ТГУ 167*. С. 164–166 (№ 2).

[1] *"Маловер! почто усумнился еси?"* – Ср. Мф. 14.31: "маловере, почто усумнелся еси".
[2] *В таковое безобразие впал друг наш Степан...* – Речь идет о статье С.С. Дудышкина "Пушкин – народный поэт", которая появилась в "Отечественных записках" (1860, № 4. С. 57–74).
[3] *Статья же моя о Пушкине, в ответ на безобразие Степана...* – Статья Г. о Пушкине, которая имеет то же название, как и статья Дудышкина (см. следующее письмо, № 242), остается неизвестной.
[4] *... в пределы своего откупа.* – Т.е. в "Библиотеку для чтения".

242. М.П. ПОГОДИНУ

Между 17 и 28 сентября 1860

Печатается по подлиннику: *РГИА*. Ф. 1108. Оп. 2. Д. 19 (фонд М.П. Погодина). Л. 1–2.

Впервые опубликовано: Вестник Московского университета. Сер. 9. Филол. 1981. № 6. С. 45–46.

Датируется по непосредственной связи с предыдущим письмом – к Н.Н. Страхову от 17 сентября 1860 г., № 241 (упоминание статьи о Пушкине), но предшествует письму к Погодину от 28 сентября 1860 г. (№ 243).

[1] *De profundis clamavi ad Te, Domine!* – Пс. 129. 1.
[2] *Статья же моя: "Пушкин – народный поэт"...* – См. примеч. 3 к предыдущему письму (№ 241).
[3] *... статью Дудышкина, под тем же заглавием.* – См. примеч. 2 к предыдущему письму (№ 241).
[4] *О*** – А.Н. Островский.
[5] *Э*** – Е.Н. Эдельсон.
[6] *А*** – Б.Н. Алмазов.
[7] *... я, отец чужих детей...* – См. примеч. 4 к письму Эдельсону, написанному около 11 марта 1861 г. (№ 260); примеч. 3, 4, 6 к письму Погодину от 16–17 октября 1861 г. (№ 266).

243. М.П. ПОГОДИНУ

28 сентября 1860

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 36. Л. 5–6 об.

Впервые опубликовано: *Б* XVIII. С. 443. См. также *Материалы*. С. 260 (№ 103). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 345-346 (№ 58).

Год устанавливается по связи с письмами от октября 1860 г., посвященными возобновлению "Москвитянина".

[1] *... "Московский вестник", который, кажется, провалится.* – "Московский вестник" (1859–1877) – московская газета (еженедельная), издававшаяся И.В. Павловым.
[2] *... в формате "Домашней беседы" Аскоченского (но не во вкусе ее).* – "Домашняя беседа" (1856–1877) – реакционная петербургская газета, издававшаяся В.И. Аскоченским.

244. М.П. ПОГОДИНУ

20 октября 1860

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 36. Л. 3–4 об.

Впервые опубликовано: *ТГУ 358*. С. 346 (№ 59).

На л. 4 об. почтовый штемпель: "Москва. 20 окт. 1860".

[1] *Был в Комитете и видел бумагу, при коей отправлена просьба.* – Речь идет о возобновлении попыток Г. добиться разрешения на возрождение "Москвитянина". Для этого он должен был через Московский цензурный комитет обратиться с просьбой в Главное управление цензуры. 16 ноября 1860 г. Главное управление отказало Г. в его просьбе на том основании, что с мая 1860 г. он числился редактором-издателем "Драматического сборника". См. об этом: *Марчик А*. Неизвестные письма Ап. Григорьева (Вопросы литературы. 1965. № 7. С. 254–256). См. черновик ответа Главного управления цензуры: *ЛН*. Т. 86. С. 574, а также письма Г. от 24 октября 1860 г. (№ 245 и 246).

245. П.А. ПЛЕТНЕВУ

24 октября 1860

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 234 (П.А. Плетнева). Оп. 3. Ед.хр. 183. Л. 3–4.

Впервые опубликовано: *Марчик А*. Неизвестные письма Ап. Григорьева (Вопросы литературы. 1965. № 7. С. 255). См. также *ЛН*. Т. 86. С. 572.

[1] *... с покорнейшей просьбой...* – В письме от 13 октября 1859 г. (№ 232).

246. А.Н. МАЙКОВУ

24 октября 1860

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. 16772. CVII б. 11. Л. 3–4 об.

Впервые опубликовано: *Зильберштейн И.С.* Аполлон Григорьев и попытка возродить "Москвитянин" (накануне сотрудничества в журнале "Время") (*ЛН*. Т. 86. С. 572–573).

[1] ... *мое первое послание...* – Все известные предыдущие письма Г. к Майкову посланы из Италии более двух лет назад (последнее – 18 или 20 мая 1858 г.). Вряд ли "первое послание" подразумевает одно из них, скорее всего речь идет о более позднем, неизвестном письме.

[2] ... *"jacta est alea"*. – Слова Юлия Цезаря (см. *Светоний Транквил Гай*. Жизнь двенадцати Цезарей. ⟨ Изд. 2-е⟩. М., 1993. С. 16. "Литературные памятники").

[3] *Программа "Москвитянина"... послана на прошлой неделе в Главное управление цензуры... труднее отказать, чем пропустить*. – Надежда Г., что разрешение на возобновление "Москвитянина" будет получено, не оправдалась. Объясняя причины запрещения журнала, П.А. Вяземский писал Погодину 16 ноября 1860 г.: «... Не "Москвитянин" встретил сопротивление, а предполагаемый редактор (Григорьев)» (*Б* XVIII. С. 432).

[4] ... *какие вы там "Искусства" затеяли?* – Журнал "Искусство" выходил два раза в месяц с сентября по декабрь 1860 г., вышло всего шесть номеров.

[5] ... *мой орленок?* – Речь идет о К.К. Случевском.

[6] ... *в собственном доме*. – Дом Г. (снесен в 1962 г.) располагался на месте современного дома по ул. Малая Полянка, 12.

247. М.П. ПОГОДИНУ

30 октября 1860

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 36. Л. 7–8 об.

Впервые опубликовано (четвертый абзац): *Б* XVIII. С. 443. См. также *Материалы*. С. 260 (№ 104, отрывок). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 347 (№ 60).

248. М.П. ПОГОДИНУ

31 октября 1860

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 36. Л. 9–10 об.

Впервые опубликовано (частично): *Б* XVIII. С. 443–444. См. также *Материалы*. С. 260–261 (№ 104, отрывки, слитые с предыдущим письмом). Полностью: *ТГУ 358*. С. 347–348 (№ 61).

Датируется предположительно, по непосредственной связи с письмом от 30 октября (№ 247): написано после него и по получении неизвестного ответного письма Погодина. Дневниковая запись Погодина: "31. Григ. о журн." (см. *Материалы*. С. 391) относится, очевидно, к настоящему письму.

[1] ... *г. Боруцкого...* – Возможно, Дезидерий Иванович Боруцкий, помощник правителя канцелярии Московского учебного округа.

249. М.П. ПОГОДИНУ

5 ноября 1860

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 36. Л. 11–11 об.
Впервые опубликовано: *ТГУ 358*. С. 348 (№ 62).

250. М.П. ПОГОДИНУ

Первая половина ноября 1860

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 36. Л. 13–15 об.
Впервые опубликовано: *Б* XVIII. С. 429–432. См. также *Материалы*. С. 261–262 (№ 105). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 349 (№ 63).

Датируется по содержанию: судя по письму, Г. еще надеется стать редактором возобновляемого “Москвитянина”. Однако из письма П.А. Вяземского от 16 ноября 1860 г. Погодин узнал, что «не “Москвитянин” встретил сопротивление, а предлагаемый редактор (Григорьев)» (см. *Б* XVIII. С. 432). 16 же ноября 1860 г. Главное управление цензуры подготовило ответ Московскому цензурному комитету, что Г. не дозволено возобновить издание “Москвитянина”, так как в мае 1860 г. ему уже было разрешено “принять... редакцию” петербургского журнала “Драматический сборник” и издавать его под названием “Драматическая библиотека” (*Зильберштейн И.С.* Аполлон Григорьев и попытка возродить “Москвитянин” (накануне сотрудничества в журнале “Время”) // *ЛН*. Т. 86. С. 574).

1 ... *“у Добчинского зуб со свистом”*. – В “Ревизоре” Бобчинский обращается к Добчинскому: “Не перебивайте; вы не расскажете, ей-Богу, не расскажете, вы пришепетываете; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом...” (д. 1, явл. 3).

251. М.П. ПОГОДИНУ

Апрель – июнь 1857 или октябрь–ноябрь 1860⟨?⟩

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 36. Л. 34–34 об.
Впервые опубликовано: *ТГУ 358*. С. 353 (№ 67), с датой “1863?”.

Датируется условно. Помета в автографе “1863” поставлена неизвестной рукой. Однако письмо не может относиться к этому году. Поддержку, о которой идет речь, Г. активно искал для “Москвитянина” весной и летом 1857 г., до отъезда за границу. Цитату из “Мертвых душ” он употребил в письмах к Е.Н. Эдельсону и А.В. Дружинину от июля 1856 г. (№ 151, 152). О “Москвитянине”, как о “нашем деле” Г. писал в 1856, 1857 гг., а также осенью 1860 г., когда он попытался в последний раз возродить журнал. Поэтому по содержанию письмо можно отнести к периоду до отъезда в Италию или к октябрю–ноябрю 1860 г.

1 ... *“не на вольнодумней химере юности”* ... – См. примеч. 3 к письму от июля 1856 г. – № 151.

252. Князю В.Ф. ОДОЕВСКОМУ

14 декабря 1860

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 86–86 об. Автограф вклеен кн. В.Ф. Одоевским в его дневник.

Впервые опубликовано: *ЛН*. Т. 22-24, 1935. С. 268; также: *ЛН*. Т. 86. 1973. С. 574.

Писатель и общественный деятель князь Владимир Федорович Одоевский был известен своей благотворительностью и доброжелательством. Г. надеялся, что князь знает его произведения, однако имя просителя ничего тому не говорило. Но в тот же день, 14 декабря 1860 г., Одоевский принял Г. и записал в дневнике: "Приходил ко мне литератор (не знаю, что он писал) Аполлон Александрович Григорьев, но в такой бедности, что жалко смотреть. На беду у меня всего до первого числа было 30 рублей; я отдал ему половину, а уже как обернусь в эти две недели – не знаю" (*ЛН*. Т. 22–24. С. 119–120). Вклеив письмо Г. в свой дневник, Одоевский записал на листке (л. 87): «Он в крайней бедности, почти без сапогов. Он принес мне статью "Вопрос о народности и его естественные границы", написанную ужаснейшим почерком; но что я мог прочесть, то показалось мне весьма замечательным» (там же, с. 268). 15 декабря 1860 г. Одоевский писал П.А. Плетневу о Г.: "Я его вовсе не знаю ⟨...⟩ Он оставил у меня рукописную статью ⟨...⟩ весьма замечательную; есть в человеке и мысли, и славный язык, а между тем он умирает от голода" (*Марчик А.П.* Неизвестные письма Ап. Григорьева // Вопросы литературы. 1965. № 7. С. 256). О том, "как помочь Григорьеву", Одоевский говорил также с М.М. Достоевским 28 декабря 1860 г. (*ЛН*. Т. 22-24. С. 123). Возможно, статья Г. "Народность и литература" (Время. 1861. № 2. Отд. II. С. 83–112) и есть та статья, которую читал Одоевский. Подробнее см.: *Зильберштейн И.С.* Аполлон Григорьев и попытка возродить "Москвитянин" (накануне сотрудничества в журнале "Время") // *ЛН*. Т. 86. С. 574–577.

253. М.П. ПОГОДИНУ

30 декабря 1860

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 36. Л. 16. На том же л. 16 расписка: "Означенную рукопись получил. Января 4 дня 1861 года. Н. Сушков".

Впервые опубликовано: *ТГУ 358*. С. 349 (№ 64).

1 ... *рукопись "Записки ненужного человека"*. – Возможно, статья Г. "О постепенном но быстром и повсеместном распространении невежества и безграмотности в российской словесности. (Из заметок ненужного человека)", которая была опубликована за подписью "Один из многих ненужных людей" (Время. 1861. № 3).

254. А.П. МИЛЮКОВУ

31 декабря 1860

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. 10.277 / XIV с. 94. Л. 1.

Впервые опубликовано (с небольшими сокращениями): *Милюков А*. А.А. Григорьев и Л.А. Мей. (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1883. № 1. С. 100. См. также *Материалы*. С. 263 (№ 106).

Три сохранившиеся письма Г. к Александру Петровичу Милюкову, литератору и журналисту, относятся к 1860–1861 гг., к периоду их совместного участия в либерально-эклектическом ежемесячном журнале “Светоч”, где Милюков заведовал редакцией. Сблизились они в 1860 г. Г. посвятил Милюкову перевод байроновского “Прометея” (см. примеч. 1), но относился к коллеге, хотя и с симпатией, однако достаточно сдержанно (см. письма к Н.Н. Страхову от 12 и 21 августа 1861 г.). Милюков же всегда ценил Г. как поэта, критика, человека и посвятил ему интересные воспоминания (впервые опубликованы: Исторический вестник. 1883. № 1. С. 98–109; в исправленном и дополненном виде: *Милюков А.П.* Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 250–268; к сожалению, Р.В. Иванов-Разумник перепечатал ранний вариант (см. *Воспоминания I*. С. 557–565).

[1] ... *два довольно больших стихотворения Байрона...* – Как вспоминал А.П. Милюков, Г. не выполнил своего обещания и привез не два, а только одно стихотворение – перевод “Прометея” Байрона, из которого, по свидетельству Милюкова, “почти половина была отрезана цензором” (Исторический вестник. 1883. № 1. С. 100; см. об этом также в письме Г. к Милюкову от 25 февраля 1861 г., № 259). Перевод “Прометея” был опубликован в ж. “Светоч” (1861. № 2. С. 65–66; ц. р. 15 февраля 1861 г.). О каком втором переводе из Байрона упоминает в настоящем письме Г., неизвестно. Ранее, в 1860 г., в ж. “Светоч” Г. опубликовал перевод двух коротких стихотворений Байрона (“Прощай! И если за других...”, “Души твоей будь обитель светла!” – № 2. С. 8–9; ц. р. 5 марта 1860 г.).

1861

255. А.П. МИЛЮКОВУ

11 января 1861

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. 10.277 / XIV с. 94. Л. 2.

Впервые опубликован отрывок: *Милюков А*. А.А. Григорьев и Л.А. Мей. (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1883. № 1. С. 100. См. также *Материалы*. С. 263 (№ 107).

[1] ... *в Тарасовом доме*. – Т.е. в долговом отделении.

256. М.А. ЗАГУЛЯЕВУ

26 января 1861

Печатается впервые, по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 213 (М.А. Загуляев). Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 19–19 об.

Адресат этого единственного письма Г. Михаил Андреевич Загуляев – плодовитый, но мало интересный публицист, литературный критик, журналист, переводчик второй половины XIX в. Он не входил в круг близких к Г. лиц. Г. хотел с ним встретиться или по журнальным делам (в 1861 г. Загуляев был близок к редакциям “Сына отечества” и “Русского мира”), или по переводческим, узнав, что Загуляев переводит шекспирова “Гамлета” (перевод затем был опубликован отдельным изданием в 1861 г., а также печатался в декабре того же года в “Русском мире”).

257. М.П. ПОГОДИНУ

30 января – 13 февраля 1861

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог. / II, 9, 36. Л. 18–20 об.

Впервые опубликовано (с пропусками): *Б* XVIII. С. 444–446. См. также *Материалы*. С. 263–265 (№ 109). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 349–351 (№ 65).

Последний лист письма – на обороте черновика начала статьи Г. "Знаменитые европейские писатели перед судом русской критики" (опубликована в № 3 "Времени" за 1861 г., ц. р. 21 февраля): "Европейские писатели перед судом Российской критики (из заметок ненужного человека). *Вот* № . Alea jacta est – жребий брошен! говорю я, уподобляя хоть на минуту – что все-таки приятно щекочет грешное человеческое самолюбие – Юлью Цесарю, переступившему Рубикон с этими словами, себя, маленького, мелкотравчатого человека, ненужного человека, никакого ⟨...⟩".

1 ... *воспитать двух детей, носящих мое прозвище.* – Г. имеет в виду детей Л.Ф. Григорьевой Петра и Александра, носивших отчество по имени Г. (см. также письмо к Е.Н. Эдельсону, написанное около 11 марта 1861 г., № 260).

2 ... *Тушинский лагерь...* – Т.е. журнал "Современник".

3 ... *друзья Огарева не брали никогда сторону его распутной жены...* – Идет речь о М.Л. Огаревой (урожденной Рославлевой), с которой Огарев расстался в 1844 г. при полной поддержке друзей-западников.

4 ... *Некрасов... имеет право жить с женой приятеля под одной кровлей.* – Намек на жизнь Н.А. Некрасова в одной квартире с И.И. и А.Я. Панаевыми; с середины 1840-х по 1863 г. А.Я. Панаева была гражданской женой Некрасова.

5 ... *умирал мой собственный ребенок...* – У М.Ф. Дубровской в декабре 1859 г. родился и вскоре умер ребенок. О визите Эдельсона см. письмо Г. к нему от декабря 1859 г. – января 1860 г. (№ 234), а также поэму Г. "Вверх по Волге", гл. 8.

6 ... *разрыв мой с Катковым...* – В середине 1860 г. Г. был приглашен М.Н. Катковым сотрудничать в журнале "Русский вестник"; после того, как Катков отказался печатать статьи Г., а сам Г. растратил деньги, отпущенные ему для авансирования петербургских сотрудников, произошел их разрыв. Он проявился, например, в следующем году, когда Катков запретил Г. напечатать свой перевод "Ромео и Юлии".

7 ... *во вступлении к статье о Хомякове – о тьме и о взаимном толкании.* – Статья Погодина "Воспоминание об А.С. Хомякове" (Русская беседа. 1860. № 2. Отд. VI. С. 3).

258. Ф.М. ДОСТОЕВСКОМУ

1 февраля 1861

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. 29.683 / CCXI б. 3. Л. 1–2.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 263 (№ 108).

Сохранившиеся три письма Г. к Федору Михайловичу Достоевскому (см. еще № 301, 302) совершенно не соответствуют интенсивности их общения в 1861–1864 гг., когда Г. был главным литературным и театральным критиком в журналах братьев Достоевских "Время"

и “Эпоха”. Столь малое число эпистолярных материалов объясняется, во-первых, преимущественным пребыванием обоих литераторов в Петербурге, следовательно, и общение их было личное, а не письменное; во-вторых, когда Г. находился в Оренбурге или когда сидел в долговой тюрьме, то он писал обычно Н.Н. Страхову, подразумевая обращение ко всему редакционному кругу, и в первую очередь – к Достоевскому. Нельзя не учитывать и сложности взаимоотношений Г. и Достоевского. Лично они были знакомы, наверное, еще с середины 1840-х годов, со времени их петербурских литературных дебютов. В тогдашних рецензиях Г. истолковывал Достоевского, только что напечатавшего “Бедных людей”, как талантливого художника, ученика Гоголя, но впавшего в крайности (чрезмерное внимание к низменному, мелкому в жизни, ложносентиментальный тон); позднее Г. назовет этот метод “сентиментальным натурализмом” (см. опубликованную В.Л. Комаровичем незаконченную статью Г. 1860-х годов “Ф. Достоевский и школа сентиментального натурализма” в сб.: “Н.В. Гоголь. Материалы и исследования”. М.; Л., 1936. I. С. 249–254). В “москвитянинский” период, в связи с ростом у Г. негативного отношения к Гоголю и тем более к натуральной школе, усиливаются и критические ноты по отношению к творчеству раннего Достоевского; к концу 1850-х годов наступает перелом, и в письме к Н.Н. Страхову от 19 октября 1861 г. Г. оценивает Достоевского уже как значительно более глубокого, симпатичного, простого, искреннего писателя в сравнении с Гоголем, хотя, например, к роману “Униженные и оскорбленные” Г. отнесся весьма двойственно (см. письмо к Страхову от 12 августа 1861 г., № 263).

Тесное сближение Г. с Достоевским началось в 1861 г., с первых номеров журнала “Время”; Достоевский, используя идеи Г., развил теорию “почвенничества”, т.е. сближения “образованных” сословий с народом (но Г. был склонен в первую очередь проповедовать “опускание” до народного сознания, а Достоевский больше ратовал за просвещение народа; постепенно и Г. воспринял этот аспект). Однако взаимоотношения редактора “Времени” и ведущего критика журнала не были идиллическими, несмотря на ряд общих принципов; Достоевский в 1861 г. более радикально оценивал общественно-литературную ситуацию, сочувственно относился, при всех разногласиях, к революционно-демократическому “Современнику” (резкая полемика лишь назревала) и, наоборот, – несочувственно к славянофилам; Г. возмущался уступками “Современнику” и непризнанием большой исторической роли славянофильства. С другой стороны, он вызвал недовольство Достоевского своей непрактичностью и крайними увлечениями. Парадокс заключался в том, что Достоевский вначале был более радикален в общем социально-политическом смысле, но Г. с его усиливающимся пафосом личностного начала, с романтическим бунтарством оказывался часто “левее” Достоевского, тем более, что тот под влиянием обострения общественной борьбы, накала революционных страстей конца 1861–1862 гг. стал заметно “праветь”. Разногласия достигли кульминации уже весной 1861 г. (они отражены в последующих письмах Г. к Страхову). Г. в мае уехал в Оренбург; по возвращении через год тоже не оказалось полного единства, Г. даже основал свой собственный журнал “Якорь”, хотя сотрудничество в журналах Достоевских не прервал. Одна из последних статей Г. – “Парадоксы органической критики” (Эпоха. 1864. № 5, 6) – имеет подзаголовок “Письма к Ф.М. Достоевскому” и написана именно в эпистолярном жанре, как бы в личном обращении к редактору, и первые несколько страниц статьи посвящены подробному анализу расхождений. Достоевский, в свою очередь, вскоре написал обширное послесловие (“Примечание”) к воспоминаниям Страхова о Г. (Эпоха. 1864. № 9), где лишь вскользь и частично остановился на разногласиях.

Существует большая литература о творческих и личных взаимоотношениях двух литераторов, помимо соответствующих страниц в общих работах о Г.: *Laffite, Sophie.* Apollon Grigor’ev et Dostoevskij (“Revue des études slaves”. T. XLVIII. 1964. P. 13–16); *Селитренникова В.Г., Якушкин И.Г.* Аполлон Григорьев и Митя Карамазов // Филологические науки. 1969. № 1. С. 13–24); *Серман И.З.* Достоевский и Ап. Григорьев // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 130–142); *Ануфриев Г.Ф.* Аполлон Григорьев о творчестве Ф.М. Достоевского //

Ф.М. Достоевский. Н.А. Некрасов (Сборник научных трудов). Л., 1974. С. 68–86; *Осповат А.Л.* К изучению почвенничества (Достоевский и Ап. Григорьев) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978. 3. С. 144–150; *Зиганшина Н.Д.* Ап. Григорьев и Ф.М. Достоевский (Трансформация романтической коллизии) // Типологический анализ литературного произведения. Кемерово, 1982. С. 163–169; *Шихалиева Н.М.* Ап. Григорьев и Достоевский о романе "Дворянское гнездо" // Жанр романа в классической и современной литературе. Махачкала, 1983. С. 85–91; *Туниманов В.А.* Ап. Григорьев в письмах и "Дневнике писателя" Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1987. 7. С. 22–47; *Носов С.Н.* Проблема личности в мировоззрении Ап. Григорьева и Ф.М. Достоевского // Там же. Л., 1988. 8. С. 52–71. О "почвенничестве" в широком общественно-литературном контексте см. книги: *Dowler, Wayne.* Dostoevsky, Grigor'ev, and Native Soil Conservatism. Toronto, 1982; *Lazari A.* "Poczwiennictwo". Z badań nad historią idei w Rosji. Łódź, 1988.

1 *Статья пишется.* – Возможно, "Народность и литература" – первая большая статья Г., которая появилась в журнале "Время" (1861. Т. 1. Кн. 2. Отд. II. С. 83–112; ц. р. 9 февраля).

259. А.П. МИЛЮКОВУ

25 февраля 1861

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* 10.277 / XIV с. 94. Л. 3–4.

Впервые опубликовано (частично): *Милюков А.* А.А. Григорьев и Л.А. Мей (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1883. № 1. С. 101. См. также *Материалы.* С. 265 (№ 110).

1 *Обещанная статья... кончится к середе.* – Статья Г. "Реализм и идеализм в нашей литературе. (По поводу нового издания сочинений Писемского и Тургенева)" была напечатана в ж. "Светоч" (1861. № 4; ц. р. 20 апреля).

2 ... *в "Прометее".* – См. примеч. 1 к письму от 31 декабря 1860 г., № 254.

260. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

Около 11 марта 1861

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 1205 (Е.Н. Эдельсон). Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1–3 об.

Впервые опубликовано В.А. Бочкаревым и Э.Г. Фрейтагом: Учен. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. 1942. Вып. 6. С. 196–197.

Авторство устанавливается по почерку и по содержанию. Датируется по содержанию: Г. уже два месяца находится в долговом отделении, куда его посадили 11 января 1861 г.

1 ... *доверенность... на те деньги... от "Русского мира".* – Неизвестно, за какую работу Г. надеялся получить деньги от "Русского мира": последние его стихотворения, там опубликованные – "Импровизации странствующего романтика", – появились в феврале 1860 г. (№ 11, 12), следующее – перевод Байрона, "Не вспоминай!" – появится только в сентябре 1861 г. (№ 72).

2 *Купидоша* – персонаж комедии А.Н. Островского "В чужом пиру похмелье" (1855).

3 ... *"не у бо прииде час воли Божией".* – Вероятно, это контаминация: "не у бе пришел час Его" (Ин. 7.30); "не у прииде час Мой" (Ин. 2.4); "яко приидет час суда Его" (Откр. 14.7).

4 ... *пристроить Петра и Александра... к "младенцу" Федору я не имею особенных обязанностей.* – У Л.Ф. Григорьевой было четыре сына: Владимир, Петр, Александр, Федор;

Владимир умер, прожив всего несколько недель. См. письмо к Погодину от 16–17 сентября 1861 г. (№ 266).

5 ... *так ли поступали друзья Огарева... у Огарева денег много, а у меня их нет.* – См. примеч. 3 к письму от 30 января – 13 февраля 1861 г., № 257.

6 *И грустно мы... Сплетаясь тихо голыми ветвями!* – Неточная цитата из стихотворения Н.П. Огарева "Друзьям" (нач. 1840-х годов). У Огарева не "тихо", а "дружно".

261. Н.Н. СТРАХОВУ

18 июня 1861

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. **Р** II. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 1–4 об.

Впервые опубликовано (с пропусками): *Страхов I.* С. 8–10 (I). См. также *Материалы.* С. 266–269 (№ 111); впервые полностью: *Воспоминания I.* С. 440–448.

1 *"Страх, его же убояхся, найде на мя"* ... – Иов. 3, 25.

2 ... *"Какие же глубокие мыслители Киреевский, Хомяков, о. Феодор?"* ... – Возможно, поводом к этим словам М.М. Достоевского явилась фраза в статье Г. "Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия": "Все остальное встречаем мы в мыслителях, как Хомяков, Киреевский, отец Феодор (я напоминаю только о ближайших к нам)" (Время. 1861. № 5).

3 ... *вроде драмы Гербеля...* – Описка Г.: на самом деле – драма Ф. Геббеля "Магдалина" в переводе А. Плещеева и В. Костомарова (Время. 1861. № 2).

4 ... *не загонять, как почтовую лошадь, высокое дарование Ф. Достоевского...* – В первой публикации этих писем в "Эпохе" Ф.М. Достоевский сделал здесь особое примечание.

5 ... *Ерошки...* – Кого имеет в виду Г., сказать трудно; возможно, так называли Егора Александровича Моллера (1812–1879), очеркиста и фельетониста, сотрудника "Библиотеки для чтения", "Отечественных записок", "Времени".

6 ... *статью о Толстом...* – Первая и вторая статьи Г. "Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения" были напечатаны в № 1 и 9 "Времени" за 1862 г. (ц. р. 8 января и 14 сентября).

7 ... *продолжения статей о народности в литературе,...* – Статья Г. "Лермонтов и его направление. Крайние грани развития отрицательного взгляда. Статья первая. Элементы поэтической деятельности Лермонтова" (Время. 1862. № 10; ц. р. 11 октября) появилась как продолжение цикла статей о народности. В примечании к этой статье Г. написал, что начинает "снова прерванный 〈...〉 ряд статей о развитии идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина до настоящей минуты...". Тот цикл состоял из четырех статей: "Народность и литература" (1861. № 2), "Западничество в русской литературе. Причины происхождения его и силы" (Время. 1861. № 2), "Белинский и отрицательный взгляд в литературе" (1861. № 4), "Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия" (1861. № 5).

8 *Щедрин... как Калинович... метал перуны.* – М.Е. Салтыков-Щедрин был тверским вице-губернатором с 1860 по 1862 г.; Калинович – герой романа Писемского "Тысяча душ".

9 ... *"человек он был!"* ... – Знаменитая, по игре П.С. Мочалова, фраза Гамлета о его отце ("Гамлет", акт 1, сцена 2; перевод Н. Полевого).

10 ... *человека, находящегося... под... опалою... Синода.* – Отец Феодор (в миру А.М. Бухарев) находился в это время в ссылке в Переславском Никитском монастыре.

11 ... *статьею...* – Возможно, "Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения. Статья первая" (Время. 1862. № 1; ц. р. 8 января 1862 г.).

262. Н.Н. СТРАХОВУ

18 июля 1861

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 5–6.

Впервые опубликовано (с пропусками): *Страхов I*. С. 12–13 (II). См. также *Материалы*. С. 269–271 (№ 112). Впервые полностью: *Воспоминания I*. С. 450–452.

[1] *А тот, чей острый ум... тебя лукаво порицал*. – См. стихотворение Пушкина “Полководец” (1835), где речь идет о М.Б. Барклае-де-Толли: “И тот, чей острый ум...”

[2] *“Il n'y a que des pensées étroit⟨e⟩s qui regissent le monde”*... – Подобная цитата у Э.Ж. Ренана не обнаружена. Очевидно, имеется в виду следующее место из предисловия Ренана к сборнику “Труды по истории религии” (Etudes d'histoire religieuse. P., 1857): “Les hommes se réunissent par leurs pensées étroites bien plus que par leurs pensées larges” (“Люди объединяются своими узкими мыслями лучше, чем широкими”).

[3] *Ангелу Сардийской церкви*. – См. Откр. 3.1.

[4] *Ты разложил, например, Бетховена*... – Печатные работы Страхова о Бетховене неизвестны. Возможно, указанные мысли Страхов высказывал в письмах к Г.

263. Н.Н. СТРАХОВУ

12 августа 1861

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 7–10.

Впервые опубликовано (с пропусками): *Страхов I*. С. 13–16 (III). См. также *Материалы*. С. 271–274 (№ 113). Впервые полностью: *Воспоминания I*. С. 452–459.

[1] ... *твое письмо*... – Письмо Страхова неизвестно.

[2] *Роман Полонского*... – Роман в стихах Я.П. Полонского “Свежее преданье” начал печататься в июньской книжке “Времени” за 1861 г.

[3] ... *баронессы*. – Полонский придал героине романа некоторые черты графини Е.П. Ростопчиной (следует еще учесть, что в “политическом” стихотворении Ростопчиной “Насильный брак” (1845) о бароне и баронессе современники усматривали автобиографические намеки), но в целом он далеко отошел от прототипа: например, Ростопчина перенесла свой салон из Петербурга в Москву лишь в конце 1840-х годов, между тем как в романе “Свежее преданье” описывается московский салон 1830–1840-х годов.

[4] ... *Ключникова (т.е. Камкова)*. – Т.е. Клюшников. В Камкове, герое “Свежего преданья”, современники узнавали черты И.П. Клюшникова (Г. называет его: Ключников).

[5] *Как Норма, вся в одежде белой*. – Строка из поэмы Н.П. Огарева “Зимний путь” (1855).

[6] ... *“Кузнечика”*... – Поэма Полонского “Кузнечик-музыкант” (Русское слово. 1859. № 3).

[7] *Педант, вареный на меду*. – Эпиграмма на П.Н. Кудрявцева датируется 1852 г. (см. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 28 тт. Соч. Т. 15. С. 415). Эту же цитату привел Г. в своих воспоминаниях “Мои литературные и нравственные скитальчества”, во второй части (Время. 1862. № 12; ц. р. 7 декабря 1861 г.).

[8] ... *Плещеев в острог попал*. – Г. неправ: при Николае I “в острог“ попадали за такие “провинности”, которые в других условиях отнюдь не влекли за собой заключение в тюрьму; ведь арестовывали цензоров за пропуск в печать достаточно невинных произведений; значительная часть петрашевцев (в том числе и Плещеев) тоже не совершала противоправных действий, а лишь обсуждала социальные проблемы, но поплатилась каторгой и ссылками; ничего комического в этом не было.

[9] ... *"Уме недозрелый" и проч....* – Стихи А.Д. Кантемира ("Уме недозрелый, плод недолгой науки! Покойся, не понуждай к перу мои руки!") Белинский процитировал в заключение рецензии на сборник "Стихотворения 1845 г. Я.П. Полонского". (В этой же рецензии Белинский писал также о "Стихотворениях Аполлона Григорьева" 1846 г.) См. *Белинский В.Г.* Собр. соч. в 9 тт., М., 1982. Т. 8. С. 499.

[10] ... *так наивный в отношении к Случевскому...* – Восторженное отношение Г. к стихам молодого поэта К.К. Случевского нашло отражение в статье "Беседы с Иваном Ивановиичем о современной нашей словесности..." (Сын отечества. 1860. № 6, 7 марта. С. 166–168).

[11] ... *мой молодой орленок...* – К.К. Случевский.

[12] ... *Милюков окончательно его допортил.* – Круг молодых сотрудников "Времени" и "Светоча", куда входил и более старший А.П. Милюков, отличался довольно распущенным бытовым поведением.

[13] ... *объяснение Геродотовой Скифии и другие вещи Надеждина...* – Имеется в виду обширный труд Н.И. Надеждина "Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями" (Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 3–114). В этой и ряде других статей Надеждин явился одним из основателей русской исторической географии.

[14] ... *взгляды на мифы и историю Сенковского...* – Английской и французской монографиям о древнеассирийском городе Ниневия О.И. Сенковский посвятил обширную рецензию со своими собственными толкованиями и уточнениями (Библиотека для чтения. 1841. № 4. Отд. VI. С. 37–42); Г., видимо, привлекала "простонародная" трактовка Гомера: главное в Гомере, считал Сенковский, simplicitas, но не простота, "а простонародность ⟨...⟩ со всем своим наивным остроумием, со своей бойкой речью, с своими живописными выражениями из буднишной ⟨так!⟩ жизни, с своими оборотами в распашку" (с. 38). В истолковании древней истории, мифологии, литературы Сенковский, подобно славянофилам, был большим фантазером, предпочитавшим фактам нужные ему идеи.

[15] ... *религиозные брошюры и записки о всемирной истории Хомякова...* – Три брошюры А.С. Хомякова на религиозные темы, которые в России запрещала духовная цензура, при жизни Г. были опубликованы за границей (Париж, 1853; Лейпциг, 1855; Лейпциг, 1858; все – на фр. яз.); название последней брошюры см. в примеч. 5 к письму от 26 августа – 7 октября 1859 г., № 231. "Записки о всемирной истории" (название условное, данное издателем И.С. Аксаковым; в кругу Хомякова было принято шутливое название – "Семирамида") при жизни Хомякова и Г. не публиковались (впервые – 1873); Г., очевидно, читал сочинение в рукописи.

[16] ... *Погодинские письма к покойному Николаю в сфере политики.* – Четырнадцать "Политических писем" Погодина написаны им в 1853–1856 гг. (впервые опубликованы в 1874 г.). См. примеч. 8 к письму М.П. Погодину, написанному около апреля 1857 г., № 167.

[17] ... *статью о Чернышевском, сведенном с Д. Писаревым...* – Имеется в виду статья Н.Н. Страхова "Еще о петербургской литературе" (Время. 1861. № 6. Отд. II. С. 137–154). Речь там идет о статьях Писарева "Схоластика XIX века" и Чернышевского "О причинах падения Рима".

[18] ... *трупы хладные... детей.* – Цитата из стихотворения К.Ф. Рылеева "Стансы" (1824).

[19] ... *половину статьи о Толстом.* – "Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения. Статья первая" (Время. 1862. № 1; ц.р. 8 января 1862 г.).

[20] *Поклон... Щеглову...* – Статья Д.Ф. Щеглова, содержавшая довольно резкую критику ряда научных положений П.М. Леонтьева, появилась под заглавием "Экономические реформы Рима" (Время, № 5 и 6 за 1861 г.).

[21] *...роман Достоевского?* – Окончание романа "Униженные и оскорбленные" было напечатано во "Времени" (№ 6 за 1861 г.).

264. Н.Н. СТРАХОВУ

21 августа 1861

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Р. II. Оп. 1. № 88. Л. 11–13.

Впервые опубликовано (с пропусками): *Страхов I*. С. 17–18 (IV). См. также *Материалы*. С. 274–275 (№ 114). Впервые полностью: *Воспоминания I*. С. 461–463.

[1] *Geh und bete – помнишь*? – Страхов пояснил, что с этими словами Г. настойчиво приставал к нему однажды, требуя молитвы и получения Божьего указания относительно некоего сложного жизненного выбора (*Воспоминания I*. С. 494).

[2] ... *с твоей статьею о Писемском*... – Время. 1861. № 7; ц. р. 3 июля. Вышло 30 июля. В нем (отд. II) – анонимная статья Страхова "Несколько слов о г. Писемском по поводу его сочинений. Т. I, СПб. 1861".

[3] ... *что там наворотил П.А. Кусков?..* – В № 7 "Времени" за 1861 г. помещено «Письмо П.А. Кускова к "Русскому Вестнику"».

265. Н.Н. СТРАХОВУ

23 августа 1861

Печатается по подлиннику: *ЦНБ*. III. 17094.

Впервые опубликовано: *ТГУ 167*. С. 166 (№ 3).

[1] *Прочти вещь сам... имеет достоинства*. – Ни во "Времени", ни в "Светоче" не было напечатано сочинение Н.А. Середы.

266. М.П. ПОГОДИНУ

16–17 сентября 1861

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. Пог./II, 9, 36. Л. 21–27 об.

Впервые опубликовано (с купюрами): *Б* XVIII. С. 447–451. См. также *Материалы*. С. 276–279 (№ 115). Исправления и дополнения: *ТГУ 358*. С. 351–353 (№ 66).

[1] ..."*познает, яко же познан бе*" – Ср. "познаю, якоже и познан бых" (1 Кор. 13.12).

[2] ..."*несть на лица зрения*"... – Вт. 10, 17.

[3] ...*крестника Драшусова*... – Петр Аполлонович – крестник В.Н. Драшусова. См. примеч. 4 к письму, написанному около 11 марта 1861 г., № 260.

[4] ... *год рождения Александра*... – О рождении Александра (не в 1851 г., а 2 января 1852 г.) см. письмо от 3 января 1852 г., № 77.

[5] ... *Страхов*... – Возможно, Николай Алексеевич Страхов.

[6] ... *третьего моего сына*... – Г. называет Федора "третьим" сыном, видимо, забыв о Владимире (см. примеч. 4 к письму, написанному около 11 марта 1861 г., № 260).

[7] ... "*Сын Человеческий, иже не имать, где главу приклонити*"?... – Ср. Лк. 9.58: "Сын же Человеческий не имать где главу подклонити".

[8] ... *слова, с которым "надобно обращаться честно"*... – Центральная для Г. мысль гоголевских "Выбранных мест из переписки с друзьями". См. примеч. 1 к письму от 7 марта 1847 г., № 19.

[9] ... *Петербург*. – Описка Г. По смыслу должно быть: Оренбург.

[10] *"Норманский период"...* – Имеется в виду книга М.П. Погодина "Норманский период русской истории" (М., 1859).

[11] *... статьи о Белинском?* – "Белинский и отрицательный взгляд в литературе" (Время. 1861. № 4; ц.р. 19 апреля).

[12] *... правда ли слух, пущенный "Сев⟨ерной⟩ пчелою", что Островкий кончил Минина...* – Пьесу "Козьма Захарьич Минин, Сухорук" А.Н. Островский окончил только в декабре 1861 г. 11 сентября 1861 г. "Северная пчела" сообщала: "Новая народная драма г. Островского "Минин" и комедия "Дело" г. Сухово-Кобылина ⟨...⟩ на сцену поставлены не будут, хотя скоро появятся в печати" (№ 200. Петербургское обозрение. С. 820).

267. Н.Н. СТРАХОВУ

23 сентября 1861

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Р. II. Оп. 1. № 88. Л. 14–17.

Впервые опубликовано (с пропусками): *Страхов I.* С. 19–22 (V). См. также *Материалы.* С. 279–282 (№ 116). Впервые полностью: *Воспоминания I.* С. 464–469.

[1] *... Лиэю...* – Лиэй или Лиэос, название Диониса, бога вина и хмеля.

[2] *... "едино есть на потребу"...* – Лк. 10.42.

[3] *Эриннии* – женские божества, гневные, яростные мстительницы, известные у римлян как фурии.

[4] *... начал было я новый курс в несчастном "Русском мире" 1859 года...* – 1859 – описка Г., нужно: 1860. "Русский мир" в 1860 г. – относительно демократическая газета, выходившая два раза в неделю (редактор В.Я. Стоюнин). Г. опубликовал там «После "Грозы" Островского" (№ 5–11; 16 янв. – 6 февр.).

[5] *... Стеньки Разина...* – Так Г. называет А.Е. Разина. Подробнее о "курсе" во "Времени" см. письмо от 15 декабря 1861 г., № 271, и примеч. 4 к нему.

[6] *... в бойком ответе фельетончика "Русского инвалида" на мои "Заметки ненужного человека"...* – Имеется в виду рецензия-фельетон в "Русском инвалиде" (1861, 3 мая) «По поводу статьи "О постепенном, но быстром и повсеместном распространении невежества и безграмотности в российской словесности. (Из заметок ненужного человека)"». Эта статья Г. (Время. 1861. № 3. Отд. IV. С. 39–53) была подписана "Один из многих ненужных людей". Рецензия, подписанная *К.В.*, принадлежала К.А. Варнеке (автор требует заниматься делом, а не хныкать).

[7] *А омерзительное отношение ко мне "Искры"?* – "Искра" неоднократно в течение нескольких лет высмеивала литературные и идеологические увлечения Г., а также оригинальный его стиль, начиная с фельетона В.С. Курочкина "Критик, романтик и лирик" (1860, № 8).

[8] *... статью о Толстом...* – См. примеч. 19 к письму от 12 августа 1861 г., № 263.

[9] *... статью о Писемском...* – Анонимная статья Страхова "Несколько слов о г. Писемском по поводу его сочинений. Т. I. СПб. 1861" была напечатана во "Времени" (1861. № 7; ц.р. 3 июля; вышел 30 июля).

[10] *... "Кузьмы Минина"...* – См. примеч. 12 к письму от 16–17 сентября 1861 г., № 266.

[11] *... Ударил по сердцам с неведомою силой...* – Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина "Ответ анониму" (1830).

[12] *..."журчание этих стихов наполнило окружающий нас воздух"...* – Источник цитаты не обнаружен.

[13] *... (и это тоже вздор).* – Рукой М.Ф. Дубровской приписано: "Нет, не вздор!", а Г. этому справа: "(??)".

268. Н.Н. СТРАХОВУ

19 октября 1861

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Р II. Оп. 1. № 88. Л. 18–20 об.

Впервые опубликовано (с пропусками): *Страхов I*. С. 24–25 (VI). См. также *Материалы*. С. 282–284 (№ 117). Впервые полностью (с купюрами нецензурных слов): *Воспоминания I*. С. 472–474.

1 *... мое последнее, весьма мрачное послание*. – Письмо Г. от 23 сентября 1861 г., № 267.

2 *... статья твоя из Куно Фишера... и Гегеле*. – Имеются в виду: перевод Страхова – "Учение Спинозы о Боге. (Из истории философии Куно Фишера)" (опубл. без подписи) и его статья «Об индюшках и о Гегеле. (Письмо в редакцию "Времени")», подписанная "Н. Кос." (Время. 1861. № 9; ц. р. 1 сентября, вышел 29 сентября).

3 *События, о которых ты пишешь...* – Студенческие волнения и аресты осенью 1861 г.

4 *... собор Вселенский...* – Г., видимо, мечтал о созыве, подобно первым векам новой эры, представителей всех христианских церквей для обсуждения религиозных вопросов.

5 *... М⟨ихаила⟩ И⟨ллариoновича⟩...* – Арестованный 14 сентября 1861 г. М.И. Михайлов не отравился; сосланный на каторгу, он умер там в 1865 г.

6 *Статья о Толстом...* – См. примеч. 19 к письму от 12 августа 1861 г., № 263.

7 *От "Отцов и детей"...* – Роман И.С. Тургенева был напечатан в № 2 "Русского вестника" за 1862 г., но о нем было известно с начала сентября 1861 г.

8 *... от новооткрытых сочинений Гоголя*. – После относительно полного 6-томного собрания сочинений Н.В. Гоголя, выпущенного П.А. Кулишом в 1857 г., сестры писателя подготовили 4-томное собрание (М., 1862), о предстоящем издании которого, возможно, слышал Г. Однако ничего нового это собрание не содержало; лишь в 1867 г. удалось выпустить второе издание, где цензура разрешила опубликовать ранее запрещенные части из "Выбранных мест из переписки с друзьями".

9 *... "ничтоже сумняся"*. – Иаков. 1.6.

269. Н.Н. СТРАХОВУ

23 октября 1861

Печатается по подлиннику: *ЦНБ*. III. 17095.

Впервые опубликовано: *ТГУ 167*. С. 166 (№ 4).

1 *Его смелая статья... 1857 года*. – Статья Я.А. Сахарова "О воспитании в духе народности" появилась в "Молве" (1857. № 27. 12 октября. С. 316–321). Во "Времени" статьи Сахарова не обнаружены.

2 *Статья о Толстом...* – Речь идет о первой статье о Толстом: см. примеч. 19 к письму от 12 августа 1861 г., № 263.

270. Н.Н. СТРАХОВУ

12 декабря 1861

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Р. II. Оп. 1. № 88. Л. 21–24 об.

Впервые опубликовано (с пропусками): *Страхов I*. С. 26–29 (VII). См. также *Материалы*. С. 284–289 (№ 118). Впервые полностью (но с ошибками): *Воспоминания I*. С. 475–480.

[1] ... *статья о Толстом...* – Первая статья о Толстом успела к январскому номеру: см. примеч. 19 к письму от 12 августа 1861 г., № 263.

[2] ... *"Взгляд на отношение современной критики к литературе – vox clamantis in deserto..."* – Почти так и назывался первый отдел в печати: "I. Общий взгляд на отношения современной критики к литературе" с эпиграфом: "Vox clamantis in deserto", т.е. "Глас вопиющего в пустыне" (библейское крылатое выражение: см. Ис. 40, 3; также Мф. 3, 3; Мр. 1, 3; Лк. 3, 4; Ин. 1, 23).

[3] ... *половина 1-й песни "Чайльда Гарольда"*. – Перевод Г. "Странствия Чайльд Гарольда. Роман в стихах лорда Байрона. Песнь первая" появился в № 7 "Времени" за 1862 (ц. р. 11 июля) и подписан "Оренбург, 12 марта 1862 г.".

[4] ... *"работати Богу и Маммоне"...* – Мф. 6.24; также Лк. 16.13.

[5] ... *Гейбеля...* – Г. ошибся, нужно: Геббеля; см. примеч. 3 к письму от 18 июня 1861 г., № 261.

[6] ... *статьей о Державине.* – Статья Д.А. Маслова "Державин – гражданин. Записки Г.Ф. Державина, 1743–1812. М., 1860", появилась в № 10 "Времени" за 1861 г. См. письмо Г. к Маслову от 22 января 1859 г. – № 219.

[7] *Подлые выходки... "Искры" против "Дня"...* – Как только начала выходить славянофильская газета "День" (октябрь 1861 г.), "Искра" стала подвергать ее непрерывному осмеянию: в № 43 (10 ноября) – фельетон В.С. Курочкина "Дни и ночи. Образцы славянофильского витийства и поэтические грезы Тараха Толерансова" (с. 630–631); в № 44 (17 ноября) – обзор Пр. Знаменского (псевдоним В.С. Курочкина) "Новости" (с. 639); в № 45 (24 ноября) – фельетон его же «Газета "День" и Иван Яковлевич Корейша» (с. 653–658); в № 46 (1 декабря) – стихотворение Чернореченского пустынника (псевдоним А.С. Афанасьева-Чужбинского) "Ликование" (с. 672).

[8] ... *дикую, но честную выходку.* – Вероятно, имеется в виду анонимная статья "По поводу журнальной полемики. Повальное недоразумение" (Библиотека для чтения, 1861. № 8). По предположению Б.П. Козьмина, она принадлежит Н.Н. Воскобойникову (см. *Боборыкин П.Д.* Воспоминания. М., 1965. Т. 1. С. 552). Статья направлена против "наглости" Чернышевского.

[9] ... *вскрывают его частную жизнь, блудодеяния и проч.* – В "Искре", где почти в каждом номере содержались издевки над В.И. Аскоченским, были напечатаны два стихотворных выпада с намеками на интимную жизнь литератора: 1) собрание отрывков из ранних стихотворений Аскоченского, сопровождаемое серией карикатур: "Амурные аккорды и скандальные картинки, или Иллюстрированный Аскоченский. (Извлечено из собрания стихотворений Виктора Ипатьевича, изданного в Киеве в 1846 году)" // Искра. 1861. № 41 (27 окт.). С. 596–597; 2) большое стихотворение об Аскоченском (с. 656–658), включенное в фельетон № 45 о "Дне" (см. примеч. 7).

[10] ... *роман Полонского?* – Имеется в виду роман в стихах Я.П. Полонского "Свежее преданье", первые четыре главы которого были тогда опубликованы (Время. 1861. № 6, 7).

[11] ... *перевожу одного из трех последних настоящих поэтов...* – Речь идет о Байроне, чью поэму "Странствия Чайльд Гарольда" Г. тогда переводил.

[12] *Ударит по сердцам с неведомою силой...* – Строка из стихотворения А.С. Пушкина "Ответ анониму" (1830).

[13] ... *вещь истинно-хорошую.* – Оренбургский приятель Г., С.Н. Федоров (писавший в "Искре" под псевдонимом *Буки-Ба*), напечатал "сцены" "Помешанный" в мартовской книжке ж. "Время" за 1862 г.

271. Н.Н. СТРАХОВУ

15 декабря 1861

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Р. II. Оп. 1. № 88. Л. 25–26 об.

Впервые опубликовано (с пропуском): *Страхов I*. С. 30–31 (VIII). См. также *Материалы*. С. 288–289 (№ 119). Впервые полностью: *Воспоминания I*. С. 482–484.

[1] *... обещанные в прошлом письме вещи... при ней записке.* – Г. обещал продолжение первой статьи о Л.Н. Толстом и перевод поэмы Байрона; а третья вещь неизвестна, так же как и записка о ней.

[2] *... продолжение и окончание первой песни "Гарольда"... окончание статьи...* – О переводе "Чайльд Гарольда" и о статье о Л.Н. Толстом, см. примеч. 1 и 3 к предыдущему письму (№ 270) и примеч. 19 к письму от 12 августа 1861 г. (№ 263).

[3] *Вся статья... листа в четыре с небольшим.* – "Вступление" занимает всю первую статью, 29 страниц, т.е. немножно больше 1,75 печатных листов. Вся статья, т.е. первая и вторая статьи, составляет 55 страниц или почти 3,5 печатных листа.

[4] *... продолжение начатого курса... Гоголь и т.д.* – Григорьевский "начатый курс" для ж. "Время" – это цикл статей о народности, который он назвал (в примечании к статье о Лермонтове 1862 г.): "ряд статей о развитии идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина до настоящей минуты". Цикл состоял из четырех статей: "Народность и литература" (1861, № 2), "Западничество в русской литературе. Причины происхождения его и силы" (1861, № 2), "Белинский и отрицательный взгляд в литературе" (1861, № 4), "Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия" (1861, № 5). Пятой статьи, или главы, о Белинском не было. Шестая появилась в октябре 1862 г.: "Лермонтов и его направление. Крайние грани развития отрицательного взгляда. Статья первая. Элементы поэтической деятельности Лермонтова" (Время. 1862. № 10; ц. р. 11 октября).

[5] *... несколько небольших статей за подписью "Ненужного человека".* – В марте 1861 г. уже появилась единственная статья Григорьева во "Времени", подписанная "Ненужным человеком" ("О постепенном, но быстром и повсеместном распространении невежества и безграмотности в российской словесности. (Из заметок ненужного человека)"). Все остальные статьи Г. с такой подписью появились потом в "Якоре" и в "Осе".

[6] *... после "Паризины".* – Перевод Г. поэмы Байрона "Паризина", посвященный Н.А. Некрасову, был напечатан в № 8 "Современника" за 1859 г.

272. Н.Н. СТРАХОВУ

21 декабря 1861

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Р. II. Оп. 1. № 88. Л. 27–28 об.

Впервые опубликовано (с пропусками): *Страхов I*. С. 31–33 (IX). См. также *Материалы*. С. 289–290 (№ 120). Впервые полностью: *Воспоминания I*. С. 485–487.

[1] *... продолжение строф "Гарольда"...* – См. примеч. 3 к письму от 12 декабря 1861 г., № 270.

[2] *... прочел октябрьский № "Записок" и... начало статей Щапова: "Великорусские области во времена междуцарствия"...* – Статья А.П. Щапова: "Великорусские области и Смутное время (1606–1613 г.)" напечатана в "Отечественных записках" (1861. № 10. С. 579–616).

[3] *... г. Маслова...* – См. примеч. 6 к письму от 12 декабря 1861 г., № 270.

[4] *... у Андрея...* – Т. е. у А.А. Краевского в "Отечественных записках".

[5] *... статья Платона Павлова в новом календаре...* – *Павлов П.П.* Тысячелетие России (Академический месяцеслов, 1862 г.).

[6] ... *в "Блевотике"*?? – Т.е. в журнале "Библиотека для чтения". Хроника-пьеса Островского "Козьма Захарович Минин, Сухорук" появилась в "Современнике" (1862. № 1).
[7] ... *положит его на весы, как Бренн меч, и скажет: Vae victis!* – См. *Тит Ливий*. История Рима от основания города, кн. V, 48, 8–9 (М., 1989. Т. 1. С. 276. – Памятники исторической мысли).

1862

273. Н.Н. СТРАХОВУ

19 января 1862

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Р. II. Оп. 1. № 88. Л. 29–31 об.

Впервые опубликовано (с пропуском): *Страхов I*. С. 33–36 (X). См. также *Материалы*. С. 291–293 (№ 121). Впервые полностью (но с купюрами нецензурных выражений): *Воспоминания I*. С. 488–492).

[1] ... *с концом статьи о Толстом и с строфами "Гарольда" до 78-й включительно*. – См. примеч. 19 к письму от 12 августа 1861 г. (№ 263) и примеч. 3 к письму от 12 декабря 1861 г. (№ 270).
[2] *Прилагаемая у сего афишка*... – В *Воспоминаниях I* (с. 488–489) напечатан текст афиши о публичных лекциях Г. о Пушкине, которые состоялись в Оренбурге 27 и 30 декабря 1861 г., 2 и 7 января 1862. г.
[3] ... *отплатить этому обществу за помощь, мне раз оказанную*. – См. письмо Г. в Комитет Литературного фонда от 30 апреля 1860 г. и расписку о получении денег 3 мая 1860 г. (№ 238, 239).
[4] *Генерал-губернатор*... – А.П. Безак.
[5] ... *"Reisebilder"*... – Книга очерков Г. Гейне (1824).
[6] ... *"иде же Дух Господень – ту свобода"*... – 2 Кор. 3.17.
[7] *"Се зде Христос или инде!"* – Мф. 24. 23.

274. Н.Н. СТРАХОВУ

12 марта 1862

Печатается по подлиннику: *ЦНБ*. III. 17096.
Впервые опубликовано: *ТГУ 167*. С. 167. № 5.

[1] ... *"Гарольд"*... – См. примеч. 3 к письму от 12 декабря 1861 г. (№ 270).
[2] ... *статью о "Минине"*. – Статья появилась под заглавием: "По поводу одного, мало замечаемого современною критикою явления. Письмо из Оренбурга к Н. Косице. Письмо первое" (Якорь. 1863. № 2. С. 21–25).

275. Н.Н. СТРАХОВУ

20 марта 1862

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Р. II. Оп. 1. № 88. Л. 32–35 об.

Впервые опубликовано (с пропусками): *Страхов I*. С. 37–39 (XI). См. также *Материалы*. С. 293–297 (№ 122). Впервые полностью (но с купюрами нецензурных слов): *Воспоминания I*. С. 493–499.

[1] ... *устюжской "барышни"* ... – М.Ф. Дубровской.

[2] ... *вставали они в душе... не потерявшие... своих прав над душою...* – Воспоминания о Л.Я. Визард.

[3] ... *К детям?... К отцу?...* – Мысли Г. об отце и детях выражены подробно в письме к Погодину от 16–17 сентября 1861 г. (№ 266).

[4] *Больше сея любви ничто же есть, аще кто душу свою положит за други своя...* – Ср. Иоан. 15, 13: "болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя".

[5] ... *в доме Логинова...* – Дом И.Л. Логинова на Невском пр.

[6] ... *приходил советовать мне бросить все это...* – Об этом визите Эдельсона к Г. см. его письмо к Эдельсону от декабря 1859 – января 1860 г. (№ 234).

[7] ... *да не "Минин"...* – О пьесе А.Н. Островского и о статье Г. о нем см. примеч. 12 к письму от 16–17 сентября 1861 г. (№ 266) и примеч. 2 к предыдущему письму (№ 274).

[8] ... *за "Гарольда"*. – См. примеч. 3 к письму от 12 декабря 1861 г. (№ 270).

[9] *Не купит ли "Пчела"... с вычетом моего ей долга?* – По-видимому, Г. взял денег вперед в редакции "Северной пчелы" больше, чем заработал статьей "Несколько замечаний о значении и устройстве долговых отделений. (Посвящается всем имевшим и имеющим малолестную участь сидеть в одном из таковых)" // Северная пчела. 1861. № 92. 27 апреля. С. 569–570.

[10] *Оно послано неделю назад*. – Т.е. с предудыщим письмом (от 12 марта 1862 г., № 274).

276. А.А. КРАЕВСКОМУ

2 июня 1862

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 391 (А.А. Краевский). Ед. хр. 301. Л. 7–8.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 298 (№ 123).

[1] ... *занимался переводом Байронова "Чайльда Гарольда"... отделал 1-ю песню...* – См. письмо от 12 декабря 1861 г. (№ 270), примеч. 3.

[2] ... *поэму Мицкевича "Тадеуш"...* – Поэма А. Мицкевича "Pan Tadeusz. Пан Тадеуш. Поэма. Пер. Н. Берг" печаталась в "Отечественных записках" (1862, № 4–8).

277. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА "ВРЕМЯ"

8 сентября 1862

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. 29.683 / CCXI б. 3. Л. 3–4.

Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 299 (№ 124).

Датируется по содержанию: в письме речь идет о второй статье о Толстом (см. примеч. 1); суббота перед датой ц. р. 14 сентября 1862 г. приходилась на 8 сентября.

[1] ... *хлопочите, чтобы статью не испохабила цензура*. – Статья Г. "Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения. Статья вторая. Литературная деятельность графа Л. Толстого" // Время. 1862. № 9; ц. р. 14 сентября.

[2] ...*у Ерошки...* – См. примеч. 5 к письму от 18 июня 1861 г., № 261.

1863

278. Л.Н. ТОЛСТОМУ

6 января 1863

Печатается по подлиннику: *ГМТ*. Ф. I. 145 / 55. Л. 1–2 об. Адрес на обороте написан рукой не Г.

Впервые опубликовано: Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Изд. 2-е. М., 1978. Т. 2. С. 150–151.

Известно лишь это одно письмо Г. к Л.Н. Толстому. И встречались они, вероятно, не более двух раз – 18 мая 1856 г., что отмечено в дневнике Толстого (см. примеч. 10 к письму от 19 сентября 1856 г., № 156), и 3 ноября 1856 г. Первая встреча произошла на подмосковской даче в Кунцеве, которую снимал В.П. Боткин (см. комментарий к письму от июля 1856 г., № 151); 12 декабря 1856 г. Г. писал Дружинину о "жаркой беседе, которая была у нас с Вами и Толстым в Кунцове" (см. письмо № 157). О второй встрече Толстой записал в дневнике: "Обедал у Боткина. Григорьев и Островский, я старался оскорбить их убеждения" (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 47. С. 98).

Г. в целом восторженно, лишь с отдельными оговорками, отзывался о творчестве Толстого, хотя и не дожил до появления его крупных романов. Подробную характеристику писателя Г. дал в статье из двух частей "Граф Л. Толстой и его сочинения" (1862). Толстой же сдержанно относился к деятельности Г. В письме к Н.Н. Страхову от 1–2 января 1876 г. он спорил с адресатом, делившим людей на деятельных и пассивных: "Виноват, но я слышу тут отголосок неудавшейся мысли Григорьева о хищных и смирных типах, которой я никогда не понимал. Самое деление неправильно. Противуположное смирному есть бунтующий или горящий, но не хищный. Главное же, самая мысль неверна... Кто пашет, сеет, нанимает, торгует, распределяет деньги, ездит, набирает солдат, командует, главное, рожает и воспитывает себе подобных и лучших? Все недеятельные, пассивные люди. Это совсем, совсем неверно" (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Юбилейное. Т. 62 С. 236–237). Подробнее о взаимоотношениях Г. и Л.Н. Толстого см.: *Lazari A.* Wczesna twórczość Lwa Tołstoja w ocenie Ap. Grigorjewa // Lew Tołstoj – pisarz i myśliciel. Łódż, 1978. S. 75–83; *Емельянов Л.И.* Герои Толстого в историко-литературной концепции Аполлона Григорьева // Л.Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979. С. 158–172.

[1] *... у Вас есть роман...* – Речь идет о "Казаках". Толстой не отдал свою повесть в журнал "Время"; она была опубликована в "Русском вестнике" М.Н. Каткова (1863, № 1).

279. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

До 14 февраля 1863

Печатается впервые, по подлиннику: *РГИА*. Ф. 777. Оп. 2. 1863 г. Д. 24. Л. 3.

Прошение внесено в дело 14-го февраля (за № 95), следовательно, оно написано незадолго до 14-го. Григорьеву ответили 21 февраля 1863 г., что министр внутренних дел разрешил и новое название и редакцию Г. (л. 4).

[1] *Редактор соединенного журнала "Театральный и музыкальный вестник с драматическим сборником"...* – Т.е. Ф.Т. Стелловский.

280. В РЕДАКЦИЮ “ВРЕМЕНИ”

27 февраля 1863

Печатается впервые, по подлиннику: *РГБ*. Ф. 93/II. Достоевские, 2, 123. Л. 1.
Письмо на печатном бланке; рукой Г. вписаны слова: “Времени”, дата и его подпись.

Единственное сохранившееся официальное письмо не отражает многолетних драматических взаимоотношений Г. и М.М. Достоевского, писателя, критика, журналиста, основателя, вместе с братом Федором, журналов “Время” и “Эпоха”. В целом доброжелательно относясь друг к другу, Г. и М.М. Достоевский заметно расходились мировоззренчески: последний, как и его брат, в начале 1860-х годов (см. комментарий к письму от 1 февраля 1861 г., № 258) достаточно сдержанно, если не сказать – негативно, относился к славянофилам и готов был изымать строки из статей Г., посвященные положительным характеристикам А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, а также религиозного мыслителя о. Феодора (Бухарева): см. об этом в письме Г. к Н.Н. Страхову от 18 июня 1861 г. (№ 261). Однако Г. посвятил М.М. Достоевскому “Мои литературные и нравственные скитальчества” как вдохновителю, уговорившему Г. писать воспоминания.

[1] Внизу, другой рукой написано: “Ответ о согласии послан за № 33 марта 1-го”.

281. Н.Н. СТРАХОВУ

7 марта 1863

Печатается по тексту первой публикации, с поправками Р.В. Иванова-Разумника (*Воспоминания I*).
Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: *Страхов I*. С. 41. См. также *Материалы*. С. 299 (№ 125). С поправками: *Воспоминания I*. С. 507.

282. Н.Н. СТРАХОВУ

14 или 21 марта 1863

Печатается по подлиннику: *ЦНБ*. III. 17097.
Впервые опубликовано: *ТГУ 167*. С. 167 (№ 6).
Датируется предположительно, по содержанию: написано, вероятно, вскоре после разрыва с М.Ф. Дубровской, который произошел после 9 марта 1863 г. (см. ее письмо к Страхову от того же числа // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 139. С. 348), а ближайшие четверги после 9-го приходились на 14 и 21 марта.

283. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

30 мая или 1 июня 1863

Печатается впервые, по подлиннику: *РГИА*. Ф. 777. Оп. 2. 1863 г. Д. 24. Л. 7.
Внесено в дело под № 255 за 30 мая 1863 г. (хотя самое письмо имеет дату 1 июня). Возможно, Г. ошибся в датировке. Санкт-Петербургский Цензурный комитет в письме от 5 июня 1863 г. известил, что министр внутренних дел удовлетворил просьбы Г.

284. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

27 июня 1863

Печатается впервые, по подлиннику: *РГИА*. Ф. 777. Оп. 2. 1863 г. Д. 24. Л. 9.

Внесено в дело под № 300 за 28 июня 1863 г.

Внизу на этом же листе написано: “Разрешения г. Министра, согласно представлению СПб. ц⟨ензурного⟩ к⟨омите⟩та 9 июля 1863 г., не последовало. За секретаря (подпись)”.

[1] *Предстоящие мне... согласие*. – Текст прошения написан рукой писаря.
[2] *Коллежский... Григорьев*. – Подписано рукой Г.

285. В.Р. ЗОТОВУ

16 августа 1863

Печатается впервые, по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 548 (В.Р. Зотов). Оп. 1. № 124.

Официальное письмо с оттенком пренебрежения характеризует отношение Г. к В.Р. Зотову, либеральному критику, публицисту, журналисту, в 1863 г. редактору еженедельной петербургской “Иллюстрированной газеты”: Зотов “прославился” многолетней травлей А.Н. Островского; весьма отрицательно отзывался он и о критической деятельности Г. (например, в статьях “Санктпетербургских ведомостей” 1855 г. – он был там ведущим критиком). Подробнее о нем см.: *Егоров Б.Ф.* В.Р. Зотов – критик и публицист 1850-х гг. // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1959. Вып. 78. С. 107–132.

286. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

До 18 сентября 1863

Печатается впервые, по подлиннику: *РГИА*. Ф. 777. Оп. 2. 1863 г. Д. 24. Л. 10.

В Прошении нет даты. Внесено в дело № 450 за 18 сентября 1863 г. Прошение написано рукой Г., В.В. Крестовский подписал свое имя. В конце листа помета (без подписи); “Отказано по докладу Г.М.В.Д. 30 сент. 1863 г.”.

287. Ф.Т. СТЕЛЛОВСКОМУ

20 октября 1863 г.

Печатается впервые, по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 2743 (П.А. Ламм). Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 12.

Известны два письма Г. (настоящее и от 5 февраля 1864 г., № 291) к издателю Ф.Т. Стелловскому – и оба они официальные: взаимоотношения Г. с адресатом были сугубо деловые. Стелловский покупал у Г., как и у других писателей, произведения “на корню”, следовательно, весьма дешево, выгодно их потом издавая и продавая. Кроме того, Стелловский был издателем журналов, редактируемых Г.: “Драматический сборник” (годы редакции Г. – 1860–1861) и “Якорь” с сатирическим приложением “Оса” (1863–1864).

[1] ... *мною переведенные на русский язык нижеследующие либретто опер...* – Перечисляемые далее либретто опер в переводе Г. были изданы в 1862–1864 гг. В 1862 г.: "Эрнани" (ц. р. 16 ноября) и "Бал-маскарад" Дж. Верди, "Фиделио" Л. ван Бетховена (ц. р. 12 октября), "Осада Гента, или Испанцы во Фландрии" Дж. Мейербера, "Граф Ори" Дж. Россини; в 1863 г.: "Роберт-Дьявол" Дж. Мейербера, "Лучия де Ламмермур" Г. Доницетти, "Сила судьбы" Дж. Верди, "Фауст" Ш. Гуно, "Фаворитка" Г. Доницетти (ц. р. 15 октября), "Фиорина, или Швейцарская девушка" К. Педротти, "Дон Пасквале" Г. Доницетти; в 1864 г.: "Ченерентола" Дж. Россини. Публикации либретто опер "Севильский цирюльник" и "Вильгельм Телль" Дж. Россини, "Анна Болена" Г. Доницетти остаются неизвестными.
[2] ... *подписуюсь.* – Подпись рукой Г.

288. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

30 октября 1863

Печатается впервые, по подлиннику: *РГИА*. Ф. 777. Оп. 2. 1863 г. Д. 24. Л. 18. Текст "Объявления" и дата написаны рукой писаря. Слова: «Редактор журнала "Якорь" и сатирического листка "Оса" коллежский асессор Аполлон Александров Григорьев» – И.П. рукой Г.; "Издатель... Стелловский" – рукой Ф.Т. Стелловского.

Внесено в дело 2 ноября 1863 г. под № 537.

289. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

1 декабря 1863

Печатается впервые, по подлиннику: *РГИА*. Ф. 777. Оп. 2. 1863 г. Д. 24. Л. 19. Прошение и дата написаны неизвестным лицом. "Коллежский асессор Аполлóн Григорьев" – рукой Г.; "я же Бочаров... мое согласие" и "Надворный советник Иван Бочаров" – рукой И.П. Бочарова.

Внесено в дело 3 декабря 1863 г. под № 615. На л. 20 от 12 декабря 1863 г. излагается согласие министра внутренних дел на данное прошение.

290. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

31 декабря 1863

Печатается впервые, по подлиннику: *РГИА*. Ф. 777. Оп. 2. 1863 г. Д. 24. Л. 23.

Г. отвечает на запрос: на каком основании объявлена подписка на ж. "Оса"? Отдельно этот журнал не был разрешен.

1864

291. Ф.Т. СТЕЛЛОВСКОМУ

5 февраля 1864

Печатается впервые, по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 2743 (П.А. Ламм). Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 14.

Расписка писарской рукой; подпись рукой самого Г.

[1] ... *"Линда де Шамуни", музыка Доницетти...* – Перевод был опубликован в 1864 г. (ц. р. 9 мая).

[2] ... *"Белая дама", музыка Боэльдье...* – Опубликован в 1864 г.

292. И.Ф. ГОРБУНОВУ

1862 (сентября) или 1864 (апрель)

Печатается по тексту первой публикации: *Горбунов И.Ф.* Соч. СПб., 1907. Т. 3. Ч. 2. С. 70. См. также: *Материалы*. С. 302 (№ 130). Автограф неизвестен.

Датируется условно: по всей вероятности, речь в письме идет или о статье 1862 г. "Русский театр. Современное состояние драматургии и сцены. Статья вторая" (Время. № 10; ц. р. 14 сентября 1862 г.) или о статье 1864 г. "Русский театр в Петербурге. II. Длинные, но печальные рассуждения о нашей драматургии и о наших драматургах с воздаянием чести и хвалы каждому по заслугам" (Эпоха. № 3; ц. р. 23 апреля 1864 г.), которые являются "вторыми" в циклах статей о театре. Ранее "вторая" статья о театре была напечатана еще в 1851 г. ("Летопись московского театра. (А. Григорьева). II. Г. Полтавцев в ролях Гамлета, Гюга Бидерманна и Чацкого" – Москвитянин, № 15), по-видимому, до знакомства Г. с Горбуновым.

В первой половине 1850-х годов Иван Федорович Горбунов, будущий известный актер и тогда уже известный рассказчик, входил в "молодую редакцию" "Москвитянина" (он оставил о той поре интересные "Отрывки из воспоминаний": *Горбунов И.Ф.* Соч. СПб., 1901. Т. 2. С. 553–608), и Г. был с ним "запанибрата". Горбунов исполнял под гитару романсы и, переделав на свой лад "Цыганскую венгерку" Г., чуть ли не присвоил ее авторство: она, в горбуновском варианте, включалась впоследствии в собрания сочинений актера, что вызвало протесты; подробно историю этих публикаций и их последующих "разоблачений" см.: *Егоров Б.Ф.* Ап. Григорьев // Русская литература и фольклор. (Вторая половина XIX в.). Л., 1982. С. 280–281.

293. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

23 мая 1864

Печатается впервые, по подлиннику: *РГИА*. Ф. 777. Оп. 2. 1863 г. Д. 24. Л. 24.

Внесено в дело 23 мая 1864 г., под № 322.

На прошении написано: "Отказать. 26 мая".

[1] *Сим имею честь... Ф. Стелловский.* – Предложение написано рукою Ф.Т. Стелловского.

294. Н.Н. СТРАХОВУ

8 июня 1864

Печатается по подлиннику: *ЦНБ* III. 17098.
Впервые опубликовано: *ТГУ 167*. С. 167 (№ 7).

[1] *Милый Спиноза!* – Обращение к Страхову как к "Спинозе" вызвано, очевидно, тем, что он напечатал статью под названием "Жизнь Спинозы. (Из истории новой философии Куно Фишера)" // Светоч. 1861. № 9.
[2] ... *"Записок"* ... – Г. имеет в виду свои воспоминания "Мои литературные и нравственные скитальчества", большая часть которых уже была опубликована (Время. 1862. № 11, 12; Эпоха. 1864. № 3; ц. р. 23 апреля), а последние главы появятся, с подзаголовком "Запоздалые струи", в № 5 "Эпохи" за 1864 (ц. р. 7 июля).
[3] ... *статью о Щедрине и обличительной литературе вообще*... – Такая статья не была напечатана.
[4] ... *"Губ⟨ернские⟩ оч⟨ерки⟩" и "Сатиры в прозе"* ... – Г. просит прислать отдельные издания книг М.Е. Салтыкова-Щедрина: "Губернские очерки" (Т. 1 и 2. СПб., 1857; или новое издание: СПб., 1864) и "Сатиры в прозе" (СПб., 1863).
[5] *Партитура "Роберта" и мой печатный экземпляр его перевода*... – "Роберт-Дьявол. Опера в 5-и действиях. Музыка Мейербера. Либретто Скриба и Делявиня. Перевод А. Григорьева". Санкт-Петербург, 1863 (ц. р. 18 июля).

295. Н.В. МИХНО

Июнь или июль 1864

Печатается по тексту первой публикации: некрологическая заметка Н.В. Михно "А.А. Григорьев" // Русская сцена. 1864. № 9. С. 70; ц. р. 24 октября. См. также *Материалы*. С. 300 (№ 127).
Автограф неизвестен.
Датируется по содержанию и связи с предыдущим письмом.

Это единственное известное письмо Г. к Николаю Васильевичу Михно, драматургу, переводчику, издателю-редактору театрального ежемесячного журнала в Петербурге "Русская сцена" (1864–1865).

[1] ... *отделываю для вас "Ромео и Джульетту"* ... – "Ромео и Джульетта, трагедия Виллиама Шекспира, перевод с английского, с примечаниями А.А. Григорьева" // Русская сцена. 1864. № 4; ц.р. 24 сентября.
[2] ... *лихая статья в виде дружининского послесловия к "Лиру"*. – Речь идет об "Этюде" А.В. Дружинина, т.е. его предисловии к своему переводу шекспировского "Короля Лира" (Современник. 1856. № 12). К переводу же "Ромео и Джульетта" Г. напечатал только стихотворное послесловие: "Post-scriptum переводчика" (Русская сцена. 1864. № 4. С. 259).

296. А.Н. ОСТРОВСКОМУ

7 июля 1864

Печатается впервые, по подлиннику: *РНБ*. Ф. 6 (Д.В. Аверкиев). № 45. Л. 1.

Единственное сохранившееся письмо Г. к Александру Николаевичу Островскому совершенно не отражает творческого и психологического богатства и разнообразия их многолетних дружеских отношений, особенно интенсивных в период "молодой редакции" "Москвитянина" (1851–1855). Восторженное и литературно-критически новаторское отношение Г. к таланту драматурга отражено в его статьях "О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене" (Москвитянин. 1855. № 3; запрещенная цензурой вторая часть статьи – "Ежегодник петроградских гос. театров", сезон 1918–1919. Пг., 1922), «После "Грозы" Островского» (Русский мир. 1860. № 5, 6), и многих других.

По предположению А.Л. Осповата (см. его статью "Первый отзыв об А.Н. Островском?" // Театр. 1978. № 11. С. 74–76), Г. еще в 1846 г. узнал раннюю редакцию "Банкрута" ("Свои люди – сочтемся!") и предсказал будущий успех "молодого автора" в обзоре "Русская драма и русская сцена" // Репертуар и пантеон. 1846. № 10. С. 8–10.

Личное знакомство Г. с Островским произошло, по предположению А.И. Ревякина и Л.Р. Когана, в редакции "Московского городского листка" в начале 1847 г. (см. *Коган Л.Р.* Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. М., 1953. С. 27), но дружба возникла не сразу: лишь в 1850 г. Г. вошел в кружок Островского, и тогда они вместе составили ядро "молодой редакции" "Москвитянина". Последующие дружеские взаимоотношения драматурга с Г., и личные, и литературные, иногда ослабевали, в связи с отъездами Г. из Москвы, но не прекращались до смерти критика.

Об их личных и творческих связях, помимо соответствующих разделов в общих работах о драматурге и критике, см.: *Мейерович Е.Г.* Аполлон Григорьев – критик Островского // Театр. 1940. № 10. С. 144–154; *Марчик А.П.* Творчество Островского в оценке Аполлона Григорьева // Наследие А.Н. Островского и советская культура. М., 1974. С. 138–153. Существует обширная исследовательская литература о "молодой редакции" "Москвитянина"; новейший труд, с подробной библиографией предшествующих работ: *Whittaker R.* The Ostrovskii-Grigor'ev circle alias the "Young Editors" of the "Moskvitianin" (Canadian-American Slavic Studies. T. 24. 1990. N 4. P. 385–412).

297. Е.Н. ЭДЕЛЬСОНУ

10 июля 1864

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 1205 (Е.Н. Эдельсон). Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 24. Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 299–300 (№ 126).

1 *... статья Павлова (П.В.), напечатанная в календаре прошлого года.* – См. примеч. 5 к письму от 21 декабря 1861 г., № 272.

2 *... книжку "Боборыкиниады", где... "Отелло" в переводе Вейнберга... Там же... три твоих статьи.* – Г. имеет в виду книжку "Библиотеки для чтения", где опубликованы: "Отелло. Венецианский мавр. Трагедия в 5 д. Пер. П.И. Вейнберга" (1864. Апрель-май. Отд. VI. С. 1–160) и три рецензии Эдельсона: "Призраки (фантазия). Ив. Тургенева", "Рой-Феодосий Савич на спокое. Г-жи Кохановской", "Марево. Роман В.П. Клюшникова" (отд. XVIII. С. 1–25).

298. Н.Н. СТРАХОВУ

26 июля 1864

Печатается по подлиннику: *ЦНБ*. III. 17099.
Впервые опубликовано: *ТГУ 167*. С. 168–169 (№ 8).

[1] *Покойник...* – М.М. Достоевский скончался 10 июня 1864 г.
[2] *... статью о Григоровиче... "Отжившие писатели"*. – Статья Г. «Отживающие в литературе явления. Prolegomena. Д.В. Григорович. Два генерала. Эпизод из романа ("Русск. вестник", 1864 г.)» была опубликована: Эпоха. 1864. № 7; ц. р. 19 сентября.
[3] *... поскорее писал письмо об органической критике*. – К этому времени письмо первое статьи Г. "Парадоксы органической критики. (Письма к Ф.М. Достоевскому). I. Органический взгляд и его основной принцип" уже было опубликовано (Эпоха. 1864. № 5; ц. р. 7 июля), и Г. работал над "Письмом вторым" (напечатан в № 6 "Эпохи" за 1864 г.; ц. р. 20 августа).
[4] *Один...* – Над этим словом стоит крестик, обозначающий покойника (М.М. Достоевского? но, судя по содержанию отзывов, к М.М. относится слово "другой").
[5] *Под статьею о театре я подписал "Дача Тарасовка"*. – Статья Г. "Русский театр в Петербурге. Об одной из причин безнадежного состояния нашей сцены" (Эпоха. 1864. № 6).

299. Н.Н. СТРАХОВУ

30 или 31 июля 1864

Печатается по подлиннику: *ЦНБ*. III. 17100.
Впервые опубликовано: *ТГУ 167*. С. 169 (№ 9).
Г. допустил описку в дате: письмо могло быть написано в четверг 30 июля или в пятницу 31-го.

[1] *... либо пьяный*. – Н.Н. Страхов писал брату 22 февраля 1864 г.: "Григорьев пьет без перерыва" (*ЛН*. Т. 86. С. 394).
[2] *Пишу статью*. – Неизвестно, какая статья имеется в виду, возможно, "Письмо второе" статьи "Парадоксы органической критики" (см. примеч. 3 к предыдущему письму, № 298); не исключено, однако, что Ф.М. Достоевскому не понравилась неизвестная статья, и она не попала в печать, как случилось с третьим письмом об органической критике (см. примеч. 1 к письму от 24 или 25 августа 1864 г., № 302).
[3] *... прошу... с Иваном Алексеевичем разъяснить оренбургские дела*. – С И.А. Шестаковым (см. предыдущее письмо, № 298).

300. И.Д. БЕЛЯЕВУ

22 августа 1864

Печатается впервые, по подлиннику: *РНБ*. Ф. 6 (Д.В. Аверкиев). № 46. Л. 1.

Адресат единственного сохранившегося письма Г. к нему – Иван Дмитриевич Беляев, историк, правовед, архивист, старший коллега Г. по участию в ж. "Москвитянин", с 1852 г. – профессор Московского университета по кафедре истории русского законодательства. Г. относился к нему, близкому к старшим славянофилам и Погодину, достаточно сдержанно (см., например, письмо Г. к Погодину, написанное около апреля 1857 г., № 167, и письмо от 4 августа 1859 г., № 228).

Доброжелательный к молодым литераторам, Г. всячески стремился представить своего младшего коллегу по “Эпохе” Д.В. Аверкиева именитым знакомым (см. также письмо от 7 июля 1864 г., № 296).

301. Ф.М. ДОСТОЕВСКОМУ

23 августа 1864

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. 29.683/CCXI б. 3. Л. 5–6.
Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 300–301 (№ 128).

[1] ... *инсталлирование*... – размещение, поселение (от *фр*. installer).

302. Ф.М. ДОСТОЕВСКОМУ

24 или 25 августа 1864

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. 29.683/CCXI б. 3. Л. 7–8.
Впервые опубликовано: *Материалы*. С. 301 (№ 129).

Датируется по содержанию: речь в письме идет о выходе ж. “Эпоха” со второй статьей Г. об органической критике (ц. р. 20 августа); она была напечатана в № 6 “Эпохи”, который вышел 30 августа, когда Г. еще сидел в долговом отделении. Письмо написано несомненно после письма к Ф.М. Достоевскому от 23 августа (воскресенье), последний четверг до выхода № 6 “Эпохи” приходился на 27 августа, следовательно, настоящее письмо могло быть написано 24 или 25 августа.

[1] *Третье письмо об органической критике... в четверг*. – Третья статья об органической критике в печати не появилась, хотя, возможно, и была написана.

303. Н.Н. СТРАХОВУ

3 сентября 1864

Печатается по подлиннику: *ЦНБ*, III. 17101.
Впервые опубликовано: *ТГУ 167*. С. 169–170 (№ 10).

[1] *“Записки” мои считал... интересными покойник... и буду писать*... – Речь идет о неосуществленном продолжении воспоминаний Г. “Мои нравственные и литературные скитальчества”. *Покойник* – М.М. Достоевский.
[2] ... *критик*... – Т.е. Д.В. Аверкиев.

304. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

15 сентября 1864

Печатается впервые, по подлиннику: *РГИА*. Ф. 777. Оп. 2. 1863 г. Д. 24. Л. 28.

Это прошение от редакции “Якоря” принесено в Комитет 23 сентября 1864 г. вместе с прошением от Ф.Т. Стелловского утвердить редактором журнала Н.И. Шульгина, что было разрешено 21 октября.

Прошение написано неизвестной рукой. Подпись отличается от подписи и почерка Г. по неровности линий и не похожа на обычные его подписи (возможно, подпись была сделана за него кем-то другим).

305. Д.Н. БЛУДОВУ

Без даты

Печатается впервые, по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 408 (собр. А.К. Кареевой). № 31. Л. 1.

Письмо не поддается датировке, так как неизвестно, что собирался Г. преподнести графу Дмитрию Николаевичу Блудову, в 1840-х годах – члену Государственного совета, с 1855 г. – президенту Академии наук, с 1862 г. – председателю Государственного совета и Комитета министров: сборник стихотворений 1846 г.? переводы из Шекспира? журналы со статьей или статьями Г.?

[1] ... *Вашему благородному покровительству* ⟨...⟩ – Письмо не окончено. Внизу, другой рукой, написано: “Его сия-ву графу Д.Н. Блудову”.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Б	*Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1907.
Воспоминания I	*Григорьев Аполлон.* Воспоминания / Под ред. Р.В. Иванова-Разумника. "Памятники литературного быта". М.; Л., "Academia", 1930.
Воспоминания II	*Григорьев Аполлон.* Воспоминания / Изд. подготовил Б.Ф. Егоров. М., "Наука", 1988. ("Литературные памятники").
ГИМ	Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (Москва).
ГМТ	Государственный музей Л.Н. Толстого. Отдел рукописей (Москва).
Избр. произв.	*Григорьев Аполлон.* Избранные произведения / Под ред. П.П. Громова и Б.О. Костелянца. Л., 1959. "Библиотека поэта" (Большая серия).
ИРЛИ	Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург).
Летописи	Письма к А.В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и комментарий П.С. Попова. (Гос. литературный музей. Летописи, кн. 9.) М., 1948.
ЛН	"Литературное наследство"
Материалы	Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии / Под ред. В.Н. Княжнина. Петроград, 1917.
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
РГИА	Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
РНБ	Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
Страхов I	*Страхов Н.Н.* Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве (Эпоха. 1864. № 9).
Страхов II	*Страхов Н.Н.* Новые письма Аполлона Григорьева (Эпоха. 1865. № 2).
ТГУ 167	*Егоров Б.Ф.* Переписка Ап. Григорьева с Н. Н. Страховым // Учен. зап. Тартуского государственного ун-та. 1965. № 167. Труды по русской и славянской филологии. VIII.

ТГУ 306	*Егоров Б.Ф.* Письма Ап. Григорьева к М.П. Погодину. 1855–1857 гг. // Учен. зап. Тартуского государственного ун-та. 1973. № 306. Труды по русской и славянской филологии. XXI.
ТГУ 358	*Егоров Б.Ф.* Письма Ап. Григорьева к М.П. Погодину. 1857–1863 гг. // Учен. зап. Тартуского государственного ун-та. 1975. № 358. Труды по русской и славянской филологии. XXIV.
ц.р.	цензурное разрешение
ЦИАМ	Центральный исторический архив Москвы.
ЦНБ	Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук Украины (Киев).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Имена, упоминаемые только в разделе “Приложения”, в указатель не включены.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

Научное издание

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

ПИСЬМА

Утверждено к печати
Редколлегией серии
"Литературные памятники"

Заведующая редакцией
"Наука–культура" *А.И. Кучинская*
Редактор *Е.В. Белова*
Художник *Б.И. Астафьев*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,*
Е.Л. Сысоева

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 21.05.99
Формат 70×90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 36,42. Усл.кр.-отт. 38,2. Уч.-изд.л. 41,11
Тираж 1150 экз. Тип. зак. 840

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА” ВЫШЛИ КНИГИ:

ВИДЬЯПАТИ. ИСПЫТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА.
(Сер. “Литературные памятники”).

24 л.

Видьяпати – индийский поэт и прозаик XV в., занимающий почетное место в истории южноазиатской словесности, но сравнительно малоизвестный в России. Подобно Данте и Петрарке Видьяпати творил на новом языке – майтхили и на языке классическом – санскрите. “Испытание человека” (“Пуруша–парикша”) – сборник коротких повествований (новелл, сказок, притч, анекдотов) на санскрите, написанных прозой со стихотворными вставками. Это своего рода “малая энциклопедия” индийской культуры XV в. Настоящее издание содержит полный перевод “Испытания человека” на европейский язык (с обширными комментариями) и сопроводительную статью, в которой анализируются проблемы интерпретации памятника в общем контексте понимания индийской литературы и культуры.

Для специалистов-индологов и читателей, интересующихся восточной литературой.

INDOARIKA В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ.
О.Н. Трубачев

27 л.

Монография раскрывает перед читателем реликты языка, этноса, культуры древнего южного региона и представляет целое направление в науке, новую ветвь о названиях мест и имен людей (их в книге более 300).

Для специалистов по сравнительному языкознанию и истории индоевропейских народов, всех интересующихся древностями Юга нашей страны.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА” ГОТОВЯТСЯ КНИГИ:

КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЫ: XVII ВЕК. 30 л.

XVII век – граница между средневековьем и новым временем. Культура Москвы – квинтэссенция культуры всего государства. Сборник освещает состояние образования, размах книгопечатания, новые явления в прикладном искусстве, архитектуре, повседневной жизни Москвы XVII в.

Для историков, археологов, филологов, архитекторов, широкого круга читателей.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА.

17 л.

В книге предпринята попытка более широкого, чем обычно, подхода к диалогу как особому социокультурному феномену, имеющему сложную структуру, феномену, многофункциональному по своему характеру. Ставится задача измерения и определения диалога и его природы как средства общения и воспроизводства субъектов культуры. В работе приводится исторический матерала о диалоге в городе и города как организующего фактора культурного пространства диалога.

Для историков, социологов, социолингвистов, психологов, культурологов и всех интересующихся проблемами культуры, города, диалога.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга—почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой")
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой")
660049 Красноярск, проспект Мира, 84
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117383 Москва, Мичуринский проспект, 12
103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4
630200 Новосибирск, ул. Восход, 15, комн. 508б
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой")
142292 Пущино Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой")
443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой")
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в издательство по адресу:
117864, Москва, ул. Профсоюзная, 90;
тел. (095) 334-98-59
